Д-ръ ВЕГНЕРЪ

РИМЪ

ИЗДАНІЕ

Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ

Биб. № 121.

Римскій консулъ.
(Античная статуя).

РИМЪ

ИСТОРІЯ И КУЛЬТУРА РИМСКАГО НАРОДА ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ДРЕВНОСТИ И ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ

СОЧИНЕНІЕ

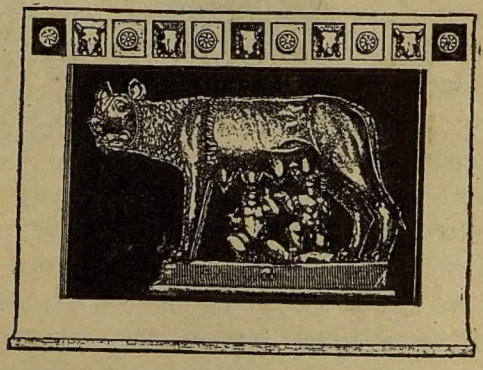
Д-ра ВИЛЬГЕЛЬМА ВЕГНЕРА

ИСПРАВЛЕННОЕ И ЗНАЧИТЕЛЬНО ДОПОЛНЕННОЕ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

ПРОФЕССОРА В. И. МОДЕСТОВА

ИЗДАНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ



ТОМЪ ПЕРВЫЙ

Съ 171 рисункомъ и одною картою

ИЗДАНІЕ

Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Гост. Дворъ, 18 и Невскій, 13

МОСКВА
Кузнецк. М., 12 и Охотн., 22.

ПЕЧАТЬ ТИПОГРАФІИ
Т-ва М·О·ВОЛЬФЪ
С-ПЕТЕРБУРГЪ · ВАС·ОСТР·16 ЛИНІЯ СОБ·ДОМЪ

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
КОЛЛЕКЦИЯ РЕДКИХ КНИГ
Инв.№ 393

ПРЕДИСЛОВІЕ

КЪ РУССКОМУ ИЗДАНІЮ.

РИМЪ!... Какимъ отдаленнымъ, но великимъ и блестящимъ прошлымъ звучитъ это слово для каждаго, кого интересуютъ минувшія судьбы человѣчества, кто въ ничѣмъ незамѣнимыхъ урокахъ исторіи прошлаго видитъ единственный ключъ къ правильному пониманію настоящаго! Ни одно государство въ мірѣ не оставило въ исторіи человѣческаго развитія такого яркаго слѣда по себѣ, ни одно не завѣщало потомству такого огромнаго культурнаго наслѣдства, какъ древній Римъ. Въ этомъ смыслѣ, значеніе древняго Рима въ великой общей сокровищницѣ знаній, двигающихъ человѣчество впередъ, можно назвать поистинѣ колоссальнымъ. Неудивительно поэтому, что знакомство съ исторіей Римскаго народа полно глубокаго и поучительнаго интереса; мало того: оно должно составлять непремѣнную обязанность каждаго истинно-образованнаго человѣка, стремящагося отнестись сознательно къ окружающей его дѣйствительности.

Историческій ростъ и развитіе Рима были не только блестящи, но и, дѣйствительно, безпримѣрны въ исторіи. Военный поселокъ, зародившійся въ половинѣ VIII вѣка до Р. Хр.

изъ пастушескихъ хижинъ на Палатинѣ, превратился мало-помалу во всемірный городъ, въ культурный центръ всего древняго міра. А его скромная въ началѣ исторіи узкая прибрежная территорія развилась на протяженіи столѣтій въ огромнѣйшую и могущественнѣйшую имперію съ сотнею милліоновъ жителей, сдѣлавшись—по выраженію галльскаго поэта Рутилія Наматіана—однимъ общимъ отечествомъ для всѣхъ народовъ, населявшихъ въ то время земной шаръ. Какими гигантскими шагами совершался этотъ ростъ, можно видѣть уже изъ одного бѣглаго указанія тѣхъ историческихъ „вѣхъ“, какими отличалось историческое развитіе Рима. Меньше, чѣмъ черезъ 500 лѣтъ послѣ своего основанія, онъ былъ уже главою всей Италіи; прошло еще сто лѣтъ,—и Римъ сдѣлался полнымъ хозяиномъ на берегахъ Средиземнаго моря, сталъ твердою ногой въ Малой Азіи и Сѣверной Африкѣ, покорилъ Грецію, стеръ съ лица земли ненавистный ему Карѳагенъ, попытавшійся-было остановить движеніе его побѣдоносной колесницы. Можно сказать, что черезъ шесть вѣковъ послѣ заселенія Палатинскаго холма латинскими выходцами, весь историческій міръ того времени уже лежалъ покоренный у ногъ Рима, приступившаго тогда къ другой — еще болѣе грандіозной задачѣ—къ ассимиляціи варварскаго міра съ греко-римскимъ, къ сліянію ихъ въ одну великую Римскую Имперію.

Ясно, что народъ, на долю котораго выпало играть такую колоссальную роль въ исторіи, не могъ быть обыкновеннымъ народомъ, похожимъ на всѣ другіе народы. Для того, чтобы Римъ достигъ всемірнаго владычества, должны были быть особенныя причины и условія. Вопросы о томъ, чѣмъ именно это безпримѣрное въ исторіи государственное развитіе было обусловлено, что главнымъ образомъ содѣйствовало ему, занимали умы изслѣдователей и ученыхъ еще въ древнее время, продолжаютъ занимать ихъ и въ наши дни. Но подходить къ исторіи этого народа, чтобы понять ея истинный смыслъ и значеніе, надо во всеоружіи современнаго знанія, а не съ тѣми, не выдерживающими никакой серьезной критики предразсудками старыхъ историческихъ школъ, которые не исчезли еще и въ настоящее время.

За послѣднюю половину только-что истекшаго XIX вѣка филологія установила несомнѣнную связь народовъ и религій грекоримскаго міра съ новыми культурными народами земного шара; открытія и изслѣдованія, сдѣланныя археологической наукой, дали возможность проникнуть въ самыя интимныя стороны римской жизни, имѣвшей такое огромное вліяніе на жизнь западноевропейскихъ народовъ, а черезъ нихъ — и русскаго. Надписи, игравшія въ жизни римскаго народа приблизительно такую же роль, какую играютъ въ наше время газеты и журналы, возстановили до мельчайшихъ подробностей многія детали общественнаго устройства и обыденной жизни римлянъ. Политико-экономическія науки, достигшія въ новѣйшее время такихъ большихъ успѣховъ въ своемъ развитіи, невольно заставляютъ современныхъ ученыхъ останавливаться на такихъ условіяхъ исторической жизни народовъ, которыя никогда не занимали ни Тита Ливія, ни Тацита. Наконецъ, философія исторіи,—наука, почти совершенно неизвѣстная прежнимъ историкамъ, стремится прослѣдить и изслѣдовать эволюцію идей и вѣрованій, преемственная смѣна которыхъ другъ другомъ и составляетъ въ сущности весь историческій процессъ въ ходѣ поступательнаго развитія человѣчества.

Таковы сложныя и далеко нелегкія обязанности современнаго историка, желающаго быть на высотѣ своей науки въ данный историческій моментъ. Знаменитая книга Вегнера „Римъ“ вполнѣ удовлетворяетъ этимъ требованіямъ. Его изслѣдованіе уже давно отнесено критикой къ разряду классическихъ трудовъ и пользуется громкой извѣстностью, какъ одна изъ лучшихъ книгъ по исторіи римскаго народа. Къ числу ея выдающихся достоинствъ относится и то, что она въ высшей степени удачно соединяетъ въ себѣ строгую научность содержанія съ увлекательностью его изложенія.

Рисунки, которые помѣщены въ настоящемъ изданіи, не имѣютъ ничего общаго ни съ фантазіей, ни съ воображеніемъ. Они лишь воспроизводятъ тѣ документы, которые хранятся въ различныхъ историческихъ музеяхъ Европы: статуи, бюсты, ме-

дали, живопись, вазы, найденныя въ некрополяхъ, разные предметы искусства, отысканные въ древнихъ гробницахъ. Затѣмъ, имѣются рисунки, снятые на мѣстѣ: виды руинъ, театровъ военныхъ дѣйствій и т. п.

Издатели.

ОТЪ РЕДАКТОРА ПЕРЕВОДА.

НАДѢЮСЬ, что въ настоящемъ переводѣ, мною тщательно просмотрѣнномъ, переработанная въ новомъ изданіи (6-мъ) рядомъ спеціалистовъ хорошая книга Вегнера будетъ читаться русскимъ обществомъ не только съ пользой, но и съ удовольствіемъ. Она даетъ, говоря вообще, вѣрную картину жизни древняго Рима, и если въ ней есть слабая часть, то это начальная исторія великаго города, которая до сихъ поръ еще не разработана наукой на основаніи тѣхъ данныхъ, какія представляются новѣйшими археологическими раскопками, требующими однако продолженія еще на многіе годы. Все остальное изложено ясно и твердою рукой. При скудости нашей отечественной литературы, относящейся къ древнему міру, такая книга должна считаться очень цѣнною.

Въ правописаніи собственныхъ именъ я старался, по мѣрѣ возможности, не насиловать установившихся формъ въ нашей литературѣ, позволяя себѣ исправлять ихъ только по отношенію къ менѣе извѣстнымъ именамъ. Исключеніе составляетъ лишь слово Кесарь (кесари), обычное у насъ правописаніе котораго Цезарь (цезари), усвоенное нами отъ нѣмцевъ и поляковъ, по моему мнѣнію, не разъ заявленному раньше, не должно быть терпимо не только по филологическимъ основаніямъ, но и по противорѣчію нашему исконному правописанію, продолжавшемуся до XVIII вѣка включительно.

В. Модестовъ.

Рамка составлена по мотивамъ горельефовъ изъ кампанскихъ коллекцій.

ДРЕВНЯЯ ИТАЛІЯ

СТРАНА

ПРОСТРАНСТВО и положеніе Италіи. Страна Италія, названіе которой обозначаетъ страну быковъ, крупнаго скота, и, исходя отъ южной оконечности, лишь мало-по-малу установилось для нынѣшняго объема даннаго понятія, простирается на протяженіи 1,025 km (944 верстъ) отъ южныхъ склоновъ Альпъ до мысовъ Спартивенто и делль-Армі на Мессинскомъ проливѣ. Кромѣ того, къ Италіи слѣдуетъ причислять также большіе острова: — Сицилію, Сардинію, французскую Корсику и нѣсколько меньшихъ острововъ и островныхъ группъ. Ширина материка съ запада на востокъ составляетъ на сѣверѣ, въ долинѣ По, 780 km (731 вер.), въ срединѣ и на югѣ страны она колеблется между 350 и 150 km (338 и 141 версты). Длина береговой линіи материка — 3,657 km (3,428 верстъ), острововъ — 3,128 km (2,932 версты). Нынѣшнее королевство Италія обнимаетъ площадь въ 286,589 qkm, изъ которыхъ около 50,000 qkm приходится на острова.

Италійскій или, какъ онъ называется обыкновенно по важ-

нѣйшему горному хребту, Апеннинскій полуостровъ есть средній изъ трехъ большихъ полуостроковъ европейскаго материка, вдающихся на югъ въ Средиземное море. Въ самомъ дѣлѣ, въ разныхъ отношеніяхъ онъ по преимуществу обнаруживаетъ средній характеръ. Италія не можетъ равняться съ своимъ восточнымъ братомъ, Балканскимъ полуостровомъ, богатствомъ и разнообразіемъ расчлененія береговъ, но побережье ея не тянется и съ такой неизмѣнной прямолинейностью, какъ испанское. Италія не представляетъ вѣчно яснаго неба и эѳирнотонкаго воздуха Греціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и рѣзкой смѣны жары и холода и убійственной засухи Пиренейскаго полуострова. Но въ одномъ отношеніи Италія обладаетъ значительнымъ преимуществомъ какъ передъ Испаніей, такъ и передъ Грецією, именно въ своемъ вертикальномъ расчлененіи. Въ то время какъ Пиренейскій полуостровъ крутыми поперечными горами раздѣляется на извѣстное число параллельныхъ полосъ, а Грція рѣшетчатой системой горъ на много изолированныхъ котловинъ или кантоновъ, въ Италіи нѣтъ горныхъ хребтовъ, тянущихся съ запада на востокъ, которые бы задерживали сношенія юга съ сѣверомъ.

Дѣло въ томъ, что Апеннины, естественный хребетъ страны, обхвативъ Генуэзскій заливъ, въ общемъ тянутся въ южномъ направленіи къ Мессинскому проливу и оставляютъ вдоль западнаго побережья, какъ и вдоль восточнаго, достаточно пространства для сношеній и обмѣна между всѣми частями страны. Какъ благопріятное свойство положенія Италіи нужно отмѣтить то, что охватывающая сѣверъ ея Альпійская цѣпь задерживаетъ суровые вѣтры, но ничуть не иммиграцію съ сѣвера, которая скорѣе даже облегчена многочисленными удобными проходами, какъ и то, что близость Греціи очень рано, по крайней мѣрѣ югу Италіи, доставила возможность въ выдающейся мѣрѣ принять участіе въ благахъ греческой культуры.

Море и береговыя области. Четыре болѣе крупныя части Средиземнаго моря окружаютъ материковую Италію съ принадлежащими къ ней островами: Лигурійское и Тирренское моря на западѣ, Іонійское—на югѣ и Адріатическое—на востокѣ. Лигурійское море достигаетъ въ Генуэзскомъ заливѣ своей наиболѣе сѣверной линіи и здѣсь образовало восхитительную Ривьеру-ди-Поненте, гдѣ подъ защитой расположенныхъ на сѣверѣ горныхъ стѣнъ и вѣчно мяг-

КАМПАНСКАЯ РАВНИНА.
Образецъ равнины, созданной вулканическими силами

каго морского климата теперь произрастаютъ почти всѣ растенія подъ-тропической зоны: апельсины, лимоны, даже нѣкоторые виды пальмы. Побережье Лигурскаго моря насчитываетъ три важныхъ порта: Геную, почти на верхней точкѣ залива, Спецію въ узкой бухтѣ на восточномъ концѣ залива и Ливорно въ наносной области Арно. Острова Корсика и Эльба отдѣляютъ Лигурійское море отъ Тирренскаго, замыкаемаго кромѣ того Сардиніей, Сициліей и южно- и средне-италійскимъ западнымъ побережьемъ. Берегъ Тирренскаго моря тянется сначала безъ значительнаго расчлененія, слѣдовательно и безъ выдающихся гаваней (Чивитавеккія и Остія — искусственнаго устройства), до Цирцейскаго мыса. Возлѣ берега разстилаются, мало-по-малу расширяясь къ югу, равнины Тосканская и Латинская. Равнины эти, а также къ югу отъ нихъ расположенная Кампанская, существенно обязаны своимъ возникновеніемъ вліянію вулканическихъ силъ, дѣйствовавшихъ отъ мыса Арджентаріо въ Этруріи до самого Сорренто (на Неаполитанскомъ заливѣ) и выбрасывавшихъ лаву, пепелъ и камни въ море такими массами, что изъ этого подъ нивеллирующемъ вліяніемъ воды возникли цѣлыя наслоенія туфа. По этимъ наслоеніямъ туфа потомъ, когда море отступило отъ береговъ, рѣки и ручьи, ниспадавшіе съ горъ, прорыли себѣ безчисленные желобы и ущелья и чрезъ это создали изолированныя туфовыя плоскогорья, отлично годившіяся для постройки городовъ. Особенно такая формація страны находится въ Этруріи и въ Лаціумѣ, и она не мало содѣйствовала быстрому развитію городской культуры. Но кромѣ того болѣе легкіе и рыхлые виды туфа, вывѣтриваясь, создали земляную почву, отлично пригодную для хлѣбопашества, виноградниковъ и древесныхъ насажденій, въ то время какъ болѣе твердые его сорта особенно такъ называемый пеперинъ (lapis piperinus, lapis Albanus, названный такъ потому, что онъ расположенъ вокругъ Альбанскаго озера толщиною въ 200—300 m) и золотистаго цвѣта травертинъ (lapis Tiburtinus), добывавшійся и добываемый у Тиволи (Тибура), доставляли превосходный по прочности и все-таки легкій для обработки матеріалъ для постройки стѣнъ, домовъ и дворцовъ.

Большая половина Латинской равнины, приблизительно отъ Антія до Таррачины, наполнена пользующимися дурной славой Понтинскими болотами. Вмѣсто осѣдлыхъ людей въ этой

ВОДОПАДЪ ВЪ ТЕРНИ.
Образецъ мѣстности въ Средней Италіи.

болотистой области встрѣчаются громадныя стада дикихъ буйволовъ съ широко раздвинутыми, смѣло изогнутыми рогами, длиной почти въ метръ. Въ окрестностяхъ Чистерны, Конки и Кампо Морто, „гдѣ не преслѣдуютъ даже убійцы, если ищетъ тамъ спасенія“, ихъ укрощаютъ полудикіе пастухи копьемъ и лассо. Кромѣ этихъ пастуховъ, мучимыхъ также маларіей, не встрѣтишь въ пустынѣ ни души. Но глазу Понтинскія болота представляютъ превосходнѣйшую лѣсную глушь, какую можно себѣ представить. „Растительность — тропической пышности. Плющъ обвивается вокругъ исполинскихъ стволовъ дубовъ, стоящихъ одинъ подлѣ другого, и въ удивленіи я остановился передъ этимъ явленіемъ, никогда еще невиданнымъ въ такой величественности. Плющевая лоза здѣсь сама толщиной въ древесный стволъ; въ такомъ видѣ она обхватываетъ величественный дубъ, съ силой обвивается вокругъ него, подобно змѣѣ Лаокоонта, съежается, точно хочетъ вырвать съ корнями огромный стволъ изъ земли и задушить въ геркулесовскомъ объятіи, а тысячу зеленыхъ сучьевъ, вѣтвей и пляшущихъ лозъ она оставляетъ ниспадающими въ вакхическомъ безпорядкѣ и продолжаетъ плести и вязать свои петли сквозь всѣ суковатыя и лиственныя вѣтви дубовъ до озаренной солнцемъ макушки, вокругъ которой летаютъ дикія лѣсныя птицы...

Къ юго-востоку отъ Цирцейскаго мыса открывается обширный заливъ Гаэтскій, южная половина котораго образуетъ прекрасную плодоносную равнину Кампанскую, длиной въ 90 km (84 версты), шириной въ 15—30 km (14—28 верстъ), бывшую морскую бухту, вдававшуюся въ Апеннины и заполненную вулканическою дѣятельностью. Затѣмъ къ югу слѣдуетъ болѣе узкій, но глубже врѣзающійся въ страну заливъ Неаполитанскій, красивѣйшая часть Тирренскаго берегового ландшафта, на богато расчлененныхъ берегахъ котораго уже въ древности образовался цѣлый кругъ очаровательныхъ мѣстностей, и среди нихъ несравненно расположенный Неаполь, и теперь еще все возрастающій, постепенно развился до многолюднѣйшаго города всей Италіи. Обитать въ этомъ раю, правда, было небезопасно: угрожающе господствуетъ надъ всей областью зловѣщій конусъ Везувія [вышиной въ 1,280 m], который уже часто стиралъ съ лица земли цѣлые города и обширныя насажденія подъ мрач-

нымъ саваномъ непельныхъ дождей и потоковъ лавы, и глухой ропотъ котораго все еще вноситъ въ самую средину цвѣтущей жизни угрозу смерти. Затѣмъ слѣдуетъ заливъ Салернскій, очертаніями своими похожій на Генуэзскій. Начиная отсюда, побережье, не считая заливовъ Поликастро и Эвфеміи, имѣющихъ мало значенія для мореплаванія, по преимуществу круто и не имѣетъ гаваней, такъ какъ горы совсѣмъ близко подступаютъ къ морю.

БАЙИ.
Видъ на морской берегъ и храмъ Нептуна. Образецъ береговой мѣстности въ южной Италіи.

Тотъ же характеръ, въ общемъ, имѣетъ и восточный берегъ Калабріи на Іонійскомъ морѣ, не считая нѣкогда столь плодоносной прибрежной равнины городовъ Котроне (Кротона) и Сибари (Сибариса); лишь къ сѣверу отъ послѣдняго города снова открывается чудный заливъ, самый большой на всемъ итальянскомъ побережьи, заливъ Тарентскій, который, имѣя у входа ширину въ 130 km (122 версты), съуживается къ сѣверу, разсѣкаетъ остовъ итальянскаго материка на два полуострова, Калабрію и

Апулію, а въ самой внутренней своей части образовалъ два великолѣпныхъ морскихъ бассейна, между которыми на выступающемъ къ сѣверо-западу полуостровѣ возникъ городъ Тарентъ. Омываемое Адріатическимъ моремъ восточное побережье Италіи — по ту сторону мыса Santa Maria di Leuca—въ общемъ гораздо менѣе расчленено и потому бѣднѣе гаванями, чѣмъ западное побережье, но въ лицѣ Апуліи оно обладаетъ длинною и довольно также широкою равниной, одинаково пригодною для земледѣлія и скотоводства. Изъ портовъ назовемъ только Бриндизи (древній Брундизій), нынѣ снова ставшій причальнымъ мѣстомъ весьма многихъ пароходныхъ линій, идущихъ на востокъ, Анкону (что значитъ крюкъ, потому что городъ расположенъ у крючкообразнаго изгиба берега), центръ сношеній съ противолежащимъ истрійскимъ и далматскимъ побережьемъ, и, наконецъ, тихую, мечтательную Венецію, лежащую въ лагунахъ, къ сѣверу отъ устья Эча (Адидже).

Внутренность страны. Важнѣйшую часть внутренней Италіи безъ сомнѣнія составляетъ большая, орошаемая рѣкою По, Ломбардская низменность между Альпами и Апеннинами. Она вмѣстѣ съ окружающими ее горными хребтами обнимаетъ почти половину Италійскаго материка. Первоначально на мѣстѣ этой низменности находился заливъ Адріи, изъ котораго вода постепенно отступала передъ массами земли, сносившимися съ гребня Альпъ ледниками, а впослѣдствіи потоками и ручьями. Особенно многоводный По продолжаетъ еще каждый годъ выдвигать свою дельту дальше въ море и произвелъ то, что, напр., берегъ у Равенны за одно столѣтіе увеличился на 250 m. (117 саж.) къ востоку. Другія альпійскія рѣки заполнили выдолбленные прежними ледниками фьорды у южной подошвы Альпъ прѣсными озерами: такъ, Тичино (Ticinus)—Лаго Маджоре (lacus Verbanus), Адда (Addua) — Комское озеро (lacus Larius), Минчо (Mincius)—Гардское озеро (lacus Benacus). Плодородная наносная почва созданной рѣками равнины въ древнѣйшее время покрыта была густыми дубовыми лѣсами и непроходимыми болотами, но съ теченіемъ вѣковъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ въ третьемъ вѣкѣ до Р. Хр. римскіе крестьяне начали колонизацію страны, болота были людскимъ трудомъ осушены и защищены отъ разлитія рѣкъ дамбами. Теперь Верхнеиталійская низменность принадлежитъ къ наилучше воздѣланнымъ краямъ земли. „Одна и та же пашня производитъ пита-

тельный маисъ, благодатную маслину и шелковичное дерево, по которому вьется вверхъ благородная виноградная лоза, отягченная ягодами".

Свойства и характеръ внутренней части Италіи къ югу отъ равнины По опредѣлены Апеннинскимъ хребтомъ. Главный

ГРАНЪ-САССО.
Образецъ высокой горной мѣстности въ Италіи.

хребетъ этихъ горъ начинается у Монте делло Скьяво у Савоны и простирается, охватывая сначала по направленію къ востоку Генуэзскій заливъ, затѣмъ опоясывая плоскою, направленною на юговостокъ, дугой Тирренское море, приблизительно на 1,600 km (1,500 верстъ) до южной оконечности Италіи. Въ то время какъ

во всей Средней Италіи гребень этихъ горъ, средняя высота котораго колеблется между 1,000 и 1,800 m (3,280—5,905 фут.), проходитъ такъ близко отъ восточнаго берега, что онъ довольно круто спускается къ морю и для развитія равнинъ остается мало мѣста, на западѣ онъ спускается съ большею постепенностью, болѣе широкими ступенями и создаетъ здѣсь роскошныя, далеко простирающіяся и постепенно ниспадающія долины и широкія полосы годной для обработки земли. Этимъ западу въ Средней Италіи напередъ была указана первая роль въ историческомъ развитіи и преобладаніе на востокѣ. Въ Нижней Италіи, начиная отъ Салернскаго залива, отношеніе это перевертывается: холмистой странѣ, постепенно спускающейся отъ гребня на востокъ къ равнинѣ Апуліи, какъ и самой этой равнинѣ, указано было быстрое развитіе и прежде всего задача точно исполинскою рукой, протянутою на востокъ, принимать греческихъ поселенцевъ и греческую культуру; здѣсь рядомъ съ приморскими городами—Брундизіемъ, Гидруптомъ, Каллиполемъ, Тарентомъ, Гераклеей—возникли и внутренніе города въ большомъ количествѣ.

Но еще болѣе важною для развитія вообще Италіи стала внутренняя часть Средней Италіи отъ источниковъ Магры (Macra) до Силара, арена собственно италійскихъ племенъ, область съ величайшимъ разнообразіемъ почвы и климата. Въ то время какъ—мы начинаемъ съ сѣвера этой области—вокругъ громаднаго Монте Чимоне (2,167 m = 8,110 фут.), между Лигурійскими и Тоскэнскими Апеннинами, разбросаны всѣ ужасы высокихъ горъ, на юго-западъ отъ этой области къ берегу спускается богатое минералами, во многихъ мѣстахъ воздѣланное подобно саду, прорѣзанное рѣкой Арно Тосканское холмогорье, мѣсто ранняго городского развитія этрусскихъ общинъ, преимущественно на скалистыхъ плоскогорьяхъ этой области. Къ Тосканскимъ Апеннинамъ, начиная отъ источниковъ Тибра, примыкаютъ Умбрскіе и Умбрская возвышенность до рѣки Тронто (Truentus). Передъ этой суровой линіей гребней расположено къ юго-западу, между лѣвымъ берегомъ Тибра и его обоими восточными притоками Кьязіо и Нерой, оживленное „восхитительными холмами, оливковыми рощами, смѣющимися долинами“ Умбрское холмогорье, а передъ послѣднимъ—прелестныя области южной Этруріи и сѣвернаго Лаціума. Линія гребней къ югу продолжается

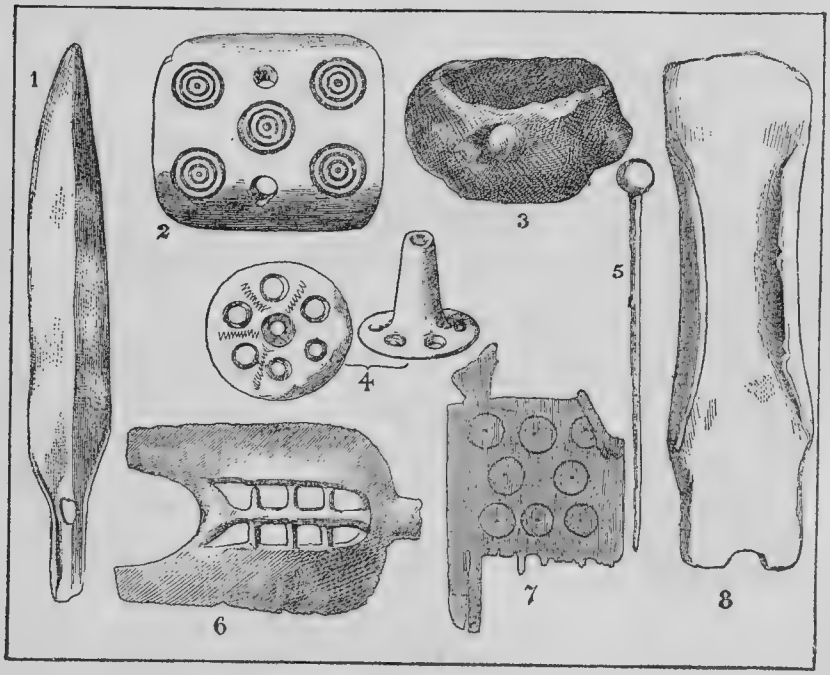
грандіознымъ сабелльскимъ горнымъ четырехугольникомъ Абруцовъ. Здѣсь находится возвышенная долина верхняго Атерно, замыкаемая на сѣверѣ Монте Терминилло (2,213 m=7,260 фут.), на востокѣ Гранъ-Сассо (2,921 m=3,583 ф.), на югѣ Маеллой (2,793 m=9,164 ф.) и на западѣ Монте Велино (2,487 m=8,160 ф.). Куполообразно вздымающіяся вершины этихъ горныхъ цѣпей большую часть года бываютъ покрыты снѣгомъ, жизнь на крутыхъ склонахъ требуетъ постоянной борьбы съ суровой природой, между тѣмъ какъ лежащія болѣе къ западу Сабинскія и Герникскія горы имѣютъ характеръ горъ средней вышины, а расположенныя на разстояніи лишь нѣсколькихъ миль отсюда прибрежныя равнины развертываютъ всѣ прелести южнаго ландшафта. Еще рѣзче контрастъ между Самнитской возвышенностью, въ которую расширяются Апеннины къ югу отъ долины Сангро, и смѣющимися полями Кампаніи. Эти, соединенные на тѣсномъ пространствѣ, контрасты между вѣчнозеленой морской зопой, плодоноснымъ холмогорьемъ и суровой областью лѣсовъ и скалъ должны были выразиться въ исторіи Италіи: они опредѣлили безпрерывныя, вырабатывавшія силу взаимныя распри италійскихъ племенъ за прекраснѣйшія и богатѣйшія пастбища, поля и жилища. „Кто когда-либо спускался съ покрытой снѣгомъ возвышенности Самнитской и Луканской, когда сѣверный вѣтеръ мчится по гребнямъ горъ, тряся всего путника, къ освѣщеннымъ солнцемъ берегамъ Тирренскаго моря, зеленѣющимъ въ вѣчной веснѣ, тотъ найдетъ понятнымъ, какъ эквы и вольски, самниты и луканцы и какъ они еще тамъ назывались, другія племена Апенниновъ, безпрестанно нападали на равнину подобно хищнымъ звѣрямъ, которыхъ холодъ и голодъ побуждаютъ къ нападенію на дворы“.

НАРОДЫ ИТАЛІИ И ИХЪ ДРЕВНѢЙШАЯ ИСТОРІЯ.

Лигуры и Этруски. Ни одна страна Европы своимъ положеніемъ не манитъ такъ къ иммиграціи, какъ Италія. Ея протяженное туловище дѣлитъ Средиземное море на западный и восточный бассейны и поэтому очень легко достижимо изъ всѣхъ прочихъ приморскихъ странъ; громадное

протяженіе ея береговъ дѣлаетъ почти невозможнымъ отраженіе народа, являющагося моремъ; а съ сѣвера иммиграція сушею также облегчается многочисленными удобными Альпійскими проходами. Поэтому Италія вѣроятно задолго до историческаго времени была цѣлью народныхъ передвиженій. Древнѣйшимъ населеніемъ страны, о которомъ мы имѣемъ свѣдѣнія, были лигуры, которые прежде бродили въ качествѣ рыбаковъ и охотниковъ по покрытой лѣсомъ и многочисленными озерами и болотами странѣ отъ береговъ названнаго по нхъ имени Лигурійскаго моря на западъ за самую Рону, можетъ-быть, до Пиренеевъ (баски имъ родственны), а на востокъ далеко во внутрь равнины По, и лишь постепенно чрезъ распространеніе болѣе сильныхъ племенъ были ограничены береговой и горной полосой между Ниццой и Луной. Къ востоку отъ лигуровъ на равнинѣ По до самаго устья По и къ югу отъ нихъ въ долинѣ Арно и за нею еще до Больсенскаго озера, а впослѣдствіи почти до нижняго Тибра сидѣлъ интересный этрусскій народъ, одна изъ труднѣйшихъ загадокъ исторіи. Какого вида были эти этруски — то были широкоплечіе, широкоголовые, черноволосые люди дюжаго тѣлосложенія и съ чертами лица иноземнаго характера,—это мы знаемъ изъ исполненныхъ съ реальной точностью изображеній на ихъ саркофагахъ и другихъ памятникахъ; но гдѣ слѣдуетъ искать ихъ родины, и къ какой принадлежатъ они семьѣ народовъ, этого мы не знаемъ и не будемъ знать, пока еще не разобранъ языкъ этрусскихъ надписей. Одни считаютъ ихъ семитическимъ народомъ морскихъ разбойниковъ, пришедшимъ изъ Азіи воднымъ путемъ, другіе—вѣтвью того населенія Италіи, которое было тамъ до индо-европейцевъ (см. ниже), значитъ родственными лигурамъ. Какой-бы изъ этихъ (или другихъ) взглядовъ ни былъ правиленъ, во всякомъ случаѣ этруски, несмотря на большое сходство въ матерьяльной культурѣ, фигурой, языкомъ и обычаями такъ сильно отличались отъ такъ называемыхъ италійскихъ племенъ (см. ниже), что они являются среди нихъ чужеземцами. Они, должно быть, весьма рано ѣздили по морю, ибо уже въ 13 вѣкѣ до Р. Хр. они являются рядомъ съ сардинцами (Шардана) среди народовъ, „отъ странъ моря“, грабившихъ при царѣ Менептѣ (около 1250 до Р. Хр.), Египетъ и поступавшихъ также въ качествѣ наемниковъ на египетскую службу. Въ египетскихъ на-

мятникахъ они называются Турша [1]). Сами они позже называли себя Разенами. У умбровъ они назывались турсками, у латинянъ этрусками или тусками, откуда и произошло названіе ихъ главной страны Этруріи или Тусціи (позже Тоскана). У грековъ они назывались турсенами, тирсенами или тирренцами; море, на ко-



РАЗЛИЧНЫЕ ПРЕДМЕТЫ ИЗЪ СВАЙНЫХЪ ДЕРЕВЕНЬ ДОЛИНЫ ПО.

1. Бронзовый ножъ.—2. Костяная обдѣлка для пояса.—3. Глиняная чашка.—4. Костяное украшеніе.—5. Бронзовая игла.—6. Бронзовая бритва.—7. Костяной гребень 8. Бронзовый топоръ.

торомъ они долгое время господствовали, по нимъ и донынѣ называется Тирренскимъ.

---

[1]) Думать, что Турша (Tursha, Turusha или просто Turscha, какъ пишетъ нѣмецкій авторъ) были италійскіе этруски, нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Египетскіе памятники имѣютъ въ виду какой-либо мало-азійскій народъ. Вообще представленіе автора объ этрускахъ сбивчивы. Да и Шардана египетскихъ памятниковъ едва-ли были сардинцами, т.-е. колонистами о-ва Сардиніи въ XIII—XIV в. до Р. Хр.

Примѣчаніе редактора перевода.

Иммиграція индо-европейскихъ племенъ; древнѣйшая италійская культура. Въ доисторическое время черезъ низменные сѣверо-восточные проходы Альпъ приходили въ Италію новыя народныя массы, оспаривая у лигуровъ и этрусковъ (?) важныя части страны. То были племена явившихся на западъ индоевропейцевъ. Дѣло въ томъ, что изъ неизвѣстной намъ родины въ Средней Азіи отъ большого индо-европейскаго или, какъ его также называютъ, индо-германскаго прапарода отдѣлились отдѣльныя вѣтви и стали распространяться на югъ или на западъ. Такъ возникли народы персидскій и индійскій въ Азіи; но другая сильная

БРОНЗОВЫЯ ВАЗЫ, НАЙДЕННЫЯ ВЪ БОЛОНЬѢ.

вѣтвь, разбившаяся на много отраслей, продолжала движеніе на западъ сухимъ путемъ и достигла Европы. Одна отрасль этой вѣтви на сѣверѣ Балканскаго полуострова повернула на югъ и сдѣлалась матерью греческихъ племенъ; другая отрасль чрезъ низменные проходы восточныхъ Альпъ (напр. проходъ Тарвисъ—783 m = 2569 фут.) проникла въ Италію и развѣтвилась тамъ понемногу на различныя италійскія племена, третья же, отъ которой произошли кельты, продолжая движеніе на западъ, достигла Атлантическаго океана и наполнила поселенцами нынѣшнюю Францію, Англію, часть Испаніи и южной Германіи; за этими кельтами позже пришли германцы, а за германцами послѣдними переселенцами арійской расы пришли славяне. Для насъ здѣсь ближайшимъ образомъ имѣютъ значеніе только тѣ

индоевропейскія племена, которыя изъ Альпъ проникли на югъ, въ Италію. Мы называемъ ихъ просто италиками, потому что впослѣдствіи они главнымъ образомъ опредѣлили исторію страны.

Длинной вереницей на грубо сколоченныхъ телѣгахъ они везли съ собой женъ и дѣтей и самую необходимую утварь; возлѣ телѣги бѣжалъ вѣрный песъ, шелъ отощавшій отъ долгаго странствованія крупный скотъ. А рука мужчинъ была вооружена дальнобойной стрѣлой и лукомъ, тяжелымъ метательнымъ копьемъ

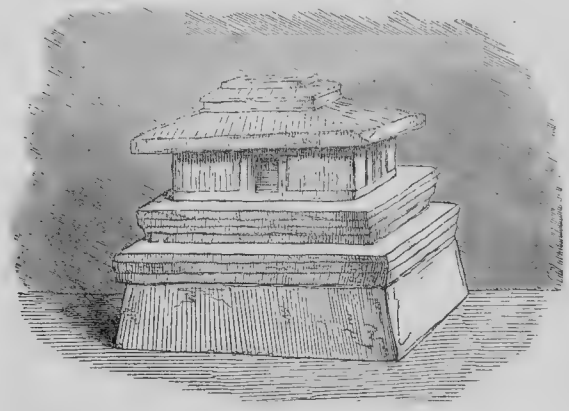
ЭТРУССКАЯ ГРОБНИЦА.

и хорошо отточеннымъ каменнымъ топоромъ: такъ оттѣсняли они выступавшія имъ навстрѣчу дружины лигуровъ и этрусковъ [1]) на западъ или на сѣверъ въ сѣверныя долины Альпъ. Но лишь сравнительно мелкія части италиковъ остались въ равнинѣ По;

[1]) Считать этрусковъ переселившимися на Апеннинскій полуостровъ раньше италиковъ несообразно ни съ данными допсторической археологіи, по которымъ этруски являются позже всѣхъ другихъ переселенцевъ въ сѣверной и средней Италіи, ни съ преданіями, сохранившимися въ древней литературѣ. Это совершенно произвольная теорія.

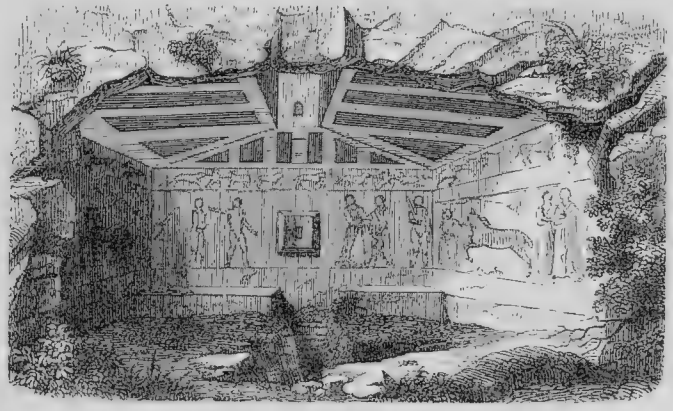
Примѣчаніе редактора перевода.

большая масса ихъ прошла по Адріатической береговой равнинѣ на югъ, другіе вступили въ долины Апеннинскихъ горъ, иные перешли горы, а также наполнили прекрасныя поля вдоль Тибра до самаго устья его, а также равнины и холмогорье къ сѣверу отъ этой области, пока у Больсенскаго озера не натолкнулись снова на этрусковъ (?), иные же прошли на югъ отъ устья Тибра до конца материка. Затѣмъ они мало-по-малу свыклись съ большей осѣдлостью и позаимствовали болѣе высокую культуру отъ своихъ сосѣдей этрусковъ, которые сравнительно рано вели мѣновую торговлю съ финикіянами. Прежде всего эта культура состояла въ устройствѣ постоянныхъ жилищъ. Для этого въ необъятныхъ лиственныхъ лѣсахъ страны, плоды которыхъ, особенно желуди, доставляли имъ и стадамъ ихъ необходимѣйшую пищу, они очищали себѣ многочисленныя мѣста и, слѣдуя въ то же время и присущей имъ наклонности къ совмѣстной жизни, селились деревнями, причемъ для защиты отъ наводненій и отъ испареній почвы вбивали въ землю сваи и на этихъ сваяхъ сооружали круглыя хижины изъ хвороста и глины. Эти свайныя поселенія, встрѣчающіяся у этрусковъ (?), какъ и у италиковъ, имѣли, какъ видно по раскопаннымъ въ новѣйшее время остаткамъ прямоугольную форму и защищены были отъ непріятельскаго нападенія проведенными вокругъ нихъ рвомъ и частоколомъ. Изъ полевыхъ плодовъ жители этихъ поселеній воздѣлывали преимущественно ячмень, полбу и бобы. Однако, скотоводство у нихъ еще долгое время было важнѣе земледѣлія; они имѣли и разводили стада рогатаго скота, свиней, козъ, овецъ; но и лошадь не была имъ неизвѣстна. Хлѣбъ мололся между двумя камнями



ЭТРУССКІЙ ЯЩИКЪ ДЛЯ ПЕПЛА ВЪ ФОРМѢ ЖИЛОГО ДОМА.

и затѣмъ съѣдался въ видѣ мучной кашицы. Одежда была весьма проста: она состояла изъ грубыхъ льняныхъ и шерстяныхъ тканей; а на мѣсто грубыхъ шкуръ животныхъ употреблялась все болѣе и болѣе искусно обработывавшаяся кожа, которая украшалась бронзой. Вообще искусство плавки бронзы дѣлало большіе успѣхи, ибо въ тщательно изслѣдованныхъ слояхъ отбросовъ, скучившихся вокругъ свайныхъ построекъ (въ такъ называемыхъ террамарахъ, жирной землѣ), находятъ не только бронзовые серпы, ручные топоры, застежки (fibulae), ножи, но также и пилы, гребни и бритвы; за то, должно быть, еще не знали искусства ковки мечей и другого оружія изъ бронзы. Сосуды



ЭТРУССКАЯ ГРОБНИЦА ВЪ ТАРКВИНІЯХЪ (по Микали).

были: глиняные горшки, кружки и чаши для питья, которые лѣпились еще руками безъ помощи гончарнаго круга, украшались нацарапанными на нихъ линіями, такъ называемыми геометрическими орнаментами и обжигались на открытомъ огнѣ. Главнымъ оружіемъ служили копье и стрѣла съ бронзовымъ или роговымъ наконечникомъ и обтянутый кожею щитъ. О государственной связи свайныхъ поселеній не можетъ быть рѣчи, но зародышъ ея былъ данъ въ семейномъ и родовомъ союзѣ и также въ житейской общности тѣсно огороженнаго поселенія. Нарушителю мира и убійцѣ грозилъ обычай кровавой мести, бывшей наслѣдіемъ всѣхъ арійцевъ изъ общей родины. Религія, соотвѣтственно древнѣйшей греческой, германской и персидско-индусской, навѣрное была

естественнымъ богопочитаніемъ: италики почитали небо, солнце и луну. Однако, вмѣстѣ съ развитіемъ осѣдлости, и культъ Весты, божества очага и дома, получилъ усиленное значеніе; жрецомъ былъ каждый домохозяинъ.

Развитіе этрусской культуры; города и государственное устройство этрусковъ. Раньше всѣхъ, повидимому, этруски въ своемъ образѣ жизни поднялись выше культуры свайныхъ поселеній. На побережьи своей страны они рано занимались мѣновой торговлей съ финикіянами и чрезъ это не только стали владѣть предметами выше развитой восточной культуры, но и сами сдѣлали техническіе успѣхи. Такъ, напр., они научились ковать бронзу. Затѣмъ они сами стали мореплавателями и морскими разбойниками и лично видѣли каменныя постройки восточнаго міра, особенно египтянъ. Этимъ, да вѣроятно и греческимъ, образцамъ они стали подражать, переходя, побуждаемые своей знатью, отъ деревенскаго вида поселенія къ городскому. Но, кромѣ того, многочисленные изолированные холмы главной ихъ области—Этруріи прямо-таки приглашали къ постройкѣ замковъ и городовъ; въ другихъ мѣстностяхъ, какъ напр. въ равнинѣ По, вѣроятно и опасенія покушеній со стороны воинственныхъ сосѣдей, вторгнувшихся изъ Иллиріи и зашедшихъ за самое устье Адидже (Эча) венетами и обитавшими въ ближайшихъ Апеннинахъ умбрами (см. ниже), требовали крѣпкостѣнныхъ поселеній и тѣснаго сплоченія господствующаго сословія. Такъ, они построили на равнинѣ По Мантую, Мельпъ, Фельсину (Болонью), въ Тосканѣ Пизы (Пизу) неподалеку отъ устья Арно, Фезулы (Фьезоле), Арретій (Ареццо), Волатерры, Кортону, Популонію, Клузій (Кьюзи), Перузію (Перуджу), Вольсиніи (Больсену), Тарквиніи, Цере и друг.

Города эти почти всѣ представляютъ одинъ и тотъ же характеръ постройки: они лежали на возвышенности, по возможности защищенной уже природой, и образовывали, каждый, прямоугольникъ, расположенный соотвѣтственно четыремъ сторонамъ свѣта, съ двумя главными улицами, пересѣкавшимися подъ прямымъ угломъ. Города этрусковъ были окружены воздвигнутой изъ исполинскихъ четырехугольныхъ камней такъ называемыми киклопическими стѣнами, отъ которыхъ во многихъ мѣстахъ до нынѣ сохранились грандіозные остатки. Подъ улицами проведены были, по

всѣмъ правиламъ искусства, шлюзы, покрытыя коробовыми сводами; вскорѣ они научились также строить исполинскія сводчатыя ворота и сооружать каменные храмы. И если въ строительномъ искусствѣ они пожалуй и получили разнообразныя возбужденія со стороны египтянъ, финикіянъ и въ особенности со стороны грековъ, то они дѣйствовали самостоятельно, отдавая предпочтеніе сводчатымъ постройкамъ, и также самостоятельно развили настоящій ритуалъ, примѣнявшійся при основаніи городовъ. Прежде всего, по возможности прямоугольный, полевой участокъ новой общины, съ торжественною молитвою отдѣлялся отъ окружающей земли и назначался быть templum города, т.-е. со всѣхъ сторонъ отмежеванной городскою землею. Затѣмъ границы этого templum вспахивались человѣкомъ, одѣтымъ въ жреческую одежду, кругомъ, такъ что послѣ этого борозда отдѣляла городскую землю отъ загороднаго поля (ager). При этой торжественной вспашкѣ рабочимъ скотомъ служили—быкъ, шедшій внѣ черты, въ знакъ мощной защиты отъ внѣшнихъ враговъ, и корова, шедшая внутри, какъ символъ плодородія. Въ трехъ заранѣе опредѣленныхъ мѣстахъ пахарь поднималъ плугъ кверху, чтобы не было борозды; то были мѣста для трехъ воротъ будущаго города. Послѣ этого въ священной бороздѣ, чтобъ она не затерлась, устанавливались пограничные камни (cippi); затѣмъ вторымъ рядомъ камней, проведеннымъ

ЭТРУССКІЙ ВОИНЪ, ТАКЪ-НАЗЫВАЕМЫЙ „МАРСЪ ИЗЪ ТОДИ“.

Бросаются въ глаза этрусская надпись на 5-ой (слѣва) нижней дощечкѣ панцыря и защита для затылка у этого панцыря.

совершенно параллельно священной бороздѣ, отдѣлялась отъ городского templum полоса земли, которая навсегда должна была остаться невоздѣланной: то былъ померій. На внѣшнемъ краѣ померія воздвигали городскую стѣну; остальное пространство полосы оставалось свободнымъ, чтобы обезпечить свѣтъ и воздухъ и безпрепятственный доступъ къ оборонительнымъ ходамъ стѣны. Этому способу основанія городовъ впослѣдствіи научились отъ этрусковъ и италики; намъ слѣдуетъ въ этомъ же родѣ представить себѣ и возникновеніе древнѣйшаго Рима.

Въ каждомъ этрусскомъ городѣ, къ которому принадлежала большая площадь земли, обрабатываемая массами безправныхъ крѣпостныхъ въ пользу своихъ знатныхъ господъ, господствовала знать, лукумоны (по-этрусски lauchme). Прочіе граждане города были хотя свободны, но политически безправны. Знать въ древнѣйшее время изъ своей среды избирала царя (ларса), а впослѣдствіи ежегодно смѣнявшихся должностныхъ лицъ. Двѣнадцать могущественнѣйшихъ городскихъ республикъ составляли не очень тѣсный союзъ, для котораго храмъ Вольтумны на Вадимонскомъ озерѣ былъ общимъ святилищемъ. Тамъ лукумоны всѣхъ городовъ избирали жреца союза, а во время войны вѣроятно и общаго главнокомандующаго.

Изобразительное искусство и торговля этрусковъ. Но не только въ закладкѣ укрѣпленныхъ городовъ, но и въ постройкѣ городского дома этруски были учителями италиковъ. Средняя главная часть дома, атрій, называемый также тусканикомъ, была изобрѣтеніемъ этрусковъ, равно какъ и устройство искусныхъ, богато изукрашенныхъ могильныхъ склеповъ. Но прежде всего этруски достигли большого совершенства въ пластической обработкѣ глины и бронзы. Ихъ обширная морская торговля съ Греціей, Азіей и Египтомъ оказывала имъ при этомъ большое содѣйствіе. Поэтому произведенія ихъ художественной промышленности обнаруживаютъ большое родство съ восточными, и прежде всего съ греческими образцами; но въ то время какъ греки воспроизводили природу въ облагороженномъ изображеніи, идеализировали ее, этрускамъ нравилось по возможности точно копировать природу, слѣдовательно работать реалистически. Изъ глины они выдѣлывали всякаго рода сосуды и украшали ихъ живописью; въ

особенности сохранилось до насъ много погребальныхъ урнъ изъ этрусскихъ могилъ, но также и много большихъ саркофаговъ изъ терракотты, на которыхъ покойники изображены съ большой реальностью. Они лѣпили также рельефы и статуи изъ глины для украшенія фронтоновъ на храмахъ. Особенно же знамениты были этрусскія бронзовыя издѣлія. Выдѣлкѣ ихъ содѣйствовало обиліе въ странѣ металловъ, въ особенности мѣди. Къ бронзовымъ вещамъ древнѣйшаго времени, застежкамъ, топорамъ, мечамъ, наконечникамъ копій, ножамъ, поясамъ, встрѣчающимся въ большомъ числѣ въ этрусскихъ могилахъ, впослѣдствіи, особенно подъ греческимъ вліяніемъ, присоединились свѣтильники, канделябры, щиты, шлемы, зеркала, туалетныя шкатулки, наконецъ даже цѣлыя статуи изъ бронзы. Эти предметы украшались либо пластическими орнаментами, либо тонкой чеканной работой такъ хорошо, что они почти превосходятъ греческіе (?) оригиналы. Да они ничуть и не выдѣлывались этрусками только для собственнаго потребленія, но распространялись далеко чрезъ мѣновую торговлю. Произведенія этрусскаго искусства встрѣчаются въ могилахъ на Сициліи, Родосѣ и Кипрѣ, равно какъ и далеко въ Альпахъ и къ сѣверу отъ нихъ. Живопись этрусковъ украшала не только вазы, но прежде всего стѣны и своды могильныхъ склеповъ; такія расписанныя могилы сохранились, напр., въ Цере, Тарквиніяхъ, Клузіѣ, и наглядно изображаютъ намъ сцены изъ обыденной жизни и культа покойниковъ этого интереснаго народа.

Религія, обычаи и умственная жизнь у этрусковъ. Первоначальная религія этрусковъ скрывается отъ нашихъ глазъ за многочисленными греческими культами, охотно ими воспринятыми. Но именно изъ преобразованія, какое потерпѣли греческія божества у этрусковъ, мы лучше всего узнаемъ сущность этрусской религіозности. Харонъ, кроткій перевозчикъ греческаго подземнаго міра, у этрусковъ сталъ грознымъ богомъ смерти; онъ является человѣкомъ, поворачивающимъ глазами, держащимъ въ рукѣ страшный каменный топоръ, которымъ онъ убиваетъ свои жертвы. Въ подземномъ мірѣ оспариваютъ другъ у друга души добрые (бѣлые) и злые (черные) демоны, уготовляющіе осужденнымъ душамъ вѣчныя муки. Изъ свѣтлаго греческаго бога неба вышелъ Вейовисъ — злой Юпитеръ. Такимъ образомъ, у этрусскаго Олимпа нѣтъ и слѣда той свѣтлости и прелести, которыя преобра-

жаютъ греческихъ боговъ; сами будучи жестокими и мрачными, этруски представляли себя окруженными также злокачественнымъ, злоумышляющимъ противъ людей міромъ боговъ и демоновъ, которыхъ въ крайнемъ случаѣ можно умиротворить, но не настроить къ милости. Какъ чисто этрусскихъ боговъ мы знаемъ Фуфлунса, бога вина, Сеѳлауса, бога кузнецовъ, Вертунну, богиню всѣхъ перемѣнъ въ природѣ, Нортію, мрачную богиню судьбы, сравнимую съ сѣверной Норной, и Менерфу, богиню молніи, прообразъ римской Минервы. Молніи, которыя метала эта богиня, казались этрускамъ изверженіями ея гнѣва; поэтому каждая ударившая молнія требовала покаянія и искупленія. Искусству искупленія молніи лукумоны, по преданію, научились отъ демона Тагета, который, тѣломъ ребенокъ, но сѣдовласый и глубокаго ума, нѣкогда найденъ былъ въ бороздѣ на пашнѣ. Приходилось примѣчать и другія знаменія боговъ, добрыя и дурныя, и съ ними соображать свои поступки: поэтому суевѣрные этруски тщательно наблюдали явленія на небѣ, въ особенности полетъ птицъ (augurium), ѣду священныхъ куръ, внутренности жертвенныхъ животныхъ, и по нимъ прорицали (haruspicium). Этруски были свѣдущи и въ искусствѣ отысканія источниковъ и вызыванія дождя (aquaelicium); точно также въ медицинѣ, астрономіи и математикѣ. Однако, этруски, повидимому, не были способны къ высшему умственному полету, который привелъ бы къ національной литературѣ, такъ какъ имъ недоставало болѣе глубокой нравственной основы. Ибо у этрусковъ не только была дурная наклонность къ жестокости,—умерщвленіе военноплѣнныхъ и вообще человѣческія жертвы у нихъ были вещь обыкновенная,—но и къ односторонне-матеріальному наслажденію жизни. Ихъ первоначально храбрая знать, лукумоны, съ теченіемъ времени, при жизни, посвященной сладострастію и роскоши, утратила свою воинственную силу. Они обыкновенно два раза въ день, сидя на осыпанныхъ цвѣтами подушкахъ, окруженные цѣлыми толпами пышно разодѣтыхъ слугъ, на серебряныхъ тарелкахъ принимали самую роскошную пищу. Вообще они любили придавать жизни пышный видъ: великолѣпные знаки царскаго достоинства, какъ, напр., пурпуровая мантія, должностное кресло изъ слоновой кости для магистратовъ (cella curulis), обшитая пурпуромъ тога, служители царей и должностныхъ лицъ, носившіе топоры и прутья

(fisctores), считавшіеся символомъ ихъ власти надъ жизнью и смертью, появились у этрусковъ и отъ нихъ перешли къ италикамъ.

Племенное расчлененіе италиковъ. Переселившіяся въ Италію индо-европейскія племена, которыхъ мы называемъ италиками въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, по мѣстамъ своихъ поселеній, а впослѣдствіи также по языку и обычаямъ расчленяются на двѣ группы, на племена западныя и юго-западныя и на тѣ, что населяютъ сѣверо-востокъ страны и Апеннины. Первая группа состоитъ изъ фалисковъ (къ сѣверу отъ устья Тибра), латинянъ (къ югу отъ устья Тибра до Цирцей и Таррачины), авзоновъ (въ Кампаніи, которыхъ греки называли ошиками и осками, т.-е. земле-

ДЕМОНЫ, ЖЕЛАЮЩІЕ УНЕСТИ ДУШУ.
Этрусская стѣнная живопись.

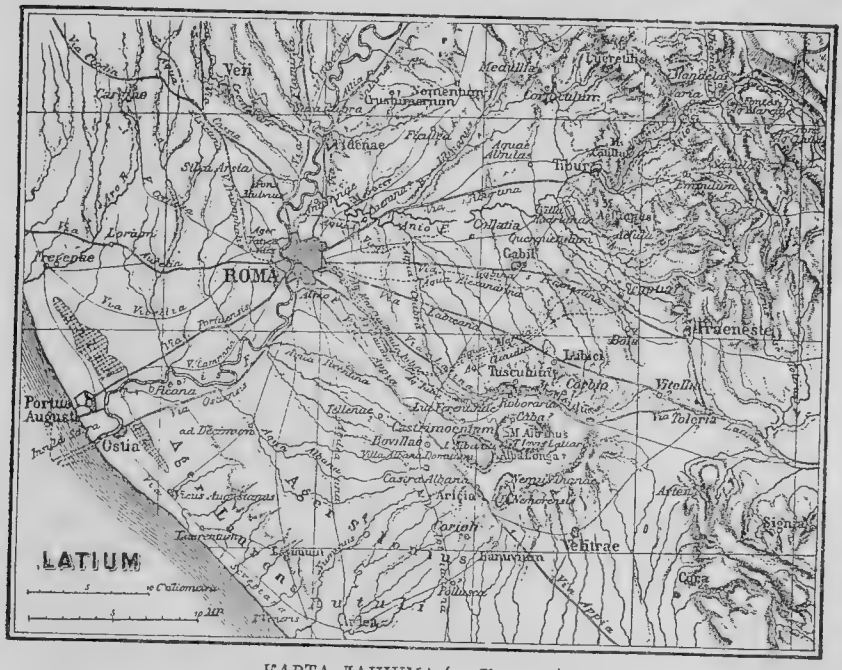
дѣльцами), энотровъ, жившихъ вдоль берега къ югу отъ рѣки Силара до южной оконечности Италіи, и наконецъ сикеловъ (сикуловъ), перешедшихъ черезъ проливъ и населившихъ Сицилію. Изъ этихъ племенъ большинство рано утратило свою національность: фалиски покорены были этрусками; авзоны, энотры и сикелы подчинились греческой колонизаціи (см. ниже). Лишь латины, жители равнины, расположенной вокругъ Альбанской горы (Лаціумъ), сохранили свои особенности, хотя окружающія ихъ область Апеннинскія горы всѣ были обитаемы сабельскими племенами, а послѣ того какъ Римъ соединилъ силы весьма даровитаго племени, даже мало-по-малу навязали свой языкъ и нравы всему Апеннинскому полуострову. Другая группа разбивается на двѣ

главныхъ вѣтви, умбровъ и сабинянъ съ происшедшими отъ нихъ народностями. Умбры при иммиграціи въ Италію оставили большія массы въ долинѣ По—Бононія (Болонья) считалась первоначально умбрскимъ городомъ—но ихъ впослѣдствіи одолѣли этруски. Поэтому въ историческое время ихъ мѣстожительства ограничены были горной страной между Адріей и Тибромъ, отъ истоковъ Тибра до устья Нара. Къ югу отъ нихъ, въ среднихъ Апеннинахъ, въ суровой горной странѣ Абруццовъ, жили сабиняне. Родственны съ ними, даже отчасти были развѣтвленіями ихъ всѣ племена, наполнявшія горную страну къ югу отъ нихъ и прибрежныя области Адріатическаго моря: пиценты, претуттійцы, вестины, марруцины, френтаны у моря, пелигны, марсы, эквы, герники, вольски, сидицины, кавдины, гирпины, пентры въ гористой странѣ внутри. Три племени, названныхъ послѣдними, сидѣли къ востоку отъ Кампаніи и римлянами назывались самнитами (= сабиниты, потомками сабинянъ).

Преданіе сообщаетъ, что эти происшедшія отъ сабинянъ народности возникли благодаря обычаю „священной весны“, т. е. посвященія весеннихъ произведеній (ver sacrum). Именно, всякій разъ, какъ сабиняне страдали отъ неурожая или другого бѣдствія, что, при большомъ количествѣ у нихъ дѣтей и бѣдности ихъ страны, случалось довольно часто, они всѣхъ лишнихъ мужчинъ, и кромѣ того соотвѣтствующее число дѣвушекъ и родившійся въ данную весну приплодъ стадъ, вмѣстѣ съ племянными животными, высадками фруктовыхъ деревъ и необходимымъ зерномъ для посѣва посвящали, какъ „священную весну“ (ver sacrum), Марсу, и посвященной такимъ образомъ въ искупительную жертву части народа приказывали выйти изъ родины и искать себѣ новыхъ мѣстъ жительства.

Уповая на свое копье и на собственную силу, изгнанники уходили, но у нихъ былъ мощный защитникъ, богъ смерти и войны—Марсъ. Онъ присылаетъ имъ въ проводники своихъ священныхъ животныхъ: дятла, быка и волка. И гдѣ опускается наземъ посланное богомъ животное, тамъ они въ пустынѣ пробуютъ основать новое поселеніе и называютъ себя его именемъ. Такъ пиценты = дятловые люди (picus—дятелъ), гирпины и луканы = волчьи люди (hirpus, lupus — волкъ); по той же причинѣ важнѣйшее поселеніе самнитовъ называется Бовіаномъ, бычачьимъ

городомъ. Иногда бездомнымъ изгнанникамъ не оставалось ничего другого, какъ напасть на заселенную уже другими область и завоевать себѣ жилища въ такой, уже существующей, общинѣ или рядомъ съ нею (срвн. стран. 11). Когда же въ историческое время все пространство Италіи казалось занятымъ, тогда изгнаннымъ частямъ горныхъ племенъ приходилось служить за деньги болѣе богатому племени, и всего пріятнѣе—одному изъ греческихъ городовъ Нижней Италіи. Такіе люди называли себя мамертин-

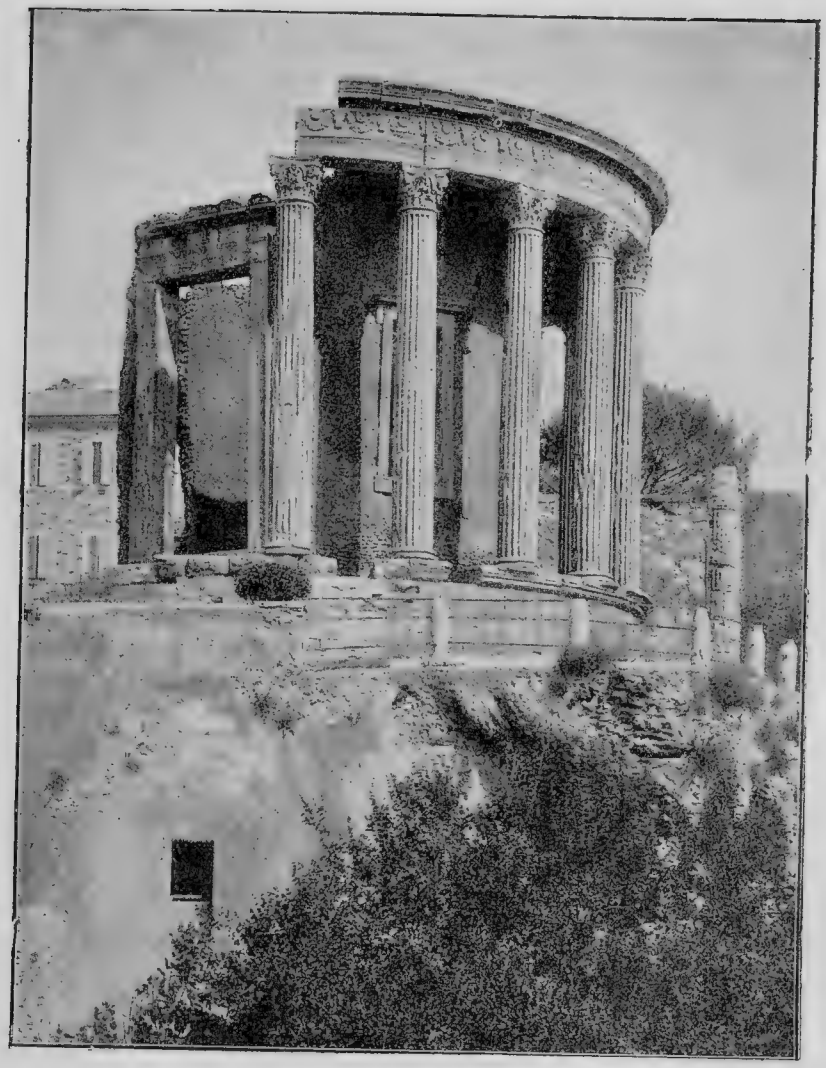


КАРТА ЛАЦІУМА (по Киперту).

цами (т.-е. сыновьями Марса). Мы съ ними будемъ встрѣчаться и далѣе въ римской исторіи: это были знавшія себѣ цѣну, грубыя, сдерживаемыя только нуждой и желѣзнымъ закономъ войны дружины, которыя не разъ нападали, въ сознаніи своей силы, на мирныхъ гражданъ города, платившаго имъ жалованье, дѣлали себя господами послѣднихъ, а тѣхъ своими рабами и съ наглымъ удовольствіемъ устраивались въ тепломъ гнѣздѣ, добытомъ силой и хитростью. Во всякомъ случаѣ отдѣлявшіяся отъ сабинянъ и отъ самнитовъ воинственныя массы, которыя, подобно современ-

нымъ разбойникамъ Италіи, постоянно снова съ жадностью хищныхъ звѣрей спускались съ своихъ суровыхъ горъ въ цвѣтущія поля Лаціума, Кампаніи и Апуліи, были собственно двигательной силой въ древнѣйшей исторіи Италіи, и нѣкоторое время было вопросомъ, они ли, или латинское племя призвано къ господству въ ней.

Латиняне и ихъ культура; древне-латинскія сказанія. Что въ борьбѣ западныхъ италиковъ противъ горныхъ племенъ именно латинянамъ досталось предводительство и въ концѣ концовъ и владычество надъ Италіей, это зависѣло отъ превосходныхъ природныхъ качествъ этого племени и отъ положенія и свойства обитаемой ими страны. Въ латинскомъ народѣ, кромѣ храбрости и набожности, качествъ, встрѣчавшихся у всѣхъ италиковъ, съ самаго начала проявилась способность развить твердыя законоположенія и сплотиться въ болѣе крупный организмъ, значитъ—извѣстная образующая государство сила, которой недоставало горнымъ племенамъ. Кромѣ того, латинская равнина одинаково далеко была отъ пышнаго плодородія Кампаніи и отъ суровой дикости Абруццовъ. Пашня не приносила безъ старанія плодовъ сторицею, но все-таки она настолько щедро вознаграждала положенный на нее трудъ, что латины могли развить культуру, выходящую за предѣлы непосредственныхъ житейскихъ потребностей. Къ этому присоединялось и положеніе ихъ у моря, рано приглашавшее ихъ къ судоходству и къ мѣновому торгу, наконецъ, сосѣдство искусныхъ этрусковъ на сѣверѣ и высокообразованныхъ грековъ на югѣ. Съ обѣихъ сторонъ къ латинянамъ шло много возбужденій къ прогрессу въ образѣ жизни. Наконецъ, сосѣдство воинственныхъ этрусковъ и сабинскихъ горныхъ племенъ, жившихъ вокругъ Лаціума, было причиной того, что латиняне постоянно должно были думать о защитѣ своей страны и своей собственности, и что поэтому среди нихъ не умиралъ воинственный духъ. Такимъ образомъ латиняне сравнительно рано по примѣру этрусковъ и грековъ перешли къ устройству крѣпкостѣнныхъ городовъ — при этомъ вѣроятно дѣйствовала и потребность обезпечить себя отъ морскихъ разбойниковъ,— и въ этихъ городахъ въ постройкѣ домовъ и ремесленныхъ занятіяхъ они достигли такой же ступени культуры, какъ и этруски. Однимъ изъ древнѣйшихъ и долгое время наибольшимъ городомъ латинянъ была Альба-Лонга,



ХРАМЪ СИВИЛЛЫ ВЪ ТИВОЛИ (по фотографіи Алинари).

безопасно и великолѣпно расположенная на юго-восточномъ кольцеобразномъ валу жерлового конуса погасшаго вулкана Альбанской горы. На другой сторонѣ горы, къ сѣверу, лежалъ Тускулъ, на юго-западныхъ склонахъ Ланувій и Ариція,

на сѣверныхъ Лабикъ и Габіи, на крутомъ обрывѣ сабинскихъ горъ Пренесте, высоко надъ водопадами Аніо Тибуръ (Тиволи), по ту сторону Аніо, ближе къ Тибру, Номентъ, близко къ морскому побережью Ардея, Лавиній и Лаврентъ (см. карту).

А всего было тридцать латинскихъ городовъ, соединившихся подъ предводительствомъ Альбы-Лонги въ латинскій союзъ для общей обороны какъ противъ жившихъ къ сѣверу отъ Тибра этрусковъ, такъ и противъ горныхъ племенъ, которыя все снова пытались завладѣть вѣчно зелеными зимними пастбищами и соляными рудниками равнины. Союзъ этотъ имѣлъ свое религіозно средоточіе въ храмѣ Латинскаго Юпитера (Jupiter Latiaris), возвышавшемся на высотѣ 956 m. (3,137 фут.) на вершинѣ Албанской горы, носящей теперь названіе Монте Каво. Тамъ союзники ежегодно собирались для торжественныхъ жертвоприношеній и слѣдовавшаго на нихъ праздничнаго пиршества (feriae Latinae), для котораго каждая община жертвовала скотъ, молоко и сыръ. Въ своихъ городахъ латиняне жили подъ правленіемъ царей, которые избирались отцами семействъ, и правили горожанами въ качествѣ военачальниковъ, судей и верховныхъ жрецовъ.

Къ латинскому времени относится древнее сказаніе о происхожденіи земли, многими мѣстами напоминающее библейскую книгу Бытія. Въ Италіи, такъ разсказывали латиняне, вначалѣ царствовалъ царь Янъ (болѣе древняя форма его Діанъ, женск. род.—Діана), отъ котораго происходитъ всякое начало. Къ нему пришелъ Сатурнъ и введеніемъ земледѣлія установилъ золотой вѣкъ, въ которомъ были неизвѣстны людскія заботы и тягости, холопство и рабство. За нимъ слѣдовалъ царь Пикъ (дятелъ) и его супруга Каненсъ („поющая"), а за этой царской четой Фавнъ и его супруга Фавна, затѣмъ, наконецъ, Латинъ, который по своей смерти почитался какъ Jupiter Latiaris. Внутренній смыслъ этого ряда царей не можетъ быть сомнительнымъ: царь Янъ — это только представляемый въ видѣ человѣка богъ Янъ, представитель солнца и свѣта, стоящаго въ началѣ всего. Жена его — Діана, богиня луны. Ея владычество означаетъ вѣкъ безжизненныхъ еще свѣтилъ. За тѣмъ слѣдуетъ періодъ Сатурна, бога посѣвовъ, и Сатурніи или Опсъ (обилія), въ которомъ земля покрывается растеніями и деревьями.

Третья эпоха при богѣ Никѣ и его поющей женѣ создала оперенныхъ птицъ, важнѣйшею изъ которыхъ считался дятелъ, вѣщая птица Марса. Въ четвертую эпоху правили Фавнъ и Фавна, хранители животныхъ стадныхъ и лѣсныхъ: въ то время земля наполнилась животными четвероногими. Но вѣнцомъ творенія былъ Латинъ, то-есть латинянинъ, представитель человѣка вообще. Съ этимъ можно сравнить и то, что и древнѣйшія германскія

ПЕСТУМЪ. ВНУТРЕННЯЯ ЧАСТЬ БАЗИЛИКИ (съ фотографіи Алинари).

племена производятъ свое происхожденіе отъ бога Манна, т.-е. Mann (по-нѣм. = мужчина), человѣкъ.

Япиги и греки въ Нижней Италіи. Не вся Нижняя Италія заселена была италійскими племенами. Выше мы видѣли, что родственные латинянамъ энотры потянулись лишь вдоль узкой западной стороны до южной оконечности Италіи. На холмогорьи и въ равнинѣ расположенныхъ къ югу отъ Френтона по восточную сторону гребня Апеннинъ, значитъ—въ древней Апуліи обитали певкетяне, давнійцы, апулы, мессапы, саллентины, калабры, которыхъ объединяли общимъ именемъ япиговъ.

Это, также какъ и венеты на сѣверо-востокѣ, иллирійскія племена, которыя, будучи родственными грекамъ, нѣкогда пришли морскимъ путемъ. Въ ихъ родствѣ съ греками лежитъ основаніе тому, что они впослѣдствіи большей частью въ такой степени ассимилировались съ пришедшими съ востока греками, что утратили свою первоначальную національность. Колонизація грековъ, направившая въ Италію широкій потокъ высоко-культурныхъ переселенцевъ, была двоякаго рода. Сначала прибыли халкидяне (изъ Халкиды на Эвбеѣ) и среди побережья плодоносной Кампанской равнины на круто обрывающейся во всѣ стороны возвышенности основали городъ Киме (Кумы) для обезпеченія мѣнового торга, который они начали вести съ авзонами. Позже пришли коринѳяне, основавшіе на островѣ Ортигіи на восточномъ побережьи Сициліи Сиракузы. Но халкидяне не пребывали въ покоѣ: они укрѣпили за собой важный морской проливъ между Италіей и Сициліей устройствомъ городовъ Занкле (впослѣдствіи Мессана) и Регія; на сѣверномъ побережьи Сициліи они построили Гимеру. Сиракузяне же и другіе доряне заселили Акры, Камарину, Гелу, Селинунтъ и т. д. Всѣ эти города были прежде всего основаны въ качествѣ торговыхъ станцій, что не исключало, однако, того, что жившіе кругомъ ихъ энотры и сикулы обязаны были платить имъ дань. Совсѣмъ другая, прямо крестьянская греческая колонизація шла потокомъ изъ Ахаіи и Средней Греціи къ восточному берегу Италіи и разселяла своихъ участниковъ по преимуществу въ плодоносной части внутри страны. Такъ, въ Нижней Италіи, недалеко отъ Лацинскаго мыса возникъ Кротонъ, къ сѣверу отъ него въ плодоносной равнинѣ, у сліянія двухъ рѣкъ—Сибарисъ, далѣе вовнутрь Тарентскаго залива Гераклея, недалеко отъ Сириса, и Метапонтъ на Браданѣ, въ самомъ внутреннемъ углу залива, въ благопріятномъ положеніи, Тарантъ (Тарентъ); на Тирренскомъ морѣ—Гиппоній, Темеса (Темпса), Элея (Велія), Посидонія (Пестъ), внутри Кумскаго залива — Неаполь. Въ особенности этотъ городъ, а еще болѣе Кумы, которыя были древнѣе, при живыхъ сношеніяхъ и торговлѣ между латинскимъ и кампанскимъ побережьемъ обнаружили вліяніе на развитіе латинской культуры.

ОСТРОВЪ ТИБРА (рисунокъ по фотографіи).

РИМЪ ВЪ ЦАРСКІЙ ПЕРІОДЪ

ОСНОВАНІЕ РИМА

КОГДА и при какихъ обстоятельствахъ къ прочимъ городамъ латинянъ присоединился Римъ, принадлежитъ ли онъ къ старѣйшимъ или къ младшимъ городамъ латинской земли, это вопросы, на которые нельзя дать удовлетворительнаго отвѣта, такъ какъ происхожденіе Рима относится къ гораздо болѣе отдаленному времени, чѣмъ какое-либо заслуживающее довѣрія извѣстіе изъ исторіи Италіи. Названный самими римлянами годъ основанія города 754 или 753 до Р. Хр. основанъ на

позднѣйшемъ и совершенно произвольномъ опредѣленіи и вычисленіи ряда царей. Вѣроятно начало города выходитъ дальше, чѣмъ за 1000 годъ до Р. Хр. Лишь относительно мѣста, на которомъ лежало древнѣйшее городское поселеніе римлянъ, нѣтъ сомнѣній: это самый средній изъ группы холмовъ на лѣвомъ берегу нижняго Тибра, Палатинскій, который, круто обрываясь со всѣхъ сторонъ, представлялъ на своей площади и на склонахъ, повидимому, достаточно мѣста для основанія небольшой городской общины. Само основаніе слѣдуетъ представлять себѣ совершеннымъ по описанному выше обряду основанія этрусскихъ городовъ. Священная борозда и примыкавшій къ ней померій въ обусловленной мѣстностью формѣ неправильнаго четырехугольника шли вокругъ Палатина; поэтому древнѣйшій Римъ называется то Палатинскимъ городомъ, то Roma quadrata. Еще историкъ Тацитъ (около 100 по Р. Хр.) видѣлъ на „Скотномъ рынкѣ“ (forum boarium), тамъ, гдѣ началась священная борозда, мѣдное изображеніе быка, поставленное тамъ впослѣдствіи въ воспоминаніе объ этомъ событіи.

Не случайно какъ разъ въ этой точкѣ берега Тибра возникъ городъ, которому суждено было оказать столь огромное вліяніе на судьбы области, затѣмъ Италіи и наконецъ всего міра. Здѣсь какъ разъ перекрещивались два важныхъ пути сообщенія: одинъ путь изъ Этруріи, который, пользуясь островомъ на Тибрѣ, переходитъ черезъ рѣку, часто бывавшую многоводной; другой, via Salaria, т.-е. соленая дорога, велъ изъ долины Реате, средоточія сабинской земли, внизъ къ солончатымъ лугамъ латинскаго побережья. Здѣсь, такимъ образомъ, одинаково былъ умѣстенъ пограничный сторожевой постъ противъ этрусковъ и сабинянъ. Затѣмъ на Палатинѣ и другихъ туфовыхъ холмахъ, окружавшихъ его, воздухъ былъ здоровѣе, чѣмъ въ равнинѣ; было тутъ и достаточное количество свѣжей ключевой воды; въ небольшихъ долинахъ вокругъ Палатина было мѣсто для земледѣлія, а на склонахъ прочихъ холмовъ были пастбища для стада. Наконецъ, хотя вся группа холмовъ лежала достаточно далеко отъ моря, чтобъ представлять извѣстную безопасность отъ морскихъ разбойниковъ, все-таки она судоходнымъ Тибромъ такъ хорошо соединялась съ морскимъ берегомъ, что жители ея легко могли заниматься торговлей съ финикіянами, греками и этрусками.

Когда Римъ впослѣдствіи изъ скромнаго положенія латинскаго областного города выступилъ властелиномъ области, а затѣмъ Италіи и приготовился пріобрѣсти рѣшающее вліяніе на всѣ прибрежныя страны Средиземнаго моря, тогда столь простыхъ соображеній о его возникновеніи было недостаточно ни для самосознательной гордости знати, ни для усилившагося чувства собственнаго достоинства его гражданъ и крестьянъ. Нужно было связать происхожденіе города съ именами великихъ героевъ, древнеиталійскіе боги должны были, въ качествѣ царей избраннаго города, играть роль въ его древнѣйшей исторіи. Такимъ образомъ, при содѣйствіи свѣдущихъ въ сказаніяхъ грековъ, давно привыкшихъ производить начало своихъ городовъ и господствующихъ родовъ отъ боговъ и полубоговъ или, по крайней мѣрѣ, отъ безсмертныхъ героевъ Гомеровскихъ пѣсенъ, возникло многосложное сказаніе и объ основаніи Рима и частью произвольно составленная, чрезъ обратный выводъ изъ существовавшихъ въ то время—въ третьемъ и второмъ вѣкѣ до Р. Хр.—государственныхъ учрежденій, частью же фантастически разукрашенная исторія древнѣйшихъ эпохъ Рима, которая поэтами и историками въ различномъ видѣ передавалась потомству. Эта состряпанная древнѣйшая исторія Рима содержитъ мало достовѣрныхъ частей. Но знаніе ея необходимо не только потому, что она занимала собой наиболѣе выдающихся поэтовъ и художниковъ Рима, но прежде всего и потому, что она въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ принималась римлянами на вѣру и оказывала большое вліяніе на ихъ мышленіе и ихъ дѣйствія.

СКАЗАНІЕ ОБЪ ОСНОВАНІИ РИМА.

Латинъ и Энеи. Къ югу отъ истоковъ Тибра, отъ ровнаго песчанаго берега внутрь страны, простирались значительные лѣса. Низкорослый кустарникъ чередовался тамъ съ розмариномъ, миртами и розовыми олеандрами, а далѣе съ вѣчнозелеными дубами и пиніями. Среди этихъ душистыхъ рощъ, на ровномъ, но хорошо орошенномъ побережьи у Латина, преемника Фавна, былъ свой, окруженный сотней ста-

туй, царскій замокъ Лаврентъ. Туда обыкновенно собирались вожди латинянъ на праздничный пиръ, какъ и на совѣщаніе; но въ совѣтѣ мужчинъ имѣла голосъ и умная Амата, жена царя, и она обѣщала руку единственной своей дочери Лавиніи могущественному царю рутуловъ Турну. Вотъ къ пустынному въ тѣ времена берегу пристаетъ Эней со своими пенатами и троянцами, спасшимися изъ пожарища Иліона. Онъ послѣдовалъ за блестящей звѣздой своей матери Венеры и теперь понялъ, что здѣсь нашелъ себѣ новую родину. При извѣстіи о прибытіи чужестранцевъ, Латинъ съ вооруженной свитой поспѣшилъ имъ навстрѣчу; однако, состоялся миръ, и Энею, въ награду за заключеніе неразрывнаго союза, обѣщана была рука прекрасной Лавиніи. Разсерженный такимъ нарушеніемъ прежнихъ обѣщаній, Турнъ вмѣстѣ съ своими рутулами и союзными тусками сталъ воевать съ пришельцемъ, пока не палъ отъ руки Энея. Въ честь своей царственной супруги, послѣдній затѣмъ выстроилъ городъ Лавиній, хорошо укрѣпленный уже по своему положенію на крутомъ холмѣ. Когда потомъ новое войско перешло рубежъ, онъ далъ ему сраженіе на близкой рѣкѣ Нумикѣ. Страшная гроза разъединила, наконецъ, сражающихся; Эней, утонувшій въ волнахъ выступившаго изъ береговъ потока, съ тѣхъ поръ почитался богомъ.

ЭНЕЙ.

Оборотная сторона бронзовой медали, выбитой по приказанію сената: Эней несетъ Анхиза и держитъ за руку своего сына Асканія. Надпись означаетъ: отецъ отечества, въ третіи годъ его трибунской власти и въ третій годъ консульства (140 до Р. Х).

ЭНЕЙ НЕСЕТЪ АНХИЗА.

Живопись на вазѣ изъ Нолы (въ Мюнхенскомъ музеѣ).

Потомки Энея. Послѣ

смерти Энея старшій сынъ его Асканій, котораго онъ нѣкогда спасъ изъ пожара Трои, получилъ царскую власть и удержалъ ее благодаря побѣдамъ надъ этрусками. Но тридцать лѣтъ спустя послѣ построенія Лавиніи онъ покинулъ негостепріимную землю у морского берега и у Нумика и ушелъ въ прелестныя и плодородныя горы на востокъ. Тамъ, на краю кратера надъ Альбанскимъ озеромъ, онъ построилъ Альбу Лонгу (длинную Альбу), сильную твердыню Лаціума, основавшую много колоній и мощно правившую въ военное и въ мирное время въ качествѣ главы тридцати союзныхъ городовъ.

Но троянскіе пенаты не хотѣли удалиться изъ Лавиніи; они трижды возвращались туда, и потому было выдѣлено извѣстное

1

2

3

1. РЕЯ СИЛЬВІЯ. Медаль Антонина, который любилъ воспроизводить на своихъ монетахъ факты или памятники изъ самой ранней исторіи Рима.

2. РИМЪ И ВОЛЧИЦА. Серебряный двойной денарій.

3. ФАВСТУЛЪ. Онъ стоитъ слѣва; передъ нимъ волчица, кормящая близнецовъ; на второмъ планѣ Руминальская смоковница съ тремя воронами. Оборотная сторона серебряной медали.

число семействъ для служенія имъ. Съ тѣхъ поръ латинскіе боги-покровители безмятежно оставались въ избранномъ ими любимомъ мѣстопребываніи. Ежегодно изъ Альбы Лонги, а впослѣдствіи изъ Рима появлялась праздничная процессія въ священной метрополіи всего народа. Во главѣ процессіи стояли цари, а по ихъ изгнаніи другія правительственныя лица, особенно жрецы, приносили торжественныя жертвы и устраивали игры, чтобы почтить благосклонно расположенныя божества.

Юлъ, являющійся то самимъ Асканіемъ, то его сыномъ, по смерти отца долженъ былъ удовольствоваться достоинствомъ верховнаго жреца, ибо по выбору латинскаго народа царскимъ почетомъ былъ окруженъ мѣстный уроженецъ Эней Сильвій, сынъ троянскаго героя и Лавиніи. Послѣдній много лѣтъ пользовался верховной властью въ Альбѣ Лонгѣ, а послѣ него, по

преданію, надъ страной и народомъ въ теченіе 300 лѣтъ царствовали, одинъ за другимъ, одиннадцать его потомковъ. Одинъ изъ нихъ Прока, умирая, передалъ старшему своему сыну Нумитору власть, а младшему, Амулію, богатыя имѣнія и сокровища. Но послѣдній, человѣкъ смѣлый и предпріимчивый, на свои богатства набралъ себѣ преданныхъ ратныхъ товарищей, съ помощью которыхъ вытѣснилъ добродушнаго, слабаго тѣломъ и духомъ, брата, а самъ возвысилъ себя до высшей почести. Теперь онъ, правда, достигъ цѣли своихъ желаній, но онъ опасался, что изъ рода Нумитора когда-нибудь поднимется на него мститель, такъ-какъ у того былъ цвѣтущій сынъ и прелестная дочь. Поэтому перваго онъ велѣлъ убрать съ своей дороги во время веселой охоты, а на послѣднюю онъ хитро направилъ жребій при выборѣ жрицъ, призванныхъ стеречь священный огонь на очагѣ Весты и приносить жертвы богинѣ. Цѣломудренными, безпорочными и благороднаго происхожденія должны были быть тѣ дѣвушки, которыя посвящали себя служенію богинѣ-покровительницѣ очага, и верховный жрецъ уводилъ ихъ изъ родительскаго дома, какъ въ тѣ времена уво-

ТАРПЕЙСКАЯ СКАЛА. (Съ фотографіи Алинари).

дили невѣсту, со словами: „Тебя, возлюбленную боговъ, я схватываю".

Рея Сильвія, Ромулъ и Ремъ. Такъ поступили съ дочерью Нумитора, Реей Сильвіей. У жертвенника она дала обѣтъ цѣломудрія и въ теченіе четырехъ лѣтъ отправляла связанную съ большими почестями службу богинѣ. Но вотъ случилось, что однажды она въ священной рощѣ шла за водой для жертвоприношенія. Сильная гроза и вой волка заставили ее укрыться въ гротѣ, гдѣ къ ней присоединился Марсъ. При раскатахъ грома и ревѣ дикихъ звѣрей она справила свою свадьбу съ божественнымъ охранителемъ стадъ, дарователемъ побѣды и смерти въ боевой схваткѣ.

ХРАМЪ ЮПИТЕРА ХРАМЪ ЮНОНЫ. ТАРПЕЙСКАЯ СКАЛА.
КАПИТОЛІЙСКІЙ ХОЛМЪ. (По Канинѣ)..

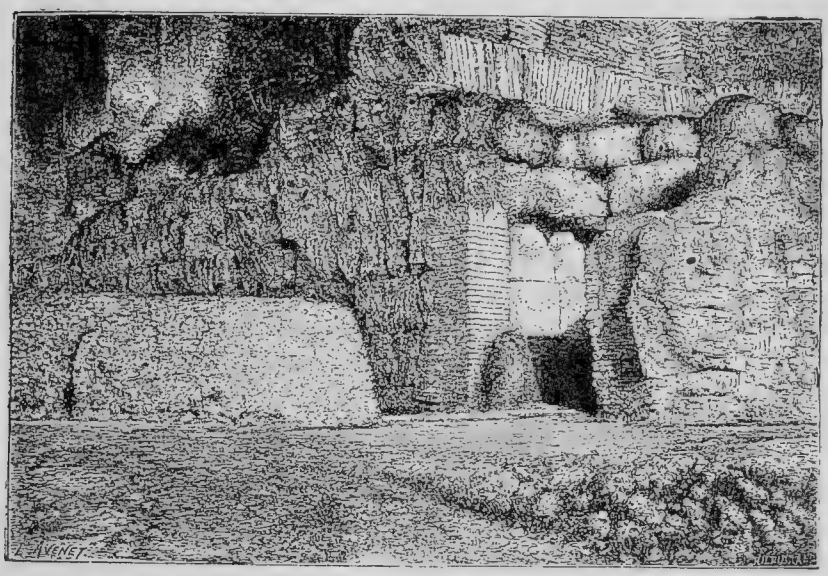
Плодомъ этого союза были близнецы, Ромулъ и Ремъ. Мать должна была, по жестокому жреческому праву, заплатить смертью за нарушеніе своего обѣта, а мальчиковъ Амулій велѣлъ въ корытѣ бросить въ Тибръ, который въ то время наводнилъ страну на большомъ протяженіи. Но отецъ Тиберинъ, болѣе жалостливый, нежели царь, отступилъ, такъ что корыто застряло на берегу. То было, повѣствуетъ преданіе, на склонѣ Палатинскаго холма, подъ фиговымъ деревомъ, гдѣ близнецы проснулись и жалобно стали просить пищи (мѣсто это называлось Germalus). Тогда, по велѣнію божественнаго отца, приспѣли волчица-кормилица, дятелъ и пигалица, чтобы холить и кормить безпомощныхъ дѣтокъ. Это замѣтилъ царскій пастухъ Фавстулъ, и угадывая

происхожденіе дѣтей, отнесъ ихъ къ своей женѣ Аккѣ Ларенціи, незадолго до этого разрѣшившейся мертвымъ ребенкомъ. Она вскормила покинутыхъ своею грудью и воспитала ихъ, и вскорѣ они ужь помогали пріемному отцу пасти стада и мощной рукой защищать ихъ противъ разбойниковъ и дикихъ звѣрей. Отпрыски Марса выросли молодцами и передъ всѣми своими товарищами отличались отвагой и силой.

Однажды они побѣдоносно выдержали драку съ пастухами Нумитора и справляли веселый пастушескій праздникъ Луперкалій, въ честь бога волковъ Луперка. По старинному обычаю, зарѣзаны были козы; юноши пировали вдоволь, опоясывались шкурами животныхъ и, рыща вокругъ, подобно волкамъ, отхлестывали прохожихъ ремнями. Этимъ случаемъ воспользовались люди Нумитора для нападенія съ цѣлью отмщенія. Ромулъ со своей дружиной, Квинктиліями, благополучно отбилъ нападеніе; но Ремъ со своими Фабіями былъ побѣжденъ и, плѣнный, отведенъ къ еще ему неизвѣстному дѣду. При тотчасъ-же произведенномъ допросѣ старикъ узналъ о происхожденіи юношей, а когда прибѣжалъ и озабоченный Фавстулъ съ другимъ своимъ пріемнымъ сыномъ, чтобъ предупредить несчастіе, то не оставалось болѣе сомнѣнія.

Такимъ образомъ, рѣшена была гибель Амулія и возстановленіе законнаго царя. Предпріятіе это подъ руководствомъ отважныхъ предводителей и осмотрительнаго Фавстула было и легко выполнимо; ибо рѣдко случалось, чтобы народъ принималъ участіе въ такихъ спорахъ. Со своими ратными людьми близнецы проникли въ царскій дворецъ, гдѣ престарѣлый Амулій послѣ нѣкотораго сопротивленія палъ подъ ихъ оружіемъ. Такъ какъ граждане Альбы Лонги и принадлежащихъ къ ней общинъ ничего не имѣли возразить противъ перемѣны верховнаго главы, то Нумиторъ снова завладѣлъ царскими правами своихъ отцовъ и, какъ миролюбивый мужъ, исправлялъ свою должность, не вызывая дальнѣйшихъ споровъ. Но честолюбивые его внуки желали другого поприща для своей дѣятельности. По ихъ требованію, дѣдъ ихъ уступилъ имъ мѣстность по низовью Тибра, гдѣ кормила ихъ волчица, для основанія поселенія. Тамъ низменности, правда, были неудобны для обитанія, потому что рѣка во время прибыли воды часто ихъ затопляла; но надъ равниной вызвышались значительные холмы.

Братья Ромулъ и Ремъ затѣмъ съ своими отважными товарищами и многими искателями приключеній пошли вдоль Тибра, пока не прибыли къ вышеупомянутымъ холмамъ. Тамъ прежде всего поднимался Капитолійскій холмъ, правда круто обрывавшійся во всѣ стороны, но недостаточно просторный для многочисленныхъ пришельцевъ. Къ югу отъ него возвышалась Палатинская гора, собою обширная и лишь узкими впадинами отдѣленная отъ юго-восточнаго Целія и сѣверо-восточнаго Эсквилина, что давало



ОСТАТКИ СТѢНЫ РОМУЛА. (Рисунокъ по фотографіи).

возможность позднѣйшаго увеличенія города. Южнѣе, близко къ рѣкѣ, но отдѣленный обширной низменностью, Велабромъ, отъ Палатина и Капитолія, предоставлялъ для поселенія широкій свой хребетъ Авентинъ. Ремъ высказался въ пользу послѣдняго, какъ самаго удобнаго, Ромулъ за Палатинъ. Спорили съ ожесточеніемъ; спутники также раздѣлились на-двое и столпились вокругъ спорившихъ вождей.

Чтобы предотвратить кровопролитіе, рѣшили поручить богамъ должность третейскихъ судей. Такимъ образомъ, каждый изъ братьевъ сѣлъ на избранную имъ гору и по обычаю авгуровъ (толко-

вателей птичьяго полета) жезломъ отграничилъ на небѣ прямоугольный участокъ (templum), для наблюденія знаменій боговъ, имѣющихъ появиться въ этомъ пространствѣ. Сначала Рему показались съ востока шесть коршуновъ, возвѣщая ему побѣду. Но когда товарищи привѣтствовали его радостными, ликующими кликами, Ромулъ увидѣлъ двѣнадцать такихъ птицъ въ томъ же направленіи. Не было сомнѣнія: Ромулъ побѣдилъ. Тотчасъ онъ провелъ вокругъ Палатинскаго холма священную борозду, отдѣлявшую городской участокъ отъ окружающей пашни. Но Ремъ, насмѣхаясь, перескочилъ черезъ борозду и обозначаемую глыбами земли стѣну и тѣмъ нарушилъ освященный миръ священнаго участка. Въ быстро вспыхнувшемъ гнѣвѣ Ромулъ убилъ брата, со словами: „Пусть случится такъ со всякимъ, кто послѣ тебя перейдетъ черезъ мою стѣну“.—Реликвіи, долженствовавшія напоминать объ этихъ происшествіяхъ, показывались въ Римѣ еще во времена Цицерона: Луперкалъ на склонѣ Гермала,—гротъ, въ которомъ волчица яко бы кормила близнецовъ своимъ молокомъ; далѣе руминальская смоковница, къ которой пристало корытце съ двумя младенцами, могила Акки Ларенціи, casa Romuli, хижина изъ соломы и глины, въ которой Ромулъ имѣлъ первое свое пребываніе, и священная вишня, выросшая якобы изъ копья, брошеннаго Ромуломъ съ Авентина на Палатинъ.

Но юное государство желало расти, и для этого нужно было привлечь въ большемъ количествѣ мужчинъ, способныхъ носить оружіе. Ромулъ поэтому открылъ въ лѣсистой низменности на Капитоліѣ убѣжище для бѣглецовъ изъ всѣхъ сосѣднихъ городовъ и племенъ, и такъ какъ онъ обѣщалъ имъ права гражданства и земельную собственность, то сюда стекалось все болѣе и болѣе изгнанниковъ и искателей приключеній, чтобъ присоединиться къ новому государству. При первомъ смотрѣ ополченія оказалось уже 3,300 ратныхъ свободныхъ гражданъ, изъ которыхъ 3,000 составляли пѣшее ополченіе (legio), а 300 храбрѣйшихъ и состоятельнѣйшихъ—конницу (celeres).

Однако молодымъ людямъ недоставало женъ, такъ какъ сосѣднія народности не желали связи со сбродомъ искателей приключеній. Тогда Ромулъ велѣлъ объявить большія состязанія и конныя ристалища въ праздникъ Конса (сокрытаго бога). Изъ любопытства взглянуть на новый городъ, изъ ближнихъ и дальнихъ

мѣстъ прибылъ народъ съ женами, сыновьями и дочерьми Когда же общее вниманіе было направлено на состязанія, по условленному знаку молодые римляне бросились въ средину испуганныхъ зрителей, разсѣяли ихъ сверкающимъ оружіемъ и захватили и увели женщинъ и дѣвушекъ. Въ наибольшемъ числѣ явилось на праздникъ распространенное племя сабинянъ; поэтому этотъ насильственный поступокъ называютъ похищеніемъ сабинянокъ.

Вымыселъ объ этомъ разбойническомъ похищеніи очевидно возникъ для объясненія римскихъ свадебныхъ обрядовъ. Ибо невѣста еще въ позднѣйшее время съ виду насильно уводилась изъ родительскаго дома и дружками переносилась на рукахъ черезъ порогъ своего новаго жилища.

Между тѣмъ тяжко оскорбленные народы готовились къ войнѣ, чтобъ отомстить дерзкимъ разбойникамъ; но не божеское право, а человѣческая власть и сила одержали побѣду. Граждане Ценины, отстоявшей отъ Рима лишь на двѣ мили, первые вторглись въ римскую область, опустошая ее. Въ открытомъ полѣ они были разбиты, преслѣдуемы, и царь ихъ Акронъ палъ на взятыхъ приступомъ стѣнахъ ихъ столицы. Та же участь постигла антемнатовъ, жившихъ при впаденіи Аніо въ Тибръ. Наконецъ и Крустумерій, третій изъ оскорбленныхъ городовъ, былъ взятъ съ приступа.

Молва о счастіи и военныхъ подвигахъ Ромула вскорѣ во множествѣ привлекла въ городъ иноземныхъ удальцовъ и бездомныхъ изгнанниковъ. Такъ потребовалъ пріема и былъ принятъ Целесъ Вибенна, этрусскій вождь, съ многочисленной дружиной. Онъ поселился со своими тусками на восточной возвышенности, названной по нему Целіемъ, и на Эсквилинѣ и выстроилъ здѣсь точно второй городъ, примкнувшій къ Палатинскому.

Въ такомъ подкрѣпленіи римское государство весьма нуждалось, ибо сабинскій царь Тацій, основавшій свое владычество въ Курахъ по эту сторону реатской долины, спустился теперь съ хорошо вооруженнымъ отрядомъ войска по Тибру, перешелъ Аніо и расположился въ непосредственной близости отъ Рима. Онъ еще не осмѣливается вторгнуться въ низменность между сильно занятой крѣпостью на Капитолiѣ и окруженнымъ валомъ городомъ.

Но Тарпея, дочь начальника крѣпости, ослѣпленная блескомъ золота, измѣняетъ собственному народу. Она вызывается открыть непріятельскимъ отрядамъ ворота крѣпости, если ей обѣщаютъ золотыя украшенія, которыя носили сабиняне на лѣвой рукѣ. Обѣщаніе было дано; однако воины не отдаютъ своихъ золотыхъ браслетовъ, но забрасываютъ измѣнницу своими щитами, окаймленными золотомъ, и та, вмѣсто сокровищъ, пріемлетъ смерть въ возмездіе за свое преступленіе. Черезъ открытыя ворота сабиняне затѣмъ проникаютъ въ самый городъ въ добромъ порядкѣ. Въ низменности они сталкиваются съ римлянами, которые теперь, когда дѣло идетъ о борьбѣ за послѣднее ихъ убѣжище, не избѣгаютъ болѣе битвы.

Въ переднихъ рядахъ ихъ сражаются Ромулъ, храбрый Гостъ Гостилій и Целесъ Вибенна. Но впереди враговъ мчится Меттій Курцій, исполинскій воинъ, все предъ собою повергая въ прахъ. Выдаваясь на своемъ конѣ, онъ является точно богомъ войны и побѣды. Гостъ Гостилій падаетъ подъ его ударами, этрускъ пронзенъ копьями, Ромулъ, пораженный брошеннымъ камнемъ, выносится изъ схватки.

Слѣдомъ за бѣжавшими римлянами побѣдители устремляются къ открытымъ воротамъ, которыхъ стражи не могутъ ужъ запереть. Тогда самъ Янъ, богъ-покровитель города, приноситъ просимую у него помощь. По его мановенію навстрѣчу опьяненнымъ побѣдою врагамъ льется потокъ горячей воды, душитъ и топитъ многихъ изъ нихъ и останавливаетъ ихъ натискъ. Вотъ возобновляется битва, Ромулъ снова появляется среди своихъ, Меттій Курцій попадаетъ въ болото и съ трудомъ спасается; бой продолжается съ одинаковымъ ожесточеніемъ, оставаясь нерѣшеннымъ.

Въ этой бѣдѣ съ распущенными волосами и въ развѣвающихся одѣяніяхъ, съ своими младенцами на рукахъ, появляются римскія жены и протискиваются между сражающимися мужчинами. Узами родства онѣ связаны съ сабинянами, священными обязанностями брака—съ римлянами. Съ одной стороны они заклинаютъ своихъ отцовъ и братьевъ, съ другой своихъ мужей прекратить кровопролитіе. Предъ такой мольбой не могутъ устоять сердца суровыхъ воиновъ. Поднятыя копья и мечи опускаются, вожди выходятъ изъ рядовъ для полюбовныхъ переговоровъ, которые и приводятъ

къ миру и прочному союзу. Оба народа должны впредь составлять одну гражданскую общину и носить имя квиритовъ рядомъ съ римскимъ. Тацій и Ромулъ сообща должны были исправлять царскую должность, сабиняне—занять и заселить Капитолійскій и сосѣдній Квириналъскій холмъ и навѣки соединиться съ римлянами и тусками на другихъ холмахъ въ одну городскую общину.

Такимъ образомъ состоялся миръ, благодаря слову и дѣлу любящихъ женщинъ. Это—свѣтлое, неоднократно повторяющееся въ римской исторіи явленіе, что женщины вмѣшиваются въ судьбы государства и принимаютъ на себя дѣло посредничества между враждующими мужчинами.

Оба царя, согласно договору, сообща исправляли свою должность, поскольку она касалась общины; каждый въ своемъ отмежеванномъ участкѣ пользовался высшимъ почетомъ и имѣлъ рядомъ съ собою совѣтъ изъ ста человѣкъ, который составляли главы знатнѣйшихъ семействъ народа. Шесть лѣтъ длилось общее ихъ правленіе, во время котораго предпринятъ былъ побѣдоносный походъ противъ альбанской колоніи Камеріи. Затѣмъ Тацій былъ убитъ въ Лавиніѣ оскорбленными и потерпѣвшими убытокъ гражданами этого города.

Ромулъ, теперь всѣмъ народомъ безъ прекословія признанный верховнымъ главой, продолжалъ выказывать свою воинственность. Сообщаютъ, что онъ поборолъ Фидены вверхъ по Тибру, какъ и могущественныя Вейи по ту сторону рѣки, и затѣмъ, гордый своими побѣдами, пользовался неограниченной властью и надъ старыми родами. Вотъ случилось, что онъ на тридцать седьмомъ году своего правленія собралъ на Марсовомъ полѣ, между сабинскимъ городомъ и рѣкой, войска на смотръ. Сильная гроза и тьма, освѣщавшаяся только вспышками молній, разсѣяла толпу. Когда же народъ по прекращеніи грозы снова собрался, царь оказался исчезнувшимъ.

Высказано было подозрѣніе, что недовольные главы совѣта его убили, а тѣло его изрубили на куски и опустили въ ближнее козье болото; но вотъ Юлій Прокулъ, почтенный гражданинъ, поспѣшно сошелъ съ Квиринала и разсказалъ, что царь-де явился ему въ облакахъ и возвѣстилъ ему, чтобы народъ римскій, призванный къ господству надъ землей, почиталъ его какъ Отца Квирина и воздвигъ ему святилище на Квириналъскомъ холмѣ.

И вѣрующій народъ соорудилъ храмъ и съ тѣхъ поръ оказывалъ исчезнувшему царю божескія почести.

НУМА ПОМПИЛІЙ.

По смерти Ромула дѣлами государства управлялъ чрезъ выборныхъ изъ своей среды сенатъ, т.-е. совѣтъ изъ ста римскихъ мужей. Затѣмъ, когда это многодержавіе показалось тягостнымъ, сошлись на томъ, чтобы сенатъ представилъ для избранія народу мужа, годнаго къ исправленію высшей государственной власти, и притомъ либо римляне должны были предложить одного изъ сабинянъ, либо послѣдніе—римлянина. Рѣшили въ пользу перваго способа избранія. Когда сенаторы сошлись для этой цѣли, то всѣ голоса достались набожному Нумѣ Помпилію, зятю прежняго царя Тація, и община не замедлила утвердить призваніе этого мужа къ царской почести.

Портретъ Нумы Помпилія на монетѣ Кальпурнія Пизона.

Гротъ Эгеріи. Нума Помпилій, родившійся въ годъ основанія Рима, жилъ скромнымъ гражданиномъ въ Курахъ. Народъ тамошній любилъ и чтилъ его не только за родство его съ царскимъ домомъ, но и за его мудрость. Поэтому во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ къ нему обращались за совѣтомъ, а часто также въ спорахъ на него возлагали третейскій судъ. Охотно пребывалъ онъ во мракѣ рощъ, гдѣ ему открывались тайны природы, и божественныя существа удостоивали его общенія съ собою. Часто переходилъ онъ по горамъ и равнинамъ и черезъ шумныя воды Аніо, чтобъ посѣтить зеленую долину Арриціи въ Альбанскихъ горахъ, ибо тамъ, посреди священныхъ лѣсныхъ сумерокъ, былъ огороженный прудъ, питаемый ниспадавшимъ въ него ключомъ. Изъ глубокаго, тихаго скалистаго грота вытекалъ этотъ ручеекъ, который нимфа Эгерія, обитательница грота, одарила цѣлебной силой. Благодатнаябогиня любила набож-

наго Нуму, часто приходившаго сюда, чтобы наслаждаться ея обществомъ и въ задушевной бесѣдѣ узнавать отъ нея законы и порядки, слѣдуя которымъ родъ человѣческій могъ бы сдѣлаться добрымъ, благочестивымъ и счастливымъ.

Такъ благословенный мужъ, пріятный и богамъ и людямъ, велъ тихую и счастливую жизнь и не нуждался въ царскихъ почестяхъ, чтобъ сдѣлаться полезнымъ своимъ согражданамъ. Поэтому, когда къ нему пришли римскіе послы и сообщили ему о

НИМФЕЙ ЭГЕРІИ.

призваніи народа, онъ отклонилъ новое достоинство, не склонный сдѣлаться вождемъ одичавшаго на войнѣ поколѣнія; но, наконецъ, онъ уступилъ просьбамъ разумныхъ людей, представившихъ ему, что сами боги направили выборъ на него для того, чтобы онъ простеръ блага мира на народъ, не знавшій ихъ до сихъ поръ при шумѣ оружія. Онъ послѣдовалъ за ними въ Римъ и вступилъ въ него при громкомъ ликованіи собравшихся гражданъ.

Молча онъ взошелъ на вершину крѣпости на Капитоліѣ и сѣлъ на камень, въ то время какъ авгуръ съ лѣваго бока его, одной рукой дотрагиваясь до его головы, а въ другой держа закривлен-

ный жезлъ, описывалъ свои линіи и въ то же время молилъ боговъ о благопріятныхъ знаменіяхъ. Послѣднія появились, и увѣренный въ согласіи божества, новый царь вступилъ во власть.

Прежде всего онъ позаботился объ обезпеченіи за каждымъ гражданиномъ его собственности и о внушеніи ему любви къ мирному обладанію, радости изъ-за дохода своего имѣнія, изъ-за плодовъ своей работы. Онъ велѣлъ вымѣрить всю римскую область, отмежевать отдѣльныя владѣнія пограничными камнями и раздать бѣднѣйшимъ гражданамъ тѣ государственныя земли, которыми дотолѣ, хотя онѣ и были значительно расширены побѣ-

Такъ называемая роща Эгеріи близъ Рима (съ фотографіи).

дами, мало пользовались. Иноземныхъ поселенцевъ онъ раздѣлилъ на округи и общины, ремесленниковъ соединилъ въ цехи, для которыхъ назначилъ особые праздники. Его убѣжденіемъ было, что всѣ государственные порядки, всякое гражданское законодательство, какъ и земледѣліе, ремесла и вообще житейскія занятія, тогда лишь бываютъ прочны и споспѣшествуютъ общему благополучію, когда покоятся на страхѣ божіемъ. Поэтому онъ ввелъ почитаніе Термина (бога межи, границъ) и богини Фидесъ (вѣрности), для каждаго изъ трехъ высшихъ боговъ:—Юпитера, Марса и Квирина и установилъ должность зажигателя жертвы (flamen), преимущественно же онъ ввелъ культъ Весты, покрови-

тельницы очага, и учредилъ весталокъ, которыя должны были давать клятвенный обѣтъ жить цѣломудренно и скромно въ теченіе тридцати лѣтъ, поддерживая священный огонь.

Среди такой мирной дѣятельности насталъ восьмой годъ правленія царя; тогда въ Италіи свирѣпствовала губительная чума, потребовавшая многихъ жертвъ и въ Римѣ, и его окрестностяхъ. Нума былъ опечаленъ этимъ, не будучи въ состояніи защитить свой возлюбленный народъ отъ заразы. Онъ бродилъ однажды по лѣсу за Капенскими городскими воротами и попалъ, наконецъ, въ гротъ, въ которомъ, какъ и въ Ариціи, билъ ключъ. Въ то

ГОЛОВА ДВУЛИКАГО ЯНА НА РІМСКОМЪ ЛИБРАЛѢ.

время, какъ онъ пребывалъ здѣсь въ раздумьи, вдругъ, при громѣ и молніи, съ неба упалъ къ его ногамъ искусно выкругленный щитъ. Въ удивленіи смотритъ онъ на диковинку, не зная, что̀ съ ней дѣлать. Но вотъ внезапно предъ нимъ въ божественной красотѣ предстала Эгерія изъ Ариційской долины и научила его, какъ ему слѣдуетъ этотъ щитъ, какъ залогъ божественнаго покровительства, хранить, такъ какъ Римъ будетъ существовать и процвѣтать до тѣхъ поръ, покуда эта святыня будетъ пребывать въ его стѣнахъ сохранною и неповрежденною.

Саліи, феціалы и понтифики. По возвращеніи въ городъ, Нума повелѣлъ собраться наилучшимъ ремесленникамъ и поручилъ имъ сдѣлать одиннадцать щитовъ, которые были-бы вполнѣ сходны со священнымъ, чтобы послѣдній не могъ легко быть

похищеннымъ. Всѣ не довѣряли своему искусству, одинъ лишь старый оружейный мастеръ Ветурій Мамурій принялъ на себя работу, и когда онъ принесъ заказанные щиты вмѣстѣ съ образцомъ, ихъ нельзя было отличить отъ послѣдняго. Царь велѣлъ хранить щиты въ храмѣ Весты и учредилъ братство салієвъ, которые въ мартѣ мѣсяцѣ, вооруженные этими щитами, исполняли свою воинскую пляску. При этомъ впереди нихъ спокойно шелъ Мамурій, какъ это онъ выговорилъ себѣ въ награду за свою художественную работу, принималъ участіе въ ихъ обильныхъ обѣдахъ и не обращалъ вниманія на удары ихъ тупыхъ мечей и копій, такъ какъ тѣло его со всѣхъ сторонъ было покрыто буйволовой кожей. Какъ въ этой роли, которую игралъ Мамурій при плескѣ салієвъ, такъ уже и въ имени его легко узнать намекъ на самого бога войны, Марса.

Столь же важны были учрежденныя Нумой коллегіи феціаловъ и понтификовъ. Первые наблюдали за договорами и союзами; при нарушеніи ихъ другими народами они должны были требовать вознагражденія и, если послѣдняго не послѣдовало, на вражеской границѣ объявлять войну. Понтифики же имѣли надзоръ за соблюденіемъ священныхъ постановленій, за всѣмъ богослуженіемъ.

Храмъ Яна; искупленіе молніи. Велики и общепризнанны были заслуги царя Нумы Помпилія передъ молодымъ государствомъ; ибо любовь и довѣріе объединяли гражданъ межъ собой, и на окрестныхъ границахъ царилъ благодатный миръ, такъ что храмъ Яна, который держали открытымъ лишь въ военное время, въ его долгое правленіе постоянно оставался закрытымъ. Поэтому онъ могъ отважиться измѣнить много старинныхъ обычаевъ, въ особенности такъ упорядочить календарь, что гражданскій годъ приведенъ былъ въ согласіе съ солнечнымъ.

При всѣхъ распоряженіяхъ и законныхъ постановленіяхъ царю помогала нимфа Эгерія. Однако она не была единственнымъ божественнымъ существомъ, его поддерживавшимъ; по ея совѣту, онъ однажды велѣлъ связать неразрѣшимыми узами Фавна и Пика, которые уснули отъ опьяненія въ одинокомъ лѣсу, и тѣ за свое освобожденіе открыли ему тайну искупленія молніи безъ человѣческихъ жертвоприношеній. Дѣло въ томъ, что всякій разъ, какъ гдѣ-нибудь ударяла молнія, римляне, какъ и этруски, ви-

дѣли въ этомъ знаменіе гнѣва боговъ. Чтобы успокоить этотъ гнѣвъ, до сихъ поръ приходилось приносить человѣческую жертву. Теперь же Фавнъ и Пикъ открыли Нумѣ, что такое-же примиряющее дѣйствіе имѣетъ и жертва изъ лука, волосъ и сардели. Точно такъ-же на мѣсто мужчинъ, приносившихся при наводненіяхъ въ жертву богу Тиберину, Нума поставилъ другое безвредное

ОЗЕРО НЕМИ. Примѣръ мѣстности въ Лаціумѣ (Рисунокъ по фотографіи).

средство: въ майскія иды тридцать чучелъ изъ плетенаго тростника, одѣтыхъ въ видѣ римскихъ мужчинъ, бросались понтификами, въ присутствіи весталокъ, въ рѣку Тибръ. Такъ подъ вліяніемъ Нумы смягчились нравы, по его предписаніямъ римляне стали набожнымъ народомъ, и, когда онъ скончался послѣ 43-лѣтняго благодатнаго правленія, плакалъ весь народъ. Эгерія была такъ безутѣшна, что Діана превратила ее въ прохладный ключъ.

ТУЛЛЪ ГОСТИЛІЙ.

ЦАРСКІЙ домъ въ Римѣ снова опустѣлъ. Поэтому сначала состоялось междуцарствіе (interregnum), затѣмъ община избрала, а сенатъ утвердилъ Тулла Гостилія, внука поселившагося въ Римѣ при Ромулѣ Госта Гостилія, пожавшаго въ качествѣ храбраго воина много лавровъ. Туллъ, выросшій среди пастуховъ, съ честнымъ трудомъ обрабатывалъ дотолѣ свое обширное поле и чувствовалъ себя счастливымъ въ своей мирной соломенной хижинѣ; но вмѣстѣ съ призваніемъ во главы государства пробудилось его честолюбіе.

Ромулъ, не Нума, казался ему достойнымъ примѣромъ, и его жажда подвиговъ нашла откликъ среди подростающей молодежи, которой казалось похвальнѣе дѣйствовать мечомъ, чѣмъ плугомъ. Одинаковой страстью къ завоеваніямъ преисполнены были граждане города Альбы Лонги, съ завистью глядѣвшіе съ своихъ горъ на выросшее чадо свое на рѣкѣ Тибрѣ; а римская молодежь, полная упованія на расцвѣтшее во время мира благосостояніе своего города и ободряемая своимъ царемъ, считала себя вполнѣ въ состояніи помѣриться силами съ единоплеменными альбанцами. Вскорѣ произошли набѣги и разбойническія вторженія въ области тѣхъ и другихъ, и такъ какъ въ удовлетвореніи отказывалось, то, наконецъ, всѣ дружины обоихъ городовъ подъ начальствомъ своихъ царей выступили въ походъ другъ противъ друга.

Куріаціи и Горація. Царя Альбы Лонги въ одну ночь унесла внезапная смерть; войско его избрало затѣмъ испытаннаго Меттія Фуффетія диктаторомъ или неограниченнымъ полководцемъ. Однако, рѣшеніе дѣла оружіемъ не могло быть устранено этимъ событіемъ, ибо оба войска стояли другъ противъ друга въ открытомъ полѣ, готовыя къ бою. Тогда, по состоявшемуся соглашенію, вожди обѣихъ сторонъ сошлись для переговоровъ. Они рѣшили, во избѣжаніе большого кровопролитія между родственными племенами, поставить побѣду въ зависимость отъ борьбы нѣсколькихъ испытанныхъ юношей. Было трое храбрыхъ братьевъ, и притомъ тройней, въ альбанскомъ лагерѣ, и трое какъ разъ такихъ-же и въ римскомъ. Тамъ Куріаціи, здѣсь Го-

раціи, всѣ родившіеся въ тотъ же день, сыновья двойничныхъ сестеръ, повидимому одинаковой силы, одинаково ловкіе въ употребленіи оружія, должны были рѣшить дѣло.

Договоръ былъ подтвержденъ клятвой, юноши, жаждая борьбы были готовы; звуки трубы подали знакъ къ бою. Засверкало оружіе, сраженіе колеблется то въ одну, то въ другую сторону, вскорѣ струящейся кровью обагрились панцыри и военные полукафтаны. Напряженно взоры всѣхъ слѣдили за движеніями бойцовъ; и вотъ, наконецъ, замертво падаютъ двое съ римской стороны,

ГРОБНИЦА ГОРАЦІЕВЪ И КУРІАЦІЕВЪ (Рисунокъ Фр. Преллера).

въ то время какъ три альбанца, правда раненые, но мужественно взмахивая оружіемъ, стояли противъ послѣдняго Горація. Тотъ пустился бѣжать передъ наступающимъ на него превосходствомъ силъ; казалось, позоромъ трусости онъ увеличивалъ еще пораженіе Рима. Въ сильномъ желаніи завершить счастіе этого дня, его преслѣдуютъ Куріаціи, но не соединившись вмѣстѣ, а на разстояніяхъ, какъ позволяетъ это рана каждаго изъ нихъ. Тогда римлянинъ внезапно оборачивается, ближайшему и сильнѣйшему изъ преслѣдовавшихъ вонзаетъ въ грудь свой мечъ, убиваетъ затѣмъ послѣ короткой, но бѣшеной борьбы, второго и, на-

конецъ, безъ труда и третьяго, обезсиленнаго уже прежними ранами.

Громкимъ ликованіемъ привѣтствовали побѣдителя римляне; молча и полные скорби и негодованія альбанцы склонили свою гордую голову подъ иго горькой необходимости. По повелѣнію римскаго царя, они пошли въ свой городъ подготовляться къ походу противъ этрусскихъ силъ. Затѣмъ и римское войско отправилось домой. Впереди него шелъ побѣдоносный юноша съ окровавленнымъ оружіемъ убитыхъ противниковъ. А изъ города навстрѣчу возвращающимся высыпала въ радостномъ волненіи толпа, громко превознося подвиги своего храбраго вождя. И вотъ изъ среды ея выбѣжала его единственная сестра, которая была обручена съ однимъ изъ Куріаціевъ.

Она увидѣла на рукѣ брата обагренный кровью боевой полукафтанъ своего жениха, и въ своемъ горѣ она, громко рыдая, стала обвинять побѣдителя, какъ убійцу своего милаго, а боговъ, какъ разрушителей ея жизненныхъ надеждъ. Отъ ея жалобъ и упрековъ, казавшихся юношѣ непристойными, воспламенился его гнѣвъ. Опьяненный побѣдой и одобреніемъ согражданъ, онъ, не владѣя болѣе разсудкомъ, обнажилъ мечъ, и сестра пала отъ его руки.

Тогда внезапно умолкло ликованіе толпы; ужасъ изъ-за преступнаго дѣянія охватилъ всѣхъ гражданъ, все государство черезъ это преступленіе казалось подлежащимъ карѣ боговъ; народъ громко потребовалъ наказанія убійцы. Такимъ образомъ, царь Туллъ призванъ былъ для суда. Охотно спасъ бы онъ храбраго юношу; но выше царя стоялъ законъ, а право помилованія принадлежало лишь богамъ и собранію гражданъ. Тотчасъ же онъ, согласно обычаю, вызвалъ двухъ уголовныхъ судей, и тѣ приговорили убійцу къ повѣшенію на безплодномъ деревѣ, внутри или внѣ померія. Въ то время, какъ исполнители приговора уже схватывали несчастнаго, шатаясь подошелъ старикъ отецъ его и воззвалъ къ милосердію всего народа, моля, чтобы его, принесшаго отчизнѣ уже столь дорогія жертвы въ лицѣ двухъ сыновей, не оставили одинокимъ въ престарѣлыхъ лѣтахъ, лишеннымъ всѣхъ своихъ дѣтей. Слова эти возбудили состраданіе гражданъ, и приговоренный былъ помилованъ. Но за то, что его, съ отважнымъ духомъ побѣдившаго внѣшнихъ враговъ, одолѣла буря соб-

ственной страсти, на него наложено было наказаніе пройти подъ ярмомъ. Были воткнуты въ землю два копья, третье привязано къ нимъ сверху, поперекъ, и онъ, лишенный своего оружія и воинскихъ почестей, какъ побѣжденный, долженъ былъ подвергнуться позору.

Разрушеніе Альбы; кончина Тулла Гостилія. Съ негодованіемъ переносили альбанцы римское господство; въ войнѣ противъ фиденцевъ и вейцевъ военачальникъ ихъ, Меттій Фуффетій, увлекся даже до явной измѣны, отступивъ самовластно изъ боевой линіи на холмъ и тѣмъ подвергнувъ римлянъ величайшей опасности. Когда же послѣдніе, несмотря на то, одержали побѣду, Туллъ Гостилій велѣлъ оцѣпить альбанское войско, четверкой лошадей разорвать Меттія Фуффетія на части, и принудилъ знатные альбанскіе роды переселиться въ Римъ, гдѣ они получили мѣста для поселенія на холмѣ Целіѣ (mons Caelius). Отъ нихъ произошли Сервиліи, Куріаціи, Клеліи, Юліи и другія благородныя фамиліи. Городъ же Альба былъ разрушенъ; но источникъ Ферентины, вблизи развалинъ города, остался мѣстомъ собранія для членовъ латинскаго союза.

Послѣ того какъ царь Туллъ Гостилій храбростью и военными успѣхами утвердилъ свою власть, онъ пошелъ войной на сабелльскія племена, которыя все въ большемъ числѣ и все насильственнѣе пытались проникнуть внутрь Лаціума. Поводомъ къ этому было слѣдующее. Къ высотамъ Соракте, по ту сторону Тибра, отправились римскіе купцы, чтобы принять участіе въ празднествахъ и въ ярмаркѣ въ священныхъ рощахъ Феронін. На нихъ напали и лишили ихъ товаровъ сабиняне, господствовавшіе въ тѣ времена въ этой области. Когда Туллъ чрезъ феціаловъ потребовалъ вознагражденія и удовлетворенія, онъ получилъ дерзкій отвѣтъ. Это вызвало войну. Съ обѣихъ сторонъ выступили въ походъ, произвели опустошенія и въ мелкихъ стычкахъ, какъ и въ крупныхъ битвахъ, испытали силы другъ друга, не одержавъ, однако, значительныхъ успѣховъ. Такъ-же мало могъ Туллъ добиться преобладанія въ Лаціумѣ.

Неудачи послѣднихъ его предпріятій, какъ и различныя необычайныя явленія, напр., каменный дождь въ Альбанскихъ горахъ, голоса въ лѣсу, моровая язва въ самомъ Римѣ, привели царя въ состояніе глубокаго унынія. Онъ окружилъ себя гада-

телями и волшебниками и старался магическими заклинаніями отвлекать гнѣвъ боговъ отъ себя и отъ государства. Въ одной книгѣ Нумы онъ нашелъ формулы для призыванія верховнаго бога къ появленію. Но такъ какъ онъ предпринялъ заклинаніе не съ чистой, безупречной душой, то богъ явился среди сильныхъ раскатовъ грома въ молніи и разгромилъ преступника вмѣстѣ со всѣмъ его домомъ.

АНКЪ МАРЦІЙ.

АНКЪ Марцій, облеченный по кончинѣ Тулла народнымъ избраніемъ въ царское достоинство, былъ внукомъ Нумы Марція, перваго главнаго понтифика (pontifex maximus) и друга царя Нумы, и мудростью и ласковымъ нравомъ похожъ былъ на этого царя. Онъ споспѣшествовалъ скотоводству и земледѣлію и старался поднять ремесла и оживить торговлю и сношенія на сушѣ и на морѣ. Поэтому онъ заложилъ при устьѣ Тибра портъ Остію, построилъ черезъ эту рѣку мостъ на сваяхъ (pons sublicius), воспользовавшись при этомъ островомъ на Тибрѣ, и укрѣпилъ расположенную на правомъ берегу гору Яникулъ. Но Римъ уже слишкомъ былъ запутанъ въ распри съ сосѣдями, такъ что послѣдніе приняли миролюбіе царя за слабость. Латиняне, сабиняне, вѣчно враждебные этруски и даже вольски южныхъ равнинъ и горъ подняли оружіе противъ того города, который при воинственномъ предшественникѣ царя угрожалъ независимости всѣхъ сосѣдей.

ПОРТРЕТЪ АНКА МАРЦІЯ
на динаріѣ Л. Марція Филиппа.

Въ своемъ стѣсненномъ положеніи Анкъ Марцій нашелъ въ самомъ Римѣ смѣлаго, предпріимчиваго человѣка, съ помощью котораго онъ оказалъ сопротивленіе всѣмъ врагамъ. Это былъ тусскій лукумонъ изъ богатаго города Тарквиній. Поэтому большей частью его звали Тарквинійцемъ или Луціемъ Тарквиніемъ и—въ отличіе отъ его сына — Прискомъ, т.-е. Ста-

рымъ. Отецъ его, Демаратъ, по преданію, изъ Коринѳа отправился въ Тарквиніи и тамъ женился. Умная и честолюбивая жена его, Танаквиль, была тарквиніянкой высокаго происхожденія. Видя, что супругъ ея изъ-за своего иностраннаго происхожденія не допускался въ Тарквиніяхъ къ высшимъ почетнымъ должностямъ, она посовѣтывала ему переселиться въ Римъ, гдѣ заслуга и способности достигаютъ полнаго значенія,

ОСТАТКИ СТѢНЫ АНКА МАРЦІЯ ВЪ ОСТІИ. (Съ фотографіи Алинари).

безъ всякаго отношенія къ личности и происхожденію. Итакъ Тарквиній съ сокровищами и многочисленными кліентами, друзьями и рабами переселился въ городъ на Тибрѣ. Когда супружеская чета со значительной свитой приближалась къ Яникулу, то, какъ разсказываютъ, надъ ними закружился орелъ, сталъ спускаться все ближе и ближе и, паря надъ самой головой лукумона, схватилъ его шляпу. Но вмѣсто того, чтобъ унести головной покровъ, онъ, послѣ нѣсколькихъ круговъ, опять возложилъ его на владѣльца. Отсюда Танаквиль заключила, что мужъ ея со временемъ

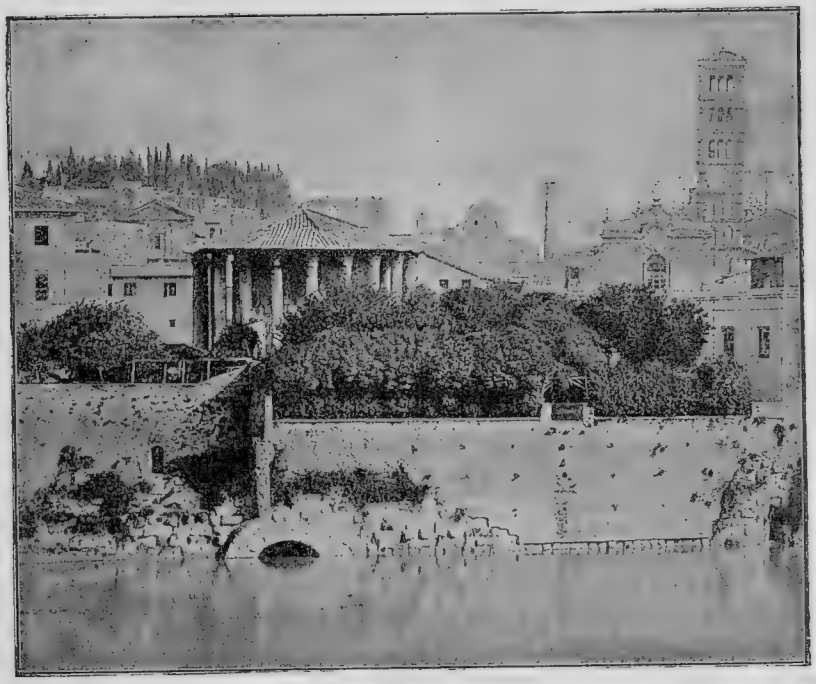
достигнетъ высшей почести въ Римѣ, и такимъ образомъ онъ радостно вступилъ въ городъ. Здѣсь онъ какъ своимъ богатствомъ, такъ и своей ласковостью, добрыми совѣтами и храбрыми подвигами пріобрѣлъ расположеніе народа и правителя. По смерти Анка Марція, римляне избрали его царемъ.

ЛУЦІЙ ТАРКВИНІЙ ПРИСКЪ.

Луцій Тарквиній Прискъ достигъ того, на что указалъ ему орелъ при вступленіи его въ Римъ, что́ предсказала ему жена. Онъ былъ воинственнымъ царемъ. Латиняне неоднократно были имъ побѣждаемы, а равно сабиняне и этруски. Отъ послѣднихъ онъ получилъ, какъ знаки своей царской власти, золотую корону, скипетръ, кресло изъ слоновой кости, шитую золотомъ пурпуровую тунику и пурпуровую тогу и двѣнадцать сѣкиръ въ пукахъ розогъ, которыя носились двѣнадцатью ликторами, исполнителями карательныхъ приговоровъ царя. Эти знаки отличія носили и послѣдующіе цари римлянъ. Война и возрастающее количество населенія въ Римѣ, казалось, дѣлали необходимымъ увеличеніе конницы. Поэтому Тарквиній пожелалъ къ старымъ, устроеннымъ еще Ромуломъ коннымъ центуріямъ рамновъ, тиціевъ и луцеровъ, прибавить новыя съ новыми названіями. Тогда авгуръ Аттъ Навій заявилъ, что столь важное измѣненіе государственнаго устройства не можетъ быть дѣломъ одного царя, но что напередъ нужно разузнать волю боговъ наблюденіемъ птичьяго полета. Гнѣвно и въ то же время насмѣшливо царь воскликнулъ: „Хорошо, слуга божій, такъ наблюдай же птичій полетъ и относительно того, можетъ ли случиться то, о чемъ я думаю въ это мгновеніе“. Аттъ отмежевалъ свой templum и послѣ птичьяго полета далъ утвердительный отвѣтъ. Тогда царь воскликнулъ: „Я думалъ про себя, чтобы ты разрѣзалъ этой бритвой оселокъ; возьми ее и исполни, что́ птицы твои считаютъ возможнымъ“. Авгуръ взялъ ножъ и безъ колебанія разрѣзалъ имъ камень. Его твердое упованіе на бога не посрамило его. Съ тѣхъ поръ въ Римѣ какъ въ военное, такъ и въ мирное время

всѣ болѣе важныя дѣла происходили лишь послѣ того, какъ установлено было, что знаменія боговъ благопріятны. И Тарквиній теперь уже не измѣнилъ числа и названій конныхъ центурій, но удовольствовался тѣмъ, что новыхъ всадниковъ присоединилъ къ старымъ центуріямъ.

Постройки Тарквинія Приска. Среди военныхъ бурь царь соста-



УСТЬЕ CLOACA MAXIMA
Позади находится Авентинъ. (Съ фотографіи Алинари).

рился, но онъ не желалъ наслаждаться плодами своихъ побѣдъ въ праздномъ покоѣ; напротивъ, онъ теперь думалъ украсить съ царской пышностью свой Римъ, нѣкогда радушно принявшій его, бездомнаго странника, чтобы онъ былъ достоинъ называться первымъ городомъ новаго государства. Поэтому онъ набросалъ грандіозные планы для укрѣпленія и украшенія города, какъ и для осушенія низменностей между холмами. Громадная обводная стѣна должна была обнять различныя части города, великолѣпная хра-

мовая постройка—увѣнчать Капитолій, а посредствомъ подземныхъ каналовъ предположено было произвести осушеніе почвы. Но первая и вторая изъ этихъ огромныхъ задачъ были имъ только начаты Зато царь успѣшно предпринялъ осушеніе городскихъ низменностей. Въ древнія времена пробиравшійся между холмовъ Тибръ образовывалъ стоячія воды, такъ что сообщеніе между Палатиномъ и Авентиномъ приходилось поддерживать посредствомъ парома. Богъ Вертумнъ ввелъ рѣку въ ея естественные предѣлы; но болота и озера между возвышенностями препятствовали обработкѣ земли, а подымавшіяся изъ нихъ испаренія часто вызывали повальныя болѣзни. Посредствомъ засыпки землей и мусоромъ пытались помочь дѣлу уже при Ромулѣ; но это средство оказывалось недостаточнымъ, такъ какъ болота питались стекавшею съ горъ водой и рѣчной водой при половодьи Тибра. Тарквиній предпринялъ поэтому постройку большой клоаки, которая справедливо ставится наравнѣ съ исполинскими сооруженіями Египта и Индіи, такъ какъ она еще теперь, спустя тысячелѣтія, сохранилась неразрушенною [1]), несмотря на землетрясенія, опустошенія безконечныхъ войнъ и внутреннія распри.

Входъ въ клоаку былъ устроенъ къ югу отъ Форума и Капитолія. Она принимала въ себя не только нѣсколько источниковъ, но и воду рвовъ и меньшихъ клоакъ, служившихъ для осушенія Форума и даже отдаленной Субуры (нижняго города) между Эсквилиномъ и Квириналомъ. Отъ этого пункта Cloaca maxima (наибольшая клоака) тянется частью глубоко подъ землей, витой линіей къ рѣкѣ, куда выходитъ черезъ тройную сводообразную арку. Она состоитъ изъ коробового свода въ 4 m (13 фут.) вышины и $2^3/_4$ m (9 фут.) ширины, который такъ искусно и прочно былъ сложенъ изъ громадныхъ четырехугольныхъ камней безъ цемента, что до сихъ поръ ни одинъ камень не вышелъ изъ своего мѣста. Другая клоака служила для осушенія долины между Палатиномъ и Авентиномъ. Она еще теперь принимаетъ въ себя ручей Маранну, который въ то время превращалъ эту часть города въ болото. На добытой такимъ образомъ землѣ на сѣверѣ былъ устроенъ Рим-

[1]) Безспорно принадлежащія къ эпохѣ царей части большой или главной клоаки открыты лишь въ началѣ осени 1900 года.
Примѣчаніе редактора перевода.

скій Форумъ, торговая площадь и мѣсто собранія народа, на югѣ между Палатиномъ и Авентиномъ большой циркъ для праздничныхъ игръ и упражненій. Съ боку, въ восточномъ направленіи, къ рынку примыкалъ Комицій, площадь для судебныхъ и другихъ публичныхъ засѣданій, гдѣ народъ, раздѣленный по куріямъ, подавалъ голоса. Здѣсь на сѣверной сторонѣ стояла Большая Курія или домъ, гдѣ сходился сенатъ, на южной—жертвенникъ и храмъ Весты, какъ бы центръ и очагъ города.

СЕРВІЙ ТУЛЛІЙ.

Происхожденіе и возвышеніе Сервія Туллія. Когда еще Тарквиній Прискъ былъ во цвѣтѣ своихъ силъ, Окризіи, латинянкѣ изъ знатнаго рода, взятой въ плѣнъ во время одной войны и служившей, въ качествѣ рабыни, у царицы Танаквили, случилось однажды приносить жертву домашнему богу у очага царскаго дворца. Тогда ей явился богъ и сочетался съ нею. Сына, ею рожденнаго, назвали Сервіемъ Тулліемъ, потому что онъ былъ сыномъ рабыни (serva). Онъ рано выказалъ недюжинныя способности и, казалось, стоялъ подъ особымъ покровительствомъ боговъ. Когда, нѣсколько лѣтъ спустя, мальчикъ однажды заснулъ въ галлереѣ, вокругъ головы его запылало пламя подобно огненной коронѣ. Окризія и наблюдавшіе это служители хотѣли подбѣжать, чтобы потушить пламя, но Танаквиль остановила ихъ, ибо она поняла волю небесныхъ существъ, предназначившихъ ребенка къ великимъ дѣламъ. Съ этого времени она сообща съ матерью посвящала мальчику всякія заботы, и подъ ея руководствомъ онъ выросъ многообѣщающимъ юношей, храбро сражавшимся рядомъ съ царемъ и часто рѣшавшимъ бой во главѣ конныхъ дружинъ.

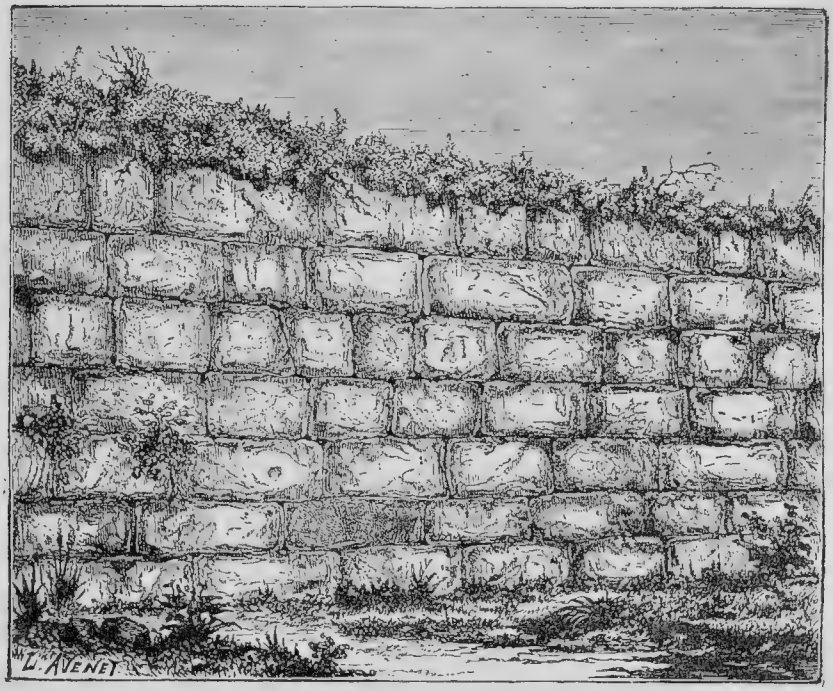
Танаквиль дала ему въ жены одну изъ своихъ дочерей, любимое свое дитя, и тѣмъ еще крѣпче связала его съ своимъ домомъ. Теперь не казалось страннымъ, что онъ часто замѣщалъ старившагося царя въ сенатѣ и въ народныхъ собраніяхъ; да и народъ любилъ его за его ласковость и кротость и довѣрялъ ему за его безпристрастное правосудіе.

Предпочтеніемъ выскочки особенно были недовольны сыновья прежняго царя, Анка Марція. Они до сихъ поръ спокойно дожидались смерти втершагося Тарквинія, считая для себя обезпеченнымъ престолонаслѣдіе; теперь же они поняли, что при дальнѣйшемъ мѣшканьи возрастающая любовь народа къ сыну рабыни навсегда могла бы лишить ихъ престола. Тогда они рѣшились на умерщвленіе царя. Двое отважныхъ мужчинъ изъ ихъ приверженцевъ должны были, переодѣтые въ видѣ римскихъ поселянъ, съ топорами на плечахъ, затѣять шумную ссору передъ царскимъ жилищемъ. Старикъ Тарквиній вышелъ изъ дому, чтобы, согласно своей должности, умиротворить спорящихъ и произнести приговоръ. Но въ то время, какъ онъ выслушивалъ одного изъ сердитыхъ мужчинъ, другой нанесъ ему смертельный ударъ въ голову.

Злодѣйство совершилось, но настоящіе виновники убійства ничего отъ этого не выиграли. Ибо, хотя царскій домъ былъ въ величайшемъ смятеніи, умная Танаквиль ни на минуту не потеряла присутствія духа: она велѣла перенести умирающаго мужа въ обособленный покой, перевязала рану, отстраняла проникавшихъ туда и вышла наконецъ со своимъ любимцемъ Сервіемъ Тулліемъ въ толпу, гдѣ она объявила, что царь оправился и распорядился, чтобы прежній помощникъ его покамѣстъ замѣщалъ его въ дѣлахъ управленія, пока онъ самъ не выздоровѣетъ. Безъ пререкословія собрались граждане по призыву глашатаевъ. Сервій Туллій сидѣлъ на sella curulis, царскомъ стулѣ изъ слоновой кости, который нѣкогда вмѣстѣ съ золотымъ головнымъ украшеніемъ и скипетромъ побѣжденные этруски преподнесли главѣ государства, какъ знаки царскаго достоинства. Ликторы или топорники окружали его; надежные люди въ воинскомъ вооруженіи были разставлены повсюду. Такъ онъ производилъ судъ надъ сыновьями Анка, которыхъ гласъ народа обвинялъ въ подстрекательствѣ къ цареубійству. Когда тѣ не послѣдовали приглашенію, онъ приговорилъ ихъ къ изгнанію и опалѣ. Дальнѣйшаго преслѣдованія онъ не производилъ, такъ какъ узнали, что они бѣжали къ вольскамъ, гдѣ они безъ приверженцевъ и почета влачили жалкую жизнь и, наконецъ, безслѣдно исчезли.

Такимъ образомъ народъ и сенатъ вскорѣ свыклись съ новымъ правителемъ, котораго уже до этого почитали за его умъ и энергію.

Танаквиль. Когда Танаквили, наконецъ, заблагоразсудилось объявить о послѣдовавшей смерти царя, граждане такъ привыкли къ своему любимцу, что единодушно утвердили его въ должности. Добровольно народъ представляетъ себя руководительству разумной женщинѣ, которая, обходя съ большой самоотверженностью собственныхъ сыновей, властолюбиваго Луція и добродуш-



ЧАСТЬ СТѢНЫ СЕРВІЯ ТУЛЛІЯ. (Рисунокъ по фотографіи).

наго, но слабаго Аруита, возводитъ на престолъ человѣка, который съ воинскимъ талантомъ соединяетъ умъ и доброту сердца.

Уваженіе къ этой женщинѣ было въ Римѣ тѣмъ болѣе всеобщимъ, что она въ то же время была украшена всѣми добродѣтелями римской матроны. Веретено и прялку она считала лучшимъ украшеніемъ женщины, и никто не превосходилъ ее въ обращеніи съ ними. Она собственноручно выпряла и соткала для своей дочери свадебную тунику, которою любовались еще въ

позднѣйшее время, и съ скромностью и съ честью завѣдывала царскимъ хозяйствомъ, умѣя въ то же время съ умомъ и знаніемъ дѣла руководить совѣтомъ мужчинъ. Ради столь многихъ заслугъ римляне, по смерти ея, воздвигли ей статую въ храмѣ Сабинскаго бога Дія Санка; позднѣе ее называли Гаей Цециліей, или смѣшивая ее съ одной знаменитой весталкой этого имени, или потому, что она приняла въ Римѣ это имя. Отъ нея, скромной, усердной хозяйки, будто-бы происходитъ обычай, по которому невѣста въ день свадьбы говорила жениху: „Гдѣ ты, Гай, буду я, Гая".

Укрѣпленіе власти Сервія Туллія. Лишь только вѣсть о смерти могучаго Тарквинія распространилась среди сосѣднихъ народовъ, послѣдніе стали готовиться возстановить свою старую независимость. Новый царь съ тревогой замѣтилъ общее движеніе противъ Рима. Онъ рѣшилъ предупредить его и сначала созвалъ на собраніе депутатовъ латинскихъ городовъ. Ясно изложивъ тамъ положеніе вещей, онъ показалъ въ то же время въ подкупающей рѣчи, что Риму и Лаціуму слѣдовало бы твердо держаться вмѣстѣ, чтобы быть въ силахъ устоять передъ натискомъ враждебныхъ племенъ. Въ концѣ онъ предложилъ постройку общаго храма и ежегодное общее празднество союза на высокомъ Авентинѣ. На этой возвышенности, говорилъ онъ, гдѣ поселилось уже много латинянъ, должно возвышаться святилище могущественной богини природы Діаны, которой поклоняется весь Лаціумъ въ священныхъ рощахъ Ферентина; съ этого мѣста взоръ простирается до храма Юпитера Latiaris на Альбанской горѣ и обнимаетъ всю область обоихъ родственныхъ народовъ; тогда римляне и латиняне познаютъ, что ихъ могущество и величіе покоится на ихъ единеніи. Рѣчь царя встрѣтила одобреніе; постройка храма была рѣшена, празднество установлено; Римъ и Лаціумъ остались соединенными.

На другой ладъ привлечены были или по крайней мѣрѣ удержаны въ спокойствіи сабиняне. Дѣло въ томъ, что въ богатыхъ пастбищами долинахъ Реатинской области, у почтеннаго владѣльца стадъ, по имени Антрона Куріація, былъ теленокъ необычайной величины. Ему нѣкій вѣщій мужъ послалъ указаніе принести теленка въ жертву на жертвенникѣ Діаны, говоря, что тогда верховное господство достанется его народу. Между тѣмъ

Куріацій слышалъ уже о великолѣпіи вновь построеннаго храма на Авентинѣ и отправился туда со своимъ славнымъ, откормленнымъ животнымъ, чтобъ заклать его въ честь великой богини.

КАПРИ. ВИДЪ СЪ ДОРОГИ АНАКАПРИ.
Образчикъ Кампанской мѣстности (Съ фотографіи Алинари)

Прибывъ туда, онъ простодушно разсказалъ жрецу Корнелію, что побудило его совершить этотъ далекій путь. Но тотъ вспылилъ на него, какъ-молъ онъ смѣетъ немытыми руками приносить

такую жертву, приказалъ ему сначала смыть земную грязь и пыль въ священной водѣ Тибра, прежде чѣмъ приблизиться къ чистой богинѣ. Испуганный крестьянинъ повиновался; но пока онъ купался у подошвы горы, жрецъ наверху заклалъ жирное животное въ честь Діаны и какъ знаменіе, предвѣщающее побѣду Риму. Когда Куріацій снова прибылъ къ храму, онъ засталъ жертвователей уже за ѣдой и получилъ телячью голову, которую отнесъ домой и показалъ своимъ землякамъ, чтобъ предостеречь ихъ отъ пагубной войны. У сабинянъ, въ самомъ дѣлѣ, была добрая вѣра: разсказъ крестьянина и телячья голова, какъ знакъ происшедшаго, имѣли то чудотворное дѣйствіе, что мечи остались въ ножнахъ.

Не такъ дешево раздѣлались съ этрусскими народностями, особенно съ населеніями Цере, Вей и Тарквиній. Двадцать лѣтъ онѣ, съ перемѣннымъ счастьемъ, боролись съ римлянами, но въ концѣ концовъ имъ все-таки пришлось признать свою зависимость. Впрочемъ война вовсе не велась съ тѣмъ упорствомъ и ожесточеніемъ, какъ при Тарквиніѣ, ибо добрый царь Сервій Туллій во время нея находилъ также и время для исполненія важныхъ и грандіозныхъ дѣлъ мира.

Государственное устройство Сервія Туллія. Онъ расширилъ городъ и окружилъ всѣ семь холмовъ: Палатинъ, Капитолій, Квириналъ, Виминалъ, Эсквилинъ, Целій и Авентинъ стѣной и рвомъ, а городъ и всю принадлежавшую къ нему область онъ раздѣлилъ на 30 участковъ или трибъ. Изъ нихъ самый Римъ составлялъ 4, сельскія окрестности его — 26 участковъ. Но прежде всего онъ любилъ народъ и желалъ, чтобы въ государственныхъ правахъ принимали участіе не только патриціи, какъ до этого, но и плебеи. Поэтому онъ создалъ новый порядокъ и раздѣленіе гражданъ не по ихъ рожденію, но по ихъ имуществу и ихъ военнымъ повинностямъ.

Весь народъ, патриціи и плебеи, по состоянію былъ раздѣленъ на пять классовъ. Къ первому классу принадлежали всѣ тѣ, кто имѣлъ состояніе по крайней мѣрѣ въ 100,000 ассовъ: они ставили 40 центурій (сотенъ) людей младшаго возраста (juniores) отъ 17-ти до 45-ти лѣтъ для службы въ открытомъ полѣ и 40 центурій людей старшаго возраста (seniores, отъ 46-ти—60-ти лѣтъ) для гарнизонной службы. Каждый изъ гражданъ

перваго класса долженъ былъ пріобрѣсть себѣ на собственныя средства шлемъ, латы, щитъ, наножники, копье и мечъ. Цензъ второго класса составлялъ 75,000 ассовъ. Классъ этотъ состоялъ изъ 10 центурій juniores и 10 центурій seniores, точно такъ, какъ и третій и четвертый классы, для которыхъ цензъ былъ 50,000 и 25,000 ассовъ. Лица второго класса не имѣли панцыря и носили зато большой щитъ (scutum), третьему классу кромѣ того не нужно было имѣть и напожниковъ, а четвертому — бронзоваго шлема и бронзоваго меча. Пятый классъ состоялъ всего изъ 30 центурій и имѣлъ цензъ въ 11,000 ассовъ. Отъ этихъ людей не требовалось другого вооруженія кромѣ камней и пращей. Кромѣ того были 2 центуріи оружейныхъ мастеровъ и плотниковъ, 2 центуріи горнистовъ и трубачей и 1 центурія запасныхъ. Общее число центурій пѣхоты было 175; къ нимъ присоединялись 18 центурій всадниковъ, которыхъ царь выбиралъ изъ самыхъ богатыхъ людей, потому что они должны были нести больше всего повинностей въ пользу государства. Съ величиной повинности соразмѣрялось и участіе отдѣльнаго гражданина въ правахъ; ибо и новое народное собраніе, установленное Сервіемъ Тулліемъ, было собраніемъ войска: оно сходилось по классамъ и центуріямъ. Сначала голосовали 18 центурій всадниковъ, затѣмъ 80 центурій пѣхоты перваго класса и т. д., такъ что перевѣсъ вполнѣ былъ на сторонѣ богатыхъ и людей наиболѣе годныхъ на войнѣ. Несмотря на это, реформа государственнаго устройства была ненавистна патриціямъ, такъ какъ черезъ это ограничивались преимущества родовой знати. Этими обстоятельствами воспользовались для сверженія благороднаго царя.

Луцій и Арунтъ Тарквиніи; кончина Сервія Туллія. Тарквиній Прискъ оставилъ послѣ себя двухъ сыновей, о которыхъ Сервій заботился съ отеческой любовью. Старшій изъ нихъ, Луцій, былъ честолюбивъ, отваженъ и необузданнаго нрава. Онъ съ негодованіемъ думалъ о томъ, что онъ удаленъ отъ власти втершимся лицомъ. Младшій его братъ, Арунтъ, будучи кроткаго, покорнаго нрава, постоянно выказывалъ должную преданность своему царственному покровителю. Сервій Туллій отдалъ имъ въ супружество своихъ дочерей, которыя обѣ назывались Тулліями, и притомъ кроткую старшую — Луцію, властолю-

бивую младшую — Аруntу. Онъ надѣялся черезъ эти союзы смягчить правъ тѣхъ, которые въ необузданной дерзости грозили воспротивиться существующему порядку; но онъ заблуждался. Единомышленники скоро узнали другъ друга, соединились и принесли своихъ супруговъ, мирный образъ мыслей которыхъ они презирали, въ жертву своей преступной страсти.

Надъ трупами Аруnта и старшей Туллiи Луцiй Тарквиній и младшая Туллія подали другъ другу руки для бракосочетанія, на которомъ не могло быть благословенія. Престарѣлый царь не былъ въ состоянiи ни помѣшать этому союзу, ни предотвратить коварныхъ козней, которыми Луцiй старался вызвать его погибель. Послѣдній щедростью и обѣщаніями вскорѣ собралъ вокругъ себя толпу смѣлыхъ искателей приключеній, между тѣмъ какъ ему въ то же время благоволила значительная партія среди патриціевъ.

Правда, его первая попытка удалить заслужившаго уваженіе царя отъ власти не удалась, и ему пришлось спасаться отъ ожесточеннаго народа поспѣшнымъ бѣгствомъ. Но во время жатвы, когда честные граждане заняты были на полѣ, онъ предпринялъ второе нападеніе. Онъ созвалъ сенатъ въ курію, точно онъ уже былъ облеченъ царской властью, и приверженцы его послѣдовали его приглашенію. Затѣмъ и самъ онъ, одѣтый въ пурпуровую тогу, съ царской повязкой на головѣ, окруженный ликторами и вооруженными тѣлохранителями, отправился въ собраніе.

Здѣсь онъ опустился на царское кресло и началъ старыя свои обвиненія противъ Сервія, что-молъ тотъ вопреки справедливости и закону лишилъ его власти, что онъ презрѣннаго происхожденія и къ тому-же нововводитель, а что онъ, Тарквиній, законный наслѣдникъ престола. Пока онъ еще говорилъ, явился самъ царь съ небольшой свитой и, разсерженный дерзостью зятя, попытался стащить его съ царскаго сѣдалища. Тогда молодой, сильный мужчина схватилъ его, повлекъ къ выходу залы собранія и сбросилъ его съ лѣстницы. Когда старикъ, окровавленный и шатаясь, поднялся, чтобы достигнуть своего жилища, въ слѣдъ ему поспѣшили злоумышленные соучастники Тарквинія. Подъ ихъ ножами онъ среди улицы окончилъ свою жизнь, бывшую для Рима столь долгое время полною благословенія и счастія.

Между тѣмъ гордая Туллія съ нетерпѣніемъ ждала вѣстей

объ успѣхѣ плана, относительно котораго она уговорилась съ мужемъ. Наконецъ, она сама поѣхала въ курію. Возница ея остановился, замѣтивъ царскій трупъ, лежавшій поперекъ дороги; но она велѣла ему погнать лошадей и не обратила вниманія на то, что копытами коней тѣло отца было растоптано и растерзано, что колеса ея колесницы обагрились отцовской кровью. Такъ говорило ужасное сказаніе, подобное тому, какое окружаетъ царскій домъ Атридовъ въ Микенахъ.

ЛУЦІЙ ТАРКВИНІЙ ГОРДЫЙ (SUPERBUS).

РИМЛЯНЕ отмѣтили этого своего седьмого и послѣдняго царя прозвищемъ Superbus, т.-е. Гордаго, Властолюбиваго, и нельзя отрицать, что оно дано ему съ полнымъ основаніемъ. Онъ хотѣлъ поднять царскую власть выше всѣхъ предѣловъ. Для достиженія этой цѣли своего честолюбія, онъ безцеремонно шелъ впередъ, пренебрегая божескимъ и человѣческимъ правомъ, какъ это дѣлали тираны всѣхъ временъ. Онъ окружилъ себя не только царскими ликторами или топорниками, но и особыми тѣлохранителями изъ дюжихъ людей, которые мечомъ и копьемъ охраняли ночью его дворецъ, а днемъ его самого при публичномъ его появленіи. Затѣмъ онъ частью судебнымъ порядкомъ, частью посредствомъ коварства и убійства устранилъ съ своего пути приверженцевъ своего предшественника. Сената, уменьшившагося чрезъ это въ составѣ, онъ не пополнялъ, но давалъ ему все болѣе сократиться и лишь изрѣдка созывалъ его для совѣщанія, чтобы мало-по-малу предать его забвенію и презрѣнію. У него, напротивъ, былъ свой государственный совѣтъ изъ людей, одобрявшихъ каждый его шагъ и помогавшихъ ему при его выходкахъ. То, что эта тираннія болѣе всего тяготѣла надъ патриціями, что они увидѣли себя вполнѣ обманутыми въ своихъ ожиданіяхъ, было справедливой карой за ихъ измѣну Сервію Туллію. Желѣзный бичъ царя сталъ не менѣе чувствительнымъ и остальному народу. Онъ привлекался къ барщинѣ и другимъ тяжкимъ повинностямъ, а всякій ропотъ наказывался строжайшимъ образомъ.

Войны противъ сабинянъ и вольсковъ. Въ остальномъ царь проявлялъ честолюбивый нравъ своего отца. Не надъ однимъ Римомъ онъ хотѣлъ владычествовать, но надъ обширнымъ государствомъ; и когда, по обыкновенію, покоренные народы при перемѣнѣ верховнаго главы пытались освободиться изъ-подъ непривычнаго ига зависимости, онъ укрощалъ ихъ хитростью и безпощадной силой. Первыми зашевелились сабиняне въ своихъ горахъ и отказались признать новаго римскаго властителя. Тарквиній напередъ попытался тѣснѣе связать съ Римомъ латинскихъ союзниковъ, прежде чѣмъ обратить оружіе на отпавшія племена, и потому отдалъ единственную дочь свою въ жены Октавію Мамилію, правившему Тускуломъ съ царской властью и пользовавшемуся большимъ почетомъ во всемъ Лаціумѣ. Затѣмъ онъ призвалъ пословъ латинскихъ городовъ на старое мѣсто собранія въ священной рощѣ Ферентинской, гдѣ почитавшійся, какъ божество, источникъ Ферентина, бившій изъ темнаго грота, стекалъ въ тихій прудъ, окруженный лѣсистыми возвышенностями. Здѣсь, подъ сѣнью лѣса, засѣдало собраніе. И вотъ, когда царь воззвалъ къ союзу противъ враждебно настроенныхъ народовъ, онъ встрѣтилъ противорѣчіе. Турнъ Гердоній, смѣлый и очень богатый гражданинъ изъ Арриціи, открыто обвинилъ его въ стремленіи къ подавленію латинской свободы. Тарквиній сначала былъ смущенъ; но на второй день онъ обвинилъ противника въ измѣнѣ и чрезъ подкупленныхъ свидѣтелей нашелъ средства погубить его. Затѣмъ старый союзъ былъ возобновленъ и рѣшено всеобщее ополченіе.

Прежде чѣмъ послѣднее состоялось, царь пригласилъ герниковъ и вольсковъ къ подобному же союзу. Первые единодушно приняли предложеніе, но изъ послѣднихъ лишь два города, Эцетра и Антій выказали себя готовыми на это. Тогда было установлено ежегодно справлять на вершинѣ Альбанской горы надъ развалинами Альбы-Лонги большое общее празднество союза съ жертвоприношеніями, играми и веселыми пиршествами. Это распоряженіе долгое время оставалось въ силѣ; празднество это (feriae latinae) оказалось дѣйствительно для союза связующимъ средствомъ, и на вершинѣ мѣста собранія союза Латинскому Юпитеру (Jupiter Latiaris) былъ сооруженъ храмъ, который, далеко виднѣясь кругомъ, постоянно напоминалъ союзникамъ ихъ общ-

ность. Что эти латинскія феріи существовали уже давнымъ-давно въ сѣдую старину, въ этомъ нельзя сомнѣваться; учрежденіе ихъ приписывалось миѳическому царю Фавну. Тарквиній же осуществилъ вступленіе въ этотъ союзъ Рима и его предсѣдательство на празднествѣ.

Теперь немедленно призваны были подъ оружіе всѣ силы союза. Во главѣ ихъ царь двинулся на враждебно настроенный, богатый городъ вольсковъ, Суэссу Помецію. Граждане, дерзнувшіе оказать сопротивленіе союзному войску въ открытомъ полѣ, были разбиты, городъ ихъ подвергся приступу и послѣ храбраго сопротивленія былъ взятъ; побѣдителямъ досталась богатая добыча. Послѣдніе двинулись затѣмъ далѣе по странѣ вольсковъ, завладѣли Анксуромъ на крайней ея границѣ и для обузданія упрямаго народа заложили колоніи Сигнію и Цирцеи. Не давая себѣ покоя, царь повернулъ затѣмъ назадъ и, оставивъ Римъ слѣва, Альбанскую гору справа, перешелъ Аніо и напалъ врасплохъ на сабинянъ, которые, послѣ долгаго промедленія, рѣшились, наконецъ, оказать помощь угрожаемой Суэссѣ Помеціи вторженіями въ Лаціумъ.

Ихъ силы, раздѣленныя на два отряда, не устояли передъ натискомъ соединенныхъ союзниковъ и были уничтожены. Послѣ этого сабиняне покорились, да и этруски должны были остаться при прежнемъ своемъ зависимомъ положеніи. Покрытый славой и съ богатой добычей Тарквиній вернулся въ столицу, отпустивъ союзное войско.

Габіи. Но вскорѣ другой врагъ снова призвалъ его къ оружію. То былъ городъ Габіи въ самомъ сердцѣ Лаціума, на разстояніи лишь нѣсколькихъ миль отъ Рима, на свой страхъ затѣявшій распрю. Царь, не хотѣвшій опять созывать силы союза, двинулся на нихъ только со своими римскими отрядами. Но онъ встрѣтилъ большія затрудненія. Дѣло въ томъ, что городъ лежалъ на сѣверномъ краю Альбанскихъ горъ, на длинномъ хребтѣ кратера.

По причинѣ его протяженнаго положенія и крутыхъ скатовъ горы его нельзя было ни запереть, ни взять правильнымъ приступомъ. Кромѣ того, съ воинственными гражданами соединились изгнанники изъ самого Рима и храбрые бѣглецы изъ Суэссы Помеціи, которые съ мужествомъ и ловкостью совершали вылазки и набѣги черезъ горы и лѣсъ, часто даже до самыхъ воротъ Рима.

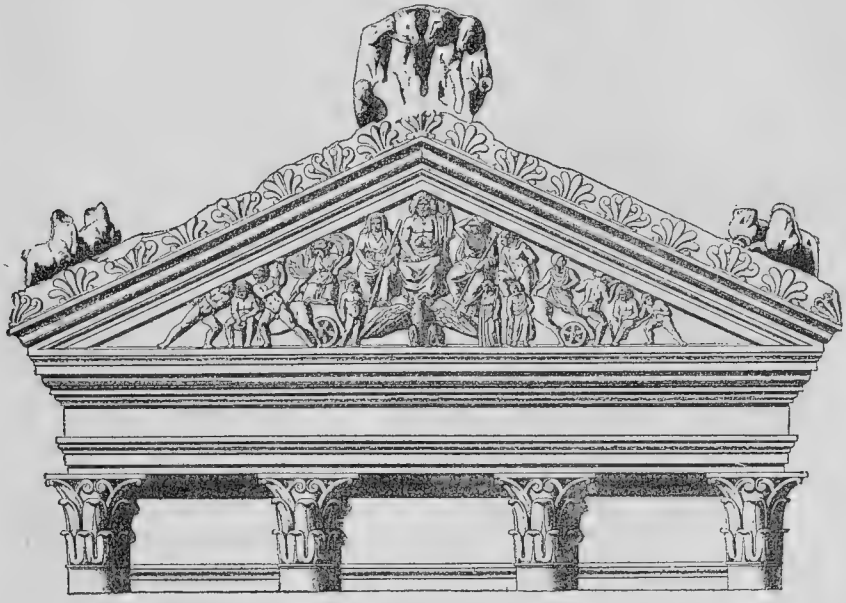
Въ этомъ затруднительномъ положеніи царь прибѣгнулъ къ хитрости. Старшій его сынъ Секстъ, съ которымъ онъ для вида публично обошелся пренебрежительно и жестоко, отправился перебѣжчикомъ въ городъ. Онъ охотно былъ принятъ, такъ какъ тиранна считали способнымъ на всякое насиліе, даже противъ собственныхъ дѣтей. Секстъ вскорѣ отличился храбрыми подвигами; всѣмъ его предпріятіямъ настолько благопріятствовало счастье, что, наконецъ, ему передали главное начальство въ Габіяхъ. Тогда онъ, какъ было условлено, отправилъ преданнаго раба къ своему отцу, съ вопросомъ, что дѣлать далѣе. Царь, не довѣрявшій никому, даже посланцу не далъ никакого отвѣта, а только ходилъ по своему саду взадъ и впередъ и, точно въ

ГОЛОВА ІОПИТЕРА КАПИТОЛІЙСКАГО НА РИМСКОЙ МОНЕТѢ.

гнѣвѣ, сбивалъ самыя красивыя и большія маковыя головки. Когда, наконецъ, рабъ повторилъ свой вопросъ, онъ сердито закричалъ на него: „Ступай своей дорогой и скажи моему сыну, что ты видѣлъ“. Слуга уныло вернулся къ своему хозяину. Но Секстъ, которому онъ въ точности все сообщилъ, отгадалъ намѣреніе отца, чтобы онъ именно убралъ съ дороги вліятельнѣйшихъ гражданъ въ Габіяхъ; и такъ какъ онъ былъ опытенъ въ козняхъ, то ему въ самомъ дѣлѣ удалось устранить всѣхъ людей, которые могли помѣшать его намѣренію. Затѣмъ онъ въ бурную ночь открылъ царю и его войску ворота города. Съ Габіями сверхъ чаянія обошлись мягко, и они остались подъ начальствомъ Секста.

Постройки; Капитолійскій храмъ. Теперь, наконецъ, у царя оказалось время выполнить другіе планы. Дѣло въ томъ, что онъ хотѣлъ также прославить свое имя грандіозными сооруженіями

въ Римѣ, а средства для этого дали ему богатыя сокровища, пріобрѣтенныя его побѣдами. Онъ расширилъ ристалище (Circus maximus), продолжилъ постройку клоаки и затѣмъ велѣлъ окончить постройку храма на Капитолійскомъ холмѣ, начатую его отцомъ. По его приказу и привлеченные большимъ вознагражденіемъ, прибыли свѣдущіе мастера изъ Этруріи, чтобы руководить постройкой; а народъ принуждался къ тяжелой барщинѣ. Сначала окончены были неоднократно упоминавшіеся громадные фундаменты,



ФРОНТОНЪ ХРАМА ЮПИТЕРА КАПИТОЛІЙСКАГО.

черезъ что добыли большую площадь. Надъ ней поднималось нѣсколькими ступенями самое зданіе храма. Тройная колоннада изъ шести стройныхъ колоннъ въ каждомъ ряду составляла портикъ и поддерживала весьма высокій и далеко впередъ выступавшій, согласно этрусскому архитектурному стилю, фронтонъ. Каждая изъ продольныхъ сторонъ была украшена однимъ рядомъ колоннъ, такъ что всего 26 колоннъ окружали три отдѣленія (cellae) внутренняго святилища. Средняя, наибольшая cella была посвящена отцу боговъ, находившаяся по правую сторону— Юнонѣ, по лѣвую — Минервѣ. Великолѣпныя ворота отдѣляли

священныя помѣщенія; въ переднихъ помѣщеніяхъ, похожихъ на cellae, были поставлены статуи богини юности Juventas, межевого бога Термина и другихъ. Другія статуи изъ глины помѣщены были на выступахъ стропилъ и на концахъ балокъ фронтонной стороны, а впослѣдствіи на самомъ фронтонѣ установлена была квадрига (четверка коней). Выдѣлка этого произведенія искусства происходила при счастливыхъ предзнаменованіяхъ. Именно, въ то время, какъ обжигали глину, она такъ сильно разбухла, что безъ разрушенія печи нельзя было вынуть изображенія. Этимъ чудомъ сами боги возвѣщали грядущее величіе римскаго народа. Этруски поэтому отказались выдать это произведеніе римлянамъ, и, какъ сообщаетъ сказаніе, понадобилось новое чудо, чтобы побудить ихъ къ этому.

БРУТЪ (бюстъ въ Капитолійскомъ музеѣ).

Сивиллины книги; Л. Юній Брутъ. Размышляя о постройкѣ, царь однажды сидѣлъ въ атріѣ своего дворца. Тогда къ нему безъ доклада вошла женщина, одѣтая по иностранному, и предложила ему по очень высокой цѣнѣ девять рукописныхъ свитковъ, въ которыхъ, какъ она сообщала, начертаны будущія судьбы Рима. Тарквиній возразилъ, что деньги свои онъ употребляетъ на болѣе нужное; теперь же время дорогое, и храмъ вызываетъ много издержекъ. Словомъ, онъ ее прогналъ. Она ушла, но черезъ нѣкоторое время вернулась и предложила ему шесть свитковъ за ту же цѣну, такъ какъ, по ея словамъ, она сожгла три изъ нихъ. Разсерженный ея навязчивостью, царь выпроводилъ ее еще

скорѣе. Но такъ какъ она вскорѣ вернулась съ тремя свитками, грозя сжечь и ихъ, если не будетъ удовлетворено ея требованіе, то царь принялъ дѣло за правду, созвалъ жрецовъ и гадателей и узналъ отъ нихъ, что женщина эта—Амальѳея, Кумская сивилла, вдохновенная пророчица, живущая у темныхъ водъ озера Аверна (близъ Неаполя) въ таинственномъ гротѣ, что въ высшей степени важно пріобрѣсти ея пророчества относительно Рима. Послѣ этого Тарквиній уплатилъ требуемую цѣну. Полученныя книги онъ велѣлъ хранить въ подземномъ склепѣ Капитолія особо для этого назначеннымъ должностнымъ лицамъ и распорядился, чтобы къ нимъ обращались за совѣтомъ лишь по распоряженію сената, при важныхъ обстоятельствахъ.—Миѳическій разсказъ о введеніи Сивиллиныхъ книгъ, оказывавшихъ большое вліяніе на развитіе римской религіи и римскаго народа, указываетъ, что онѣ были принесены изъ греческихъ Кумъ. Писанныя на греческомъ языкѣ, онѣ относились къ эллинскимъ божествамъ, и оба должностныхъ лица, которымъ было довѣрено хранить ихъ, получили толмачей, занимавшихся переводомъ и толкованіемъ.

Самъ царь, кажется, не очень довѣрялъ этимъ пророчествамъ; ибо когда онъ былъ напуганъ различными чудесными явленіями, въ особенности когда изъ полой колонны въ царскомъ домѣ поднялась змѣя, когда орлиная чета вмѣстѣ съ птенцами была растерзана коршунами, онъ не приказывалъ заглянуть въ книги Сивиллы, а назначилъ посольство въ Дельфы, чтобъ отъ знаменитаго оракула въ Греціи получить вѣрныя свѣдѣнія. Двое его сыновей, Арунтъ и Титъ, стояли во главѣ этого посольства, снабженнаго крупными подарками. Къ нимъ присоединенъ былъ близкій родственникъ, Луцій Юній, который за выставляемую имъ напоказъ простоту получилъ прозвище—Брутъ (тупоумный). Отецъ его Луцій Юній, зять Тарквинія Приска, уже давно палъ жертвой подозрительнаго тиранна; старшаго его брата постигъ тотъ же жребій. Самъ онъ спасся отъ подозрѣнія только тѣмъ, что притворился тупоумнымъ. Однако, сказаніе, кажется, себѣ противорѣчитъ: оно въ то же время сообщаетъ, что на этого самаго Брута царемъ было возложено начальство надъ всадниками, должность, имѣвшая во время войны большую важность и, конечно, требовавшая разумнаго, испытаннаго человѣка.

Окруженные значительной свитой, послы тотчасъ отправились въ путь. У Остіи, при устьи Тибра они сѣли на приготовленное для этой цѣли судно и вышли въ море. Они плыли по синимъ волнамъ морскимъ вдоль италійскихъ береговъ и далѣе, обогнувъ южную оконечность, по Іонійскому морю, пока, наконецъ, не вошли въ Криссейскій заливъ. Неподалеку отъ развалинъ Кирры они ступили на эллинскую почву. Идя вверхъ по шумному горному потоку, они вскорѣ увидѣли блескъ снѣга на вершинахъ Парнасса и на широкомъ уступѣ на склонѣ горы бѣлыя мраморныя колонны Дельфійскаго храма. Они вошли въ священные портики и передали жрецамъ свои дары. Тогда выступилъ впередъ и Брутъ и при смѣхѣ царственныхъ родственниковъ своихъ пожертвовалъ свой дорожный посохъ. Но жрецъ нашелъ палку необыкновенно тяжелой, и когда онъ внутри святилища снялъ наружную кору, то увидѣлъ, что она была наполнена чистымъ золотомъ. Царевичи затѣмъ спросили о значеніи чудесныхъ знаменій. Тогда Пиѳійская дѣва дала странный отвѣтъ:

„Если человѣческой рѣчью заговоритъ собака, то царю будетъ угрожать опасность“.

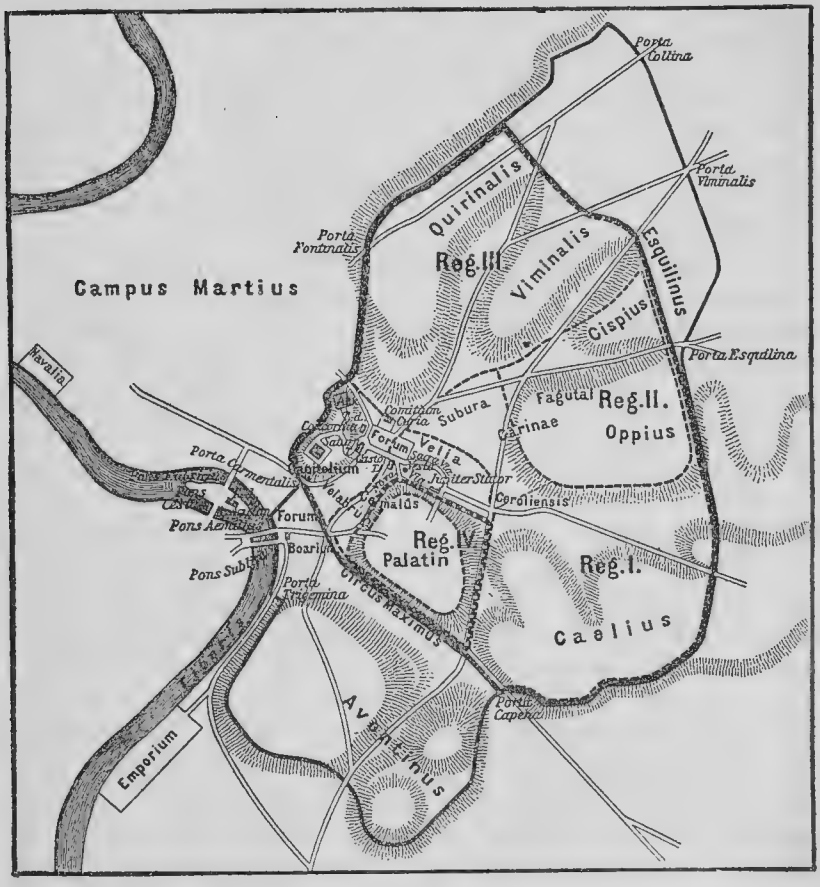
Этотъ отвѣтъ ободрилъ ихъ; имъ въ это мгновеніе не пришло въ голову, что Брутъ въ своемъ кажущемся тупоуміи лаялъ часто подобно собакѣ, и что онъ, можетъ-быть, когда-нибудь исполнитъ приговоръ судьбы человѣческой рѣчью. Теперь они поставили дальнѣйшій вопросъ, кто изъ нихъ современемъ достигнетъ власти, и получили изреченіе:

„Будетъ наслѣдникомъ тотъ, кто, по возвращеніи, первый поцѣлуетъ мать“.

Не понимая сокровеннаго смысла оракула, они рѣшили въ братскомъ согласіи бросить жребій, кому изъ нихъ обоихъ, по возвращеніи, поцѣловать первымъ ихъ мать Туллію. Но Брутъ вѣрнѣе постигнулъ смыслъ оракула. — Радуясь хорошему выполненію своей задачи, послы отправились въ обратный путь и благополучно достигли родной земли. Тогда Брутъ, сходя съ корабля, притворился оступившимся, упалъ на-земь и поцѣловалъ общую мать — землю.

Лукреція. Они застали царя занятымъ новыми военными приготовленіями. Послѣднія были направлены противъ могущественнаго города Ардеи въ странѣ рутуловъ, который, какъ прежде Га-

бін, сталъ сборнымъ мѣстомъ римскихъ изгнанниковъ. Уповая на свои крѣпкія стѣны и на свое неприступное положеніе на круто подымающемся холмѣ, онъ оказалъ сопротивленіе римской державѣ и не струсилъ, когда его обложило непріятельское войско.



ROMA QUADRATA-ПАЛАТИНЪ, городъ 4 частей и Сервіевъ городъ.

Нѣсколько приступовъ было отбито мужественными гражданами; поэтому не оставалось ничего другого, какъ принудить городъ къ сдачѣ голодомъ. Такимъ образомъ, осада затянулась.

Царевичи и другіе знатные римляне старались провести время въ разныхъ развлеченіяхъ. Однажды сидѣли они за полнымъ

кубкомъ, играли, распѣвали веселыя пѣсни и, вперемежку, болтали. Вотъ разговоръ коснулся и женщинъ. Каждый хвалилъ свою жену; но больше всѣхъ восхвалялъ Тарквиній Коллатинъ благонравіе и домовитость своей Лукреціи, дочери виднаго патриція Спурія Лукреція. Тотчасъ же порѣшили убѣдиться во всемъ собственными глазами. Лошади скоро были осѣданы и понесли своихъ хозяевъ сначала въ Римъ. Здѣсь застали царственныхъ женъ въ веселомъ обществѣ, а хозяйство ихъ безъ присмотра. Не обращая вниманія на ихъ разспросы и на то, что онѣ надули губки, продолжали путь въ Коллацію, гдѣ обиталъ родъ Тарквиніи Коллатина, родственный царскому дому.

Было поздно вечеромъ, когда вошли въ жилище, гдѣ управляла, въ качествѣ хозяйки, Лукреція. Она сидѣла посреди своихъ служанокъ, руководя ихъ работой и сама будучи занята пряжей и тканьемъ,—прелестная картина благородной женственности, усиленная еще блескомъ ея красоты. Она не была смущена, не была поражена неожиданнымъ прибытіемъ знатныхъ гостей. Она привѣтствовала мужа и его спутниковъ съ той граціей, которая свойственна благонравной женщинѣ, и предложила имъ разныхъ закусокъ, которыя въ изобиліи доставляло благоустроенное хозяйство. Послѣ короткаго отдыха общество тронулось въ обратный путь въ Ардею. Всѣ полны были похвалы благородной Лукреціи; но въ груди Секста Тарквиніа наружность ея зажгла дикій огонь. Спустя нѣсколько дней онъ тайкомъ вернулся въ Коллацію въ домъ двоюроднаго брата, встрѣтилъ ласковый пріемъ, но необузданно нарушилъ право гостепріимства, дикими угрозами принудивъ хозяйку къ прелюбодѣянію. На слѣдующій день Лукреція велѣла призвать въ Коллацію своего отца и своего мужа; вмѣстѣ съ ними прибыли также Валерій Попликола и Юній Брутъ. Они нашли Лукрецію въ траурной одеждѣ и изъ ея устъ узнали о случившемся. Послѣ этого Лукреція отвергла всякое утѣшеніе, но, прося своихъ родныхъ объ отмщеніи, сама твердой рукой вонзила себѣ ножъ въ сердце. Тогда Брутъ проявилъ истинный свой нравъ; онъ вытащилъ окровавленный ножъ изъ трупа и далъ святой клятвенный обѣтъ, что не потерпитъ долѣе тиранніи выродившагося царскаго рода. Другіе родственники покойной, въ особенности Лукреціи и Коллатинъ,

схватили тоже ножъ и поклялись въ томъ-же. Вся Коллація собралась вокругъ дорогого трупа и сопроводила его въ Римъ. Въ то время, какъ тамъ трупъ выставляется на Форумѣ, Брутъ съ пламенными словами обращается къ народу и производитъ то, что царская власть отмѣняется, а Тарквиній Гордый со всей своей семьей приговаривается къ изгнанію. При извѣстіи о томъ, низложенный царь изъ Ардеи спѣшитъ въ Римъ, но находитъ ворота запертыми. Между тѣмъ Брутъ прибываетъ въ лагерь подъ Ардеей, и собранная тамъ войсковая община утверждаетъ принятыя въ Римѣ рѣшенія противъ Тарквиніевъ. Такимъ образомъ изгнанному царскому семейству ничего болѣе не остается, какъ бѣжать въ Этрурію, откуда оно нѣкогда переселилось въ Римъ; только Секстъ Тарквиній, виновникъ бѣды, убитъ былъ въ Габіяхъ гражданами. Римскій же народъ на собраніи центурій, согласно установленнымъ Сервіемъ Туллліемъ формамъ, избралъ не царя, а Юнія Брута и Тарквинія Коллатина консулами.

КУЛЬТУРА ЦАРСКАГО ПЕРІОДА РИМА.

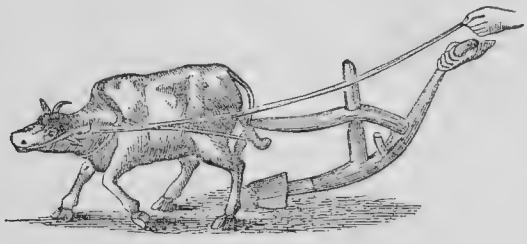
МРАКЪ того состоянія и тѣхъ отношеній, среди которыхъ жилъ римскій народъ въ продолженіе царскаго періода, не озаряется солнцемъ какого-нибудь Гомера. Въ то время какъ греческій царскій періодъ, благодаря исполненнымъ жизни, яркимъ и свѣжимъ картинамъ и сценамъ Одиссеи, стоитъ предъ нашими очами отчетливо, точно современный, нѣтъ италійской или римской поэмы, которая позволила бы бросить хотя бы издали взглядъ на дѣйствительность 6-го или 7-го вѣка до Р. Хр. Сами римляне могли лишь посредствомъ обратныхъ выводовъ изъ состоянія, господствовавшаго въ 3-мъ и 2-мъ столѣтіи до Р. Хр., составить себѣ смутную, какъ-бы затянутую покрываломъ картину древнѣйшихъ временъ. Поэтому до сихъ поръ въ нашемъ разсказѣ мы излагали большей частью сказанія вмѣсто исторіи, вымыселъ вмѣсто истины. Но затѣмъ мы сдѣлаемъ, по крайней мѣрѣ, попытку составить обозрѣніе того немногаго о житейскихъ отношеніяхъ римскаго народа въ древнѣй-

шее время, чему съ извѣстной степенью вѣроятія учатъ современные ученые.

Городъ Римъ и его область. Послѣдніе римскіе цари господствовали уже надъ всѣмъ Лаціумомъ отъ нижняго теченія Тибра до Цирцейскаго мыса, ибо около 509 г. до Р. Хр. (см. ниже) жители Арден, Антія, Лаврента, Цирцей и Таррачины ясно обозначаются подданными. Однако, собственно область римлянъ, земля, которою они обладали и по частному праву, была гораздо меньше; она обнимала около 1125 qkm. (989 кв. верстъ) вокругъ Рима. Но, какъ политическое средоточіе всей области, Римъ, конечно, уже въ періодъ царей выросъ за первоначальные свои предѣлы на Палатинскомъ холмѣ (Roma quadrata). Черезъ включеніе въ его границы Капитолійскаго холма, затѣмъ, Квиринала, Виминала, Ошія и Целія возникъ такъ-называемый городъ четырехъ частей (regiones) и изъ послѣдняго чрезъ присоединеніе Эсквилина и Авентина—семихолмный городъ Сервія Туллія, Сервіевъ городъ. Въ этомъ объемѣ городъ вѣроятно еще въ царскій періодъ былъ обведенъ земляным валомъ, мѣстами въ 15 m (7 саж.) вышины, передъ которымъ тянулся ровъ въ 30 m (14 саж.) ширины и 9 m (4,2 саж.) глубины. Впослѣдствіи—въ 4-мъ или 3-мъ вѣкѣ до Р. Хр.—валъ этотъ укрѣпленъ былъ еще каменной стѣной, толщиной въ 4 m (1,9 саж.). Но не все пространство внутри вала было застроено: Авентинъ большею частью служилъ общимъ пастбищемъ, а на Целіѣ и Эсквилинѣ рядомъ съ отдѣльными домами находились большія рощи.

Расчлененіе римскаго народа: трибы и куріи; знать, плебеи, кліенты. Первоначальное расчлененіе римскаго народа, навѣрное, было естественное: на семьи и роды. Въ такое время, котораго нельзя теперь опредѣлить, оно было замѣнено искусственнымъ дѣленіемъ на трибы и куріи, потому ли, что необходимость такого новаго расчлененія вызывалась принятіемъ части чужого народа, напр., сабинянъ, или истекало изъ другого какого событія. Съ тѣхъ поръ римскій народъ раздѣлялся на три трибы: рамновъ, тиціевъ, луцеровъ, соотвѣтствовавшія греческимъ филамъ. Каждая триба распадалась, въ свою очередь, на десять курій, т.-е. союзовъ извѣстнаго числа семействъ, имѣвшихъ общій „жертвенный домъ“ (curia), а также общее состояніе. Въ Римѣ было 30 такихъ курій, соединенныхъ въ одномъ домѣ

на Палатинѣ: въ нихъ члены союзовъ собирались для совмѣстнаго вкушенія поджареной полбы, по случаю Форнакалій („праздника печи“, каждое 17-ое февраля), и Фордицидій (древней жертвы изъ коровъ, въ честь богини земли), 15-го апрѣля. По куріямъ также римскіе граждане подавали голоса въ народномъ собраніи (comitia curiata); какъ къ „совокупности членовъ римскихъ курій“ (populus Romanus Quiritium), къ нимъ обращается царь, начиная рѣчь, на площади, и особой богиней - покровительницей курій состоитъ Юнона Curitis (Quiritis), а олицетвореніемъ куріатскаго государства — богъ Квиринъ. Поля гражданъ одной куріи лежали рядомъ, образовывали, значитъ, одну межу; граждане одной куріи стояли рядомъ и въ боевомъ порядкѣ



РИМСКІЙ ПЛУГЪ.

и составляли слѣдовательно военную единицу.—Издревле существовала у римлянъ противоположность между бѣдными и богатыми, знатью и простонародьемъ, какъ она представляется намъ въ двухъ элементахъ, изъ которыхъ состоитъ римскій народъ, плебеяхъ (plebs) и благородныхъ—патриціяхъ (patricius, т.-е. сынъ знатнаго отца). Основана ли эта противоположность на томъ, что Римъ нѣкогда былъ завоеванъ чужимъ племенемъ, можетъ быть сабинянами [1]), спустившимися со своихъ суровыхъ горъ къ вѣчно зеленому побережью, или, что вѣроятнѣе, на лучшемъ хозяйственномъ развитіи отдѣльныхъ семействъ того же племени, этого нельзя уже рѣшить. Во всякомъ случаѣ, эта великопомѣстная

[1]) Предположеніе невѣроятное, не имѣющее опоры ни въ преданіи, ни въ послѣдующей исторіи, ничего не говорящей о сословной противоположности между латинскимъ и сабинскимъ элементами.

Примѣчаніе редактора перевода.

знать къ имени, которое въ древности носилъ каждый римлянинъ, прибавляла еще родовое имя (nomen gentilicium), напр., Луцій Корнелій, и вообще болѣе сильнымъ подчеркиваніемъ родства развила понятіе рода (gens), ставшее впослѣдствіи болѣе важнымъ, чѣмъ древнее понятіе курій. Эти патриційскіе роды, какъ и куріи, имѣли общія жертвоприношенія (sacra gentilicia), а равно общее наслѣдственное право, даже уголовное право надъ всѣми родичами. На крѣпкой замкнутости этихъ родовъ и ихъ взаимномъ согласіи впослѣдствіи покоилось могущество родовой знати. Эти роды одни имѣютъ право быть членами сената, т.-е. избранные царемъ изъ ихъ среды „patres“ (отцы) составляютъ сенатъ; лишь въ видѣ исключенія царь призываетъ въ сенатъ и мужей изъ болѣе богатыхъ семействъ плебса и тѣмъ самымъ, вмѣстѣ съ правомъ доступа въ сенатъ, даруетъ имъ благородство. Такимъ образомъ, въ Римѣ различались старшіе и младшіе патриційскіе роды (patres majorum и minorum gentium). Но, кромѣ того, патриціи и въ хозяйственномъ отношеніи, именно какъ крупные землевладѣльцы, составляли противоположность мелкопомѣстнымъ плебеямъ. Да вѣроятно они и вытѣснили обезправленныхъ плебеевъ изъ курій, если тѣ вообще когда-либо принадлежали къ куріямъ. Впрочемъ масса народа состояла не только изъ плебеевъ, но и изъ кліентовъ. Плебеями были такіе крестьяне, которые сохранили за собой закопную свободу и независимость, но, хотя и имѣли постоянную осѣдлость въ Римѣ, не принимали участія въ политической жизни; кліентами были тѣ, которые отдались подъ покровительство знатнаго лица и отъ него получили пашню, какъ „выпрошенный даръ“ (precarium) и небольшое стадо скота (peculium) для издѣльнаго пользованія. Происхожденіе кліептовъ объясняется вѣроятно завоеваніемъ; они живутъ внѣ города и могутъ быть сравнимы съ наслѣдственноподвластными или оброчными крестьянами средневѣковой Германіи; они во многихъ отношеніяхъ были въ лучшемъ положеніи, чѣмъ бѣднѣйшіе изъ независимыхъ по закону плебеевъ. Ибо они на судѣ, а также и въ иныхъ случаяхъ, пользовались защитой своего „покровителя“ (patronus) и принимали участіе также въ жертвоприношеніяхъ его рода. Еще въ законѣ Двѣнадцати таблицъ 450 г. до Р. Хр. было постановлено: „Если патронъ обманетъ своего кліента, то да будетъ проклятъ“. Но, съ дру-

гой стороны, кліентъ также долженъ былъ платить патрону оброкъ съ пашни и стада и нуждался въ его опекѣ на судѣ.

Земледѣліе и скотоводство. Важнѣйшимъ средствомъ пропитанія римлянъ было сельское хозяйство. Крестьянинъ разводилъ рогатый скотъ для работы и для молочнаго хозяйства, рядомъ съ этимъ также свиней, овецъ и козъ. Лошадьми и мулами обладали лишь крупные землевладѣльцы. Плугъ, которымъ приготовляли почву для посѣва, состоялъ просто изъ обитаго металломъ деревяннаго сошника съ загнутой кверху дугой. Въ качествѣ зерна воздѣлывали, главнымъ образомъ, полбу (far), ячмень (hordeum) и полевые боби (faba), кромѣ того также просо, рѣпу, капусту и другія овощи. Въ саду (pometum) крестьянскаго имѣнія находились маслина и смоковница; вкругъ нихъ вилась виноградная лоза. Особые виноградники устраивались лишь впослѣдствіи. Древнѣйшее крестьянское имѣніе величиной было только въ 2 jugera (=0,5038 гектара = 0,461 десятины). На доходъ столь малаго имѣньица, конечно, не можетъ жить цѣлая семья. Это пространство, переходившее, какъ недвижимая частная собственность, по наслѣдству отъ отца къ сыну (heredium), служило, поэтому, только для устройства двора (hortus), съ огородомъ и садомъ. Но сверхъ этого каждое семейство имѣло долю въ пользованіи пашней, которою сообща владѣла и которую воздѣлывала, по общему плану, сельская община, а также общимъ пастбищемъ. Только мелкіе крестьяне (большинство плебеевъ) и кліенты (арендаторы и наемные работники) сводились впослѣдствіи все болѣе и болѣе на владѣніе однимъ геродіемъ, между тѣмъ какъ знатные граждане (патриціи) посредствомъ пріобрѣтенія многихъ дворовыхъ мѣстъ и выдѣленія крупныхъ кусковъ общинной пашни и общиннаго пастбища въ пользу своей частной собственности становились крупными землевладѣльцами.

Торговля. Рядомъ съ земледѣліемъ рано и торговля также стала играть большую роль въ промышленной жизни римлянъ. Въ этомъ имъ содѣйствовала судоходная рѣка Тибръ, по которой небольшіе корабли изъ Рима могутъ плыть еще много миль вверхъ по рѣкѣ, и который приблизительно на разстояніи одного дня пути отъ города, около Остіи, изливается въ Тирренское море. Этотъ водный путь и рядомъ съ нимъ, ведущая въ сабинскія горы, весьма древняя „соляная дорога“ (via Salaria), какъ и дорога, перерѣзывающая Тибръ у его римскаго острова и ведущая на сѣверъ въ

Этрурію и на югъ въ Кампанію, таковы были пути, по которымъ двигалась римская сухопутная торговля. Въ сущности, то былъ мѣновой торгъ съ этрусками, италійскими горными племенами и кампанскими греками; вмѣсто денегъ служилъ скотъ (pecunia). Однако, рядомъ съ этимъ появилась уже и мѣдь (aes, aestimare, оплачивать), употреблявшаяся, въ качествѣ денегъ, по вѣсу (libra = 1 фунту мѣди, раздѣленному на 12 унцій), а позже и въ видѣ монеты (as). Уже въ древнее время къ сухопутной торговлѣ присоединилась морская. На морскомъ берегу появились сначала финикійскіе, позже греческіе и карѳагенскіе купеческіе корабли, которые вымѣнивали сельско-хозяйственные продукты долины Тибра, скотъ, а также простыя произведенія италійской промышленности на восточные, египетскіе и греческіе товары. Къ концу царскаго періода римляне и подчиненные имъ латиняне и сами уже, при благопріятномъ состояніи моря, въ лѣтнее время плавали на о-ва Сардинію, Корсику, Сицилію и на африканскій берегъ, какъ видно изъ торговаго договора, заключеннаго съ карѳагенянами уже въ 509 г. до Р. Хр. Договоръ гласитъ: „На слѣдующихъ условіяхъ пусть будетъ дружба между римлянами и союзниками римлянъ (съ одной стороны) и карѳагенянами и союзниками карѳагенянъ (съ другой). Римляне и союзники римлянъ не должны выѣзжать за красивый мысъ (теперь мысъ Порто-Фарина = Расъ Спди Али эль Мекки), развѣ только, когда-бъ ихъ принудили къ этому буря или враги. Но если кто-либо принужденъ къ этому противъ воли, то онъ не долженъ ничего ни покупать, ни брать, кромѣ того, что нужно для исправленія судна или для жертвоприношеній. Въ теченіе пяти дней онъ снова долженъ отплыть. А тѣ, кто прибываетъ ради торговли, пусть не дѣлаютъ ни одного оборота безъ посредничества карѳагенскаго маклера или писца. А что продано будетъ въ ихъ присутствіи, за то продавцу должно быть дано поручительство отъ государства, за все, что продано будетъ или въ Ливіи, или въ Сардиніи. Если кто изъ римлянъ придетъ въ Сицилію, поскольку послѣдняя стоитъ подъ верховной властью карѳагенянъ, римляне и карѳагеняне должны быть уравнены во всемъ. А карѳагеняне не должны производить насилія надъ людьми изъ Арден, Антія, Лаврента, Цирцей, Таррацины и вообще надъ латинянами, которые состоятъ подданными Рима. Если же нѣкоторые—и не подданные его, они не

ТАОРМИНА: ГОРОДЪ, КРѢПОСТЬ, МОЛЪ. Примѣръ сицилійской мѣстности.

должны трогать ихъ городовъ; если же они займутъ какой-нибудь городъ, то должны передать его въ цѣлости римлянамъ. Укрѣпленнаго мѣста внутри Лаціума они не должны строить. Если они придутъ въ страну въ качествѣ враговъ, то не должны ночевать въ странѣ".

Ремесло и искусство; греческое вліяніе. Ремесло и искусство обработки металловъ и камня развивались у римлянъ совершенно какъ у прочихъ италиковъ, на основѣ той древне-италійско-этрусской культуры, о которой мы говорили выше (стр. 14 слд.). Но къ естественному развитію технической ловкости и искусства, въ періодъ римскихъ царей, присоединилось и иноземное вліяніе, прежде всего со стороны грековъ, поселившихся въ многочисленныхъ мѣстахъ Кампаніи и Нижней Италіи. Уже съ восьмого вѣка до Р. Хр. греческія вазы изъ Халкиды и Коринѳа употреблялись въ Кампаніи и Этруріи для украшенія могилъ; можно отсюда заключить, что онѣ не были чужды и римлянамъ. Видъ этихъ образцовъ возбудилъ соревнованіе. Вскорѣ въ италійскихъ могилахъ встрѣчаются вазы и бронзовые предметы италійской работы, орнаменты которыхъ въ видѣ грифовъ, сфинксовъ, крылатыхъ коней, и т. под., позволяютъ признать греческіе образцы. Одновременно съ этимъ подъемомъ глиняной и бронзовой скульптуры усовершенствовалась также домашняя и городская жизнь римлянъ. Увеличилось число, лучше стала форма сосудовъ, употреблявшихся въ домашнемъ хозяйствѣ, роскошнѣе стали отдѣлывать гробницы усопшихъ, какъ, напр., въ Пренесте. Римлянъ и латинянъ превзошли въ этихъ искусствахъ этруски, достигшіе высшаго своего процвѣтанія къ концу царскаго періода (см. ниже); они становятся учителями римлянъ, особенно въ зодчествѣ. На мѣсто древне-италійской круглой постройки изъ дерева, плетенки и соломы, въ Римѣ подъ греческо-этрусскимъ вліяніемъ становится прямоугольное строеніе, матеріалъ котораго мало-по-малу также улучшается. Начинаютъ также осушать городскую почву подземными отводными каналами (клоаками) и воздвигать большіе храмы изъ каменныхъ плитъ. Древнѣйшей постройкой этого рода въ Римѣ былъ начатый еще при царяхъ, но освященный уже во время республики, храмъ Преблагого, Превеликаго Юпитера (Jupiter Optimus Maximus) на Капитоліѣ, отъ котораго колоссальный фундаментъ сохранился до настоящаго

времени въ палаццо Каффарелли. Храмъ этотъ, прямоугольный четырехугольникъ, приближающійся къ квадрату, кратчайшая сторона котораго имѣетъ въ длину 52,5 m. (24,5 саж.), заключилъ въ себѣ три целлы: среднюю для Юпитера, правую для Минервы, лѣвую для Юноны. Статуя Юпитера въ средней целлѣ была изъ глины, этрусской работы; лицо окрашено было сурикомъ въ красный цвѣтъ, тѣло было одѣто въ красиво изукрашенную

ХРАМЪ ЮПИТЕРА СТАТОРА (реставрація).

тунику и въ пурпуровую, шитую золотомъ тогу. Передняя площадка храма — передъ кораблемъ храма въ 30,5 m. (14,2 саж.) ширины и 28,76 m. (13,4 саж.) длины—и бока состояли изъ ряда дорійскихъ колоннъ. Въ целлѣ Юпитера впослѣдствіи, во времена республики, 1-го января каждаго года и при объявленіи войны происходило засѣданіе сената. Храмъ впослѣдствіи неоднократно сгоралъ, но, какъ идейное средоточіе государства, всегда воздвигался вновь въ болѣе великолѣпномъ видѣ.

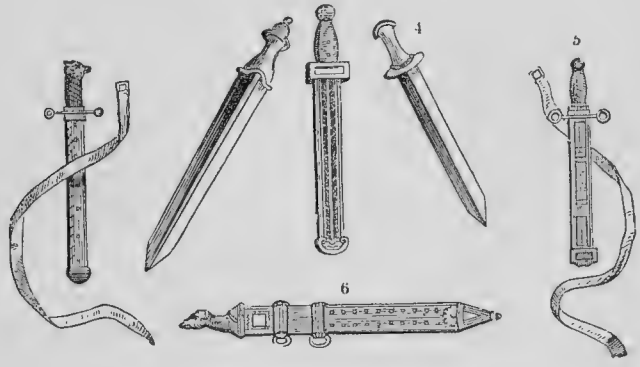
Военное дѣло. О военномъ дѣлѣ римлянъ, въ періодъ царей, мало можно сказать опредѣленнаго, такъ какъ на этотъ счетъ мы не обладаемъ надежнымъ преданіямъ. Первоначальное опол-

ченіе (legio) вѣроятно состояло изъ 3000 человѣкъ пѣхоты и 300 всадниковъ, такъ какъ каждая курія ставила 100 пѣхотинцевъ и 10 всадниковъ. Но эти военныя силы возросли, особенно въ силу Сервіева государственнаго устройства, до двухъ легіоновъ младшихъ людей (juniores, въ возрастѣ отъ 17—45 лѣтъ), по 4.200 человѣкъ въ каждомъ, для боя въ открытомъ полѣ, съ 1.800 всадниковъ, и до двухъ легіоновъ старшихъ людей (seniores, отъ 46—60 лѣтъ), употреблявшихся для гарнизонной службы. 3.000 гражданъ перваго, второго и третьяго класса, бывшихъ въ каждомъ легіонѣ juniores, составляли въ бою сомкнутый отрядъ (фалангу) въ 500 человѣкъ во фронтѣ, при глубинѣ въ шесть шеренгъ; сюда присоединялись 1.200 легковооруженныхъ (velites) четвертаго и пятаго класса, служившихъ или застрѣльщиками, или прикрытіемъ тыла. Конница прикрывала фаланги на флангахъ и открывала бой. Кромѣ того, къ каждому легіону принадлежало извѣстное количество саперовъ (fabri), музыкантовъ и трубачей (cornicines и tubicines). Главнымъ оружіемъ было тяжелое ударное копье (hasta); бронзовый мечъ, легко загибавшійся, устроенъ былъ только для удара. Для прикрытія воина служили у гражданъ перваго класса круглый щитъ (clipeus), обитый бронзой кожаный шлемъ (galea), кожаный нагрудникъ (lorica), покрытый часто бронзовой чешуей, и наножники, у гражданъ другихъ классовъ преимущественно продолговатый щитъ (scutum).

Право и обычай. Въ домашней жизни римлянъ особенно проявляется власть отца (patria potestas). Отецъ семейства (pater familias) есть неограниченный владыка и повелитель надъ своей „челядью“ (familia). Подъ послѣдней слѣдуетъ разумѣть всѣхъ свободныхъ и несвободныхъ людей (liberi—жена, дѣти, и servi—холопы) домашняго хозяйства. Ибо не только по отношенію къ рабамъ, съ которыми къ тому же въ это древнее время обращались мягко и по-человѣчески, но и по отношенію къ женѣ и дѣтямъ хозяину дома принадлежитъ право наказанія, даже право жизни и смерти. Онъ можетъ убить жену и дѣтей, или продать ихъ въ рабство, не отвѣчая за это передъ какой-либо земной властью. Только предъ богами онъ долженъ дать отвѣтъ. Отеческая власть держала все хозяйство въ строгомъ порядкѣ; скромно управляла служанками, наряду съ мужемъ, жена; впрочемъ, въ Римѣ она никогда не была въ той степени равной хозяину повелительни-

цей и „спутницей“, какъ у германцевъ. Дѣти выростали въ строгой покорности родителямъ, рано принимая участіе въ сельскихъ работахъ, рано упражняясь и въ управленіи оружіемъ. Внѣ дома мужъ охранялъ свое положеніе въ куріи и въ родѣ, участвуя въ собраніяхъ этихъ товариществъ, какъ и свое право въ государствѣ, подавая голосъ внутри своей куріи, позже въ своей центуріи при измѣненіяхъ государственнаго устройства новыми законами и при избраніи новаго царя.

Смертоубійство въ древнѣйшее время искупалось кровавой местью, которая считалась обязанностью семьи и рода.



РИМСКІЙ МЕЧЪ ВЪ РАЗЛИЧНЫЕ ПЕРІОДЫ.
1) Короткій мечъ пѣхотинца. 2) Длинный мечъ всадника. 3) Мечъ временъ римскихъ царей. 4) Короткій испанскій мечъ пѣхотинца. 5) Мечъ съ рукоятью и поясным ремнемъ (balteus). 6) Мечъ въ ножнахъ (изъ Помпей).

Но въ періодъ царей кровавая месть мало-по-малу исчезла, причемъ община, вмѣсто семьи, приняла на себя преслѣдованіе и наказаніе преступника. Въ первый разъ это произошло въ томъ случаѣ, когда убійца умертвилъ кровнаго брата (par), слѣдовательно родственника или товарища по роду. Такое злодѣйство было болѣе тяжкимъ, нежелиобыкновенное убійство; оно называлось paricidium, т.-е. убійствомъ „равнаго“. Самымъ сквернымъ видомъ paricidium'а считалось, если сынъ поднималъ руку на отца: такой сынъ доставался „богинямъ мщенія родителей“ по весьма древней формулѣ: Si parentem puer verberit, ast olle plorassit, puer Divis parentum sacer esto (Если сынъ ударитъ отца, и тотъ закричитъ, то сынъ пусть будетъ посвященъ (проклятъ) богинямъ мщенія

родителей). Впослѣдствіи было постановлено, чтобы каждый убійца (homicida) наказывался такъ, какъ если бы онъ былъ paricida. Это происходило по приписываемой Нумѣ формулѣ: Si qui hominem liberum dolo sciens morti duit, paricidas esto (Если кто сознательно предастъ свободнаго смерти, то пусть считается убійцей равнаго). Съ тѣхъ поръ кровавая месть вовсе прекратилась, наказаніе убійцы стало обязанностью государства. Судебными слѣдователями царь изъ совѣта своего назначалъ двухъ quaestores paricidii, а для произнесенія приговора судью (judex, т.-е. „указующій право“).

Религія. Римляне искони были народомъ набожнымъ; еще въ первомъ вѣкѣ до Р. Хр. Цицеронъ хвалится: „Набожностью и религіозностью, какъ и уразумѣніемъ истины, что все направляется и управляется волею боговъ, мы превзошли всѣ народы“. Только римская набожность была совсѣмъ иною, чѣмъ христіанская, иною также, чѣмъ греческая. Мы, христіане, любимъ нашего Бога, чувствуемъ себя Имъ любимыми, и ищемъ мира съ Всемогущимъ и Всеблагимъ посредствомъ возможно-безпорочной жизни, но постоянно чувствуя, что мы въ своемъ несовершенствѣ и порочности нуждаемся въ Его милости. Веселый грекъ, правда, далекъ отъ христіанской готовности къ покаянію, но онъ все же разнообразными путями старается попасть во внутреннее отношеніе къ своему прекрасному сонму боговъ, въ отношеніе, которое онъ вымышляетъ мощной силой своей фантазіи и слагаетъ сообразно съ требованіями глубокой натуры. Римлянинъ, напротивъ, безъ любви и холодно стоитъ передъ своими богами; онъ видитъ въ нихъ существа болѣе сильныя, чѣмъ самъ онъ, съ которыми приходится устраиваться, на сколько возможно. Онъ готовъ не дѣлать того, что они запрещаютъ, и добросовѣстно исполнять всѣ предписанія и требованія, которыя они ему ставятъ. Но тогда и боги, по его воззрѣніямъ, обязаны даровать ему всякое благополучіе на землѣ, здоровье и долгую жизнь ему и его роднымъ, богатый доходъ его полямъ и стадамъ, побѣду его оружію. По этой причинѣ, въ богопочитаніи римлянъ играетъ главную роль внѣшній формализмъ, въ развитіи котораго, какъ кажется, этруски шли впереди всѣхъ прочихъ италійскихъ народовъ.

Божества свѣта и неба: Юпитеръ и Юнона; Янъ и Діана. Изъ

арійской древности италики и съ ними римляне имѣли представленіе о свѣтломъ богѣ неба Діовисѣ или Діеспитерѣ, т.-е. Юпитерѣ. Онъ проявлялся въ солнцѣ и днѣ (dies), молніи и бурѣ, и почитался безъ изображенія на высокихъ горахъ, напр., на Альбанской горѣ, гдѣ позже имѣлъ мѣсто культъ Юпитера Latiaris, покровителя Латинскаго союза, и на Капитолійскомъ холмѣ въ Римѣ. Женское его подобіе есть Іовино (возникло изъ Діовино) — Юнона, чистая царица неба, покровительница женъ и брака. Родственъ съ Юпитеромъ богъ свѣта и солнца Діанъ-Янъ и его женское подобіе, богиня луны Діана. Янъ въ качествѣ бога солнца есть „привратникъ неба и небеснаго свѣта, врата котораго онъ по утрамъ открываетъ, вечеромъ запираетъ“. Въ силу этого двойного отправленія въ качествѣ „дарующаго и заканчивающаго день“, онъ изображается съ двумя головами, обращенными въ разныя стороны, почитался владыкой всѣхъ входовъ и выходовъ, всѣхъ дверей (janua). Наконецъ, онъ считался богомъ начала вообще и призыванія при всякомъ начинаніи въ торговлѣ и житейскихъ дѣлахъ, въ военное и мирное время. Ему посвященъ былъ мѣсяцъ, который, начинаясь послѣ зимняго солнцеоборота, первый приводилъ съ собой снова на землю прибывающіе дни—январь. Посвящена была ему особо арка на римской площади, чрезъ которую царь выступалъ въ походъ съ молодой дружиной; эти ворота Яна оставались открытыми, пока длилась война, чтобы богъ даровалъ римскимъ воинамъ, прошедшимъ чрезъ нихъ, благополучіе и побѣду вплоть до ихъ возвращенія; только во время мира они были закрыты. Отсюда произошло то, что Янъ позже считался и богомъ войны. Женское дополненіе къ Яну, богиня луны, Діана, считалась пособницей во всѣхъ дѣлахъ, происходящихъ ночью или во мракѣ лѣсовъ. Такимъ образомъ, она была и богиней охоты. Поклонялись ей въ священныхъ рощахъ, напр., въ Алгидѣ близъ Тускула, близъ Ананьи, на Авентинѣ въ Римѣ, особенно же близъ Аріціи, на зеленомъ озерѣ Неми. Тамъ приносились ей кровавыя жертвы, и существовалъ странный обычай, по которому всякій будущій верховный жрецъ ея святилища долженъ былъ убивать своего предшественника въ единоборствѣ.

Марсъ; Квиринъ. Во время передвиженій италійскихъ племенъ и во время расчистки лѣса и устройства поселеній въ лѣсистыхъ

горахъ Апеннина и на его склонахъ, рядомъ съ божествами свѣта, пріобрѣлъ большое значеніе и другой богъ—Марсъ (Mars, Mavors, Mamers). Онъ, вѣроятно, прежде всего богъ мужской силы (mas) и пускающей почки и ростки весны; поэтому ему посвященъ первый весенній мѣсяцъ мартъ (Martius), точно также молодой посѣвъ и первый приплодъ стадъ. Но и онъ, какъ Янъ, существо, дѣйствующее двойнымъ образомъ. Онъ не только создаетъ воинственную силу мужчины, но, въ качествѣ бога войны, часто ведетъ его и на смерть; точно такъ-же онъ не только даруетъ благодать веснѣ, но и убиваетъ ее недородомъ и заразами. Такимъ образомъ, онъ одновременно богъ благодатный и смертоносный; латинское слово смерть — mors — родственно съ Mavors. Его священныя животныя—волкъ и дятелъ, волкъ — какъ сильный, дикій грабитель стадъ, дятелъ—какъ веселый, дѣятельный товарищъ мужчины въ уединенномъ лѣсу, и въ то же время какъ прорицатель и воинъ бога. Какую большую роль игралъ Марсъ въ вѣрованіяхъ италиковъ, слѣдуетъ изъ того, что не только римлянинъ, но и другіе италики, напр., мамертинцы желали считаться его сынами. Другія племена называли себя по его священнымъ животнымъ, какъ напр., гирпины (hirpus волкъ) и пиценты (picus, дятелъ), руководимыя которыми они нашли себѣ мѣста для поселенія. У сабинянъ и самнитовъ въ особенности существовалъ обычай при недородѣ и несчастіи на войнѣ посвящать Марсу „священную весну“ (см. выше, стр. 21), получившую столь большую важность для исторіи древней Италіи. Всякій разъ, какъ римскій царь или полководецъ выступалъ на борьбу съ непріятелемъ, онъ напередъ шелъ въ храмъ Марса, дотрогивался тамъ до священнаго копья бога и до священныхъ щитовъ, приговаривая при томъ: „Марсъ, бди!“ Римляне почитали его и посредствомъ особой жреческой коллегіи, 12 Палатинскихъ салієвъ изъ знатнѣйшихъ семействъ города. 1-го марта Марсу приносилась торжественная жертва въ „царскомъ домѣ“ (Regia, на форумѣ), гдѣ хранились его священные копья и щиты (ancilia). Въ послѣдующіе затѣмъ дни, саліи, убранные по военному, совершали торжественныя шествія по городу, ударяя бронзовой палочкой въ священный щитъ (ancile), носившійся на лѣвой рукѣ, и призывая бога Марса древними формулами на охрану города и населенія. Кромѣ того, богъ имѣлъ особаго, избраннаго государствомъ „зажигателя жертвъ“ (flamen

Martialis), каковая почесть кромѣ него оказана была только Юпитеру и Квирину (см. ниже). А въ деревнѣ, весною, крестьяне какого-нибудь селенія, или хозяинъ крупнаго имѣнія, со свиньей, овцой и быкомъ (suovetaurilia) въ торжественномъ шествіи обходили воздѣланную землю (Ambarvalia) и, прежде чѣмъ упомянутыя животныя приносились въ жертву, каждый такъ молился Марсу: „Отецъ Марсъ, молюсь тебѣ и прошу быть добрымъ и милостивымъ ко мнѣ, моему дому, всему моему хозяйству: для того я велѣлъ обвести вокругъ моей пашни, и моей нивы, и моей земли свинью, овцу, быка, какъ жертвенныхъ животныхъ, чтобы ты удерживалъ, ограждалъ и отвращалъ всѣ болѣзни, видимыя и невидимыя, всякую заразу и опустошеніе, чтобы ты даровалъ всѣмъ полевымъ плодамъ, всему хлѣбу, винограднику и саду хорошій ростъ и хорошій урожай, хранилъ пастуха и скотъ, и даровалъ мнѣ, моему дому и хозяйству доброе здоровье и всякое благополучіе“. Итакъ, Марсъ есть представитель юношески-свѣжаго, воинственнаго времени передвиженій и первыхъ поселеній римлянъ въ долинѣ Тибра, въ Палатинскомъ городѣ. Когда впослѣдствіи изъ семейнаго и родового государства, по договору ли при принятіи сабинянъ въ общину, или по другому законодательному акту, возникло куріатское государство, значитъ, приблизительно, въ то время, когда Палатинскій Римъ расширился въ городъ четырехъ частей (regiones), Марсъ, въ качествѣ бога этого дѣленія на куріи, сталъ почитаться въ новомъ образѣ Квирина, и для его культа въ этомъ качествѣ „бога курій“ учрежденъ былъ особый „возжигатель жертвы“ (flamen Quirinalis), точно такъ же была устроена вторая коллегія саліевъ (называвшаяся Salii Collini, въ противоположность болѣе древнимъ (Palatini).

Юпитеръ Optimus Maximus; феціалы. Еще позже, когда чрезъ такъ-называемое Сервіево государственное устройство патриціи и плебеи были для войны и народнаго собранія соединены въ классы и центуріи, былъ на основѣ древняго культа Юпитера, какъ бога свѣта и молніи, на Капитоліѣ, и какъ Юпитера латинскаго (Latiaris), этотъ древне-арійскій небесный богъ сдѣланъ въ качествѣ Jupiter Optimus Maximus („преблагого и превеликаго Юпитера“) настоящимъ представителемъ государства, и ему устроили грандіозное сѣдалище на высшей точкѣ Рима, на западной вершинѣ Капитолійскаго холма (см. выше, стр. 71). Онъ также

получилъ „возжигателя жертвы“ (flamen Dialis). Слѣдовательно, тремъ ступенямъ развитія древняго Рима: Палатинскому городу, городу четырехъ частей и Сервіеву городу (см. выше), далѣе тремъ древнѣйшимъ эпохамъ римскаго устройства: государству семейному и родовому, государству куріатскому и государству центуріатскому соотвѣтствуютъ и три, появившіеся одинъ за другимъ, представителя государства: Марсъ, Квиринъ, Юпитеръ Optimus Maximus, отличенные отъ прочихъ боговъ особыми „возжигателями жертвы“. Развитіе этого культа Юпитера совпало съ временемъ, когда стало замѣтнымъ греческое вліяніе, особенно на религіозной почвѣ. По греческому образцу Юпитеръ явился сыномъ Сатурна и богини Ops, которыхъ поставили на мѣсто греческаго Крона и Реи. Подъ греческимъ вліяніемъ, вѣроятно, Юнона, какъ супруга его, и Минерва, какъ его дочь, получили также cellae рядомъ съ его cella въ капитолійскомъ святилищѣ (см. выше, стр. 71). Но почти и всѣ личныя качества греческаго Зевса были перенесены на главнаго бога римлянъ.

Онъ—податель побѣды (Victor) въ бою, дающій воину устойчивость и останавливающій его бѣгство (Stator); въ его святилищѣ развѣшивается оружіе, добытое у врага въ единоборствѣ (spolia opima), послѣ того какъ оно отнесено туда на носилкахъ (feretrum): поэтому онъ называется также Jupiter Feretrius. Далѣе, онъ наблюдаетъ за произнесенными клятвами и за заключенными договорами. Клятвопреступниковъ и нарушителей договоровъ онъ убиваетъ молніей. Поэтому римляне, чтобы не навлечь на себя такой вины, назначили феціаловъ стражами международнаго права. Они поступали въ случаѣ, если Риму нанесенъ былъ сосѣдней общиной ущербъ, по твердо установленнымъ формуламъ. Четыре феціала являлись тогда въ качествѣ „ораторовъ“, одинъ изъ нихъ, pater patratus, считался настоящимъ представителемъ государства. Онъ вмѣстѣ съ товарищами, призывая Юпитера, бога границъ—Термина, и бога права—Fas, переходилъ границу враждебной области и отъ перваго, попавшагося ему, гражданина требовалъ возвращенія похищеннаго или удовлетворенія. Точно такъ-же поступалъ онъ у воротъ враждебнаго города и на его площади. Если послѣ этого до 33-го дня не послѣдовало удовлетворенія, то феціалъ объявлялъ врагамъ войну словами: „Внемли, Юпитеръ, и ты, Янъ Квиринъ,

и всѣ вы, боги неба, и земли, и преисподней, я призываю васъ въ свидѣтели, что народъ этотъ несправедливъ и не придерживается права. А какъ намъ достичь своего права, о томъ пусть дома посовѣтуются старѣйшины города". И вотъ, если въ Римѣ царь и сенатъ рѣшались на войну, то феціалъ въ третій разъ появлялся на границѣ и открывалъ войну, бросая за границу обитое желѣзомъ или окровавленное или спереди опаленное копье. Открытая такимъ образомъ война считалась справедливой и законной войной (bellum justum legitimumque): въ такой войнѣ Юпитеръ былъ обязанъ даровать римлянамъ побѣду.

Веста и весталки. Весьма древнимъ было въ Римѣ почитаніе Весты, богини огня на очагѣ и осѣдлости, домашняго и государственнаго сообщества. Она почиталась въ каждомъ домѣ какъ хранительница очага и согласія; но такъ какъ у римлянъ и государство разсматривалось какъ большое домашнее хозяйство, то существовалъ и важный государственный культъ Весты. Мѣстомъ его былъ сохранившійся еще въ остаткахъ круглый храмъ, расположенный рядомъ съ „царскимъ дворцомъ" (Regia). Тамъ горѣлъ вѣчный огонь богини, который никогда не долженъ былъ погаснуть. Онъ поддерживался шестью дѣвами, весталками, которыя жили въ сосѣднемъ съ храмомъ домѣ (atrium Vestae, раскопанномъ въ 1883 г.). То были дочери знатнѣйшихъ семействъ, которыхъ верховный жрецъ (pontifex maximus) „похищалъ" въ возрастѣ отъ 6—10 лѣтъ (похищалась въ древнѣйшія времена невѣста, а весталки считались „невѣстами неба"); затѣмъ онѣ десять лѣтъ учились служенію

ВЕСТАЛКА.
Мраморная статуя изъ дома весталокъ въ Римѣ.

богинѣ въ ея святилищѣ, подобно послушницамъ женскихъ монастырей, десять лѣтъ онѣ сами справляли службу, и, наконецъ, онѣ столько-же времени учили вновь поступающихъ послушницъ. Ихъ служба длилась, значитъ, всего 30 лѣтъ; затѣмъ онѣ могли вернуться къ общественной жизни, что однако случалось рѣдко: обыкновенно весталки предпочитали остаться въ своей высокоуважаемой должности до конца жизни. Священный огонь Весты могъ быть поддерживаемъ только чистыми и цѣломудренными дѣвами; поэтому весталки должны были оставаться безбрачными. Если же когда-либо огонь Весты угасалъ, то это считалось большимъ несчастіемъ для цѣлаго государства; виновная жрица бичевалась верховнымъ понтификомъ до смерти, а огонь возстанавливался не отъ другого огня, но по самому первоначальному способу: треніемъ дерева. Если весталка нарушала свой обѣтъ, она умирала, заживо замурованная, самой мучительною смертью, обольститель же ея публично бичевался до смерти. Прическа волосъ у весталокъ въ видѣ шести косъ напоминала невѣстъ, убранныхъ къ свадьбѣ; на головѣ онѣ носили толстый чепецъ (infula), надъ туникой, какъ римскія хозяйки, столу и надъ послѣдней опять тонкую бѣлую батистовую мантилью (carbasus). Если весталка появлялась на улицѣ, всякій давалъ ей дорогу, даже консулъ; преступникъ, встрѣтившійся на пути къ казни съ весталкой,

ВЕСТАЛКА.
Снимокъ съ древней мраморной статуи въ галлереѣ Уффици во Флоренціи.

прямо получалъ помилованіе, а многіе другіе по просьбѣ весталокъ оправдывались. Столь большой почетъ оказывался имъ потому, что въ нихъ казалась воплощенными чистота и святость богини, которой они служили.

Прочія римскія божества были большей частью просто отвлеченностями и возникли изъ одухотворенія и олицетворенія важныхъ въ общественной и государственной жизни понятій. Такъ, Терминъ былъ богомъ границъ, охраняющимъ межевые камни государства, какъ и отдѣльное поле; кто вырывалъ сохою межевый камень, тотъ былъ проклятъ вмѣстѣ съ своей запряжкой. Необходимое для сельскаго хозяйства благословеніе подавалъ Сатурнъ (богъ посѣва) и женскій его панданъ—Ops (Полевая работа и хлѣбопашество), Флора (Цвѣтъ), Феронія (Плодородіе), Церера—Ceres (Жатва), Pales (богиня пастуховъ), Либеръ (богъ вина); другія божества даровали здоровье и тѣлесную силу, какъ Salus (Благополучіе), Juventus (Юность) и прежде всего добрыя феи, призывавшіяся при воспитаніи дѣтей, какъ Кунина (богиня колыбели) и Осспага, укрѣплявшая кости. Наконецъ, были и боги, создающіе и охраняющіе извѣстныя качества людей, необходимыя въ государственной жизни, какъ Fides (Вѣрность) и Конкордія (Согласіе).

ВЕСТА ДЖУСТИНІАНИ.
Мраморная статуя въ музеѣ Торлонія въ Римѣ.

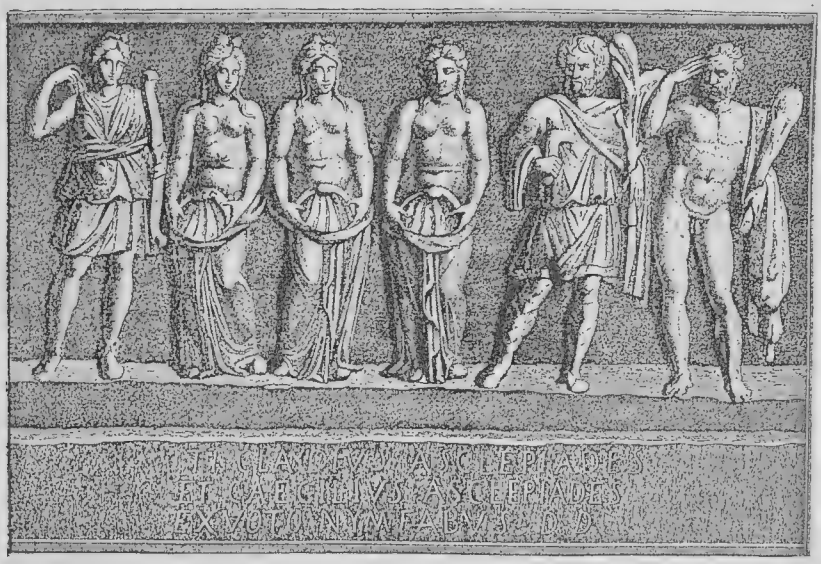
Богослуженіе. Главная забота римлянъ направлена была на то, чтобы удовлетворить всѣ эти божества заботливымъ исполненіемъ всѣхъ обязанностей и тѣмъ расположить ихъ въ свою пользу. Въ древнѣйшее время для этого было достаточно жреческихъ свѣдѣній отца семейства и для государства жреческой дѣятельности царя. Но скоро, особенно подъ вліяніемъ сосѣднихъ этрусковъ, совокупность церемоній и формулъ, которыя приходилось соблюдать, стала столь велика, что отдѣльный человѣкъ не могъ знать всего того, что слѣдовало дѣлать для боговъ. Поэтому устроены были общества жрецовъ, которыя дѣлали задачей своей жизни знаніе религіозныхъ предписаній и заботились объ исполненіи священнодѣйствій, или сами, или чрезъ наставленіе другихъ. Древнѣйшимъ жреческимъ обществомъ этого рода были вѣроятно двѣнадцать „братьевъ пашни“ (Fratres Arvales), которые въ три майскихъ дня, украшенные вѣнками изъ колосьевъ и бѣлыми шерстяными повязками (infula), въ честь богини земли и поля Dea Dia (= Ops), обходили древнее городское поле Рима, до самой рощи этой богини, расположенной на разстояніи 5000 шаговъ отъ города, у древней границы поля. При этомъ они распѣвали весьма древнюю пѣснь, слова которой сохранила намъ благопріятная случайность:

„Enos, Lases, iuvate!
„Neve lue, rue, Marmar, sins incurre in pleores!
»Satur fu, fere Mars!
„Limen sali, sta, berber!
„Semunis alternis advocapit conctos!
„Enos, Marmar, iuvato!
„Triumpe!“

„Намъ, Лары, помогите!
Не дай, Марсъ, Марсъ, смерти, гибели ринуться на многихъ!
Сыть будь, свирѣпый Марсъ!
Вскочи на порогъ, стой, бичуй!
Семоновъ по-очереди призывайте всѣхъ!
Намъ, Марсъ, Марсъ, помоги!
Прыгай!“

О названныхъ въ первой строчкѣ Ларахъ см. ниже. Четвертая строка содержитъ приглашеніе по адресу самихъ „братьевъ пашни“, слово „бичуй“, можетъ-быть могло бы напомнить намъ самобичеванія средневѣковыхъ флагеллантовъ. Семоны — древніе боги, покровители римскаго поля.—Гораздо большую важность для государства, чѣмъ арвальскіе братья пріобрѣли мало-по-малу тѣ жрецы, которымъ въ особенности было поручено блюсти права боговъ при всѣхъ частныхъ и общественныхъ дѣлахъ, наблюдать и толковать проявленія ихъ воли въ разныхъ предзнаменованіяхъ и примѣ-

рахъ: понтифики, авгуры и гарусники. Названіе понтификовъ означаетъ „строители мостовъ“; впрочемъ настоящій смыслъ этого названія темень. Можетъ-быть, они получили это имя оттого, что имъ, какъ знатокамъ мѣръ и чиселъ, приходилось руководить постройкой и сломкой моста на сваяхъ (pons sublicius), ведшаго черезъ Тибръ. Они, далѣе, должны были наблюдать за тѣмъ, чтобы всѣ священнодѣйствія совершались въ надлежащемъ мѣстѣ и надлежащимъ образомъ. Съ этимъ связано было веденіе римскаго календаря: понтифики выкрикивали передъ народомъ



РИМСКІЯ НИМФЫ, ОКРУЖЕННЫЯ ДІАНОЙ, СИЛЬВАНОМЪ И ГЕРКУЛЕСОМЪ.

ново- и полнолуніе, дни суда и собраній и также священные праздники, которыхъ нельзя было осквернять мірскими дѣлами. При освященіи храма, при произнесеніи болѣе важныхъ обѣтовъ, также требовалось присутствіе понтифика. Наконецъ, этихъ жрецовъ вопрошали и при толкованіи и искупленіи случайныхъ предзнаменованій (omina, prodigia), состоявшихъ въ необычныхъ явленіяхъ человѣческаго и животнаго міра, равно какъ и безжизненной природы (напр., кровавый дождь) и считавшихся предвѣстниками посылаемаго богами несчастія. Не менѣе вліятельной была колле-

гія авгуровъ (птицегадателей). Они должны были по опредѣленнымъ правиламъ узнавать волю боговъ и устанавливать, какія примѣты должны были считаться благопріятными и какія—неблагопріятными. Различали въ особенности три рода примѣтъ: 1) небесныя знаменія (ex caelo), какъ зарница, молнія, громъ; 2) знаменія по полету птицъ (ex avibus); 3) знаменія по клеванію священныхъ куръ (ex tripudiis): если послѣднія быстро и жадно уничтожали брошенный имъ кормъ, то это считалось благопріятнымъ предзнаменованіемъ. Наблюденіе происходило такимъ образомъ, что авгуръ въ Римѣ, обыкновенно въ полночь, съ дававшаго наиболѣе широкій кругозоръ пункта крѣпости, загнутымъ жезломъ своимъ (lituus) отмежевывалъ прямоугольный участокъ (templum) на небѣ и на землѣ, внутри котораго онъ производилъ свои наблюденія. Затѣмъ онъ садился лицомъ къ югу, такъ что востокъ, сторона свѣта и счастья, былъ у него слѣва, западъ, сторона мрака и несчастья, справа, и ждалъ знаменій.—Рядомъ съ авгурами были еще этрусскіе истолкователи знаменій: гаруспики. По воззрѣніямъ римлянъ, каждая молнія, поражавшая землю, требовала искупленія: послѣднее производили гаруспики, погребая пораженную землю на мѣстѣ-же вмѣстѣ съ кремнемъ и огораживая это мѣсто. Далѣе, гаруспики изслѣдовали внутренности жертвенныхъ животныхъ: всякое отступленіе отъ нормальнаго строенія ихъ тѣла считалось дурнымъ предзнаменованіемъ

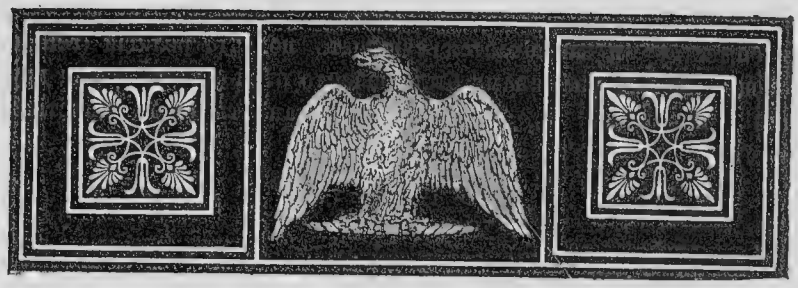
Лары, маны, пенаты. Вникая въ обычай римлянъ находить во многихъ естественныхъ вещахъ предзнаменованія и въ ихъ сильную склонность къ суевѣрію и къ чисто формальному исполненію своихъ обязанностей по отношенію къ богамъ, можно, пожалуй, притти къ отрицанію внутренней цѣнности ихъ набожности и ихъ культа боговъ. Но все-таки есть иныя стороны у ихъ культа, которыя требовали извѣстнаго участія души и были способны поднимать ихъ нравственно. Это была, въ особенности, ихъ вѣра въ ларовъ, мановъ и пенатовъ. Римляне, какъ и греки и другіе народы, были того мнѣнія, что душа человѣческая не умираетъ одновременно съ тѣломъ, но невидимо продолжаетъ жить въ домѣ, принимая постоянное участіе въ судьбахъ потомковъ. Эти души усопшихъ назывались ларами или манами и, такъ какъ онѣ обитали въ самой внутренней части дома (penetralia), также пенатами.

РИМЛЯНИНЪ, ПРИНОСЯЩІЙ ЖЕРТВУ.

Статуя въ Ватиканѣ. Здѣсь, какъ и при молитвѣ, тога перетянута черезъ голову. Это означаетъ желаніе сосредоточиться и уйти отъ всего земного. Въ рукѣ чаша.

Особая божница (lararium) служила для храненія ихъ изображеній, которыя въ старину изготовлялись изъ дерева и глины, позже изъ бронзы. Кромѣ отдѣльныхъ ларовъ, число которыхъ соотвѣтствуетъ совокупности человѣческихъ родовъ, обитавшихъ въ какомъ-нибудь домѣ, почитался и божественный представитель семьи и рода, называемый lar familiaris или genius generis, который присутствовалъ на всѣхъ сходкахъ семьи и рода. Но и всякая улица, всякій перекрестокъ, всякая часть города имѣла тоже своего лара, и даже все городское поле охранялось и благословлялось общей матерью ларовъ—Аккой Ларенціей. Домашнимъ ларамъ римляне ежедневно приносили жертву, давая имъ часть каждаго кушанья на маленькихъ блюдечкахъ (patellae) и посвящая имъ первыя капли вина. Однако этимъ внѣшнимъ почитаніемъ культъ ларовъ не ограничивался, напротивъ, лары витаютъ вокругъ хозяина дома при всѣхъ его поступкахъ и дѣйствіяхъ. Передъ ними онъ отвѣчаетъ, если злоупотребляетъ своею отеческой властью надъ своей семьей; они благословляютъ его, когда онъ поступаетъ хорошо и справедливо; они проклинаютъ и караютъ его, если онъ нарушаетъ неписанные законы справедливости и человѣчности. А когда сходятся члены цѣлаго рода, то и лары рода присутствуютъ на собраніи и наблюдаютъ затѣмъ, чтобы не произошло зла, а съ Капитолія лары государства глядятъ внизъ, на Форумъ и на народное собраніе, чтобы удерживать общественную жизнь на надлежащемъ пути; и даже царь въ царскомъ замкѣ обязанъ дать отчетъ ларамъ этого дома, т.-е. душамъ усопшихъ царей, въ каждомъ своемъ распоряженіи, въ каждой каплѣ крови, имъ пролитой. Такимъ образомъ, особенно въ вѣрѣ въ ларовъ находится выраженіе чувства вездѣсущности божества. Она показываетъ намъ, что и надъ римлянами царитъ власть доброй и злой совѣсти. Ибо лишь тотъ, кто правильно поступалъ въ жизни и снискалъ себѣ удовольствіе ларовъ своего семейства, послѣ своей смерти также становится благодатнымъ ларомъ, преступникъ же прогоняется къ ларвамъ или лемурамъ, злымъ духамъ, витающимъ безъ крова и покоя. Такимъ образомъ римляне при всѣхъ своихъ поступкахъ чувствовали себя во внутреннемъ сообществѣ съ божествами-покровителями своего дома и своего города и обязанными передъ ними жить не для собственнаго произвола, но для справедливости. Въ этомъ состояніи „связанности по отношенію

къ божеству“ и заключается сущность понятія религіи (religio) вообще, которое римлянами было развито рѣзче, чѣмъ всѣми другими народами и впослѣдствіи заимствовано христіанствомъ.



РИМЪ, КАКЪ РЕСПУБЛИКА

(510—31 г. до Р. Хр.).

ВѢКЪ ПАТРИЦІЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ И СОСЛОВНОЙ БОРЬБЫ

(510—366 г. до Р. Хр.).

ЗАТѢМЪ въ центуріатскихъ комиціяхъ городскимъ префектомъ было избрано, согласно постановленіямъ законовъ Сервія Туллія, два консула, именно Л. Юній Брутъ и Л. Тарквиній Коллатинъ. Съ этой лаконической краткостью сообщаетъ намъ римскій историкъ Ливій о важномъ переходѣ въ Римѣ отъ царской власти къ республикѣ. Ливій не могъ сказать объ этомъ большаго, такъ какъ о тѣхъ древнихъ временахъ не существовало надежнаго извѣстія, и даже то, что онъ сообщаетъ намъ здѣсь, не можетъ считаться исторической истиной; ибо разсказы изъ первыхъ вѣковъ римской республики почти столь же баснословны, какъ преданія царскаго періода. Но это не можетъ помѣшать намъ познакомиться съ ними; ибо они у римлянъ пользовались уваженіемъ и дышатъ ихъ духомъ.—Одно только достовѣрное извѣстіе времени перехода отъ царской власти къ республикѣ сохранилось до насъ: это — заключенный въ 509 г. между Римомъ и Карѳагеномъ торговый дого-

воръ, который гораздо позже отыскали въ архивѣ римскихъ эдиловъ и текстъ котораго сохранилъ намъ Полибій (см. выше). Изъ него мы узнаемъ, что тогда Римъ пользовался преобладаніемъ во всемъ Лаціумѣ, и что онъ обладалъ уже значительными торговыми интересами въ Сардиніи, Сициліи и на африканскомъ побережьи. Это значительное могущество Рима однако было на время утрачено въ послѣдующихъ войнахъ съ этрусками и латинянами (см. ниже).

ВОЙНЫ ПО ИЗГНАНІИ ТАРКВИНІЕВЪ.

Юній Брутъ. Когда первые консулы вступили въ свою должность, они прежде всего должны были думать объ усиленіи юной республики для борьбы съ изгнаннымъ царемъ. Ибо слѣдовало ожидать, что тотъ очень скоро соберетъ войско у враговъ Рима и съ нимъ двинется на городъ. Поэтому консулы ближайшимъ образомъ обезпечили государство отъ гнѣва боговъ, избравъ для служенія послѣднимъ при большихъ государственныхъ жертвоприношеніяхъ „жертвеннаго царя“ (rex sacrificulus), такъ что поэтому и впредь, какъ и раньше, извѣстныя священнодѣйствія по отношенію къ богамъ могли исполняться „царемъ“. Затѣмъ Брутъ созвалъ народъ на собраніе, велѣлъ ему дать клятву впредь не терпѣть болѣе въ Римѣ царя, и заставилъ при этомъ своего товарища по должности Тарквинія Коллатина сложить съ себя должность потому, что онъ—одинъ изъ Тарквиніевъ, и, несмотря на его заслуги по учрежденію республики, выселиться въ Лавиній; на его мѣсто сталъ въ качествѣ второго консула П. Валерій. Но не всѣ римляне одобряли такую суровость и новый порядокъ вещей. Особенно знатные сверстники и товарищи царевичей съ тоской вспоминали о прежней вольности. И вотъ, когда прибыли послы отъ царской фамиліи для переговоровъ съ сенатомъ о выдачѣ царскихъ имѣній, эти знатные юноши, въ числѣ ихъ также оба сына Брута, затѣяли вмѣстѣ съ ними заговоръ

Монета съ изображеніемъ головы Брута.

для возвращенія Тарквиніевъ въ Римъ. Но дѣло это было рабомъ выдано консуламъ. Послѣдніе велѣли заковать заговорщиковъ въ цѣпи и выслали пословъ.

Теперь консулъ Брутъ очутился въ томъ ужасномъ положеніи, что онъ долженъ былъ судить собственныхъ сыновей. Юноши уже стояли на площади, привязанные къ столбу, возлѣ нихъ ликторъ съ обнаженнымъ топоромъ; затаивъ дыханіе, народъ напряженно прислушивался, не подчинитъ ли Брутъ суровое правосудіе своему отеческому сердцу. Но онъ твердымъ голосомъ повелѣваетъ ликторамъ: „Исполняйте вашу обязанность!“ и тогда сыновей его на его глазахъ раздѣваютъ, бичуютъ и обезглавливаютъ, а за ними соучастниковъ ихъ вины. Такимъ образомъ, въ Брутѣ преданность государству и безусловное повиновеніе законамъ одержали побѣду надъ всѣми узами кровнаго родства и надъ всякимъ человѣческимъ чувствомъ. Его подвигъ, величайшая жертва, какую гражданинъ могъ принести государству, остался незабвеннымъ и содѣйствовалъ воспитанію того римскаго духа, который не обращаетъ вниманія на собственную личность и собственную жизнь, если дѣло идетъ объ оказаніи услуги обществу, государству.

Послѣ этого царскія имѣнія были предоставлены народу на разграбленіе; а Тарквиніево поле между городомъ и Тибромъ посвящено было Марсу и называлось съ тѣхъ поръ Марсовымъ полемъ (campus Martius). Хлѣбъ на немъ, какъ разъ созрѣвшій для жатвы, брошенъ былъ въ Тибръ. Цѣлыя кучи его остались лежать на мелкомъ мѣстѣ и вмѣстѣ съ другими наносами образовали мало-по-малу большой островъ на Тибрѣ, на которомъ позже поднялись храмы и колоннады.

Между тѣмъ, изгнанный царь Тарквиній привлекъ къ себѣ для войны противъ римлянъ нѣсколько городовъ Этруріи, въ особенности родину своего рода, Тарквиніи. Съ большимъ войскомъ онъ вступаетъ въ римскую область: авангардъ составляетъ сынъ его Арунтъ съ конницей, точно такъ-же съ римской стороны консулъ Брутъ съ всадниками идетъ впереди пѣхоты. Когда Арунтъ узнаетъ его, его охватываетъ злость, онъ восклицаетъ: „Смотрите, вотъ человѣкъ, вытолкнувшій насъ изъ родины въ нищету, вотъ онъ преважно разъѣзжаетъ, украшенный царскими знаками отличія. Вы, боги, мстители царей, помогите мнѣ!“ Затѣмъ онъ, пришпоривъ

коня, во весь опоръ поскакалъ на консула. Тотъ замѣчаетъ, что это относится къ нему, и его беретъ та же жажда борьбы. Такимъ образомъ, они оба, закрываясь щитами, со страшной силой налетаютъ другъ на друга и насквозь пронзаютъ другъ друга ясеневымъ копьемъ. Лишь когда оба они въ виду своихъ войскъ замертво упали съ коней, начинается битва. Она бушуетъ, оставаясь нерѣшенной, пока ночь не разлучаетъ сражающихся. Но въ то время какъ оба войска отдыхаютъ, около полуночи загремѣлъ страшный голосъ лѣсного бога Сильвана: „Римлянамъ принадлежитъ побѣда; у этрусковъ однимъ убитымъ больше!“ Испуганные этимъ знаменемъ боговъ этруски еще до разсвѣта удалились, Римъ казался спасеннымъ. Оставшійся въ живыхъ консулъ Валерій въ тріумфѣ вернулся домой и устроилъ павшему товарищу по должности великолѣпные похороны. Но прежде всего мертваго героя почтили римскія жены, какъ мстителя за оскорбленную женскую честь: онѣ носили трауръ по немъ цѣлый годъ.

Валерій Попликола, Горацій Пульвиллъ. Теперь Валерій нѣкоторое время одинъ былъ консуломъ. Въ это время онъ въ центуріатскихъ комиціяхъ предложилъ народу два важныхъ закона, считавшихся основами гражданской свободы римлянъ и прославившихъ его какъ „друга народа“ (Poplicola). Одинъ изъ нихъ гласилъ: „Кто стремится къ царскому престолу въ Римѣ, тотъ пусть будетъ казненъ“, а другой: „Если римскій гражданинъ приговоренъ будетъ къ бичеванію или смерти, то онъ можетъ апеллировать къ народу, и власти лишь тогда могутъ исполнить приговоръ, когда народъ утвердитъ его“ (lex Valeria de provocatione). Съ тѣхъ поръ ликторы консуловъ внутри городской черты (pomerium) не носили болѣе топоровъ въ пучкахъ прутьевъ (fasces).

На мѣсто Брута Валерій предложилъ народу избрать Горація Пульвилла. Съ нимъ Валерій бросалъ жребій, кому изъ нихъ обоихъ удостоиться чести освященія оконченнаго тѣмъ временемъ храма Юпитера на Капитоліѣ. Жребій рѣшилъ это въ пользу Горація. Но этимъ разсержены были родственники Валерія, которые и пытались всякимъ способомъ помѣшать консулу Горацію совершить актъ освященія. Когда народъ уже внималъ, какъ онъ произносилъ формулу освященія, ему крикнули лживое извѣстіе, будто сынъ его только-что умеръ. Но онъ велѣлъ только похоронить покойника и затѣмъ безпрепятственно окончилъ молитву. Такимъ

образомъ, Капитолійскій храмъ вплоть до уничтожившаго его пожара при Суллѣ носилъ имя Горація въ освятительной надписи.

Порсена. Между тѣмъ изгнанный Тарквиній со своими приверженцами отправился въ Клузій и тамъ у могущественнаго царя Порсены получилъ радушный пріемъ и обѣщаніе вооруженнаго содѣйствія. Городъ Клузій лежалъ на возвышенности, подымавшейся надъ болотистой низменностью. Къ югу страна, слѣдуя медленному теченію ручья Кланиса, понижается къ Тибру, но и къ сѣверу, къ Арну, она открыта, въ то самое время какъ параллельныя цѣпи Апеннинъ къ востоку и западу образуютъ естественныя границы Клузійской области. Населеніе обвело воды низменности могучими сооруженіями, принудило ихъ къ быстрому стоку, или собрало ихъ въ озера. Окрѣпнувъ въ постоянной борьбѣ со стихіями, оно употребило свой трудъ на обработку почвы и превратило всю низменость въ одинъ плодоносный садъ. Благосостояніе населенія содѣйствовало промышленности и художественной способности, и возникло много произведеній архитектуры и ваянія. Но все, по описаніямъ, превосходилъ гордый царскій замокъ въ Клузіѣ. Тутъ сидѣлъ на престолѣ могущественный царь Порсена; сюда приходили съ богатыми дарами и податями посланцы покоренныхъ городовъ и народностей верхней Этруріи, многочисленные бѣглецы изъ этрусскаго государства на По, опустошаемаго дикими полчищами галловъ (?), и усиливали Клузійскую державу. Также и изгнанный Тарквиній направился въ Клузій. Онъ явился не съ пустыми руками, бѣднымъ, безпомощнымъ бѣглецомъ, но съ царскимъ блескомъ, окруженный значительной свитой; ибо чрезъ своихъ приверженцевъ въ Римѣ и Лаціумѣ онъ благополучно спасъ большую часть своего движимаго имущества. Это доставило ему доступъ къ царскому двору, несчастіе его возбудило участіе, умные его совѣты, изображеніе имъ гордости враждебной царямъ республики пріобрѣли ему расположеніе властителя Клузія. Рѣшенъ былъ общій походъ на Римъ не только для возвращенія изгнаннаго царя, но и для того, чтобы пріобрѣсти новыхъ вассаловъ по сю и по ту сторону Тибра и побѣдами и земельными пріобрѣтеніями возвысить блескъ короны. По приказу Порсены двинулись силы царства, прекрасно вооруженныя, пѣшія и конныя, хорошо обученныя сраженію сомкнутой фалангой.

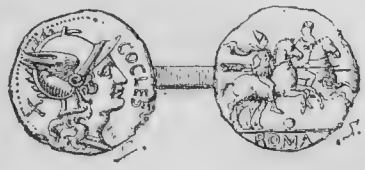
При извѣстіи объ этихъ дѣлахъ, въ Римѣ приготовились къ

сопротивленію угрожающему нападенію, но во всемъ довольствовались полумѣрами. Не отважились выступить навстрѣчу врагу до крайней границы и въ то же время не желали бросать совершенно противоположнаго берега Тибра. Слѣдовало обратить Яникулъ въ сильную крѣпость и поставить войско по сю сторону Тибра для охраны города. Вмѣсто этого устроили лишь недостаточныя укрѣпленія и для ихъ охраны повели центуріи черезъ рѣку на пространную площадь холма. Этруски не заставили долго ждать себя. Подъ звуки своихъ рожковъ и съ громкими боевыми кликами они тотчасъ же пошли на натискъ. Побѣда не долго была сомнительна; римляне въ полномъ разстройствѣ бѣжали къ мосту, между тѣмъ какъ непріятели, стремительно напирая на нихъ сзади, старались одновременно съ ними достигнуть другого берега и города.

ГОРАЦІЙ КОКЛИТЪ.

Бронзовый медальонъ Антонина. Коклитъ переплываетъ Тибръ; врагъ хочетъ пронзить его копьемъ, а римлянинъ работаетъ надъ тѣмъ, чтобы сломать мостъ.

Горацій Коклитъ. Но трое храбрецовъ, Горацій Коклитъ (одноглазый), Спурій Ларцій и Титъ Герминій, помня о старой римской военной славѣ, у перехода съ неукротимымъ мужествомъ сопротивлялись напирающимъ этрускамъ, такъ что во время отчаяннаго боя можно было сломать мостъ. На послѣднихъ балкахъ спаслись Ларцій и Герминій, а когда и тѣ рухнули съ грохотомъ, Коклитъ воскликнулъ: „Отецъ Тиберинъ, тебя я призываю съ вѣрою, прими милостиво въ свои воды это оружіе и этого бойца!“ и бросился въ рѣку. И хотя этруски пустили ему вслѣдъ густой градъ метательныхъ снарядовъ, все таки онъ невредимо достигъ другого берега.



МЕДАЛЬ РОДА ГОРАЦІЕВЪ.

Носитъ имя Коклита и выбита однимъ изъ членовъ рода Горацієвъ. На лицевой сторонѣ голова Паллады, а на оборотной—Діоскуры.

На данную минуту Римъ былъ спасенъ этимъ славнымъ, храбрымъ подвигомъ; однако войско республики было разбито, граждане пали духомъ. Побѣдоносные этруски стояли на правомъ берегу

и отправляли разъѣзды и на другую сторону, чрезъ что болѣе и болѣе задерживался подвозъ въ городъ. Напрасно смѣлыми нападеніями осажденныхъ разсѣевались отдѣльные непріятельскіе отряды: голодъ въ городѣ бралъ верхъ, разразились опустошительныя болѣзни, и уныніе все болѣе овладѣвало гражданами.

Муцій Сцевола. Тогда одинъ молодой римлянинъ рѣшилъ, жертвуя собственной жизнью, посредствомъ убійства устранить царя Порсену, душу непріятельскаго войска. Зная этрусскій языкъ, онъ прокрался, вооруженный спрятаннымъ ножомъ, въ непріятельскій лагерь. Тамъ онъ увидѣлъ, что воинамъ выплачивалось жалованье, и узналъ, что царь самъ надзиралъ за этимъ дѣломъ. Но тамъ присутствовали два лица: оба были окружены царской пышностью и почтительно привѣтствовались слугами. Вопросъ, кто изъ обоихъ царь, могъ погубить римлянина; поэтому онъ, усмотрѣвъ удобное время, набросился на того, кто казался ему самымъ знатнымъ, и пронзилъ его вѣрнымъ ударомъ. Но онъ ошибся и вмѣсто царя закололъ его секретаря. Тщетно пытался Муцій проложить себѣ дорогу кровавымъ ножомъ: онъ былъ схваченъ царскими тѣлохранителями и приведенъ на судъ царя. Тамъ онъ сказалъ, сверкая очами: „Я—римскій гражданинъ; имя мое Гай Муцій. Я пришелъ убить врага своей отчизны. Теперь же я готовъ умереть. Храбро поступать и храбро страдать—таково обыкновеніе римлянъ. Да не одинъ я такого образа мыслей. Послѣ меня еще многіе будутъ стремиться къ той же цѣли. Поэтому смотри, ежечасно бодрствуй надъ своей жизнію; ножъ врага будетъ постояннымъ гостемъ на твоемъ порогѣ“. И когда царь, чтобы узнать точнѣе смыслъ этихъ словъ, велѣлъ его пытать огнемъ, если онъ не выскажетъ всей правды, онъ воскликнулъ: „Смотри, тиранъ, какъ дешева жизнь для тѣхъ, кто имѣетъ предъ очами безсмертную славу“, протянулъ правую руку въ жертвенный огонь на очагѣ и, не моргнувъ даже, далъ ей обуглиться. Царь въ ужасѣ велѣлъ его, наконецъ, оттащить отъ огня и даровалъ ему свободу. При прощаніи римлянинъ сказалъ: „Такъ какъ ты умѣешь почтить геройство, то знай, что 300 римскихъ юношей моего закала составили заговоръ противъ твоей жизни. На меня перваго палъ жребій. Но другіе послѣдуютъ за мной, и не всегда же ты избѣгнешь ножа, какъ сегодня“. А дома Муцій получилъ поле въ награду и про-

звище Сцеволы (Лѣвши), которое перешло по наслѣдству къ его потомкамъ.

Миръ съ Порсеной; Клѣлія. Порсена такъ былъ потрясенъ геройствомъ Сцеволы и его угрозами, что предложилъ римлянамъ миръ: онъ отказался отъ возстановленія Тарквиніевъ въ царской власти, но зато пришлось отдать ему семь принадлежавшихъ Риму округовъ къ сѣверу отъ Тибра и заложниковъ; кромѣ того римляне должны были обѣщать употреблять желѣзо только для плужника, т.-е. не вести никакой войны безъ согласія на то Порсены. Затѣмъ Порсена началъ очищать римскую область. Но когда войско его стояло на сѣверномъ берегу Тибра, одна изъ заложницъ, Клѣлія, вмѣстѣ съ нѣсколькими спутницами, несмотря на снаряды, посылаемые имъ вслѣдъ сторожевыми постами, переплыла рѣку и вернулась въ Римъ. Сенатъ ни минуты не колебался снова выдать Клѣлію и прочихъ мужественныхъ дѣвицъ Порсенѣ; но тотъ, дивясь тому, какъ у этого народа не только сильные мужчины и юноши, но даже нѣжныя дѣвушки одушевлены отважнымъ геройствомъ, даровалъ имъ свободу и разрѣшилъ имъ даже увести съ собой домой много другихъ заложниковъ. А въ городѣ почтили Клѣлію статуей на священной улицѣ, на которой она была изображена сидящей на статномъ конѣ.—Итакъ, результатъ похода для Порсены не соотвѣтствовалъ ни большимъ ожиданіямъ, которыя онъ питалъ вначалѣ, ни крупнымъ вооруженіямъ, имъ предпринятымъ. Чтобы въ нѣкоторой степени вознаградить себя за это, онъ послалъ сына своего Арунта на Арицію, расположенную къ югу отъ Рима недалеко отъ озера Неми. Но ариційцамъ оказали помощь не только латиняне, но и греки изъ Кумъ въ Кампаніи. Такимъ образомъ, Арунтъ былъ разбитъ и палъ, и только небольшая часть этрусскаго войска, бѣжавъ, вернулась на сѣверъ и была хорошо принята римлянами. Многіе изъ этихъ бѣглецовъ остались въ Римѣ; отсюда произошла тусская часть города. А Порсена такъ былъ тронутъ великодушіемъ римлянъ, что вернулъ имъ остальныхъ заложниковъ и семь округовъ по ту сторону Тибра.

Апогей этрусскаго могущества и упадокъ его; битвы при Алаліи, Гимерѣ и Кумахъ. Этими сказаніями позднѣйшіе римляне старались закрыть, какъ бы завѣсой, историческую истину, что городъ ихъ тогда совершенно одолѣли этруски. Этотъ фактъ вытекаетъ также и изъ самаго повѣствованія: ибо уступки земли и отказа отъ права

войны и мира можно потребовать только отъ совершенно побѣжденнаго. Этруски уже около 600 г. до Р. Хр. занимали господствующее положеніе въ Средней Италіи; быть-можетъ, даже послѣдніе три царя, которыхъ называетъ сказаніе, Тарквиній Приск, Сервій Туллій и Тарквиній Гордый дѣйствительно были этрусскаго происхожденія: вѣдь въ Тарквиніяхъ открыта гробница семейства этого имени (Тархна). Тогда пришлось бы предположить, что Римъ нѣкоторое время управлялся этрусскими царями, и что изгнаніе ихъ въ то же время было поступкомъ ободрившейся латинской національности противъ этрусскихъ владыкъ.

Такимъ образомъ, въ сказаніяхъ о борьбѣ римлянъ съ изгнанными Тарквиніями и Порсеной все-таки могло отразиться немного исторіи.—Но этруски не довольствовались господствомъ надъ Римомъ и Лаціумомъ, а, какъ видно изъ выше сообщеннаго сказанія о борьбѣ съ ариційцами и кумцами, проникли на югъ до Кампаніи. Тамъ колоніями этрусковъ считались Капуя, Нола и другіе города. Отсюда западное италійское море по нимъ было названо Тирренскимъ и называется такъ и понынѣ. Они господствовали на этомъ морѣ въ союзѣ съ карѳагенянами и въ безпрестанной борьбѣ противъ грековъ, поселившихся въ различныхъ пунктахъ Кампаніи, напримѣръ, въ Кумахъ и Неаполѣ, въ Нижней Италіи и Сициліи. Когда, напр., фокейцы изъ Малой Азіи въ 545 г. до Р. Хр., такъ какъ городъ ихъ былъ покоренъ персами, выселились въ колонію Алалію на Корсикѣ, они такъ были разбиты соединенными этрусками и карѳагенянами, что должны были бросить Алалію и удалиться въ Нижнюю Италію, гдѣ основали Элею. Но въ то время этруски господствовали и на равнинѣ По и заложили, въ устьѣ По, города Гатрію и Спину, откуда они занимались успѣшнымъ морскимъ разбоемъ въ адріатическихъ водахъ.

Но этотъ апогей этрусскаго могущества длился недолго, потому что ихъ богатая знать вслѣдствіе своего матеріальнаго взгляда на жизнь и воспринятой въ огрубѣломъ видѣ греческой культуры скоро впала въ изнѣженность. Такимъ образомъ греческимъ тираннамъ, Гелону Сиракузскому и Ѳерону Агригентскому, въ 480 г. до Р. Хр., въ день Саламинской битвы, удалось побѣдить при Гимерѣ союзныхъ съ этрусками карѳагенянъ, бывшихъ подъ начальствомъ Гамилькара, сына Магона. Но въ 474 г. кумцы

подъ начальствомъ Аристодема и сиракузяне подъ начальствомъ Гіерона одержали блестящую морскую побѣду и надъ этрусками. Съ тѣхъ поръ греки стали брать верхъ какъ въ Тирренскомъ морѣ, такъ и въ Адріатическомъ, а могущество этрусковъ быстрыми шагами пошло назадъ. Уже передъ тѣмъ Римъ освободился отъ этрусскаго владычества. Ибо сословная борьба между патриціями и плебеями, о которыхъ будетъ рѣчь впереди, предполагала свободное и независимое развитіе римской общины.

Латинская война; битва при Регилльскомъ озерѣ. Все еще престарѣлый царь Тарквиній не считалъ своего дѣла проиграннымъ. Онъ бѣжалъ въ Тускулъ къ зятю своему Октавію Мамилію и чрезъ послѣдняго подстрекнулъ латинянъ къ войнѣ противъ Рима. При такихъ обстоятельствахъ сенатъ назначилъ Авла Постумія диктаторомъ съ неограниченной властью, а тотъ избралъ Тита Эбутія своимъ начальникомъ конницы. И вотъ, когда народъ увидѣлъ 24 ликторовъ диктатора, несшихъ впереди него острыя сѣкиры въ пучкахъ прутьевъ, онъ ужаснулся, ибо противъ приговора диктатора не имѣла силы никакая апелляція къ народу: онъ распоряжался жизнью гражданъ по собственному усмотрѣнію. Но Постумій собралъ войско и выступилъ въ походъ на латинянъ.

Пошли на югъ къ Альбанскимъ горамъ. Надѣялись достигнуть Тускула и взять приступомъ городъ, лежавшій на сѣверномъ гребнѣ горъ, прежде чѣмъ успѣютъ соединиться всѣ силы медлительныхъ союзныхъ городовъ Лаціума. Но, поднявшись на передовыя высоты, увидѣли латинское войско, расположенное въ довольно просторной долинѣ, окружающей небольшое озеро Региллъ. Дѣятельности Тарквинія и его зятя Мамилія удалось привести въ движеніе всѣхъ воиновъ союза, и сила эта была настолько значительна, что римскій диктаторъ не счелъ полезнымъ спуститься съ высоты. Лишь когда прибыло извѣстіе о неприязненныхъ движеніяхъ вольсковъ, онъ принялъ бой. Самъ онъ командовалъ центромъ, напротивъ свѣдущаго въ военномъ дѣлѣ Тарквинія; его начальникъ конницы Эбутій велъ лѣвое крыло противъ Мамилія, преторъ Виргиній—правое противъ Тита, единственнаго оставшагося въ живыхъ сына тиранна Войска тотчасъ же вступили въ рукопашную и сражались съ крайнимъ ожесточеніемъ, но счастіе не клонилось ни на ту, ни на другую сторону. Отличаясь доспѣхами и отвагой, вожди полчищъ

узнаютъ другъ друга и сталкиваются въ боевой схваткѣ. Копье диктатора повергаетъ въ прахъ старика Тарквинія, котораго близкіе его съ трудомъ лишь спасаютъ отъ смерти. Съ другой стороны, храбрый Мамилій прорывается сквозь передніе ряды римлянъ и, хотя самъ раненый, пронзаетъ Эбутія, который вышелъ ему навстрѣчу. Марка Валерія Максима, ставшаго на мѣсто павшаго, постигла та же участь. Публій и Маркъ Валеріи, благородные сыновья Попликолы, стараются отстоять трупъ дяди и его незапятнанный щитъ; но и они также падаютъ подъ убійственнымъ мечомъ героя Лаціума. Въ этой бѣдѣ диктаторъ обращается съ мольбой къ богамъ, и не тщетно. Видитъ онъ: два мужа неземной наружности на бѣлыхъ коняхъ скачутъ по полю, приближаясь къ нему. „Глядите туда“, восклицаетъ онъ, обращаясь къ отступающимъ дружинамъ, „сами боги идутъ намъ на помощь! Это они, діоскуры Касторъ и Поллуксъ; они несутся впереди насъ къ латинскому лагерю“. Слова эти переходятъ изъ устъ въ уста по дрогнувшимъ римскимъ рядамъ; и латиняне слышатъ ихъ и обратили взоры свои назадъ къ лагерю. Въ эту рѣшительную минуту диктаторъ съ цвѣтомъ конницы прибылъ на лѣвое крыло Всадники слѣзаютъ съ коней и задерживаютъ натискъ непріятелей. Когда затѣмъ храбрый Мамилій былъ раненъ насмерть, да и Титъ Тарквиній на другомъ крылѣ палъ отъ неизвѣстной руки, побѣда была рѣшена. Но она стоила столько жертвъ, что побѣдители не отважились дальше проникнуть въ горы Лаціума, но, довольные славой и добычей захваченнаго лагеря, спустя немного дней начали отступленіе. Ихъ предупредили божественные Тиндариды, даровавшіе имъ побѣду. Въ день битвы они появились въ Римѣ, смыли въ священной водѣ источника Ютурны кровь и пыль и возвѣстили о совершившемся. Старикъ Тарквиній, лишенный всѣхъ своихъ сыновей, удалился въ Кумы, гдѣ и закончилъ свою жизнь, не рѣшаясь на новое покушеніе противъ свободы республики.

Разсказъ объ одержанной съ божеской помощью побѣдѣ римлянъ у Региллскаго озера не можетъ скрыть отъ насъ того факта, что Римъ въ то время, ослабленный войнами съ этрусками, не могъ удержать прежняго господства надъ латинянами. Новый договоръ, который былъ заключенъ въ то время, по преданію въ 493 г. Р. Хр., консулами Спуріемъ Кассіемъ и Коминіемъ

РАЗВАЛИНЫ ХРАМА КАСТОРА И ПОЛЛУКСА НА РИМСКОМЪ ФОРУМѢ.

съ латинянами, напротивъ того, замѣнилъ подданство латиновъ ихъ равноправностью съ римлянами (foedus aequum).

ДРЕВНѢЙШЕЕ РЕСПУБЛИКАНСКОЕ УСТРОЙСТВО.

Познакомившись съ сказаніями о войнахъ, примыкающихъ къ перемѣнѣ государственнаго устройства въ Римѣ, и съ нѣсколькими подлинными отрывками историческихъ свѣдѣній изъ тѣхъ временъ, мы должны попытаться набросать картину самого этого новаго государственнаго устройства, котораго добилась римская знать, стремившаяся къ независимости, и которое она побѣдоносно защищала противъ всѣхъ нападокъ.

Должностныя лица республики: консулы и квесторы. Во главѣ государства съ 509 г. стоятъ ежегодно мѣняющіяся должностныя лица (magistratus), которыя вначалѣ называются преторами, потомъ консулами (consules—товарищи). Ихъ должностная власть гораздо меньше прежней царской. Она по сравненіи съ царской ограничена по времени, по характеру и объему. Царь правилъ пожизненно, консулъ только одинъ годъ; царь одинъ пользовался своей властью, консулъ раздѣляетъ ее съ товарищемъ, протестъ (veto) котораго для него обязателенъ; царь обладалъ верховной властью военной, судебной и жреческой въ полномъ объемѣ, консулъ же долженъ мириться съ существенными ограниченіями. Въ качествѣ предводителя на войнѣ онъ долженъ возлѣ себя признавать равноправнаго генерала; въ качествѣ судебныхъ слѣдователей рядомъ съ нимъ пріобрѣтаютъ самостоятельное значеніе quaestores paricidii (см. стр. 88), которые до того времени получали свои полномочія отъ царя; вскорѣ онъ не смѣетъ уже приказать исполнить смертный приговоръ безъ особаго разрѣшенія народнаго собранія; его ликторы, согласно съ этимъ, должны внутри города вынимать острыя сѣкиры изъ пучковъ прутьевъ. Наконецъ и жреческая дѣятельность республиканскаго главы государства почти совсѣмъ устраняется въ пользу авгуровъ и понтификовъ, которые отнынѣ, послѣдніе подъ главенствомъ pontifex maximus, образуютъ самостоятельныя коллегіи. Для извѣстныхъ жертвоприношеній верховный жрецъ назначаетъ даже царя-жертвоприносителя (rex sacrorum),—правда, лицо безъ всякаго политическаго значенія,—чтобы богамъ во имя государства впредь, какъ и ранѣе, служилъ „царь“.

Сенатъ и патриціи. Что утратилъ, въ отношеніи власти, глава государства, то мало-по-малу пріобрѣлъ, по большей части, сенатъ. Изъ присутствія лишь совѣщательнаго онъ постепенно сталъ рѣшающимъ, такъ какъ вопросъ, должно ли впредь собственно руководство государствомъ исходить отъ консуловъ, или отъ сената, скоро былъ рѣшенъ въ пользу сената. Ибо, во-первыхъ, консулы выходили, хотя и по избранію народа, все-же обыкновенно изъ среды сенаторовъ и по истеченіи срока своей должности возвращались въ эту среду; слѣдовательно они едва ли могли уклониться отъ господствовавшихъ въ этой средѣ аристократическихъ взглядовъ; далѣе, консулы пребывали въ должности одинъ только годъ; по отношенію къ нимъ сенатъ, составъ котораго мѣнялся лишь незамѣтно, являлся безпрерывно дѣйствующей корпораціей. А въ-третьихъ, хотя сенаторы, въ старину—до установленія цензуры (см. ниже)—и назначались консулами, но послѣдніе при выборѣ все-таки естественно слѣдовали господствовавшему въ самомъ сенатѣ мнѣнію, и уваженіе къ сенату усиливалось отъ того, что въ немъ былъ соединенъ весь опытъ въ общественныхъ дѣлахъ и въ сношеніяхъ съ чужими государствами и вся пріобрѣтенная этимъ опытомъ дѣльность. Отсюда постепенно произошло такое отношеніе, что консулы въ мирное время являлись почти только должностными лицами, исполнявшими постановленія сената. Въ подобномъ отношеніи находился дожъ венеціанскій къ совѣту и къ его различнымъ комиссіямъ. Стало обычаемъ, чтобы консулъ предлагалъ законопроектъ народному собранію лишь тогда, когда сенатъ далъ на то свое разрѣшеніе (auctoritas).—Большая власть и высокое уваженіе, которымъ пользовался сенатъ въ республикѣ, передавались до извѣстной степени всему сословію родовъ, имѣвшихъ право доступа въ сенатъ,—патриціевъ. Вѣдь въ ихъ, прежде всего, интересахъ была устранена царская власть. Они извлекли наибольшую пользу изъ перемѣны государственнаго устройства: ибо высокомогущественный теперь сенатъ являлся все-таки только комитетомъ выборныхъ изъ патриційской знати, и само собой понятно, что консулы, прочія должностныя лица и жрецы также выходили только изъ этого сословія. Но, кромѣ того, для патриціевъ изъ перемѣны государственнаго устройства выросли и крупныя матеріальныя выгоды: они почти одни только эксплоатировали

принадлежавшіе общинѣ лѣса и пастбища, они взимали съ поселившихся въ ихъ помѣстьяхъ кліентовъ значительный годовой оброкъ; мало того, они притѣсняли даже мелкихъ свободныхъ крестьянъ (плебеевъ) на разнообразные лады.

Народъ и народное собраніе. По имени, верховная власть въ государствѣ со времени прекращенія царскаго владычества находилась не въ рукахъ однихъ только патриціевъ, но въ рукахъ всего, обнимавшаго собой и плебеевъ, римскаго народа (populus Romanus). Ибо расчлененное на классы и центуріи, т.-е. по состоянію и по войсковому порядку, народное собраніе центуріатскихъ комицій избирало не только консуловъ и квесторовъ, но рѣшало также вопросъ о войнѣ и мирѣ и принимало или отклоняло предложенные консулами законы. Но такъ какъ консулы все-таки поступали только по постановленію сената, то на дѣлѣ предлагалось народу лишь то, что заранѣе было одобрено сенатомъ. И, кромѣ того, въ комиціяхъ господствовалъ первый классъ, имѣвшій въ своемъ распоряженіи, съ 18 центуріями всадниковъ включительно, 98 голосовъ, значитъ—абсолютное большинство, а этотъ классъ находился, въ свою очередь, подъ вліяніемъ всей патриційской знати, составлявшей его ядро. Такимъ образомъ и въ постановленіяхъ центуріатскихъ комицій по большей части выражалась воля сената и родовъ, имѣвшихъ право доступа въ сенатъ: масса плебеевъ и притомъ какъ цеховой ремесленный мастеръ въ городѣ, такъ и сельскій крестьянинъ не обладали никакимъ политическимъ вліяніемъ. Въ нѣкоторой степени эти плебеи были вознаграждены за то лучшимъ правовымъ положеніемъ, которое имъ было присуждено новымъ государственнымъ устройствомъ; ибо Валеріевымъ закономъ объ апелляціи и они были обезпечены отъ бичеванія и казни, къ которымъ могъ приговорить того или другого изъ нихъ какой-нибудь магистратъ. Зато они тяжко страдали отъ хозяйственнаго перевѣса крупныхъ помѣщиковъ-патриціевъ. Мало-по-малу они были лишены права на лѣсъ, воду и пастбища, какъ разъ подобно нѣмецкимъ крестьянамъ конца среднихъ вѣковъ, а между тѣмъ они одинаково съ патриціями привлекались къ поземельной подати (tributum) и къ военной службѣ. Слѣдствіемъ этого часто бывала задолженность со всѣми сопровождающими ее бѣдами. Отягчающимъ обстоятельствомъ было и то, что даже для самыхъ

способныхъ и состоятельныхъ плебеевъ при рѣзкой замкнутости родовъ, имѣвшихъ доступъ въ сенатъ, не было никакой возможности достигнуть должностей или мѣста въ сенатѣ.

Диктатура. При особенно бѣдственномъ положеніи государства, когда ему угрожали или внѣшніе, или внутренніе враги, сильно ограниченная консульская власть казалась слишкомъ малой для того, чтобы провести государственный корабль сквозь всѣ опасности. Въ такихъ случаяхъ сенатъ постановлялъ, что слѣдуетъ избрать д и к т а т о р а. Само назначеніе (dicere) производилъ консулъ, обыкновенно изъ числа консуларовъ, т.-е. бывшихъ консуловъ. Диктаторъ обладалъ почти неограниченной царской властью. Рядомъ съ нимъ консулы были безсильны, подъ своимъ начальствомъ онъ имѣлъ начальника конницы (magister equitum), котораго онъ самъ назначалъ. Онъ былъ неограниченнымъ повелителемъ на войнѣ, какъ и въ мирное время, въ походѣ и въ городѣ. Противъ него не имѣла силы апелляція къ народу: его смертные приговоры должны были исполняться немедленно, безъ прекословія. Поэтому впереди него шли 24 ликтора, съ топорами на-голо въ пучкахъ прутьевъ, и должность его была страшна особенно плебеямъ, тѣмъ болѣе, что имъ пользовались и для подавленія волненій. Впрочемъ, чтобы предотвратить злоупотребленія, полномочія его были ограничены 6 мѣсяцами. Во многихъ случаяхъ диктаторъ самъ отрекался отъ должности до истеченія своего срока, какъ только миновала бѣда, для устраненія которой онъ былъ назначенъ.

Сущность римскаго республиканскаго устройства. Если соединить отмѣченныя до сихъ поръ подробности въ одну общую картину древнѣйшаго республиканскаго устройства Рима, то окажется, что оно, несмотря на содѣйствіе народа во всѣхъ важныхъ государственныхъ дѣлахъ, въ сущности было а р и с т о к р а т и ч е с к и м ъ. Впрочемъ видно, что римляне въ своихъ законоположеніяхъ съ самаго начала ясно намѣчали безопасность и величіе своего государства, какъ цѣль, которой они старались достигнуть двумя совершенно противоположными путями, обезпечивая, съ одной стороны, каждому гражданину (закономъ объ апелляціи) необыкновенную степень с в о б о д ы и подчиняя, съ другой стороны, всѣхъ гражданъ, на случай бѣды, совершенно необычайной д и с ц и п л и н ѣ. Ибо избавленіе отъ бича и меча

палача имѣло силу вѣдь только внутри городской черты (templum) и въ мирное время (domi); внѣ города (fori) въ лагерѣ (belli, militiae) консулъ свободно распоряжался жизнью всякаго, даже самаго высокопоставленнаго гражданина, и даже въ городѣ сенатъ, посредствомъ диктатуры, могъ тотчасъ же объявить военное положеніе. Грандіозная государственная проницательность, проявляющаяся въ этихъ порядкахъ, принадлежитъ вмѣстѣ съ воинственной храбростью къ тѣмъ чертамъ римскаго характера, которыя сдѣлали этотъ народъ великимъ и дѣла его въ области права и государственной жизни образцовыми. Ибо эта проницательность, дѣйствовавшая въ обоихъ указанныхъ направленіяхъ, обезпечивала съ одной стороны независимость личности и благопріятствовала появленію мощныхъ государственныхъ дѣятелей, съ другой—произвела то, что граждане воспитывались въ чисто республиканской самоотверженности и въ строгомъ повиновеніи законамъ. Послѣднее изъ названныхъ качествъ поражаетъ насъ особенно при разсмотрѣніи сословной борьбы, о которой повѣствуется вслѣдъ за этимъ.

БОРЬБА ПЛЕБЕЕВЪ ЗА ПРАВОВУЮ ЗАЩИТУ.

ВОЗНИКНОВЕНІЕ НАРОДНАГО ТРИБУНАТА.

БѢДСТВЕННОЕ положеніе плебеевъ; долговое право. Большая часть плебеевъ, даже тѣ, которые были приписаны къ городскимъ трибамъ, состояли изъ простыхъ крестьянъ, питавшихся скотоводствомъ и доходомъ отъ своей земли. Бѣдствія этрусскаго завоеванія, опустошеніе римской области и постоянные походы принудили ихъ занимать значительныя суммы денегъ подъ залогъ своихъ земель. Эти займы совершались въ видѣ формальныхъ договоровъ при свидѣтеляхъ и въ присутствіи правительственнаго лица. Проспмая сумма взвѣшивалась, и должникъ за нее отдавалъ въ залогъ скотъ, пахотную землю, рабовъ и, если этого не хватало, самого себя и дѣтей. И если онъ въ назначенный срокъ не могъ выплатить долга, то съ разрѣшенія заимодавца срокъ хотя и удлинялся, но на столь безмѣрныхъ процентахъ, что

установленный впослѣдствіи нормальный размѣръ въ восемь и даже въ двѣнадцать процентовъ считался большимъ облегченіемъ. Такимъ образомъ, кто заложилъ себя и свою собственность, былъ связанъ (nexus); если онъ по несостоятельности дѣйствительно былъ присуждаемъ заимодавцу въ качествѣ кабальнаго холопа, то онъ становился addictus (присужденнымъ) и обрекался всяческой принудительной работѣ и истязаніямъ. Заложенные (nexi) все еще могли владѣть своей пахотной землей, пользоваться правами гражданъ, отбывать военную службу даже въ центуріяхъ высшихъ классовъ, но все-таки они изъ-за быстро возраставшаго долга были въ постоянной опасности быть „присужденными“. Подобныя явленія происходили въ каждый судебный день; даже разсказываютъ, что дома большинства патриціевъ были какъ-бы тюрьмами для несостоятельныхъ должниковъ, въ которыхъ дотолѣ свободные, храбрые граждане стонали, въ качествѣ кабальныхъ холоповъ, подъ бичами своихъ мучителей. Пусть описанія эти немного преувеличены—ибо тѣлесному истязанію гражданина мѣшалъ вѣдь законъ о провокаціи,—но нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что право nexum могло быть перенесено и на семью „связаннаго“, на жену и дѣтей, такъ что, въ концѣ концовъ, если долга никакъ нельзя было уплатить, заимодавецъ могъ продать должника съ женой и дѣтьми въ рабство за границу.

Естественно, что по отношенію къ такому несправедливому и недостойному положенію у плебеевъ мало-по-малу развилось глубокое ожесточеніе и негодованіе, подобно тому, какъ это существовало у аѳинскихъ кабальныхъ холоповъ до законодательства Солона противъ эвпатридовъ, или у низшихъ цеховъ средневѣковыхъ городовъ противъ родовъ, имѣвшихъ право доступа въ сенатъ. Но у римлянъ они не разразились кровавыми насиліями и дикой междуусобной войной, а, благодаря уваженію народа къ праву и закону, въ относительномъ порядкѣ были устранены, наконецъ, посредствомъ улаженія дѣла.

Начало сословной борьбы; переселеніе плебса на Священную гору. Долгое время плебеи переносили лежавшія на нихъ тяготы хотя съ ропотомъ, но все-таки безъ попытки сопротивленія. Въ 495 г. до Р. Хр. стала угрожать большая война съ вольсками, и снова плебеи увидѣли себя въ положеніи необходимости внѣ города проливать свою кровь за отечество, не смѣя надѣяться

за это на справедливое распредѣленіе новинностей или на болѣе человѣчное обхожденіе съ многочисленными должниками. И вотъ, въ то время какъ однажды на форумѣ отдѣльныя группы плебеевъ обсуждали свое положеніе въ возбужденномъ обмѣнѣ мыслей, вдругъ среди нихъ показался старикъ, просившій съ выраженіемъ отчаянія о помощи. Онъ только-что бѣжалъ изъ долговой тюрьмы, куда бросили его жестокіе заимодавцы, и представлялъ жалкій видъ. Платье его все было въ грязи, тѣло исхудало до скелета, волосы и борода были запущены, спина истерзана ударами плетей: а вѣдь этотъ человѣкъ носилъ на груди почетные рубцы и въ легіонѣ прежде былъ облеченъ чиномъ центуріона. Вскорѣ вокругъ него собралась большая толпа народа, которой онъ разсказалъ слѣдующее: „Въ то время какъ я служилъ въ Сабинской войнѣ, въ моемъ имѣніи нельзя было собрать плодовъ, такъ какъ непріятели опустошили поле и сожгли мой дворъ, а также угнали скотъ. Вернулся я обѣднѣвшимъ, но несмотря на то, мнѣ слѣдовало уплатить государственную подать. Я былъ не въ силахъ и долженъ былъ сдѣлать долги; послѣдніе быстро возрастали вслѣдствіе сложныхъ процентовъ; имѣніица моего, въ концѣ концовъ, не хватало для покрытія суммы долговъ, и я былъ присужденъ моему заимодавцу. Вы видите, что онъ изъ меня сдѣлалъ въ долговой тюрьмѣ“. Во время этого разсказа народная толпа увеличивается, и изъ другихъ домовъ выскакиваютъ кабальные холопы, влача за собой тяжелыя цѣпи: возмущеніе уже грозитъ охватить весь городъ; тогда прибѣгаютъ консулы Сервилій и Аппій Клавдій, успокаиваютъ народъ и созываютъ сенатъ. Но въ куріи не могутъ придти въ соглашеніе относительно того, что предпринять; кроткій Сервилій требуетъ смягченія бѣдственнаго положенія народа, но жестокій и непреклонный Аппій и знать не хочетъ объ уступкахъ. „Схватите только нѣсколькихъ изъ главныхъ крикуновъ и тащите ихъ на смерть, тогда другіе скоро смирятся“, такъ восклицаетъ онъ среди сенаторовъ.

Въ это время въ ворота въѣзжаютъ латинскіе всадники и докладываютъ о наступленіи вольсковъ. Тотчасъ-же консулы приказываютъ, чтобы собралось войско, но плебеи отказываются сражаться за отечество, которое заставляетъ большинство своихъ чадъ изнывать въ нуждѣ и бѣдѣ. Наконецъ, Сервилію

удается успокоить народъ обѣщаніемъ, что немедленно по прекращеніи военной опасности предприняты будутъ реформы, а еще болѣе эдиктомъ, гласящимъ: „Никто не долженъ держать римскаго гражданина въ оковахъ или въ заключеніи, такъ чтобы онъ не могъ слѣдовать консульскому призыву къ оружію; никто также не смѣетъ взять себѣ или продать имѣніе ратника, или отягчить его дѣтей или внуковъ, пока онъ находится въ полѣ". Послѣ этого эдикта всѣ nexi и addicti въ Римѣ и съ ними другіе плебеи, въ надеждѣ на лучшее будущее, восторженно слѣдуютъ за знаменами консуловъ и побѣдоносно выгоняютъ изъ страны не только вольсковъ, но вскорѣ затѣмъ и сабинянъ и аврунковъ. Покрытое славой, войско съ добычей вернулось въ Римъ и стало теперь ждать облегченій, обѣщанныхъ Сервиліемъ въ минуту опасности. Но послѣдній устраняется Аппіемъ какъ „слабодушный соблазнитель народа", и прежнимъ кабальнымъ холопамъ, несмотря на ихъ свѣжіе лавры, приказываетъ вернуться въ долговыя тюрьмы и, сверхъ того, всѣмъ тѣмъ, кто въ этотъ промежутокъ подвергся „присужденію". Среди сильнѣйшаго возбужденія и при пассивномъ сопротивленіи народа всему, что постановляютъ консулы, кончается 495 годъ. Консулы слѣдующаго года (494 до Р. Хр.) также не въ состояніи сломить сопротивленія толпы набору, который становится необходимымъ въ виду грозящей войны съ сабинянами, эквами и вольсками. Къ нимъ обращаются съ такими рѣчами: „Народъ не позволяетъ долѣе обманывать себя, ни одного ратника вы не получите, если не сдержите даннаго государствомъ обѣщанія: сначала верните намъ свободу, прежде чѣмъ мы возьмемся за оружіе, чтобы мы сражались за отчизну и согражданъ, а не въ качествѣ рабовъ за нашихъ тирановъ". Наконецъ, сенатъ, по предложенію Аппія Клавдія, пытается сломить сопротивленіе назначеніемъ диктатора. Народъ подчиняется на мгновеніе, такъ какъ консулъ возлагаетъ эту страшную должность на любимаго Манія Валерія, брата Попликолы (см. выше), и такъ какъ Валерій тотчасъ-же повторяетъ эдикты Сервилія. Когда же онъ, по устраненіи военной опасности, сдѣлалъ въ сенатѣ угодныя народу предложенія, но встрѣтилъ то же сопротивленіе какъ и Сервилій, онъ сложилъ свою должность. А консулы, чтобы въ городѣ не произошло заговора, вывели войско подъ предлогомъ, что-де эквы снова стоятъ подъ оружіемъ. Тогда насталъ конецъ

терпѣнію плебеевъ. Они, правда, отвергли планъ нѣкоторыхъ горячихъ головъ умертвить консуловъ, но подъ начальствомъ нѣкоего Цицинія выступили на свой страхъ на Священную гору, расположенную по ту сторону Аніо въ 4 km (около 4 верстъ) отъ Рима, и разбили тамъ укрѣпленный лагерь, намѣреваясь отречься отъ Рима какъ отъ безчеловѣчной матери, и основать новый городъ.

Учрежденіе народныхъ трибуновъ (494 г.). Поступокъ этотъ породилъ въ Римѣ, особенно среди патриціевъ, большой страхъ. Боялись, что войско плебеевъ нападетъ на городъ. Но когда плебеи спокойно оставались въ лагерѣ на Священной горѣ, сенатъ рѣшилъ вступить на путь переговоровъ и отправилъ за городъ для переговоровъ Менения Агриппу, старика, къ которому весь народъ относился хорошо. Въ лагерѣ отпавшихъ отъ Рима онъ разсказалъ слѣдующую простую исторію: „Въ древнѣйшее время отдѣльныя части человѣческаго тѣла каждая еще имѣла свое особое чувство и разсудокъ. Тогда вотъ однажды руки и ноги, глаза и уши стали роптать на то, что-де весь ихъ трудъ и вся работа служатъ только для снабженія пищею желудка, спокойно и уютно лежащаго по срединѣ ихъ, и зареклись впредь работать для лѣниваго желудка: рука не должна была впредь приносить пищи, ротъ—принимать ея, зубы—жевать, глотка—глотать. Но чрезъ нѣсколько дней всѣ члены ослабѣли и исхудали и все тѣло стало чахнуть. Тогда оказалось, что лѣность желудка была лишь кажущейся; всю пищу, получаемую имъ, онъ переработывалъ въ кровь, а послѣдняя затѣмъ по жиламъ текла во всѣ части тѣла и сохраняла ихъ здоровыми и свѣжими. То же отношеніе, какое между желудкомъ и членами, существуетъ и между патриціями и плебеями въ римскомъ государственномъ тѣлѣ. Конечно, не распоряжаясь доходомъ отъ вашей работы и силой вашихъ рукъ, сенатъ не можетъ существовать, но и вы безъ той прозорливости и попеченія, которыя сенатъ посвящаетъ всему народу, погибнете“. Безыскусственная мудрость Менения Агриппы произвела на гражданъ глубокое впечатлѣніе. Начали чрезъ него переговариваться съ сенатомъ и сошлись, наконецъ, на слѣдующихъ условіяхъ: плебсъ долженъ получить своихъ собственныхъ должностныхъ лицъ; послѣднія должны быть неприкосновенными и обладать правомъ оказывать всякому плебею по-

мощь противъ консуловъ. Ни одинъ патрицій не смѣетъ занимать этой должности. Кромѣ того, плебеи обезпечили себѣ конечно безнаказанность за всѣ случившіяся при „secessio“ (удаленіи на Свящ. гору) незаконности, освобожденіе nexi и addicti отъ ихъ обязательствъ и сложеніе существовавшихъ въ то время долговъ, причемъ однако не было измѣнено само долговое право (см. стр. 118).

Всѣ эти условія были клятвенно подтверждены на горѣ, гдѣ расположились плебеи, консулами—отъ имени государства и представителями плебса, при такихъ же религіозныхъ обрядахъ, какъ если бы заключался договоръ (foedus) съ чужой общиной. Поэтому законъ этотъ называется lex sacrata и гора mons sacer; кто нарушалъ законъ, подвергался проклятью боговъ; такъ объясняется и обезпеченная религіознымъ освященіемъ неприкосновенность (sacrosanctitas) новыхъ плебейскихъ должностныхъ лицъ. Ихъ было сначала двое, затѣмъ пятеро, наконецъ десять. Они получили названіе tribuni plebis (народные трибуны). Названіе tribuni не было новымъ: такъ вѣроятно назывались старшины 21 трибы (см. выше въ главѣ о расчлененіи рим. народа), руководившіе сборомъ государственной подати (tributum). Но то вѣроятно были патриціи, такъ же какъ и tribuni militum, штабъ-офицеры въ войскѣ; въ отличіе отъ этихъ трибуновъ новыя должностныя лица народа назывались „tribuni plebis“. Задачей ихъ стало быть представителями народа передъ сенатомъ и патриційскими чиновниками. Впрочемъ полномочія ихъ вначалѣ были ограничены правомъ оказанія помощи (jus auxilii) въ единичномъ случаѣ, т.-е. если плебей долженъ былъ быть арестованъ магистратомъ. Позже изъ этого развилось право заявленія протеста ((jus intercedendi) противъ постановленій сената и консульскихъ законопроектовъ. Чтобы быть въ состояніи пользоваться этимъ правомъ, трибуны получили даже мѣсто въ сенатѣ, съ котораго они могли произносить свое грозное „veto“ („я запрещаю“) противъ всякаго предположеннаго постановленія. Такимъ образомъ трибунатъ въ теченіе вѣковъ былъ полезнымъ ограниченіемъ надменности родовъ, движущей силой, оберегавшей государственную жизнь отъ застоя и содѣйствовавшей постоянному, естественному развитію республиканскихъ формъ.

Союзъ съ латинянами и герниками (493 г.). Велика была радость

въ Римѣ по поводу возстановленія внутренняго согласія. Совершались веселыя празднества въ городѣ, затѣмъ предприняли вторженіе въ страну враждебно настроенныхъ вольсковъ и вернулись обратно, покрытые славой и съ большой добычей. Оба консула, Коминій и Спурій Кассій, справили тріумфъ. Въ ихъ консульство заключенъ былъ также договоръ и прочный союзъ съ Лаціумомъ, и притомъ на слѣдующихъ условіяхъ: „Покуда стоятъ небо и земля, да будетъ миръ между римлянами и латинянами. Ни одинъ изъ этихъ народовъ не долженъ итти войной на другой, ни подстрекать къ этому чужихъ, ни открывать чужимъ войскамъ безопасный путь противъ союзниковъ, но кому нанесенъ будетъ ущербъ, тому другой народъ долженъ оказать содѣйствіе. Всѣмъ, что будетъ взято въ добычу въ совмѣстной войнѣ, пусть владѣютъ они поровну. Особыя жалобы должны быть возбуждены въ теченіе десяти дней на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ возникъ раздоръ. Въ союзѣ этомъ ничто не должно быть измѣняемо, развѣ только если угодно будетъ римлянамъ и соединеннымъ латинянамъ“. Договоромъ въ то же время выговаривалось союзнымъ народомъ право заключать брачные союзы между собой, какъ и право свободно селиться въ области обоихъ государствъ. Договоръ этотъ былъ клятвенно утвержденъ Кассіемъ на Авентинѣ въ Римѣ, Коминіемъ на Альбанской горѣ и начертанъ на бронзовой колоннѣ, получившей мѣсто на площади позади ораторской трибуны; тамъ видѣлъ ее и читалъ ея важную надпись Цицеронъ. Договоръ съ латинянами создалъ оборонительный союзъ, который по своей природѣ не могъ быть примѣ-

СТАТУЯ ЦЕРЕРЫ,
найденная въ Остіи въ 1256 году (Ватиканскій музей

нямъ къ наступательнымъ войнамъ; поэтому мы рѣже слышимъ о соединеніи войскъ. Но кажется, что на войнѣ вообще латиняне подчинялись римлянамъ. Ибо мы рѣдко находимъ, чтобы латинскому полководцу поручалось главное начальство, но, напротивъ, видимъ, что латиняне, въ качествѣ вызванныхъ союзниковъ, идутъ въ походъ съ легіонами подъ римскимъ предводительствомъ, между тѣмъ какъ римляне подъ начальствомъ собственныхъ консуловъ въ разныхъ случаяхъ выступаютъ на охрану союзной страны. Если латинскій диктаторъ во главѣ своихъ латинянъ одерживалъ побѣду, то онъ въ тріумфѣ шелъ на Альбанскую гору, а побѣдоносный римскій военачальникъ вступалъ на Капитолій; впрочемъ въ позднѣйшее время бывали случаи, когда римскіе консулы при ликованіи латинянъ поднимались къ Альбанскому святилищу.

Не многимъ позже, въ 486 г. до Р. Хр., тотъ-же Сп. Кассій, которому были обязаны договоромъ съ латинянами, устроилъ подобный-же договоръ съ г е р н и к а м и. Герники жили въ прекрасной горной странѣ, подымающейся къ юго-востоку отъ Рима между рѣками Толеромъ и Лирисомъ, отъ города Анагніи до Фрегелъ къ гребню Апеннинovъ. То было крѣпкое племя земледѣльцевъ и пастуховъ, которые однако чувствовали себя угрожаемыми съ сѣвера эквами, съ юга вольсками. Чрезъ присоединеніе ихъ къ союзу сила послѣдняго значительно возросла; правда, римляне съ тѣхъ поръ должны были довольствоваться одною третью военной добычи, вторую треть получали латиняне, третью герники. Съ тѣхъ поръ и герники принимали участіе въ большомъ праздникѣ союза—Feriae Latinae.

На высочайшей вершинѣ Альбанскихъ горъ (нынѣ Монте Каво), откуда далеко виднѣлось надъ горами, долинами и равнинами святилище латинскаго Юпитера (jupiter-Latiaris), сходились союзники, принося свою долю для праздничнаго пира въ видѣ ягнятъ, сыра, пирожныхъ, молока и т. п. Затѣмъ латинскій диктаторъ, впослѣдствіи римскій преторъ закалывалъ въ честь божества союза бѣлаго жертвеннаго быка и распредѣлялъ жертвенное мясо между представителями областей. Во всей странѣ союза въ продолженіе этихъ праздничныхъ дней царилъ священный миръ; работъ не было, участники праздника забавлялись веселыми маскарадами, пировали или качались въ качеляхъ, укрѣплявшихся на деревьяхъ рощи. Куски

жертвенныхъ животныхъ сожигались въ послѣднюю ночь на высоко взгроможденныхъ жертвенникахъ на открытомъ воздухѣ, и пылающее пламя возвѣщало народамъ союза о концѣ великаго праздника.

ГАЙ МАРЦІЙ КОРІОЛАНЪ.

БЕРЕГОВУЮ полосу отъ Антія до Таррацины и далѣе, затѣмъ лежащее за нею холмогорье и горную страну по обѣимъ сторонамъ средняго Лириса до самаго гребня Апеннинонъ при Сорѣ населяли вольски, могучіе противники римско-латинскаго союза. Въ особенности изъ Антія и Эцетры они долгое время угрожали городамъ латинской равнины; и когда впослѣдствіи приморскіе города ихъ отняты были у нихъ Римомъ, они все-таки еще долго сохраняли свою воинственную силу въ горныхъ долинахъ на Лирисѣ. Память о продолжительныхъ войнахъ съ вольсками и о многихъ пораженіяхъ, нанесенныхъ ими римско-латинскому союзу, римляне сохраняли въ сказаніи о Коріоланѣ.

Этотъ герой собственно назывался Гаемъ Марціемъ. Прозвище свое Коріоланъ онъ пріобрѣлъ себѣ въ одной войнѣ съ вольсками слѣдующимъ образомъ. Однажды осаждались римскимъ войскомъ Коріолы, городъ вольсковъ на выступѣ Альбанскихъ горъ. Изъ Антія имъ подошло подкрѣпленіе, воинственные граждане произвели неожиданную вылазку и среди застигнутыхъ врасплохъ легіоновъ распространился ужасъ. Тогда Марцій громкимъ призывомъ собралъ вокругъ себя испытанныхъ воиновъ, прорвалъ, разсѣялъ, сражаясь впереди всѣхъ, наступающія полчища и вмѣстѣ съ бѣглецами проникъ въ открытыя ворота города. Всякое сопротивленіе было опрокинуто, ближайшіе дома запылали въ огнѣ; стоны умирающихъ, вопли женщинъ и дѣтей возвѣстили о побѣдѣ римскаго оружія. А за городомъ въ открытомъ полѣ продолжался еще бой съ войскомъ вольсковъ, оставаясь нерѣшеннымъ. Тогда Марцій съ своей кучкой покинулъ полуразрушенный мечомъ и огнемъ городъ и ворвался въ ряды непріятельскихъ бойцовъ. Въ тѣсно сомкнутомъ порядкѣ смѣльчаки неудержимо двигались впередъ. Ихъ окровавленная одежда, ихъ сверкающіе взоры

распространяли ужасъ, оружіе ихъ—смерть. Вся сила вольсковъ искала спасенья въ позорномъ бѣгствѣ и оставила поле брани и честь побѣды римскимъ легіонамъ. А на полѣ битвы войско привѣтствовало геройскаго мужа, два раза рѣшившаго бой, почетнымъ именемъ Коріолана, и во время тріумфальнаго вступленія въ Римъ, консула славили не его, а прежде всего храбраго Гая Марція Коріолана.

Но какъ ни было прославлено имя его, все-таки ему отказывали въ консульствѣ, опасаясь его гордости и жестокости къ простонародью. Однако онъ не измѣнялъ своего упрямаго права; мало того, однажды даже, когда народъ отказался отъ какого-то похода, онъ на свой страхъ съ кліентами и старыми соратниками вторгся въ непріятельскую землю и вернулся съ богатой добычею, которую и роздалъ своимъ приверженцамъ. При этомъ и при другихъ случаяхъ онъ откровенно высказывалъ свое презрѣніе къ плебейской общинѣ, и въ особенности дѣлалъ онъ это во время тяжкаго голода, когда простой народъ не могъ платить крупныхъ хлѣбныхъ цѣнъ и почти погибалъ отъ ужасной нужды. Сенатъ распорядился закупкой пшеницы, да изъ дружественныхъ городовъ Сициліи также пришли обильныя пожертвованія. Сенаторы стали совѣщаться о безплатной раздачѣ зернового хлѣба недостаточнымъ гражданамъ и о томъ, какія слѣдовало установить низкія цѣны. Противъ этого возсталъ Коріоланъ. Онъ высказалъ мнѣніе, что если плебсъ желаетъ старыхъ цѣнъ, то пусть возстановитъ и старое право и уничтожитъ своихъ болтливыхъ представителей. Младшіе члены собранія согласились съ нимъ; возникъ раздоръ въ сенатѣ, изъ-за котораго совѣщаніе не пришло ни къ какому результату. Между тѣмъ и трибуны на своихъ скромныхъ мѣстахъ у дверей куріи услышали рѣчь эту и на слѣдующемъ собраніи трибъ донесли о ней народу. Если-бъ дѣло зависѣло отъ этого бѣшенаго человѣка, восклицали они, то вся община могла бы погибнуть отъ голода и нужды; онъ желаетъ имѣть ея представителей связанными въ своихъ рукахъ; въ его лицѣ явился народу новый палачъ, оставляющій ему выборъ лишь между смертью и рабствомъ. Съ согласія толпы назначенъ былъ день суда, на которомъ Коріоланъ долженъ былъ дать отвѣтъ Послѣдній пока еще относился съ презрѣніемъ къ угрозамъ трибуновъ, на смѣшливо спрашивая, назначены-ли они быть старшинами плебеевъ,

или также и патриціевъ; однако дѣло становилось серьезнымъ. Многочисленные кліенты и друзья Марціева рода тщетно пытались помѣшать народному собранію, тщетно просили за него знатнѣйшіе сенаторы. Такъ какъ самъ Коріоланъ не явился, то онъ былъ двѣнадцатью трибами противъ девяти осужденъ. Но онъ уже простился съ матерью, женой и дѣтьми и дорогимъ отчимъ домомъ и былъ на пути въ Антій, чтобы у враждебныхъ вольсковъ, съ которыми онъ часто боролся, искать защиты и случая къ мщенію. Тамъ жилъ, пользуясь царскимъ почетомъ, вліятельный и богатый Аттій Туллій. Коріоланъ часто бывалъ на войнѣ его честнымъ противникомъ, въ мирное время—его милымъ гостемъ; теперь онъ жалкимъ бѣглецомъ вступилъ въ царскій чертогъ и сѣлъ у очага, подъ защиту домашнихъ Ларовъ, сулившихъ помощь тому, кто въ ней нуждался. Скоро замѣтилъ его Туллій, узналъ его и повелъ на почетное мѣсто, гдѣ за праздничной трапезой, въ задушевной бесѣдѣ, обсуждены были римскія событія. Оба мужа были согласны въ томъ, что нужно итти войной на ненавистный городъ, чтобы отомстить за старую и новую обиду. Уже въ ближайшемъ времени нашелся поводъ къ этому, и радостно стали вооружаться воинственные вольски въ обширной равнинѣ у моря и въ суровыхъ горахъ, замыкающихъ долину Трера. Они надѣялись на побѣду, такъ какъ за ихъ знаменами слѣдовалъ прославленный герой Коріоланъ. Послѣдній къ тому же былъ не одинъ, а вокругъ него собрались другіе изгнанники изъ Рима, потерпѣвшіе во время внутреннихъ смутъ ту же участь, хотѣвшіе теперь отомстить за подобныя же обиды, смѣлые, отчаянные люди, безъ родины, безъ иной надежды, кромѣ надежды на оружіе, готовые на крайнее.

Походъ Коріолана на Римъ. Соединенное войско двинулось съ юга страны вольсковъ. Тамъ на морскомъ берегу, къ востоку отъ прекраснаго, омываемаго моремъ мыса Кирке, лежали Цирцеи, основанныя, по римскому сказанію, Тарквиніемъ Гордымъ въ качествѣ портоваго города, и тогда еще занятыя римлянами, хотя остальное побережье тамъ принадлежало вольскамъ. На городъ, закрытый со стороны суши Понтинскими болотами, трудно было напасть. Но вольски подъ начальствомъ Коріолана успѣшно штурмовали его и прогнали римскихъ колонистовъ. Оттуда побѣдоносный походъ направился чрезъ Сатрикъ, Лонгулу, Полуску,

Коріолы, Бовиллы въ Лавиніи, священный городъ, изъ котораго происходили пенаты Рима, и, наконецъ, чрезъ Корбіонъ, Виттелію, Требій, Лабикъ въ Педъ. Всѣ эти города были завоеваны, и еще въ то же лѣто вольски расположились лагеремъ у Клунльскаго рва, гдѣ нѣкогда сражались Горація и Куріаціи, въ 5.000 шагахъ отъ Рима, угрожая самому городу.

Коріоланъ предалъ грабежу поля и сельскія жилища плебеевъ, имѣнія же своего сословія онъ велѣлъ щадить. Этотъ образъ дѣйствій возбудилъ подозрѣнія среди римскихъ гражданъ, и, когда послѣдовалъ призывъ къ оружію, плебеи стали роптать, что сенатъ-де находится въ сношеніяхъ съ ихъ смертельнымъ врагомъ, что ихъ, подобно скоту, хотятъ вести на ужасный убой. Недовѣріе и малодушіе было общее; выставить достаточныя силы для борьбы съ побѣдоноснымъ врагомъ было невозможно. При такихъ обстоятельствахъ казались предстоящими завоеваніе и разграбленіе города, быть можетъ убіеніе всѣхъ гражданъ. Правда, былъ открытъ еще путь мирныхъ переговоровъ. Сенатъ постановилъ и община утвердила постановленіе призвать обратно Коріолана и возстановить его во всѣхъ правахъ, почестяхъ и имѣніяхъ. Пять бывшихъ преторовъ передали упрямому человѣку это постановленіе. Но онъ потребовалъ почетнаго возвращенія не только для себя, но и для всѣхъ другихъ изгнанниковъ, далѣе — уступки прежнихъ завоеваній и правъ гражданства для всей націи вольсковъ, и, для рѣшенія, назначилъ срокъ въ тридцать три дня. Эти условія были тяжки; подчиняясь имъ, отдавали городъ во власть Коріолана и его одичавшихъ въ долгой нуждѣ товарищей, и нужно было ждать самаго позорнаго обхожденія. Грозная опасность сломила гордость сената, онъ рѣшилъ прибѣгнуть къ смиренной просьбѣ. Еще разъ появились послы въ непріятельскомъ лагерѣ;

РИМСКАЯ МАТРОНА.
Древняя мраморная статуя.

но Коріоланъ не сталъ ихъ слушать, а потребовалъ подчиненія. Такой же отвѣтъ получило второе посольство изъ десяти почетнѣйшихъ членовъ сената. То же самое указалъ онъ жрецамъ, которые явились предъжестокимъ человѣкомъ въ своихъ служебныхъ одѣяніяхъ. Когда вслѣдъ затѣмъ вольское войско пододвинулось ближе, въ городѣ поднялся вопль женщинъ и дѣтей, ждавшихъ каждую минуту вторженія враговъ.

Римскія женщины передъ Коріоланомъ. Но въ то время, какъ мужчины не имѣли мужества взяться за оружіе и не знали, что́ вообще дѣлать, благородныя матроны рѣшили сдѣлать послѣднюю попытку спасти себя и отчизну. Длиннымъ шествіемъ направились онѣ къ непріятельскому лагерю. Доложили полководцу о странномъ посольствѣ; онъ велѣлъ не принимать его на томъ основаніи, что онъ имѣетъ дѣло съ мужчинами, а не съ женщинами. Но когда одинъ изъ его приближенныхъ замѣтилъ ему, что онъ узналъ среди матронъ его мать Ветурію и жену его Волумнію съ его двумя сынками, то онъ приказалъ ихъ ввести. Онъ поспѣшилъ навстрѣчу имъ и хотѣлъ заключить въ свои объятія престарѣлую мать свою. Но та остановила его и воскликнула: „Прежде чѣмъ я дамъ тебѣ обнять себя, дай мнѣ знать, пришла ли я къ врагу, или къ сыну, плѣнница ли я въ твоемъ лагерѣ, или твоя мать. Неужели моя долгая жизнь и злополучная старость сохранили меня для того, чтобы я увидѣла тебя сначала изгнанникомъ, а теперь даже врагомъ? Какъ могъ ты опустошить эту страну, родившую и вскормившую тебя? И съ какими бы враждебными и насильственными намѣреніями ты ни пришелъ, неужели не исчезъ твой гнѣвъ, когда ты ступилъ на священную границу нашего города? Неужели не пришло тебѣ на мысль, когда ты увидѣлъ предъ собой Римъ: тамъ за этими стѣнами—мой домъ, мои боги, моя мать, моя жена и мои дѣти?“ Въ то же время Волумнія и его дѣти обнимали его колѣна. Тогда Коріоланъ закрылъ свою голову и сказалъ: „Мать, ты спасла Римъ, но сына ты утратила на-вѣки!“ И когда женщины снова вернулись домой, Коріоланъ далъ своимъ роптавшимъ вольскамъ приказъ уйти на югъ. Онъ оставался у нихъ всю свою жизнь, не увидавъ никогда болѣе своей родины. Старикомъ, говорятъ, онъ часто жаловался на то, какъ солонъ хлѣбъ изгнанія. Другіе сообщаютъ даже, что вольски умертвили его, въ досадѣ

на то, что у нихъ вырвана добыча, на которую они надѣялись.

АГРАРНЫЙ ЗАКОНЪ СПУРІЯ КАССІЯ.

Государственная земля (ager publicus). Чужой городъ, завоеванный на войнѣ, по страшному военному праву древности, со всѣмъ, что было внутри его, и со всѣми землями принадлежалъ побѣдителю, т.-е. его сокровища, дома, поля, даже граждане, въ качествѣ рабовъ, переходили во владѣніе завоевателей. На дѣлѣ это жестокое военное право примѣнялось лишь въ особыхъ случаяхъ, напр., когда раньше покоренный городъ, нарушая договоръ, измѣннически переходилъ на сторону непріятеля. Обыкновенно же римляне и ихъ союзники оставляли гражданамъ завоеваннаго города свободу, а также большую часть ихъ собственности, заставляя ихъ только уступить имъ половину или только треть ихъ пахотной земли и слѣдовать за ними на войну. Но и такъ римское государство при своихъ распространяющихся завоеваніяхъ, въ особенности у вольсковъ и этрусковъ, уже въ первый вѣкъ республики пріобрѣло крупныя земли. Иногда, конечно, уступленная какимъ-нибудь городомъ земля употреблялась на основаніе въ ней колоніи римскихъ и латинскихъ гражданъ, чрезъ которую покоренный городъ надлежало крѣпче связать съ союзомъ. Это произошло, напр., въ Корѣ, Норбѣ, Сигніи, которыя стали такимъ образомъ твердынями римско-латинскаго союза, предназначенными служить раздѣльной линіей между опаснѣйшими противниками союза, эквами и вольсками. Въ такомъ случаѣ обыкновенно римскіе и латинскіе крестьяне, въ одинаковомъ числѣ—по договору 493 г. до Р. Хр.—надѣлялись скромными крестьянскими хозяйствами изъ уступленной земли. Но чаще пріобрѣтенная на войнѣ земля объявлялась государственной землей (ager publicus). Въ этомъ случаѣ государство сохраняло право собственности, зато пользованіе этою землею разрѣшалось гражданамъ, которые ею завладѣвали. Мы, къ сожалѣнію, не знаемъ, въ какихъ формахъ и на какихъ условіяхъ происходила эта оккупація. Во всякомъ случаѣ государство доставляло оккупирующимъ защиту ихъ владѣнія про-

тивъ другихъ, но не право собственности по отношенію къ государству; оккупированная земля во всякое время могла быть обратно потребована государствомъ; но пока этого не было, она оставалась у „владѣльцевъ“ въ наслѣдственной арендѣ, переходила, значитъ, отъ отца къ сыну; они должны были только платить въ государственную казну десятую часть дохода съ пахотной земли, пятую часть съ виноградниковъ и плодовыхъ садовъ и незначительныя выгонныя деньги за скотъ. При этомъ устройствѣ крупные землевладѣльцы-патриціи съ самаго начала имѣли преимущество передъ плебеями-крестьянами. Они гораздо легче могли достать себѣ рабочія силы, скотъ и орудія, чтобы обработывать отдѣленное отъ римской городской земли владѣніе или самимъ, или чрезъ сына, или же отдавать его на оброкъ нѣсколькимъ кліентамъ. Но кромѣ того и сенатъ, кажется, выставилъ оккупацію государственной земли прямо-таки привилегіей патриціевъ. Плебеи обдѣлены были и тѣмъ, что патриціямъ не было нужды платить подати за доходы ихъ съ ager publicus, такъ какъ настоящимъ землевладѣльцемъ оставалось государство. Такимъ образомъ и это пользованіе ager publicus,—тѣмъ болѣе, что „владѣльцы“ старались мало-по-малу освободиться отъ десятиннаго и пятиннаго сбора и платить только незначительныя выгонныя деньги,—служило только къ расширенію пропасти между сословіями; ибо въ рукахъ патриціевъ все болѣе возрастало крупное землевладѣніе, со стороны же плебеевъ—задолженность.

Аграрный законъ Спурія Кассія (486 г.). При такихъ обстоятельствахъ понятнымъ и основательнымъ было желаніе плебеевъ получить долю государственной земли, которая вѣдь и была большей частью добыта ихъ кровью. Если бы часть ея была отдана плебеямъ маленькими земельными надѣлами въ прочное владѣніе, то многихъ крестьянскихъ сыновей, которымъ иначе приходилось искать пристанища въ имѣніяхъ крупныхъ помѣщиковъ въ качествѣ поденщиковъ и кліентовъ, можно было бы устроить какъ крестьянъ. Эту мысль подхватилъ консулъ Спурій Кассій въ 486 г. до Р. Хр. Онъ былъ уже трижды консуломъ и трижды всходилъ на Капитолій, увѣнчанный побѣдою. Онъ устроилъ союзы между Римомъ, латинянами и герниками (см. стр. 124) и стоялъ на высотѣ своей славы. Этотъ человѣкъ пытался теперь склонить сенатъ въ пользу закона, по которому не захваченная

еще часть государственной земли и также такія части ея, которыя были въ наслѣдственной арендѣ у патриціевъ, должны были быть розданы, земельными полосами извѣстной величины, бѣднымъ плебеямъ и латинянамъ въ свободную собственность. Но планъ его разбился объ упорное сопротивленіе людей его же сословія. Поэтому онъ предложилъ, наконецъ, свой законъ центуріатскимъ комиціямъ, не получивъ на то позволенія сената. Но здѣсь его товарищъ, консулъ Виргиній заявилъ протестъ и успокоилъ народъ всякими, вовсе не серьезными, обѣщаніями. Такимъ образомъ законопроектъ Кассія не получилъ законной силы; самъ онъ, напротивъ, по истеченіи срока должности, значитъ въ 485 г. до Р. Хр., былъ обвиненъ своими ожесточенными патриційскими противниками чрезъ посредство двухъ quaestores paricidii въ томъ, что онъ-де стремится къ единовластію, и былъ осужденъ. Даже плебеи, безъ того уже недовольные тѣмъ, что имъ слѣдовало подѣлиться предположеннымъ для нихъ благодѣяніемъ съ латинянами, допустили себя такъ раздражить противъ благороднаго Кассія, что произнесенный ему смертный приговоръ былъ утвержденъ центуріатскими комиціями.

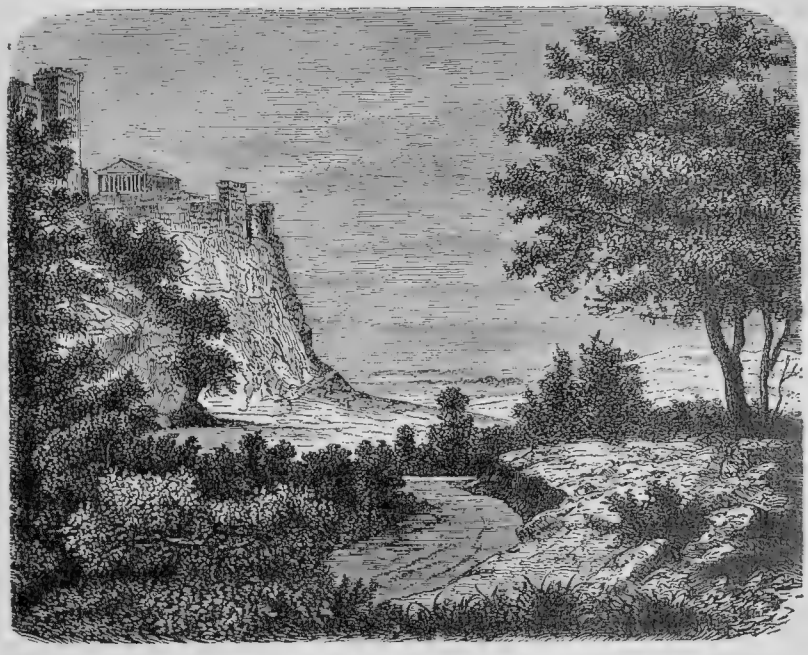
Такимъ образомъ онъ, какъ государственный измѣнникъ, былъ сброшенъ съ Тарпейской скалы. Другіе разсказываютъ, будто престарѣлый отецъ его казнилъ его собственноручно. Слишкомъ поздно замѣтили римскіе плебеи, что ихъ обманули патриціи, и стали горевать о своемъ благодѣтелѣ. А объ аграрномъ законѣ, который далъ-бы имъ достаточную долю въ государственной землѣ, затѣмъ не было рѣчи болѣе столѣтія.

ФАБІИ.

Внѣшняя и внутренняя борьба при Кезонѣ и Маркѣ Фабіяхъ. По смерти Спурія Кассія, рѣшительно самымъ знатнымъ родомъ среди тогдашнихъ патриціевъ были Фабіи, которые производили свое родословное древо отъ Геркулеса. Семь лѣтъ подрядъ (458—479) всякій разъ изъ двухъ консуловъ одинъ былъ Фабій. Но и они считались упорными поборниками привилегій знати, особенно одинъ изъ нихъ, Кезонъ Фабій,

бывшій консуломъ въ 481 г. до Р. Хр. Ему отказали въ повиновеніи во время войны съ вейцами граждане, все еще тщетно надѣявшіеся на раздачу земли, такъ что онъ не былъ въ состояніи завершить наполовину уже одержанную побѣду. Вѣсть объ этомъ распространяется у враговъ Рима, и вотъ въ слѣдующемъ году (480 до Р. Хр.) этруски выступили въ походъ противъ Рима многочисленнѣе и болѣе увѣренные въ побѣдѣ, чѣмъ когда-либо раньше. И дѣйствительно, консулы Маркъ Фабій и Манлій Цинциннатъ видятъ себя принужденными, изъ-за ненадежности войска, отказаться отъ рѣшенія дѣла въ открытомъ полѣ и держаться за валами своего лагеря. Это вызываетъ насмѣшки враговъ: они подбѣгаютъ къ воротамъ и осыпаютъ римскіе посты ругательствами и насмѣшливыми рѣчами. Тогда въ плебеяхъ пробуждается стыдъ, и они умоляютъ консуловъ разрѣшить имъ бой, для отмщенія. Вотъ Маркъ Фабій сигналомъ трубы даетъ приказъ стихнуть и говоритъ: „Я знаю, что вы можете побѣдить; но если я не знаю, желаете ли вы побѣдить, это ваша вина. Поэтому я твердо рѣшился дать знакъ къ бою лишь тогда, когда вы напередъ поклянетесь вернуться домой побѣдителями. Своего консула римскій воинъ однажды обманулъ на полѣ брани, но боговъ онъ не обманетъ“. Среди самыхъ переднихъ, которые слышали эту рѣчь, былъ центуріонъ Флаволей. Онъ поднялъ руку для клятвы и воскликнулъ: „Я хочу вернуться только побѣдителемъ; если я не сдержу своего слова, пусть меня гнѣвно покаратъ отецъ Юпитеръ и Марсъ Градивъ (шествующій въ бою впередъ) и прочіе боги“. Какъ онъ, такъ клянется и все войско: ворота лагеря раскрываются, высыпаетъ римское войско, и послѣ короткой борьбы одерживается блестящая побѣда надъ этрусками. Квинтъ Фабій, консулъ 482 г., и консулъ Цинциннатъ пали. Но надъ трупами этихъ и другихъ храбрецовъ взошло наконецъ солнце примиренія между плебсомъ и Фабіями. Консулъ Маркъ Фабій склонилъ къ себѣ сердца всѣхъ, отклонивъ изъ-за тяжкихъ жертвъ, которыхъ стоила побѣда, честь тріумфа и распредѣливъ раненыхъ плебеевъ, для ухода за ними, по домамъ знати въ Римѣ, особенно по домамъ Фабіевъ. Въ слѣдующемъ году (479 до Р. Хр.) Кезонъ Фабій снова становится консуломъ; теперь и онъ былъ склоненъ въ пользу удовлетворенія желаній плебеевъ, особенно въ пользу раздачи земли. Но сенатъ отвергаетъ его предложе-

ніе. Тогда Фабіи поняли, какъ трудно выносить непріязненное отношеніе привилегированнаго сословія, и приняли рѣшеніе, достойное прирожденнаго имъ геройства. Во вражеской странѣ, въ области Вей, для отраженія опустошительныхъ вторженій они захотѣли основать поселеніе. Было 306 способныхъ носить оружіе мужчинъ, вышедшихъ съ женами и дѣтьми, съ друзьями и кліентами, всего въ количествѣ 5.000 душъ, съ Квиринала, ихъ



ДОЛИНА КРЕМЕРЫ (Рисунокъ Капины).

исконнаго мѣстопребыванія, чрезъ Карментальскія ворота и далѣе чрезъ Тибръ. Они достигли рѣчки Кремеры, которая, спускаясь отъ Вей, несетъ свои воды межъ туфовыхъ холмовъ равнины къ главной рѣкѣ. На одномъ холмѣ они остановились и разбили сильно укрѣпленный лагерь. Смѣло проходили они по пограничнымъ землямъ враговъ и щедро платили вейцамъ за частыя опустошенія римской области. Ихъ мужество, ихъ военная дисциплина и боевая ловкость дѣлали ихъ страшными для враговъ.

Въ союзѣ съ однимъ римскимъ войскомъ они одержали побѣду даже въ большой битвѣ. Они казались неодолимыми; но вейцы въ слѣдующемъ году вооружились всѣми силами и навербовали къ тому же многочисленныхъ этрусскихъ наемниковъ. Однако они не отважились напасть на самую твердыню, но въ лѣсистой области устроили геройской кучкѣ засаду.

Гибель Фабіевъ. Смѣльчаки во время одного набѣга увидѣли себя вдругъ окруженными со всѣхъ сторонъ и пали всѣ въ убійственномъ сраженіи, послѣ храбрѣйшаго сопротивленія. Одинъ только Фабій, оставшійся въ Римѣ — такъ разсказываетъ преданіе—спасся отъ гибели; отъ него велъ свое происхожденіе снова расцвѣтшій впослѣдствіи родъ.

Послѣ своей побѣды этруски взяли съ приступа лагерь на Кремерѣ, гдѣ пали отъ оружія оставшіеся тамъ женщины, дѣти, вольноотпущенники и рабы; затѣмъ они разбили консула Менемія, который стоялъ по близости со своимъ войскомъ, но не оказалъ помощи. Теперь у нихъ не было болѣе препятствія, они съ гордой увѣренностью двинулись на самый Римъ и расположились лагеремъ на Яникулѣ, который былъ очищенъ испуганнымъ римскимъ гарнизономъ. Отсюда они не только господствовали надъ рѣкой, такъ что задерживался подвозъ въ городъ, но и перешли на другой берегъ, гдѣ незадолго передъ тѣмъ была собрана богатая жатва. Тамъ въ ихъ руки попали значительныя стада и полные склады. Однако и они, съ своей стороны, потерпѣли тяжкія потери, такъ какъ римляне часто дѣлали неожиданныя вылазки, и, уставъ отъ истощительной борьбы, обѣ стороны заключили, наконецъ, миръ на сорокъ лѣтъ.

ЭКВЫ И САБИНЯНЕ; КВИНКТІЙ ЦИНЦИННАТЪ.

Поселенія и образъ жизни сабинянъ и экковъ; Гердоній. Въ исторіи Италіи во всѣ времена игралъ большую роль рѣзкій контрастъ между улыбающимися равнинами у Тирренскаго моря и суровыми Апеннинскими горами, между мирно настроеннымъ поселяниномъ и ремесленникомъ въ плодоносномъ холмогорьи и равнинѣ и бѣднымъ но разудалымъ, склоннымъ къ разбойничеству крестьяниномъ лѣсныхъ и

пустынныхъ пространствъ въ горахъ. Какъ хищный волкъ то-и дѣло врывается въ чужія владѣнія, такъ италійскія горныя племена всегда были склонны спуститься, въ качествѣ разбойниковъ и завоевателей, въ вѣчно зеленыя поля у синяго моря и грабить ихъ по мѣрѣ силъ. Храбрость и боеспособность римско-латинскаго племени покоились вѣроятно частью на томъ, что ему всегда приходилось опасаться вторженія горныхъ жителей, всегда быть насторожѣ противъ нихъ. Поэтому римлянамъ, если и не самаго опаснаго, то все-же самаго отважнаго врага своего приходилось искать на востокѣ своей области. Двѣ старинныя дороги вели отъ Рима къ этимъ горнымъ племенамъ, Соляная дорога (via Salaria) въ сѣверо-восточномъ направленіи чрезъ Фидены и Крустумерій къ сабинянамъ, главнымъ городомъ которыхъ былъ Реате, и Валеріева дорога въ восточномъ направленіи чрезъ Тибуръ къ эквамъ, крупнѣйшими поселеніями которыхъ были Карсіолы, недалеко отъ Толена и Альбы-Фуцентіи (Fucens Fucentia), расположенные къ сѣверу отъ пустынной горной области Фуцинскаго озера. Однако ни подъ Реате, ни подъ Карсіолами и Альбой-Фуцентіей мы не должны представлять себѣ дѣйствительно большихъ городовъ: сабиняне и эквы были совершенно похожи другъ на друга въ томъ, что они, какъ то вызывалось и самой природой страны, охотнѣе всего жили открытыми деревнями или даже отдѣльными дворами, такъ что городская жизнь лишь поздно нашла къ нимъ доступъ. Военныя экспедиціи, направлявшіяся изъ страны экковъ и сабинянъ по Соляной дорогѣ или по via Valeria противъ Рима и латинской равнины, предпринимались то отдѣльными вождями шаекъ, то съ болѣе крупными полчищами, но никогда со всей народной силой, такъ какъ у этихъ племенъ недоставало государственнаго единства; но онѣ были такъ часты и многочисленны, что ихъ, особенно при запутанности преданій, нельзя изобразить по-одиночкѣ. Получаешь только впечатлѣніе, что между Римомъ и этими племенами господствовали почти безпрерывно военныя отношенія, но что рѣдко изъ этихъ пограничныхъ войнъ выростала дѣйствительная опасность для города. Тѣмъ болѣе подчеркивается въ сообщеніяхъ происшествіе 460 до Р. Хр., именно что въ одну ночь въ этомъ году сабинскій вождь, по имени Гердоній, съ отважной шайкой авантюристовъ - единоплеменниковъ, можетъ - быть, поддерживаемый римскими изгнанниками, взошелъ будто-бы на Капи-

толій. Съ большимъ трудомъ удалось консулу Валерію, потомку Попликолы, прогнать враговъ съ этой крѣпкой позиціи и отъ храмовъ боговъ; но самъ онъ при этомъ погибъ.

Луцій Квинктій Цинциннатъ — диктаторъ. Въ послѣдующіе затѣмъ годы болѣе тяжелая война съ эквами поглощала силы государства. Преторъ Минуцій послѣ различныхъ несчастливыхъ сраженій былъ запертъ въ лѣсистой области Альгида. Все войско, казалось, было обречено на гибель; поэтому приступили къ назначенію диктатора. Выборъ палъ на достойнаго Луція Квинктія Цинцинната. Послѣдній находился по ту сторону Тибра, гдѣ на ватиканскомъ окраинномъ полѣ у него было сельское жилище и весьма скромное имѣньице. Онъ управлялъ плугомъ, запряженнымъ волами, и, по обычаю земледѣльцевъ, былъ одѣтъ только въ короткую тунику, когда къ нему подошло торжественное посольство отъ сената. Онъ привѣтствовалъ мужей, серьезный видъ которыхъ показалъ ему, что случилось нѣчто важное. Они предложили выслушать ему въ приличной одеждѣ порученія сената. Онъ тотчасъ же отправился въ свой домъ, смылъ съ рукъ и лица потъ и пыль и надѣлъ тогу, которую ему подала его жена; затѣмъ онъ важно, какъ подобаетъ римлянину, вышелъ навстрѣчу депутатамъ. Изъ ихъ рукъ онъ принялъ знаки высшей власти и послѣдовалъ за ними, крикнувъ своей женѣ на прощаніе: „Рацилія, заботься о домашнемъ хозяйствѣ, вѣдь жатва выпадетъ скудная!“ На Тибрѣ его ждала убранная по-праздничному барка; тутъ его привѣтствовали родственники и кліенты и также трое сыновей его, но не любимецъ его Кезонъ, который, будучи изгнанъ за ссоры съ плебеями, жилъ на безотрадной чужбинѣ, или, быть-можетъ, сразился и палъ въ дружинѣ Гердонія. Съ многочисленной свитой вступилъ Цинциннатъ въ городъ и уже до наступленія слѣдующаго дня онъ началъ смотръ на Форумѣ. Кто могъ носить оружіе, долженъ былъ вооружиться; нарублены были палисадины, доставлены съѣстные припасы, закрыты лавки, прекращены занятія и судебныя засѣданія. Такъ приказалъ диктаторъ, и такъ должно было быть.

Побѣда надъ эквами. Какъ только сдѣланы были эти приготовленія, легіоны двинулись въ походъ; Луцій Эбутій, одинаково честный, опытный въ военномъ дѣлѣ и бѣдный, какъ Цинциннатъ, командовалъ конницей, диктаторъ—всѣмъ войскомъ.

Съ развернутыми знаменами, но безъ воинственныхъ звуковъ трубъ и роговъ, поспѣшно шли впередъ, причемъ воины другъ друга увѣщевали торопиться, потому что сограждане заперты уже три дня. Около полуночи достигли Альгида и тотчасъ же начали окружать войско эквовъ рвомъ, валомъ и палисадникомъ. Когда исполнено было самое необходимое, легіоны подняли громкій, вызывающій военный крикъ, который нарушилъ ночную тишину къ ужасу враговъ, къ радости стѣсненныхъ согражданъ. Тотчасъ же начался ожесточенный бой въ темнотѣ. Запертые римляне произвели вылазку изъ своего лагеря; эквы оказали имъ сопротивленіе и въ то же время пытались прорваться чрезъ стѣсняющіе предѣлы. Вотъ солнце взошло надъ темными лѣсистыми горами, оно освѣтило кровавое поле брани и показало врагамъ ихъ безнадежное положеніе. Тогда они пали духомъ и пожелали только спасти жизнь. Это имъ было разрѣшено, но на тяжеломъ условіи, чтобы они прошли подъ ярмомъ, лишенные всѣхъ воинскихъ почестей. Два копья водружены были въ землю, поперекъ нихъ сверху было укрѣплено третье, и эквы должны были безъ оружія пройти подъ ярмомъ и между римлянами, выстроившимися рядами, преслѣдуемые насмѣшками и поношеніями. Начальники ихъ остались въ качествѣ плѣнныхъ, чтобы украшать тріумфъ побѣдоноснаго диктатора и затѣмъ понести кару за начатую безъ нужды войну; выговорена была и сдача города Корбіона. Съ богатой добычей въ видѣ оружія, коней и багажа римское войско вступило въ Римъ и пѣснями чествовало побѣду и славнаго полководца, который взошелъ на Капитолій, гдѣ принесъ благодарственныя жертвы покровительствующему божеству. Прежде чѣмъ сложить свою диктатуру, Цинциннатъ привлекъ обвинителя своего возлюбленнаго Кезона, бывшаго трибуна М. Вольсція къ суду куріатскихъ комицій, гдѣ онъ былъ приговоренъ къ изгнанію за то, что нанесъ ущербъ собственности и чести римскаго гражданина. Предъ уваженіемъ къ диктатору долженъ былъ смолкнуть голосъ народа; Вольсцій покинулъ домъ и родину и отправился на чужбину.

Въ шестнадцать дней Цинциннатъ разрѣшилъ свою задачу и сложилъ диктаторскую власть, чтобы вновь взяться за воздѣлываніе своей скромной пашни.

ДЕЦЕМВИРАТЪ.

Развитіе государственнаго устройства до децемвирата. Учрежденіе народнаго трибуната и, хотя и не удавшаяся, попытка Спурія Кассія дать народу участіе въ пользованіи государственной землею, значительно содѣйствовали стремленіямъ плебеевъ создать себѣ лучшій оплотъ для своихъ притязаній и правъ. Съ тѣхъ поръ они старались увеличить число и права трибуновъ и тѣмъ ограничить кругъ власти консуловъ, особенно власть налагать уголовное наказаніе, по крайней мѣрѣ въ чертѣ города и въ мирное время, и, по возможности, также увеличить поземельную собственность своего сословія. Изъ этихъ стремленій возникла та безпрерывная борьба между патриціями и плебеями, которая, въ то время какъ разбойничьи набѣги эквовъ и сабинянъ, этрусковъ и вольсковъ угрожали границамъ, создавала внутри опасность для города. Что при такихъ обстоятельствахъ Римъ все-таки избѣжалъ еще большаго несчастья, этимъ онъ преимущественно обязанъ ярко выразившемуся у римскихъ крестьянъ чувству права и законности, которое заставляло ихъ, даже подъ гнетомъ жестокой нужды, избѣгать всякаго кроваваго насилія. Въ общемъ, патриціи въ слѣдующія за учрежденіемъ народныхъ трибуновъ десятилѣтія удерживали за собой свои привилегіи; но плебеямъ все-таки удалось подвинуться по начатому пути нѣсколько шаговъ впередъ. Прежде всего трибунъ Публій Волеронъ въ 472 г. въ собраніи плебеевъ провелъ требованіе, чтобы плебейскія должностныя лица не избирались болѣе, какъ до тѣхъ поръ, въ центуріатскихъ комиціяхъ, а въ особыхъ собраніяхъ одного плебса (concilia plebis). Дѣло въ томъ, что въ центуріатскихъ комиціяхъ, состоявшихъ изъ патриціевъ и плебеевъ, патриціямъ и ихъ кліентамъ иногда удавалось добиться того, что въ трибуны избирались довольно уступчивые люди, слабо оберегавшіе выгоду плебеевъ. Теперь же самъ плебсъ долженъ былъ избирать своихъ неприкосновенныхъ представителей, трибуновъ и плебейскихъ эдиловъ, на которыхъ возлагались задачи рыночной полиціи. Еще важнѣе было то, что въ 462 г. трибунъ Терентилій Гарса также въ особомъ собраніи плебса, голосовавшемъ по трибамъ, сдѣлалъ предложеніе, чтобы была назна-

чена комиссія изъ пяти человѣкъ для написанія дѣйствующихъ законовъ. Плебеи, тогда, значитъ, требовали не новыхъ, болѣе имъ благопріятныхъ правовыхъ началъ, но ближайшимъ образомъ только письменнаго изложенія существующаго уголовнаго и частнаго права, чтобы при наказаніяхъ быть обезпеченнымъ отъ произвола патриційскихъ консуловъ. Но это постановленіе плебейскаго собранія пока еще не имѣло значенія для государства, оно могло быть возведено въ законъ лишь тѣмъ путемъ, чтобы консулъ по предварительному постановленію сената (patrum auctoritas) провелъ его черезъ центуріатскія комиціи. Впрочемъ патриціи сдѣлали плебеямъ, по крайней мѣрѣ, нѣсколько уступокъ: въ 457 г. число трибуновъ съ пяти было увеличено до десяти, а въ 456 г. они возвели въ законъ плебисцитъ трибуна Ицилія, по которому большія, по большей части занятыя патриціями, поля и пастбища на Авентинѣ должны были быть раздѣлены на участки подъ пашню и розданы бѣднымъ плебеямъ; прежніе же владѣльцы этой земли были вознаграждены насчетъ государственной казны. А въ 454 г. до Р. Хр. консулы Атерній и Тарпей предложили даже законъ (lex Aternia Tarpeja), по которому право наложенія имущественныхъ штрафовъ, которымъ дотолѣ владѣли только консулы, было дано и плебейскимъ трибунамъ и эдиламъ, но такъ, что нельзя было перейти maximum'a размѣра штрафа въ 30 головъ крупнаго скота и 2 овцы. Опредѣленіе размѣра штрафа скотомъ, вмѣсто денегъ, показываетъ намъ, что римляне въ то время не совершили еще перехода отъ натуральнаго хозяйства къ денежному. Но часть того, что предполагалъ Терентилій Гарса своимъ плебисцитомъ, тутъ была исполнена.

Учрежденіе децемвировъ (451). Однако требованіе полнаго письменнаго начертанія обычнаго права чрезъ это не умолкало. Поэтому сенатъ, наконецъ, уступилъ. Но по воззрѣніямъ древности лишь такіе люди могли-бы установить правовыя положенія дѣйствительно независимымъ образомъ, которые не имѣютъ въ государствѣ надъ собой высшей власти. Поэтому въ 594 г. въ Аѳинахъ сдѣлали законодателемъ Солона, какъ единственнаго архонта съ царской властью. По тѣмъ же причинамъ въ 451 г. въ Римѣ выбрали „Десять мужей съ консульской властью для начертанія законовъ“ (decemviri consulari potestate legibus scribundis). Выборы состоялись въ центуріатскихъ комиціяхъ по заранѣе полу-

ченнымъ отъ сената полномочіямъ, и десять избранныхъ патриціевъ особымъ постановленіемъ патриційскихъ куріатскихъ комицій были утверждены въ своей чрезвычайной власти. Когда они 15-го мая 451 г. вступили въ свою должность, все государственное устройство вмѣстѣ съ консулами и трибунами перестало имѣть силу: отнынѣ надъ патриціями и плебеями правили съ диктаторскими полномочіями—даже законъ объ апелляціи не имѣлъ силы—децемвиры.

Новыя власти въ самомъ дѣлѣ соотвѣтствовали питавшимся по отношенію къ нимъ ожиданіямъ. Какъ въ прежнее время временные замѣстители царя (interreges), такъ одинъ изъ децемвировъ въ теченіе пяти дней имѣлъ предсѣдательство и верховную власть и затѣмъ передавалъ ихъ второму и такъ далѣе. Одинъ предсѣдательствующій имѣлъ знаки высшаго достоинства; только ему предшествовали ликторы съ пучками прутьевъ (fasces); прочіе довольствовались однимъ служителемъ и на судебныхъ разбирательствахъ представляли собой засѣдателей. Такимъ путемъ они старались примирить гражданъ съ необычными формами правленія. Точно такъ-же всѣ ихъ распоряженія и постановленія носили печать кротости и справедливости, и если, тѣмъ не менѣе, предсѣдательствующій произносилъ жестокій, неодобрительный приговоръ, то можно было апеллировать къ его преемнику, который принималъ въ расчетъ всякое основательное возраженіе. Такимъ образомъ, почти не чувствовалась утрата охраны и посредничества трибуновъ.

Не менѣе похвальную дѣятельность выказывали децемвиры въ порученномъ имъ дѣлѣ законодательства. Они обращались за совѣтомъ къ письменнымъ замѣткамъ и устному докладу посольства, которое еще въ предшествовавшемъ году было отправлено въ греческіе города Нижней Италіи, по преданію даже въ Аѳины, для изученія дѣйствующихъ тамъ законовъ. Они также пользовались будто-бы совѣтами философа Гермодора Эфесскаго. Кромѣ того, они воспользовались собственными свѣдѣніями о существующихъ законахъ и потребностяхъ и другими подготовительными работами и въ короткое время составили десять таблицъ, на которыхъ общепонятнымъ образомъ начертаны были важнѣйшія законоположенія объ управленіи и государственомъ устройствѣ, о публичномъ и частномъ правѣ.

Аппій Клавдій; десять таблицъ. Въ трудномъ дѣлѣ законодательства дѣятельностью, знаніями и зрѣлымъ опытомъ особенно отличился Аппій Клавдій. Происходя изъ древняго суроваго сабинскаго рода, онъ казался совершенно непохожимъ на своихъ предковъ. Доступный каждому, даже самому мелкому гражданину, онъ старался облегчить тягости угнетеннаго народнаго класса. Насколько прежніе Аппіи часто были страшилищемъ общины, настолько теперь было основанія славить его ласковость и справедливость. По его предложенію, таблицы законовъ были выставлены публично, чтобы всякій гражданинъ, который находилъ нужнымъ замѣтить что-нибудь относительно ихъ, могъ сообщить свои возраженія и замѣчанія. Послѣднія, затѣмъ, обсуждались законодателями и, если онѣ казались основательными и полезными, принимались въ расчетъ въ окончательной обработкѣ. Послѣ того какъ дѣло было кончено и сенатъ выразилъ на него свое согласіе, десять мужей представили таблицы на голосованіе центурій. Такъ какъ здѣсь подавались голоса не за подробности, но за принятіе или отклоненіе всего цѣликомъ, то безъ задержки послѣдовало принятіе; а куріи при счастливыхъ авспиціяхъ утвердили эти законы, которые теперь были вырѣзаны на бронзовыхъ таблицахъ и были прибиты на Комиціѣ въ качествѣ твердыхъ, неизмѣнныхъ нормъ для правительственныхъ лицъ, судей и народа. Они, правда, не сохранились до насъ цѣликомъ; но мы знаемъ все-таки отдѣльныя части ихъ, позволяющія судить о содержаніи.

Третья таблица содержала, напр., постановленія о долговомъ правѣ, которое было изложено почти безъ измѣненія его суровости. Если должникъ по несостоятельности подвергался законному приговору, то ему должны были дать еще 30 дней сроку. По истеченіи послѣдняго, кредиторъ могъ наложить на него руку и вести его въ судъ. Если все еще не находился поручитель, то кредиторъ могъ заковать должника въ цѣпи, которыя не должны были однако вѣсить болѣе 15 фунтовъ. Въ долговомъ заключеніи узникъ долженъ былъ жить на собственныя средства, покуда ему было возможно; если же больше не было средствъ, то кредиторъ былъ обязанъ ежедневно давать ему по фунту каши изъ полбы. Долговое заключеніе должно было длиться 60 дней; въ теченіе этого времени арестованнаго слѣдовало въ три ярмарочныхъ дня подрядъ вести предъ лицо претора (консула) на Комиціи и при

этомъ публично выкрикивать размѣръ долга, на тотъ случай, если бы все-таки, можетъ быть, еще нашелся кто-либо, кто захотѣлъ бы его выкупить. Если этого не случалось, то кредиторъ имѣлъ право убить должника или продать его за Тибръ въ рабство. Если было нѣсколько кредиторовъ, то они формально имѣли право разрѣзать тѣло убитаго на куски, соотвѣтственно размѣрамъ ихъ денежныхъ претензій. — На четвертой таблицѣ шла рѣчь о власти отца надъ дѣтьми. Отецъ сохранялъ право убить своего сына; однако, patria potestas прекращалась, если отецъ трижды уже продалъ сына въ невольники. Пятая и шестая таблицы трактовали о правахъ женщинъ и вольноотпущенниковъ. Каждая дѣвушка или женщина, исключая весталокъ, стояла подъ властью старшаго кровныхъ родственниковъ, а если она была замужемъ, то своего мужа, и значитъ, не могла распоряжаться своимъ состояніемъ. Однако, жена могла освободиться изъ-подъ супружеской власти и чрезъ это добиться права распоряженія своимъ состояніемъ, если она ежегодно проводила по крайней мѣрѣ три ночи внѣ дома. Седьмая таблица содержала постановленія для строительной полиціи, восьмая—законы противъ клеветы, оскорбленій и тѣлесныхъ поврежденій. Здѣсь встрѣчаются отголоски кровавой мести по принципу „око за око, зубъ за зубъ“. Ибо тамъ было написано: „Кто лишитъ другого какого-нибудь члена, того, въ случаѣ если онъ не устроитъ соглашенія, постигаетъ равносильное возмездіе. Кто разобьетъ другому кость кулакомъ или дубиной, тотъ долженъ уплатить пеню, если онъ свободный, въ 300 фунтовъ, если же рабъ—въ 150 фунтовъ мѣди. Болѣе мелкія поврежденія наказываются 25 фунтами“.

Девятая таблица имѣла дѣло съ уголовнымъ судопроизводствомъ по самымъ тяжкимъ преступленіямъ. Государственная измѣна наказывается смертью; однако, вопросъ о жизни гражданина могутъ рѣшать только „большія комиціи“, т. е. центуріатскія комиціи. Десятая таблица содержала постановленія о полиціи общественнаго благосостоянія и распоряженія относительно погребенія покойниковъ.

Децемвиры 450 года. Дѣло законодательства не было закончено этими десятью таблицами; и такъ какъ обѣ партіи въ государствѣ довольны были поведеніемъ децемвировъ и въ особен-

ности патриціи, которые надѣялись черезъ болѣе продолжительную пріостановку прежней конституціи избавиться отъ ненавистной должности трибуновъ, то на 450 г. снова были избраны децемвиры. При этомъ Аппій Клавдій въ силу своей популярности достигъ вторичнаго избранія и вмѣстѣ съ этимъ того, что наряду съ нимъ попали на эту должность совсѣмъ незначительные люди, среди которыхъ и нѣсколько плебеевъ. Убѣдившись въ своемъ вліяніи на всѣхъ избранныхъ, онъ сорвалъ маску съ лица: онъ хотѣлъ ни больше, ни меньше, какъ подняться изъ своей чрезвычайной магистратуры до единовластнаго правителя; тяжкая тиранія всѣхъ децемвировъ должна была подготовить это состояніе. Съ этого времени каждый изъ децемвировъ появлялся съ 12 ликторами, въ fasces которыхъ сверкали страшные топоры, такъ что въ Римѣ всего было 120 такихъ топориковъ. Полицейской и судебной властью пользовались съ величайшею суровостью; за маловажные проступки налагались конфискаціи имущества, всякая попытка сопротивленія каралась казнью. Весь Римъ скованъ былъ ужасомъ. Дѣло законодательства отступило совершенно на задній планъ: только двѣ таблицы законовъ составили децемвиры второго года, и онѣ обнаруживаютъ ихъ образъ мыслей. Онѣ содержали такія постановленія сакральнаго и государственнаго права, которыя всѣми компетентными людьми, какъ напр. Цицерономъ, называются „несправедливыми“. Такъ, напр., запрещена была священная форма бракосочетанія между патриціями и плебеями, такъ называемая confarreatio. Значитъ, не верховный жрецъ, не flamen Dialis долженъ былъ, какъ при патриційскихъ бракахъ, закалывать жертвы, призывать благословеніе боговъ, закрывать лицо невѣсты покровомъ, но обрученные заключали союзъ только съ частными формальностями, какъ-бы втихомолку, и происшедшія отъ этого дѣти слѣдовали по низшей сторонѣ, поступали, значитъ, въ сословіе плебеевъ. Столь же неблагопріятнымъ для плебса былъ законъ о распредѣленіи государственныхъ земель: народная община оставалась и впредь, какъ и раньше, исключенною изъ участія въ немъ. Отсюда видно, что эти распоряженія способны были только расширить пропасть, существовавшую между сословіями, и придать ей надолго законную силу, что поэтому децемвиры имѣли въ виду не уравненіе сословій, не благополучіе всего народа, а охрану патриційскихъ преимуществъ.

Тираннія Аппія Клавдія; война противъ сабинянъ и эквовъ. Съ другой стороны, плебеи и особенно ихъ вожди съ нетерпѣніемъ ждали истеченія годового срока должности децемвировъ; однако, 15 мая миновало, а тираннъ удерживали за собой свои посты; народъ же, привыкшій къ повиновенію закону, не оказывалъ никакого сопротивленія, не заявлялъ никакого протеста, такъ какъ по римскому праву всякая магистратура оставалась въ силѣ, пока не послѣдовало формальнаго сложенія должности. Болѣе пожилые патриціи также стали опасаться за будущее, тѣмъ болѣе, что теперь на Римъ надвигались эквы и сабиняне. Но Аппій Клавдій и въ сенатѣ дикими угрозами сломилъ всякое сопротивленіе незаконному господству своему и своихъ товарищей и распорядился, чтобы Квинтъ Фабій, одинъ изъ децемвировъ, велъ войско противъ врага, а самъ остался въ городѣ, чтобы подавить всякую попытку мятежа въ зародышѣ.—Печаленъ былъ видъ молодежи, выступавшей въ походъ, послѣ смотра на Марсовомъ полѣ. Съ упавшимъ духомъ, уныло, безъ довѣрія къ вождямъ слѣдовали воины за своими знаменами; не слышно было ни ликованій, ни восторженныхъ кликовъ, какъ прежде во дни свободы; ни одно знаменье боговъ не возвѣщало счастья и побѣдоноснаго возвращенія.

Фабій съ тремя товарищами повелъ одно войско вверхъ по Тибру къ Эрету, гдѣ стояли сабиняне, и тотчасъ напалъ на врага; но послѣ короткаго боя онъ долженъ былъ отступить и ограничиться въ укрѣпленномъ лагерѣ задержкой напирающихъ преслѣдователей. Еще несчастнѣе былъ исходъ боя въ лѣсистой мѣстности Альгида. Воинственные эквы въ жаркой схваткѣ сломили всякое сопротивленіе, захватили римскій лагерь и погнали предъ собой бѣжавшія дружины, съ большимъ кровопролитіемъ. Безъ знаменъ, частью безъ оружія, разбитое войско искало защиты за крѣпкими стѣнами союзнаго Тускула, охотно открывшаго ему свои ворота. А побѣдители бродили по равнинѣ; пламя и дымъ зажженныхъ жилищъ, убійство и ужасы всякаго рода и вопли убѣгавшаго сельскаго люда отмѣчали ихъ опустошительные набѣги.

При этихъ страшныхъ извѣстіяхъ сенатъ, слѣдуя приглашенію децемвировъ, тотчасъ собрался единодушно. Всѣ члены почтенной корпораціи отказались отъ противборства тираннамъ; они думали лишь о томъ, какъ бы защитить отчизну и возстано-

вить ея славу и вліяніе. Безпрекословно было принято рѣшеніе призвать къ оружію новые легіоны. Пожилые, но еще способные носить оружіе, люди заняли стѣны и ворота города; тѣ, кто былъ помоложе, двинулись въ поле на подкрѣпленіе разбитыхъ войскъ, которыя тотчасъ же снова перешли въ наступленіе.

Луцій Сикцій Дентатъ выдавался въ то время среди всѣхъ воиновъ боевой ловкостью, необычайной тѣлесной силой и безстрашнымъ мужествомъ. Этотъ плебейскій центуріонъ еще никогда не поворачивалъ тыла къ непріятелямъ, а часто съ небольшими силами обращалъ ихъ въ бѣгство цѣлыми кучами. Много рубцовъ на головѣ и груди и многочисленные, взятые въ добычу, доспѣхи и почетные вѣнки свидѣтельствовали объ его храбрости. И въ послѣднее несчастливое время онъ не бѣжалъ съ потерявшими духъ разбитыми когортами, а при отступленіи прикрывалъ бѣглецовъ, при наступленіи бился въ переднихъ рядахъ. Но такъ-же смѣло порицалъ онъ тиранію властителей и безпрестанно старался содѣйствовать среди своихъ товарищей по оружію тому, чтобы снова избрали трибуновъ и въ случаѣ необходимости прибѣгли къ новому переселенію. Такія рѣчи вскорѣ собрали вокругъ него большое множество недовольныхъ, единомышленныхъ съ нимъ людей; но они же показали и военачальникамъ, что за опасность имъ грозила. Поэтому военачальники стали обсуждать, что дѣлать. Охотно они устранили бы дерзкаго человѣка съ своей дороги публично, въ устрашеніе всѣхъ, судебнымъ приговоромъ; но кому было бы удержать въ ножнахъ мечи воинственныхъ дружинъ, когда всѣми почитаемаго героя повлекли-бы на мѣсто казни? Поэтому они избрали другой исходъ. Онъ получилъ приказъ съ нѣсколькими когортами высмотрѣть положеніе непріятелей. Отрядъ былъ съ умысломъ подобранъ изъ перваго класса, состоявшаго по большей части изъ патриціевъ и всею душою преданнаго децемвирату. Сикцій осторожно пробрался кустами и лѣсомъ, чтобы не быть замѣченнымъ непріятелями. Но вотъ, шагая бодро по знакомымъ тропинкамъ, онъ услышалъ позади себя скрытный шопотъ своихъ спутниковъ. Обернувшись, онъ увидѣлъ со всѣхъ сторонъ кровожадные жесты и оружіе. Не видно было выхода, возлѣ него не было ни одного изъ товарищей. Но онъ, презрѣвъ бѣгство и напрасныя мольбы, захотѣлъ умереть храбрымъ мужемъ, отомстивъ за себя. Страшными ударами поразилъ онъ наступающихъ

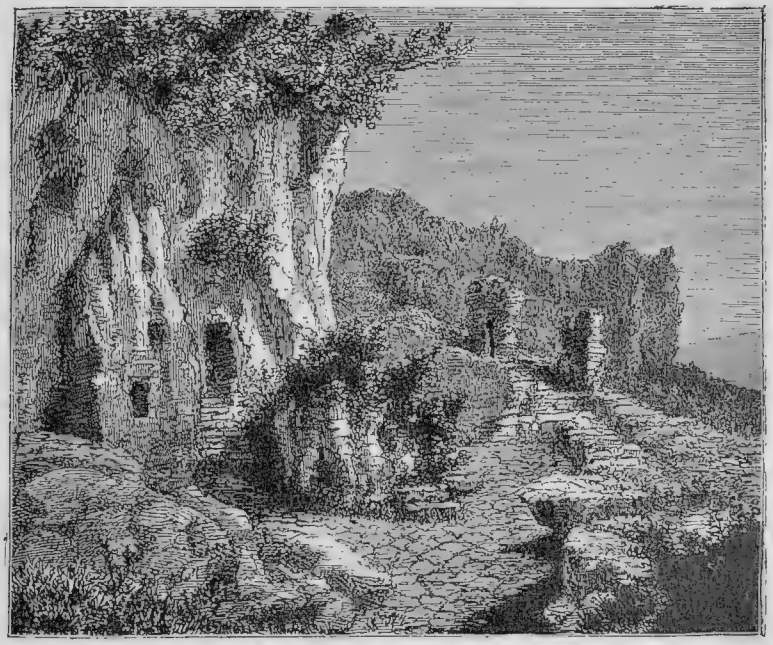
убійцъ. Вокругъ него валялись ихъ трупы, пока онъ самъ, наконецъ, истощенный борьбою и ранами, не принялъ смертельнаго удара. Когда кровавое дѣло свершилось, когда отважнѣйшій боецъ войска былъ распростертъ мертвымъ, коварные убійцы вечеромъ вернулись въ лагерь и заявили, что Сикцій съ другими ихъ товарищами по оружію палъ послѣ жаркаго боя вслѣдствіе хитро устроенной непріятельской засады. Всеобща была

ТУСКУЛУМЪ. Реставрація Канины.

печаль о храбромъ центуріонѣ; его когорта и многочисленные друзья тотчасъ же отправились, безъ приказанія, за трупомъ, казавшимся предоставленнымъ издѣвательствамъ сабинянъ, чтобы похоронить его съ почетомъ, какъ приличествуетъ такому мужу. Пришедши на мѣсто схватки, съ удивленіемъ увидѣли вокругъ убитаго распростертыми только римлянъ, павшихъ притомъ очевидно отъ его оружія, но ни труповъ непріятеля, ни даже слѣда отъ него. Тогда злодѣйство было обнаружено; воины вернулись; они объявили о случившемся; они хотѣли везти мертвое тѣло въ Римъ,

призвать народъ къ отмщенію. Но военачальники, окруженные топорниками и патриційскими тѣлохранителями, помѣшали взрыву общаго возмущенія, а воинская присяга, считавшаяся еще ненарушимой, препятствовала обнаженію меча противъ военачальниковъ. Однако гнѣвъ и бѣшенство продолжали бродить въ душѣ, хотя снаружи сохранялось спокойствіе.

Процессъ Виргиніи. Въ городѣ оставался Аппій Клавдій со Спуріемъ



ТУСКУЛУМЪ ВЪ НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ (по фотографіи.)

Оппіемъ производить судъ и вообще управлять общественными дѣлами. Но и онъ въ это время запятналъ свое имя скверною виною. Къ числу прекраснѣйшихъ и благонравнѣйшихъ дѣвушекъ города принадлежала Виргинія, дочь виднаго плебея Луція Виргинія. Хотя она уже была обручена съ бывшимъ трибуномъ Луціемъ Иціліемъ, все-таки Аппій Клавдій, охваченный преступной страстью, стремился привлечь ее къ себѣ. Такъ какъ цѣломудренная дѣвушка отвергла его заискиванія, онъ прибѣгнулъ къ коварству. Въ то время какъ отецъ дѣвушки, въ качествѣ

центуріона, былъ при войскѣ на Альгидѣ, Аппій поручилъ своему кліенту Марку Клавдію утверждать, что Виргинія — похищенная у него рабыня; если же ее въ качествѣ таковой присудятъ ему, то онъ пусть уступитъ Виргинію путемъ купли-продажи Аппію. И вотъ въ одинъ день случилось, что Виргинія на площади, гдѣ она посѣщала школу, была схвачена какимъ-то незнакомымъ мужчиной, утверждавшимъ, что она-де принадлежитъ ему въ качествѣ рабыни. На крики дѣвушки и ея спутницы сбѣжался народъ; но, несмотря на это, кліентъ повелъ ее предъ судилище Аппія и изложилъ тамъ свой вымышленный разсказъ, будто дѣвушка эта много лѣтъ назадъ украдена у него изъ дома и подсунута Виргинію. Хотя народная толпа приняла сторону дочери Виргинія и требовала, чтобы Аппій отложилъ судебный приговоръ, пока не прибудетъ Виргиній съ Альгида, тотъ все-таки произнесъ слѣдующій несправедливый приговоръ: истецъ, чтобы не потерпѣть ущерба въ своемъ правѣ, пусть возьметъ дѣвушку съ собой; если же Виргиній все-таки сможетъ доказать, что это его дочь, то истецъ пусть отдастъ ее обратно отцу. Тогда Ицилій, женихъ несчастной и дядя ея Нумиторій протискались сквозь толпу, упрекнули Аппія въ его преступныхъ намѣреніяхъ и грозили возмущеніемъ и насиліемъ, если онъ останется при своемъ приговорѣ. Чтобы успокоить возбужденіе народа, Аппій отложилъ исполненіе своего приговора до слѣдующаго дня, чтобы напередъ выслушать въ этомъ дѣлѣ Виргинія. Если Виргиній въ этотъ день не явится къ его судилищу, то никакая-де земная сила не удержитъ децемвира добиться для своего кліента полнаго удовлетворенія его права.

Между тѣмъ гонцы Ицилія поспѣшили въ лагерь къ Виргинію и призвали его на защиту дочери. Немного позже и Аппій отправилъ туда приказъ ни въ какомъ случаѣ не давать Виргинію отпуска. Но когда приказъ Аппія былъ полученъ на Альгидѣ, Виргиній уже былъ на пути въ Римъ.

Смерть Виргиніи. На слѣдующее утро Аппій явился на мѣсто суда съ дерзкимъ увѣреннымъ видомъ, уповая на своихъ ликторовъ и многочисленныхъ вооруженныхъ кліентовъ. Но взоръ его упалъ на не менѣе рѣшительнаго Виргинія, который съ дочерью своею уже ждалъ предъ судилищемъ, въ то время какъ Форумъ былъ усѣянъ мужчинами и женщинами. Онъ удивился, что цен-

туріонъ прибылъ вопреки его тайному приказу; онъ услышалъ угрожающія слова гражданъ и сѣтованія матронъ, увидѣвшихъ въ жребіѣ дѣвушки участь, которая могла ожидать и ихъ и дочерей ихъ. Но не обращая на это вниманія, судья приказалъ своему пособнику Марку Клавдію предъявить свою жалобу. Кажется, онъ не далъ даже выступить лжесвидѣтелямъ послѣдняго и не выслушалъ доказательства несчастнаго отца. Надѣясь на свое могущество, онъ безъ разговоровъ присудилъ истцу дѣвушку въ качествѣ рабыни.

МОЛОДАЯ РИМЛЯНКА.
Древняя скульптура.

Тщетно отецъ, дядя, женихъ и окружающія кучи народа старались помѣшать исполненію приговора; вооруженные служители суровой силой отогнали толпу и овладѣли своею трепещущею, плачущею жертвою, чтобы предать ее Клавдію.

Тогда отецъ, превозмогая свое горе, еще разъ вышелъ предъ судилище. Онъ попросилъ, какъ единственной милости, позволенія сказать послѣднее слово дочери, отнятой у него по суду, и ея, также присутствовавшей здѣсь, кормилицѣ. Это казалось неопаснымъ; децемвиръ далъ требуемое разрѣшеніе. Но тотъ отвелъ свое дитя въ сторону, поближе къ храму, предъ которымъ стояли мясныя лавки; тамъ схватилъ онъ мясничій ножъ и вонзилъ его въ грудь дочери, воскликнувъ: „Я даю тебѣ этимъ свободу!“ Затѣмъ онъ повернулся назадъ къ судилищу и крикнулъ: „На тебя, Аппій, и на твою голову пусть падетъ эта кровь!“ Беззвучно повалилась зарѣзанная дѣвушка, а отецъ, обрызганный кровью, кровью своего дитяти, съ окровавленнымъ ножомъ въ рукѣ, съ неподвижными, какъ въ безуміи, глазами, проложилъ себѣ путь сквозь вооруженныя толпы ликторовъ и кліентовъ, сквозь враговъ и друзей, наполнявшихъ Форумъ. Многіе послѣдовали за нимъ по улицамъ города и далѣе полемъ и лѣсомъ къ Альгиду, гдѣ стояло лагеремъ войско. Отъ времени до времени онъ кричалъ; „Аппій Клав-

дій, кровь невинности да падетъ на тебя!“ и это звучало какъ бы напоминаніемъ о мщеніи; улицы Рима, поля и лѣса оглашались этимъ крикомъ. По дорогѣ наткнулись на легіонъ запасныхъ воиновъ. При видѣ страннаго шествія ряды разстроились и почти половина когортъ присоединилась, разспрашивая, ужасаясь сообщаемому. Такъ дошли до главной квартиры. Воины сбѣжались; когда узнали о неслыханномъ происшествіи, ни приказъ военачальниковъ, ни присяга знамени не остановили болѣе мятежа; подняты были знамена, все войско двинулось въ Римъ, на Авентинъ, гдѣ преимущественно обитало плебейское населеніе.

Не менѣе бурныя сцены происходили на Форумѣ. Ицилій и Нумиторій подняли окровавленный трупъ дѣвушки, чтобы напирающая толпа могла видѣть прекрасный, рано надломленный юный цвѣтокъ. Они призывали ее къ свободѣ, къ сверженію владычества тирановъ. Тщетно ликторы безпощадной силой старались разсѣять кучи; ихъ fasces были сломаны, сами они побиты, сшиблены съ ногъ; едва спасли они жизнь.

Аппій удалился на Комицій патриціевъ; тамъ со ступеней Вулканала онъ обратился съ рѣчью къ патриційской молодежи, до сихъ поръ поддерживавшей его могущество. Но страхъ обуялъ ее; предъ бурей, все ближе и все грознѣе доносившейся съ Форума, убѣжали юноши, столь дерзновенные прежде; самъ Аппій, считая все потеряннымъ, бѣжалъ.

Оппій, другой городской децемвиръ, созвалъ между тѣмъ сенатъ на совѣщаніе. Тамъ Горацій и Валерій громко высказывались за обиженныхъ гражданъ, за возстановленіе трибуната; но опасались послѣдствій вынужденной уступчивости, обвиненій, грозящихъ смертью; нельзя было притти къ рѣшенію. Тѣмъ временемъ прибыло и второе войско. Оно соединилось съ товарищами по оружію и прочими плебеями и избрало себѣ двадцать трибуновъ въ начальники. Съ другой стороны, патриціи со своими кліентами, оправившись отъ смущенія, заняли Палатинъ и Капитолій. Весь городъ сверкалъ оружіемъ; рѣзня, ужасы междоусобной войны казались неизбѣжными. Взвѣшивая это, сенаторы отправили депутатовъ на Авентинъ съ порученіемъ путемъ обѣщаній и угрозъ побудить народъ сложить оружіе. Но друзья народа отказались принять на себя это порученіе, если децемвиры не сложатъ свою должность и не будетъ возстановленъ трибунатъ.

Второй выходъ на Священную гору. При общей нерѣшительности выступилъ среди плебеевъ благомыслящій, разумный мужъ, бывшій трибунъ Маркъ Дунлій и показалъ имъ путь, который могъ вести къ желанной цѣли. Исходъ борьбы неизвѣстенъ, говорилъ онъ, во всякомъ случаѣ пагубенъ для обѣихъ сторонъ. Слѣдуетъ покинуть городъ съ женами и дѣтьми и вторично расположиться станомъ на Священной горѣ. По его мнѣнію, если Римъ обезлюдѣетъ и опустѣетъ, гордые патриціи, наконецъ, рѣшатся на справедливую уступчивость; если же они этого не сдѣлаютъ, то обиженный народъ всегда еще воленъ отыскать себѣ новую родину.

Предложеніе это было принято радостно, точно избавленіе отъ большой бѣды, и тотчасъ же приведено въ исполненіе. Легіоны съ обнаженнымъ оружіемъ, съ высокоподнятыми военными значками впереди, старцы, женщины и дѣти по срединѣ, когорта ветерановъ въ арріергардѣ: такъ двигалось шествіе внизъ съ Авентина черезъ Велабръ и Форумъ, мимо замковъ (?) патриціевъ, къ воротамъ и далѣе по знакомой дорогѣ къ Священной горѣ, гдѣ въ полномъ порядкѣ разбили лагерь.

Послѣ шума и сумятицы сразу все стихло въ городѣ. Но то была непріятная тишина. Большинство домовъ опустѣло, какъ бы вымерло; точно въ царствѣ духовъ раздавался сторожевой кликъ на Капитоліѣ и Палатинѣ, раздавались шаги ликторовъ, предшествовавшихъ децемвирамъ на пути въ курію. Тамъ, собравшись, стали совѣщаться отцы (сенаторы). Гордость ихъ напрасно противилась жестокой необходимости, призывавшей къ уступчивости. Послѣ долгихъ совѣщаній народные друзья, Валерій и Горацій, были уполномочены отправиться къ отпавшимъ гражданамъ, чтобы принять отъ нихъ ихъ требованія. Послы были встрѣчены дружелюбно. Ицилій, избранный общиной для переговоровъ, растолковалъ, что требуютъ возстановленія должности народныхъ трибуновъ, provocatio къ народу, прощенія и полнаго забвенія возстанія и, наконецъ, выдачи децемвировъ, которые за свои злодѣянія должны-де претерпѣть смерть на кострѣ. Послы одобрили большую часть требованій, но выразили возраженіе на послѣднее. Чтобы дѣло примиренія, возстановленія государства, удалось, говорили они, нельзя связывать съ нимъ жестокой незаконной мести. Свобода гражданъ, равенство передъ закономъ—вотъ высшее благо, къ которому

слѣдуетъ стремиться; никогда нельзя воздавать обидой за обиду, если искренно желаешь согласія и мира. Для позднѣйшаго преслѣдованія виновныхъ законнымъ путемъ нѣтъ, говорили они, никакого препятствія. Эти разумныя слова встрѣтили сочувствіе; уполномочили пословъ, на основаніи этихъ условій, подготовить соглашеніе съ сенатомъ.

Когда посланцы сдѣлали въ куріи докладъ объ успѣхѣ своего порученія, смолкло всякое противорѣчіе. Децемвиры заявили свою готовность сложить должность. Но Аппій, предчувствуя будущее, сказалъ, что община только откладываетъ борьбу, пока ей не вручатъ оружіе. Ненависть требуетъ кровавой жертвы; онъ готовъ принести ее. По постановленію сената, властители затѣмъ сложили свою должность, и верховный жрецъ (pontifex maximus) принялъ на себя порученіе руководить выборами трибуновъ и освятить избранныхъ. При извѣстіи объ этихъ происшествіяхъ община въ томъ же порядкѣ, какъ она выступила, снова двинулась въ городъ, радостно привѣтствовала священныхъ пенатовъ и заняла затѣмъ Авентинъ. Тамъ плебеи подъ предсѣдательствомъ верховнаго понтифика, такъ какъ не было трибуна, который могъ бы руководить выборами, избрали десять трибуновъ, среди нихъ Виргинія, Иціллія и Дуплія. Такъ какъ это случилось 10 декабря 449 г. до Р. Хр., то съ тѣхъ поръ трибуны всегда въ этотъ день вступали въ свою должность. Затѣмъ новые старшины плебейской общины стали стараться обезпечить плебисцитами обѣщанную имъ безнаказанность и возстановленіе стараго государственнаго устройства. Въ это же время были предприняты и выборы новыхъ консуловъ замѣстителемъ царя (interrex). Центуріатскія комиціи выбрали консулами обоихъ испытанныхъ друзей народа—Л. Валерія и М. Горація, которые при утвержденіи ихъ избранія торжественно обязались закономъ, называвшимся lex curiata de imperio, не только признавать provocatio, но и соблюдать законы двѣнадцати таблицъ.

Осужденіе Аппія Клавдія. Затѣмъ послѣдовало наказаніе десяти лицъ, такъ нагло злоупотреблявшихъ довѣренной имъ властью. Виргиній, тяжко обиженный, удрученный отецъ, въ качествѣ народнаго трибуна, самъ призвалъ Аппія Клавдія къ своему судилищу. Подсудимый явился, окруженный молодыми патриціями, какъ онъ прежде обыкновенно шествовалъ во время блеска своей должно-

сти. Онъ не думалъ о томъ, что онъ, лишенный власти, надменностью лишь раздувалъ ненависть. Трибунъ возбудилъ жалобу отъ своего имени и отъ имени своихъ товарищей по должности, заявляя, что онъ обходитъ другія злодѣйства подсудимаго, но такое преступленіе, какъ то, что онъ приговорилъ дочь свободнаго гражданина къ рабству, требуетъ наказанія, и если онъ не докажетъ предъ судьею противнаго, то онъ прикажетъ его теперь-же отвести въ тюрьму, пока община не рѣшитъ дѣла. Эта угроза смирила дерзость подсудимаго. Онъ возвалъ къ прочимъ трибунамъ о защитѣ, но они молчали. Онъ возвалъ къ собравшемуся народу; но только глухой ропотъ, что боги справедливы, что тотъ напрасно взываетъ къ общинѣ, кто подавлялъ апелляцію, отвѣчалъ виновному. Ликторы схватили его, несмотря на его протестъ, и повлекли его въ тюрьму, гдѣ онъ могъ на досугѣ размышлять о своихъ злодѣяніяхъ. Дни, въ которые община производила судъ по государственнымъ преступленіямъ, въ то время были рѣдки. Поэтому въ промежутокъ гордое семейство Клавдіевъ старалось освободить своего знатнѣйшаго члена отъ позора тюремнаго заключенія. Престарѣлый Г. Клавдій, дядя подсудимаго, прибылъ изъ Регилла, своего мѣста жительства. Онъ со всѣми Клавдіями и кліентами въ траурныхъ одѣяніяхъ бродилъ по Форуму и старался склонить гражданъ не доводить древняго почтеннаго рода до столь великаго безчестія; но сильнѣе дѣйствовала рѣчь Виргинія, когда онъ подымалъ руку, которую видѣли обагренною кровью дочерью, когда онъ указывалъ на мѣсто, гдѣ совершился тотъ поступокъ. Аппій остался въ темницѣ и тамъ умеръ, какъ повѣствуетъ Ливій, покончивъ съ собой самоубійствомъ, прежде чѣмъ насталъ день кроваваго суда. Такимъ образомъ, онъ избѣжалъ сверженія съ Тарпейской скалы, которое заслужила его измѣна свободѣ народа. Сп. Аппій, бывшій его товарищъ по должности и помощникъ, кончилъ—одинаковымъ образомъ. Прочіе децемвиры и М. Клавдій, жалкое орудіе Аппія, пошли въ изгнаніе; имѣнія ихъ были конфискованы и употреблены на пользу государства.

Законы Валерія и Горація (449 г.). Послѣ того какъ преступные децемвиры понесли свою кару, и у патриціевъ, какъ и у плебеевъ, появилось желаніе снова возстановить власти, руководившія государствомъ до времени децемвирата, пришлось вновь класть фундаментъ государственнаго устройства. Это совершилось

посредствомъ законовъ Валерія и Горація (leges Valeriae Horatiae), получившихъ свое названіе отъ обоихъ консуловъ 449 г. до Р. Хр. Но это не были обыкновенные законы, а такіе, которые, какъ „основные государственные законы“, были подъ торжественной присягой утверждены какъ патриційскими магистратами, такъ и плебейскими трибунами (leges sacratae), подобно договорамъ, заключаемымъ между двумя народами. Важнѣйшимъ изъ этихъ законовъ опредѣлялось, чтобы не избирался никакой магистратъ, на смертные приговоры котораго была бы не допустима апелляція къ народу (provocatio); кто нарушитъ это положеніе, тотъ не находится болѣе подъ охраной закона, всякій можетъ его убить [1]). Этимъ закономъ на будущее время устранялась возможность установленія такой чрезвычайной магистратуры, какою были децемвиры, и даже противъ диктатора съ тѣхъ поръ старались примѣнять provocatio, хотя его неограниченной власти собственно не касался этотъ законъ, такъ какъ его не избирали (creare), а назначали (dicere). Второй законъ снова постановлялъ неприкосновенность плебейскихъ должностныхъ лицъ и гласилъ: „Кто нанесетъ ущербъ плебейскимъ трибунамъ, эдиламъ и судейской коллегіи Десяти, голова того пусть будетъ посвящена Юпитеру, а хозяйство его пусть будетъ продано въ пользу храма Цереры, Либера и Либеры“ [2]). О происхожденіи и кругѣ дѣйствій упомянутой въ этомъ законѣ „судейской коллегіи десяти“ мы болѣе ничего не знаемъ. Дополненіе къ этому закону еще въ томъ же году было дано плебисцитомъ Дунлія, которымъ установлялось сожженіе на кострѣ въ наказаніе для тѣхъ трибуновъ, которые не хотѣли бы дать народу избрать имъ преемниковъ.

По сообщенію Ливія, между патриціями и плебеями, на основаніи предложенія консуловъ, было сдѣлано соглашеніе еще относительно третьяго закона, именно положенія, чтобы то, что постановитъ плебсъ по трибамъ, было обязательно для всего народа. Если этотъ законъ—онъ былъ впослѣдствіи въ 287 г. предложенъ еще разъ (см. ниже)—дѣйствительно относится къ этому раннему вре-

[1]) Ne quis ullum magistratum sine provocatione crearet: qui creasset, eum jus fasque esset occidi; neve ea caedes capitalis noxae haberetur.

[2]) Ut qui tribunis plebis, aedilibus, judicibus decemviris nocuisset, ejus caput Jovi sacrum esset, familia ad aedem Cereris, Liberi, Liberaeque venum iret.

мени, то онъ имѣлъ тотъ смыслъ, чтобы впредь постановленія созванныхъ трибунами плебейскихъ собраній (concilia plebis), до сихъ поръ часто оставлявшіяся безъ вниманія, считались равносильными постановленіями центуріатскихъ комицій. Законовъ, дѣйствительно имѣвшихъ силу, трибуны этимъ еще не могли создавать; ибо каждому народному постановленію, какъ мы знаемъ (см. стр. 115), должно было предшествовать уполномочіе отъ сената, а за нимъ должно было слѣдовать утвержденіе патриційскими куріатскими комиціями. Но все-таки чрезъ это для трибуновъ опять было создано важное право: подобно тому, какъ консулы предъ собраніями всего народа, такъ они могли предлагать законы предъ плебейскими собраніями и такимъ образомъ принимать участіе въ общемъ государственномъ законодательствѣ. Съ этимъ вѣроятно связано то, что имъ въ то время даровано было право участія въ сенатскихъ засѣданіяхъ, и что эдилы получили порученіе основать въ храмѣ Цереры архивъ, въ которомъ должны были храниться всѣ сенатскія постановленія, договоры и законы.

Центуріатскія и трибныя комиціи. Плебеи чрезъ законы двѣнадцати таблицъ и такъ называемые законы Валерія-Горація достигли ближайшей своей цѣли, обезпеченнаго правового положенія въ государствѣ. Положеніе ихъ въ государствѣ являлось теперь завиднымъ для тѣхъ, которые раньше, охраняемые хотя и не закономъ, но все-таки могущественной рукой своихъ патроновъ, часто глядѣли свысока на хотя болѣе самостоятельныхъ, но во многихъ отношеніяхъ притѣсняемыхъ плебеевъ,—для кліентовъ. Поэтому строй древняго кліентства съ этого времени начинаетъ расшатываться: кліенты болѣе и болѣе привыкаютъ участвовать въ плебейскихъ собраніяхъ, и стремятся путемъ освобожденія изъ-подъ власти своего патрона добиться положенія свободнаго плебея. Но это становится возможнымъ лишь тогда, когда рядъ счастливыхъ войнъ доставилъ столько земли римскому государству, что можно было основывать новыя крестьянскія хозяйства въ колоніяхъ. Далѣе консулы скоро почувствовали, что трибуны стараются плебисцитами превзойти ихъ въ законодательствѣ. Поэтому они прибѣгаютъ къ такому средству, что и съ своей стороны стали созывать народъ иногда не по центуріямъ и классамъ, при чемъ имѣли перевѣсъ богачи, но по трибамъ и по трибамъ-же вели подачу голосовъ, при чемъ въ отдѣльной

трибѣ рѣшало дѣло число голосовъ, значитъ народная масса. Это произошло впервые въ 447 г. до Р. Хр., когда консулы велѣли избрать квесторовъ въ такомъ народномъ собраніи. Эти собранія назывались трибными комиціями (comitia tributa). Съ тѣхъ поръ въ Римѣ было четыре рода народныхъ собраній: во первыхъ, древнія куріатскія комиціи, въ которыхъ собирались по призыву консула только патриціи, для врученія imperium консуламъ, для утвержденія законовъ и для упорядоченія патриційскихъ сословныхъ дѣлъ, напр. усыновленій, завѣщаній; во вторыхъ, центуріатскія комиціи, на которыя консулъ собиралъ весь народъ, патриціевъ и плебеевъ, по классамъ и центуріямъ, для выборовъ высшихъ магистратовъ и народнаго заключенія о законопроектахъ; въ третьихъ, трибныя комиціи, на которыя консулъ собиралъ также весь народъ, но по трибамъ, для выборовъ низшихъ магистратовъ, какъ напр. квесторовъ, и для постановленій о законопроектахъ, и наконецъ, въ четвертыхъ, созывавшіяся трибунами плебейскія собранія (concilia plebis), которыя въ законодательствѣ дѣлали конкурренцію собраніямъ всего народа и съ теченіемъ времени достигали все большаго вліянія на государственное управленіе.

БОРЬБА ПЛЕБЕЕВЪ ЗА РАВЕНСТВО ВЪ ПРАВАХЪ (449—366 до Р. Хр.).

ЗАКОНЫ КАНУЛЕЯ.

БѢДНЫЕ и богатые, знатные и мелкіе плебеи. Многое и великое было достигнуто плебеями въ первое полустолѣтіе сословной борьбы. Изъ политически безправныхъ, въ военное и мирное время произвольно эксплоатируемыхъ знатью, крестьянъ и гражданъ Рима составилась закономъ охраняемая въ своей жизни, свободѣ и собственности, хорошо дисциплинированная, хорошо руководимая община, которая черезъ своихъ старшинъ, трибуновъ, и черезъ свою совокупность, плебейское собраніе, имѣла уже важное вліяніе на ходъ законодательства и на государственную жизнь. Слѣдствіемъ этого было воз-

растающее самосознаніе плебеевъ и желаніе все большаго значенія. Но эти гордыя чувства не у всѣхъ плебеевъ существовали одинаково. Оказалось, что большинство было довольно улучшеніемъ своего матеріальнаго положенія, обезпеченіемъ своей собственности отъ власти магистратовъ налагать штрафы, защитой своей личности, которую они во всякомъ дурномъ положеніи могли найти у трибуновъ, и теперь воздѣлывало свои пашни, надолго успокоенное, тѣмъ болѣе, что по временамъ побѣда надъ сосѣдней народностью дѣлала возможнымъ выводъ колоніи и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпеченіе младшихъ крестьянскихъ сыновей жребіемъ колонистовъ. Другіе же ставили себѣ болѣе высокую цѣль. Изъ массы римскихъ крестьянъ и ремесленниковъ уже въ то время выдавались отдѣльныя семьи, которыя благодаря упорному труду и счастью, а быть можетъ также уже и торговымъ дѣламъ, пріобрѣли себѣ большее благосостояніе и также болѣе крупную земельную собственность, которые, значитъ, хотя по происхожденію плебеи, все-же въ центуріатскихъ комиціяхъ голосовали въ первомъ классѣ. И вотъ если такіе плебеи, будучи трибунами, отличались еще умственной силой, убѣдительнымъ даромъ рѣчи и мужественными поступками, то они прежде всего въ своемъ сословіи, а затѣмъ и у патриціевъ пользовались извѣстнымъ почетомъ, который они вмѣстѣ съ болѣе крупнымъ владѣніемъ передавали по наслѣдству и своимъ сыновьямъ. Такимъ образомъ, надъ массой обыкновенныхъ плебеевъ образовалось высшее наслоеніе почетныхъ семействъ, которыя въ концѣ концовъ стремились ни къ чему меньшему, какъ къ полному правовому и общественному уравненію со старыми, имѣвшими право доступа къ сенату, родами. Продолженіе сословной борьбы и послѣ обновленія государственнаго устройства въ 449 г. до Р. Хр. было особенно дѣломъ этой плебейской знати, которая хотѣла опрокинуть религіозныя и общественныя преграды, отдѣлявшія ее отъ древней патриційской знати, и добиться своего участія въ управленіи, кресла въ сенатѣ и доступа къ консульству.

Законы Канулея. Важнѣйшею изъ преградъ все еще существовавшихъ между обоими сословіями, было запрещеніе заключать имѣющіе законную силу браки между патриціями и плебеями. Поэтому трибунъ Канулей въ 445 г. въ собраніи плебеевъ про-

велъ плебисцитъ: чтобы браки между лицами обоихъ сословій имѣли законную силу (ut conubia plebei cum patribus essent), и чтобы дѣти отъ такихъ браковъ принадлежали къ сословію отца. Но вскорѣ затѣмъ девять трибуновъ внесли уже и предложеніе, чтобы народъ имѣлъ право избирать консуловъ по своему желанію также изъ сословія плебеевъ. Противъ этого патриціи прежде всего сослались на свои религіозныя убѣжденія, что боги не потерпятъ такого смѣшенія сословій, такъ какъ родовыя жертвоприношенія патриціевъ могутъ совершаться только патриціями, и что въ особенности совершеніе ауспицій плебеями — грѣхъ предъ богами. Но въ концѣ концовъ они были принуждены уступить по первому пункту, а по второму разрѣшить по крайней мѣрѣ средній путь. Итакъ плебисцитъ о смѣшанныхъ бракахъ былъ утвержденъ куріатскими комиціями. Консульство должно было быть удержано въ качествѣ патриційской должности; однако разрѣшалось вмѣсто двухъ консуловъ на какой-нибудь годъ выбрать большее число „военныхъ трибуновъ съ консульской властью“, среди которыхъ могли быть и плебеи (ut tribunos militum consulari potestate promiscue ex patribus ac plebe creari sinerent). Это установленіе показываетъ намъ, насколько военныя отношенія опредѣляли въ то время всю государственную жизнь: ибо военные трибуны, въ качествѣ штабъ-офицеровъ при двухъ консулахъ, существовали уже прежде, и смыслъ всего мѣропріятія тотъ, чтобы вмѣсто двухъ „командующихъ генераловъ“ и военный совѣтъ „полковниковъ“ могъ-бы вести дѣла на войнѣ и въ мирное время и обладалъ „imperium“. Было-бы нѣчто подобное, если-бы въ Аѳинахъ намѣсто архонтовъ руководили государствомъ десять стратеговъ. Впрочемъ новое установленіе все-таки не доставляло плебеямъ столько вліянія на руководство государствомъ, какъ это на первый взглядъ можетъ казаться. Ибо рѣшеніе того, стоять ли въ данномъ году во главѣ государства консуламъ, или военнымъ трибунамъ, принадлежало сенату. Такимъ образомъ, съ 444 г. до 409 г. до Р. Хр. двадцать разъ были избраны консулы и только десять разъ военные трибуны; кромѣ того, не было необходимымъ, но только допустимымъ то, чтобы среди военныхъ трибуновъ были плебеи. Такимъ образомъ случилось, что при большомъ перевѣсѣ, который все еще удерживали за собой патриціи въ избирательныхъ центуріатскихъ комиціяхъ, до 400 г. до

Р. Хр. фактически ни одинъ плебей не поднялся до достоинства „военнаго трибуна съ консульской властью“. Впервые въ этотъ годъ, когда война съ Веями предъявила особенныя требованія къ боевой готовности плебса, избрано было четыре плебея въ военные трибуны; съ того времени, правда, до 367 г. почти регулярно въ числѣ этихъ должностныхъ лицъ встрѣчаются плебеи.

ЮНОНА БАРБЕРИНИ.
Колоссальная фигура въ Ватиканскомъ музеѣ.

Цензоры. Вскорѣ послѣ принятія законовъ Канулея, по одному преданію, въ 443 г., по другому—въ 435 г., учреждена была въ Римѣ важная должность цензоровъ, т. е. „оцѣнщиковъ“.

Поводомъ къ этому было будто-бы то, что консулы изъ-за почти безпрерывныхъ войнъ не находили болѣе времени въ правильный срокъ произвести перепись гражданъ по ихъ состоянію. Но кромѣ того для сената было важно, на случай, если все-таки когда-нибудь пришлось бы открыть консульство плебеямъ, обезпечить, по крайней мѣрѣ, важный надзоръ за государственнымъ хозяйствомъ, за чисто патриційскими должностными лицами. Такимъ образомъ народъ по предварительному опредѣленію сената постановилъ въ центуріатскихъ комиціяхъ, чтобы каждые пять лѣтъ избиралось по два патриція въ цензоры. Впослѣдствіи срокъ ихъ должности былъ ограниченъ восемнадцатью мѣсяцами, такъ что, слѣдовательно, въ виду того, что новые выборы происходили только каждые пять лѣтъ, постоянно въ продолженіе $3^1/_2$ лѣтъ цензоровъ не было.

Первоначальное право цензоровъ, которые съ самаго начала считались первыми государственными сановниками послѣ консуловъ и обыкновенно избирались изъ бывшихъ консуловъ, состояло въ переписи гражданъ по ихъ состоянію и зачисленіи ихъ въ классы и центуріи. Это происходило такимъ образомъ, что всѣ граждане въ полномъ вооруженіи, вѣроятно и въ порядкѣ трибъ, значитъ—по мѣстожительству, являлись на Марсовомъ полѣ и одинъ за другимъ подходили къ креслу цензора, называли свое имя и подъ присягой сообщали размѣръ своего состоянія. Если показаніе казалось цензору заслуживающимъ довѣрія, то рядомъ сидѣвшій писецъ заносилъ его въ свой списокъ, и сообразно съ этимъ каждому гражданину указывалось затѣмъ его мѣсто въ какомънибудь классѣ по состоянію и въ центуріи, а вмѣстѣ съ тѣмъ одновременно и родъ вооруженія и мѣра его права голоса въ центуріатскихъ комиціяхъ. Если гражданинъ обѣднѣлъ такъ, что имущество его не соотвѣтствовало болѣе даже положенному для низшаго класса, то его перемѣщали въ классъ эрарієвъ (capite censi), не обязанныхъ къ военной службѣ, а вслѣдствіе этого и политически безправныхъ. Такое исключеніе изъ центурій и вѣроятно также изъ трибъ впослѣдствіи слѣдовало и въ другихъ случаяхъ, если гражданинъ, напримѣръ, былъ извѣстенъ какъ дурной хозяинъ или отецъ семейства, какъ обманщикъ или клятвопреступникъ; мало того, цензоръ могъ даже исключить изъ сената сенатора съ дурной репутаціей, отобрать отъ всадника дурного образа жизни его всадническую лошадь. Изъ этого развилось право надзора цензоровъ за нравами въ государствѣ вообще (regimen morum), которымъ они пользовались посредствомъ цензорскаго порицанія (nota censoria). Сюда присоединялось и то, что впослѣдствіи цензоры на мѣсто умершихъ или исключенныхъ сенаторовъ назначали новыхъ, право, которымъ первоначально пользовался и консулъ, такъ что значитъ въ концѣ концовъ все положеніе гражданъ внутри гражданства, честь и уваженіе, которыми они пользовались, зависѣли отъ цензоровъ. Скоро къ этимъ правамъ присоединился еще и надзоръ за источниками доходовъ государства: отдача подъ аренду государственныхъ земель, рудниковъ, лѣсовъ (для выжиганія угольевъ), отдача подрядовъ на общественныя постройки предпринимателямъ, контроль надъ тюрьмами, государственными грамотами и пр.

Спурій Мелій (439 г. до Р. Хр.). Крупный успѣхъ, какого достигли знатные плебеи законами Канулея, принесъ государству нѣсколько спокойныхъ годовъ. Но въ 440 г. вновь заволновались страсти, когда продолжительная засуха и недородъ вызвали голодъ. Разсказываютъ, будто въ то время бѣдняки кидались въ Тибръ, чтобы избѣжать мукъ голода. Въ этой нуждѣ сенатъ употребилъ всѣ средства государства, отъ которыхъ можно было ожидать облегченія бѣдственнаго положенія. Онъ выдавалъ ссуды изъ общественной казны, открывалъ склады и назначилъ изъ своей среды Луція Минуція чрезвычайнымъ префектомъ надъ хлѣбнымъ дѣломъ. Снабженный обширными полномочіями, послѣдній принудилъ хлѣбныхъ барышниковъ открыть свои житницы. Затѣмъ онъ разослалъ низшихъ чиновниковъ по морю и по сушѣ скупать хлѣбъ. Но неурожай былъ всеобщій, такъ что только изъ Этруріи получили помощь, и то недостаточную. Столь же неудовлетворительнымъ было распоряженіе ограничить ежедневныя порціи, выдававшіяся мелкому люду по опредѣленнымъ цѣнамъ; нужда росла съ каждымъ днемъ.

Тогда богатый плебейскій всадникъ, Спурій Мелій, предусмотрительно помогъ бѣдствующимъ землякамъ, потому-ли, что самъ онъ былъ хлѣбный спекулянтъ и имѣлъ большіе склады внѣ государства, или же онъ получилъ къ этому возможность, благодаря торговымъ сношеніямъ съ плодородными горными областями, словомъ, онъ собралъ большіе запасы, которые раздавалъ частью безплатно, частью по очень незначительной цѣнѣ. То же дѣлалъ онъ и въ слѣдующемъ году, когда дороговизна еще продолжалась. Онъ былъ всѣми почитаемый благодѣтель народа, въ то время какъ Минуцій и весь сенатъ, съ ихъ недостаточными, часто тягостными мѣрами, отступили совершенно на задній планъ.

Что многовластные господа сенаторы плохо поблагодарятъ его за такую услугу, это можно было предвидѣть. Они подозрѣвали, что онъ жертвуетъ свое колоссальное состояніе не изъ чистаго человѣколюбія, что онъ, пожалуй, стремится къ единовластію надъ Римомъ. Но подозрѣніе пробудило партійную вражду, а послѣдняя не отступала даже предъ несправедливостью, предъ убійствомъ и насиліемъ. Прежде всего Минуцій выступилъ съ жалобой предъ сенатомъ, что-де этотъ Спурій Мелій устраиваетъ ночныя сходки въ своемъ домѣ; что онъ собралъ тамъ оружіе;

что есть подозрѣніе, что онъ стремится къ возстановленію царской власти. Жалоба эта казалась совѣту имѣющей большое значеніе. Консульскую власть считали недостаточной для отвращенія угрожающей опасности, и потому рѣшили назначить диктатора. Въ это время все еще сидѣлъ на своей скромной пашнѣ сѣдой Луцій Квинктій Цинцинната, подобно почтенной руинѣ изъ прошлаго, хотя ему было восемьдесятъ лѣтъ, въ не ослабѣвающей духовной мощи и въ сіяніи благопріобрѣтенной славы. Когда въ сенатѣ рѣшено было назначеніе диктатора, онъ какъ разъ присутствовалъ въ засѣданіи. Тогда поднялись нѣсколько членовъ собранія и заявили, что престарѣлый герой одинъ достоенъ и пригоденъ исправлять эту высшую должность. Тщетно отказывался Цинцинната, указывая на свой преклонный возрастъ; отцы единогласно заявили, что у уважаемаго старца больше разумѣнія и силы, чѣмъ у всѣхъ ихъ. Консулъ также былъ этого мнѣнія и призвалъ его къ диктатурѣ. Цинцинната помолился безсмертнымъ богамъ, чтобъ они не дали его возрасту быть во вредъ и въ позоръ государству, и сѣлъ на sella curulis. Отважно и рѣшительно, какъ во дни цвѣтущей юности, обѣщался онъ посвятить послѣднія, слабѣющія силы старости отчизнѣ. Затѣмъ онъ назначилъ Гая Сервилія Агалу, безпощадное мужество котораго онъ зналъ, своимъ magister equitum. Послѣ этого онъ ночью велѣлъ занять вооруженными людьми Капитолій, Палатинъ и Форумъ и утромъ, окруженный 24 ликторами, взошелъ на трибуналъ, чтобъ произвести судъ надъ обвиненнымъ государственнымъ измѣнникомъ. Любопытствуя узнать, что значили эти необычайныя приготовленія, стеклась толпа, въ числѣ другихъ и Спурій Мелій, ничего еще не вѣдавшій о поднятомъ на него обвиненіи. Диктаторъ далъ порученіе начальнику конницы привести обвиненнаго преступника предъ его судилище. Во главѣ вооруженнаго отряда патриційскихъ юношей Агала подошелъ къ подсудимому и пригласилъ его послѣдовать приглашенію высшей власти. Только теперь угрожаемый Мелій почуялъ опасность, носившуюся надъ его головой. Отъ ненависти патриційской партіи онъ не ожидалъ никакой пощады, ни даже справедливости. Онъ подался назадъ, схватилъ для самозащиты мясничій ножъ, но затѣмъ, понимая безполезность сопротивленія, пытался скрыться въ толпѣ благорасположенныхъ къ нему гражданъ.

Но прежде чѣмъ вокругъ него могли собраться его многочисленные приверженцы, его настигъ преслѣдователь и поразилъ его на смерть. Такъ совершенъ былъ судъ прежде, чѣмъ судья произнесъ приговоръ.

Затѣмъ диктаторъ съ трибунала обратился къ собравшемуся народу съ объясненіемъ, что онъ хотѣлъ произвести правильный судъ надъ убитымъ гражданиномъ по тяжкому обвиненію, но что тотъ уклонился отъ правосудія; за это упорство онъ понесъ наказаніе; начальникъ же конницы, напротивъ, безстрашно исполнилъ свой долгъ и тѣмъ оказалъ государству великія услуги. Дѣло въ томъ, что при тяжкихъ преступленіяхъ судебный посыльный получалъ порученіе передать обвиненнаго суду живымъ или, при сопротивленіи, мертвымъ. Далѣе диктаторъ распорядился, чтобы домъ убитаго всадника былъ сломанъ, а обширное его помѣстье продано въ пользу государственной казны. Точно также конфисковали его хлѣбные запасы и роздали ихъ гражданамъ, по ассу за четверикъ. Нѣсколько трибуновъ впослѣдствіи тщетно возбудили обвиненіе противъ Агалы; впрочемъ, въ концѣ концовъ, онъ вслѣдствіе народнаго мятежа былъ наказанъ изгнаніемъ, между тѣмъ какъ память благодѣтельнаго Мелія оставалась въ почетѣ.

Это кровавое происшествіе, повидимому, вызвало въ народной общинѣ нѣкоторую дѣятельность и единодушіе, ибо въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ подрядъ избирались трибуны съ консульскою властью, хотя, правда, плебеямъ и не удалось провести въ эту коллегію кандидата своего сословія. Зато выгодно для плебеевъ было то, что въ 421 г. число квесторовъ было увеличено отъ двухъ до четырехъ; въ самомъ дѣлѣ съ этого времени попадаются и плебеи въ этой немаловажной должности (стр. 114).

ВОЙНЫ СЪ ЭКВАМИ, ВОЛЬСКАМИ И ЭТРУСКАМИ.

Эквы и вольски въ апогеѣ своего могущества. Время децемвировъ и примыкающія къ нему внутреннія смуты были неблагопріятны для внѣшняго могущества Рима. Горныя племена, жившія къ востоку и югу отъ латинской равнины, особенно эквы и вольски, извлекали выгоду изъ безсилія

Рима и изъ связаннаго съ этимъ ослабленія рѝмско-латино-герниковскаго союза, чаще и дольше поражая въ это время области своими набѣгами, мало того, даже утверждаясь въ нѣсколькихъ пунктахъ латинской территоріи. Военныя силы эквовъ давно уже не хозяйничали въ болѣе суровой долинѣ верхняго Аніо, но устроились по домашнему въ бывшемъ латинскомъ городѣ Лабикѣ (къ сѣверу отъ Тускула), а также въ Болахъ, положеніе которыхъ теперь неизвѣстно. Они расположились даже на крутомъ сѣверномъ хребтѣ Альбанскихъ горъ и удерживали за собой гору Альгидъ, почти непосредственно передъ воротами Тускула, и съ этой безопасной высоты, какъ изъ крѣпкаго замка, угрожали и Риму. Точно такъ же и вольски съ юга съ успѣхомъ распространились по Латинской равнинѣ. Что они заняли Антій на морскомъ побережьѣ и Эцетру въ долинѣ Трера, объ этомъ упомянуто уже выше (стр. 126). Имъ достались и Велитры, и Сатрикъ, и они, быть-можетъ, цѣлыми десятилѣтіями находились въ безпрерывной кровопролитной пограничной войнѣ съ римлянами и латинами. Замки, деревни, города дѣлались жертвами этихъ страшныхъ войнъ, которыми равнины къ югу отъ Рима были такъ опустошены, что много пришедшихъ въ упадокъ поселеній даже во время высшаго расцвѣта римскаго могущества нельзя было пробудить снова къ жизни. Еще и теперь въ римской Кампаньѣ и на окружающихъ ее холмахъ тамъ и сямъ видны обрывистые скалистые скаты и остатки киклопическихъ стѣнъ, остатки древнѣйшихъ мѣстечекъ, которыя лежатъ въ развалинахъ со времени тѣхъ войнъ съ вольсками, и которыхъ даже имена утрачены.

Успѣхи Рима противъ эквовъ и вольсковъ. Исторической правды о войнахъ, положившихъ начало этимъ развалинамъ и отчасти запустѣнію Кампаньи, мы не знаемъ, ибо разсказы о томъ римскихъ историковъ полны вымышленныхъ собственныхъ именъ, риторическихъ прикрасъ и вѣчныхъ повтореній. Поэтому удовольствуемся краткимъ указаніемъ результатовъ этихъ войнъ.—Перейти отъ обороны противъ наступающихъ эквовъ и вольсковъ къ нападенію римляне могли лишь тогда, когда послѣ законовъ Канулея внутренній раздоръ успокоился на болѣе продолжительное время. Первымъ крупнымъ и прочнымъ успѣхомъ по отношенію къ эквамъ было завоеваніе Лабика въ 418 г. до Р. Хр. Этотъ завоеванный городъ былъ превращенъ въ римскую

колонію, т.-е. въ крѣпость съ гарнизономъ изъ римскихъ крестьянъ; точно такъ же завоевали Болы въ 414 г. до Р. Хр.; но отнятая у жителей этого города область, къ великому неудовольствію плебеевъ, объявлена была государственной землей. Съ тѣхъ поръ мы не находимъ болѣе эквовъ на Альгидѣ, имъ приходится отступать въ свои горы; сообщеніе Рима съ герниками „латинскою дорогою“ обезпечивается, и Ферентинъ, главный городъ герниковъ, освобождается отъ эквовъ. И вольсковъ римляне въ то время снова стали оттѣснять: Сатрикъ и Велитры опять стали римскими; Верругонъ и Артена взяты были приступомъ. Только могущественный на морѣ вольскій городъ морскихъ разбойниковъ Антій противустоялъ всѣмъ нападеніямъ, зато неоднократно римскія войска доходили до Анксура (Таррацины), лежавшаго далеко на югѣ въ защищенномъ положеніи за Понтинскими болотами.

Упадокъ этрусскаго могущества. Эти успѣхи поощряли римлянъ нести свое оружіе и на сѣверъ противъ тѣхъ самыхъ этрусковъ, которые еще полвѣка назадъ угрожали существованію римскаго государства. Могущество этрусковъ съ тѣхъ поръ очень измѣнилось въ ущербъ имъ. Какъ они со времени пораженія своихъ союзниковъ, карѳагенянъ, при Гимерѣ (480 г. до Р. Хр.) и со времени своего собственнаго пораженія при Кумахъ (474 г. до Р. Хр.) болѣе и болѣе должны были уступить грекамъ господство на Тирренскомъ морѣ, а равно и на Адріатическомъ, упомянуто уже выше (стр. 111). Въ особенности сиракузцы, тарентійцы и также греки Марсели (Marsilia) стали могущественными на названныхъ моряхъ. Тиранъ Діонисій Сиракузскій (406—367 г. до Р. Хр.) заложилъ на островахъ Лиссѣ и Иссѣ, какъ и на адріатическомъ побережьи, цѣлый рядъ сиракузскихъ колоній (Анкону, Нуману, Гатрію) для защиты отъ этрусскаго морского разбойничества; мало того, онъ завоевалъ даже Пирги, портъ этрусскаго Цере.

Но греки были не единственными врагами этрусковъ. Самнитскія племена, развѣтвленія сабинянъ, все большими толпами спускались съ своихъ негостепріимныхъ горъ въ улыбающуюся Кампанскую равнину и завоевали одинъ за другимъ города изнѣженныхъ этрусковъ, въ 424 г. даже Капую, главный городъ страны. И вотъ тусскій народъ увидѣлъ себя охваченнымъ уже и съ сѣвера. Приблизительно съ 450 г. до Р. Хр. много-

численныя кельтскія орды (см. ниже) перешли черезъ гребень Альпъ въ плодоносную равнину рѣки По, прогнали этрусскихъ оброчныхъ крестьянъ съ ихъ полей и взяли съ приступа Мельпъ, Фельсину (позднѣйшую Бононію-Болонью) и другіе центры высоко развитой этрусской культуры, такъ что остатки этрусковъ должны были изъ равнины рѣки По бѣжать черезъ Апеннины въ долину Арно. Итакъ, почти одновременно господство этрусковъ на морѣ рушилось передъ греками, а великое этрусское сухопутное государство передъ напирающими съ сѣвера кельтскими варварами, на югѣ же передъ храбрыми самнитскими племенами. Только собственно въ Этруріи (Тосканѣ) большіе союзы городовъ этого искуснаго народа оставались самостоятельными болѣе продолжительное время, пока римляне послѣ столѣтія, полнаго борьбы, и здѣсь не сломили независимости прежнихъ своихъ притѣснителей.

Ларъ Толумній; Фидены. Поводомъ къ возобновленію войнъ между римлянами и этрусками было слѣдующее. Въ пяти лишь миляхъ (8 km.) къ сѣверу отъ Рима на Тибрѣ лежали Фидены, имѣвшія смѣшанное изъ этрусковъ и латинянъ населеніе. Когда въ большомъ этрусскомъ городѣ Веяхъ царской властью завладѣлъ выдающійся по богатству и почету человѣкъ, Ларъ Толумній, то онъ по образцу римскихъ Тарквиніевъ захотѣлъ расширить свое владычество и втянулъ въ свой союзъ города Фидены и Фалеріи. Но фиденцы съ нѣкотораго времени были въ зависимости отъ Рима и находились въ сношеніяхъ съ господствующимъ городомъ чрезъ давно водворившуюся у нихъ римскую колонію. Они прогнали теперь навязанныхъ имъ колонистовъ и примкнули къ Веямъ. Вскорѣ появились въ полѣ и соединенные отряды обоихъ городовъ, подъ начальствомъ царя. Они стояли уже по сю сторону Аніо, когда съ ними встрѣтились римскіе легіоны. Послѣ кровопролитнаго, но нерѣшительнаго сраженія обѣ стороны отступили. Тогда въ Римѣ былъ избранъ диктаторъ, который съ напряженіемъ всѣхъ боевыхъ силъ государства разбилъ непріятелей и опустошилъ ихъ область. Но побѣда все-таки не могла быть полною, такъ какъ не дѣлалось никакой серьезной попытки завоевать Фидены. Прошло нѣсколько лѣтъ, прежде чѣмъ можно было думать о такомъ большомъ предпріятіи. Въ это время гражданъ пугали частыя землетрясенія и

злокачественныя болѣзни, и непріятели дерзнули даже съ развѣвающимися знаменами подступить къ самымъ стѣнамъ Рима. Поселяне искали защиты за стѣнами, жилища ихъ запылали въ огнѣ; всюду царили смятеніе и ужасъ; но избраніе диктатора возстановило порядокъ и довѣріе. При извѣстіи объ этомъ мѣропріятіи, этрусскія полчища удалились въ горы, гдѣ они послѣдовавшими за ними легіонами были разбиты въ ожесточенномъ сраженіи. Диктаторъ заперъ теперь Фидены валомъ и рвомъ и завоевалъ ихъ съ помощью искусно подведеннаго подкопа. Головы зачинщиковъ мятежа пали подъ топоромъ палача, другіе безпокойные граждане были выселены въ Остію; на мѣсто ихъ усиленная римская колонія получила жилища и поля въ Фиденахъ.

Разрушеніе Фиденъ (426 г.). Весело поселенцы вступили во владѣніе отведенными имъ имѣніями, но на свою же погибель; ибо спустя восемь лѣтъ мятежъ вспыхнулъ вновь, и большинство колонистовъ погибло отъ бѣшенства черни, которая вѣроятно втайнѣ была подстрекаема Толумніемъ. Сенатъ отправилъ затѣмъ торжественное посольство въ Фидены, чтобъ потребовать удовлетворенія и выдачи преступниковъ. Тогда совершилось кровавое, неискупимое злодѣяніе. Главари отпавшаго города, которые обратились въ ближнія Веи за спасительнымъ совѣтомъ, получили отъ царя приказаніе умертвить римскихъ пословъ вопреки всякому международному праву, и въ своемъ ослѣпленіи они привели этотъ совѣтъ въ исполненіе. Но беззаконно пролитая кровь возопила объ отмщеніи, и римскій народъ сталъ готовиться къ войнѣ для уничтоженія враговъ. Послѣ невыгоднаго для римскаго оружія сраженія былъ избранъ въ диктаторы Мамеркъ Эмилій. Въ битвѣ храбрый начальникъ конницы Корнелій Коссъ убилъ царя Толумнія, послѣ чего одержана была полная побѣда, и городъ Фидены былъ разрушенъ.

Диктаторъ во главѣ войска справилъ блестящій тріумфъ, причемъ солдаты воспѣвали подвиги его и храбраго Косса. А Коссъ повѣсилъ взятые въ добычу царскіе доспѣхи въ храмѣ Юпитера Феретрія. То было въ первый разъ со времени Ромула, что богу досталась „жирная добыча“ (spolia opima). Историкъ Ливій сообщаетъ намъ, что еще императоръ Августъ видѣлъ висѣвшими эти доспѣхи Толумнія, такъ называемый льняной панцырь, когда онъ давалъ приказаніе возстановить обветшалый храмъ бога.

БОРЬБА СЪ ВЕЯМИ (406—396 ДО Р. ХР.). ФУРІЙ КАМИЛЛЪ.

Вей. Еще стояли несокрушенными на крутомъ туфовомъ холмѣ, опоясанныя двумя журчащими ручьями, которые сливаются далѣе ниже въ Кремеру, Вей, самый большой и могущественнѣйшій городъ южной Этруріи. Городъ этотъ лежалъ посреди плодородной мѣстности, обитаемой прилежными крестьянами; но это не были свободные собственники, государствомъ охраняемые, и охраняющіе государство граждане, а крѣпостные, обязанные къ тягостной барщинѣ и оброку господствующей этрусской знати, лукумонамъ. Поэтому они шли въ походъ лишь въ качествѣ принужденныхъ къ этому холоповъ и не знали той гражданской гордости, которая воодушевляла крестьянъ римскихъ областей на военные подвиги его за отечество. Этрусскіе города сильны были только своею связью; когда союзъ, тѣснимый нападеніями со всѣхъ сторонъ, распался, они быстрыми шагами пошли навстрѣчу своей гибели. Но все-таки римляне не могли разсчитывать одолѣть Вей, если-бы вели войну со все еще могущественнымъ городомъ только, какъ до сихъ поръ, лѣтними походами. Дѣло въ томъ, что если лѣтомъ римскія силы и удерживали за собой поле брани и жестоко опустошали непріятельскую область, то зимой, когда римляне возвращались домой, вейцы съ процентами отплачивали за опустошенія и вмѣстѣ съ добычею находили оплотъ за неприступными стѣнами. Но осмотрительный сенатъ въ Римѣ придумывалъ средства покончить съ невыносимымъ положеніемъ. Для этого не представлялось ничего другого, какъ покореніе или полное разрушеніе сосѣдняго города. Чтобы достигнуть этой цѣли, нельзя было давать отдыха оружію, а достаточное по численности войско должно было лѣтомъ и зимой оставаться подъ оружіемъ и тѣснить непріятеля. Но такое безпрерывное веденіе войны разорило бы въ хозяйственномъ отношеніи римское крестьянство, которое уже безъ того отъ многочисленныхъ походовъ потерпѣло большія потери въ имуществѣ. Поэтому сенаторы сдѣлали важное постановленіе, чтобы впредь воинъ получалъ постоянное жалованье изъ государственной казны. Но такъ какъ общественная казна совершенно была недостаточна для такихъ чрезвычайныхъ расходовъ, то они

постановили вносить добросовѣстно десятину со всѣхъ государственныхъ земель, уплату которой дотолѣ, вопреки закону, обыкновенно обходили, а также вѣроятно и подать съ собственныхъ имѣній. На телѣгахъ повезли они тяжелые ассы (мѣдную монету), которые тогда были въ ходу, на глазахъ общины, въ государственную казну. Видъ этого возбудилъ во всѣхъ гражданахъ одинаковую готовность, и единодушно объявлена была теперь война Веямъ.

ГОРОДЪ ВЕИ. Реставрація Канины.

Пораженіе римлянъ. Созванное многочисленное войско выступило въ поле и двинулось подъ самыя стѣны непріятельскаго города. Но Веи не только очень сильно были укрѣплены самой природой, но и были обнесены высокими, сложенными изъ исполинскихъ четырехугольныхъ камней, стѣнами. Затѣмъ, вейцы располагали болѣе крупными денежными средствами и лучшимъ оружіемъ, нежели римляне, и поддерживались въ то время также и со стороны сосѣднихъ этрусскихъ городовъ, особенно Фалерій и Каненъ, съѣстными припасами и войскомъ. Наконецъ, римляне въ первые годы войны не могли обратить всѣ свои силы противъ Вей, но должны

были выставить войско также для обороны противъ вольсковъ. При такихъ обстоятельствахъ было не диво, что римляне, несмотря на то, что они не прерывали осады и въ продолженіе зимы, все-таки вначалѣ добились очень малаго; наоборотъ, вейцамъ даже удалось нѣсколько разъ чувствительно разстроить осадныя работы римлянъ и въ особенности уничтожить огнемъ могучую насыпь, которую римляне хотѣли нагромоздить до высоты городской стѣны. Въ другой разъ вейцы нанесли римлянамъ страшное пораженіе, такъ какъ оба начальника осаднаго войска спорили между собой и потому не поддерживали другъ друга. Такимъ образомъ, въ Римѣ первоначальное рвеніе народа къ борьбѣ превратилось въ уныніе, и въ особенности народные трибуны подстрекали его противъ войны, требовавшей столько жертвъ. Но сенатъ оставался при своемъ намѣреніи окончить войну только съ разрушеніемъ Вей и старался вновь оживить рвеніе къ борьбѣ тѣмъ, что разрѣшилъ такимъ гражданамъ перваго класса, которые не имѣли всадни-ческой лошади отъ государства, служить въ конницѣ на собственномъ конѣ (equo privato), равно какъ и тѣмъ, что на 400 г. онъ впервые далъ избрать въ „военные трибуны съ консульской властью“ одного плебея, П. Лициніа Кальва, а на слѣдующій годъ даже пятерыхъ плебеевъ. Несмотря на то, благопріятный оборотъ осады не приходилъ, и народъ пугали дурныя знаменія: сперва, въ 400 г., страшно холодная зима съ такими массами снѣга, что продавливались крыши крестьянскихъ домовъ, были заграждены всѣ дороги и замерзъ Тибръ, и затѣмъ въ 399 г., столь сухое и жаркое лѣто, что неурожай и заразы произвели страшное опустошеніе среди народа. Тогда впервые въ Римѣ, для умилостивленія боговъ, устроены были „пиры боговъ“ (lectisternia). При этомъ изображенія Аполлона, Латоны и Діаны, Геркулеса, Меркурія и Нептуна клались на подушки и имъ предлагались обѣды какъ въ государственныхъ зданіяхъ, такъ и въ болѣе богатыхъ частныхъ домахъ. При этомъ въ городѣ двери были открыты, предъ домами стояла готовая для всѣхъ пища, и безъ разбора угощались знакомые и друзья. Ссоры и споры прекращались; даже съ закованныхъ въ цѣпи на эти дни снимались ихъ оковы и большею частью не налагались болѣе на нихъ, такъ какъ боялись снова сковать тѣхъ, кому боги оказали такую помощь.

Голоса боговъ. Въ это время безъ ливней или другого замѣт-

паго повода все болѣе сталъ повышаться уровень воды озера (lacus Albanus), расположеннаго въ Альбанскихъ горахъ у подошвы Монте Каво. Это обезпокоило римлянъ, и такъ какъ никто не съумѣлъ истолковать это знаменіе боговъ, то они отправили пословъ въ Дельфы вопросить объ этомъ оракулъ Аполлона. Но еще прежде, чѣмъ вернулись эти послы, судьба даровала римлянамъ другого истолкователя этого знаменія. Дѣло въ томъ, что однажды во время спора между передовыми постами одинъ старикъ-веецъ крикнулъ имъ со стѣны: „Никогда римляне не добудутъ Вей, развѣ если они спустятъ воду изъ Альбанскаго озера". Вначалѣ слова эти приняты были за насмѣшку; но когда затѣмъ пошли толки объ этомъ и было установлено, что старикъ этотъ принадлежалъ къ городскимъ гаруспикамъ, то однажды молодой храбрый римлянинъ пригласилъ его на бесѣду, схватилъ его при этомъ въ охабку и отнесъ въ римскій лагерь. Полководецъ отправилъ его въ Римъ къ сенату, и тамъ старикъ, принужденный самими богами сказать правду, подтвердилъ, что дѣйствительно въ книгахъ судебъ города Вей написано: „Когда вода въ Альбанскомъ озерѣ подымется слишкомъ высоко и римлянинъ отведетъ ее, боги дадутъ римлянамъ побѣду надъ вейцами, но пока этого не случится, боги не оставятъ стѣнъ Вей". Сенаторы однако не довѣряли этимъ словамъ и ждали возвращенія отправленныхъ въ Грецію пословъ. Но когда послѣдніе, наконецъ, вернулись, то подтвердили изреченіе тусскаго гадателя, ибо пиѳія имъ дала слѣдующій оракулъ:

„Римлянинъ! берегись скопленія воды въ Альбанскомъ озерѣ, не дай ей собственнымъ потокомъ излиться въ море. Выпустивъ ее на поля мелкими ручейками, ты уничтожишь ее; тогда смѣло наступай на стѣны враговъ. Но помни, что за даруемую тебѣ этимъ оракуломъ побѣду надъ городомъ, который ты столько лѣтъ осаждаешь, ты долженъ по окончаніи войны, какъ побѣдитель, принести крупный даръ моему храму и возобновить, согласно обычаю, прекратившіяся жертвоприношенія отечественнымъ богамъ"!

Послѣ этого божескаго изреченія всякое сомнѣніе исчезло, и немедленно сенатъ велѣлъ начать трудную работу у Альбанскаго озера.

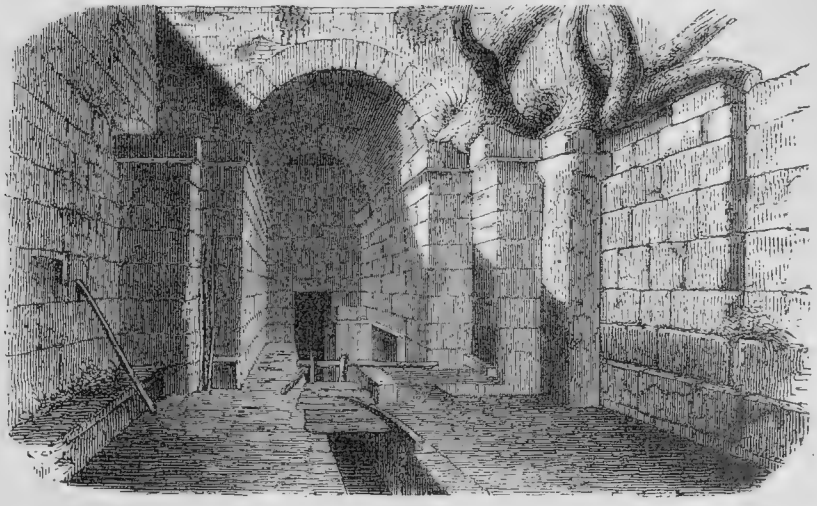
Подъ верхнимъ краемъ кратера была выкопана шахта глуби-

ной въ 150 m. (492 фута), затѣмъ отъ нея чрезъ твердый слой лавы пробита была штольня въ 3 m. (10 фут.) вышины, 2 m. (6,5 фут.) ширины и 1300 m. (1 вер. 106 саж.) длины. Для пріема воды на наружномъ концѣ была устроена сводчатая камера, изъ которой вели въ открытое поле три желоба. Чрезъ этотъ водоотводный каналъ уровень воды Альбанскаго озера (имѣющаго въ длину $3^1/_2$ километра и въ ширину $2^1/_5$ кил.) былъ установленъ на 294 m. (965 фут.) надъ уровнемъ моря, а глубина этого озера все еще доходитъ до 156 m. (72,6 саж.). Это замѣчательное, удивительное сооруженіе существуетъ понынѣ, свидѣтельствуя о настойчивости и искусствѣ древнихъ римлянъ и латинянъ.

Воля боговъ была исполнена; но исполненія ихъ обѣщанія пришлось дожидаться. Двое трибуновъ, бывшихъ въ походѣ противъ Капенъ, были разбиты въ сраженіи; одинъ изъ нихъ палъ въ храбромъ бою, другой лишь съ трудомъ смогъ избѣжать напора враговъ.

Завоеваніе Вей. Въ этомъ дурномъ положеніи въ Римѣ прибѣгли къ старинному, испытанному средству назначенія диктатора, и выборъ палъ на способнѣйшаго мужа, на Фурія Камилла, испытаннаго уже нѣсколько разъ на войнѣ, въ качествѣ военнаго трибуна. Крѣпкою рукой онъ взялъ бразды неограниченной власти. Сдѣлавъ смотръ безъ лицепріятія, онъ съ большимъ войскомъ выступилъ подъ Вей. Тамъ онъ укрѣпилъ осадныя сооруженія и запретилъ всякую перестрѣлку и безпорядочныя стычки между городомъ и лагеремъ. Вейцы радовались наступившему перемирію, насмѣхались надъ осаждающими, которые не осмѣливались, по ихъ мнѣнію, выйти изъ лагеря, кольцомъ раскинувшагося вокругъ города, ждали полнаго своего освобожденія вслѣдствіе усталости враговъ или нападенія своихъ единоплеменниковъ. Они не подозрѣвали, что тихо и незамѣтно въ нѣдрахъ земли возникало и развивалось сооруженіе, которое должно было принести имъ погибель. Это была штольня или мина, на устройство которой, быть-можетъ, навело изобрѣтательный умъ диктатора сооруженіе упомянутаго водоотводнаго канала Альбанскаго озера. Войско было построено шестью отрядами; они смѣнялись каждые шесть часовъ. Работа въ мягкомъ туфѣ была сравнительно легка и подвигалась поэтому довольно быстро.

Когда Камиллъ увидѣлъ, что мина подведена почти подъ самую цитадель, что во взятіи богатаго города нельзя болѣе сомнѣваться, онъ доложилъ объ этомъ сенату, чтобы отцы пригласили гражданъ къ участію въ штурмѣ и въ богатой добычѣ. Такъ и случилось; множество вооруженнаго и невооруженнаго люда устремилось въ лагерь. Какъ только сдѣланы были нужныя приготовленія, диктаторъ обратился къ богамъ съ такою молитвою: „Подъ твоимъ предводительствомъ, Аполлонъ, и по твоему повелѣнію я приступаю къ



ВОДОСТОЧНЫЙ КАНАЛЪ АЛЬБАНСКАГО ОЗЕРА.

разрушенію города Вей и посвящаю тебѣ десятую часть этой добычи. Въ то же время прошу тебя, богиня неба, Юнона, обитающая теперь въ Веяхъ, послѣдовать за нами, когда мы побѣдимъ, въ нашъ городъ, который скоро станетъ твоимъ, гдѣ тебя приметъ достойный твоего величія храмъ“. Затѣмъ онъ далъ приказъ къ общему приступу. Вспугнутые послѣ долгаго покоя вейцы поспѣшили на стѣны, пустили свои метательные снаряды и отбили нападенія; но въ пылу и шумѣ боя они не слышали стука воиновъ, прокладывавшихъ себѣ выходъ изъ-подъ земли во внутрь храма Юноны въ цитадели. Когда оставалось только снизу вытолкнуть каменную плиту пола храма Юноны, Камиллъ,

ведшій отрядъ изъ-подъ земли, услышалъ, какъ надъ нимъ верховный жрецъ вейцевъ подалъ царю мясо жертвеннаго животнаго со словами: „Кто принесетъ это мясо въ жертву Юпонѣ, тотъ побѣдитъ въ бою“. Въ это мгновеніе Камиллъ выталкиваетъ плиту вверхъ, земля разверзается предъ очами жрецовъ, совершающихъ жертвоприношенія; показываются копья и блестящіе доспѣхи; подымаются римскіе воины, все больше и больше, необозримыми рядами. Камиллъ вырываетъ у испуганнаго царя вейцевъ мясо и приноситъ его въ жертву; а другіе занимаютъ цитадель, съ громкимъ боевымъ крикомъ нападаютъ на бойцовъ, бьющихся на стѣнахъ, съ тыла, выламываютъ ворота, и вотъ надъ несчастнымъ городомъ разразились всѣ ужасы войны, разрушенія, убійства и рѣзни.

Камиллъ на вершинѣ славы. Велика, несмѣтна была добыча, которая по волѣ сената оставлена была за храбрыми воинами. Одна только выручка отъ продажи плѣнныхъ, пощаженныхъ мечомъ, поступила въ истощенную государственную казну. Да и полководецъ не забылъ себя при разграбленіи города; кажется даже, что онъ оставилъ себѣ несоразмѣрную часть добычи. Какъ Кимонъ въ Аѳинахъ, онъ нуждался въ богатствѣ не для того, чтобы жить въ роскоши, но потому, что онъ, занятый грандіозными планами, не могъ входить въ мелочныя заботы жизни. И теперь, созерцая съ верхушки цитадели гибель прекраснаго города, онъ вспомнилъ о неизбѣжномъ рокѣ, властвующемъ надъ смертными, и, закрывъ голову, обратился съ молитвой Юнонѣ: „Если кому изъ боговъ и людей мое счастье и счастье римскаго народа покажется слишкомъ великимъ, то пусть это недоброжелательство будетъ искуплено возможно меньшимъ несчастьемъ“. Однако въ побѣдныхъ ликованіяхъ, упоенный славой, онъ скоро забылъ о скоротечности всего земного, при кликахъ воиновъ и стекавшейся толпы направился въ Римъ и на колесницѣ, запряженной четверкой бѣлыхъ коней, какъ это дѣлали обыкновенно лишь боги, по празднично украшеннымъ улицамъ поднялся на Капитолій. Но боги гнѣвались на людское тщеславіе: они готовили наказаніе.

Лишь когда солдаты уже подѣлили награбленную добычу и считали ее уже своею собственностью, гордый побѣдитель Вей вспомнилъ о томъ, что онъ обѣщалъ десятую часть добычи Пиѳійскому богу. Онъ строго потребовалъ ее обратно и когда сенатъ

рѣшилъ, чтобы каждый гражданинъ по собственной оцѣнкѣ внесъ свою долю, Камиллъ потребовалъ затѣмъ еще десятую часть цѣнности пріобрѣтенныхъ земель золотомъ. Городская казна не была въ состояніи на такой расходъ; но женщины охотно принесли свои золотыя украшенія, чтобы вполнѣ былъ исполненъ обѣтъ, данный богу славнымъ полководцемъ. За это онѣ получили право, подобно курульнымъ магистратамъ, ѣздить по городу въ четырехколесныхъ коляскахъ. Изъ всѣхъ этихъ приношеній сдѣланъ былъ великолѣпный золотой кратеръ для разбавленія вина водой, который и долженъ былъ быть принесенъ въ Дельфы торжественнымъ посольствомъ. Но переправа не обошлась безъ задержки. Корабль съ посвятительнымъ даромъ и съ тремя послами вблизи сицилійскаго пролива былъ захваченъ морскими разбойниками и отведенъ въ Липары. Но по счастью въ то время во главѣ государства морскихъ разбойниковъ, владѣвшаго Липарскими островами, стоялъ нѣкій Тимасиѳей, который боялся гнѣва бога Аполлона, если онъ дастъ обидѣть пословъ и сплавить сосудъ для раздачи товарищамъ. Поэтому онъ гостепріимно пріютилъ пословъ, проводилъ ихъ даже съ своими кораблями до Дельфъ и благополучно доставилъ обратно въ Римъ. А сенатъ въ Римѣ почтилъ его подарками и заключилъ съ нимъ союзъ гостепріимства. Принесенный Римомъ посвятительный даръ стоялъ въ одной изъ сокровищницъ въ Дельфахъ, пока въ 354 г. до Р. Хр. не похитилъ его фокэецъ Ономархъ. Но еще во второмъ столѣтіи по Р. Хр. въ Дельфахъ существовала по крайней мѣрѣ база съ посвятительной надписью.

Споръ изъ-за земли вейцевъ. Въ это же время сенатъ, чтобъ удовлетворить общину, постановилъ раздачу земли 3000-мъ гражданъ въ отнятой у эквовъ полосѣ. Но народъ не былъ этимъ удовлетворенъ. Онъ требовалъ раздачи всей области Вей и даже переселенія въ этотъ благопріятно расположенный городъ. Сенаторы были возмущены этимъ требованіемъ. Они лучше желали претерпѣть всѣ ужасы гражданскихъ смутъ, лучше умереть, чѣмъ промѣнять свой побѣдами вѣнчанный Римъ на другое мѣстожительство. Они позаботились о томъ, чтобы въ трибуны съ консульской властью были избранъ Камиллъ и пятеро единомысленныхъ съ нимъ мужей, изъ которыхъ двое тотчасъ выступили противъ эквовъ, между тѣмъ какъ самъ Камиллъ отправился наказать капенцевъ

и фалисковъ. Сказаніе повѣствуетъ, будто какой-то школьный учитель, домогаясь милости и денегъ, предалъ въ римскій лагерь мальчиковъ знатнѣйшихъ фалисковъ; Камиллъ же, не воспользовавшись злодѣйскимъ предательствомъ, велѣлъ связать негодяю руки за спину, а дѣтямъ—гнать его прутьями обратно въ городъ, послѣ чего послѣдовала добровольная сдача города благородному полководцу. Вскорѣ были укрощены и другіе города этрусковъ къ сѣверу отъ Вей, какъ Непете и Сутрій, такъ что въ эти годы римская область удвоилась. Но внутри города не было мира. Граждане спорили другъ съ другомъ о переселеніи въ Вей, и притомъ не только на словахъ, но нерѣдко въ ожесточенныхъ схваткахъ.

ЭТРУССКОЕ ЗЕРКАЛО.

Изгнаніе Камилла. Тщетно Камиллъ старался своимъ вліяніемъ возстановить спокойствіе и порядокъ. Такъ какъ не грозило внѣшней опасности, то его властный характеръ стали находить тягостнымъ; начинали смотрѣть на него съ завистью и неудовольствіемъ. Лучше удавалось встревоженнымъ сенаторамъ предотвращать крупныя потрясенія дружелюбіемъ и кротостью. Они по-одиночкѣ ходили по гражданамъ и заклинали ихъ не прогонять родныхъ боговъ, которые дотолѣ такъ отечески правили прекраснымъ городомъ, изъ ихъ священныхъ жилищъ. Рѣчи эти возымѣли успѣхъ; онѣ пробудили старинную набожность, и когда, наконецъ,

въ трибныхъ комиціяхъ состоялось рѣшающее голосованіе, то переселеніе, хотя слабымъ большинствомъ, было отвергнуто. Послѣ этого сенатъ радостно далъ свое согласіе на то, чтобы каждому гражданину было отведено семь югеровъ (1 югеръ = около $^1/_4$ десятины) изъ вейской области. Никто не былъ болѣе недоволенъ этимъ, чѣмъ народные трибуны, ибо вмѣстѣ съ такимъ улаженіемъ спора изъ рукъ ихъ ускользнула большая часть ихъ вліянія на толпу. За это они привлекли Камилла къ суду трибъ и обвинили въ утайкѣ части вейской добычи, особенно въ присвоеніи себѣ бронзовыхъ храмовыхъ дверей. Гордый герой собралъ своихъ кліентовъ и товарищей по трибѣ и спросилъ ихъ мнѣнія. Они объявили ему, чтобы онъ смѣло предсталъ предъ общиной: они, правда, по совѣсти своей не могутъ оправдать его, но заплатятъ за него штрафъ. Тогда Камиллъ гнѣвно сказалъ: „Такъ пусть боги скоро заставятъ раскаяться мой неблагодарный народъ, чтобъ онъ призвалъ назадъ своего согражданина“, и пошелъ въ изгнаніе въ Ардею. Въ его отсутствіе на него наложили штрафъ въ 15000 ассовъ. Но уже недалеко было время, когда гнѣвное желаніе полководца должно было исполниться; уже какой-то гражданинъ въ тишинѣ ночной услышалъ какъ бы неземной голосъ: „Идутъ!“

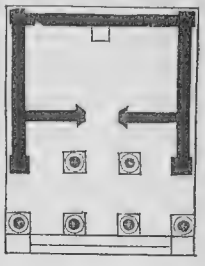
„Идутъ!“ такъ восклицали, полные ужаса, пастухи въ зеленыхъ долинахъ Апеннинъ, и кликъ этотъ раздался вокругъ многолюдныхъ городовъ этрусковъ и по плодоноснымъ долинамъ, орошаемымъ Арно и Тибромъ, до самыхъ улыбающихся береговъ Тирренскаго моря.

ГАЛЛЬСКОЕ НАШЕСТВІЕ.

Родина и передвиженіе галловъ. То были кельты или галлы, полчища которыхъ, дикія, воинственныя и жадныя до добычи, давно уже—приблизительно съ 450 г. до Р. Хр.—пробили себѣ путь черезъ Альпійскіе льды и затруднительные горные переходы, чтобъ утопать потомъ въ заманчивомъ изобиліи юга. Кельты были вѣтвью великой индогерманской (индоевропейской) семьи народовъ. И они также сухимъ путемъ изъ центральной Азіи, и притомъ вслѣдъ за прародителями

грековъ и италиковъ переселились въ Европу и сперва заняли всю необъятную лѣсистую сторону между сѣверными склонами Альпъ и Нѣмецкимъ моремъ, а затѣмъ, оставивъ на югѣ и на западѣ Германіи рѣдкое населеніе, направились чрезъ Рейнъ на западъ, пока Атлантическій океанъ не поставилъ предѣловъ ихъ западному движенію. Оттуда отдѣльныя полчища переправились черезъ каналъ и поселились въ Британіи и Ирландіи, другія смѣшались по ту сторону Пиринеевъ съ иберскими племенами Испаніи. Главной же областью ихъ долгое время оставалась страна отъ Рейна до океана, для которой и установилось въ частности названіе Галліи, т.-е. кельтской земли. Долгое время гнѣздились они тамъ, питаясь скуднымъ земледѣліемъ и главнымъ образомъ скотоводствомъ, среди постоянныхъ усобицъ, пока свойственный имъ безпокойный духъ, избытокъ народонаселенія или туземныя бѣдствія не пробуждали вновь ихъ жажды странствованій. Тогда въ разныя времена они съ женами и дѣтьми направлялись на востокъ, какъ бы желая отыскать опять свою древнюю родину. Они шли черезъ Рейнъ, черезъ негостепріимныя мѣстности Геркинскаго лѣса и далѣе вдоль Дуная въ Панноніо до самой Македоніи и Греціи и даже, переходя чрезъ Босфоръ, въ Малую Азію, гдѣ они въ области „Галатіи“ нашли мѣста для поселеній. Другія безчисленныя полчища перешли черезъ Альпы и нахлынули на благоустроенныя мѣстности Верхней Италіи, гдѣ ближайшимъ образомъ подпали ихъ власти этруски и умбры (см. стр. 167). Племя инсубровъ черезъ Юліевъ проходъ пришло въ область По и основало Медіоланъ (Миланъ). Цеоманы заняли мѣстность Бриксіи (Брешіи) и Вероны, бои и лингоны перешли чрезъ По, взяли приступомъ городъ этрусковъ Фельсину, названный по ихъ имени Бононіей (Болонья) и отогнали также умбровъ съ юга равнины рѣки По въ горы. Наконецъ прибыли сеноны и завоевали насчетъ умбровъ береговую полосу отъ устья Утиса до Эзиса, отъ Равенны до Анконы. Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ вся равнина рѣки По досталась въ добычу кельтамъ и съ тѣхъ поръ и называлась Галліей (Gallia cisalpina). Сосѣдство этихъ безпокойныхъ племенъ еще задолго до завоеванія Вей было, особенно для тосканскихъ этрусковъ, а также и для всѣхъ прочихъ италійскихъ народовъ грозной опасностью, противъ которой Апеннины не представляли достаточно прочной защиты.

Сказанія о галльскихъ странствованіяхъ. Кельтскіе друиды и пѣвцы знали и разсказывали много страшныхъ сказаній объ этихъ странствованіяхъ, изъ которыхъ Ливій сохранилъ намъ слабый отзвукъ. Онъ сообщаетъ слѣдующее. Въ древнее время среди кельтскихъ племенъ на большомъ пространствѣ господствовали, благодаря уму и военному счастію, битуриги и въ особенности царь ихъ Амбигатъ. Подъ его владычествомъ Галлія была богата плодами и людьми. Но вотъ, когда онъ состарился и не могъ болѣе крѣпкой рукой сдерживать безчисленной массы, онъ пожелалъ отвести тягостный излишекъ въ другія страны. Такимъ образомъ онъ предложилъ: кто желаетъ себѣ лучшихъ поселеній, тотъ пусть подъ начальствомъ его храбрыхъ племянниковъ, Белловеза и Сиговеза, по волѣ боговъ отправится въ странствованіе. Стали стекаться тогда массы жаждущаго приключеній и славы люда, и его стало такъ много, что никакая страна не была въ состояніи прокормить его. Вопросили боговъ. Они указали Сиговезу на Геркинскія лѣсистыя горы въ восточномъ направленіи, Белловезу на путь въ мягкую Италію. Но войско послѣдняго вскорѣ безпомощно остановилось у стѣны Альпійскихъ горъ, чрезъ которую, повидимому, нельзя было перейти. Тогда вождь его узналъ, что толпа чужеземцевъ изъ греческой Фокеи въ Азіи высадилась на южномъ берегу, чтобъ устроить себѣ тамъ новыя жилища, но что ихъ жестоко тѣснятъ окрестные салліи. Онъ отправился къ нимъ на поддержку и помогъ имъ основать поселеніе Массилію (Марсель). За это боги ему открыли путь черезъ Альпійскіе переходы. По ту сторону горъ онъ разбилъ этрусковъ и занялъ окрестную страну, которая съ тѣхъ поръ стала называться инсубрской Галліей. Счастье этихъ авантюристовъ привлекло за ними и другія полчища. Пришли ценоманы, поселившіеся вокругъ Бриксіи и Вероны, затѣмъ боіи, которые, перешедши за Падъ (По), завладѣли этрусскими городами равнины къ югу отъ По, и Гатріей или Адріей, расположенной еще по сю сторону рѣки. Непрошенные гости не пытались еще проникнуть черезъ дикія мѣстности Апеннинъ въ собственно этрусскую страну. Но вотъ, какъ повѣствуетъ преданіе, случилось, что въ Клузіѣ, нѣкогда могущественной резиденціи Порсены, гражданинъ Арунтъ



Планъ этрусскаго храма.

былъ жестоко обиженъ своимъ питомцемъ. Онъ, въ качествѣ опекуна, честно управлялъ его имѣніями; но юноша, бывшій лукумономъ, т.-е. членомъ правящей знати, нанесъ оскорбленіе женѣ опекуна, а оскорбленный мужъ не могъ добиться суда надъ похитителемъ его чести. Тогда онъ, ослѣпленный жаждой мщенія, рѣшилъ погубить всѣхъ тѣхъ, кто отказывалъ ему въ правосудіи, хотя бы при этомъ и пришлось погибнуть и самому родному городу. Онъ нагрузилъ вьючныхъ животныхъ прелестными плодами страны, преимущественно мѣхами со сладкимъ виномъ, и, подъ видомъ торговца, погоняя предъ собой животныхъ, пошелъ знакомой дорогой по горамъ, долинамъ и равнинамъ, пока не прибылъ въ собственно кельтскую страну. Онъ отважился вступить въ область дикихъ сеноновъ и пришелъ въ самый лагерь ихъ племенного вождя, котораго звали Бренномъ, т.-е. царемъ войска. Тамъ онъ предложилъ свое вино и плоды и разсказалъ о странѣ, которая производитъ ихъ въ изобиліи, и о богатыхъ городахъ и ихъ невоинственныхъ жителяхъ, которые легко стали бы добычей храбрецовъ. Хотя царь и его свита уже раньше пробовали огненный напитокъ юга, такъ какъ торговцы ради прибыли умѣютъ находить дорогу чрезъ самыя негостепріимныя мѣстности; но крѣпкое вино Арунта и прочія его подношенія показались воинамъ далеко лучшими. Они пировали, пока не одолѣли ихъ сонъ и опьяненіе; утромъ же войсковой царь созвалъ ратныхъ людей племени. И вотъ они собрались, большія, воинственныя фигуры съ длинными, взъерошенными волосами, съ могучими усами, въ пестрыхъ одѣяніяхъ, съ широкими золотыми ожерельями на шеѣ и на рукахъ, и съ золотыми украшеніями на большихъ, но тонкихъ деревянныхъ щитахъ, на метательныхъ копьяхъ и на длинныхъ мечахъ. Такъ стояли они вокругъ царя, который разсказывалъ имъ дивную вѣсть о странѣ на югѣ и объ ея богатствахъ. И какъ онъ въ знакъ своего рѣшенія ударилъ о свой щитъ, такъ поступили и всѣ они. Вскорѣ выступили всѣ, кто сколько-нибудь чувствовалъ себя въ силахъ, громадный отрядъ войска съ женами и дѣтьми, со скотомъ и движимымъ имуществомъ. Ибо древніе кельты, подобно своимъ потомкамъ, всегда были жадны до новшествъ и приключеній, были легкомысленнаго, непостояннаго нрава, расположены къ дракамъ и сраженіямъ, тщеславились по отношенію къ военной славѣ, золотымъ украшеніямъ и разноцвѣтной одеждѣ. Среди нихъ вмѣ-

нялось въ честьго ворить много и ловко, но они мало заботились о созданіичего-либо прочнаго, объ установленіи гражданскихъ порядковъ.

Подъ руководствомъ знавшаго дороги этруска, дикая орда перебралась чрезъ Альпы; она направилась по плодоноснымъ равнинамъ у южнаго ихъ склона, гдѣ входила то въ дружеское, то во враждебное соприкосновеніе съ единоплеменниками. Наконецъ, она взяла себѣ мѣста для поселенія на Адріатическомъ морѣ вплоть до самой Анконы и даже за нею. Затѣмъ ратная молодежь съ Бренномъ прошла черезъ долины Апенниновъ, чтобы завладѣть обѣщанной Арунтомъ страной.

ГАЛЛЫ.
Группа взятая изъ барельефа, найденнаго въ Римѣ и украшавшаго саркофагъ.

Вторженіе галловъ въ Этрурію. Открытыя села, деревни и дворы были разграблены или сожжены; страшная орда, съ которою испуганные этруски не отваживались встрѣтиться въ открытомъ полѣ, расположилась, наконецъ, на плодоносныхъ поляхъ Клузія и осадила городъ. Граждане тщетно призывали на помощь союзъ двѣнадцати городовъ. Союзъ этотъ былъ связанъ слабо, не имѣлъ главы, этрусскія силы на Падѣ были уничтожены галлами, силы въ Кампаніи—самнитами; Веи были опустошены римскимъ оружіемъ, богатые приморскіе города—сицилійскими эллинами (см. стр. 111). Съ этой стороны нельзя было ждать дѣйствительной помощи.

Тогда клузяне отправили торжественное посольство къ могущественному Риму, которое просило помощи, выставляя на видъ, что и городу на Тибрѣ угрожаетъ опасность, если Клузій падетъ подъ оружіемъ варваровъ. Осмотрительный сенатъ сначала отказался снарядить походъ во враждебную область этрусковъ и въ такую даль. Зато онъ согласился, чтобы посольство изъ трехъ

знатныхъ мужей изъ рода Фабіевъ сопровождало клузійскихъ пословъ въ кельтскій лагерь. Вѣроятно, пожелали развѣдать способъ веденія войны варварами. Бреннъ, хорошо знакомый съ военными обычаями, принялъ чужеземцевъ со всѣми почестями во главѣ своихъ гордыхъ, нарядныхъ вождей. На ихъ разспросы онъ далъ отвѣтъ, что-дескать у клузянъ земли слишкомъ много, а у галловъ слишкомъ мало; поэтому справедливо подѣлиться. Когда римскіе послы спросили далѣе, на какомъ правѣ галлы основываютъ такія требованія, они получили отъ нихъ дерзкій отвѣтъ, что право ихъ покоится на ихъ оружіи; храброму-де принадлежитъ міръ. Отъ такихъ рѣчей съ обѣихъ сторонъ загорѣлся гнѣвъ. Римскіе делегаты присоединились къ клузянамъ и, во время одной вылазки, сражались въ первыхъ рядахъ. Квинтъ Фабій встрѣтился съ дерзко подскакавшимъ кельтскимъ вождемъ, вонзилъ ему копье въ бокъ и отнялъ у него оружіе. Это и по обычаямъ варваровъ было нарушеніемъ международнаго права. Бреннъ велѣлъ прервать бой и отправилъ нѣсколько знатнѣйшихъ своихъ воиновъ требовать выдачи преступниковъ. Сенатъ, убѣжденный въ справедливости требованія, казался готовымъ послѣдовать предложенію; народъ отказалъ въ своемъ согласіи, ибо онъ не хотѣлъ постыдно предоставить мужей благороднѣйшаго рода мести варваровъ.

Походъ Бренна на Римъ; пораженіе на Алліи (387 г.). Едва Бреннъ услышалъ отрицательный отвѣтъ, какъ приказалъ выступить противъ Рима, и страшная орда—говорили, 100,000 съ лишнимъ ратныхъ мужей—поспѣшно тронулась. Она повалила черезъ низменности Клаиса, не обращая вниманія на окрестные замки и города, перешла черезъ Тиберъ и со стремительной быстротой пошла по его теченію.

Граждане вначалѣ мало тревожились наступленіемъ варваровъ. Трое Фабіевъ, которые были избраны въ трибуны съ консульской властью, презрительно отзывались о безпорядочной массѣ и ея способѣ сражаться. Призвали союзниковъ, былъ назначенъ смотръ. Но когда вѣстникъ за вѣстникомъ стали разсказывать о неудержимомъ наступленіи этихъ, никогда невиданныхъ, враговъ, тогда вспомнили о знаменіяхъ боговъ, тогда отцовъ и общину охватили боязливыя предчувствія.

Поспѣшно собрано было войско; оно выступило подъ главнымъ

начальствомъ трибуна съ консульской властью Сульпиція и, какъ кажется, расположилось лагеремъ въ Веяхъ или около нихъ. Вскорѣ узнали о движеніи кельтовъ по лѣвому берегу Тибра. Переправились черезъ рѣку; хотѣли отыскать себѣ благопріятную позицію, но уже явились бѣглые земляки, сообщая о дикомъ видѣ и несмѣтномъ множествѣ варваровъ; уже стали слышны шумъ и вой наступающаго войска; уже показались на горизонтѣ знамена и блестящее оружіе. Теперь не было болѣе времени разбить лагерь, устроить валъ и ровъ. Поспѣшно легіоны выстроились въ бой; было 18 іюля 387 г. до Р. Хр. Передъ ними была незначительная рѣчка Аллія, лѣвый флангъ упирался въ Тибръ и сталъ на ровномъ полѣ, правый имѣлъ болѣе благопріятную позицію на холмахъ и волнистой почвѣ. Все войско, силою приблизительно въ 40,000 человѣкъ, было выстроено тонкими, далеко вытянувшимися линіями, такъ какъ опасались обхода со стороны непріятельскихъ полчищъ, далеко превосходившихъ его численностью.

Бреннъ выстроилъ свои полчища не безъ искусства. Самъ онъ со своей свитой и отборными воинами предоставилъ себѣ нападеніе на правое крыло римлянъ, послѣ пораженія котораго онъ думалъ схватить непріятеля во флангѣ и съ тыла, если бы тотъ оказался непоколебимымъ съ фронта. Земля задрожала отъ топота приближающихся людей и коней; поднялись бранные клики, вой варваровъ, звуки роговъ, звонъ и стукъ оружія наполнили воздухъ, метательныя копья въ безчисленномъ множествѣ засвистали по воздуху, вонзаясь въ доспѣхи и, гдѣ были непокрытыя мѣста, въ тѣло; вотъ засверкали длинные кельтскіе мечи и грянули по шлемамъ и щитамъ римлянъ. Тѣсно сомкнутыми массами варварскія силы навалились на фалангу легіоновъ, которые, смущенные шумомъ, видомъ дикихъ лицъ, непривычнымъ способомъ сражаться, потеряли мужество и силу. Впервые тутъ римляне испытали на себѣ страшную тактику удара, свойственную клинообразно построеннымъ отрядамъ сѣверныхъ варваровъ, какъ кельтовъ, такъ и германцевъ. Въ одно мгновеніе римскій строй былъ прорванъ, смятъ, обойденъ и атакованъ съ тылу. Всадники и пѣхотинцы въ безпорядочномъ бѣгствѣ посыпали къ Тибру. За ними и посреди нихъ устремлялись туда опьяненные побѣдою варвары; мечи ихъ безпощадно поражали бѣглецовъ, отъ ихъ метательныхъ копій пало еще много тысячъ людей, пытавшихся спастись вплавь.

Кому удалось достигнуть другого берега, тотъ бѣжалъ въ Вен, гдѣ крѣпкія обводныя стѣны доставляли защиту. Отъ побѣжденнаго праваго крыла, нѣсколько кучъ укрылись въ ближайшемъ лѣсу. Онѣ-то окольными путями добрались до Рима и принесли туда вѣсть о пораженіи при Алліи.

По одержаніи побѣды, галлы расположились на кровавомъ полѣ брани среди мертвыхъ и умирающихъ. Они подѣлили богатую добычу и кучами нагромоздили доспѣхи убитыхъ; до поздней ночи славили они свои подвиги, распѣвали побѣдныя пѣсни, пировали и бражничали. Пиршества, разнузданное веселье продолжались и на другой день и слѣдующей ночью; шайки всадниковъ грабили окрестности и подъѣзжали подъ самыя стѣны Рима, гдѣ они не замѣтили никакихъ оборонительныхъ сооруженій.

Бреннъ въ Римѣ. Въ городѣ ужасъ вслѣдствіе неслыханнаго пораженія былъ такъ великъ, что въ первое мгновеніе было потеряно всякое присутствіе духа. Спрашивали о подробностяхъ, объ участи отцовъ, сыновей, друзей; граждане, женщины въ безпорядкѣ бѣгали по городу; громкіе вопли наполняли дома богатыхъ и бѣдняковъ. Такъ прошла первая ночь послѣ несчастія. Утромъ собрались сенаторы. Они первые отважились взглянуть въ глаза опасности, съ мужественной рѣшимостью посовѣтоваться, въ виду ужасовъ неотвратимо угрожающаго разоренія, о томъ, что возможно, что могло бы спасти если не родной городъ отъ гибели, то римское имя отъ безчестія. Такъ какъ обширныхъ стѣнъ нельзя было защитить, то сенатъ постановилъ, чтобы оставшаяся еще ратная молодежь, обильно снабженная оружіемъ и съѣстными припасами, заняла Капитолій, чтобы жреческія коллегіи отнесли святыни въ безопасное мѣсто и заботились о безпрерывномъ служеніи богамъ, чтобы наконецъ остальная толпа, заботясь о своемъ спасеніи, искала себѣ пріюта и защиты въ сосѣднихъ городахъ. Противъ этихъ постановленій нигдѣ не поднялось возраженія. Естественное побужденіе спасти отъ близкой гибели себя и все, что человѣку дорого, охватило всѣхъ гражданъ. Плача, они съ женами, дѣтьми и движимымъ имуществомъ потянулись чрезъ Тиберъ и Янікулъ, другіе же къ морю или въ страну вольсковъ. Жрецы спрятали часть святынь подъ землей; все, что они могли унести или увезти инымъ путемъ, они взяли съ собой. Многіе отправились въ этрусскій городъ Цере, такъ, напр., ве-

сталки, которыя съ трудомъ унесли изображеніе богини и утварь съ ея очага. Подымаясь на Яникулъ, онѣ встрѣтились съ Луціемъ Альбиніемъ, благочестивымъ плебеемъ, везшимъ съ собою на собственной телѣгѣ свою семью. Онъ велѣлъ своимъ роднымъ сойти съ коляски и пригласилъ туда священныхъ дѣвъ съ ихъ ношею. На Капитолій пошло около тысячи ратныхъ мужей, среди нихъ всѣ младшіе сенаторы; кажется также, что было принято нѣсколько женщинъ, но только такія, которыя были годны и необходимы для доставки съѣстныхъ припасовъ. Восемдесять жрецовъ и престарѣлыхъ сенаторовъ проводили воиновъ до подошвы холма, увѣщевая ихъ быть до послѣдней минуты достойными римскаго имени; затѣмъ они вернулись на Форумъ. Здѣсь они были посвящены смерти верховнымъ жрецомъ; ибо они не хотѣли пережить гибели родного города; но они надѣялись, что, быть-можетъ, подземные боги, умилостивленные ихъ смертью, уготовятъ варварамъ также погибель.

Смерть бывшаго консула Марка Папирія. Наступилъ третій день послѣ битвы; кельты стали подходить, не со стремительной быстротой, не съ громкими военными кликами, но осторожно, опасаясь засады. Ихъ повозки, запряженныя крѣпкими буйволами, съ добычей и трофеями слѣдовали за необозримымъ войскомъ. На неровной дорогѣ, въ тѣснотѣ массъ, падали люди и животныя; но войсковой царь упрямо стоялъ на своей боевой колесницѣ; онъ надѣялся на новую побѣду и новую добычу. Такъ кельты дошли до воротъ Рима, которые были безъ защитниковъ. Онѣ выламываются топорами, варвары вступаютъ на улицы; но тамъ они не видятъ ни гражданъ, ни вопящихъ женщинъ, ни любопытныхъ дѣтей; ни голоса, ни звука человѣческаго не слышно; городъ кажется пустыней, подобно болотнымъ пустошамъ въ ихъ отечествѣ. Дома, достоуважаемые храмы частью заперты, частью открыты настежь, на очагѣ не горитъ гостепріимный огонь, на жертвенникахъ рука жрецовъ не приноситъ богамъ куреній и жертвъ. Какъ будто здѣсь установилась тишина смерти. Дикіе воины не могутъ преодолѣть какого-то страшнаго чувства. Медленно они подвигаются впередъ до самаго Форума. Тамъ сидятъ престарѣлые отцы города въ роскошныхъ одѣяніяхъ, соотвѣтственно ихъ достоинству, на своихъ курульныхъ креслахъ, съ жезлами изъ слоновой кости въ рукахъ, но молча и недвижно,

какъ весь остальной городъ, а наверху на Капитоліѣ стоятъ готовые къ бою, вооруженные люди, чтобы въ вѣрности охранять цитадель и святилище. Кельты, думавшіе вначалѣ, что неподвижные старцы—статуи, скоро замѣчаютъ свое заблужденіе. Одинъ изъ нихъ беретъ бывшаго консула Марка Папирія за его бѣлую бороду; когда же онъ за это получилъ крѣпкій ударъ, онъ пускаетъ въ ходъ свой мечъ, и жрецы и сенаторы безъ пощады убиваются. Затѣмъ полчища варваровъ съ громкимъ шумомъ разсѣиваются по всему городу.

Борьба за Капитолій. На высокой скалѣ цитадели день и ночь стоятъ подъ оружіемъ послѣдніе бойцы Рима, лишенные всякой помощи, одинокіе, обуреваемые варварскими ордами, подобно мореку въ утломъ суднѣ на бурныхъ волнахъ океана. Противъ нихъ галлы собираются густыми кучами и лѣзутъ на крутую высоту. Неся предъ собой большіе щиты, махая могучими боевыми мечами, они карабкаются наверхъ со всѣхъ сторонъ, гдѣ только не слишкомъ отвѣсна каменная стѣна, гдѣ нога можетъ упереться въ скважины и трещины. Они находятъ мужественное сопротивленіе. Ихъ встрѣчаютъ стрѣлами, копьями и мечами, многихъ убиваютъ, другихъ сбрасываютъ внизъ, такъ что со склоновъ стекаетъ кровь ихъ. Щиты ихъ были, правда, громадныхъ размѣровъ, но тонки и слабы и легко пробивались оружіемъ, которымъ римляне управляли съ мужествомъ отчаянія. Они отважились на одинъ приступъ за другимъ, они устремлялись наверхъ съ крайней силою, со смѣлымъ презрѣніемъ къ смерти; ихъ боевые клики, оглушительные звуки ихъ роговъ раздавались вокругъ крѣпости: но всѣ ужасы дикой борьбы не могли потрясти храбрости защитниковъ. Отраженіе многократныхъ нападеній, видъ ихъ потерь побудилъ, наконецъ, галловъ отказаться отъ своего намѣренія. Они расположились на пепелищахъ и въ уцѣлѣвшихъ еще домахъ. Они рѣшили голодомъ сломить упрямое мужество запертаго гарнизона и принудить его къ сдачѣ, утоная съ своей стороны въ обиліи добычи. Вначалѣ имъ довольно было найденныхъ въ городѣ запасовъ; потомъ орды ихъ дѣлали набѣги на область латинянъ, герниковъ и вольсковъ, гдѣ не только отдѣльные дворы и селенія, но и города были опустошены огнемъ и мечемъ. Кажется, они совершенно уничтожили нѣсколько городовъ, ибо имена ихъ съ этого времени не попадаются болѣе въ

исторіи. Однако не всегда эти шайки поджигателей возвращались съ своихъ разбойническихъ набѣговъ цѣлыми и невредимыми. Такъ, однажды многочисленная орда ворвалась, грабя страну, въ область Арден, гдѣ жилъ храбрый Камиллъ, полный негодованія на бѣду родного города. Послѣдній собралъ испуганныхъ рутуловъ, показалъ, какъ можно легко побѣдить недисциплинированныя галльскія шайки и во главѣ ихъ напалъ на варваровъ, которые безъ лагернаго вала, безъ сторожевыхъ постовъ, сонные и пьяные, предавались покою. Пораженіе галловъ было полное. Тѣ, кто пытался спастись бѣгствомъ, попали въ руки антійцевъ, которые, не менѣе раздраженные, чѣмъ ардейцы, перебили разсѣянныхъ разбойниковъ.

Несокрушенное мужество римлянъ доказывается, далѣе, однимъ происшествіемъ, граничащимъ почти съ чудомъ. Одинъ мужъ изъ рода Фабіевъ не хотѣлъ, чтобы не состоялось одно, издревле обычное въ его домѣ, жертвоприношеніе на Квириналѣ. Поэтому онъ съ закутанной головой, со священной утварью въ рукахъ, безстрашно прошелъ сквозь толпы галловъ къ названному холму, совершилъ торжественное священнодѣйствіе и вернулся той же дорогой, причемъ враги, преисполненные религіознаго страха, не рѣшились его задержать.—Цѣлыми мѣсяцами длилась уже осада Капитолія. Хотя большая часть кельтскаго войска, мучимая скукою, а часто и голодомъ, такъ какъ мѣстность была совсѣмъ разграблена, отправилась дальше до самой Апуліи, войсковой царь все еще оставался при своемъ намѣреніи взять крѣпость. Но въ жаркое лѣто и особенно осенью къ прочимъ бѣдствіямъ присоединились смертельныя заразныя болѣзни въ войскѣ осаждающихъ. Трупы приходилось сожигать цѣлыми кучами, и мѣсто, гдѣ произошло это, еще въ позднѣйшее время называлось галльскимъ костромъ. Но, несмотря на всѣ бѣдствія, упрямый Бреннъ оставался въ лагерѣ; онъ надѣялся со дня на день, что нужда отдастъ, наконецъ, въ его руки крѣпость вмѣстѣ съ предполагаемыми въ ней сокровищами. И дѣйствительно, нужда уже давала себя чувствовать гарнизону. Но вотъ, неожиданно для всѣхъ, пришла радостная вѣсть. Отважный юноша, Понтій Коминій, отправленный изъ Вей, приплылъ внизъ по Тибру, ночью взошелъ на Капитолійскую скалу въ самомъ крутомъ мѣстѣ и предсталъ предъ собравшимися сенаторами. Онъ принесъ извѣстіе объ одержанныхъ

успѣхахъ, о скопленіи крупнаго войска въ Веяхъ, гдѣ появлялось все болѣе и болѣе убѣжавшихъ римлянъ и латинянъ, наконецъ о желаніи ратныхъ дружинъ, чтобы Камиллъ былъ назначенъ диктаторомъ. Желаніе это тотчасъ было исполнено; Коминій вернулся тою же дорогой, которая привела его на Капитолій, между тѣмъ какъ радостныя надежды на выручку ободрили запертыхъ римлянъ, но также сдѣлали ихъ и болѣе безпечными. Уже въ слѣдующую ночь ихъ пробудилъ отъ ихъ безпечности шумъ оружія и военный крикъ. Галльскіе лазутчики замѣтили слѣды отъ ногъ вейскаго посланца. И вотъ смѣлые люди, перешедшіе черезъ Альпы, дерзнули также вскарабкаться тамъ, гдѣ вообще могла упереться нога человѣческая. Тихо и тайкомъ подготовили они предпріятіе; тихо да тайкомъ они его выполнили. Они, подобно сернамъ, поддерживая одинъ другого, взлѣзли на крутую скалу. Сторожа спали, даже собаки не залаяли; только посвященные Юпонѣ гуси, имѣвшіе какъ разъ въ этомъ мѣстѣ свою гусятню, крикомъ и шумомъ крыльевъ выразили свое удивленіе по поводу нежеланныхъ нарушителей ихъ спокойствія. Отъ этого проснулся храбрый бывшій консулъ Маркъ Манлій, прозванный впослѣдствіи Капитолійскимъ за свой спасительный подвигъ. Схвативъ свое оружіе, онъ поспѣшилъ на угрожаемое мѣсто, гдѣ глухой шорохъ и шопотъ голосовъ выдавали опасность. Только-что исполинскій кельтъ всходилъ на брустверъ, Манлій сбросилъ его головою внизъ въ пропасть, мечомъ поразилъ напирающихъ вслѣдъ за нимъ враговъ, призвалъ караульныхъ, и вскорѣ со всѣхъ сторонъ сбѣжались вооруженные. Капитолій былъ спасенъ, спасены святыни, римское имя. Между тѣмъ изъ Вей въ Ардею и обратно тихонько пробирались вѣстники; но вооруженія замедлились; ибо Камиллъ не хотѣлъ итти на выручку съ недостаточными силами, такъ какъ кельты все еще были многочисленны, а ихъ способъ сражаться въ открытомъ полѣ былъ страшенъ для римлянъ. Запертый на Капитоліѣ гарнизонъ, отрѣзанный отъ всякихъ сношеній, ничего объ этомъ не зналъ. Онъ тоскливо глядѣлъ со своего замка вдаль, дожидаясь помощи, но нигдѣ не показывались значки или оружіе приближающихся легіоновъ.

Диктатура Камилла. Еще болѣе возросла тревога вѣрныхъ стражей, когда къ нимъ подступило бѣдствіе, демонъ, который парализуетъ силы и отнимаетъ мужество, противъ котораго нѣтъ

помощи ни въ мечѣ, ни въ вооруженіяхъ. То былъ голодъ съ его послѣдствіями: истощеніемъ, отчаяніемъ и мучительной смертью. Старались скрывать нужду, бросая внизъ цѣлые хлѣбы; однако блѣдныя, поблеклыя лица показывали ложность показываемаго избытка. Тогда—было это на седьмомъ мѣсяцѣ осады—и галлы выказали себя достаточно готовыми вступить въ переговоры о сносномъ договорѣ.

Отъ нужды и болѣзней порѣдѣли ихъ ряды, венеты вторглись въ ихъ италійскія владѣнія; поэтому Бреннъ желалъ бы удалиться съ честью. Онъ потребовалъ 1000 фунтовъ золота и на этихъ условіяхъ, такъ какъ гарнизонъ не сдѣлалъ возраженія, заключилъ договоръ.

Квинтъ Сульпицій, вѣроятно трибунъ, командовавшій на Алліи, съ назначеннымъ выкупомъ пришелъ къ Бренну, который гордо дожидался его посреди своихъ вождей. Золото было найдено слишкомъ легкимъ, ибо кельтъ пользовался невѣрными вѣсами и невѣрнымъ разновѣсомъ. Когда римлянинъ выразилъ на это неудовольствіе, войсковой царь бросилъ на вѣсы еще мечъ свой, восклицая „горе побѣжденнымъ! (Vae victis!)“. Недостающее золото пришлось собрать, и матроны на Капитоліѣ охотно отдали свои украшенія. Но прежде чѣмъ варвары успѣли удалиться съ добычей, явился съ войскомъ, такъ разсказываетъ прикрашивающее преданіе, спаситель и мститель Камиллъ и опрокинулъ вѣсы со словами: „Римляне платятъ желѣзомъ, а не золотомъ“. Послѣ этого загорѣлся бой. Кельты должны были очистить городъ, оставивъ выкупъ и другую добычу. Во второмъ сраженіи на Габинской дорогѣ на нихъ снова напалъ преслѣдовавшій ихъ диктаторъ и побилъ ихъ до полнаго уничтоженія.

Уходъ галловъ. По уходѣ варваровъ, сенатъ и община собрались на развалинахъ родного города. Видъ его былъ плачевный: мусоръ, кучи пепла, разрушенныя жилища, взломанные храмы, обломки статуй, всюду ужасъ опустошенія. Тогда народные трибуны снова съ удвоенной силой подняли свой усердствующій голосъ за переселеніе въ благоустроенные и сильно укрѣпленные Вей, и народное собраніе почти единодушно согласилось съ ними. Но противъ этого со всею силою рѣчи возсталъ Камиллъ, имѣвшій еще въ рукахъ диктаторскую власть. Онъ напомнилъ о богахъ, приславшихъ чудесное спасеніе, объ очагѣ города, о всѣхъ

священныхъ обрядахъ, которые можно было совершать только здѣсь. У Ливія онъ заканчиваетъ свою рѣчь слѣдующими воспламеняющими словами: „Здѣсь Капитолій, гдѣ нѣкогда нашли человѣческую голову и получили изреченіе, что это мѣсто будетъ главою міра и сѣдалищемъ мірового владычества; здѣсь богиня юности и богъ границъ, когда по приговору авгуровъ хотѣли сдѣлать мѣсто храму Юпитера, на радость отцовъ вашихъ не дали себя сдвинуть съ мѣста; здѣсь священный огонь Весты и священные щиты, свалившіеся съ неба, здѣсь всѣ боги милостивы къ вамъ, если вы останетесь“. Но и рѣчь не рѣшила еще дѣла, а рѣшило его, согласно съ обычаемъ римлянъ, знаменіе, посланное самими богами. Именно, когда вскорѣ послѣ этого въ зданіи совѣта Камиллъ говорилъ предъ сенаторами о томъ же предметѣ и по площади проходили какъ разъ возвращавшіеся со сторожевыхъ постовъ солдаты—Римъ былъ еще на военномъ положеніи,—начальникъ ихъ громкимъ голосомъ, такъ что это было слышно въ сенатѣ, крикнулъ: „Здѣсь, знаменщикъ, водрузи знамя, здѣсь намъ остаться лучше всего“. При этомъ восклицаніи сенаторы выскочили изъ куріи и единогласно стали кричать: „Это мы принимаемъ за знаменіе боговъ“, и когда народъ въ любопытствѣ сбѣжался, лозунгъ этотъ, переходя изъ устъ въ уста, перемѣнилъ настроеніе гражданъ, такъ что на рѣшающихъ трибныхъ комиціяхъ было положено оставаться въ Римѣ. Такимъ образомъ, Камиллъ совѣтомъ и дѣломъ явился вторымъ основателемъ Рима. Возстановленіе города происходило съ большимъ усердіемъ, такъ какъ государство доставляло столько матеріала, сколько было возможно. Каждый строилъ, гдѣ и какъ могъ, такъ что городъ поднялся, правда, новымъ, но еще неправильнѣе прежняго на родной священной землѣ.

М. МАНЛІЙ КАПИТОЛИНЪ.

Римъ по уходѣ галловъ. Какъ внезапно поразило семихолмный городъ на Тибрѣ нашествіе галловъ, такъ быстро оно и минуло; и такъ какъ имъ были поражены и сѣверные и южные сосѣди Рима, то какъ въ Лаціумѣ, такъ и въ южной Этруріи могущество римлянъ оставалось неизмѣненнымъ.

Это въ особенности выразилось въ томъ, что римляне уже въ 383 г. до Р. Хр. были въ состояніи устроить въ Этруріи четыре новыхъ трибы (Стеллатинскую, Тромептинскую, Сабатинскую и Арнскую) и въ обезпеченіе границы занять крѣпости Сутрій (383 г.) и Непете (373 г.) колонистами. И Сетія у сѣверовосточной части Понтинскихъ болотъ тогда (382 г.) стала также колоніей. Тѣмъ ужаснѣе было экономическое разореніе, которое оставило послѣ себя вторженіе галловъ. Не только самый городъ лежалъ въ развалинахъ и пеплѣ, но также и сельскія окрестности. Крестьянскіе дворы были сожжены, хозяйственные запасы съѣдены или опустошены, скотъ—зарѣзанъ или угнанъ варварами. Богачъ, располагавшій большимъ землевладѣніемъ и рабами и спасшій все-таки, быть можетъ, и запасъ драгоцѣнныхъ металловъ, былъ въ состояніи подняться изъ этой бѣды сравнительно быстро, но плебея-крестьянина, который и въ обычномъ ходѣ жизни едва находилъ, чѣмъ жить, эта нищета не выпускала изъ рукъ, все болѣе его придавливая. Вѣдь чтобы вновь выстроить домъ свой, чтобы достать необходимѣйшій скотъ и утварь, онъ долженъ былъ надѣлать у богатыхъ долговъ, которые вслѣдствіе сложныхъ процентовъ быстро увеличивались до безконечности; въ концѣ концовъ имѣньишка его не хватало для уплаты долга: тогда вновь вступило въ силу старинное жестокое право nexum, какъ оно въ послѣдній разъ было формулировано законами двѣнадцати таблицъ, и долговыя тюрьмы богачей наполнялись „арестованными“ и „присужденными“, оглашаясь ихъ воплями. Конечно, можно предположить, что продолжительное товарищество по оружію между патриціями и плебеями, между бѣдняками и богатыми смягчающимъ образомъ повліяло и на примѣненіе законовъ о долгахъ. Конечно, не случалось болѣе, чтобы „присужденный“ умерщвлялся или продавался въ рабство; болѣе мягкіе кредиторы принимали вѣроятно „addictus'а“ въ свою кліентелу; тогда онъ, правда, могъ продолжать воздѣлывать свое поле или получалъ кусокъ пашни отъ патрона, но все-таки онъ промѣнивалъ свою гражданскую свободу на положеніе кліента.

Маркъ Манлій Капитолинъ. Среди аристократіи Рима конечно были нѣкоторые люди, которыхъ трогала нужда народная; значительнѣйшимъ изъ нихъ былъ Маркъ Манлій Капитолинъ. Еще юношей онъ взялъ въ добычу пару непріятельскихъ доспѣховъ. Стѣн-

ной вѣнокъ и нѣсколько гражданскихъ вѣнковъ были трофеями его зрѣлыхъ лѣтъ. Передъ галльскимъ походомъ онъ былъ консуломъ. Во время нашествія галловъ онъ своею рѣшимостью спасъ Капитолій. Но послѣ этого ему не удавалось пользоваться соотвѣтствующимъ его заслугамъ почетомъ у его товарищей по сословію: всюду его оттѣснялъ въ сторону Камиллъ, осыпанный почестями, увѣнчанный лаврами. Но чувствуя оказываемое ему самому пренебреженіе, онъ видѣлъ многихъ своихъ товарищей по оружію плебейскаго званія согбенными бременемъ долговъ, истязаемыми немилосердными кредиторами. И вотъ, когда однажды уводили храбраго центуріона связаннаго за долги, Манлій, возмущенный недостойнымъ обхожденіемъ съ товарищемъ по войнѣ, уплатилъ весь его долгъ. При этомъ происшествіи стеклась толпа и соединила съ благодарностью спасеннаго воина хвалу народолюбивому благодѣтелю. Въ восторгѣ отъ этого признанія Манлій продалъ богатѣйшее изъ своихъ наслѣдственныхъ имѣній, давая въ то же время обѣтъ, что, покуда у него останется хоть одинъ ассъ, ни одинъ римлянинъ за долги не будетъ уведенъ въ неволю. Теперь его называли патрономъ общины; ежедневно собирались въ его домѣ на Капитоліѣ; многіе изъ удивленія, другіе, долги которыхъ онъ уплатилъ, изъ благодарности. При такихъ случаяхъ онъ вѣроятно и выражалъ свое неудовольствіе противъ господствующей партіи; онъ утверждалъ, что сенаторы скрываютъ отнятыя у галловъ золотыя сокровища, заставляютъ народъ платить подати и оброкъ выше надлежащаго и растрачиваютъ городскія деньги на собственную пользу. Это вызвало большое раздраженіе народа противъ сената; раздраженіе это Манлій еще раздувалъ, входя съ трибунами въ соглашеніе о законахъ относительно погашенія долговъ и продажи государственной земли для уплаты долговъ плебеевъ. Но такъ какъ сенатъ отвергъ его предложенія, то броженіе грозило разразиться открытымъ возстаніемъ.

Былъ третій годъ послѣ галльскаго пожара. Диктаторъ А. Корнелій Коссъ, только-что побѣдоносно вернувшійся изъ страны вольсковъ, въ этомъ опасномъ положеніи государства воспользовался своею должностною властью. Онъ велѣлъ отвести Манлія въ тюрьму, какъ подозрѣваемаго въ мятежѣ и въ оклеветаніи сенаторовъ. Тогда плебеи толпами расположились вокругъ тем-

ницы своего благодѣтеля-друга. Чтобъ успокоить броженіе, распорядились объ отсылкѣ колоніи въ Сатрикъ. Но незначительность отведенныхъ полей и опасное положеніе этого мѣста вблизи вольсковъ усиливали недовольство. Обвиняли отцовъ въ коварствѣ; громко говорили о томъ, что колонисты, пожалуй, и нарочно преданы ножамъ враговъ. Облегавшія темницу Манлія толпы теперь ни днемъ ни ночью не уходили съ мѣста; они грозили даже насильственнымъ освобожденіемъ друга народа. Такъ какъ сенатъ не рѣшался довести дѣло до крайности, то онъ, наконецъ, выпустилъ Манлія изъ заключенія.

Гордясь этой побѣдой надъ правящими родами, Манлій продолжалъ свои стремленія къ облегченію тягостей народа, стремясь въ то же время съ помощью народа завладѣть единовластіемъ. Въ своемъ домѣ на Капитоліѣ онъ имѣлъ ночныя сходки съ своими многочисленными приверженцами; онъ собралъ будтобы даже запасы оружія. Два народныхъ трибуна обвинили его и пригласили предстать предъ народомъ на Марсово поле. Здѣсь стоялъ онъ покинутый своимъ родомъ, своими собственными братьями, но въ виду спасенной его храброй рукой твердыни. Онъ призывалъ въ свидѣтели сотни своихъ согражданъ, которымъ онъ сохранилъ состояніе и свободу пожертвованіемъ своихъ наслѣдственныхъ имѣній, боевыхъ товарищей, жизнь которыхъ онъ купилъ своею кровью. Онъ разостлалъ тридцать взятыхъ въ бою сполій, сорокъ почетныхъ вѣнковъ, пріобрѣтенныхъ храбрыми подвигами. Затѣмъ онъ указалъ на покрытую рубцами грудь, потомъ на Капитолій, громко молясь, чтобы боги, святилища которыхъ онъ въ грозной опасности вѣрно оберегалъ, не покинули его, хотя бы люди забыли объ его благодѣяніяхъ. Противъ этой рѣчи и призванныхъ свидѣтелей толпа не устояла. Никто не былъ въ состояніи въ виду Капитолія осудить его спасителя. Поэтому не было приступлено ни къ какому голосованію, но судебное рѣшеніе было отложено.

Смерть Манлія (384). Но враги его не унимались; напротивъ, обвиненіе въ государственной измѣнѣ противъ него было возобновлено, и притомъ, какъ кажется, передъ собравшимися куріями, такъ какъ народное собраніе происходило не на Марсовомъ полѣ, а передъ Номентанскими воротами въ Петеліевой рощѣ. Тамъ не было спасенныхъ согражданъ, тамъ восточные холмы города закрывали Капитолій, тамъ не было теплыхъ сердецъ за друга

народа: только нарушенный законъ, только оскорбленное въ своемъ правѣ сословіе судило тутъ и произнесло, вопреки постановленію двѣнадцати таблицъ, смертный приговоръ.

Должно быть, приняли хорошія мѣры, чтобы не поднялось руки ему на помощь, чтобъ община не развязала оковъ героя. Беззащитно преданный ожесточеннымъ врагамъ, онъ былъ низвергнутъ съ Тарпейской скалы или, по другому извѣстію, избиченъ до смерти своими же родичами. По смерти несчастнаго гражданина, домъ его былъ снесенъ и издано постановленіе, чтобы впредь ни одинъ гражданинъ не имѣлъ болѣе жилища на Капитоліѣ.

Такъ приблизительно гласитъ разсказъ Ливія о несчастномъ Манліѣ. Но онъ передаетъ намъ въ томъ видѣ дѣло, въ какомъ говорили патриціи о планахъ своего противника. На дѣлѣ совершенно немыслимо, чтобы Манлій стремился къ тираніи; для этого республиканская форма государства была къ тому времени слишкомъ крѣпко укоренившеюся. И разсказъ о продажѣ вейскаго поля, пожалуй, слѣдуетъ толковать иначе: Манлій получилъ, въ качествѣ своей доли въ добычѣ, столько отъ области Вей, что онъ могъ поселить на немъ 400 кліентовъ, въ качествѣ оброчныхъ крестьянъ: его подвигъ, обратившій на себя вниманіе, состоялъ въ томъ, что онъ въ предѣлахъ своихъ имѣній прекратилъ крѣпостничество, превратилъ, значитъ, эти 400 кліентовъ въ свободныхъ крестьянъ. Этимъ онъ подалъ ненавистный большинству своихъ товарищей по сословію примѣръ и съ той поры,—тѣмъ болѣе что онъ совѣщался и съ трибунами о раздачѣ государственной земли плебеямъ и о смягченіи долгового права,—онъ считался отпавшимъ отъ патриціевъ. Такимъ образомъ его надо считать патриційскимъ предвѣстникомъ двухъ трибуновъ, Лициніи Столона и Секстія Латерана. Паденіе его, конечно, было вызвано не трибунами, но, какъ намекаетъ болѣе правильная форма преданія, старинымъ, противорѣчащимъ закону о провокаціи порядкомъ судопроизводства на судѣ, состоявшемъ только изъ патриціевъ, на которомъ патриційскіе уголовные судьи (duumviri perduellionis) ставили обвиненіе. По обвиненіи его, онъ вѣроятно былъ избиченъ родичами своими до смерти.

ЗАКОНЫ ЛИЦИНІЯ И СЕКСТІЯ.

Положеніе въ Римѣ послѣ смерти Манлія. Великія мысли обыкновенно не умираютъ вмѣстѣ съ ихъ виновниками. И по смерти Манлія, мысль объ освобожденіи римскаго крестьянства отъ кліентскаго ига и долгового рабства продолжала жить и обсуждалась тѣмъ усерднѣе, чѣмъ болѣе возрастала задолженность и связанная съ нею зависимость низшихъ слоевъ народа. Но были недовольны не только низшіе классы плебеевъ, но и знатныя семьи послѣднихъ, та плебейская знать (стр. 159), которая образовалась съ теченіемъ времени рядомъ съ патриційской. Казнь „друга народа“ Манлія снова возбудила самосознаніе и гордость патриціевъ. Они почти совершенно присвоили себѣ опять занятіе высшихъ государственныхъ должностей, такъ что въ слѣдующіе годы среди трибуновъ съ консульской властью появляются почти только патриціи. Кромѣ того, богатые препятствовали избранію цензора, чтобы новая перепись гражданъ не выяснила общей задолженности, и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ бремя податей не было распредѣлено сообразно съ измѣнившимися имущественными отношеніями. Такимъ образомъ, бѣднѣйшіе угнетались въ пользу богатыхъ двойнымъ бременемъ: во-первыхъ, черезъ свои долги, а во-вторыхъ—чрезмѣрно высокой суммой податей. Что несмотря на это въ первые годы послѣ смерти Манлія со стороны плебеевъ не произошло ничего рѣшительнаго для ограниченія этого зла, это отчасти вѣроятно обусловлено было тѣмъ, что многіе изъ обѣднѣвшихъ нашли, по крайней мѣрѣ, пріютъ при основаніи колоній Сутрія (383 г.) и Сетіи (382 г.), а отчасти тѣмъ, что въ самомъ плебсѣ не было согласія: знатныя, породнившіяся съ патриціями, плебейскія фамиліи желали себѣ большаго значенія въ государствѣ и участія въ управленіи, а бѣднымъ эти недостижимыя для нихъ цѣли были безразличны; они желали прежде всего погашенія долговъ и земельной собственности.

Г. Лициній Столонъ и Л. Секстій. Семь лѣтъ спустя послѣ смерти Манлія, среди болѣе знатныхъ плебеевъ возвышались два лица выдающихся качествъ ума и воли: Г. Лициній Столонъ и Л. Секстій. Они съ совершенной ясностью поняли, что свирѣпствовавшая

уже почти полтора столѣтія борьба между старинными родами и стремящимся кверху плебейскимъ сословіемъ лишь тогда могла быть окончена, когда было бы провозглашено полное и неограниченное равенство въ правахъ между патриціями и плебеями основнымъ положеніемъ государства, когда, слѣдовательно, и главная должность, консульство, была бы открыта плебеямъ, и притомъ не только по временамъ, но такъ, чтобы ежегодно одинъ изъ двухъ консуловъ долженъ былъ браться изъ плебса. Такимъ-то образомъ Лицній и Секстій возобновили требованіе, заявленное уже Канулеемъ въ 445 г. до Р. Хр., и были при этомъ представителями знатныхъ плебейскихъ круговъ, честолюбіе которыхъ давно уже поставило себѣ эту цѣль. Мысль, что честолюбіе было преимущественной пружиной дѣйствій обоихъ лицъ, облечена прикрашивающимъ сказаніемъ въ слѣдующую форму.

Маркъ Фабій Амбустъ, человѣкъ старинаго патриційскаго рода и бывшій военный трибунъ, выдалъ одну изъ своихъ дочерей за патриція Сервія Сульпиція, а другую за богатаго плебея Гая Лициція Столона. Жена плебея посѣтила однажды свою сестру и немало испугалась, когда внезапно раздалось двѣнадцать сильныхъ ударовъ въ ворота. То были ликторы, которые своими fasces возвѣщали домочадцамъ о прибытіи хозяина, бывшаго какъ разъ трибуномъ съ консульской властью. Патриціанка улыбнулась на испугъ сестры и прибавила насмѣшливо, что та этимъ выдаетъ низкое званіе, въ которое она вступила чрезъ свой брачный союзъ. Оскорбленная плебейка не могла забыть этой насмѣшки; она не давала покоя ни мужу, ни отцу, упрашивая ихъ изо-дня-въ-день, со всѣми пріемами убѣжденія, доступными женщинѣ, чтобы они доставили и ея дому блескъ курульныхъ почестей. Уступчивый мужъ, любящій отецъ не могли устоять; они обѣщали честолюбивой женщинѣ исполнить ея желанія и сдержали слово, послѣ того какъ Лицній нашелъ въ лицѣ Л. Секстія разсудительнаго и способнаго товарища своихъ плановъ.

Борьба за законы Лициція и Секстія. Въ 377 г. оба они были выбраны на слѣдующій годъ въ народные трибуны. Но они ясно сознавали, что для достиженія своей цѣли они не могли обходиться безъ союза низшихъ слоевъ плебеевъ. Поэтому они предложили не только законъ о будущей формѣ и занятіи высшей государственной должности, но въ то же время и два другихъ закона,

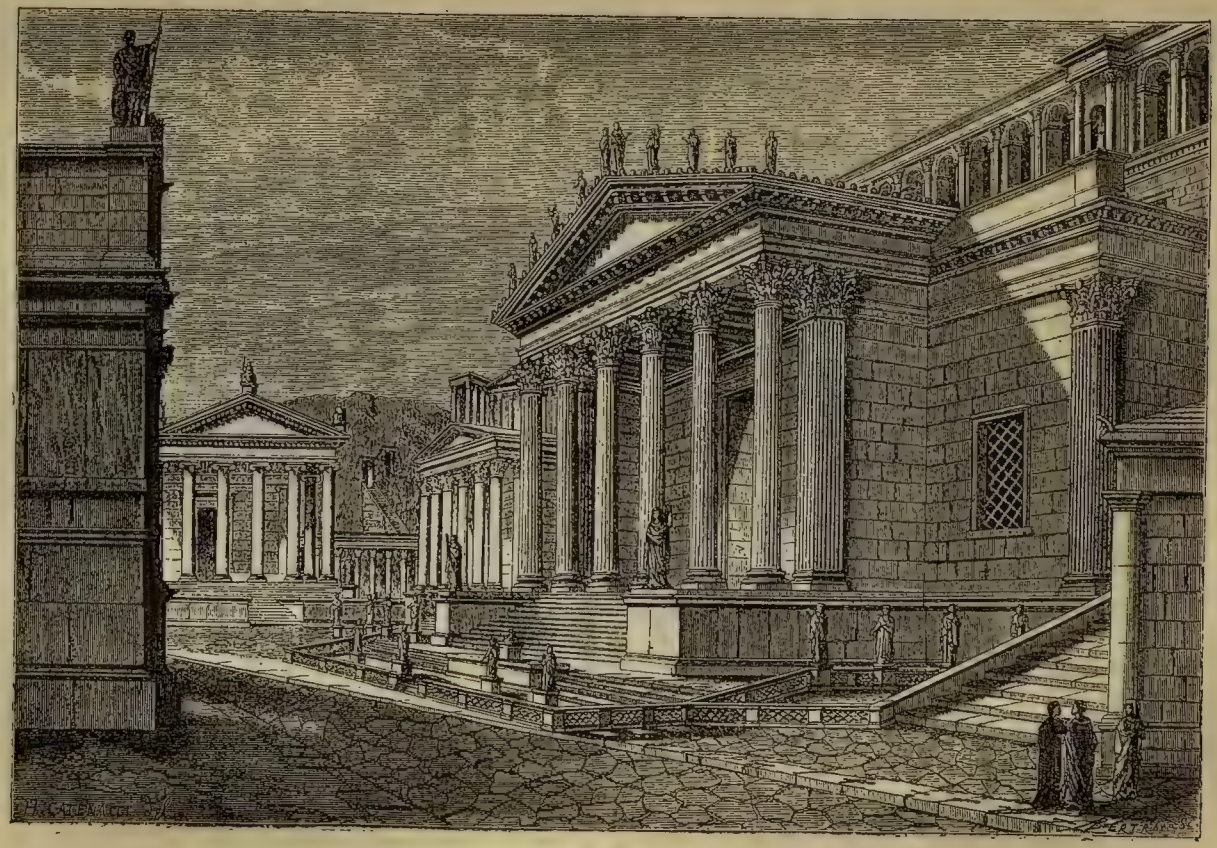
предназначенныхъ заинтересовать и воодушевить этимъ предметомъ простолюдина, именно постановленія о погашеніи долговъ и о раздачѣ земель. Такимъ путемъ они устроили—и это было важнѣйшей ихъ заслугой—союзъ между знатными и простыми плебеями и вызвали не существовавшее уже съ давнихъ поръ единодушіе всего плебейства, достаточно сильное, чтобы мало-по-малу сломить и самое упорное сопротивленіе старыхъ родовъ. Отсюда развилась десятилѣтняя упорная борьба. Прежде всего сенаторы старались разстроить названные законопроекты извѣстнымъ средствомъ трибунской интерцессіи. Дѣло въ томъ, что, когда Лициній и Секстій созвали трибныя комиціи и хотѣли приступить къ голосованію трибъ объ ихъ законахъ, оказалось, что всѣ прочіе трибуны, подкупленные патриціями, заявили свое „veto“ противъ этого намѣренія. Ничего не достигнувъ, Лициній и Секстій распустили народное собраніе. Но они отомстили за себя. Ибо, когда нужно было выбирать трибуновъ съ консульской властью и другихъ магистратовъ на 375 г., они своимъ протестомъ помѣшали этимъ выборамъ. То же самое дѣлали они, такъ какъ народъ все снова избиралъ ихъ трибунами, и въ слѣдующіе годы, такъ что пять лѣтъ подрядъ (375—371 до Р. Хр.) городъ былъ собственно безъ магистратовъ, такъ какъ въ должности были только народные трибуны и эдилы. Лишь въ 370 году, когда вольски стали бродить вплоть до Тускула въ Альбанскихъ горахъ, трибуны допустили избраніе трибуновъ съ консульской властью. Но тѣмъ временемъ они пріобрѣли столько приверженцевъ, что на новомъ собраніи трибныхъ комицій въ 368 г. ни одинъ трибунъ не рѣшился протестовать противъ голосованія. Тогда сенаторы добились назначенія престарѣлаго Фурія Камилла диктаторомъ; послѣдній разогналъ народное собраніе своими ликторами. Однако вскорѣ онъ сложилъ опять диктатуру, не отпугнувъ трибуновъ отъ ихъ стремленій.

Такъ-же мало сдѣлалъ второй диктаторъ П. Манлій. Наоборотъ, трибуны повысили теперь свои притязанія, требуя, чтобы на мѣсто двухъ „завѣдующихъ жертвоприношеніями“ (duumviri sacris faciundis) впредь избирались десять, и притомъ пять изъ плебса. Но еще разъ у нихъ появился противникъ въ собственной же средѣ: на новомъ трибунскомъ собраніи народъ принялъ законъ раздачѣ земли и о долгахъ, но не законъ о консульскихъ

выборахъ. Какое было дѣло толпѣ до государственныхъ должностей, коль скоро она получила поля и могла сбросить съ шеи бремя долговъ! Поэтому въ слѣдующемъ году Лициній и Секстій приняли трибунатъ только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы путемъ голосованія было принято рѣшеніе объ ихъ трехъ законопроектахъ въ совокупности. Тотчасъ-же снова начались смуты партійной борьбы. Угрозы, безпорядки и даже сцены драки были не рѣдки. Но законодатели, неотступно имѣя въ виду свою цѣль, твердой рукой вели свое дѣло сквозь бурныя волненія. Законы, соединенные въ одно предложеніе, были приняты и тотчасъ-же отданы на санкцію курій. Но вмѣсто того, чтобы разрѣшить ихъ, сенаторы еще разъ избрали диктаторомъ старика Камилла, который тотчасъ и назначилъ всеобщій смотръ. Противъ этого возстали граждане. Они собрались вооруженными скопищами, вѣроятно на Авентинѣ; предстояла междоусобная война. Но до этого престарѣлый герой не хотѣлъ допустить дѣла; онъ жаждалъ въ мирѣ отдохнуть отъ своихъ дѣлъ, и потому чрезъ свое посредничество устроилъ соглашеніе между сословіями: знать сдѣлала уступку плебеямъ относительно консульскихъ выборовъ, плебейское сословіе—старымъ родамъ въ томъ, чтобы для судопроизводства въ городѣ избирался преторъ изъ патриціевъ. Въ память этого соглашенія, состоявшагося послѣ столь долгой борьбы, Камиллъ—то было послѣднимъ дѣломъ его жизни—посвятилъ Конкордіи, богинѣ согласія между гражданами, великолѣпный храмъ на западной сторонѣ Форума, у подошвы Капитолія.

Тамъ стоялъ сребровласый государственный мужъ и воинъ, благодаря боговъ за благодатный миръ, который впредь, какъ надѣялся онъ, будетъ источникомъ счастія для родного города, и затѣмъ сложилъ свою должность; два года спустя онъ былъ отозванъ къ своимъ предкамъ Онъ служилъ государству болѣе шестидесяти лѣтъ и еще въ концѣ своей жизни оказалъ ему величайшую услугу, устроивъ ему внутренній миръ.

Содержаніе leges Liciniae Sextiae. Знаменитые законы Лициніи и Секстія, которые, по утвержденіи куріатскими комиціями, вступили въ силу, содержали три постановленія. Изъ нихъ первое гласило: военные трибуны съ консульской властью впредь не должны болѣе избираться, а изъ двухъ консуловъ одинъ всегда долженъ избираться изъ плебса (ne tribunorum



ХРАМЪ СОГЛАСІЯ (Реставрація Канины).

militum comitia fierent, consulumque uti alter ex plebe crearetur). Второе постановленіе гласило: по вычетѣ изъ капитала той суммы, которая уплачена уже процентами, остатокъ безъ процентовъ долженъ быть возвращенъ тремя одинаковыми годовыми взносами (ut deducto eo de capite, quod usuris pernumeratum esset, id quod superesset, triennio aequis portionibus persolveretur). Этотъ законъ не измѣнялъ еще, правда, самого долгового права, но произвелъ основательную перемѣну въ существовавшихъ въ то время долговыхъ отношеніяхъ. Цѣлый рядъ послѣднихъ тотчасъ-же прекратился, въ особенности всѣ старыя долговыя отношенія, при томъ предположеніи, что проценты были цѣликомъ или по крайней мѣрѣ частью уплачены. Ибо кто при обычномъ тогда размѣрѣ процентовъ въ 10—12% вносилъ ихъ въ теченіе 8—10 лѣтъ, тотъ въ самомъ дѣлѣ уплатилъ весь капиталъ въ видѣ процентовъ и теперь не оставался болѣе должнымъ ничего. Но также и тотъ, кто платилъ проценты только въ продолженіе 4 или 5 лѣтъ, видѣлъ теперь сумму долга уменьшенной на половину и могъ погасить ее, безъ дальнѣйшихъ процентовъ, тремя годичными взносами, которые были не многимъ выше суммы долговыхъ процентовъ, платившихся прежде ежегодно. Нельзя отрицать того, что этотъ законъ о погашеніи долговъ, точно такъ же, какъ сисахѳіи Солона въ Аѳинахъ, означалъ сильное вмѣшательство въ имущественныя отношенія состоятельныхъ людей, касавшееся не только ростовщиковъ, но и честныхъ людей съ умѣреннымъ состояніемъ. И это есть хорошее свидѣтельство о чувствѣ общественности у патриціевъ и у другихъ богатыхъ людей въ государствѣ, именно то, что они, утверждая этотъ законъ, въ концѣ-концовъ отказались въ пользу всего общества отъ части своихъ доходовъ. Третій законъ трактовалъ о государственной землѣ (ager publicus). Важнѣйшее постановленіе его гласило: „Никто не долженъ владѣть болѣе, чѣмъ 500 югеровъ государственной земли (ne quis plus quingenta jugera agri possideret“). Но кромѣ того закономъ повелѣвалось, чтобы никто не выгонялъ на общественное пастбище болѣе 100 головъ крупнаго и 500 головъ мелкаго скота, и чтобы крупные землевладѣльцы для сельской работы употребляли не только рабовъ, но и извѣстное количество свободныхъ работниковъ. Законъ этотъ показываетъ прежде всего государственную мудрость, ибо, съ одной стороны, онъ да-

валъ существовать необходимому въ государствѣ сословію крупныхъ помѣщиковъ и въ то же время заботился о поднятіи и обезпеченіи крестьянскаго сословія. Богатые люди впредь, какъ и раньше, могли по желанію пріобрѣтать частныя земли путемъ купли или завѣщанія, при этомъ они могли изъ государственной земли сохранять въ своемъ обладаніи 500 (=494 прусск. морговъ =126 ha=115 десятинъ) пахатной земли и кромѣ того имѣли право на пастбища для 500 овецъ или свиней и для 100 головъ крупнаго скота. Все это вмѣстѣ, по нашимъ понятіямъ, составляетъ значительное помѣстье. Все, что изъ оккупированной государственной земли они должны были выдать, легко можно было возмѣстить болѣе интенсивной эксплоатаціей почвы. Крестьяне же получили выданную крупными землевладѣльцами землю въ новые крестьянскіе надѣлы для младшихъ ихъ сыновей, которые дотолѣ часто должны были работать поденщиками въ крупныхъ помѣстьяхъ или поступать къ богатому въ кліенты.

Такимъ образомъ, многіе кліенты (зависимые люди) были освобождены отъ своихъ обязательствъ и теперь, съ разрѣшенія своего патрона, перешли въ сословіе свободныхъ людей. Но такъ какъ римляне, счастливыми войнами съ сосѣдями, въ особенности съ этрусками и вольсками, постоянно завоевывали все новыя государственныя земли, то можно было надѣяться, что въ будущемъ для каждаго крестьянскаго сына можно будетъ достать усадьбу и пашню.

Претура и курульное эдильство. Когда Камиллъ устраивалъ между трибунами и патриціями соглашеніе касательно консульства, онъ, чтобы нѣсколько усладить для старыхъ родовъ неизбѣжное нововведеніе, употребилъ такое-же средство, какое было примѣнено при принятіи законовъ Канулея (стр. 159). Въ то время, въ предчувствіи, что плебеевъ все равно не удержать на долго вдали отъ высшей государственной должности, уменьшили полномочія этой должности, отдѣливъ отъ консульства важную должность цензора и съ нею завѣдываніе всѣми податными сборами и финансовымъ хозяйствомъ, какъ должность, достижимую только для патриціевъ. Теперь у консульства отняли судебную власть внутри города и надѣлили ею новую, предназначенную только для патриціевъ, должность—п р е т у р у. При этомъ преторъ, который сверхъ того избирался при тѣхъ же формахъ, какъ и кон-

сулы, могъ также имѣть на войнѣ imperium; если при войскѣ находился въ то-же время и консулъ, то преторъ ему былъ подчиненъ, если же онъ велъ войско одинъ, то его imperium равнялось консульскому. Такимъ образомъ преторъ принадлежалъ къ высшимъ магистратамъ и согласно съ этимъ носилъ и ихъ знаки, жезлъ изъ слоновой кости и курульное кресло. Шесть ликторовъ съ прутьями и сѣкирами предшествовали ему въ походѣ (консулу—двѣнадцать), въ городѣ же большей частью только двое съ пучками прутьевъ.—Одновременно съ тѣмъ была учреждена постоянная должность двухъ патрицiйскихъ (курульныхъ) эдиловъ, которые теперь подѣлили съ двумя плебейскими эдилами обязанности рыночной полиціи. Но кромѣ того они получили надзоръ за сохраненіемъ въ хорошемъ состояніи патрицiйскихъ храмовъ и за „Римскими“ и „Мегалезiйскими“ играми (ludi Romani, ludi Megalenses). По рангу они стояли выше плебейскихъ эдиловъ, такъ какъ имѣли, знакомъ отличія, курульное кресло; они одни также сохраняли право составлять эдильскіе эдикты, содержавшіе главнымъ образомъ постановленія строительной полиціи.

РИМСКІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫЯ ДОЛЖНОСТИ И ПРЕКРАЩЕНІЕ ПАТРИЦІЙСКО-ПЛЕБЕЙСКОЙ СОСЛОВНОЙ БОРЬБЫ.

Римскія государственныя должности послѣ leges Liciniae Sextiae. Теченіе сословной борьбы и ростъ государства мало-помалу создали гораздо болѣе сложную систему должностныхъ лицъ, чѣмъ какая существовала въ началѣ республиканскаго періода. Поэтому мы прежде всего попытаемся набросать себѣ общую картину органовъ, которыми располагали государство и народныя собранія для исполненія своихъ постановленій, для поддержанія законнаго порядка и для обезпеченія государства отъ внѣшнихъ враговъ.

Хотя консульство не много было умалено въ своихъ полномочіяхъ отдѣленіемъ отъ него цензуры и претуры, все-таки оно считалось еще неоспоримо высшей и важнѣйшей государственной должностью. Оба консула, одинъ изъ старинныхъ родовъ, другой изъ плебса, съ 367 г. снова избирались регулярно каждый годъ

въ центуріатскихъ комиціяхъ на Марсовомъ полѣ, послѣ совершенія авспицій (auspicato). Послѣ избранія, имъ, по предварительному постановленію сената (patrum auctoritas), въ собраніи 30 курій на „Комиціѣ“, въ силу такъ называемой lex curiata de imperio, даровалась верховная власть на войнѣ и въ мирѣ (imperium), причемъ они произносили предписанную формулу присяги. Послѣ этого ихъ власть надъ жизнью и смертью на войнѣ была неограниченна; только внутри города Рима они въ обычномъ ходѣ вещей должны были допускать, чтобы приговоренный ими къ смерти или бичеванію гражданинъ апеллировалъ къ народу (provocatio ad populum). День ихъ вступленія въ должность неоднократно мѣнялся; во время Лициніевыхъ законовъ они вступали въ свою должность 1-го іюля, впослѣдствіи (съ 154 г. до Р. Хр.) это происходило 1-го января. Годъ назывался по ихъ имени, такъ напр. 360 годъ до Р. Хр.: M. Fabio Ambusto (et) C. Poetelio consulibus („въ консульство Марка Фабія Амбуста и Гая Петелія“). Консулъ носилъ, въ качествѣ должностной одежды, окаймленную широкой пурпуровой полосой тогу (toga praetexta), при тріумфѣ совсѣмъ пурпуровую тогу (toga picta) и шитое золотомъ нижнее одѣяніе (tunica palmata); ему предшествовали 12 ликторовъ съ пучками прутьевъ, на войнѣ также съ сѣкирами. Въ Римѣ консулъ созывалъ какъ сенатъ, такъ и центуріатскія комиціи, а со временъ leges Valeriae Horatiae онъ могъ созывать и трибныя комиціи (стр. 158). Во всѣхъ этихъ собраніяхъ онъ предсѣдательствовалъ; при избраніи ему преемника онъ былъ воленъ допустить предложенныя ему имена къ выборамъ, или нѣтъ. Но его должностныя дѣйствія имѣли силу лишь тогда, когда товарищъ его по должности не заявлялъ на это протеста; если же послѣднее случалось, то протестующій изъ обоихъ товарищей имѣлъ болѣе сильную власть (par potestas plus valeto, стр. 114). Въ городѣ оба консула ежемѣсячно чередовались въ отправленіи высшей власти, но на войнѣ, въ случаѣ если оба консула находились при войскѣ, главное начальство чередовалось день за днемъ.

Для замѣщенія консуловъ на войнѣ, какъ и въ мирное время, прежде всего существовалъ п р е т о р ъ. Такъ какъ онъ могъ получить возможность пользоваться самостоятельнымъ imperium, то онъ избирался съ соблюденіемъ тѣхъ же формъ, какъ и консулъ,

и притомъ вначалѣ только изъ рядовъ патриціевъ. Однако, напр., въ походѣ распоряженіе претора могло быть отмѣнено консуломъ; во всѣхъ отношеніяхъ онъ былъ подчиненъ консулу. Важнѣйшимъ кругомъ его занятій въ мирное время было правосудіе, устройство извѣстныхъ игръ, а въ тѣ годы, когда не было цензоровъ, также поддержаніе общественныхъ зданій.

Почти еще важнѣе была должность двухъ цензоровъ, учрежденная въ 444 г. (стр. 161). Было два патриційскихъ цензора, которые находились въ должности первоначально пять лѣтъ, съ 434 г. только $1^1/_2$ года. Такъ какъ лишь каждыя пять лѣтъ избирались новые цензоры, то всегда въ продолженіе $3^1/_2$ лѣтъ собственно не было цензоровъ; однако правило это часто нарушалось особыми постановленіями. Самымъ существеннымъ правомъ цензоровъ была перепись гражданъ (census) по состоянію и связанное съ этимъ распредѣленіе гражданъ по различнымъ имущественнымъ классамъ и центуріямъ. Какъ къ этому производству ценза присоединилось и пополненіе сената, надзоръ за государственными финансами и государственными постройками и за нравами гражданъ, изложено уже выше. Заканчивалась перепись большимъ искупительнымъ жертвоприношеніемъ (lustrum), которое совершалъ цензоръ за народъ на Марсовомъ полѣ. Молитва, которую онъ произносилъ при этомъ, содержала слова: „Пусть боги увеличатъ и улучшатъ владѣніе римскаго народа“.

Консулы, преторы и цензоры считались высшими должностными лицами республики (magistratus majores), къ нимъ присоединялись низшія должностныя лица (magistratus minores), эдилы и квесторы.

Было два патриційскихъ или курульныхъ эдила (съ 366 г.) и два плебейскихъ (съ 494 г. до Р. Хр.). Изъ нихъ курульные эдилы составляли въ извѣстной мѣрѣ мостъ къ высшимъ магистратамъ, ибо они имѣли внѣшніе ихъ знаки—курульное кресло и окаймленную пурпуромъ тогу, а кромѣ того обязанность совершать важнѣйшія игры (ludi Romani и ludi Megalenses) и право издавать эдикты въ предѣлахъ своей должностной власти. Впрочемъ они раздѣляли свои права съ плебейскими эдилами. Сообща съ ними они завѣдывали полиціей строительной, уличной, рыночной и полиціей общественнаго благосостоянія. Сообразно съ этимъ подъ ихъ надзоромъ находились водопроводы, сточные ка-

палы, чистота улицъ и площадей, постройки, трактиры, мѣры и вѣсы и проч.

Квесторовъ съ 421 г. до Р. Хр. было четыре. Первоначально „уголовные судьи при убійствѣ родственника“ (quaestores paricidii), они подъ вліяніемъ закона о провокаціи все болѣе и болѣе утрачивали свой судейскій характеръ и стали финансовыми чиновниками. Двое квесторовъ всегда оставались въ городѣ для завѣдыванія помѣщенной во храмѣ Сатурна государственной казной (quaestores aerarii или urbani), двое сопровождали консуловъ въ походъ въ качествѣ ихъ помощниковъ и управляющихъ военной казной (quaestores militares). Уже съ 421 г. и плебеи имѣли доступъ къ этой должности. Не были собственно государственными должностными лицами и потому не имѣли знаковъ отличія десять народныхъ трибуновъ, представители и защитники плебса, власть и вліяніе которыхъ на государственное правленіе тѣмъ не менѣе были очень велики и въ слѣдующіе періоды римской исторіи все еще возрастали.

Всѣ римскія государственныя должности были почетными и потому исправлялись безъ жалованья или иного вознагражденія за труды и издержки, причиняемыя ими людямъ, которые ихъ занимали. Уже отсюда слѣдуетъ, что они всѣ доступны были только состоятельнымъ людямъ. Да и высокое чувство общественности въ римлянахъ и ихъ честолюбіе охотно приносили жертвы, сопряженныя съ исправленіемъ должности. Въ чрезвычайныхъ случаяхъ должностное лицо поддерживалось и государствомъ средствами для достойнаго исправленія должности. Для такихъ цѣлей существовали особые „государственные рабы“ (servi publici), которые въ качествѣ „свиты“ (apparitores), сверхъ ликторовъ, исполняли службу при личности магистрата. Мы слышимъ также, что недостаточнымъ консуламъ серебряная посуда, нужная для угощенія иностранныхъ пословъ, ссужалась государствомъ. Кажется удивительнымъ, какъ незначительно было число государственныхъ должностныхъ лицъ, съ которымъ римская республика умѣла хозяйничать, особенно если мы привлечемъ для сравненія многочисленное чиновничество современныхъ государствъ. Но тутъ слѣдуетъ принять во вниманіе, что извѣстные намъ магистраты были лишь начальниками крупныхъ вѣдомствъ и имѣли подъ собой цѣлую армію подчиненныхъ чиновниковъ, занимавшихся соб-

ственно дѣлами. Объ этихъ подчиненныхъ должностныхъ лицахъ, стоявшихъ въ разныхъ положеніяхъ по рангу и доходамъ, мы, къ сожалѣнію, знаемъ очень мало; они скрываются отъ насъ подъ общимъ названіемъ „писцовъ“ (scribae) и, если не были „государственными рабами“, содержались на счетъ доходовъ и пошлинъ отдѣльныхъ вѣдомствъ. Такихъ „писцовъ“ въ болѣе простыя древнія времена было, естественно, не много, позднѣе же число ихъ возрастало въ той-же мѣрѣ, какъ увеличивалось государство и осложнялись дѣла.

Прекращеніе патриційско-плебейской сословной борьбы. Съ тѣхъ поръ какъ консульство открыто было плебеямъ, сословная борьба въ существѣ была рѣшена въ пользу плебеевъ, хотя патриціи еще не разъ дѣлали попытку провести двухъ патриційскихъ консуловъ. Теперь было уже только вопросомъ времени, что плебеи должны были получить доступъ и къ тѣмъ государственнымъ должностямъ, которыя для нихъ еще оставались закрытыми. Прежде всего это случилось съ курульнымъ эдильствомъ. Уже въ 365 г. сенатъ постановилъ, чтобы курульными эдилами по очереди были патриціи и плебеи. Диктатуры первымъ изъ плебеевъ достигъ въ 356 г. Г. Марцій Рутилъ, и онъ-же въ 351 г. былъ первымъ плебейскимъ цензоромъ. И хотя старинные роды при учрежденіи претуры придавали особенную цѣну патриційскому характеру этой должности, но уже поколѣніемъ позже, въ 337 г. до Р. Хр., мы находимъ въ обладаніи претурой плебея Публилія Филона. Онъ за два года до этого (339 г.) въ качествѣ диктатора содѣйствовалъ уравненію плебейской знати съ патриційскою важными законоположеніями. Именно онъ вновь установилъ уравненіе постановленій трибныхъ комицій съ постановленіями центуріатскихъ (см. ниже); затѣмъ онъ постановилъ, чтобы куріатскія комиціи еще до голосованія центурій давали свое разрѣшеніе на вновь предложенный законъ (см. тамъ-же): чрезъ это участіе патриційскихъ куріатскихъ комицій въ законодательствѣ писпало до простой формальности; наконецъ, онъ-же опредѣлилъ, что одинъ цензоръ долженъ быть плебеемъ, а другой имъ можетъ быть. Упорнѣе всего охраняли старинные роды свое право на исключительное занятіе коллегій понтификовъ и авгуровъ. Пожалуй, не столько эгоизмъ и властолюбіе мѣшало такъ долго уравненію сословій именно въ религіозной области, сколько

добрая доля набожности и страха предъ богами, которыхъ боялись оскорбить патриційско-плебейскимъ жречествомъ. Но наконецъ въ 300 г. до Р. Хр., устранена была и эта помѣха къ уравненію, тѣмъ, что согласно закону Огульнія (lex Ogulnia) четыре патриційскихъ авгура должны были избирать себѣ въ придачу еще четырехъ плебейскихъ, а четыре патриційскихъ понтифика—пять плебейскихъ. Въ 250 году впервые плебейскій цензоръ могъ произвести великій lustrum, а въ 253 г. впервые получилъ достоинство верховнаго понтифика плебей Тиберій Корунканій.—Борьба между плебейской и патриційской знатью въ то время давно уже кончилась, но противоположность между богатыми и бѣдными, между знатными и простыми черезъ то естественно не была устранена никоимъ образомъ.

ВѢКЪ ГОСПОДСТВА ПАТРИЦІЙСКО-ПЛЕБЕЙСКОЙ ЗНАТИ.

(366—133 до Р. Хр.).

ПОКОРЕНІЕ ИТАЛІИ (366—266 до Р. Хр.).

ДѢЙСТВІЯ РИМЛЯНЪ ПРОТИВЪ ЛАТИНЯНЪ И ГЕРНИКОВЪ; ВОЙНЫ СЪ ГАЛЛАМИ.

ПАТРИЦІЙСКО-ПЛЕБЕЙСКАЯ знать; Титъ Манлій. Послѣ Лициніевыхъ законовъ чрезъ сближеніе и сліяніе патриційскихъ фамилій съ тѣми знатными плебейскими, главы которыхъ занимали высокія государственныя должности, въ особенности консульскую, и обладали мѣстомъ и голосомъ въ сенатѣ, мало-по-малу возникла новая патриційско-плебейская знать, называемая также нобилитетомъ (см. ниже) и руководившая государствомъ долѣе двухъ столѣтій. Этой новой знати было суждено создать величайшее и счастливѣйшее для римскаго народа время и распространить господство Рима сначала на Италію, затѣмъ на весь міръ. Столь грандіозные результаты естественно были возможны лишь благодаря тому, что вначалѣ и въ новой знати царилъ духъ древнихъ римлянъ, набожность и скромность нравовъ. Образъ жизни и богатыхъ людей

оставался простымъ, даже знатнѣйшіе помѣщики управляли плугомъ и считали за честь для себя быть хорошими сельскими хозяевами. Особенно отцы семейства держали въ строгости дѣтей и домашнихъ, и сыновья, изъ которыхъ созрѣвали храбрые воины и военачальники, раньше пріучались къ повиновенію въ родительскомъ домѣ, прежде чѣмъ сами повелѣвали войсками и побѣжденными народами. Въ пользу этого говоритъ, между прочимъ, разсказъ о сыновней любви Тита Манлія. По причинѣ злокачественной заразы, по древнему священному обычаю слѣдовало вбить гвоздь во храмѣ Юпитера. Прежде такими гвоздями обозначали число лѣтъ, но впослѣдствіи этотъ обрядъ былъ оставленъ. Теперь для этого священнодѣйствія избрали Луція Манлія Имперіоза въ диктаторы. Но когда тотъ совершилъ торжественный актъ, то вмѣсто того, чтобы сложить свою власть, велѣлъ произвести строгій наборъ войска и тѣхъ, кто тотчасъ-же не былъ готовъ на это, пригнать ударами прутьевъ. За это онъ въ слѣдующемъ году былъ привлеченъ къ отвѣту трибуномъ и въ то же время обвиненъ въ томъ, что держитъ сына своего, какъ раба, въ своихъ имѣніяхъ за то, что тому отказано природой въ даръ плавной рѣчи. Въ день суда рано утромъ, когда обвинитель еще отдыхалъ, къ нему вошелъ молодой Титъ Манлій, приставилъ къ груди его обнаженный ножъ и принудилъ его къ клятвенному обѣщанію немедленно взять жалобу обратно. Трибунъ исполнилъ обѣщанное и въ то же время сообщилъ предъ общиной, чѣмъ онъ былъ побужденъ къ этому. А народъ, признавая благородство юноши, избралъ его, несмотря на его молодость и на недостатокъ заслугъ, въ военные трибуны.

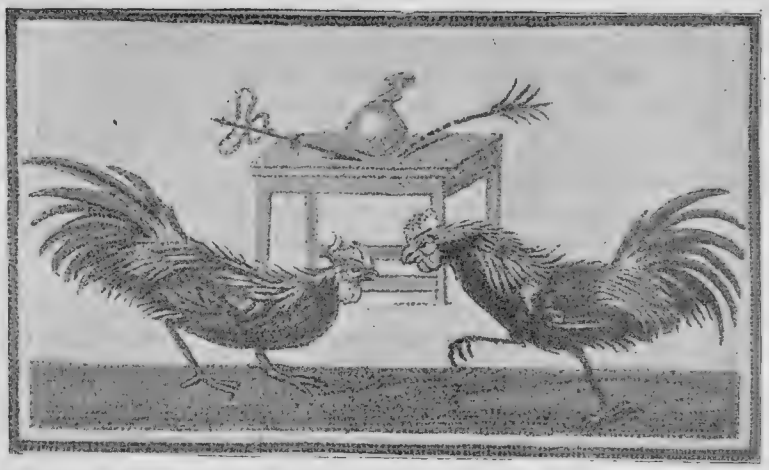
Смерть Марка Курція. Въ томъ же году гражданъ охватилъ большой ужасъ. Дѣло въ томъ, что, вѣроятно вслѣдствіе землетрясеній, посреди Форума образовалась широкая трещина необозримой глубины. Возбужденное воображеніе народа видѣло подымающіяся оттуда привидѣнія; боялись подземныхъ боговъ, которые быть можетъ въ глубинѣ земли готовятъ ужасы разоренія. Тогда одинъ изъ проницателей судебъ возвѣстилъ: если Римъ посвятитъ безднѣ самое дорогое, что онъ имѣетъ, то пропасть закроется и городъ будетъ существовать во-вѣки. Но хотя сенатъ въ страхѣ безпрерывно совѣщался и допытывался узнать, что достойно высшей цѣны; хотя и собравшаяся община совѣ-

щалась о томъ, что могло-бы примирить таинственныя подземныя силы, не могли разрѣшить этой задачи.

Но вотъ верхомъ на конѣ въ полномъ вооруженіи по Форуму проскакалъ великодушный, рыцарскій юноша Маркъ Курцій и, всѣми видимый, всѣми услышанный, восторженно воскликнулъ: „Хранитъ-ли нашъ родной городъ болѣе благородныя сокровища, чѣмъ оружіе и храбрый духъ? Такъ ихъ я посвящаю подземнымъ богамъ!“ И съ этими словами онъ пришпорилъ своего боевого коня на смертельный скачекъ въ бездну, и тотчасъ-же пропасть сомкнулась надъ принятой жертвой. Пусть происшествіе это принадлежитъ вымыслу, все-таки оно вымышлено въ духѣ римлянъ, которые часто выказывали подобную готовность къ самоотверженію въ войнахъ республики.

Римляне противъ латинянъ и герниковъ. Что чрезъ окончаніе сословной борьбы возрасла сила Рима, это прежде всего испытали союзные латиняне. Установленное союзомъ Спурія Кассія въ 493 г. равенство въ правахъ между римлянами и латинянами (стр. 124) часто нарушалось еще до галльскаго пожара. Но и послѣ галльской катастрофы всѣ попытки латинскихъ общинъ вернуть себѣ старую независимость были подавлены римлянами силою: въ кровопролитной войнѣ 382—380 г.г. укрощенъ былъ городъ Пренесте, 380 г. Тускулъ былъ включенъ въ территорію римскихъ гражданъ. Еще хуже сдѣлалось положеніе латинскаго союза послѣ Лициніева законодательства. Ибо теперь римляне стали все болѣе открыто стремиться нанести ущербъ правамъ союзниковъ и превратить ихъ въ подданныхъ. Тогда въ 362 г. возмутились герники, которые съ 486 г. принадлежали къ римско-латинскому союзу, но они въ нѣсколькихъ походахъ до 358 г. были побѣждены и должны были возобновить свой союзъ съ Римомъ, уже, конечно, на худшихъ условіяхъ. Въ томъ же году латинянамъ былъ нанесенъ чувствительный ущербъ тѣмъ, что сообща съ ними отнятыя у вольсковъ области римляне, не уступая въ нихъ доли латинянамъ, просто превратили въ двѣ римскія гражданскія трибы, Помптину и Публилію, такъ что область латинянъ теперь и съ юга охватывалась римскими поселеніями. Еще яснѣе выступили намѣренія Рима, когда въ 348 г. до Р. Хр. римляне заключили съ карѳагенянами второй торговый договоръ, въ которомъ о латинянахъ идетъ рѣчь уже не какъ о союзникахъ, но какъ о под-

данныхъ. Слова этого важнаго договора сохранилъ намъ Полибій: „За прекраснымъ мысомъ, Мастіей и Тарсеемъ римляне не должны ни заниматься торговлей или морскимъ разбоемъ, ни основывать какой-либо городъ. Съ другой стороны, карѳагеняне не должны захватывать города латинской области, насколько они подвластны Риму, именно Ардею, Антій, Цирцеи, Таррацину. Если же карѳагеняне займутъ въ области латинянъ городъ, не подвластный римлянамъ, то они пусть получаютъ имущество и жителей, а городъ выдадутъ римлянамъ“... Что такое поведеніе римлянъ противъ ихъ союзниковъ и противъ другихъ не союзныхъ еще съ



БОРЬБА ПѢТУХОВЪ.
Мозаика въ національномъ музеѣ въ Неаполѣ.

ними, но родственныхъ латинянъ должно было вызвать жестокую ненависть противъ господствующей общины, это очевидно; но если эта ненависть не разражалась еще пока еще общимъ возстаніемъ латинянъ, но лишь возмущеніями отдѣльныхъ городовъ, то при этомъ, пожалуй, особенно дѣйствовало то обстоятельство, что Лаціуму все еще угрожали случайные разбойническіе набѣги галловъ, такъ что латинянамъ казалось, что они не могутъ еще обходиться безъ помощи Рима противъ общаго врага.

Новое вторженіе галловъ. Такъ, напримѣръ, въ 361 г. вновь вторглась орда галловъ въ Лаціумъ, разоряя его. Противъ

все еще страшныхъ враговъ выбрали диктатора, который могъ двинуться съ легіонами только до Аніо, потому что по ту сторону уже стояли варвары. Рѣка эта, протекающая среди высокихъ береговъ къ Тибру, раздѣляла ратныя войска; деревянный мостъ, ведшій черезъ нее, дозволялъ переходъ только отдѣльнымъ пѣшеходамъ. Вотъ на этомъ мосту появился исполинскій кельтскій воинъ, съ громкимъ крикомъ вызывая на единоборство смѣлѣйшаго римлянина. Длинные, взъерошенные волосы развѣвались вокругъ его головы, пестрый военный полукафтанъ—вокругъ его тѣла, чистымъ золотомъ сіяло его великолѣпное оружіе. Страшно было смотрѣть на него, когда онъ со всяческими прыжками исполнялъ военную пляску, какъ она была свойственна варварамъ. Молча глядѣли римскіе аристократы на странное зрѣлище, и никто не изъявлялъ охоты помѣриться силами одинъ-на-одинъ съ дерзкимъ, насмѣхающимся воиномъ. Наконецъ, предъ никтаторомъ выступилъ молодой Титъ Манлій, такъ мужественно защитившій своего отца противъ грозившаго ему обвинедія, и потребовалъ позволенія отважиться за честь войска на опасное единоборство. Когда полководецъ разрѣшилъ это, онъ въ простыхъ, но крѣпкихъ доспѣхахъ спокойно и рѣшительно пошелъ къ мѣсту борьбы на узкомъ мосту. Мечи засверкали, тутъ короткій, но хорошо закаленный римскій, тамъ громадный, но изготовленный изъ болѣе мягкой бронзы галльскій боевой мечъ. Градомъ сыпались могучіе удары кельта, но Манлій, сильный, ловкій и зоркій, отражалъ ихъ щитомъ. Наконецъ онъ высмотрѣлъ надлежащее мгновеніе, подбѣжалъ къ противнику и, отталкивая его громадный щитъ вверхъ, вонзилъ ему смертельное оружіе нѣсколько разъ въ обнаженный пахъ. При паденіи варвара оружіе его загремѣло на далекое разстояніе. Но скромный побѣдитель не опозорилъ тѣла врага; онъ не снялъ съ него доспѣховъ и оружія; онъ отстегнулъ только окровавленную золотую цѣпь и положилъ ее себѣ на шею, а его товарищи по оружію, въ ликованіи сопровождавшіе его къ полководцу, привѣтствовали его почетнымъ именемъ Торквата (носящаго цѣпь).

Войны противъ этрусковъ. Послѣ этого отраженія галловъ и возобновленія союза съ герниками (см. выше) въ 358 г. загорѣлась война между Римомъ и сосѣдними этрусскими общинами: Фалеріями, Тарквиніями и Цере. Причины этого лежали

вѣроятно въ попыткахъ римлянъ расширить область четырехъ гражданскихъ трибъ, устроенныхъ въ южной Этруріи и крѣпостей Сутрія и Непете (стр. 188). Борьба, какъ кажется, велась и на морѣ; ибо намъ сообщаютъ, что римляне съ 25 кораблями попытались основать колонію на этрусской Корсикѣ. На сушѣ борьба не обходилась безъ пораженій римлянъ: они были разбиты тарквинійцами въ 357 г. до Р. Хр., и послѣдніе съ грубымъ варварствомъ принесли 307 плѣнныхъ римлянъ въ жертву своимъ кровожаднымъ богамъ. Въ отмщеніе за это въ 354 г. послѣ побѣды надъ этрусскими 300 воиновъ этого племени были обезглавлены въ Римѣ на Форумѣ. Въ концѣ концовъ Цере добился столѣтняго мира и позднѣе былъ присоединенъ къ римскому государству въ качествѣ „общины безъ избирательнаго права“ (civitas sine suffragio см. ниже), а равно Фалерій въ 343 г. Въ это время и Тибуръ рѣшительно былъ побѣжденъ. Римляне взяли съ приступа Эмполъ, Сассулу и другія союзныя съ тибурцами мѣста и послѣ этого принудили самый городъ подчиниться.

Побѣда надъ кельтами младшаго Камилла; М. Валерій. (350 г.). И пора было развязать себѣ руки; вѣдь уже снова надвигалась кельтская орда, а по берегамъ грабили греческіе пираты. Консулъ этого года, по преданію, одержалъ побѣду въ одномъ сраженіи надъ галлами; однако послѣдніе всю зиму стояли въ Альбанскихъ горахъ и оттуда безпрепятственно грабили латинскія и римскія границы. Слѣдующей весной консулъ Луцій Фурій Камиллъ, сынъ великаго Камилла, повелъ четыре легіона противъ варваровъ, которые выказывали не мало охоты прочно поселиться въ Лаціумѣ. Римляне, все еще опасаясь бурнаго натиска и длинныхъ мечей враговъ, заняли крѣпкую позицію. Когда же, какъ двѣнадцать лѣтъ назадъ, выступилъ исполинскій кельтъ и пригласилъ храбрѣйшаго на поединокъ, навстрѣчу ему безстрашно вышелъ трибунъ Маркъ Валерій. На этотъ разъ помогли отважному бойцу боги, какъ повѣствуетъ сказаніе. Именно, изъ воздушной вышины спустился воронъ и сѣлъ на шлемъ римлянина. И вотъ, какъ только кельтъ наступалъ, птица смущала его шумомъ крыльевъ и старалась когтями и клювомъ выцарапать ему глаза. Это облегчило Валерію дѣло. Послѣ нѣсколькихъ ходовъ онъ вонзилъ свой мечъ ослѣпленному противнику въ животъ и отнялъ у него оружіе. Надъ трупомъ заго-

рѣлся бой, кончившійся пораженіемъ галловъ. Однако полчища ихъ, все еще достаточно сильныя, не отступили на сѣверъ, но прошли чрезъ страну вольсковъ и Кампанію въ далекую Апулію.

Съ этимъ походомъ страхъ передъ галлами прекратился болѣе чѣмъ на столѣтіе, и слава римлянъ была уже настолько велика, что по крайней мѣрѣ о ихъ побѣдахъ надъ галлами знали уже въ Греціи, ибо великій Аристотель, воспитатель Александра Великаго, въ это время упомянулъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій о томъ, что Римъ спасенъ былъ нѣкіимъ Луціемъ (Фуріемъ Камилломъ) отъ кельтскаго нашествія.

ПЕРВАЯ САМНИТСКАЯ И БОЛЬШАЯ ЛАТИНСКАЯ ВОЙНА.

Мѣста осѣдлости и характеръ сабелльскихъ племенъ. Кто въ срединѣ четвертаго вѣка до Р. Хр. отъ латинскаго берега, хотя бы отъ скалистаго Цирцейскаго мыса отправлялся на востокъ, тотъ въ нѣсколько дневныхъ переходовъ чрезъ область вольсковъ и аврунковъ приходилъ въ горную страну Самній. Будучи безъ рѣзко очерченныхъ горныхъ цѣпей и круто торчащихъ вершинъ, свойственныхъ расположеннымъ къ сѣверу отсюда Абруццамъ, Самній образуетъ безпорядочную смѣсь холмовъ и горъ; большинство ихъ въ тѣ времена было еще покрыто густымъ лѣсомъ, что еще увеличивало мрачный характеръ страны въ противоположность улыбающейся равнинѣ Лаціума. Путешественникъ напрасно искалъ бы и слѣдовъ городскихъ поселеній; гдѣ лѣсъ вырубленъ, тамъ его привѣтствуютъ простыя деревни, а въ болѣе высокихъ мѣстахъ только отдѣльные дворы. Путь его идетъ мимо красивыхъ стадъ скота и зеленыхъ горныхъ луговъ, часто и мимо крѣпкихъ, загорѣлыхъ крестьянъ и пастуховъ, которые, подобно пастухамъ нашихъ Альпъ, не боятся ни снѣжныхъ бурь зимы, ни лапы медвѣдя, ни жадной пасти волка. Изъ устъ ихъ раздаются звуки, странные для жителя равнины и все же не непонятные ему: ибо эти горцы—италики, но иного племени, чѣмъ латиняне. Самниты образуютъ самое большое и могущественное изъ сабелльскихъ племенъ. Что самниты, какъ и обитающіе къ сѣверу отъ нихъ пелигны и марсы, вестины и эквы‘

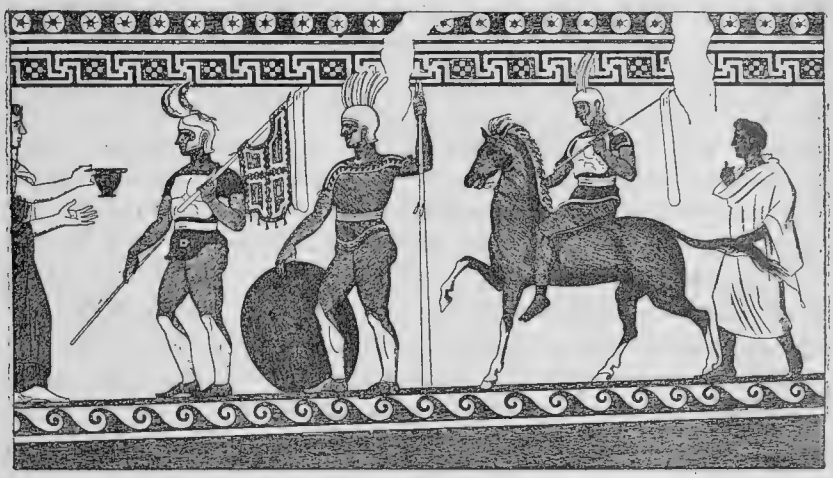
какъ и пиценты, суть вѣтви древняго племени сабиновъ, поселившагося въ горной области Реате и Амитерна, разсказано уже ранѣе (стр. 24), какъ и то, что отдѣленіе этихъ вѣтвей происходило посредствомъ обычая „священной весны“ (ver sacrum). Эти сабелльскія племена уже въ пятомъ вѣкѣ владѣли всею центральною горною страной Италіи отъ южной границы Умбріи до сѣверной границы Луканіи, отъ долины рѣки Нара до Силара. Но все еще не закончились ихъ передвиженія и завоеванія. Съ запада и востока плодоносныя, богатыя виномъ и пастбищами, равнины, здѣсь Кампанская, тамъ Апульская, манили спуститься съ суровыхъ горъ и сдѣлаться богатымъ обладателемъ благословенныхъ полей; да и расположенныя къ югу отъ Самнія области, Луканія и Бруттій казались болѣе цѣннымъ владѣніемъ, нежели скудная родина. А политическія отношенія названныхъ мѣстностей прямо-таки приглашали къ завоеванію: въ Кампаніи звѣзда этрусковъ померкала, въ Апуліи япиги въ военномъ отношеніи были слабы, а въ великой Греціи греческій элементъ также находился въ упадкѣ. Такимъ образомъ, еще въ 424 г. самнитамъ удалось занять Капую, а вскорѣ и остальную Кампанію, другія же сабелльскія массы, луканы и бруттіи (Бреттіи) между 400 и 350 г.г. до Р. Хр. завладѣли большинствомъ городовъ Великой Греціи вплоть до Регія и дали областямъ свои племенныя названія, такъ что въ концѣ концовъ сабеллы обитали отъ Анконы до Сицилійскаго пролива; только Римъ и Лаціумъ съ окрестной горной страной герниковъ, вольсковъ и аврунковъ, да изъ греческихъ городовъ Неаполь на западѣ и Тарентъ на востокѣ остались свободными отъ сабелльскаго наводненія.

Такимъ образомъ, около 350 г. до Р. Хр. область сабелловъ была гораздо обширнѣе области римлянъ и ихъ союзниковъ. Но все-таки сабеллы на случай военныхъ осложненій съ Римомъ уже съ самаго начала были въ невыгодѣ. Римъ былъ замкнутымъ, сплоченнымъ государствомъ, въ которомъ имѣла силу лишь единая воля; онъ владѣлъ умѣренной областью, но пользовался въ ней полнымъ господствомъ; союзники его по временамъ могли роптать, но они повиновались. Онъ медленно подвигался впередъ по пути завоеваній; но каждый шагъ его означалъ дѣйствительное приращеніе могущества, каждое пріобрѣтеніе чрезъ устройство крѣпостей и высылку римскихъ колоній становилось неот-

чуждаемымъ владѣніемъ и живымъ членомъ государственнаго тѣла. Совершенно иначе было у сабелловъ. Народность эта страдала тѣмъ-же недостаткомъ, какъ и предки германцевъ: она выказывала замѣчательный недостатокъ политическаго чувства. Она не создала ни дѣйствительныхъ городскихъ общинъ, ни производительнаго государственнаго устройства. Въ племени не было передовой общины, въ народности не было руководящаго племени, и даже чувство національной связи было развито слабо. Каждая „священная весна“ была скорѣе ослабленіемъ, чѣмъ усиленіемъ родного племени, и многія массы, выступавшія съ горъ своихъ за добычей, совершенно отчуждались отъ отцовъ. Только храбрые самниты могутъ считаться истинными представителями народности; на нихъ покоилась настоящая сила народа. Между суровыми сынами горъ, которымъ скудная природа едва доставляла необходимое пропитаніе, и завоевателями Капуи, изнѣжившимися въ наслажденіи пышнымъ богатствомъ и греческой культурой и слившимися съ побѣжденными, просто не было никакой общности.

Первая самнитская война. Въ самомъ дѣлѣ, только-что упомянутый контрастъ между горными самнитами и сабеллами Кампанской равнины и повелъ римлянъ на югъ черезъ Лирисъ. Приблизительно 80 лѣтъ спустя по завоеваніи Кампаніи, горная молодежь снова отправилась въ плодоносныя поля, гдѣ ихъ тѣмъ временемъ эллинизированные соплеменники утопали въ изобиліи. Эти выходцы прежде всего окружили городъ Сидицинъ въ прославленной виномъ своимъ Фалернской области и стали жить добычею съ превосходно воздѣланныхъ полей. На помощь притѣсненнымъ гражданамъ прибылъ значительный отрядъ войска изъ Капуи, но совершенно былъ разбитъ. За обломками разсѣяннаго войска побѣдители послѣдовали черезъ Вольтурнъ и заняли господствующую позицію къ сѣверу отъ Капуи на горѣ Тифатѣ, гдѣ предъ глазами ихъ былъ далеко раскинувшійся городъ и пышныя поля. Отдѣльными шайками они отсюда бродили по всѣмъ окрестностямъ, а награбленную добычу таскали въ свой лагерь. Эти продолжающіеся грабежи побудили, наконецъ, капуанцевъ еще разъ сдѣлать вылазку, чтобы военными силами одолѣть разсѣянныя шайки. Однако самниты быстро соединились въ боевой порядокъ. Предъ ихъ дерзкимъ мужествомъ и сверкающимъ оружіемъ горожане не

долго устояли, но, хорошо прученные, искали безопасности за крѣпкими обводными стѣнами, а голодъ и нужда посѣтили ихъ какъ непривычные для нихъ гости. Въ этомъ стѣсненномъ положеніи граждане подумали о томъ, какъ-бы достать себѣ помощи извнѣ. Одинъ лишь могущественный Римъ казался пригоднымъ для этого, и поспѣшно туда отправилось посольство. Сенатъ былъ въ затрудненіи. Одиннадцать лѣтъ тому назадъ былъ заключенъ дружественный союзъ съ Самніемъ. Если же теперь сдѣлать рѣшительные шаги въ пользу кампанцевъ, то римляне вооружили-



САМНИТСКІЕ ВОИНЫ.

Изображеніе на окраинѣ гробницы одного самнитскаго воина (изъ Пестума). Вооруженіе тогдашнихъ воиновъ неравномѣрно: двое имѣютъ на груди мѣдную доску въ 25 сант., которая укрѣплялась, повидимому, назади съ помощью ремней, у третьяго своего рода кожаный колетъ.

бы противъ себя боговъ, мстящихъ за нарушеніе вѣрности союзу, и воинственную народность. Послѣ серьезнаго совѣщанія, желаніе пословъ было отклонено. Тогда посольство предложило подчиненіе Капуи. А предъ такимъ искушеніемъ римляне уже не могли устоять: перспектива пріобрѣсти богатѣйшій городъ Италіи пересилила сомнѣнія, и начавшій мудрить разсудокъ нашелъ срединный путь.

Было отправлено въ Самній посольство, которое должно было представить тамъ прежде всего добромъ, что Кампанія принята

въ союзъ съ Римомъ и поэтому не должна быть безпокоима самнитскими отрядами. Когда на это послѣдовалъ отрицательный отвѣтъ, дѣло дошло до первой войны между Римомъ и самнитами (343—341 гг.).

Какъ происходили военныя событія, каждое въ отдѣльности, нельзя уже распознать. Патріотическая легенда переноситъ театръ войны въ Кампанію и заполняетъ въ особенности первый годъ войны блестящими боевыми подвигами популярныхъ героевъ. Яркими красками рисуетъ она одну побѣду, одержанную будто-бы Маркомъ Валеріемъ Корвомъ, извѣстнымъ изъ галльскихъ войнъ героемъ, у горы Гавра, у прекраснаго Неаполитанскаго залива. Съ любовью погружаясь въ подробности, описываетъ она богатые приключеніями походы трибуна Публія Деція, который спасъ стѣсненное въ лѣсной долинѣ войско римлянъ смѣлымъ занятіемъ горной вершины, подымавшейся надъ непріятельскими позиціями, и затѣмъ самого себя путемъ смѣлой ночной вылазки, когда онъ былъ окруженъ обманутымъ въ ожиданіяхъ и ожесточеннымъ непріятелемъ. Наконецъ, она знаетъ еще о другой побѣдѣ Валерія при Суэссулѣ и говоритъ о 40000 собранныхъ щитовъ убитыхъ и бѣжавшихъ самнитовъ, но конечно сильно преувеличивая, такъ какъ храбрые воители-горцы вовсе не покинули Кампаніи. Эти событія съ ихъ ореоломъ, конечно, принадлежатъ болѣе вымыслу, чѣмъ исторіи. Отрицать вообще эту войну, какъ это дѣлали, нѣтъ основанія, но, навѣрно, она привела лишь къ временному рѣшенію: старый союзъ между Римомъ и Самніемъ былъ возобновленъ, и самнитамъ предоставленъ Сидицинъ, между тѣмъ какъ римляне удержали Капую. Обѣ стороны имѣли основанія искать соглашенія; ибо противъ сабелльскихъ племенъ на югѣ на призывъ Тарента о помощи выступилъ спартанскій царь Архидамъ, а Римъ стоялъ предъ тяжелымъ внутреннимъ кризисомъ, который, совпадая съ внѣшней войной, могъ привести къ самымъ роковымъ послѣдствіямъ.

Мятежи въ римскомъ войскѣ: такъ называемая третье удаленіе плебеевъ (342 г.). Легіоны по большей части состояли изъ бѣдныхъ и задолженныхъ гражданъ. Тѣмъ могучѣе были чары, которыя производили на нихъ богатство и привольная жизнь Капуи. Лакомыя блюда и огненное фалернское отлично приходились имъ по вкусу. Они сравнивали съ этимъ жизнь, полную заботъ, и

бремя долговъ на родинѣ; и вотъ имъ приходитъ въ голову мысль, что не дурно было-бы сдѣлаться господами Капуи и основать себѣ здѣсь лучшую родину. Они задумали такимъ образомъ новое secessio. Отъ консула Марція Рутила не осталось скрытымъ настроеніе войска. Онъ мало-по-малу распустилъ зачинщиковъ со всѣми подозрительными элементами и позаботился о томъ, чтобы для подкрѣпленія его силъ изъ Рима присланы были свѣжія войска. Но именно это мѣропріятіе, чрезъ которое отпущенные увидѣли себя обманутыми еще и въ части добычи, на которую они надѣялись, вызвало открытую вспышку мятежа. Недовольные расположились станомъ въ Лаутульскомъ ущельи, недалеко отъ Таррацины. Тамъ они побудили прибывающія войска новаго набора присоединиться къ нимъ, и привлекли къ себѣ и изъ главнаго войска, съ которымъ они поддерживали сношенія, многочисленныя толпы дезертировъ. Когда силы ихъ были достаточно значительны, они рѣшили итти на самый Римъ и установить тамъ государственное устройство въ ихъ духѣ и по ихъ желанію. Занимаясь по пути грабежами они прибыли въ мѣстность, гдѣ почтенныя развалины (?) отмѣчали еще мѣсто, увѣнчанное нѣкогда Альбой Лонгой. У подошвы Альбанскихъ горъ они расположились укрѣпленнымъ лагеремъ. Потомъ они захватили престарѣлаго, разслабленнаго ранами Тита Квинктія, весьма заслуженнаго воина. Они оставили ему выборъ между смертью и принятіемъ главнаго начальства и увлекли его съ собой къ Риму. По дорогѣ, впослѣдствіи Аппіевой, они добрались до восьмой мили. Тамъ навстрѣчу имъ вышло быстро набранное войско. Но еще боялись проливать братскую кровь; на обѣихъ сторонахъ у воиновъ опустилось оружіе; вожди сошлись, чтобы устроить миръ, что и удалось благополучно чрезъ сложеніе процентовъ и другія уступки.

Начало латинской войны (340—338 гг.). Римъ еще не успѣлъ вполнѣ оправиться отъ этого потрясенія, а онъ уже стоялъ передъ новой опасностью, исходившей отъ латинскаго союза. Властная политика, которою сенатъ хотѣлъ низвести латинскихъ союзниковъ до положенія простыхъ подданныхъ, наполняла послѣднихъ глубокой злобой. Съ недовѣріемъ и опасеніемъ смотрѣли они на основаніе, семнадцать лѣтъ назадъ, двухъ гражданскихъ трибъ къ югу отъ территоріи союза, въ странѣ вольсковъ. Что

тогда начато было въ малыхъ размѣрахъ, именно обхватъ союзниковъ съ юга римскими владѣніями, то въ большомъ масштабѣ закончилъ исходъ первой самнитской войны. Даже самыя южныя латинскія крѣпости, Цирцеи и Таррацина, стали теперь черезполосными владѣніями, окруженными спеціально римскими владѣніями, изъ которыхъ опять-таки исключались союзники, хотя ихъ мечъ помогъ завоевать ихъ. По Лаціуму прошла буря негодованія. Съ трудомъ сдерживаемый огонь грозилъ запылать яркимъ пламенемъ. Союзники сдѣлали еще послѣднюю попытку вызвать полюбовное соглашеніе. Делегація, подъ начальствомъ двухъ преторовъ Луція Аппія изъ Сетіи и Луція Нумизія изъ Цирцей, явилась предъ сенатомъ и заявила, что между союзомъ и римской республикой должно существовать равноправіе, что одинъ изъ консуловъ долженъ избираться изъ Лаціума, а каждому латиняну должно быть обезпечено полное право голоса въ собраніяхъ гражданъ: тогда только оба государства могли бы оставаться соединенными въ братскомъ согласіи. На эту рѣчь поднялся консулъ Титъ Манлій Торкватъ. Онъ гнѣвно объявилъ, что если уступятъ такому притязанію, то онъ придетъ въ курію опоясанный мечемъ и заколетъ каждаго латиняна. Сенатъ согласился съ нимъ, призывая всемогущаго Юпитера въ свидѣтели и мстители за нарушеніе союзной вѣрности. На это Аппій насмѣшливо замѣтилъ, что латинскій Юпитеръ не уступитъ, пожалуй, римскому, и, полный негодованія, выбѣжалъ изъ возбужденнаго собранія. Но его ослѣпила молнія, ударъ грома оглушилъ его; онъ свалился съ лѣстницы и лежалъ безъ памяти на землѣ. Такъ, по сказанію, богъ Рима отомстилъ за преступное слово.

Для тяжелой братской войны, вызванной отклоненіемъ латинскихъ требованій, въ Римѣ выбрали двухъ консуловъ, которымъ эта задача, казалось, была по плечу, именно Тита Манлія и Публія Деція Мура (Mus), спасителя легіоновъ въ самнитской войнѣ. Слѣдовало ожидать, что оба родственныхъ народа сойдутся на защиту родного очага на границахъ своихъ соприкасающихся и переплетающихся другъ съ другомъ областей; но такъ какъ вольски, сидицинцы и по крайней мѣрѣ народная партія въ Капуѣ держали сторону возставшихъ, то приходилось оберегать еще и другіе интересы; дѣло шло объ обладаніи Кампаніей, богатѣйшей страной полуострова. Туда полилась волна

войны. У Трифана, недалеко отъ устья Лириса, брошенъ былъ жребій; правда, консулу Децію пришлось разстаться съ жизнью, но товарищъ его Манлій одержалъ рѣшительную побѣду (340 г.).

Т. Манлій Торкватъ Имперіозъ. Чѣмъ пагубнѣе могла стать война, тѣмъ ярче сіялъ вѣнецъ славы, которымъ вымыселъ сказанія окружилъ головы обоихъ полководцевъ. Каждый чувствовалъ ужасъ предстоящей борьбы, неизвѣстность исхода. Съ обѣихъ сторонъ то же оружіе, съ обѣихъ сторонъ тотъ же боевой порядокъ. Воины знали другъ друга; они раньше сражались рядомъ, бокъ-о-бокъ; теперь они въ смертельномъ ожесточеніи нетерпѣливо стояли другъ противъ друга, какъ братья, которые, вскормленные той же материнской грудью, въ неестественномъ гнѣвѣ стараются задушить другъ друга. Чтобы предотвратить вспышку борьбы въ неблагопріятный моментъ, консулы издали строгій приказъ, чтобы ни одинъ римлянинъ не отвѣчалъ на вызовы непріятельскихъ воиновъ, ни, тѣмъ паче, вступалъ въ единоборство. Но у самого консула былъ сынъ при войскѣ, юный, пылкій Манлій, командовавшій эскадрономъ конницы. Во время развѣдочнаго разъѣзда онъ однажды натолкнулся на толпу тускульскихъ всадниковъ. Предводитель послѣднихъ дерзко вызвалъ его, и когда онъ сталъ медлить, насмѣхался надъ нимъ, какъ надъ трусомъ. Тогда юноша не удержался дольше. Онъ забылъ о строгомъ запрещеніи. Полный гнѣва и стыда, онъ пришпорилъ

ЦЕНТУРІОНЪ, съ палкою и нѣсколькими почетными цѣпями и фалерами на груди. Рельефъ въ Веронѣ.

коня своего на бой, и вскорѣ противникъ, пронзенный его копьемъ, лежалъ на землѣ. Окровавленные доспѣхи онъ гордо принесъ отцу. Но тотъ былъ римлянином стараго закала; воспитанный серьёзно и строго, посѣдѣвъ въ непрерывныхъ войнахъ, онъ не зналъ ничего высшаго, какъ славу родного города и того, что способно было увеличить ее: строгую военную дисциплину и строгое исправленіе должности полководца. Онъ молча отвернулся отъ побѣдоноснаго, сіяющаго счастьемъ юноши; онъ вспомнилъ о возстаніи солдатъ въ Капуѣ, и въ душѣ его зашевелилось рѣшеніе, столь чудовищное, столь ужасное, что даже суровые, закаленные въ кровопролитіи воины содрогнулись, когда оно обнаружилось. Сигналы созвали центуріи войска на собраніе. Предъ ними стоялъ консулъ, окруженный легатами и трибунами, со всѣмъ достоинствомъ своего сана. Онъ повторилъ консульскій приказъ противъ единоборства и объявилъ затѣмъ беззвучнымъ голосомъ, что Титъ Манлій, молодой начальникъ всадниковъ, поступилъ противъ этого и потому заслужилъ смерть. Онъ увѣщевалъ сына, громко восхваляя храбрость, имъ выказанную, подчиниться закону, какъ самъ онъ приноситъ отчизнѣ, съ обливающимся кровью сердцемъ, гораздо болѣе тяжелую жертву. Послѣ этого онъ приказалъ ликтору исполнить свой долгъ. Голова благороднаго юноши скатилась во прахъ; остолбенѣвъ отъ ужаса, созерцали легіоны кровавое зрѣлище. Цѣль была достигнута. Отнынѣ царила строжайшая дисциплина. Каждый трепеталъ предъ приказами Манлія; никто не осмѣливался на малѣйшее ослушаніе. А консула, гдѣ онъ ни показывался, окружалъ ужасъ, исходившій отъ неслыханнаго поступка; солдаты, даже старые центуріоны, приближались къ нему лишь со страхомъ; они смотрѣли на него почти какъ на существо другого рода, чѣмъ обычные люди.

Самопожертвованіе Публія Деція Мура. Сказаніе повѣствуетъ еще о другой жертвѣ, жертвѣ, принесенной не военной дисциплинѣ, а чести и величію отечества. Сказаніе это перемѣщаетъ рѣшительную борьбу къ подошвѣ Везувія, который въ то время подымалъ разорванную и раздвоенную вершину выше, чѣмъ теперь, но былъ безъ движенія.

Древнія, громадныя, каменныя стѣны и прелестные виноградники покрывали нижній его склонъ, предъ которымъ до самаго Неаполя лежала хорошо воздѣланная равнина. Было наканунѣ

битвы. Еще разъ ночь покрыла землю мракомъ, даруя бойцамъ отдохновеніе во снѣ. Отдыхали и консулы, утомленные дневнымъ переходомъ и тревогой о грядущемъ рѣшеніи. Тогда обоимъ имъ во снѣ явился сверхчеловѣческій образъ. Онъ объявилъ имъ, что полководецъ одного, войско другого племени обречены богамъ смерти и матери-землѣ. Консулы проснулись, сошлись на совѣщаніе, и вскорѣ приняли свое рѣшеніе: тотъ, на чьей сторонѣ дрогнутъ легіоны, пусть обречетъ себя и непріятельскія силы подземнымъ богамъ. Уже изъ гаданій они могли узнать, кому суждена рокомъ смерть героя, кому блескъ побѣды. Децію явились неблагопріятныя знаменія: онъ пошелъ навстрѣчу року съ римскимъ мужествомъ.

Войска выступили, труба дала знакъ къ нападенію, конница открыла бой. Вотъ поднялся оглушающій бранный крикъ: легіоны столкнулись. Нѣкоторое время сраженіе оставалось нерѣшительнымъ. Но потомъ римляне на лѣвомъ крылѣ, гдѣ командовалъ Децій, дрогнули. Какъ только Децій замѣтилъ этотъ первый успѣхъ враговъ, онъ понялъ, что пора, повинуясь божескому гласу, принести требуемую жертву. Товарищъ его по должности пожертвовалъ для отчизны сыномъ, онъ собирался отдать свою собственную жизнь. По его приказу явился верховный жрецъ въ облаченіи своего сана; самъ онъ, закутавъ голову въ пурпуровую тогу, поднимая обнаженную правую руку, сталъ на копье. Онъ повторилъ вслѣдъ за жрецомъ слова: „Янъ, Юпитеръ, Отецъ Марсъ, Квиринъ, Беллона, вы, лары, вы, новые боги, и вы, боги отцовъ, вы, властвующіе надъ нами и врагами, вы, подземные боги, вамъ молюсь, взываю, умоляю я, даруйте римскому народу-квиритамъ силу и побѣду, а враговъ римскаго народа поразите страхомъ и ужасомъ смерти. Какъ я это высказалъ теперь въ молитвѣ, такъ я за государство квиритовъ, за войско, легіоны и вспомогательныя войска римскаго народа обрекаю себя, а съ собою легіоны и вспомогательныя войска врага божествамъ смерти и матери-землѣ“. Такъ сказавъ, герой вскочилъ на коня и, узнаваемый обоими войсками какъ посвященный, устремился на легіоны Лаціума. Ему предшествовалъ ужасъ, оружіе его распространяло смерть и погибель. Мечи и копья опустились; ибо робость охватывала сердца воиновъ тамъ, гдѣ онъ прорывалъ ихъ ряды подобно страшному ночному привидѣнію. Пронзенная копьями, ло-

шадь его, наконецъ, пала, и когда онъ, поднявшись, сталъ пѣшій вламываться въ толпу, онъ самъ принялъ смертельную рану. А побѣда склонилась на сторону римлянъ, и отборныя войска Лаціума покрыли кровавое поле брани.

Покореніе мятежниковъ и присоединеніе ихъ области къ римскому государству. По разсѣяніи его арміи, латинскій союзъ распался, и каждый городъ старался или помириться съ побѣдоноснымъ Римомъ или сопротивляться ему, насколько могъ. Потребовался еще цѣлый рядъ отдѣльныхъ войнъ, которыя частью не были легки, какъ напр. война съ укрѣпленнымъ Педомъ. Но до 338 г. сломлено было послѣднее сопротивленіе, и Римъ всюду преодолѣлъ возстаніе.

Отношенія въ Лаціумѣ потерпѣли теперь глубокое преобразованіе. Латинскій союзъ впредь признавался Римомъ только какъ чисто религіозное товарищество для совмѣстнаго празднованія праздника Юпитера на Альбанской горѣ. Съ каждымъ изъ враговъ переговаривались по-одиночкѣ, причемъ Римъ съумѣлъ съ большою ловкостью изолировать ихъ не только въ настоящей борьбѣ, но и на всѣ времена, по знаменитому принципу: Divide et impera! (Разъедини противниковъ, чтобы господствовать надъ ними!). Условія договоровъ были очень различны. Сильныя крѣпости Тибуръ и Пренесте, насильственное занятіе которыхъ казалось невозможнымъ, были привлечены признаніемъ ихъ независимости къ заключенію вѣчнаго оборонительнаго и наступательнаго союза. Нѣкоторые города, какъ Ланувій, Тускулъ, Ариція, также Педъ получили полное право римскаго гражданства, значитъ какъ разъ то, чего они требовали до начала войны. Не такъ мягко обошлись съ остальными. Хуже всего досталось тѣмъ, кого военное счастье безусловно предало въ руки побѣдителя. Имъ была навязана такъ называемая civitas sine suffragio, на самомъ дѣлѣ просто отношеніе подданныхъ, не дававшее имъ ни активнаго, ни пассивнаго избирательнаго права, но зато возлагавшее на нихъ податную и воинскую повинность. Цѣлые округа были конфискованы, какъ и богатая плодами и виномъ фалернская область въ Кампаніи, въ которой многочисленные римскіе граждане получили отъ двухъ до трехъ югеровъ. Въ Велитрахъ сенаторская партія потерпѣла особое наказаніе, будучи выселенной, съ потерею своего владѣнія, на противоположный берегъ Тибра, между тѣмъ какъ

съ другой стороны, вѣрное кампанское всадничество было награждено дарованіемъ полнаго римскаго права гражданства, и ежегодной рентой, которую должны были собирать кампанскіе города, въ размѣрѣ 450 денаріевъ (около 115 р. 30 к.) на каждаго всадника. Но однимъ изъ возымѣвшихъ важныя послѣдствія постановленій, повторявшимся въ большинствѣ отдѣльныхъ договоровъ, по крайней мѣрѣ съ латинскими общинами, было то, что

ДВУХВЕСЕЛЬНЫЙ КОРАБЛЬ. (Biremis).
Рельефъ храма въ Пренестѣ.

послѣднія въ отношеніи conubium и commercium, т.-е. бракосочетаній и пріобрѣтенія земельной собственности (свободы перехода) оставались, правда, связанными съ Римомъ, но строго были замкнуты другъ отъ друга. Тѣмъ самымъ у нихъ отрѣзана была всякая возможность болѣе тѣсной связи, и оказано было величайшее содѣйствіе романизаціи чрезъ бракъ и переселеніе. Безпрерывно въ латинскіе города переселялись римляне, безпрерывно въ Римъ стекались латинскіе элементы, и чрезъ немного поколѣній латиняне чувствовали себя уже вполнѣ римлянами.

Для военнаго обезпеченія вновь пріобрѣтенныхъ областей вольсковъ и кампанцевъ служилъ рядъ вновь заложенныхъ крѣпостей. Такъ въ землѣ вольсковъ въ 338 г. Антій, въ 329 г. Таррацина были превращены въ колоніи римскихъ гражданъ, а въ Кампаніи въ 334 г. была основана крѣпость Калы. Могущественный нѣкогда на морѣ, съ трудомъ покоренный Антій долженъ былъ выдать всѣ вооруженныя суда. Шесть изъ нихъ, за ветхостью и негодностью, были уничтожены, а снятыми съ нихъ корабельными носами украсили ораторскую трибуну въ Римѣ, воздвигнутую между Комиціемъ и Forum Romanum. Эта трибуна, узкая, возвышенная на десять футовъ площадка, по которой ораторъ могъ шагать взадъ и впередъ, съ тѣхъ поръ называлась Rostra (корабельные носы) и симметрически выступающими украшеніями, похожими на корабельные носы, напоминала еще позднимъ поколѣніямъ о геройскихъ подвигахъ предковъ.

ВТОРАЯ САМНИТСКАЯ ВОЙНА.

Разрывъ между Римомъ и Самніемъ; римскій военный планъ. Успѣхи Рима по отношенію къ Лаціуму и Кампаніи не были бы мыслимы, если бы ранѣе (341 г.) ему не удалось сговориться съ Самніемъ. Правда, смѣлость и счастье, съ какимъ Римъ воспользовался благопріятными обстоятельствами, лежали далеко выше предположеній его самнитскихъ союзниковъ, которые съ возрастающимъ безпокойствомъ наблюдали за угрожающими успѣхами римскихъ силъ. Если они все-таки двѣнадцать лѣтъ медлили вмѣшательствомъ, то это объясняется тѣмъ, что на югѣ противъ сабелловъ выступили и потребовали всего вниманія самнитовъ смѣлые завоеватели, находившіеся на жалованьи у Тарента, сперва спартанскій царь Архидамъ († 338 г.), а затѣмъ вождь эпиротовъ Александръ, дядя Александра Великаго. Лишь когда эпиротъ палъ въ 330 г. отъ руки убійцы, у самнитовъ развязались руки противъ Рима, который уже не стѣснялся болѣе нарушать самнитскіе интересы. Уже римская крѣпость Калы (334 г.) явно была не только стражемъ Капуи, но въ то-же время и передовымъ постомъ противъ Самнія. Въ

верхней области вольсковъ, предоставленной въ 341 г. самнитамъ, римляне взяли подъ свою защиту Фабратерію, въ 328 г. вновь отстроили разрушенныя самнитами Фрегеллы уже въ качествѣ римской крѣпости и тѣмъ самымъ завладѣли двумя важными переходами черезъ Толеръ и Лирисъ. Но когда въ 326 г. римляне протянули руку свою за двойнымъ городомъ Палеополемъ и Неаполемъ, самниты ихъ предупредили и посадили въ первый изъ названныхъ городовъ сильный гарнизонъ. Тотчасъ-же явилось римское осадное войско, и такъ какъ оно предложило палеополитанцамъ самыя благопріятныя условія, то тѣ хитростью освободились отъ насильственнаго гарнизона и открыли осаждающимъ ворота, послѣ чего подчинился и Неаполь. Это было первымъ событіемъ второй самнитской войны (326—304), длившейся 22 года и 6 мѣсяцевъ и бывшей собственно главной борьбой за преобладаніе въ Италіи.

На чьей же сторонѣ были шансы на побѣду? Еще Римъ не стоялъ на страшной высотѣ неприкосновеннаго величія; еще его могъ повергнуть въ прахъ союзъ окрестныхъ, угрожаемыхъ имъ, народовъ. Но какъ можно было бы объединить различные интересы, собрать раздробленныя силы для рѣшающаго удара! Тарентъ и другіе эллинскіе города спокойно, быть можетъ съ злорадствомъ, наблюдали за борьбой италійскихъ племенъ. Этруски лишь поздно, да и тогда не всѣми своими силами вступились за дѣло свободы. Жители Апуліи такъ часто трепетали предъ разбойническими набѣгами самнитовъ, что казались естественными союзниками римлянъ и приняли ихъ съ распростертыми объятіями. Съ галлами Римъ въ 334 г. заключилъ миръ и дружбу. Даже сабелльскіе народы не стояли единодушно за Самній: и среди нихъ нѣкоторые равнодушно держались въ сторонѣ, если не становились даже подъ римскія знамена, какъ это сдѣлали марсы и вначалѣ луканы. Такимъ образомъ самнитамъ приходилось нести тяжесть войны почти однимъ; но нельзя отказать имъ въ признаніи, что они съ достославной храбростью и упорствомъ сражались за дѣло свободы, которая была въ опасности.

Римскій планъ похода клонился къ тому, чтобъ окончательно отрѣзать самнитовъ отъ обоихъ морей и ограничить ихъ горною страною. Поэтому они сочетали наступленіе съ кампанской равнины съ натискомъ съ апульской. Къ послѣдней они сейчасъ же

послѣ начала войны открыли себѣ далеко загибающую на сѣверъ дорогу, которая вела чрезъ область союзныхъ марсовъ, кровопролитно покоренныхъ вестиновъ и затѣмъ вдоль адріатическаго берега на югъ. Такъ какъ римлянамъ послѣ первыхъ ихъ успѣховъ достались и присвоенные себѣ сабеллами города южной Кампаніи: Нола, Нуцерія, Геркуланей и Помпеи, то Самній вскорѣ походилъ на обуреваемый со всѣхъ сторонъ островъ. Но нельзя забывать, что это центральное положеніе опять-таки давало имъ и многочисленные шансы, ибо въ то время, какъ римляне должны были дробить свои силы, самниты могли всѣми силами своими наносить удары то на-лѣво, то на-право.

Л. Папирій Курсоръ и Кв. Фабій Максимъ Рулліанъ. Преданіе о второй самнитской войнѣ къ сожалѣнію также во многомъ недостовѣрно и лишено надлежащей связности. Напротивъ, оно прикрашивается полными драматизма эпизодами, изъ которыхъ въ особенности слѣдующій, опять-таки какъ примѣръ суровой непреклонной римской дисциплины, пріобрѣлъ своего рода классическую извѣстность.

Въ 324 г. диктаторомъ былъ Луцій Папирій Курсоръ, патрицій стараго закала, высокій и статный, атлетическаго тѣлосложенія, опытный во всѣхъ тѣлесныхъ и воинскихъ упражненіяхъ. Государство, величіе римскаго народа были тотъ міръ, въ которомъ вращались всѣ его помыслы. Ему онъ былъ готовъ принести всякую жертву, и того же самаго требовалъ онъ отъ своихъ подчиненныхъ. Радостно схватилъ онъ бразды верховной власти, чтобы разгромить и повергнуть въ прахъ враговъ республики. Но вотъ, когда онъ далъ приказъ къ наступленію, навстрѣчу ему вышелъ стражъ священныхъ куръ и замѣтилъ, что вѣщія птицы отказываются отъ брошеннаго имъ зерна. Папирій приготовился вернуться въ городъ для совершенія новыхъ авспицій. Путь былъ не слишкомъ великъ. Передъ отъѣздомъ своимъ онъ приказалъ своему замѣстителю, начальнику конницы Квинту Фабію Максиму Рулліану держаться въ лагерѣ и избѣгать всякаго столкновенія съ непріятелемъ. Но едва только онъ удалился, засверкали копья и щиты самнитовъ; полчища ихъ спустились въ равнину; они стали вызывать на бой. Начальникъ конницы былъ потомкомъ славнаго рода; геройскій духъ предковъ охватилъ его при видѣ темныхъ рядовъ враговъ: онъ не устоялъ предъ иску-

шеніемъ прибавить свѣжую вѣтку побѣдной славы къ доставшемуся ему наслѣдству. Онъ вывелъ войско въ открытое поле, и, когда загорѣлся бой, воины его видѣли его скачущимъ на боевомъ конѣ по рядамъ ихъ и слышали его приказы, которые онъ отдавалъ громкимъ голосомъ посреди града смертоносныхъ стрѣлъ, не заботясь объ опасности. Римляне побѣдили и восхваляли потомъ славу своего предводителя. Но у послѣдняго теперь было не такъ хорошо на душѣ, какъ въ пылу битвы, ибо онъ зналъ непреклонный характеръ диктатора. Поэтому онъ не къ нему, но къ сенату отправилъ вѣсть о побѣдѣ и заклиналъ войско, обходя, какъ проситель, своихъ бойцовъ, чтобы его защитили отъ немилости главнокомандующаго.

Папирій тѣмъ временемъ совершилъ въ Римѣ торжественное жертвоприношеніе. Боги были спрошены гаруспикомъ о выраженіи своей воли; всѣ примѣты были благопріятны. Тогда гонецъ принесъ извѣстіе о происшествіяхъ въ войскѣ. Тотчасъ-же диктаторъ вернулся въ лагерь и вскорѣ, окруженный легатами, трибунами и своими 24 ликторами, передъ поспѣшно созванными центуріями сталъ производить судъ. Онъ указалъ на свою неограниченную власть, на данный приказъ, на нарушеніе его подчиненнымъ ему начальникомъ конницы; онъ приказалъ ликтору схватить виновнаго и исполнить свою обязанность. Но этого не вынесъ несчастный. Въ пылу битвы онъ смотрѣлъ въ глаза смерти, смѣло выставлялъ ей свою грудь; но когда онъ увидѣлъ сверкающій топоръ ликтора, который угрожалъ его затылку, плаху и неподвижнаго судью своего, его охватилъ никогда не испытанный ужасъ. Онъ уклонился отъ преслѣдователей и скрылся въ густой толпѣ своихъ товарищей по побѣдѣ, которые съ ропотомъ и шумомъ, браня диктатора, задерживали погнавшихся за нимъ ликторовъ. Преслѣдуемый черезъ это получилъ возможность вскочить на быстраго коня и, безъ остановки, помчаться въ Римъ. По предложенію отца его, Марка Фабія, собрался сенатъ и съ негодованіемъ выслушалъ сообщеніе о происшествіяхъ въ лагерѣ. Пока еще совѣщались и дѣлали необходимые шаги для созванія народнаго собранія, на улицѣ раздался шумъ и показались ликторы, предшествующіе диктатору. Вскорѣ самъ онъ, неумолимый судья, вошелъ со своей свитой, изложилъ обстоятельства дѣла и велѣлъ схватить нарушителя диктаторскихъ приказаній. Весь сенатъ

протестовалъ, но тщетно. Не обращая вниманія на поднятый протестъ и шумное волненіе, диктаторъ настаивалъ на своей волѣ.

Между тѣмъ на Форумѣ было созвано народное собраніе; предъ нимъ предстали теперь Фабіи, отецъ и сынъ, въ сопровожденіи всего сената. Но и Папирій явился въ блескѣ своего сана и велѣлъ стащить преступника съ ораторской трибуны. Когда это было сдѣлано, онъ, не смущаясь ропотомъ толпы, повторилъ приказъ ликтору исполнить свою обязанность. На это Фабіи громко подняли свой голосъ, а еще громче говорила послѣдняя побѣда надъ врагами государства, участіе къ судьбѣ молодого героя, которому рука палача должна была подать награду за храбрые подвиги. Споры и перебранка наполнили Форумъ, такъ что не слышно было ни одного оратора. Наконецъ, когда толпа устала, можно было разобрать голосъ диктатора и его приверженцевъ. Диктаторскія повелѣнія, говорили они, доселѣ считались наравнѣ съ волею боговъ. Если разъ, если теперь попрать ихъ святость, то достоинство высшей должности, часто спасавшей государство, уничтожено навсегда; а граждане, дерзающіе совершить такое преступленіе, отвѣтятъ за это современникамъ и потомству. Доводы эти успокоили возмущеніе; у строгаго судьи была возможность исполнить свой приговоръ. Но вотъ сенатъ, народные трибуны и вся собравшаяся толпа съ мольбою подняли руку и голосъ и стали просить за жизнь славнаго воина. Теперь законъ былъ удовлетворенъ, диктатура сохранила полномочіе своей власти, просьбамъ римскаго народа, а не незаконной силѣ верховный судья уступилъ; онъ подарилъ гражданамъ ихъ любимца и сохранилъ отечеству одного изъ его наиболѣе мужественныхъ и побѣдоносныхъ героевъ.

Тщетные переговоры о мирѣ. Пять лѣтъ уже тянулась борьба, и все рѣшительнѣе перевѣсъ сталъ клониться на сторону римлянъ. Самниты отчаялись, какъ разсказываетъ Ливій, въ правотѣ своего дѣла и въ расположеніи боговъ. Чтобы достигнуть желаннаго мира, они въ 322 г. выдали Риму плѣнныхъ римлянъ вмѣстѣ со всей добычей, и въ то-же время и главу партіи войны, заслуженнаго полководца Брутула Папія или, такъ какъ онъ добровольной смертью уклонился отъ позора, по крайней мѣрѣ трупъ его. Но просьба ихъ о мирѣ презрительно была отклонена. Сам-

нитамъ не оставалось другого выбора, кромѣ крайняго сопротивленія. Но съ успокоенной совѣстью они болѣе довѣрчиво стали смотрѣть навстрѣчу будущему. И вотъ слѣдующій походъ принесъ имъ столь неожиданные успѣхи, а римляне испытали столь страшное наказаніе, что мысль о немъ, какъ и о галльской катастрофѣ, заставляла краснѣть отъ стыда еще позднихъ потомковъ. Ни при какомъ событіи римской исторіи не было большаго искушенія прикрасить и скрыть истинныя обстоятельства дѣла. Дѣйствительное происшествіе было, повидимому, таково.

Оцѣпленіе римлянъ при Кавдіѣ. Самниты созвали ополченія всѣхъ округовъ и назначили полководцемъ союза опытнаго Гавія Понтія, уже не разъ доказавшаго свое искусство въ горной войнѣ. Чтобы сломить сопротивленіе, оба римскихъ консула, Спурій Постумій и Титъ Ветурій выступили (321 г.) въ Кампанію, и съ ними четыре легіона, которые вмѣстѣ съ союзниками составили боевыя силы приблизительно въ 40,000 человѣкъ. Они думали со всѣми силами напасть на врага съ запада, а въ Апуліи ограничиться обороной. Съ другой стороны — такъ по крайней мѣрѣ единогласно утверждали всѣ извѣстія, приходившія въ главную квартиру римлянъ, въ Калатію—Гавій Понтій предполагалъ произвести внезапное нападеніе на слабо прикрытую Апулію; говорили даже, что онъ бросился на Луцерію и крайне тѣснитъ этотъ главный опорный пунктъ римлянъ. Необходима была быстрая помощь; оставленіе Луцеріи безъ нея сдѣлало бы спорнымъ важнѣйшій успѣхъ предыдущаго періода войны. Консулы не могли и думать итти по обычной, безопасной дорогѣ чрезъ область марсовъ и вестиновъ; при этомъ они потеряли бы тридцать драгоцѣнныхъ дней. Они должны были попытаться пробиться по кратчайшей линіи поперекъ Самнія. Это можно было совершить въ пять или шесть дней, если главныя силы непріятеля дѣйствительно стояли въ Апуліи. Къ сожалѣнію, это предположеніе было совершенно ложное; всѣ тѣ извѣстія объ уходѣ самнитскаго войска на востокъ были ловко пущены въ римскій лагерь самимъ врагомъ. Самниты стояли совсѣмъ по-близости, и римляне, у которыхъ очевидно не было достаточной развѣдочной службы, шли прямо въ ихъ руки.

По переходѣ черезъ Вольтурнъ, они пошли по долинѣ небольшого южнаго притока его, теперешняго Исклеро, принимающей

подъ конецъ видъ ущелья, вплоть до источниковъ этой рѣчки, до Кавдинской котловины, называемой такъ еще понынѣ. Замкнутый подобно осушенному дну горнаго озера, со всѣхъ сторонъ окруженный крутыми, высокими, нѣкогда лѣсистыми горами, четырехугольный лугъ простирался приблизительно на милю въ длину и на часъ пути въ ширину. Подобно діагоналямъ скрещиваются русло Исклеро и позднѣе построенная Аппіева дорога, которая со стороны Капуи входитъ сюда по длинной, узкой долинѣ, „Furculae Caudinae“, и при выходѣ ея по направленію къ Беневенту идетъ по затруднительнымъ тѣснинамъ. Когда римскій авангардъ хотѣлъ пройти по этимъ послѣднимъ тѣснинамъ, онъ нашелъ ихъ загражденными стволами деревьевъ и каменными глыбами. Въ то же время на высотахъ показались густыя полчища враговъ. Консулы велѣли итти обратно, но уже были заперты засѣками и войсками какъ ущелье Исклеро, такъ и Furculae. Никто не могъ ужъ обмануть себя насчетъ рокового положенія. Истощенные утомительнымъ переходомъ по горамъ, римляне рѣшились на этотъ вечеръ разбить укрѣпленный лагерь на рѣкѣ. Затѣмъ началась отчаянная борьба съ непріятелемъ, который со значительными силами въ неприступной позиціи держалъ ихъ пойманными какъ бы въ ловушкѣ и, спокойно дожидаясь, могъ предоставить остальное дѣйствію голода. Послѣ нѣсколькихъ дней сраженій замореные голодомъ, сильно порѣдѣвшіе легіоны должны были считать свое дѣло проиграннымъ и сдаться

Сдача. Гавій Понтій, по преданію, колебался, какъ поступить съ римлянами. Его престарѣлый отецъ, Геренній, къ которому онъ обратился за совѣтомъ, предложилъ ему будто-бы, или отпустить все побѣжденное войско безъ обиды, или перебить его до послѣдняго воина, чтобъ или обязать Римъ чрезвычайнымъ благодѣяніемъ, или парализовать его на много лѣтъ. Понтій рѣшилъ иначе, и справедливо. Кто можетъ разсчитывать на благодарность? Развѣ для гордости не горько и благодѣяніе? И развѣ Римъ со своими 160,000 гражданъ не могъ взамѣнъ уничтоженнаго войска тотчасъ же выставить въ поле въ два раза сильнѣйшее? Понтій предпочелъ заключить капитуляцію на болѣе надежной основѣ. Онъ потребовалъ сложенія оружія, заключенія мира, выдачи трехъ крѣпостей Калъ, Фрегеллъ и Луцеріи, наконецъ 600 заложниковъ всаднической сословія вплоть до полнаго выполненія до-

говора. Волей-неволей консулы должны были согласиться на эти тяжкія условія. Торжественной клятвой подтвердили они foedus (договоръ), за соблюденіе котораго они сами и съ ними квесторы и всѣ штабъ-офицеры войска лично поручились. Послѣ этого запертые римляне были отпущены и при томъ въ знакъ того, что они собственно были военноплѣнными и освобождены только изъ милости, должны были пройти черезъ ярмо, т.-е. родъ воротъ, образованныхъ двумя вертикальными копьями, скрѣпленными поперекъ нихъ положеннымъ третьимъ копьемъ. Скрежеща отъ бѣшенства, опустивъ отъ стыда взоръ къ землѣ, разоруженные воины подчинились этому униженію.

Унылыми и обезсилѣвшими прибыли они черезъ Furculae въ Капую, гдѣ ихъ участливо подкрѣпили пищей и питьемъ. Затѣмъ они продолжали свой путь на родину, гдѣ деревенскіе люди изъ нихъ, чувствуя стыдъ, разсѣялись по своимъ имѣніямъ, а остальные пробрались въ городъ и въ свои жилища ночью. Весь Римъ наложилъ на себя трауръ, и впредь dies Caudinus, какъ и dies Alliensis и позднѣе dies Cannensis справлялся, какъ день національной скорби.

Нарушеніе кавдинскаго договора. Постановленія договора, повидимому, вѣрно были выполнены консулами, Калы и Фрегеллы срыты, Луцерія очищена. Ихъ соблюдали, пока не были возвращены заложники. Между тѣмъ истекъ годъ службы консуловъ, и явились самнитскіе послы, чтобы склонить и новыя, лично уже не отвѣтственныя, власти къ признанію мира. Сенатъ былъ не прочь отъ этого. Это сіятельное собраніе глубоко еще было проникнуто благоговѣніемъ передъ божествомъ; оно не хотѣло брать на себя отвѣтственности за нарушеніе законнаго и фактически признаннаго договора, да и поручители этого договора принадлежали вѣроятно большей частью къ сенатскимъ фамиліямъ. Плебсъ, напротивъ, оказывалъ самое рѣшительное сопротивленіе. Онъ чувствовалъ отказъ отъ политики завоеваній, потерю колоній, какъ прямой матеріальный ущербъ. Онъ думалъ, что для успокоенія совѣсти достаточно, если покамѣстъ еще дать двухлѣтнее перемиріе; онъ думалъ соблюсти букву договора, выдавъ врагу скованными всѣхъ его поручителей. Непріятель былъ слишкомъ благороднаго образа мыслей, чтобы вымѣстить вѣроломство на этихъ несчастныхъ; онъ снялъ съ нихъ оковы и отпустилъ ихъ свободными и не обиженными.

Событія 319—312 г.г. Почти всѣ плоды первыхъ годовъ войны утрачены были римлянами чрезъ Кавдинское пораженіе. Апулія была въ рукахъ враговъ; даже въ Лаціумѣ покорность населенія колебалась. Когда (въ 318 г.) перемиріе истекло, римляне сочли болѣе разумнымъ покамѣстъ отказаться отъ опасной игры въ крупныя битвы, и осторожно ограничивались мелкой войной. И съ успѣхомъ. Въ четыре лѣта они отвоевали драгоцѣнную апульскую равнину, при сильномъ содѣйствіи со стороны господствовавшаго тамъ ожесточенія противъ самнитовъ, которые хозяйничали тутъ болѣе какъ разбойники, чѣмъ какъ защитники. Отвоеванная обратно въ 315 г. Луцерія превращена была въ сильную крѣпость и получила, какъ постоянный гарнизонъ, солдатъ полулегіона. Оказавшіеся неспособными удержаться на востокѣ, непріятели всѣ свои силы собрали для мощнаго удара на западѣ. Еще разъ удалось имъ причинить римлянамъ чувствительный уронъ при Лавтулахъ (315 г.) и опасно потрясти ихъ положеніе въ Кампаніи. Лишь въ слѣдующее лѣто болѣе счастливая для римлянъ битва возстановила нарушенное равновѣсіе, такъ что отпавшая уже Капуя снова подчинилась. Съ тѣхъ поръ и на этомъ западномъ театрѣ войны прекратились крупныя событія. Но римляне втихомолку и постоянно утверждались тамъ все болѣе и болѣе. Грозно, неприступно вырастали на границахъ Самнія, быстро слѣдуя одна за другой, римскія крѣпости: въ Фрегеллахъ, которыя непріятель послѣ восьмилѣтняго обладанія ими долженъ былъ возвратить, въ Интерамнѣ, въ Суэссѣ, въ Сатикулѣ. Столь же важнымъ стало начатое въ 313 г. цензоромъ Аппіемъ Клавдіемъ сооруженіе большой военной дороги, которая изъ Рима вела чрезъ средину Понтинскихъ болотъ вплоть до Капуи. Эта via Аррія, съ ея большой шириной, съ ея солиднымъ фундаментомъ, прекрасно выложенная каменными плитами, которыя мѣстами нынѣ еще дозволяютъ пользоваться ею, не только технически считалась „царицей“ и образцомъ всѣхъ дорогъ, но и стратегически получила величайшее значеніе. Она сдѣлала возможнымъ непредвидѣнное дотолѣ ускореніе передвиженій войскъ. Ни одинъ успѣхъ хотя бы самой блестящей битвы не можетъ сравниться съ дѣйствіемъ сѣти крѣпостей и путей сообщенія, какими Римъ въ медленномъ, но цѣлесообразномъ натискѣ опутывалъ и сжималъ противника.

Возстаніе этрусковъ (311—308 г.г.). Усталый, какъ борецъ, который неоднократно повергнутъ былъ наземь превосходнымъ противникомъ, а все-таки снова поднимается, хотя и со слабѣющей силой и надеждой, стоялъ самнитскій народъ насупротивъ страшнаго врага. Неужели не находился союзникъ, чтобы раздѣлить съ нимъ долгую, ужасную борьбу? Неужели ни одинъ изъ прочихъ народовъ не понималъ, что покореніе Самнія было первымъ шагомъ къ покоренію всѣхъ? Наконецъ, зашевелилось на сѣверѣ. Въ низменностяхъ между Циминскимъ и Сабатинскимъ озерами римляне владѣли хорошо укрѣпленнымъ городомъ Сутріемъ. Туда направилось этрусское войско, достаточно сильное, чтобы на случай попытки къ выручкѣ отразить ее. Послѣ многихъ перемѣнныхъ успѣховъ римлянамъ удалось лишь въ слѣдующемъ году освободить угрожаемую пограничную крѣпость изъ желѣзныхъ объятій непріятеля. Полководецъ, которому принадлежитъ слава этого, былъ извѣстный уже намъ Квинтъ Фабій Максимъ Рулліанъ: популярный образъ, любимецъ сказанія, которое умѣетъ прикрасить его несомнѣнно значительные успѣхи романтическими деталями и вплести въ лавровый вѣнокъ героя прелестные цвѣты. Недовольный этимъ отраженіемъ нападенія, онъ рѣшилъ теперь въ свою очередь проникнуть въ страну непріятеля. Прежде всего онъ отправилъ брата своего, достаточно знакомаго съ этрусскимъ языкомъ, лазутчикомъ во вражескіе города, и когда тотъ вернулся съ желанными вѣстями, онъ выполнилъ свой планъ. Путь свой онъ держалъ черезъ Циминскій нагорный лѣсъ. Сорокъ уже лѣтъ онъ считался границей. Ни одного топора дровосѣка не было слышно въ чащѣ этого дремучаго лѣса: по немъ пробирались только дѣятельные торговцы со своими вьючными животными. Вокругъ вѣковыхъ исполинскихъ стволовъ подростали молодыя деревья, терновникъ; журчащія воды и скатывающіеся камни дѣлали небезопасными рѣдкія тропинки. Воины содрогались, вступая въ обманчивый, страшный лѣсной сумракъ. Послѣ многихъ трудностей, но безъ потерь прибыли они, наконецъ, на возвышенность около выхода изъ лѣса, и предъ ними развернулся озаряемый яркимъ утреннимъ солнцемъ, цвѣтущій, улыбающійся ландшафтъ. Безпрепятственно прошли они къ пышнымъ полямъ и въ многочисленныя села, жители которыхъ не имѣли времени унести свою собственность

въ укрѣпленные города. Вся Этрурія стала подъ оружіе; но первое, наскоро собранное, войско непріятелей безъ труда было разсѣяно и побѣдоносный хищническій походъ дальше направился къ городу Перузіи между Тразименскимъ озеромъ и Тибромъ. Здѣсь произошла кровопролитная битва съ главными силами этрусковъ. Легіоны побѣдили. Перузія сдалась, другіе города также просили перемирія.

Въ Римѣ съ боязливой тревогой услышали объ отважномъ планѣ консула и отправили къ нему посланцевъ запретить ему переходъ черезъ границу. Но послѣдніе прибыли слишкомъ поздно, они могли только поздравить мужественнаго вождя съ первымъ его успѣхомъ и вернулись въ Римъ вѣстниками побѣды. Немного спустя къ Рулліану прибыло новое посольство отъ сената.

Дѣло въ томъ, что и въ Самніѣ не умолкалъ шумъ войны. Римляне понесли ужасы опустошенія въ самое сердце горной страны и проникли до самыхъ стѣнъ главнаго города Бовіана. Однако въ запутанныхъ горныхъ и лѣсныхъ мѣстностяхъ не обошлось и безъ потерь и пораженій. Когда Фабій проникъ въ Циминскій лѣсъ, самниты возликовали; они сочли его погибшимъ, поднялись со свѣжимъ мужествомъ, разбили хозяйничавшаго въ ихъ странѣ консула Гая Марція Рутила и отрѣзали его отъ всякаго сообщенія съ Римомъ. Въ крайней тревогѣ сенатъ постановилъ избрать диктатора и сочелъ пригоднымъ къ этому только одного мужа, Папирія Курсора. Но кому было возвести могучаго героя въ высшій санъ? Консулы одни только по закону имѣли на это право; но одного изъ нихъ окружали непріятельскія полчища, такъ что до него не могъ добраться государственный посланецъ, а другой былъ Руллианъ, который нѣкогда спасъ отъ диктатора свою голову только благодаря просьбѣ всего народа. Никогда между нимъ и его прежнимъ преслѣдователемъ не было произнесено слово примиренія, и теперь, когда онъ увѣнчалъ свѣжими лаврами свою голову, нѣкогда обреченную сѣкирѣ палача, онъ казался менѣе всего расположеннымъ преклонить ее предъ смертельнымъ врагомъ. Но нужно было соблюсти законъ, и два достойныхъ консулара (бывшіе консулы) передали ему порученіе сената совершить назначеніе диктатора. Было поздно вечеромъ, когда они явились къ нему. Онъ молча выслушалъ

VIA APPIA въ Римѣ, съ надгробными памятниками по обѣимъ сторонамъ дороги. Реконструкція И. Вюльмана.

ихъ, но не далъ отвѣта и удалился, оставивъ ихъ въ мучительной неизвѣстности. Однако, въ тиши ночной онъ обдумывалъ, какъ поступить. Старая злоба, его гордость своими подвигами, сознаніе, что у него въ рукахъ честь врага, поднялись въ его душѣ съ демонической силой. Точно изъ прошлаго выступили никогда не забытыя сцены, полныя ужаса, блестящій топоръ, на судилищѣ человѣкъ съ желѣзной волей и каменнымъ сердцемъ, упрашивающій сенатъ, умоляющій народъ. Онъ боролся противъ темныхъ силъ, опутывавшихъ его лучшую волю. Тогда ему явилась другая картина, картина плачущей отчизны, запертыхъ въ Самніѣ, быть можетъ, уже перерѣзанныхъ по его винѣ легіоновъ, и—онъ побѣдилъ. Серьезно и торжественно предсталъ онъ предъ государственными посланцами, объявилъ о назначеніи предложеннаго диктатора и затѣмъ снова удалился, какъ и вошелъ, не говоря болѣе ни слова.

Фабій вскорѣ повелъ свои привыкшіе къ побѣдамъ легіоны опять къ новымъ успѣхамъ, которые вмѣстѣ съ нимъ, прославленнымъ героемъ, продолжали потомъ незабвенно жить въ памяти народной: сперва у края тѣхъ кратеровъ, которые окружаютъ сѣрныя воды Вадимонскаго озера, и затѣмъ снова при Перузіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ сила этрусковъ была сломлена: послѣ едва трехлѣтняго похода они отказались отъ безплоднаго сопротивленія и большинство ихъ городовъ заключило перемиріе съ Римомъ.

И диктаторъ Папирій Курсоръ сражался достойно своего стараго имени. Во главѣ новаго ополченія онъ выступилъ на помощь стѣсненному консулу Марцію. При его приближеніи непріятели отступили, такъ что онъ безпрепятственно могъ соединиться съ освобожденными легіонами. Но Самній вовсе не отказался отъ борьбы, для которой онъ, напротивъ, собиралъ всѣ свои силы. Явились знатнѣйшіе люди націи, которые составили особыя когорты съ отличнымъ оружіемъ. Одна половина носила отливающіе пурпуромъ полукафтаны и золотыя украшенія на щитахъ, другая—бѣлую полотняную одежду и серебряныя украшенія. Загорѣлась жаркая и убійственная битва; наконецъ, начальникъ римской конницы заставилъ правое крыло непріятелей и среброщитныхъ отступить; диктаторъ и преслѣдовавшая ихъ конница завершили побѣду. На тріумфѣ впереди было несено много изъ

взятыхъ въ добычу золотыхъ и серебряныхъ щитовъ и было въ то время постановлено, чтобы этимъ блестящимъ оружіемъ впредь при торжественныхъ процессіяхъ украшались лавки мѣнялъ на Форумѣ.

Рѣшеніе и заключеніе мира. Какіе виды открылись бы дѣлу италійской свободы, если-бы во время этрусскаго возстанія воспрянули духомъ и племена, сидѣвшія между Этруріей и Самніемъ, и подняли оружіе противъ Рима! Тогда оба великихъ врага Рима могли бы подать другъ другу руку и соединенными силами, можетъ быть, произвести счастливый и рѣшающій ударъ. Благопріятный моментъ остался не использованнымъ, и поздно только, и то въ-одиночку послѣдовали безсильныя возстанія, которыя могли принести лишь гибель мятежникамъ, а не спасеніе истекавшимъ кровью самнитамъ. А теперь и къ нимъ приближалась ихъ участь. Сообразно съ первоначальнымъ планомъ, въ 305 г. два консульскихъ войска, одно изъ Апуліи, другое изъ Кампаніи, вступили въ Самній и подъ Бовіаномъ подали другъ другу руки. Истощенные непріятели явились на отчаянную борьбу, но и въ этотъ рѣшительный часъ богъ войны отказалъ имъ въ милости: полководецъ ихъ, Геллій Эгнатій, попалъ въ плѣнъ, главный городъ ихъ былъ взятъ съ приступа. Послѣ этого они попросили мира и получили его (304). Прежній „равный союзъ“ былъ возобновленъ. Однако положеніе могущества тѣхъ и другихъ весьма измѣнилось не въ пользу Самнія. Римъ неоспоримо господствовалъ въ Кампаніи и Апуліи, Самній же оттѣсненъ былъ отъ обоихъ морей и ограниченъ своими горами. Вѣсы могущества замѣтно склонялись на сторону Рима.

Усиленіе римскаго могущества во время мира. Что миръ будетъ долговѣченъ, въ это не вѣрили ни здѣсь, ни тамъ. Римляне привѣтствовали его какъ желанный отдыхъ, чтобы крѣпче обосновать свой перевѣсъ и отточить свой мечъ для болѣе мощныхъ ударовъ. Самымъ опаснымъ временемъ минувшей войны было то, когда этруски поднялись въ пользу самнитовъ. Къ счастью, оба они въ то время въ дѣйствительности не подали другъ другу руки. Но проницательнымъ взоромъ римляне обратили вниманіе и на эту возможность. Отдѣлить тѣхъ и другихъ крѣпкимъ запоромъ, заковать въ цѣпи небольшія области сомнительной вѣрности, образовавшія мостъ между обоими, и дополнить на сѣверѣ желѣз-

ную сѣть, охватившую Самній уже съ востока и запада: на этомъ сосредоточили они теперь всю свою силу и для этой цѣли построили четыре сильныхъ крѣпости: Сору (303 г.) въ области вольсковъ, Альбу (303 г.) и Карсіолы (298 г.) въ странѣ эквовъ, Нарнію въ Умбріи (299 г.) и двѣ новыя военныя дороги, изъ которыхъ одна, Валеріева, вела на востокъ вплоть до воротъ земли Марсовъ, другая, Фламиніева, на сѣверъ черезъ этрусскія области въ самую Умбрію. Напрасно возставали народности, потерпѣвшія чрезъ это ущербъ: у эквовъ, попытавшихся къ возстанію, въ пятьдесятъ дней было опустошено болѣе сорока городовъ и мѣстечекъ.

ТРЕТЬЯ САМНИТСКАЯ ВОЙНА.

Новая вспышка враждебныхъ дѣйствій. Пять только лѣтъ выносили самниты свое недостойное положеніе. Миръ оказался болѣе роковымъ, нежели несчастливая война. Память о бѣдствіяхъ опустошенія и о понесенныхъ пораженіяхъ не могла смутить храбраго народа и отклонить его отъ рѣшенія еще разъ рискнуть на страшную игру оружіемъ и либо выиграть, либо со славою погибнуть. Но нужно было спѣшить; каждый безъ пользы пропущенный годъ уменьшалъ виды на успѣхъ. Въ 298 г. все, казалось, сулило счастливый исходъ. Нѣкоторыя этрусскія общины возмутились, вся Средняя Италія была въ броженіи; крѣпости были еще не окончены, дороги еще строились, сообщенія еще не совершенно были отрѣзаны. И апулійцы, повидимому, колебались; прежде же всего зашевелились галлы. Если-бъ удалось привлечь всѣ эти враждебныя Риму силы къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ, еслибъ удалось воспламенить всюду накопившіяся горючія массы, то можно было зажечь пожаръ, который долженъ былъ уничтожить гордое величіе Рима. Самниты начали съ того, что бросились на лукановъ и, по низверженіи расположеннаго къ Риму правительства, принудили ихъ къ военному союзу. То была война; Самниты знали это и желали этого. Римскимъ феціаламъ, явившимся, чтобы еще разъ уладить разногласія миромъ, намекнули чрезъ отправленныхъ къ нимъ навстрѣчу пословъ, чтобы они лучше не отваживались явиться на

самнитское собраніе: нельзя-де поручиться, что ихъ отпустятъ невредимыми. Настолько было всеобщимъ ожесточеніе противъ Рима и воинственное настроеніе.

Соединеніе враговъ Рима въ Умбріи. Первыя событія войны, правда, не принесли врагамъ Рима ожидаемыхъ успѣховъ. Раздробленныя силы истощились въ безплодной борьбѣ въ-одиночку. Луканы при первомъ приближеніи римлянъ отступились отъ навязаннаго имъ союза. Этруски также слишкомъ скоро ослабѣли. Вся тяжесть войны лежала теперь на самнитахъ, которые потеряли двѣ битвы и должны были смотрѣть, какъ побѣдитель цѣлыхъ пять мѣсяцевъ безпощадно хозяйничалъ въ ихъ горахъ. Тутъ ихъ какъ громомъ поразила вѣсть, что Этрурія переговаривается относительно мира. Этого не должно было быть; этому надо было помѣшать цѣною всего. Тогда самнитскій полководецъ, Геллій Эгнатій, и съ нимъ его народъ рѣшились на послѣднюю, величайшую жертву. Въ жестокой школѣ несчастія они научились отказывать себѣ во многомъ. Они взялись предоставить собственную страну свирѣпости римлянъ, чтобы бросить главныя свои силы въ Этрурію. Несмотря на всѣ римскія крѣпости, походъ удался. Отъ неустрашимаго самоотверженнаго мужества самнитовъ воспрянули духомъ и малодушные этруски и еще разъ воодушевились новой жаждой борьбы.

Теперь насталъ тотъ случай, котораго боялся Римъ, и который онъ хотѣлъ предотвратить столь чрезвычайными усиліями. Дальнѣйшая опасность грозила съ той стороны Апеннинъ, съ травяныхъ полей, гдѣ галлы пасли свои стада. Тамъ поля и деревни кишѣли ратными людьми, которые, жаждя войны и добычи, охотно слѣдовали заманчивому призыву и деньгамъ этрусковъ. Римъ былъ охваченъ ужасомъ предъ галлами. Одинъ только человѣкъ казался пригоднымъ оказать сопротивленіе страшнымъ силамъ союзниковъ: Квинтъ Фабій Рулліанъ, который съ мудростью и военнымъ опытомъ старости все еще связывалъ отвагу своей юности. На него направили свои взоры сенаторы, и граждане единодушно избрали его консуломъ. Скромно отказываясь, онъ указалъ на свои посѣдѣвшіе волосы; затѣмъ, когда его стали упрашивать, онъ попросилъ себѣ въ товарищи по должности друга своего Деція, сына того Деція, который, по преданію, принесъ себя въ жертву при Везувіи. То были два настоящихъ римлянина. Совершить

на службѣ отчизнѣ самое высокое—это было единственной цѣлью ихъ стремленій. А войска, которыя были отданы въ ихъ распоряженіе, соотвѣтствовали какъ величинѣ опасности, такъ и славѣ вождей. Знали, что дѣло идетъ объ исполинской борьбѣ за участь Рима и Италіи. Созвано было 90000 бойцовъ, въ особенности многочисленная конница, чтобы встрѣтить страшныя конныя полчища галловъ. Главное войско съ обоими консулами, по крайней мѣрѣ въ количествѣ 60000 человѣкъ, двинулось впередъ по вновь сооруженной дорогѣ на сѣверъ въ Умбрію; ибо тамъ, гдѣ сходились пути сообщенія изъ сабелльскихъ, этрусскихъ и гальскихъ областей, было единственное сборное мѣсто противниковъ. Два запасныхъ корпуса были поставлены для прикрытія моста черезъ Тибръ у Фалерій и для охраны столицы—вблизи ея.

Одинъ легіонъ, далеко выдвинутый, стоялъ при Камеринѣ, гдѣ опасались вторженія галловъ. Участь этого авангарда, казалось, предвѣщала мало хорошаго. Когда онъ подвинулся впередъ къ высокимъ горамъ, кельты уже повалили съ нихъ плотными массами, отрѣзали ему отступленіе и перебили его до послѣдняго воина. По преданію, подскакавшіе всадники войска варваровъ, которые привязали головы убитыхъ римлянъ къ сѣдламъ или поднимали ихъ въ знакъ побѣды, первые извѣстили консуловъ о пораженіи.

Битва при Сентинѣ. При Сентинѣ на восточномъ склонѣ Апеннинова произошла рѣшительная битва (295 г.). Удачнымъ маневромъ консулы въ послѣднее время пробили громадную брешь въ стѣнѣ своихъ противниковъ. Оба запасныхъ корпуса сдѣлали вторженіе въ Этрурію, и этруски „менѣе великодушные, чѣмъ самниты, которые прошли чрезъ развалины своихъ городовъ, чтобы не отсутствовать на настоящемъ полѣ брани“, покинули при этомъ печальномъ извѣстіи союзное войско и ушли на защиту родины. Такимъ образомъ, римлянамъ пришлось имѣть дѣло въ сущности только съ самнитами и галлами.

Геллій Эгнатій со своими храбрыми, свѣдущими въ военномъ дѣлѣ, войсками составлялъ ядро лѣваго крыла. Кельты въ безчисленномъ множествѣ, пѣхота и конница, имѣли почетное мѣсто справа. Противъ нихъ стоялъ храбрый Децій съ большей частью римской и кампанской конницы, мужество и воинская ловкость которыхъ были знамениты. Противъ самнитовъ велъ свои легіоны

Фабій въ традиціонномъ построеніи манипулами. Неколеблясь, горцы устояли предъ натискомъ, hastati и principes дрогнули отъ ихъ напора. Жаркое солнце жгло воиновъ, бившихся въ ожесточенномъ бою; только мѣднопоножные тріаріи, недвижно упершись на правое колѣно, за боевой линіей ждали минуты, когда имъ слѣдовало вмѣшаться рѣшающимъ образомъ.

Иначе дѣло шло на лѣвомъ крылѣ римлянъ. Здѣсь по рядамъ римлянъ промчался волкъ. Они съ ликованіемъ привѣтствовали его, какъ посланнаго Марсомъ вѣстника побѣды. Лань пробѣжала къ кельтамъ и была застрѣлена. Это показалось преступленіемъ противъ великой богини Діаны. Децій постарался оправдать это знаменіе боговъ. Хорошо знакомый съ галльскимъ способомъ сражаться, онъ стянулъ манипулы сомкнутымъ строемъ. Едва только это произошло, какъ на нихъ уже ринулись съ пронзительнымъ боевымъ крикомъ непріятели, стремясь, послѣ того какъ пущены были метательные снаряды, густыми массами разорвать фалангу. Вой варваровъ, звуки роговъ, звонкіе удары мечей наполняли воздухъ, но легіоны стояли непоколебимо. Вотъ подлетѣли конныя полчища галловъ: они были дважды прорваны и отброшены храбрыми всадниками. Но теперь ихъ боевыя колесницы, стуча, понеслись на всадниковъ и на пѣхоту, которые, пораженные и ошеломленные новымъ ужасомъ, пронзаемые метательными снарядами воиновъ на колесницахъ, давимые колесами и копытами коней, стали размыкать свои ряды. Въ этотъ часъ ужаса, разсказываетъ римское преданіе, Децій вспомнилъ объ отцѣ своемъ. Онъ былъ готовъ на такую же смертную жертву. Когда онъ сталъ, закутавшись, на копье, жрецъ продиктовалъ ему посвятительную формулу. Онъ повторилъ ее и прибавилъ еще: „Предо мной пусть идутъ ужасъ и бѣгство, рѣзня и кровопролитіе! Гнѣвъ боговъ неба и ада пусть падетъ на знамена и оружіе враговъ, такъ чтобъ они со мной погибли одною смертью“! Затѣмъ посвященный герой устремился въ ряды галловъ и палъ отъ ихъ стрѣлъ. А войска его восторженно сомкнули свои ряды на новый бой, съ нечеловѣческимъ мужествомъ ударили на врага и обратили его въ бѣгство.

На правомъ крылѣ, гдѣ командовалъ Фабій, сраженіе все еще оставалось нерѣшеннымъ. Тогда на призывъ консула поднялись тріаріи. И когда засверкали ихъ копья, когда ихъ неослабленная

сила, ихъ сомкнутые ряды ударили на усталыхъ отъ боя самнитовъ, послѣдніе не могли долѣе удержаться на своей позиціи. Все назадъ и назадъ подавались они передъ бѣшенымъ напоромъ враговъ, вплоть до лагернаго вала. Здѣсь, наконецъ, храбрый Геллій Эгнатій попытался остановить ихъ. У входа сражался самъ онъ со знатнѣйшими изъ воиновъ, задерживая бѣгство своихъ, противясь непріятельскому натиску; онъ озиралъ поле брани, не явится ли помощь; но онъ видѣлъ только побѣдоносныя когорты римлянъ, а вдали—бѣгущихъ кельтовъ. Тогда его самого поразилъ смертельный ударъ, сохранивъ его отъ горя увидѣть крушеніе послѣдней своей надежды.

Обломки самнитскаго войска ушли, все еще въ добромъ порядкѣ, на югъ, такъ какъ истощенные римляне не могли продолжать преслѣдованія. Они ловкими переходами и среди неоднократныхъ стычекъ достигли родныхъ горъ. А Фабій съ побѣдоноснымъ войскомъ пошелъ въ западномъ направленіи черезъ Апеннины въ Этрурію, опустошилъ область Перузіи и Клузія и окончательно запугалъ этрусковъ побѣдоноснымъ сраженіемъ. Послѣ этого онъ справилъ свой заслуженный тріумфъ.

Послѣдняя борьба самнитовъ за ихъ свободу. Битва при Сентинѣ была рѣшающею. Одного дня борьбы было достаточно, чтобы разсѣять коалицію противниковъ Рима. Галльская буря разбилась о скалу римскаго безстрашнаго мужества; прошло десять лѣтъ, прежде чѣмъ варвары отважились на новое вторженіе въ Среднюю Италію. Этруски согласились на перемиріе. Война, только-что принявшая большіе размѣры, опустилась до уровня отдѣльной борьбы съ самнитами. Только послѣдніе не дешево отдали себя на гибель; они держались еще пять лѣтъ; они предпочитали быть побѣжденными, чѣмъ не попытаться побѣдить, и не разъ они приводили римлянъ въ затруднительное положеніе. На западной границѣ своей страны они въ туманный день застигнули врасплохъ лагерь одного консула, проникли до самой его середины и были выбиты лишь послѣ крупнаго урона смутившихся легіоновъ. При Луцеріи они дали отчаянную, быть можетъ, даже побѣдоносную битву, хотя они и не смогли взять приступомъ ненавистную цитадель. При Аквилоніи они, правда, проиграли болѣе крупную битву, хотя ядро ихъ войска, 16000 человѣкъ въ бѣлыхъ военныхъ полукафтанахъ и блестящихъ доспѣхахъ, обязались страшной

клятвой остаться на полѣ сраженія живыми или мертвыми. Но и отъ этого пораженія они еще разъ оправились, и въ слѣдующій походъ новый Понтій позорно обратилъ въ бѣгство консула Квинта Фабія Гургита, сына Рулліана. Уже хотѣли назначить диктатора; тогда престарѣлый побѣдитель при Сентинѣ взялся стать рядомъ со своимъ несчастливымъ сыномъ, какъ помощникъ его и совѣтникъ. Ловкими движеніями онъ принудилъ самнитовъ къ битвѣ, и когда римскій авангардъ уже сталъ подаваться назадъ, а консулъ, отчаянно сражавшійся, былъ оцѣпленъ, онъ во главѣ конницы арріергарда одержалъ самую полную побѣду. Самнитское войско было разгромлено, самъ вождь плѣненъ. Какъ радостно должно было биться сердце отца, когда консулъ съ увѣнчанной головой всходилъ на Капитолій! Съ другой стороны, взоръ нашъ съ грустью останавливается на Понтіѣ, который шелъ впереди тріумфальной колесницы, отягченный цѣпями, и потомъ былъ обезглавленъ въ темницѣ, по жестокому римскому обычаю.

Съ тѣхъ поръ самниты не появляются болѣе въ полѣ; они вполнѣ ограничились партизанской войной. Каждое село становилось небольшой крѣпостью, каждая горная вершина — упорно отстаиваемымъ оплотомъ свободы. Но силы страны и народа клонились къ концу: поселенія были въ развалинахъ, поля—опустошены, стада—съѣдены. Угрожающимъ образомъ поднялась и на южной границѣ новая римская крѣпостная постройка, основанная въ 291 г., Венузія, гдѣ неслыханное число колонистовъ въ 20000 человѣкъ, т.-е. сильное консульское войско, составило, на положеніи гражданъ, постоянный ея гарнизонъ. Заложенная на границѣ трехъ земель, она не только образовала постоянную непосредственную опасность для самнитовъ, но и отрѣзала имъ окончательно всякую поддержку съ юга. Тогда въ 290 г., когда противъ нихъ командовалъ храбрый консулъ Маній Курій Дентатъ, они попросили мира; онъ былъ дарованъ имъ на сносныхъ условіяхъ. Утвердили ихъ независимость, не потребовали отъ нихъ уступки земли, не заложили крѣпости въ ихъ области: они должны были только согласиться на продолженіе Аппіевой дороги черезъ Малевентъ до Венузіи. Самниты пришли къ убѣжденію, что они не могутъ равняться съ Римомъ. Они отказались носить знамя противу-римскихъ стремленій. Только во время крупныхъ кризисовъ римскаго могущества, да и тогда только вслѣдъ за могучими

врагами Рима они еще нѣсколько разъ обнажали мечъ. Поэтому Маній Курій Дентатъ, вызвавшій, наконецъ, миръ съ безстрашными передъ смертью остатками геройскаго народа и покорившій кромѣ того и сабинянъ, по справедливости продолжалъ незабвенно жить въ памяти благодарнаго потомства. Онъ, римскій Эпаминондъ, былъ прославляемъ какъ образецъ простоты, безкорыстія и неподкупности, и дѣдъ разсказывалъ внуку, какъ великій мужъ на огнѣ очага самъ готовилъ себѣ свое кушанье изъ рѣпы; какъ онъ съ улыбкой отклонилъ блестящее золото, которымъ непріятельскіе послы надѣялись купить его расположеніе; какъ онъ возразилъ имъ, что Римъ лучше желалъ бы господствовать надъ богатыми народами, чѣмъ самъ быть богатымъ; какъ онъ, побѣдивъ сабинянъ, не потребовалъ себѣ большаго куска пріобрѣтенной земли, чѣмъ какой получилъ самый простой гражданинъ, и какъ онъ, вернувшись къ частной жизни, обработывалъ его собственноручно.

Галльская война. Послѣ того какъ римляне въ 289 г. еще и въ области пицентовъ заложили крѣпость, Гадрію, перевѣсъ ихъ въ Средней Италіи былъ рѣшенъ и тамъ былъ созданъ порядокъ вещей, который обѣщалъ мирное существованіе. Но на сѣверѣ Апеннинокъ шумѣли, подобно взволнованному морю, массы галльскихъ народовъ. Сентинскаго наказанія хватило на десять лѣтъ; но въ 285 г. сеноискіе галлы, грабя и сожигая все на своемъ пути, вторглись черезъ горы въ этрусскій городъ Арретій. Вмѣстѣ съ Этруріей они угрожали и Риму. Поспѣшно отправилось на помощь римское войско подъ начальствомъ претора Метелла: страхъ передъ варварами исчезъ, послѣ того, какъ послѣдніе въ день Сентина испытали тяжесть римской десницы. Но кельты на этотъ разъ превосходившими числомъ своими силами смяли римскій строй, перебили мечами всѣхъ, кто оказывалъ сопротивленіе, и потащили тысячи плѣнныхъ и лагерную добычу черезъ горы въ свою страну. 13000 римскихъ труповъ, среди нихъ тѣло полководца, покрывали поле брани; это было однимъ изъ злополучнѣйшихъ пораженій римскаго народа. Сенатъ рѣшилъ отправить къ сенонамъ посольство изъ союзныхъ жрецовъ, для выкупа плѣнныхъ: опьяненные побѣдою и надменностью варвары не уважили даже жреческихъ одѣяній, но напали на феціаловъ, убили ихъ и изрубили даже тѣла ихъ на куски. Но за этимъ преступленіемъ по

пятамъ слѣдовало и наказаніе. Сильное римское войско форсированнымъ маршемъ вступило въ сеноискую Галлію, разбило непріятельское ополченіе и опустошило огнемъ и мечемъ открытую страну, гдѣ не останавливали его окруженные стѣнами города, причемъ не давало никакой пощады: все сеноиское племя должно было поплатиться и было истреблено почти совершенно.

Объ этихъ ужасахъ опустошенія услышали бои, которые пасли свои стада между Надомъ и Апеннинами. Они отправились съ сильнымъ войскомъ отомстить за соплеменниковъ. Спасшіеся сеноны подкрѣпили безчисленныя полчища, прежде чѣмъ они перешли черезъ горы, и походъ ихъ направился прямой дорогой на Римъ. Легіоны, подъ предводительствомъ консула Публія Корнелія Долабеллы, встрѣтились съ непріятельскими силами у Вадимонскаго озера. Бой былъ упорный, но побѣда досталась римлянамъ; непріятельское войско было большей частью уничтожено. Римляне не замедлили обезпечить за собой вновь пріобрѣтенную, драгоцѣнную область сеноновъ основаніемъ крѣпости Сены Галльской (Sena Gallica), оплота, одинаково годнаго какъ для обороны, такъ и для удара противъ сѣверныхъ варваровъ. Но теперь нужно было обратить взоры на югъ, гдѣ сгущались зловѣщія грозовыя тучи.

ВОЙНА СЪ ТАРЕНТОМЪ И ПИРРОМЪ, ЦАРЕМЪ ЭПИРСКИМЪ.

ТАРЕНТЪ. Когда въ тѣ времена въ солнечный майскій день приплывали по темносинимъ, прозрачнымъ волнамъ въ самый внутренній уголъ обширнаго залива, отдѣляющаго другъ отъ друга оба южныхъ полуострова Италіи, то предъ восхищеннымъ окомъ открывался ландшафтъ неописуемой прелести. Богатое кольцо душистыхъ холмовъ облегало заливъ, имѣвшій видъ полукруга, открытаго къ западу; и если это кольцо немного прерывалось по срединѣ, то это, казалось, служило только къ тому, чтобы Тарентскій акрополь, увѣнчанный блестящими фронтонами мраморныхъ храмовъ, съ исполинскимъ Геракломъ, бронзовымъ колоссомъ мастерской работы Лисиппа, на

верху выступалъ еще выгоднѣе. Безчисленные паруса оживляли рейдъ, и на мѣстахъ выгрузки, гдѣ тѣснился корабль за кораблемъ, шевелилось много тысячъ дѣятельныхъ рукъ, выгружая на безопасный берегъ сокровища, привезенныя отважными купцами изъ дальнихъ странъ, или грузя произведенія туземной промышленности и родной земли для прибыльнаго вывоза. Справа отъ акрополя живописно раскинулось море домовъ многолюднаго города. Но не туда направлялъ кормчій корабль, а влѣво, гдѣ чужеземецъ теперь только замѣчалъ узкій входъ, непосредственно защищенный крѣпостью. Онъ велъ собственно въ гавань, которая была защищена и просторна, какъ ни одна другая, и позади косы, на которой лежалъ городъ Тарентъ, тянулась съ милю вглубь страны, въ видѣ вполнѣ замкнутаго бассейна.

Несравненное морское положеніе Тарента, его благословенныя пахатныя земли, виноградники и рощи маслинъ, его душистыя горныя пастбища, на которыхъ рѣзвились безконечныя стада, неистощимое богатство его морей рыбами и прежде всего прелестными пурпурными раковинами, не менѣе того искусство его жителей въ выдѣлкѣ тонкихъ тканей и металлическихъ работъ, все это возвышало его до степени одного изъ первыхъ греческихъ городовъ. Богатствомъ онъ спорилъ съ Сиракузами и Родосомъ. Какъ послѣдніе, онъ былъ основанъ дорянами; сама Спартаприслала сюда своихъ сыновъ (705 г.). Слѣдовало думать, что и политически онъ былъ призванъ къ господствующему положенію на большомъ пространствѣ. Но для этого нужно внутреннее здоровое государственное устройство, а его-то, по крайней мѣрѣ въ позднѣйшія времена, тщетно стали бы искать въ Тарентѣ. Величайшимъ государственнымъ мужемъ Тарента былъ иностранецъ Архита, другъ Платона. Какъ Периклъ въ Аѳинахъ, такъ и онъ умѣлъ одинъ перевѣсомъ своей могучей личности господствовать надъ толпой и какъ разъ когда Римъ былъ сожженъ галлами, поднять свой родной городъ во главѣ союза великогреческихъ городовъ до значительнаго могущества. Но едва сошелъ онъ въ могилу (365 г.), какъ союзъ этотъ распался; изолированный, раздираемый партіями, изнѣженный роскошной жизнью, городъ скоро спустился съ высоты своего могущества, и когда разгорѣлась борьба за судьбу Италіи, онъ не обладалъ

ужъ болѣе достаточной силой и мужествомъ, чтобы устоять передъ мощною римскою силою.

Близорукій, слѣпой передъ опасностью, которая угрожала ему со стороны Рима, Тарентъ старался держать вдали отъ себя всегда только ближайшаго врага, сабелловъ. Съ злорадствомъ онъ наблюдалъ поэтому за второй самнитской войной, отвлекшей самнитовъ въ другомъ направленіи. Затѣмъ онъ снова былъ принужденъ, какъ это случилось уже раньше, взять на свое жалованіе греческаго полководца, спартанскаго царевича Клеонима (303 г.).

ВИДЪ г. ТАРЕНТА съ востока — Рисунокъ съ фотографіи.

Но этотъ надменный, безцеремонный человѣкъ очень скоро сталъ для самихъ тарентинцевъ такимъ бичемъ, что они наконецъ рады были освободиться отъ него съ помощью Рима. Къ этому времени относится чреватый послѣдствіями договоръ между Римомъ и Тарентомъ, который, правда, на морѣ налагалъ на римлянъ ограниченіе, запрещая имъ въѣздъ въ Тарентскій заливъ, но за то, что было гораздо важнѣе, обязывалъ тарентинцевъ къ нейтралитету въ борьбѣ Рима съ самнитами.

Такимъ образомъ, Тарентъ оставался бездѣятельнымъ, въ то время какъ самниты истекали кровью. Это было неблагоразумiемъ,

за которое онъ скоро тяжко долженъ былъ поплатиться. Правда, во время третьей самнитской войны, ему самому грозила опасность. Ибо царь Агаѳоклъ Сиракузскій, человѣкъ насильственный, съ львинымъ сердцемъ, по происхожденію сынъ гончара, за нѣсколько лѣтъ до этого переправившійся въ Африку и смѣлымъ ударомъ почти взявшій Карѳагенъ, протянулъ какъ разъ тогда свою руку за Великой Греціей. Но несмѣтныхъ богатствъ Тарента весьма бы хватило для того, чтобъ навербовать многочисленныя полчища греческихъ наемниковъ и въ случаѣ нужды стать фронтомъ на двѣ стороны. Онъ прозѣвалъ это, и то было для него роковымъ. Когда самниты были повергнуты въ прахъ, онъ услышалъ желѣзные шаги легіоновъ уже въ самой близи: грозно поднялась на сѣверѣ крѣпость Венузія, и римляне уже начали утверждаться на самомъ заливѣ. Какъ сабелльскіе наемники Агаѳокла (ум. 289 г.) завладѣли Мессаной, перерѣзали тамъ ратное населеніе и жили теперь въ полномъ довольствѣ, такъ луканская шайка теперь захотѣла поступить и съ богатымъ греческимъ городомъ Ѳуріями; но какъ нѣкогда Капуя противъ самнитовъ, такъ теперь Ѳуріи противъ луканскихъ сабелловъ потребовали помощи у Рима. Консулъ Гай Фабриціи подошелъ вѣроятно изъ Венузіи и защитилъ не только Ѳуріи, но и Локры, Кротонъ и Регій римскимъ гарнизономъ отъ подобныхъ покушеній.

Поводъ къ войнѣ. Однако стоялъ Тарентъ и уже долженъ былъ почуять, что теперь очередь за нимъ. Римляне поставили около Ѳурій эскадру въ десять кораблей, и эскадра эта, въ одинъ прекрасный день, зашла даже въ гавань Тарента. Какой-либо угрозы въ этомъ не могло, конечно, быть; вѣроятно это сдѣлано было только для того, чтобы позондировать почву; но, безспорно, это было нарушеніемъ вышеупомянутаго договора. И вотъ это дало поводъ къ открытой вспышкѣ все равно неизбѣжной войны. Вся, такъ долго сдерживавшаяся изъ робости, зависть и ненависть къ Риму внезапно разразилась со стихійной силой. Народъ какъ разъ былъ собранъ въ театрѣ, гдѣ открывался видъ на море. Точно опьянѣвъ отъ гнѣва и безумія, толпа черни ринулась къ берегу, сѣла на галеры, напала на римскія суда и раздѣлалась съ ними по своему. Часть была потоплена, другая взята, прочія искали спасенія въ бѣгствѣ. Теперь были созваны войска и флотъ противъ Ѳурій и, по взятіи ихъ, хотя римскій гарнизонъ былъ

отпущенъ, самый городъ былъ отданъ наемникамъ на разграбленіе.

Еще медлилъ римскій сенатъ взяться за мечъ. Онъ не скрывалъ отъ себя, что Тарентъ въ союзѣ съ оскорбленными луканами, съ озлобленными самнитами — противникъ опасный. Ему не было неизвѣстнымъ, что онъ завязалъ сношенія съ однимъ изъ честолюбивѣйшихъ и способнѣйшихъ въ военномъ дѣлѣ царей эллинскихъ, съ царемъ Эпирскимъ, Пирромъ, который давно уже внимательнымъ окомъ слѣдилъ за дѣлами на западѣ, считалъ себя наслѣдникомъ великодержавной политики своего тестя Агаоокла и, въ случаѣ своего вмѣшательства въ италійскія дѣла, могъ сдѣлать спорнымъ все положеніе Рима на полуостровѣ. Поэтому сенатъ удовольствовался тѣмъ, что черезъ посольство потребовалъ въ Тарентѣ удовлетворенія, и при томъ только освобожденія плѣнныхъ, выдачи зачинщиковъ и возстановленія Θурій. Достойный консуларъ, стоявшій во главѣ посольства, приведенъ былъ въ театръ предъ народное собраніе. Но если онъ думалъ внушить уваженіе своею римской важностью и своимъ парадным платьемъ, то онъ ошибся. Подвижный греческій народъ,—такъ повѣствуютъ,—какъ разъ совершавшій празднество въ честь бога вина Діонисa, пальцами указывалъ на его toga praetexta и давалъ волю своему остроумію и юмору, по поводу чопорной осанки варвара. Когда же тотъ въ своей рѣчи сталъ коверкать эллинскій языкъ, то возбудилъ такую веселость, что не было конца смѣху. Онъ воскликнулъ, полный негодованія: „Смѣйтесь и насмѣхайтесь! Скоро у васъ будетъ основаніе плакать!“ Съ этими словами онъ сталъ искать, сквозь толпу, выхода. При этомъ случилось, что простолюдинъ изъ подонковъ черни грубѣйшимъ образомъ испачкалъ его тогу. Когда же толпа по этому поводу снова заржала отъ язвительнаго смѣха, онъ поднялъ мокрыя складки одежды вверхъ и сказалъ: „Эти пятна вы смоете потоками крови“. И это же одѣяніе было на немъ, когда онъ въ сенатѣ давалъ отчетъ объ успѣхѣ своей миссіи, и въ немъ же онъ показался предъ собранными центуріями, которыя безъ дальнѣйшаго промедленія рѣшили войну.

Несмотря на оправдываемое нарушеніемъ международнаго права рѣшеніе, сенатъ все еще соблюдалъ, насколько возможно, умѣренность. Правда консулъ, Л у ц і й Э м и л і й, получилъ порученіе высту-

пить съ войскомъ, но на границѣ онъ долженъ былъ еще разъ предложить справедливый миръ. Онъ такъ и поступилъ и двинулся впередъ лишь тогда, когда переговоры оказались тщетными. Онъ одержалъ побѣды и взялъ много добычи въ Луканіи и разбилъ городское ополченіе Тарента, когда оно отважилось оказать ему сопротивленіе въ открытомъ полѣ. Но это было лишь прологомъ. Тарентъ не остался оставленнымъ въ одиночкѣ со своими италійскими союзниками: былъ привлеченъ Пирръ и съ нимъ цѣлое войско грековъ.

Царь Пирръ. Вмѣстѣ съ этимъ предъ нами открывается совершенно новая картина. Полководецъ изъ школы великаго Александра, смѣло обращающій взоръ свой на престолъ міровой монархіи, съ новымъ оружіемъ и необыкновенными стратегическими средствами вступаетъ въ борьбу съ возвышающимся Римомъ. Онъ родился приблизительно семь лѣтъ спустя послѣ смерти македонскаго завоевателя (около 316 г.); уже на третьемъ году его жизни ему грозила насильственная смерть, такъ какъ отецъ его былъ впутанъ въ гибель родственной ему царицы Олимпіады, матери Александра. Вѣрные слуги бѣжали съ мальчикомъ въ Иллирію, гдѣ онъ нашелъ защиту, пока не получилъ возможности уже юношею вернуться въ царство своихъ предковъ. Изгнанный вторично, онъ примкнулъ къ своему зятю, смѣлому искателю приключеній, Деметрію Поліоркету, рядомъ съ нимъ сражался въ кровопролитной битвѣ при Ипсѣ и вмѣстѣ съ нимъ счастливо избѣжалъ ужасовъ пораженія. Онъ и въ несчастіи остался вѣрнымъ товарищу. Въ его интересахъ онъ отправился заложникомъ ко двору Птолемея въ Александрію, гдѣ созрѣвъ статнымъ воиномъ-героемъ, онъ пріобрѣлъ ловкостью и открытымъ, мужественнымъ характеромъ расположеніе царя и руку его падчерицы. Снабженный деньгами и войскомъ, онъ затѣмъ пріобрѣлъ опять господство въ Эпирѣ; во время продолжавшихся смутъ онъ съумѣлъ даже сѣсть на царскій престолъ Македоніи. Здѣсь, какъ и тамъ, онъ былъ любимъ и возбуждалъ удивленіе; эпироты называли его „орломъ“; въ Македоніи онъ скоро завоевалъ сердца всѣхъ своимъ львинымъ мужествомъ, своею пламенною душой, своимъ рыцарствомъ, всѣмъ своимъ, напоминающимъ Александра, образомъ. Однако гордая покореніемъ Азіи македонская знать не терпѣла его; предъ ея подавляющей силой онъ

долженъ былъ удалиться въ родныя горы, гдѣ подъ дубами Додоны и у таинственныхъ водъ Ахеронта онъ мечталъ о великихъ планахъ, о побѣдахъ и побѣдныхъ почестяхъ. Онъ содержалъ ратное войско; его окружалъ кругъ тонко образованныхъ друзей; но онъ умѣлъ цѣнить и своихъ суровыхъ, полуварварскихъ эпиротовъ и привязать ихъ къ себѣ ласковымъ обращеніемъ, и полный нетерпѣнія дожидался онъ случая, чтобы выступить изъ своей незвѣстности. Тогда-то Тарентъ попросилъ его явиться покровителемъ притѣсненныхъ греческихъ городовъ въ Италіи, спасти эллинскую культуру и нравы отъ грозящей гибели: деньги, говорили ему, для войны готовы, а сотни тысячъ союзниковъ ждутъ только его приказа. Онъ согласился съ радостью. Для него наступилъ часъ освобожденія отъ гнета бездѣятельности. Громадные планы созидались въ его отважной душѣ. Какъ покровитель Великой Греціи, какъ наслѣдникъ Сициліи, онъ надѣялся разгромить Римъ и, быть можетъ, также Карѳагенъ и, какъ Александръ Запада, на ихъ развалинахъ, воздвигнуть великое гесперійское эллинское царство.

Монета царя Пирра.

Конечно Пирра, выступавшаго теперь противъ Рима, отнюдь нельзя было сравнивать съ великимъ Александромъ. Послѣдній съ соединенными силами Македоніи и всей Эллады отправился на борьбу съ одряхлѣвшимъ царствомъ персовъ, съ бездѣятельными индусами. Его орлиный взоръ обнималъ цѣлое и отдѣльныя части. Рядомъ съ нимъ стояли способнѣйшіе вожди, которые смѣлостью болѣе чѣмъ равнялись какому-нибудь Фабію, энергіей и настойчивостью—какому-нибудь Паширію. Войско его съ испытанными фалангами, непреодолимыми среброщитниками, броненосной конницей, легковооруженными гипаспистами, агріанскими копьеносцами не находило себѣ подобнаго. Противъ слоновъ и серпоносныхъ колесницъ, противъ различнѣйшихъ враговъ онъ быстро находилъ подходящій способъ борьбы и самое цѣлесооб-

разное оружіе. Со своимъ неистощимымъ геніемъ, своею энергіей, своими средствами онъ совершенно иначе противосталъ бы римлянамъ, чѣмъ Пирръ, который за собой имѣлъ только маленькій Эпиръ, а рядомъ съ собой изнѣженный Тарентъ и ненадежныхъ союзниковъ, который вовсе и не преслѣдовалъ постоянно своей цѣли, но нетерпѣливо отклонялся то сюда, то туда, гдѣ ему представлялась минутная выгода. Но, безъ сомнѣнія, онъ не былъ противникомъ, котораго можно было бы презирать. Онъ съ атлетической силой дѣйствовалъ мечомъ и копьемъ, такъ что ни одинъ воинъ не могъ равняться съ нимъ въ рукопашной схваткѣ, а какъ полководецъ, онъ съ искусствомъ и хладнокровіемъ руководилъ ходомъ битвы.

Прибытіе эллинскихъ войскъ въ Тарентъ. На защиту Тарента царь поспѣшно выслалъ впередъ подъ начальствомъ полководца Милона 3,000 эпиротовъ, которые заняли Тарентскую цитадель и принудили римлянъ въ позднее время года отступить въ Апулію.

Между тѣмъ царь Пирръ производилъ вооруженія съ крайнимъ напряженіемъ. Когда они были окончены и крупное войско въ 20,000 копьеносцевъ, 500 пращниковъ, 2,000 стрѣлковъ изъ лука и 3,000 ѳессалійскихъ всадниковъ съ 20 слонами было готово къ выступленію, онъ отплылъ еще до начала весны (280 г.). Ураганъ съ сѣвера разсѣялъ флотъ, посадилъ нѣсколько судовъ на отмели, а многія изъ нихъ угналъ въ южное море. Корабль, на которомъ находился самъ Пирръ, смогъ добраться до берега; царь съ нетерпѣніемъ бросился въ море и вплавь достигъ мессанскаго берега. Его окружало едва 2,000 человѣкъ, когда онъ вступалъ въ Тарентъ, но мало-по-малу вокругъ него собралась наибольшая часть его силъ. Теперь онъ выказалъ суровую сторону воина, не собирающагося много церемониться съ гуляками и кутилами. Онъ принялъ диктаторскую власть, закрылъ театры и бани, а также народныя собранія, въ которыхъ играли роль только демагоги и скоморохи, и запретилъ всѣ пиршества и увеселенія. Онъ забралъ всѣхъ годныхъ для военной службы мужчинъ, выучилъ ихъ черезъ своихъ офицеровъ и не обращалъ вниманія на жалобы изнѣженныхъ горожанъ на жестокое обращеніе. На деньги тарентинцевъ онъ навербовалъ, далѣе, многочисленныхъ наемниковъ; ибо онъ хорошо видѣлъ, что съ обѣщанными союзниками дѣло обстоитъ плохо, что онъ предоставленъ своимъ соб-

ственнымъ силамъ. Сосѣдніе мессапы, народъ дикій, не мирились съ военнымъ порядкомъ; Самній былъ ослабленъ долгой войной, лукановъ тѣснилъ консулъ Публій Валерій Левинъ, рано выступившій въ походъ, чтобы вести войну на непріятельской почвѣ. Противъ него-то прежде всего царь и обратился.

Битва при Гераклеѣ. Пошли вдоль берега, облегающаго Тарентскій заливъ. На рѣчкѣ Сирисѣ, недалеко отъ Гераклеи, замѣтили римское войско. Пирръ, которому уже видъ римскихъ легіоновъ доказалъ, что онъ стоитъ вовсе не противъ врага изъ варваровъ, сдержалъ свою жажду брани, чтобы напередъ стянуть къ себѣ еще луканскіе отряды войска. Но римская конница, сражаясь, перешла черезъ Сирисъ и грозила обойти эпирскій авангардъ съ фланга. Тогда царь подскакалъ во главѣ своей отличной ѳессалійской конницы. Видимый на далекое разстояніе въ своемъ блестящемъ вооруженіи, онъ ринулся въ самую бѣшеную рукопашную схватку. Онъ упалъ. Хотя онъ нашелъ Клита, который въ критическій моментъ закололъ коня подъ тѣснившимъ его непріятелемъ, но исчезновеніе вождя вызвало страхъ и смятеніе: конная стычка была проиграна Пирромъ. Ставъ болѣе осторожнымъ, царь обмѣнялся доспѣхами съ однимъ изъ своихъ довѣренныхъ лицъ и сталъ наступать фалангой, предъ которой не устоялъ неплотный строй легіоновъ. Но они не пришли въ замѣшательство, а гдѣ только неровная почва задерживала эпирскую массу, тамъ они становились въ позицію, пускали свои pila въ вооруженныхъ копьями враговъ и мечомъ и щитомъ оттѣснили ихъ въ равнину. Тамъ, правда, страшный лѣсъ копій снова взялъ верхъ. Семь разъ мѣнялось такимъ образомъ счастье: снова дрогнули эпироты, такъ какъ распространился слухъ, что полководецъ палъ. Въ дѣйствительности палъ лишь тотъ, кто носилъ доспѣхи царя. Пирръ съ обнаженной головой проскакалъ по рядамъ и снова ободрилъ оробѣвшихъ. Консулъ съ тревогой глядѣлъ на нерѣшительную борьбу войскъ; у его воиновъ уже опускались руки: тогда онъ еще разъ прибѣгнулъ къ испытанной силѣ своей конницы. Во главѣ ея онъ устремился на броненосные эскадроны ѳессалійцевъ, чтобы отбросить ихъ и затѣмъ, ворвавшись въ фалангу съ тыла, освободить легіоны. Но вотъ на заднемъ планѣ появились, окруженные пращниками и легковооруженными воинами, черные колоссы, на видъ подобные ходячимъ крѣпостямъ. То были

слоны, о которыхъ римляне хотя и слышали, но которыхъ они еще никогда не видали. Земля тряслась подъ ихъ ногами, копья сопровождавшихъ ихъ воиновъ сыпались на шлемъ и щитъ; лошади римлянъ пугались при необычномъ видѣ, подымались на дыбы, опрокидывались назадъ, кони и всадники обращались въ бѣгство, преслѣдуемые, сраженные копьями ликующихъ эпиротовъ. Страшныя животныя повернули теперь на легіоны, и эти также, неподготовленные и неспособные къ сопротивленію противъ чудовищъ, охвачены были одинаковымъ ужасомъ. Пораженіе было рѣшительное. Левинъ началъ отступленіе къ Венузіи. Но пало и 4,000 эпиротовъ, ядро царскихъ силъ.

Пирръ, по преданію, сказалъ: „Еще такая битва, и я безъ войска вернусь въ Эпиръ“. Затѣмъ онъ будто-бы указалъ на римскіе трупы, которые всѣ получили смертельныя раны спереди въ грудь и лицо, и въ удивленіи воскликнулъ: „Съ такими воинами я былъ бы владыкой міра!“

Кинея въ Римѣ. Успѣхъ побѣды былъ значителенъ. Вся южная Италія и также Самній достались царю. Самый же Римъ не былъ потрясенъ. До Венузіи были выдвинуты его сильные передовые посты и прежде всего онъ не утратилъ вѣры въ себя самого. Изъ плѣнныхъ римлянъ ни одинъ не соглашался на требованіе служить врагу въ качествѣ наемника. Пирръ почувствовалъ, что значитъ бороться съ вооруженнымъ народомъ. Такимъ образомъ, онъ счелъ за самое разумное воспользоваться своимъ боевымъ счастьемъ для заключенія благопріятнаго мира. Онъ отправилъ вѣрнаго и ловкаго своего министра Кинею въ Римъ съ умѣренными предложеніями, въ то время какъ самъ онъ, чтобы придать имъ вѣсъ, медленно наступалъ черезъ Кампанію на Лаціумъ. Опытный, много путешествовавшій государственный мужъ удивился городу варваровъ. Тамъ, конечно, не было такого великолѣпія мрамора и драгоцѣнныхъ металловъ, какъ въ Элладѣ, но столицу Италіи украшали прочныя произведенія архитектуры и пластики. Храмы, бронзовыя статуи боговъ этрусскаго искусства, стѣны города, водопроводы, улицы, все основательной работы, свидѣтельствовали о серьезной дѣятельности народа, устроившаго здѣсь свою столицу. И когда тонко образованный эллинъ вступилъ въ сенатъ и увидѣлъ предъ собой длинный рядъ отцовъ, когда онъ глядѣлъ на ихъ достойную, серьезную осанку, слушалъ ихъ,

ясно обсуждавшія предметъ, рѣчи, онъ не смѣялся подобно легкомысленнымъ тарентинцамъ, но думалъ, что передъ нимъ собраніе царей. Онъ изложилъ свое желаніе со всѣмъ искусствомъ риторики. Онъ сообщилъ сенату, что царь его требуетъ только освобожденія греческихъ городовъ и независимости его сабелльскихъ союзниковъ, что онъ за это отпуститъ плѣнныхъ и очиститъ Италію, что онъ, далѣе, изъ глубокаго уваженія передъ римскимъ именемъ, желаетъ заключить союзъ съ республикой.

Сенатъ колебался нѣсколько дней. Этимъ временемъ ловко воспользовался хитрый греческій политикъ. Правда, попытки подкупа, для которыхъ онъ былъ снабженъ обильными средствами, ему не удались: было еще время Курія Дентата. Несмотря на это, уваженіемъ къ Риму, которое онъ выставлялъ на видъ, и ореоломъ, которымъ онъ съумѣлъ окружить образъ своего царя, онъ всюду произвелъ впечатлѣніе. Сенатъ колебался на самомъ дѣлѣ. Тогда въ собраніе явился человѣкъ, который уже много лѣтъ не принималъ болѣе участія въ совѣщаніяхъ, почтенный Аппій Клавдій, знаменитый цензоръ, слѣпой и разбитый параличомъ, но все еще взвѣшивавшій судьбы государства, честь и блескъ республики. Благоговѣйное молчаніе встрѣтило старца, и тотчасъ раздался его дрожащій голосъ въ страстной рѣчи: „Доселѣ, собранные отцы, я оплакивалъ потерю моего зрѣнія; но сегодня я хотѣлъ бы быть не только слѣпымъ, но и глухимъ, чтобы ничего не слышать изъ недостойныхъ совѣщаній, которыя ведутся здѣсь на позоръ Риму. Развѣ вы не хвалились громко: если-бы великій Александръ обратился на Италію и помѣрился бы силами съ молодежью Рима и дружинами его сильныхъ мужей, то теперь его не прославляли бы, какъ непобѣдимаго героя, онъ нашелъ бы на бранныхъ поляхъ Италіи пораженіе и смерть и содѣйствовалъ бы только усиленію блеска этого города? Развѣ вы теперь не доказываете, что вы были пустыми хвастунами? Вы вѣдь боитесь уже хаоновъ и молоссовъ, бывшихъ изстари только охотничьей дичью для македонянъ, и дрожите передъ Пирромъ, который всю свою жизнь былъ не чѣмъ инымъ, какъ прислужникомъ у сподвижниковъ Александра. Въ данный моментъ онъ шатается по Италіи—нестолько для того, чтобы помочь здѣсь грекамъ, сколько для того, чтобы избѣгнуть враговъ своихъ на родинѣ—и съ силами, которыхъ не хватило даже, чтобы удержать небольшую часть Македоніи, онъ

берется доставить вамъ господство надъ Италіей! Не заблуждайтесь только! Если Пирръ, вмѣсто порядочнаго наказанія за преступное нарушеніе имъ мира, унесетъ съ собой въ награду еще и Тарентъ и Самній, то вы не только вызовете его на новыя посягательства, но привлечете еще и другихъ жадныхъ людей, которые тоже попытаются захватить себѣ добычу отъ столь презрѣннаго противника". Сила убѣжденія, говорившая изъ его могучей рѣчи, не преминула произвести впечатлѣніе. Кинеѣ былъ данъ отрицательный отвѣтъ: пусть Пирръ очиститъ Италію, тогда лишь можетъ быть рѣчь о переговорахъ и союзахъ; покуда онъ еще стоитъ вооруженнымъ въ странѣ, для Рима одинъ только лозунгъ: война.

Почти смущеннымъ вернулся Кинея къ своему царю. Онъ будто-бы выразился передъ нимъ, что война съ Римомъ—борьба противъ гидры. Дѣйствительно, уже было готово къ выступленію новое войско, въ два раза сильнѣе разбитаго. Пирръ, правда, проникъ уже въ область герниковъ; но со всѣхъ сторонъ ему угрожали римскія крѣпости, изъ которыхъ онъ смогъ взять только одну, Фрегеллы; даже Неаполь и Капуя оставались не побѣжденными въ тылу его. Не колебалась ни одна часть прочнаго зданія римскаго государства, Пирру грозило больше опасности, чѣмъ Риму. Такимъ образомъ, онъ долженъ былъ рѣшиться повернуть обратно и на зиму перенесъ свою главную квартиру въ Тарентъ.

Фабрицій. Сюда прибылъ бывшій консулъ Фабрицій во главѣ посольства, для переговоровъ о выкупѣ плѣнныхъ. Царь, все еще носившійся съ надеждой на почетный миръ, старался склонить на свою сторону этого вліятельнаго человѣка. Зная черезъ Кинею, что онъ крайне бѣденъ, онъ попытался достигнуть этого золотомъ, которое онъ вѣжливымъ образомъ предложилъ ему, въ видѣ почетнаго подарка гостю. Скромный Фабрицій отказался принять его, сказавъ, что лично онъ не цѣнитъ избытка, а, какъ сановникъ, онъ достаточно надѣленъ государствомъ. Когда Пирръ затѣмъ испыталъ его мужество тѣмъ, что, по его приказу, внезапно изъза стѣнки палаты выступилъ большой слонъ и протянулъ надъ нимъ хоботъ, Фабрицій спокойно сказалъ царю: „Какъ мало вчера меня прельстило твое золото, такъ мало сегодня пугаетъ меня большое животное". Впрочемъ, Пирръ отказалъ въ выкупѣ плѣнныхъ; за то, взявъ съ нихъ обѣщаніе явиться обратно, онъ от-

пустилъ ихъ въ Римъ на праздникъ Сатурналій. Онъ не мало удивился, когда они всѣ безъ исключенія вернулись въ плѣнъ; сенатъ, подъ угрозой смертной казни, приказалъ честно сдержать обѣщаніе.

Битва при Аскулѣ. Слѣдующей весной (279) вновь открылись непріязненныя дѣйствія. Обѣ стороны вооружились по мѣрѣ силъ. Войско царя, численностью до 70,000 человѣкъ, проникло въ Апулію, гдѣ надо было сломить Венузію, южный оплотъ римскаго могущества. Для обороны ея въ Апулію явились оба консула. Близъ Аскула на склонѣ горъ они наткнулись на непріятеля, но осторожно держались на высотахъ.

Обѣ стороны для ожидаемаго второго столкновенія ввели тактическія новизны. Римляне соорудили машины, которыми они надѣялись одолѣть „луканскихъ быковъ", какъ называли они босвыхъ слоновъ. Именно, они приготовили родъ боевыхъ колесницъ, на которыхъ были устроены жаровни на желѣзныхъ стержняхъ, а спереди подвижная мачта съ крѣпкимъ желѣзнымъ жаломъ. Пирръ, напротивъ, раздѣлилъ фалангу на „спиры", чтобы придать ей въ случаѣ нужды ту легкую подвижность, которую онъ призналъ преимуществомъ римскаго манипульнаго строя. Первый натискъ Пирръ рискнулъ произвести на неблагопріятной почвѣ, гдѣ онъ не могъ развернуть ни фаланги, ни конницы. Онъ долженъ былъ отступить, ничего не добившись. На слѣдующій день онъ съумѣлъ выманить римское войско, ставшее отъ успѣха болѣе смѣлымъ, въ открытое поле, и тогда загорѣлся бой съ той же яростью, какъ при Гераклеѣ. На обоихъ крыльяхъ Пирръ выстроилъ смѣшанные отряды италійскихъ союзниковъ и эпиротовъ, по срединѣ—замкнутую фалангу. Легіоны, построенные густыми массами, направляли на нее отчаянныя нападенія. Со щитомъ и мечомъ они бросались на торчащія сариссы (тяжелыя копья фаланги); но всѣ усилія, все мужество были тщетны. Неколебимо стояли бѣшено сражающіеся ряды; только тамъ, гдѣ въ схваткѣ копій и мечей бился самъ царь, эпироты подвигались впередъ, не прорывая, однако, совершенно непріятельскаго строя. Вотъ на одномъ крылѣ показались ходячіе колоссы; противъ нихъ выѣхали боевыя колесницы; но коней и возницъ поразилъ градъ метательныхъ камней, стрѣлъ и дротиковъ, пущенныхъ воинами, которые служили прикрытіемъ слоновъ. Колесницы частью были разрушены,

частью приведены въ негодность тѣмъ, что сражавшихся на нихъ воиновъ прогнали, или тѣмъ, что перерѣзали постромки, конница была отогнана, на легіоны ударили сбоку, и вторично римское войско очистило кровавое поле брани передъ страшными чудовищами. Однако, на этотъ разъ оно отстояло свой лагерь, на крѣпкій валъ котораго тщетно шли приступомъ преслѣдователи.

И эта вторая „Пиррова побѣда“ куплена была большими потерями и при томъ все-таки осталась безъ послѣдствій. Ни одинъ колеблющійся союзникъ Рима не далъ увлечь себя на отпаденіе; римляне неколебимо отстаивали свой хорошо укрѣпленный лагерь, царь на продолжительное время сдѣлался неспособнымъ къ бою вслѣдствіе пронзенной стрѣлою руки, а безъ него вѣдь войско его было ничто. Съ каждой битвой, даже если она была побѣдоносна, на глазахъ его сокращались его боевыя средства, между тѣмъ какъ народная сила Рима текла точно неистощимымъ ключомъ. Въ то же время пришли извѣстія, что по ту сторону моря галлы напали на Македонію и своими полчищами угрожаютъ и Эпиру. Разстроенный, онъ послѣ короткаго колебанія началъ отступленіе къ Таренту.

Пирръ въ Сициліи. Тогда ему внезапно показался блестящій лучъ надежды. Съ тѣхъ поръ какъ не стало Агаѳокла, владыки острова и страшилища Африки, сицилійскіе греки подобны были кораблю безъ руля. Пунійцы мощно распространяли свое господство; Агригентъ не устоялъ передъ ихъ натискомъ, и уже они осаждали Сиракузы, которыя, раздираемыя партіями, не могли сами управлять собою. Тогда глаза всѣхъ обратились на Пирра; зять Агаѳокла, побѣдитель Рима, казался надлежащимъ человѣкомъ для спасенія и возмездія. Положимъ, примѣръ Тарента показывалъ, что помощникъ ихъ будетъ и господиномъ, все-же было пріятнѣе повиноваться знаменитому соплеменнику, нежели пуническимъ торгашамъ, да и кромѣ того была заманчива для Сиракузъ перспектива сдѣлаться средоточіемъ вновь основываемаго западно-эллинскаго царства.

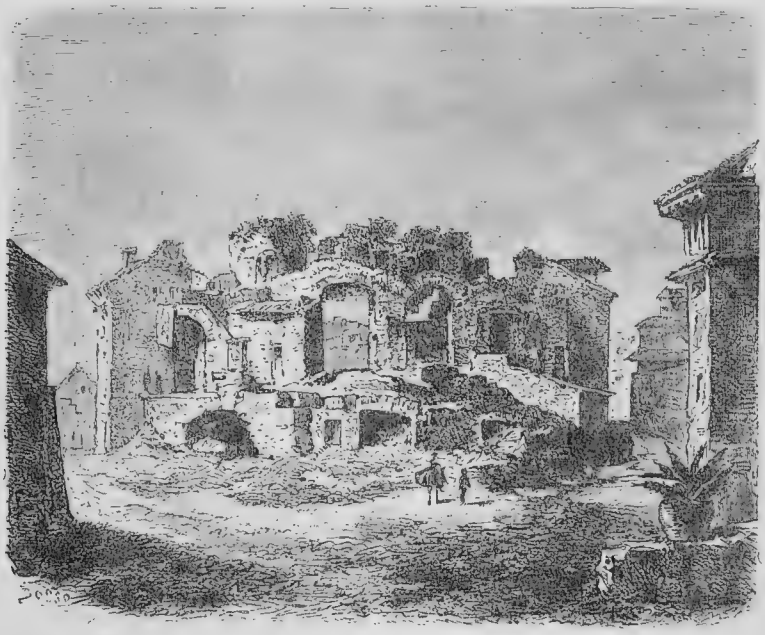
Такъ какъ Пирру надоѣли безплодные италійскіе лавры, то онъ радостно согласился на предложеніе сицилійскихъ грековъ, сулившее ему могущество. Правда, непосредственнымъ послѣдствіемъ этого было то, что Римъ и Карѳагенъ сомкнулись въ оборонительный и наступательный союзъ. Между Тарентомъ и Си-

ракузами появился карѳагенскій флотъ, чтобы отрѣзать царя одновременно отъ родины и отъ Сициліи. Но Пирръ не палъ отъ этого духомъ. Онъ снабдилъ Тарентъ и другія мѣста достаточнымъ гарнизономъ, затѣмъ смѣло вышелъ въ море и, несмотря на карѳагенскій флотъ, благополучно высадился (278 г.) на островѣ. Восторженно эллины собрались вокругъ его знаменъ; Сиракузы были освобождены, пунійцы побиты на всѣхъ пунктахъ и вытѣснены изъ всѣхъ своихъ владѣній. Они удерживали еще только одно укрѣпленное мѣсто, Лилибей, на крайней западной оконечности. Въ Сиракузской гавани уже стоялъ вновь построенный флотъ, съ которымъ Пирръ, по слѣдамъ Агаѳокла, думалъ схватить силы Карѳагена за самое сердце. Но такая слава ему не была суждена. Подъ Лилибеемъ поставленъ былъ предѣлъ его успѣхамъ. Тщетно старался онъ въ жаркомъ бою завоевать это укрѣпленное мѣсто. Предпріятіе потерпѣло крушеніе. Довѣріе къ нему исчезло; непостоянные союзники дѣлали затрудненія, и когда царь строго сталъ карать неоднократныя отпаденія, первоначальный энтузіазмъ перешелъ въ страстную ненависть. Столь-же быстро, какъ счастье вознесло его до страшной вышины, оно его и ниспровергнуло. Впрочемъ и самъ онъ былъ не безъ вины. Онъ еще удерживалъ за собой большую часть острова, и твердая настойчивость легко могла вызвать перемѣну въ его пользу; но настойчивости-то въ немъ и не было. Мелочной характеръ сицилійцевъ былъ ему про-

ПИРРЪ.
Статуя въ капитолійскомъ музеѣ въ Римѣ.

тивенъ, а такъ какъ онъ услышалъ, что тѣмъ временемъ всѣ греческіе города Нижней Италіи, за исключеніемъ Тарента и Регія, снова попали въ руки римлянъ, то онъ повернулъ спиной къ неблагодарному острову и снова обратился въ Италію. Бѣгство это было его гибелью: Сицилія была для него совершенно потеряна, а Италіей онъ не смогъ завладѣть снова.

Побѣда римлянъ при Беневентѣ (275). Правда, при высадкѣ



Развалины древняго амфитеатра въ Беневентѣ.—Рисунокъ съ фотографіи.

своей въ Тарентѣ онъ былъ снова почти столь-же силенъ, какъ при первомъ своемъ прибытіи, но вѣдь старые опытные, испытанные во многихъ бояхъ, воины пали на поляхъ сраженій; на ихъ мѣсто стало вновь навербованное, частью ненадежное войско; самнитскіе и луканскіе союзники потеряли въ отсутствіе царя, вслѣдствіе пораженій и опустошеній, которыя имъ пришлось претерпѣть, мужество и силы, какъ еще ранѣе утратили они къ царю довѣріе. Послѣдній со всѣми своими силами набросился на ближайшаго къ нему римскаго консула, названнаго уже М. Курія

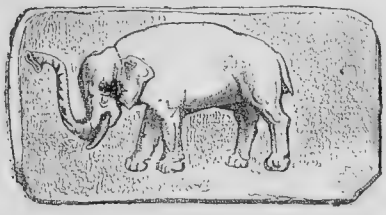
Дентата, который занялъ съ своимъ войскомъ благопріятную позицію въ Самніѣ при Беневентѣ (называвшемся дотолѣ Малевентомъ), въ то время какъ товарищъ его занятъ былъ еще въ Луканіи. Прежде чѣмъ послѣдній могъ соединиться съ Дентатомъ, царь долженъ былъ постараться рѣшить дѣло; поэтому онъ рѣшилъ напасть на римскій лагерь ночью.

Но ему пришлось сдѣлать далекій обходъ густымъ лѣсомъ, войско заблудилось, факелы погасли; и когда на слѣдующее утро авангардъ былъ замѣченъ римлянами, они на него мгновенно напали и жестоко его ослабили. Затѣмъ консулъ смѣло двинулся на равнину и предложилъ царю формальную битву. Бой загорѣлся съ большимъ ожесточеніемъ. На одномъ крылѣ побѣдоносно наступали легіоны, на другомъ, гдѣ съ обычной храбростью бился самъ Пирръ, они должны были отступить передъ эпирской фалангой до самаго лагернаго вала. Но здѣсь они устояли, пуская зажигательныя стрѣлы съ крючками, бросая зажженые смоляные вѣнки на чудовищъ и отгоняя ихъ назадъ на эпиротовъ, которые теперь замѣшались, были смяты и совершенно обращены въ бѣгство. Побѣдители взяли въ добычу четырехъ слоновъ и захватили непріятельскій лагерь; царь съ немногими всадниками спасся въ Тарентъ, гдѣ мало-по-малу собрались снова остатки его войска.

Бронзовая монета г. Беневента.

Смерть Пирра. Герой Эпира въ войнахъ преемниковъ Александра и въ собственной жизни своей испытывалъ часто самыя неожиданныя перемѣны. Нынче бездомный бѣглецъ, завтра царь съ правами господства надъ двумя частями свѣта—вотъ какова была запутанная игра счастья, въ которой вращались тѣ люди, которые протягивали руки за вѣнцомъ Александра. Качаясь, носились они по волнамъ моря, которое называютъ жизнью, то, послѣ кораблекрушенія, въ утломъ суднѣ, то гордо распустивъ въ сіяніи солнца царскіе вымпелы. А по пятамъ ихъ слѣдовали отважныя орды воиновъ, лозунгомъ которыхъ было: побѣда и нажива, или смерть въ бою, злато и наслажденіе минуты, или внезапная гибель. Пирръ не покидалъ надежды съ такими ордами добиться еще своею личностью, своимъ храбрымъ кула-

комъ почестей и коронъ. Отъ Италіи онъ, конечно, въ данное время не ждалъ многаго; онъ, правда, оставилъ въ Тарентѣ гарнизонъ подъ начальствомъ своего вѣрнаго Милона, чтобы обезпечить себѣ возвращеніе; самъ же онъ съ 8,000 человѣкъ, остаткомъ своего войска, отплылъ въ Эпиръ. Онъ снова бросился въ водоворотъ эллинскихъ смутъ; подобно игроку въ кости, онъ рисковалъ и выигрывалъ, еще разъ возложилъ себѣ на голову македонскую корону, но когда онъ, непасытный, попытался завоевать Пелопоннесъ, то подъ Спартой потерялъ свою военную славу, а въ Аргосѣ въ жалкой уличной схваткѣ и жизнь свою: бѣдная старуха съ крыши пустила въ него черепицей, а грубый воинъ отсѣкъ ему, оглушенному ударомъ, голову.



Quincunx съ изображеніемъ слона.
Эта монета отчеканена въ память побѣды римлянъ надъ Пирромъ.

Сдача Тарента. До сихъ поръ стоялъ еще неприкосновеннымъ Тарентъ, пышно украшенный храмами, статуями и портиками и окруженный крѣпкими обводными стѣнами, которыя оказывали сопротивленіе несовершенному осадному искусству римлянъ. Но легіоны мало-по-малу собирались вокругъ этого оплота, который одинъ только стоялъ еще противъ нихъ. Одна партія гражданъ требовала мира цѣною всего. Она была изгнана Милономъ и укрѣпилась по сосѣдству, гдѣ и вступила въ сношенія съ римлянами. Опытный въ военномъ дѣлѣ эпиротъ не мѣшалъ имъ; онъ смѣялся надъ недостаточными сооруженіями, которыя воздвигались осаждающими, такъ какъ торговля города и подвозъ моремъ оставались безпрепятственными.

Но вотъ прибыло извѣстіе о смерти царя Пирра, потрясшее рѣшимость военачальника, и въ то же время въ виду города появился карѳагенскій военный флотъ и заперъ дружественное ему море, бывшее дотолѣ его пособникомъ и союзникомъ. Начальникъ флота завязалъ переговоры съ гражданами, чтобы, вопреки договору съ Римомъ, пріобрѣсти для родного города эту жемчужину въ драгоцѣнномъ уборѣ Гесперіи и чрезъ это стать твердой ногой на полуостровѣ. Вслѣдствіе загражденія гавани Милонъ увидѣлъ себя лишеннымъ своего послѣдняго вспомога-

тельнаго источника и теперь имѣлъ выборъ только между Римомъ и Карѳагеномъ. Но справедливо онъ болѣе уповалъ на честность суровыхъ героевъ на Тибрѣ. Съ ними онъ вступилъ въ переговоры и получилъ позволеніе свободно удалиться съ имуществомъ и воинскими почестями. На этихъ условіяхъ, которыя и были честно исполнены, онъ очистилъ сначала акрополь, послѣ чего послѣдовала сдача самаго города. Когда карѳагеняне увидѣли развѣвающіеся римскіе флаги на замкѣ, они, обманувшись въ своихъ ожиданіяхъ, снялись съ якоря. Консулъ, конечно, потребовалъ отъ Карѳагена отчета въ непріязненномъ вмѣшательствѣ въ италійскія дѣла; онъ получилъ отвѣтъ, что флотъ явился на помощь, согласно союзному договору, и долженъ былъ удовольствоваться этимъ разъясненіемъ. А Тарентъ, которому пришлось срыть свои стѣны и выдать свои военные припасы, кончилъ свою самостоятельную роль.

Полное подчиненіе Италіи. Послѣ короткой борьбы теперь и прочіе народы Италіи, поскольку они еще противились римскому игу, принуждены были покориться. Луканы и бруттіи, чрезъ пораженія и опустошенія, научились мириться съ желѣзной необходимостью. Отрядъ мятежныхъ кампанцевъ, завладѣвшихъ (280 г.) Регіемъ, нападавшихъ на окрестности и всюду ставшихъ страшнымъ своими звѣрствами, былъ послѣ отчаяннаго сопротивленія побѣжденъ и плѣнные злодѣи были въ Римѣ на открытой площади высѣчены розгами и обезглавлены. И самниты, сколько ихъ еще осталось, также въ концѣ-концовъ сдались, послѣ того какъ они еще нѣсколько разъ перебили отряды римскаго войска въ тайникахъ своей горной страны. Двѣ сильныхъ, грозныхъ твердыни поднялись на югѣ и сѣверѣ страны: Беневентъ (268) и Эзернія (263). Да и въ другихъ мѣстахъ, особенно по берегамъ, основаны были новыя крѣпости; самыми передовыми постами были Коза въ Этруріи (273), Пестъ въ Луканіи (273) и Ариминъ въ области сеноновъ (268). Аппіева дорога проложена была до Тарента. Такимъ образомъ, въ то-же время было сильно подготовлено развитіе римскаго морского могущества, которое до тѣхъ поръ существовало лишь въ скромныхъ зачаткахъ. Нѣкоторыя изъ народностей, понесшихъ ущербъ, какъ умбрійскіе сарсинаты при Ариминѣ, пытались сдѣлать затрудненія римлянамъ. Какъ только были подавлены и эти волненія (266), римское могущество утвердилось

во всей Италіи. Отъ Вольтурна на югѣ до Цимпнскаго лѣса, отъ моря до Апеннинъ и далѣе простиралась непосредственная область города и того, что къ нему относилось. А народы Средней и Нижней Италіи всѣ были покорены, хотя и при весьма различныхъ обстоятельствахъ, и чрезъ систему римскихъ крѣпостей держались желѣзными узами въ повиновеніи.

РИМСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ ВЪ ВѢКЪ ПОКОРЕНІЯ ИТАЛІИ.

(343—266 до Р. Хр.).

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ И ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО.

Возникновеніе нобилитета. Уже ранѣе нами было высказано, что законы Лициніи Столона и Секстія Латерана (leges Liciniae Sextiae), которые въ 366 г. сдѣлали консульство доступнымъ для плебеевъ, и другіе законы подобнаго содержанія хотя мало-по-малу и окончили борьбу между патриційской и плебейской знатью, но что противоположность между бѣдными и богатыми, между знатными и простолюдинами оставалась, какъ прежде. Ибо если допущеніе къ высшимъ государственнымъ должностямъ и жреческимъ мѣстамъ по закону и было открыто для всякаго гражданина Рима, который вообще былъ принятъ въ одну изъ центурій какого-либо класса, то этого хотябы почетнаго, но все-таки соединеннаго съ большими трудами и дорогого преимущества бѣднѣйшіе граждане не достигали, да и не добивались. Такимъ образомъ, на практикѣ оказывалось, что только сравнительно незначительное число богатыхъ и видныхъ плебейскихъ семей, тѣхъ самыхъ, которыя мы до сихъ поръ называли плебейскою знатью, воспользовались новыми преимуществами. Тѣмъ тѣснѣе слились онѣ черезъ совмѣстную дѣятельность на войнѣ и въ мирѣ, чрезъ брачные союзы и другія отношенія съ фамиліями старинной патриційской родовой знати въ новое сословіе, которое называютъ должностной или заслуженной знатью (nobilitas), такъ какъ принадлежность къ ней

прежде всего достигалась не по праву рожденія, но черезъ занятіе курульной должности. Возникновенію этой новой знати, смѣшанной изъ патриційскихъ и плебейскихъ фамилій, нобилитета, и его отдѣленію отъ массы народной содѣйствовали различныя обстоятельства. Консервативное римское крестьянство охотно избирало на высшія должности: консульство, претуру, цензуру людей, испытанныхъ уже въ низшихъ государственныхъ должностяхъ—квестурѣ и эдильствѣ или также въ качествѣ народныхъ трибуновъ. А на эти низшія должности опять-таки охотно избирались сыновья знаменитыхъ фамилій, имена которыхъ, начиная съ отца, или, еще лучше, уже нѣсколько поколѣній были звучными. Такимъ образомъ, и изъ среды плебеевъ не начинали должностной карьеры сегодня сыновья этихъ, а завтра другихъ неизвѣстныхъ фамилій, но народъ всегда отдавалъ на выборахъ предпочтеніе кандидатамъ изъ извѣстныхъ фамилій. Поэтому требовались крупныя личныя качества, если человѣкъ плебейскаго рода, не происходившій отъ одной изъ фамилій, считавшихся способными къ занятію должностей, если „homo novus“, какъ говорилось, желалъ обратить на себя взоры своихъ товарищей по сословію въ такой степени, чтобы ему чрезъ избраніе въ квесторы и позднѣе въ курульные эдилы или въ преторы открыли карьеру высшихъ должностей. Все-таки въ тѣ времена, когда нобилитетъ былъ наиболѣе дѣльнымъ, въ вѣкъ покоренія Италіи и первыхъ двухъ Пуническихъ войнъ, сравнительно часто случалось, что и человѣкъ безъ предковъ, благодаря особеннымъ способностямъ, пріобрѣталъ высокое положеніе. Такимъ путемъ въ довольно, впрочемъ, замкнутый кругъ нобилитета все-же по временамъ вводилась свѣжая сила и свѣжая кровь; да и надо признать, что эта римская должностная знать въ первые два вѣка своего правленія (приблизительно отъ 366—166 до Р. Хр.) поставила государству сравнительно большое число крупныхъ полководцевъ и государственныхъ дѣятелей, которымъ, съ одной стороны, твердое соблюденіе старыхъ преданій аристократической республики, съ другой—благоразумное вниманіе къ благу и потребностямъ средняго сословія и низшихъ слоевъ дали возможность создать счастливѣйшія и величайшія времена римскаго народа.

Jus imaginum. Обособленію отъ народа должностной знати рано содѣйствовалъ и своеобразный римскій обычай. Если умиралъ

римлянинъ, когда-либо занимавшій высшую государственную должность, то съ лица усопшаго снимали восковой слѣпокъ, который раскрашивался въ живой цвѣтъ и ставился въ особый шкапъ (armarium) въ главномъ помѣщеніи дома (atrium), позднѣйшей гостиной и пріемной комнатѣ. Помѣщавшіяся подъ этими портретами-масками (cerae, imagines) дощечки сообщали имя, почетныя должности и дѣла усопшаго; эти портреты предковъ въ шкапу соединялись также между собой вѣтвями, изображая фамильное родословное древо. Но правомъ выставлять такія изображенія предковъ (jus imaginum) обладали только тѣ фамиліи, члены или предки которыхъ занимали курульныя должности; этого права можно было и лишиться вслѣдствіе недостойнаго образа жизни. Во всякомъ случаѣ, входящій въ атрій дома сейчасъ же, по большему или меньшему числу или по отсутствію imagines, узналъ званіе и положеніе фамиліи.

Leges Publiliae Philonis и Hortensiae. Противоположность между нобилитетомъ и народомъ проявлялась въ нѣсколько моментовъ нашего періода, но особенно передъ тарентинскою войной, послѣ пораженія послѣдней большой италійской коалиціи такъ сильно, что, казалось, она не допускала никакого мирнаго разрѣшенія. Мы слышимъ о стремленіи къ сложенію долговъ, къ раздачамъ земли и къ большимъ политическимъ правамъ. Но подробности здѣсь темны для насъ. Мы знаемъ только, что въ 287 г. до Р. Хр. большая часть средняго и низшаго плебса еще разъ прибѣгла къ средству удаленія изъ Рима (secessio). Съ женами и дѣтьми перешли на Яникулъ, чтобы тамъ основать новый Римъ. Сенатъ, видя бѣду, распорядился назначеніемъ диктатора, и послѣдній, Кв. Гортензій, успокоилъ мятежъ посредствомъ законовъ (leges Hortensiae), о содержаніи которыхъ мы совершенно недостаточно освѣдомлены. Интересъ римскихъ крестьянъ, жившихъ частью далеко отъ Рима, охранялся теперь опредѣленіемъ, чтобы praetor urbanus судилъ ихъ впредь въ рыночные дни (nundinae), когда они и безъ того приходили въ городъ. Еще важнѣе было постановленіе о плебисцитахъ, т.-е. о рѣшеніяхъ, принятыхъ въ народныхъ собраніяхъ, которыя созывались и голосовали по трибамъ, подъ предсѣдательствомъ трибуновъ: впредь они, подобно постановленіямъ центуріатскихъ комицій, должны были быть обязательны для всего народа (ut plebiscita universum populum tenerent). По преда-

нію, подобный же законъ былъ предложенъ еще въ 449 г. въ числѣ законовъ Валерія и Горація (leges Valeriae Horatiae) и затѣмъ еще разъ въ числѣ законовъ Публилія Филона (leges Publiliae Philonis). Если это вѣрно, то Гортензіевъ законъ слѣдуетъ, повидимому, понимать, какъ расширеніе названныхъ законовъ. Во всякомъ случаѣ, чрезъ этотъ законъ плебисциты трибныхъ комицій стали равносильны собственно leges центуріатскихъ комицій; значитъ, они, по государственному праву, были неоспоримы и столь же мало нуждались въ послѣдующемъ утвержденіи сенатомъ, какъ и постановленія центуріатскихъ комицій, для которыхъ добились этого преимущества уже въ 339 году благодаря второму опредѣленію законовъ Публилія Филона (ut legum, quae comitiis centuriatis ferrentur, ante initum suffragium patres auctores fierent). Именно, по этому опредѣленію, сенатъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ напередъ долженъ былъ давать свое согласіе на то, что постановятъ центуріатскія комиціи. Чрезъ это такъ-называемая patrum auctoritas (стр. 115) упала до простой формы. Вмѣстѣ съ признаніемъ законодательной власти трибныхъ комицій естественно поднялось также сильно значеніе ихъ предсѣдателей, народныхъ трибуновъ, а чрезъ это опять-таки значеніе заступаемаго ими народа. Такимъ образомъ, рядомъ съ даннымъ въ сенатѣ аристократическимъ элементомъ становится демократическій элементъ, покоящійся на освобожденныхъ отъ контроля сената народныхъ собраніяхъ. Оба элемента въ слѣдующемъ за законодательствомъ Гортензія столѣтіи сохраняли въ общемъ взаимное равновѣсіе, но такъ, что хотя римскій крестьянинъ на выборахъ, при законопроектахъ, а также въ вопросахъ войны и мира и пользуется своимъ правомъ голоса, сенатъ всюду является руководящимъ его волей учрежденіемъ.

Среднее сословіе. Законы и права, о которыхъ мы только-что говорили, естественно не мало содѣйствовали подъему вліянія и самосознанія среднихъ слоевъ гражданскаго сословія, то есть гражданъ, записанныхъ въ классы и центуріи и имѣвшихъ право военной службы. Это среднее сословіе и къ концу нашего періода все еще было преимущественно крестьянскаго характера. Если въ сословіи „способныхъ къ занятію должностей и къ участію въ сенатѣ“ крупныхъ землевладѣльцевъ, нобилитета, преимущественно сосредоточивались государственный и стратегическій

опытъ и мудрость, то на крестьянскомъ среднемъ сословіи преимущественно покоилась сила государства. Поэтому разумные государственные дѣятели заботились всѣми средствами объ его огражденіи и сохраненіи. Немного болѣе смѣшанное (см. ниже) населеніе столицы въ четырехъ особыхъ tribus urbanae осторожно обособили отъ существовавшихъ съ 299 г. до Р. Хр. 29 tribus rusticae, въ которыя, напр., ни одинъ вольноотпущенникъ не принимался. Правда, площадь сельскихъ трибъ простиралась на сѣверъ и на югъ далеко за Лаціумъ, въ собственномъ смыслѣ, и римскимъ крестьянамъ, жившимъ болѣе отдаленно, не легко было поддерживать связь съ Римомъ и дѣйствительно пользоваться своимъ правомъ гражданства.

Пролетаріи. Вслѣдствіе значительныхъ тягостей податей и военной службы, возложенныхъ на римскаго гражданина, многіе такъ сильно бѣднѣли, что при переписи ихъ нельзя было принять даже въ низшій классъ состоянія. Обыкновенно свою бѣдность они по наслѣдству передавали и дѣтямъ; они назывались пролетаріями, потому что, освобожденные отъ подати (tributum) и военной службы, они, повидимому, оказывали пользу государству только своимъ потомствомъ (proles). Небольшое число ихъ, такъ-называемые capite censi („переписанные по числу головъ“) допускались, впрочемъ, въ войско, въ качествѣ запасныхъ воиновъ. Большинство изъ нихъ жило въ Римѣ въ качествѣ мелкихъ ремесленниковъ, мелкихъ торговцевъ, посильщиковъ, городскихъ рабочихъ всякаго рода, другіе же, въ качествѣ сельскихъ рабочихъ, въ имѣніяхъ богачей, но всѣ обладали все-таки извѣстнымъ политическимъ вліяніемъ, такъ какъ, несмотря на свою бѣдность, они имѣли право подавать голосъ въ трибныхъ комиціяхъ. Поэтому впослѣдствіи они часто становились орудіемъ нобилитета противъ состоятельнаго гражданина.

Вольноотпущенники и рабы. Право римскаго гражданства пріобрѣталось не только рожденіемъ, но также пожалованіемъ, особенно же получали его рабы, черезъ отпущеніе на волю. Такое отпущеніе на волю въ то время давалось преимущественно такимъ рабамъ, которые хорошимъ поведеніемъ и особенными способностями пріобрѣтали себѣ уваженіе своего господина. Вольноотпущенники обыкновенно получали имя хозяина и въ качествѣ его „liberti“ стояли подъ его покровительствомъ, подобно кліен-

тамъ, но были также обязаны отдавать ему часть своего дохода съ ремесла или торговли. Поэтому иному даровитому рабу господиномъ даровалась свобода изъ корысти, и сословіе либертиновъ (libertini) въ Римѣ разрослось численностью до того, что отпущеніе на волю съ 356 г. обложено было, по закону Манлія (lex Manlia), налогомъ. Въ приростѣ этихъ либертиновъ была и опасность для будущаго, ибо чрезъ отпущеніе на волю много неримлянъ, особенно грековъ, а впослѣдствіи и пунійцевъ, сирійцевъ, словомъ, представителей всѣхъ тѣхъ народовъ, отъ которыхъ римляне на войнѣ брали себѣ въ добычу рабовъ, становились римскими гражданами. Такъ мало-по-малу низшее населеніе Рима должно было утратить свой національный характеръ. Римляне хорошо понимали эту опасность и посредствомъ цензоровъ соблюдали обычай, чтобы вольноотпущенники принимались только въ одну изъ четырехъ городскихъ трибъ, такъ что по крайней мѣрѣ рѣшавшія дѣло при голосованіи 29 сельскихъ трибъ сохранялись чистыми и неподдѣльными. Съ рабами въ періодъ завоеванія Италіи обращались хорошо, такъ какъ ихъ еще не было очень много и такъ какъ господинъ ихъ, въ качествѣ сельскаго хозяина, обыкновенно самъ надзиралъ за ихъ работой и работалъ вмѣстѣ съ ними. Ихъ жребій, въ большинствѣ случаевъ, не былъ хуже положенія сельскаго рабочаго въ наше время. Позднѣе, правда, эти отношенія измѣнились.

Римско-италійское союзное государство. Давно уже римское государство болѣе не обнимало одного только Рима и его городского поля; напротивъ, въ нашу эпоху оно разрослось на югъ до обѣихъ оконечностей Италіи, а на сѣверъ за самый Арно. Поэтому мы должны себя спросить, въ какихъ формахъ были приняты въ римское государство разнообразныя племена, жившія на этой территоріи. Прежнія связи, какъ союзъ этрусскихъ городовъ, латинскій союзъ, утратили всякую политическую важность; онѣ продолжали существовать только какъ религіозныя сообщества для совершенія извѣстныхъ празднествъ. Такимъ-же образомъ употребленіе этрусскаго языка, умбрскихъ и сабелльскихъ діалектовъ уже значительно сократилось. Этрусскій языкъ еще долгое время держался на сѣверѣ страны, италійскіе діалекты еще цѣлыми столѣтіями—въ болѣе отдаленныхъ горныхъ долинахъ; но на плодоносныхъ равнинахъ и низкихъ склонахъ горъ,

особенно же въ городахъ, сталъ господствующимъ прекрасный языкъ Лаціума, а вмѣстѣ съ тѣмъ и римско-латинскіе правы. Дѣло въ томъ, что римскіе и латинскіе колонисты въ большомъ числѣ переселились, какъ господствующее сословіе, въ общины, бывшія общинами вольсковъ, этрусковъ, осковъ, самнитовъ, грековъ и дали этимъ колоніямъ устройство по римскому образцу. Тамъ были консулы, эдилы, квесторы и аристократическій сенатъ, какъ въ Римѣ; судили по римскому праву, моднымъ платьемъ стало латинское—тога, всѣ видные граждане пользовались латинскимъ языкомъ. Такимъ образомъ, романизація Италіи изъ года въ годъ дѣлала успѣхи, и уже въ слѣдующій вѣкъ борьбы съ Карѳагеномъ жители Италіи отъ устьевъ Арно на западѣ и Эзиса на востокѣ вплоть до стѣнъ Регія чувствовали себя единымъ цѣлымъ по языку, правамъ и культурѣ, по расѣ отличными отъ жившихъ на югѣ карѳагенянъ, по одеждѣ, какъ люди въ тогахъ, отличными отъ кельтовъ сѣвера, носителей штановъ (braccati). Чувство общности и готовности подчиняться руководящей общинѣ усиливалось еще тѣмъ, что Римъ въ тѣ добрыя времена былъ далекъ отъ мысли управлять деспотически покоренными на войнѣ италійскими племенами. Напротивъ, съ ними существовали отношенія союзнаго государства, оставлявшаго отдѣльнымъ общинамъ возможно больше свободы въ ихъ собственныхъ дѣлахъ и требовавшаго для Рима собственно только распоряженія военными силами. Такимъ образомъ, покоренныя Римомъ общины считались не подданными, но союзниками (socii), и мудрость римскихъ государственныхъ дѣятелей особенно проявилась въ различныхъ степеняхъ обязанностей и правъ, которыя удѣлялись отдѣльнымъ городамъ и племенамъ, смотря по ихъ отношенію къ Риму и по ихъ обязанностямъ. Иныя общины прямо получили полное право римскаго гражданства (civitas Romana cum suffragio): такъ, напримѣръ, большое количество общинъ латинянъ, вольсковъ, этрусковъ, а также и болѣе отдаленныя римскія колоніи, какъ Сена Галлика и т. д. При цензѣ 338 г. до Р. Хр., числилось всего 165,000 гражданъ: число это къ 300 г. увеличилось до 250,000 и въ 266 г. составляло, пожалуй, 300,000. Судя по этому, господствующій классъ населенія римско-италійскаго союзнаго государства съ женами и дѣтьми включительно состоялъ приблизительно изъ $1^1/_2$ милліона душъ. Вторымъ классомъ жителей римскаго госу-

дарства были союзники съ латинскимъ правомъ (socii nominis Latini или civitates Latinae). Таковыми были, напр., тѣ города Лаціума, которые послѣ Латинской войны (стр. 226) не получили правъ римскаго гражданства, какъ, напр., Тибуръ, Пренесте, Сигнія, Норба и большое число римскихъ колоній, напр., Луцерія, Венузія. Граждане этихъ латинскихъ общинъ въ частномъ правѣ были равны полнымъ гражданамъ, имѣли вмѣстѣ съ ними conubium et commercium (бракъ и сношенія), участіе въ пользованіи государственной землей и т. д., но, естественно, они не могли участвовать въ Римѣ въ народныхъ собраніяхъ. Небольшимъ вознагражденіемъ за это умаленіе политическихъ правъ было то, что, по крайней мѣрѣ, бывшія должностныя лица латинскихъ городовъ, значитъ—нобилитетъ этихъ общинъ получалъ полное право римскаго гражданства. Немного ограниченнѣе были права такъ-называемыхъ 12 младшихъ латинскихъ колоній, какъ, напримѣръ, Аримінъ (288 г.), Беневентъ. Фирмъ, Брундизій и пр. У нихъ было отнято право заключать законные браки съ римлянами (jus connubii , право свободнаго переселенія и право чеканки монетъ. Лишь на третьемъ мѣстѣ слѣдуетъ назвать римскихъ гражданъ безъ права голоса (cives sine suffragio). Это право гражданства получали большей частью такія общины, которыхъ „пожалованіемъ римскаго имени и пользованіемъ римскимъ правомъ желали крѣпче связать съ Римомъ и удерживать при томъ въ строгомъ подчиненіи“. Этотъ родъ права гражданства называютъ также церитскимъ правомъ, потому что оно въ 353 г. до Р. Хр. впервые было навязано этрусскому городу Саере. Послѣ Самнитской и Латинской войны его получили особенно кампанскіе города, какъ Капуя, Кумы, Суэссула, въ 290 г. все племя сабинянъ. Впрочемъ, послѣдніе уже въ 268 г. промѣняли его на права полныхъ гражданъ. На дѣлѣ римскіе граждане безъ права голоса были поставлены хуже, чѣмъ союзники съ латинскимъ правомъ, ибо они должны были нести всѣ тягости римскаго гражданина, военную службу и также tributum, и за это не пользовались никакими правами, не обладая ни активнымъ, ни пассивнымъ избирательнымъ правомъ въ Римѣ. Да и судились они не въ Римѣ, а на родинѣ префектомъ, котораго римскій преторъ присылалъ въ городъ, какъ своего намѣстника.

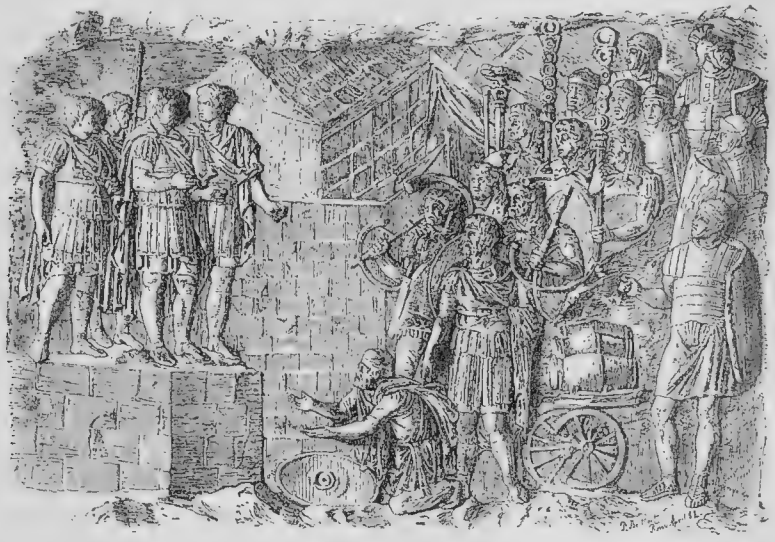
На четвертой степени стоятъ такъ-называемыя союзныя об-

щины (civitates foederatae), которыя по причинѣ различной національности, напр., какъ греки, вступали лишь въ болѣе слабое отношеніе къ Риму. Имъ оставляли не только полное городское самоуправленіе, но даже судъ съ правомъ изгонять гражданъ и право чеканки монеты. Они не должны были также поставлять пѣхоты или всадниковъ для войска римско-италійскаго союзнаго государства, а только корабли съ необходимымъ экипажемъ. Нужныя для этого указанія они получали отъ римскихъ флотскихъ квесторовъ (quaestores classici), изъ которыхъ одинъ имѣлъ пребываніе въ Остіи, второй въ Калахъ въ Кампаніи, третій въ Аримини на Адріатическомъ морѣ.

ВОЕННОЕ ДѢЛО.

ПРОСТОЕ военное устройство римскихъ царей (стр. 85) съ теченіемъ временъ и вмѣстѣ съ болѣе крупными задачами, какія были поставлены римскому гражданскому войску во время завоеванія Италіи, измѣнилось кореннымъ образомъ. Но, къ сожалѣнію, мы не въ состояніи установить отдѣльныя черты этого развитія или даже пріурочить ихъ къ опредѣленнымъ моментамъ времени. Правда, намъ повѣствуется, что Камиллъ принадлежалъ къ числу великихъ организаторовъ римскаго военнаго дѣла, но какія онъ предпринялъ преобразованія, объ этомъ разсказы разнорѣчивы. Къ его времени и притомъ къ продолжительной осадѣ Вей, по преданію, относится и введеніе зимнихъ походовъ и жалованья воинамъ, а также учрежденіе новой кавалеріи, появляющейся наряду со старинными 18 центуріями всадниковъ, члены которой, принадлежа къ богатымъ плебейскимъ фамиліямъ, не получали своей лошади отъ государства, но добывали ее на собственныя средства, служа, значитъ, съ „собственнымъ конемъ“ (equo privato). Другія нововведенія принесъ съ собой вѣкъ Самнитскихъ войнъ. Приходилось такъ устраиваться, чтобъ нести полевую службу вдали отъ родины. Тогда для обезпеченія войска требовалось прежде всего легкое сообщеніе съ отечествомъ, для посылки изъ него провіанта и войскъ; поэтому Аппій Клавдій построилъ названную

по его имени Аппіеву дорогу (стр. 236) отъ Рима въ Капую, черезъ Понтинскія болота. Далѣе, войску приходилось болѣе чѣмъ прежде заботиться о томъ, какъ бы защитить себя отъ непріятельскихъ нападеній устройствомъ крѣпкаго лагеря. Потребность эта вела къ устройству укрѣпленныхъ лагерей, искусству, въ которомъ римляне сдѣлались учителями для всѣхъ временъ. О величинѣ, дѣленіи и укрѣпленіи такого лагеря мы подробнѣйшимъ образомъ освѣдомлены Полибіемъ; онъ описываетъ намъ

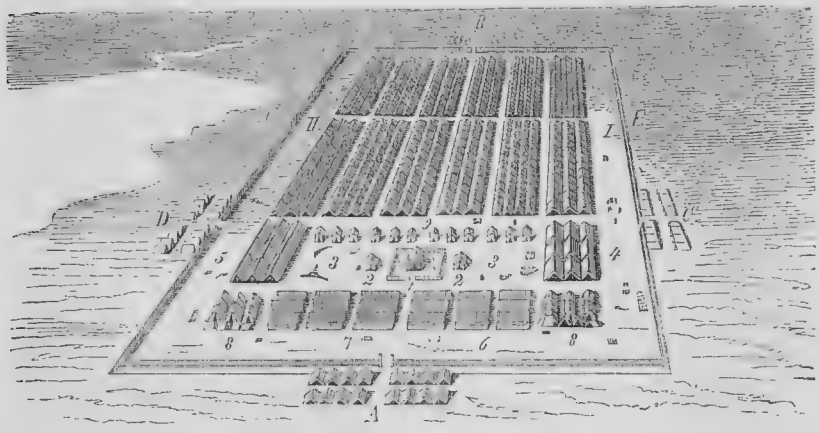


СЦЕНА ВЪ РІМСКОМЪ ЛАГЕРѢ: консулъ съ ликторомъ, окруженный низшими военачальниками, легіонерами, знаменщиками и трубачами, (Съ рельефа Траяновой колонны, II вѣка по Р. Хр.).

нормальный римскій лагерь во время третьей Пунической войны, но можно, пожалуй, предположить, что римляне уже гораздо ранѣе пользовались этой схемой при устройствѣ военныхъ лагерей.

Лагерь былъ квадратный или во всякомъ случаѣ прямоугольный templum (стр. 19), значитъ—планомъ былъ похожъ на италійскій городъ. Согласно съ этимъ, и при лагерѣ мы находимъ валъ и ровъ, ворота, площадь, улицы, даже похожее на pomerium, свободное отъ палатокъ пространство (intervallum) между валомъ и крайнимъ рядомъ палатокъ. Для отмежеванія лагеря впереди массы войска шли межевщики (metatores), какъ у насъ

квартирьеры, и у цѣли дневного перехода они отыскивали ровное мѣсто, возможно хорошо снабженное водою для питья и, охотнѣе всего, немного возвышенное. На немъ они прежде всего проводили двѣ линіи, пересѣкающіяся подъ прямымъ угломъ, cardo maximus—называемый такъ, какъ важнѣйшая руководящая линія—и decumanus maximus, каждую длиной въ 2500 рим. футовъ = 725 m. = 2425 рус. фут. Точка пересѣченія обѣихъ линій называлась groma, въ ней сталкивались углы четырехъ равныхъ квадратовъ, на которые теперь распадалось пространство лагеря.



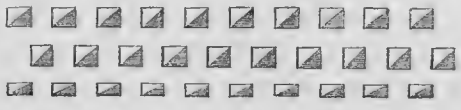
РИМСКІЙ ЛАГЕРЬ.

A. Декуманскія ворота (porta decumana). *B.* Преторскія ворота (Porta praetoria). *C.* и *D.* Главныя боковыя ворота улицы Principalis. *E.* и *F.* Поперечная улица черезъ лагерь (Via quintana). I и II. Палатки легіоновъ. 1) Praetorium. 2) Caesiorium 3) Forum. 4 и 5) Палатки римскихъ охотниковъ и ветерановъ. 6 и 7) Палатки отборнаго союзнаго войска 8) Вспомогательное иноземное войско. 9) Палатки 12 военныхъ трибуновъ.

Cardo maximus составлялъ западную границу главной улицы, ведшей черезъ лагерь, via principalis, шириной въ 100 рим. футовъ (29 m. = 97 рус. фут.), а по срединѣ ея отводилось, отдѣленное отъ нея полосой въ 50 рим. фут. (14,5 m. = 48 рус. фут.) ширины, насупротивъ groma съ востока, мѣсто для полководца (praetorium), квадратъ со сторонами въ 200 рим. фут. (58 m. = 190 рус. фут.) ширины.

Via principalis подъ прямымъ угломъ пересѣкалась via praetoria, шириной въ 50 рим. фут. (14,5 m. = 48 рус. фут.), ведшей съ востока и запада къ палаткѣ полководца. Въ сѣверномъ концѣ

via principalis лежала porta principalis dextra, въ южномъ концѣ—porta principalis sinistra. Въ восточномъ концѣ via praetoria лежала porta praetoria, въ западномъ—porta decumana. По прибытіи войска на отмежеванную площадь лагеря, солдаты начинали мотыгами и лопатами, которыя они имѣли при себѣ, собственно шанцекопныя работы, проводя, смотря по надобности, болѣе или менѣе глубокій ровъ вокругъ лагернаго четырехугольника и изъ выброшенной земли сооружая валъ, который укрѣплялся дерномъ, фашинникомъ и палисадами. Надъ валомъ, въ случаѣ нужды, сооружался еще брустверъ, за которымъ ночью взадъ и впередъ ходили посты. На слѣдующее утро обыкновенно снимались съ лагеря и продолжали путь. Если лагерь долженъ былъ служить постояннымъ станомъ (castra stativa), то, конечно,



Манипулярное расположеніе.

укрѣпленія его усиливались и намѣсто палатокъ, полотняныхъ или кожаныхъ, строились деревянныя хижины. Изображенный здѣсь планъ лагеря показываетъ, что между воротами, откуда происходило выступленіе (porta decumana) и палаткой полководца, значитъ—на важнѣйшемъ мѣстѣ лагеря, располагались римская пѣхота и конница въ томъ же порядкѣ, какъ выступали онѣ въ бой (см. ниже). Справа и слѣва отъ нихъ располагались пѣхота и конница италійскихъ союзниковъ (socii), справа и слѣва отъ квесторія, мѣста выдачи жалованья, и отъ Форума, мѣста, на которомъ полководецъ говорилъ съ солдатами, располагались иноземныя вспомогательныя войска (auxilia). Объ extraordinarii см. стр. 280.

Римскій боевой порядокъ. Въ древнѣйшее время „ополченіе“ (legio) отправлялось на бой прямоугольною фалангою, глубиной отъ шести до восьми рядовъ. Передъ фалангой гарцовала конница, которой доставалось первое нападеніе на враговъ. Позднѣе, въ силу Сервіева устройства, фаланга была удвоена и для первыхъ рядовъ введено болѣе тяжелое, для заднихъ болѣе легкое вооруженіе (стр. 86). Но во время Самнитскихъ войнъ, вѣроятно въ

виду гористой почвы непріятельской страны, отказались вообще отъ тѣсно сомкнутой фаланги, выстраивая легіонъ тремя рядами или отрядами, отдѣленными одинъ отъ другого опредѣленными промежутками. Первый составляли гастаты (hastati—копьеносцы), второй—принципы (principes), третій—тріаріи (triarii); каждый изъ этихъ отрядовъ наступалъ самостоятельно.

Но вскорѣ и фронтовую линію каждаго отряда стали размыкать на 10 „ротъ“ (manipuli), отдѣленныхъ одна отъ другой промежуткомъ. Значитъ, легіонъ распадался на 30 манипуловъ и отсюда называется манипульнымъ легіономъ. Воины каждаго манипула связаны были значкомъ (signum). Итакъ теперь легіонъ, численностью въ 4200, состоялъ изъ перваго отряда 1200 гастатовъ, раздѣленнаго на 10 манипуловъ, по 120 человѣкъ въ каждомъ; затѣмъ изъ второго, одинаковой силы отряда принциповъ, расчлененнаго такъ же, да изъ отряда тріаріевъ, численностью въ 600 человѣкъ, который дѣлился на 10 манипуловъ, имѣя по 60 человѣкъ въ каждомъ; сюда присоединились, наконецъ, еще 1200 легковооруженныхъ (velites, rorarii). Манипулы гастатовъ и принциповъ стояли четырьмя рядами, съ растянутымъ на 30 человѣкъ фронтомъ, а манипулы тріаріевъ, при одинаковой длинѣ фронта, имѣли лишь два ряда. Когда должна была начинаться битва, конница прикрывала фланги этого строя; легковооруженные же стояли еще передъ фронтомъ гастатовъ, прикрывая послѣднихъ, и открывали бой, перестрѣливаясь стрѣлами, метая камни или свинцовыя пули или другіе легкіе снаряды. Послѣ этого они удалялись или на крылья или въ промежутки между манипулами гастатовъ. Затѣмъ весь первый отрядъ, гастаты, наступалъ равномѣрно; за ними, если становилось нужнымъ, слѣдовали принципы. Главнымъ оружіемъ этихъ двухъ отрядовъ было копье, но уже не то тяжелое ударное копье (hasta), отъ котораго носили свое названіе гастаты, но гораздо болѣе легкое метательное копье, дротикъ (pilum). Значитъ, осталось названіе, но не оружіе, точь въ точь какъ наши гренадеры не имѣютъ уже никакого дѣла со старинной ручной гранатой, которую метали первые солдаты этого наименованія. Мы не знаемъ древнѣйшаго вида метательнаго копья, позднѣе неоднократно улучшавшагося, но у насъ есть нѣсколько такихъ пиловъ временъ Кесаря; они состоятъ изъ древка, длиной въ $1^1/_5$ m. ($1^7/_{10}$ арш.), къ которому прикрѣпленъ тонкій желѣзный наконеч-

никъ такой же длины. Оружіе это металось на врага на отдаленіи лишь 16 m. (7 саж.) и наносило тяжкія раны, особенно потому, что оно, ударяясь о кость, скривлялось; случалось также, что такимъ pilum щиты враговъ, наступавшихъ тѣсно сомкнутымъ строемъ, сцѣплялись другъ съ другомъ. Новѣйшіе опыты съ такими пилами показали, что ими можно пробить деревянную доску въ 3 cm. (1 дюймъ) толщины.

Послѣ того какъ pilum произвело свое дѣйствіе, съ врагомъ вступали въ рукопашную схватку мечомъ. Если въ этой рукопашной ни гастаты, ни слѣдовавшіе за ними принципы не рѣшали дѣла, то приходилось наступать тріаріямъ. Это были опытнѣйшіе и сильнѣйшіе бойцы всего войска, которые теперь съ опущенной пикой (hasta) ударяли на врага и въ рукопашной схваткѣ отличались большимъ фехтовальнымъ искусствомъ. При этомъ измѣненномъ способѣ сраженія, Сервіевъ классный распорядокъ, значитъ—цѣнность вооруженія, не могъ имѣть значенія для мѣста, которое римлянинъ получалъ въ войскѣ, но играла роль скорѣе военная опытность. И болѣе состоятельный сначала поступалъ въ легковооруженные, служилъ затѣмъ нѣкоторое время въ гастатахъ и принципахъ и, наконецъ, зачислялся въ тріаріи. Къ каждому легіону обыкновенно принадлежало 300 всадниковъ, дѣлившихся на 10 взводовъ (turmae), по 30 всадниковъ съ знаменемъ (vexillum) въ каждомъ.

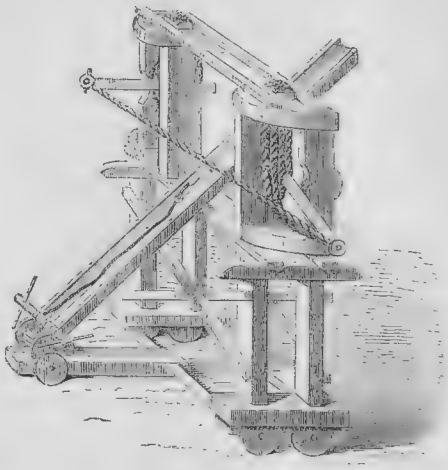
Офицеры и унтеръ-офицеры. Въ качествѣ штабъ-офицеровъ подъ начальствомъ консуловъ командовали военные трибуны (tribuni militum), первоначально только патриційскаго сословія, позднѣе и плебеи (стр. 160). Стало обычнымъ, чтобы въ каждомъ легіонѣ было по 6 такихъ офицеровъ, значитъ—во время Самнитскихъ войнъ, когда въ походъ выступало четыре легіона, было 24 военныхъ трибуна. Съ 311 г. 16 изъ этихъ трибуновъ выбирались народомъ; 8—консулами. Начальники отдѣльныхъ манипуловъ, изъ которыхъ каждый, не въ боевомъ порядкѣ, а на обыкновенной службѣ распадался на двѣ центуріи, назывались центуріонами; то же названіе носилъ низшій офицеръ, стоявшій во главѣ лишь одной центуріи. Такимъ образомъ, каждый манипулъ имѣлъ двухъ центуріоновъ: одного, который командовалъ первой центуріей и въ битвѣ велъ весь манипулъ, и второго, подчиненнаго этому и руководившаго второй центуріей манипула. Итакъ,

въ легіонѣ было 60 центурій, различныхъ, понижающихся разрядовъ. Низшимъ изъ 60 былъ центуріонъ второй центуріи десятаго манипула гастатовъ, высшимъ былъ начальникъ первой центуріи перваго манипула тріаріевъ, котораго позднѣе называли primipilus. Но въ то время какъ военные трибуны происходили всегда только изъ знатныхъ круговъ, значитъ послѣ 366 г. до Р. Хр.—изъ патриційско-плебейскаго нобилитета, мѣста центуріоновъ давались, какъ отличія, такимъ солдатамъ, которые начинали службу съ рядового. По служебному положенію, центуріоновъ можно сравнивать съ нашими ротными командирами, капитанами, а по своему соціальному положенію они больше равнялись фельдфебелю. — Пѣхотному центуріону при конницѣ соотвѣтствуетъ префектъ (praefectus), командующій турмой въ 30 всадниковъ; ниже его стоятъ 3 декуріона въ каждой.

Войска союзниковъ. Союзническіе солдаты составляли особые отряды войска, но лишь въ случаѣ нужды — самостоятельныя войска, обыкновенно же они присоединялись къ римскому войску въ подкрѣпленіе. Такимъ образомъ, въ каждомъ легіонѣ, кромѣ его 4,200 человѣкъ римской пѣхоты, числилось столько же союзнической. Но, кромѣ того, союзники къ 300 всадниковъ римскаго легіона ставляли еще 900 своихъ конныхъ воиновъ. Имъ приходилось мириться съ тѣмъ, что ихъ штабъ-офицеры, 12 praefecti socium, соотвѣтствовавшіе римскимъ tribuni militum, были римляне и назначались консулами. За то они могли сами выбирать себѣ своихъ низшихъ офицеровъ. Каждые 400 человѣкъ союзнической пѣхоты составляли одну когорту, приблизительно 10 такихъ когортъ—крыло (ala). Въ боевомъ порядкѣ обыкновенно 2 римскихъ легіона (8,400 человѣкъ) составляли центръ, къ которому справа и слѣва примыкало по такому крылу союзниковъ, численностью около 4,000 человѣкъ каждое. Также и всадники союзниковъ, числомъ 1,800 для войска въ 2 легіона, распадались въ свою очередь на 6 крыльевъ (alae), по 300 человѣкъ въ каждомъ, а каждая ala опять-таки на 5 двойныхъ турмъ по 60 человѣкъ. Позднѣе изъ особенно вѣрныхъ и надежныхъ союзниковъ набирался отрядъ экстраординаріевъ, пѣхоты и всадниковъ, которымъ въ римскомъ лагерѣ довѣрялось прикрытіе главной квартиры и охрана portae praetoriae. Рядомъ съ италійскими союзниками впослѣдствіи въ войскѣ имѣлись и иностранные воины—критскіе

стрѣлки изъ лука, балеарскіе пращники, кельтскіе и германскіе всадники: это—вспомогательныя войска (auxilia).

Осадныя машины и полевыя орудія. Примѣненіе искусныхъ осадныхъ машинъ исходило, по преданію, отъ карѳагенянъ, которые въ особенности считались мастерами въ постройкѣ высокихъ осадныхъ башенъ. Отъ нихъ этому искусству научился тиранъ сиракузскій, Діонисій I, который, кромѣ того, при помощи многочисленныхъ механиковъ, которыхъ онъ держалъ въ военномъ лагерѣ, построилъ первыя крупныя осадныя орудія, такъ называемыя катапульты. Конструкція ихъ была подражаніемъ луку. Силою служила упругость, увеличенная верченіемъ. Неупругіе концы лука получали свою силу для метанія снаряда отъ цилиндровъ изъ жилъ или хвостовой травы, чрезъ которые они были продѣты и которые, при натягиваніи орудія и связанномъ съ этимъ движеніи рукъ, вращались вокругъ своей оси. Научились также, чрезъ примѣненіе косого желоба для снаряда, метать послѣдній вверхъ подъ опредѣленнымъ угломъ (до 45°). Такія орудія назывались баллистами. Искусство строить осадныя башни, катапульты и баллисты впослѣдствіи было усовершенствовано въ Греціи и Сициліи, особенно Деметріемъ Поліоркетомъ („укротителемъ городовъ“), который въ 306 г. до Р. Хр. подъ Саламиномъ на Кипрѣ, въ 304 г. подъ Родосомъ соорудилъ вооруженныя орудіями исполинскія башни, какихъ еще міръ не видывалъ. Въ это время, но не позднѣе войны съ Пирромъ и Тарентомъ, и римляне познакомились съ этими военными машинами. Постройка осадныхъ башенъ, по крайней мѣрѣ въ вышину стѣны непріятельскаго города, скоро и у нихъ становится обычной, особенно въ слѣдующій вѣкъ Пуническихъ войнъ. Такая башня состояла изъ нѣсколькихъ



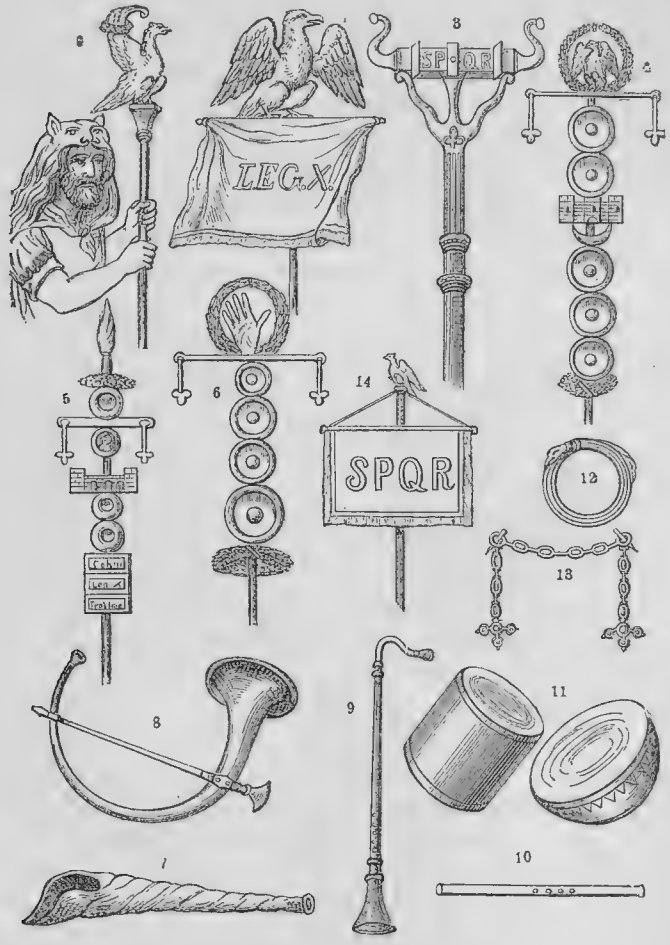
Римская баллиста.

этажей. Повѣшенный внутри башни таранъ (aries), крѣпкая балка, на переднемъ концѣ которой была прикрѣплена желѣзная баранья голова, выдвигался изъ отверстія нижняго этажа противъ стѣны, чтобы сдѣлать въ ней брешь. Прочіе этажи были снабжены метательными орудіями, на верхнемъ былъ устроенъ подъемный мостикъ, который, будучи спущенъ на непріятельскую стѣну, прокладывалъ путь находившимся въ башнѣ солдатамъ для штурма непріятельскаго города. Правда, часто случалось, что такая башня сожигалась непріятелями. Поэтому стѣнобитные тараны передвигались также къ стѣнѣ подъ низкимъ навѣсомъ (vinea — виноградная бесѣдка), покрытымъ дерномъ или влажными кожами. Позднѣе катапульты и баллисты употреблялись не только при осадахъ, но и въ открытомъ бою. Для этой цѣли ихъ укрѣпляли на колесахъ, запрягали мулами или лошадьми, какъ наши пушки, и такую батарею, состоящую изъ нѣсколькихъ орудій, выстраивали либо на флангѣ римскаго войска, либо на холмѣ, господствующемъ надъ боевымъ строемъ непріятеля.

Военная дисциплина и военная служба. Военная дисциплина въ римскихъ войскахъ была очень строга. Кто показывалъ себя трусомъ или непослушнымъ, наказывался безъ снисхожденія. Военачальникъ имѣлъ право казнить каждаго изъ своихъ подчиненныхъ. Онъ могъ сократить на одну десятую часть цѣлые манипулы, т.-е. выдѣлить по жребію и казнить каждаго десятаго воина. Противъ этой участи постигнутому ею не могли оказать защиты ни званіе, ни слава, ни одержанная побѣда, ни любовь солдатъ. Какъ, по преданію, Брутъ, отрекаясь отъ всѣхъ человѣческихъ чувствъ, совершилъ надъ собственными сыновьями сверхчеловѣческое или, скорѣе, безчеловѣчное правосудіе, такъ полководецъ исправлялъ свои обязанности съ безпощадной строгостью. Прутья и сѣкира ликтора грозили всякому, кто не соблюдалъ строго приказы начальства. Да и центуріоны не даромъ носили свой знакъ отличія, виноградную трость. Они часто немилосердно сѣкли новичковъ, неловкихъ въ оружейномъ ремеслѣ, и даже старые солдаты, выказывавшіе медлительный или нерасторопный характеръ, не могли спасти своей спины отъ страшной виноградной трости.

Эта строгая дисциплина практиковалась не только тогда, когда стояли лицомъ къ лицу съ непріятелемъ, но также въ походѣ и въ лагерѣ. Если была опасность, и это позволяла открытая мѣст-

ность, то наступали въ выше описанномъ боевомъ порядкѣ, но подъ защитой высланныхъ впередъ застрѣльщиковъ, обыкновенно



Римскіе военные значки, знамена, полевая музыка, цѣпочки и кольца.

1. Знаменосецъ. 2. Орелъ римскаго легіона съ надписью. 3. Штандартъ конницы (flammula). 4—6. Значки когортъ. 7. Военная труба, изогнутая на подобіе улитки. 8. Рогъ. 9. Tuba cornea (сигнальный рожокъ). 10. Флейта. 11. Войсковыя литавры. 12. Серебряный или золотой браслетъ. 13. Catella, небольшая цѣпочка, прикалываемая булавками. 14. Vexillum (небольшое знамя).

же въ agmen longum (растянутымъ строемъ), т.-е. манипулы въ четверть оборота составляли колонны одинъ возлѣ другого или же начинали походъ другъ за другомъ. Послѣдній былъ тя-

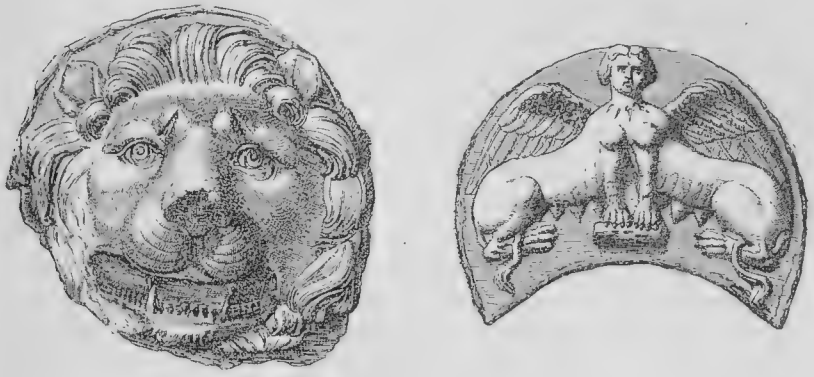
желъ, такъ какъ солдаты должны были, не обращая вниманія на зной южнаго солнца, въ среднемъ проходить ежедневно 20 римскихъ миль (=30 km.=28 верстъ), причемъ имъ приходилось нести оружіе, запасъ хлѣба на 17 дней и нѣсколько палисадинъ. По вычисленіямъ, римскій легіонеръ долженъ былъ всего тащить съ собою 40 kg (97 фунт.), между тѣмъ какъ наши солдаты имѣютъ при себѣ около 20 kg (49 фунт.) багажа. Такъ отягченные, (impediti) римляне могли маршировать лишь медленно и должны были заботиться о томъ, какъ бы облегчить поклажу особыми приспособленіями. Впослѣдствіи Марій ввелъ шесты, на которыхъ укрѣплялись связки багажа (sarcinae). Солдатское остроуміе называло эти переносные шесты „Маріевыми мулами“ (muli Mariani).

Когда солдаты, наконецъ, достигали лагерной стоянки, они на отведенномъ межевщиками пространствѣ вступали на свои мѣста для отдыха, отмѣченныя для каждаго отряда красными значками и копьями. Но отдыха имъ еще не давалось; ибо, сложивъ поклажу, они теперь, подъ охраной легковооруженныхъ воиновъ и конныхъ разъѣздовъ, начинали тяжелую окопную работу.

Когда лагерь былъ готовъ и въ немъ оставались нѣсколько дней, то и на этотъ случай военная служба была строго опредѣлена. Все время высылались конные развѣдочные патрули (exploratores) смотрѣть, не приближается ли непріятель. Сильные караульные посты и днемъ стояли у воротъ лагеря, другіе поддерживали порядокъ на лагерныхъ улицахъ и вблизи палатки полководца. Кромѣ того дѣлались экспедиціи для фуражировки въ сосѣднюю мѣстность, маршировки, на которыхъ упражнялись въ ровномъ шагѣ (certus gradus), скоромъ шагѣ (citatus gradus) и бѣгѣ (cursus), фехтованіе, причемъ мѣсто противника заступало крѣпко вбитое бревно; у всадниковъ были особыя упражненія въ бросаніи метательнаго копья, вскакиваніи на лошадь и соскакиваніи съ нея. Сюда присоединялась еще чистка и починка оружія и варка пищи. Солдатъ имѣлъ около 1 ф. зерна въ день, которое онъ ручной мельницей превращалъ себѣ въ муку; выпекая изъ нея хлѣбъ, онъ получалъ около $2^1/_2$ фунтовъ. Съ наступленіемъ ночи всѣ музыканты выходили къ палаткѣ полководца и трубили зорю (classicum), причемъ круглые рога (cornua) и вальторны (buccinae) слышны были рядомъ съ пронзительми трубами (tubae) и звонкими рожками (lituі) конницы. Ночь (съ 6 часовъ вечера

до 6 часовъ утра) раздѣлялась на четыре ночныхъ стражи (vigiliae); этимъ дѣленіямъ времени соотвѣтствовали смѣны карауловъ.

Военныя отличія. За всѣ труды и работы, за всю пролитую кровь въ древнѣйшее время солдатъ не получалъ никакой награды, кромѣ вѣнка изъ травы или оливковыхъ вѣтвей, если онъ отличился храбрыми подвигами. Плетеный изъ травы вѣнокъ былъ и оставался самымъ лучшимъ отличіемъ. Онъ не давался, подобно другимъ почетнымъ знакамъ, полководцемъ, но всѣмъ собраніемъ войска тому храброму воину, который въ отчаянной бѣдѣ принесъ спасеніе. Если черезъ него было освобождено войско, окруженное



Римскіе знаки отличія (phalerae), укрѣплявшіеся на груди.

непріятелемъ, то вѣнокъ изъ травы, имъ получаемый, назывался corona obsidionalis (осадная корона). Кромѣ того была еще тріумфальная корона въ видѣ лавроваго вѣнка для торжествующаго полководца, миртовая корона за меньшую побѣду, гражданская корона изъ дубовыхъ листьевъ за спасенье гражданина въ бою, золотая стѣнная корона для того, кто первый взобрался на непріятельскую стѣну или валъ. Далѣе, давались въ награду и золотыя запястья, золотыя цѣпочки, также бронзовые круглыя бляхи для украшенія груди (phalerae). Награды деньгами и землями въ это время еще не давались. Полагали, что долгъ гражданина и честь для него—носить оружіе для сохраненія государства, что ему достаточно сознанія, что онъ исполнилъ эту обязанность во всемъ ея объемѣ.

ГРАЖДАНСКІЯ ЗАНЯТІЯ. ТОРГОВЛЯ И МОНЕТНОЕ ДѢЛО.

Сельское хозяйство. Римскій народъ въ своемъ огромномъ большинствѣ все еще былъ народъ крестьянскій; слѣдовательно, земледѣліе было его первѣйшимъ занятіемъ въ мирное время. Такъ-же дѣло обстояло у италійскихъ союзниковъ. Римскій консулъ или преторъ, удалившись отъ своей вліятельной должности, снова управлялъ, въ качествѣ барина-помѣщика, своими рабами и крѣпостными; римскій легіонеръ, сложивъ sagum и ремневый панцырь, становился опять крестьяниномъ, слѣдовавшимъ за своимъ плугомъ. Римскіе сельскіе хозяева, пожалуй, не имѣли болѣе счастливаго времени, какъ въ продолженіе Самнитскихъ войнъ и борьбы съ Тарентомъ. Тогда все подвигавшееся впередъ завоеваніе Италіи и связанное съ нимъ увеличеніе государственной земли давали возможность исполнять всѣ желанія, направленныя къ пріобрѣтенію земли; крупный землевладѣлецъ, согласно Лицинiевымъ законамъ, требовалъ себѣ отъ нея своихъ 500 югеровъ, не опасаясь, чтобы кто-либо, при обиліи новой земли, точно контролировалъ величину оккупированнаго куска, а крестьянинъ безъ труда добывалъ для всѣхъ младшихъ сыновей своихъ новый земельный участокъ подъ дворъ на землѣ колонистовъ. Къ этому присоединились разныя улучшенія въ сельскохозяйственной дѣятельности. Приблизительно съ 400 г. римляне начали болѣе выгодное воздѣлываніе пшеницы вмѣсто полбы; они получили пшеницу вѣроятно отъ карѳагенянъ, съ которыми были въ торговыхъ сношеніяхъ. Да и разведеніе деревьевъ сдѣлало большіе успѣхи. Съ большимъ стараніемъ разводились въ Лаціумѣ оливки, между тѣмъ какъ съ виноградомъ обращались не съ такимъ знаніемъ дѣла. Виноградную лозу пускали вдоль деревьевъ вверхъ; поэтому Кинея, когда онъ пилъ итальянское вино, говорилъ, что не удивляется тому, что лоза, доставляющая подобный напитокъ, виситъ такъ высоко. Однако, кажется, еще въ раннее время виноградныхъ лозамъ, особенно благородныхъ сортовъ, также давали виться вверхъ по шестамъ или по шпалернику, и только болѣе простое сельское вино добывалось изъ такихъ лозъ, которыя, какъ часто и нынѣ

еще въ Италіи, переплетались съ вѣтвями вязовъ и тополей. Послѣ счастливаго окончанія сбора винограда, ягоды выжимались весьма простымъ способомъ: ихъ помѣщали въ непромокаемыя вмѣстилища и давили ногами. Обыкновенно выжимки попадали еще подъ прессъ, чрезъ что сусло выжималось совершенно. Послѣднее потомъ вливалось въ толстые сосуды, которые въ винномъ погребѣ опускались до верхняго края въ землю. Когда броженіе вполнѣ окончилось, часть вина, которую желали пить лишь позже, переливалась въ другіе сосуды (amphorae), заранѣе высмоленные, вымолосканные соленой водой и прокуренные миррой; амфоры закупоривались пробкой и гипсомъ и затѣмъ хранились въ верхнемъ этажѣ дома, гдѣ ихъ обдавало дымомъ съ очага: думали, что это служитъ къ лучшему сохраненію вина. Простое сельское вино наливалось въ просмоленные мѣхи, которые виноградарь на спинѣ или на телѣгѣ возилъ въ городъ для продажи. Въ общемъ, римлянинъ въ древнѣйшее время довольствовался своимъ кислымъ сельскимъ виномъ и лишь въ позднѣйшее время думалъ о насажденіи лучшихъ сортовъ винограда. Зато въ разведеніи плодовыхъ деревъ онъ зналъ и примѣнялъ искусство облагораживанія прививкою, копуляціею и окулировкою. Прикладывали черенки и глазки болѣе благородныхъ сортовъ плодовыхъ деревьевъ, но знали также и то, что облагороженіе достигается чрезъ прививку того же сорта. При этомъ наблюдали за движеніемъ сока, почвою, временемъ года и даже за движеніемъ луны, которой приписывалось большое вліяніе. Кромѣ превосходныхъ грушъ, яблокъ и сливъ, добывавшихся этимъ путемъ, облагораживались орѣхи, каштаны и другіе плоды. Также перешли въ Италію изъ Сициліи пинія и кипарисъ, гранатовое яблоко и финиковая пальма. Зато такъ называемые нынѣ южные плоды, особенно лимоны и апельсины, не породнились еще съ итальянской почвой.

Большое стараніе прилагали наконецъ къ разведенію розъ; ибо эта царица цвѣтовъ у грековъ и у римлянъ была въ большомъ почетѣ и употреблялась во многихъ случаяхъ. Вѣнокъ изъ миртовъ, розъ и фіалокъ у грековъ въ Нижней Италіи носила невѣста подъ своимъ вуалемъ; обычай этотъ перешелъ и къ римлянамъ. Точно такъ же гости за веселой трапезой украшались розовыми вѣнками и бросали въ вино лепестки розъ, чтобъ усилить его букетъ. Такими вѣнками украшивались статуи бо-

говъ, ихъ бросали навстрѣчу возвращающимся побѣдителямъ, ими усыпали могилы умершихъ родныхъ.

Ремесла и художества. Отдѣленная отъ сельскаго хозяйства, самостоятельная ремесленная дѣятельность въ то время встрѣчалась только въ городахъ, но не въ деревнѣ. Въ Римѣ постоянныя сношенія съ искусными этрусками и съ еще выше развитыми, въ художественномъ отношеніи, греками Нижней Италіи сильно содѣйствовали успѣху ремесленной дѣятельности. Это проявлялось напр. въ умноженіи цеховъ и дѣленіи прежнихъ. Вновь прибавились цехи валяльщиковъ, мясниковъ, рыбаковъ, а цехъ обрабатывателей металловъ раздѣлился на цехи мастеровъ бронзовыхъ, желѣзныхъ, серебряныхъ и золотыхъ дѣлъ. Въ связи съ этимъ стоитъ начинающаяся роскошь въ домашнемъ хозяйствѣ знати. Древній законъ дозволялъ имѣть только серебряную чашу для жертвоприношеній и серебряную солонку, но въ 275 г. бывшій консулъ Руфинъ былъ исключенъ изъ сената за то, что употреблялъ въ своемъ хозяйствѣ серебряной посуды на 5 kg. (12 фунт.). Насколько и въ Римѣ двинулось впередъ искусство лить металлы и по нимъ превосходно вырѣзывать, показываютъ ларчикъ для украшеній римлянки Диндіи Макольніи, мастерской работы Новія Плавтія, и изображеніе кормящей волчицы, поставленное уже въ 296 г. до Р. Хр. у румпнальской смоковницы. Спурій Карвилій, товарищъ младшаго Папирія, побѣдителя при Аквилоніи, велѣлъ изъ взятой добычи сдѣлать колоссальную статую Юпитера на Капитоліѣ: она была такой величины, что ее можно было видѣть съ Альбанской горы. Свою собственную статую, отлитую изъ обрѣзковъ употребленной бронзы, онъ велѣлъ поставить у ногъ колосса. Также и бронзовыя изображенія заслуженныхъ героевъ и государственныхъ дѣятелей, даже грековъ Пиѳагора и Алкивіада, украшали Форумъ, крѣпость и другія мѣста города. Упоминается еще о томъ, что Фабій Пикторъ (живописецъ), изъ знаменитаго рода Фабіевъ, разукрасилъ картинами храмъ богини врачеванія. Какъ ни единично это произведеніе искусства римлянина древне-аристократическаго происхожденія, все-же оно показываетъ, что занятіе изобразительнымъ искусствомъ въ Римѣ не цѣнилось такъ низко, если оно служило святой цѣли. Отъ этого времени сохранился также въ могилахъ Сципіоновъ саркофагъ искусной мраморной работы.

РИМСКІЕ РЕМЕСЛЕННИКИ.

1 и 2. Столяры и сапожники (генія, по стѣнной живописи изъ Геркуланея). 3. Граверъ. 4. Модельщикъ. 5. Ваятель. 6 и 7. Горшечники. 8. Золотобитъ. 9. Каменщикъ. 10. Виноторговцы.

Торговля и монетное дѣло. Рядомъ съ мелкой торговлей, главнымъ образомъ снабжавшей Римъ необходимыми жизненными припасами, все болѣе и болѣе развивалась и заморская торговля. Зачатки ея восходили еще ко времени римскихъ царей, какъ доказываетъ торговый договоръ съ Карѳагеномъ перваго года римской республики (стр. 82). Эта морская торговля, поскольку это касалось самаго города Рима, имѣла главное средоточіе въ расцвѣтавшемъ портѣ Остіи; но менѣе крупные морскіе корабли, при благопріятномъ состояніи воды, могли проникать вверхъ по Тибру въ самый Римъ. Кромѣ того къ этой торговлѣ были причастны и латинскіе приморскіе города и прочія прибрежныя поселенія римско-италійскаго союза, особенно же нижне-италійскихъ грековъ. Но во внѣшней торговлѣ Италіи возрастающее участіе пріобрѣтали и карѳагенскіе купцы-мореходы, чѣмъ болѣе послѣдніе дѣлались хозяевами на островѣ Сициліи, на Сардиніи и Корсикѣ. Пуническіе торговцы ввозили не только произведенія и издѣлія изъ своего родного города, но также и изъ другихъ странъ, которыя они посѣщали моремъ или сушею. Они привозили шкуры львовъ, пантеръ, леопардовъ, слоновые клыки и другіе товары, вымѣниваемые у африканскихъ кочевыхъ племенъ, далѣе—драгоцѣнные мѣха, которые они во время богатыхъ приключеніями плаваній добывали съ сѣвера и обрабатывали въ своихъ кожевняхъ. Также и выдѣланныя кожи слоновъ, буйволовъ, газелей и другихъ животныхъ негритянскихъ странъ, а равно янтарь съ дальнихъ береговъ Балтійскаго моря, рѣзьба изъ слоновой кости, кедроваго и чернаго дерева, сладкія винныя ягоды, пуническія яблоки (гранаты), финики, благовонія изъ Аравіи и Эѳіопіи, перецъ и другія пряности были любимыми, хотя и дорогими предметами ввоза. Не менѣе спроса находили тонкія шерстяныя ткани Карѳагена, частью выкрашенныя въ прекраснѣйшій пурпуръ, утварь, зеркала и тонкія стекляныя вещи, какъ изъ собственныхъ, такъ и изъ финикійскихъ стекляныхъ заводовъ. Всѣ эти товары, которые возрастающая роскошь дѣлала необходимыми, народы Италіи должны были вымѣнивать на металлическія деньги или на дорогія естественныя произведенія. Они поставляли пунійцамъ, плодоносная и хорошо воздѣланная область которыхъ была переполнена населеніемъ, убойный скотъ, солонину, строевой лѣсъ для кораблей, хлѣбъ, отличное масло, дешевое вино и плоды.

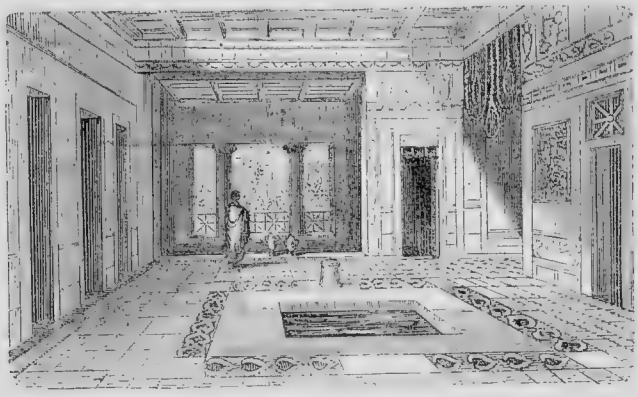
Возрастающая торговля съ чужими странами, давно тогда уже перешедшими къ серебряной валютѣ, дѣлала и для Рима и его союзниковъ невозможнымъ оставаться при старой мѣдной валютѣ, самая ходячая монета которой, либральный ассъ, римскій фунтъ литой мѣди, была слишкомъ тяжела и малоцѣнна для внѣшнихъ сношеній. Такимъ образомъ, въ 267 г. до Р. Хр. мѣдь въ предѣлахъ римской державы была низведена закономъ до степени мелкой монеты и намѣсто нея введена серебряная валюта. При этомъ ассъ былъ низведенъ до $^1/_3$ своего прежняго вѣса, и 10 новыхъ ассовъ, вѣсомъ въ $^{10}/_3$ фунта мѣди, были соединены въ одинъ денарій и отчеканены изъ серебра. При этомъ предполагалось, что 1 фунтъ серебра въ 240 разъ цѣннѣе 1 фунта мѣди. Согласно съ этимъ денарій ($= {}^{10}/_3$ фунта мѣди) долженъ былъ содержать собственно $^1/_{72}$ фунта серебра. Денарій этотъ, значитъ, цѣнился приблизительно во столько, во сколько аттическая драхма (25 к.) и дѣлился на 2 квинара ($12^1/_2$ коп.), а послѣдній въ свою очередь на 2 сестерція (sestertius $= 6^1/_4$ коп.). Вмѣстѣ съ этимъ была связана глубокая перемѣна въ италійскомъ монетномъ дѣлѣ: колоніи и союзныя общины могли чеканить только мѣдную, мелкую монету. Право чеканки серебра Римъ предоставилъ себѣ одному. Она происходила въ Римѣ въ храмѣ Юноны Монеты (богини напоминанія, увѣщанія). Отъ этого позднѣе и другія мѣста чеканки назывались „moneta“, и слово это отъ нихъ перешло къ чеканеннымъ деньгамъ.

СТРОИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО.

ДѢЙСТВИТЕЛЬНОЕ строительное искусство римляне, среди простыхъ отношеній, господствовавшихъ въ Римѣ въ продолженіе завоеванія Италіи, выказывали собственно только въ постройкѣ публичныхъ зданій, да и тамъ преимущественно подражали греческимъ и этрусскимъ образцамъ. Безъ украшеній и простой, домъ римскаго гражданина въ то время былъ разсчитанъ только на пользу и употребленіе. И все-таки онъ показываетъ значительные успѣхи въ культурѣ сравнительно съ древнѣйшими временами и также большую самостоя-

тельность по отношенію къ грекамъ. Древнѣйшая круглая постройка царскаго періода (casa), сооруженная изъ дерева и глиняныхъ скрѣпленій и снабженная соломенной или камышевой крышей (стр. 16), давно уже была вытѣснена въ городѣ прямоугольнымъ домомъ (domus), который не дѣлился, подобно греческому, на „мужскую половину“ и „женскую половину“, но заключалъ единое главное помѣщеніе, атрій, т.-е. „почернѣвшее помѣщеніе“. Названіе это носило оно потому, что стѣны и балки темнѣли отъ уходившаго кверху дыма отъ огня на очагѣ.

Атрій былъ прямоугольной залой съ крышею, опускающейся къ серединѣ внутрь и поддерживаемой четырьмя колоннами. Въ



АТРІЙ.

серединѣ крыши было квадратное отверстіе (compluvium), чрезъ которое дождевая вода стекала во вдѣланный подъ нимъ въ полу водоемъ для нея (impluvium). Чрезъ compluvium, но не чрезъ окна, атрій также и освѣщался. Вокругъ этой залы расположены спальни и хозяйственныя помѣщенія дома; въ немъ варятъ, совершаютъ жертвоприношенія, ѣдятъ; здѣсь сидитъ римлянка за прялкою и отсюда надзираетъ за всею хозяйственной дѣятельностью; здѣсь находится очагъ, ларецъ съ сокровищами дома, а также супружеская постель. Чѣмъ больше становилось хозяйство, тѣмъ больше вырастало комнатъ (alae) вокругъ атрія, какъ бы обрамляя его; лѣстница вела на чердакъ (tabulatum), на которомъ были кладовыя. Фундаментъ, толщиной въ $1^1/_2$ фута, дѣлался изъ булыжниковъ или плитъ, стѣны изъ кирпичей, штукатурка изъ глины

и мякины. Полъ (pavimentum) былъ изъ маленькихъ камней и глины. Вскорѣ со стороны улицы къ главной залѣ приросли сѣни (vestibulum), и въ знатныхъ домахъ обѣ комнаты, примыкавшія къ атрію со стороны двора, соединялись съ атріемъ въ качествѣ „крыльевъ“ (alae); въ нихъ находили свое мѣсто восковыя изо-

VESTIBULUM.

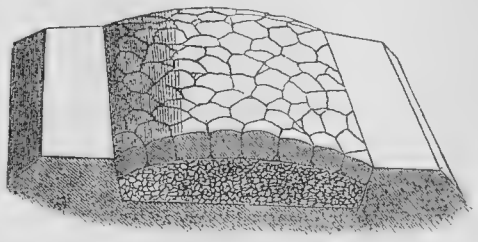
браженія предковъ (imagines). Наконецъ, со стороны двора къ атрію присоединилась рабочая комната хозяина, tablinum. Отдѣланный подъ комнаты верхній этажъ и возникшій подъ греческимъ вліяніемъ перистиль встрѣчаются лишь въ слѣдующемъ періодѣ.

Ростъ города. Чѣмъ важнѣе, черезъ подвигавшееся завоеваніе

Италіи, становился Римъ для всей страны, и чѣмъ болѣе возвышались государственные доходы римлянъ и ихъ частное благосостояніе, тѣмъ болѣе увеличивался и самый городъ. Такимъ образомъ внутри такъ называемой Сервіевой обводной стѣны, которая при устройствѣ своемъ обнимала еще много рощъ и незастроенныхъ площадей, городъ отстраивался все болѣе. Вокругъ Форума и по склонамъ Капитолія выросли многочисленные храмы боговъ. Но прежде всего возникли совершенно новыя части города внутри и внѣ вала. Къ югу отъ Porta Trigemina, мѣста стоянки носильщиковъ и портовыхъ рабочихъ, вдоль Тибра возникло складочное мѣсто для прибывающихъ моремъ товаровъ, эмпорій (см. планъ, стр. 75). Большой рынокъ овощей (forum holitorium) между Porta Carmentalis и Тибромъ, на которомъ умбрійскіе, этрусскіе и сабинскіе поселяне предлагали свои произведенія, привезенныя въ Римъ воднымъ путемъ, также лежалъ внѣ стѣны. Такъ вдоль Тибра, къ сѣверу и югу отъ мѣстъ, гдѣ городская стѣна прикасалась къ рѣкѣ, возникли многолюдныя предмѣстья, населенныя особенно мелкими торговцами, корабельщиками, мясниками, носильщиками и другими мѣщанами. Здѣсь, естественно, царила часто бѣдная и безпорядочная архитектура, разсчитанная только для минутной потребности, какъ во многихъ предмѣстьяхъ нашихъ крупныхъ городовъ. Но и собственно Римъ внутри стѣны нельзя, въ вѣкъ войны съ Пирромъ, представлять себѣ красивымъ городомъ. Еще преобладали безобразныя, узкія, кривыя улицы; того обилія мрамора, характернаго для позднѣйшаго императорскаго Рима, не видно и слѣда; лишь въ 284 г. цензорами было запрещено устройство соломенныхъ и гонтовыхъ крышъ.

Водопроводы. Въ одномъ только пунктѣ, не считая храмовъ боговъ, сооруженныхъ изъ хорошаго матеріала и искусно, римляне республиканскаго періода выказывали удивительную готовность на жертвы и дальновидность: именно въ добываніи для своего города хорошей и обильной воды для питья. Столь экономнымъ обыкновенно сенаторамъ никакая сумма не казалась слишкомъ высокой, если надо было провести этотъ благородный даръ Божій въ городъ въ такомъ количествѣ, чтобы его было достаточно не только на всѣхъ общественныхъ мѣстахъ, но и въ частныхъ домахъ и впослѣдствіи въ большихъ народныхъ баняхъ. Они хорошо знали, что здоровье и пріятное самочувствіе въ высокой

степени зависятъ отъ количества и качества воды для питья и умыванья. Первый цензоръ, употребившій свои должностныя полномочія для грандіозной строительной дѣятельности въ этомъ направленіи, былъ Аппій Клавдій (312—310). Были найдены богатые источники въ мѣстности Пренесте и проведены въ сводахъ, шедшихъ почти все подъ землею, до Рима. Только у Капенскихъ воротъ между Целіемъ и Авентиномъ на пространствѣ шестидесяти шаговъ потребовался надземный акведуктъ. Но такъ какъ проведенной ключевой воды не оказалось достаточно для снабженія города, то Маній Курій Дентатъ построилъ второй, подобный же водопроводъ, которымъ воды Аніо отводились въ Римъ на самый Эсквилинъ (Anio vetus 272 г. до Р. Хр.). Онъ употребилъ на это добычу, доставшуюся ему въ захваченномъ лагерѣ Пирра. Уже ранѣе, на богатства, увезенныя изъ укрощенной сабинской земли, онъ посредствомъ водопровода, высѣченнаго въ скалѣ, далъ истокъ превратившемуся въ болото Велину, чрезъ что плодоносная долина Реате была осушена и добыта обильная территорія для новыхъ поселеній. Еще нынѣ восхищаются водопадомъ у Терни, образуемымъ рѣкою со времени отвода ея (см. рисун., стр. 6), и еще существуетъ мостъ, который Курій построилъ черезъ рѣку изъ огромныхъ камней, въ одну арку.



Римская улица въ разрѣзѣ.

Постройка дорогъ. Если римляне при устройствѣ своихъ водопроводовъ, особенно при сооруженіи высокихъ каменныхъ акведуктовъ, которые они перебрасывали черезъ долины и ущелья, развили италійскую арковую архитектуру до высокаго расцвѣта, то они показали себя мастерами и въ нижнихъ постройкахъ и въ искусствѣ преодолѣвать неровности почвы земляными работами, при устройствѣ дорогъ, которыми они соединили свою столицу со всѣми частями Италіи. Первымъ геніальнымъ строителемъ въ этой области былъ опять-таки цензоръ Аппій Клавдій. Среди бурь и волненій второй Самнитской войны онъ (въ 312 — 310 ?) построилъ большую военную дорогу, названную по его имени Аппіе-

вой (via Appia). Она вела изъ Рима до Капуи черезъ долины и высоты. При проложеніи ея заполнялись ущелья, перекидывались мосты черезъ ручьи и рѣки, прорѣзывались крутыя возвышенности; она послужила образцомъ для многихъ другихъ дорогъ, которыя впослѣдствіи изъ Рима пересѣкли всю Италію, для соединенія отдаленнѣйшихъ военныхъ постовъ со столицею. Насколько было солидно ея устройство, доказывается ея долговѣчностью; ибо теперь еще, спустя свыше 2200 лѣтъ, она сохранилась длинными частями. Но на то и былъ разсчитанъ способъ постройки этой дороги, ибо послѣдняя, какъ еще нынѣ отчетливо видно во многихъ мѣстахъ, состояла изъ четырехъ, помѣщенныхъ одинъ надъ другимъ, слоевъ. Въ самомъ нижнемъ слоѣ былъ крѣпко утоптанный щебень, во второмъ—разбитые и залитые известкой камни, третій состоялъ изъ кирпичей, связанныхъ цементомъ, на которыхъ и лежала собственно мостовая, сложенная изъ многоугольныхъ глыбъ базальта и лавы. По обѣимъ сторонамъ вдоль тропы для пѣшеходовъ, шедшей рядомъ съ проѣзжей дорогой, возвышалась ограда изъ обтесанныхъ камней. На извѣстныхъ разстояніяхъ, особенно при пересѣченіи другихъ дорогъ, дорога расширялась, и были поставлены камни подходящей формы, чтобы всадникамъ было легче садиться и слѣзать съ лошадей. Не отсутствовали и сидѣнья для отдыха усталыхъ путниковъ; были и небольшія святилища, приглашавшія путешественника на молитву.

Правда, Via Appia не сразу была проложена въ описанномъ совершенствѣ; быть можетъ, она первоначально была устроена только для пѣшеходовъ и всадниковъ, но не для экипажей. Черезъ Понтинское болото ее сопровождалъ каналъ, проведенный частью для отвода воды, частью для транспорта. Кажется, и рыночное мѣстечко, тутъ же лежавшее, Forum Appii, ведетъ начало отъ этого свѣдущаго въ строительствѣ цензора. По ту сторону канала дорога была продолжена за Капую и позднѣе по Самнію черезъ Беневентъ и Луцерію вплоть до моря. Другія дороги, построенныя по тому же образцу, возникли въ это-же и въ послѣдующее время. То были: Via Latina, которая, начинаясь какъ и Via Appia, у Капенскихъ воротъ въ Римѣ, вела вдоль подошвы горъ въ Беневентъ, Via Tiburtina, простиравшаяся отъ Тибуртинскихъ воротъ до Тибура и затѣмъ, какъ Via Valeria, чрезъ сабинскую землю вплоть до Адріатическаго

моря, Via Salaria отъ Коллинскихъ воротъ черезъ Фидены и Реате на Анкону, Via Flaminia, которая отъ Фламиніевыхъ воротъ черезъ Сполето вела на Аримінъ и оттуда, какъ Via Aemilia, въ Плацентію на рѣкѣ По, впослѣдствіи даже развѣтвлялась до Турина и до Тріента, Via Cassia черезъ средину Этруріи въ Луну, гдѣ она соединялась съ Via Aurelia, которая отъ воротъ Яникула простиралась, вдоль этрурійскаго берега, до Генуи и Фрежюса. Двадцать побочныхъ дорогъ связывали эти семь главныхъ дорогъ или отправлялись отъ нихъ. Такимъ образомъ, было обезпечено сообщеніе Рима со всѣми частями завоеванной страны, и по Италіи была проложена сѣть дорогъ, которая, въ союзѣ съ военными колоніями и крѣпостями, держала ее въ строгомъ, обезпеченномъ подчиненіи.

ЗАЧАТКИ ПОЭЗІИ И МУЗЫКИ.

РИМЛЯНЕ издревле были трезвымъ и практичнымъ народомъ, который въ земледѣліи, на войнѣ, въ развитіи прочныхъ формъ государственной и правовой жизни достигъ высокихъ результатовъ, но въ области поэзіи, музыки, другихъ искусствъ и наукъ отличился лишь поздно, да и то главнымъ образомъ подъ возбужденіемъ грековъ и стараясь подражать имъ. Но этого, въ общемъ правильнаго, взгляда нельзя и преувеличивать; ибо если римляне и въ меньшей степени, нежели греки и германцы, умѣли развертывать силы фантазіи и духа, то они все-же не совсѣмъ были лишены ихъ. Конечно, поэзія древнѣйшаго времени большею частью была на службѣ у религіи. Такъ, двѣнадцать братьевъ полей (fratres arvales), которые въ маѣ мѣсяцѣ, въ вѣнкахъ изъ колосьевъ и въ бѣлыхъ головныхъ повязкахъ, съ пѣніемъ и пляской совершали торжественный обходъ поля, хранили древнюю пѣснь, которая при этомъ распѣвалась и дошла, по счастливой случайности, и до насъ. Въ ней лары и семоны (боги посѣва) приглашаются къ оплодотворенію полей, а Марсъ, смертоносный богъ, къ кротости и милосердію (стр. 96).

Отъ чародѣйскихъ формулъ, которыми пользовались противъ болѣзней, для предотвращенія дождя, а также съ злымъ намѣреніемъ—для разоренія посѣвовъ сосѣда, мало сохранилось. Нерѣдко это

были просто звукоподражательныя слова безъ всякаго смысла. Такъ одинъ позднѣйшій писатель указываетъ, что при вывихѣ надо расколоть трость, затѣмъ сложить ее снова надъ больнымъ членомъ, приговаривая: „Hauat, hauat, hauat, ista pista sista damia badanna ustra“. Мы могли бы привести подобныя непонятныя формулы, которыя еще нынѣ употребляются въ нашемъ отечествѣ суевѣрнымъ народомъ, по большей части остатки древнеязыческихъ представленій, хотя, частью, и скрытыхъ въ христіанской оболочкѣ.

Вѣра въ появленіе привидѣній, особенно душъ усопшихъ, была общераспространенною, но крайней мѣрѣ въ простонародьи. Какъ приписывали себѣ силу привлечь заклинаніями Юпитера и другія небесныя силы съ ихъ божескихъ сѣдалищъ, такъ воображали себя въ силахъ и вызвать или заклясть духовъ преисподней. На справлявшемся въ февралѣ праздникѣ поминовенія усопшихъ устраивались обѣды для пробужденныхъвесеннимъ воздухомъ тѣней, чтобы онѣ, насытившись, снова вернулись въ свое темное мѣстопребываніе. Въ маѣ, когда весенніе зародыши пышно выходили изъ нѣдръ земли, по народному повѣрью, поднимались духи, чтобы посѣтить прежнія свои жилища. Тогда справляли праздникъ лемуралій. Отцы семейства въ полночь выходили за двери и, разбрасываніемъ черныхъ бобовъ и чародѣйственными изреченіями, прогоняли привидѣнія (лемуровъ). Думали, что видъ ихъ вызываетъ безуміе; поэтому въ старое, вѣрующее время никогда не забывали 9-го, 11-го и 13-го мая предпринять обычное заклинаніе. Отсюда видно, что подъ лемурами вовсе не представляли себѣ душъ предковъ, но злыя, страшныя существа.

И сказка также не была чужда римлянамъ. Какъ германскому народу мерещится „добрая фея“, дающая человѣку при рожденіи разные драгоцѣнные дары въ жизненный путь, такъ римскія матери и кормилицы разсказывали объ Эдузѣ и Потинѣ, дающихъ ребенку ѣду и питье, объ Оссипагѣ, дарущей ему крѣпкія кости, о богинѣ колыбели Куниѣ и др. Да и сказки о „землѣ преизобилія“, о „мальчикѣ съ пальчикъ“, о „заколдованномъ принцѣ“ родны были народу и дѣтской.

Зачатки эпической и дидактической поэзіи. Предварительная ступень для эпической поэзіи была дана въ обычаѣ, по которому на похоронахъ выдающагося лица исполнялся плакальщицами составлен-

ный въ сатурническомъ стихотворномъ размѣрѣ (см. ниже) „плачъ по усопшемъ“ (naenia), въ которомъ перечислялись дѣянія покойнаго. Изъ соединенія этихъ пеній (?) возникли семейныя хроники, на слѣды которыхъ мы наталкиваемся въ древнѣйшей исторической литературѣ римлянъ. Отрывки такихъ, составленныхъ въ стихахъ, семейныхъ хроникъ исполнялись вѣроятно и на пиршествахъ; но болѣе крупнаго національнаго эпоса по образцу поэмъ Гомера изъ этихъ скромныхъ зачатковъ не развилось. Также и „народныя предсказанія по сельскому хозяйству“ и всякаго рода изреченія житейской мудрости и опыта, какія обыкновенно отцы внушаютъ своимъ сыновьямъ, приводились въ сатурническій размѣръ и собирались въ „сборники изреченій“ (sententiae).

Зачатки драматической поэзіи. Особенное расположеніе выказывали римскіе и италійскіе крестьяне къ извѣстнымъ отраслямъ драматической поэзіи, именно ко всякаго рода маскарадамъ и шутливымъ представленіямъ, казавшимся подходящими для городскихъ и сельскихъ празднествъ. При сборѣ винограда напр. по городу шли группы маскированныхъ поселянъ, дразнившія другъ друга насмѣшливыми стишками. Подобному же увеселенію служили народныя шутки (saturae) переодѣтыхъ „козлами“ (satur) пастуховъ [1]). Они играли особенную роль на большомъ „городскомъ празднествѣ“, которое называлось также „римскими играми“ (ludi Romani). Оно открывалось грандіознымъ праздничнымъ шествіемъ, которое двигалось къ цирку, устроенному между Палатиномъ и Авентиномъ. Впереди шли городскіе ополченцы, въ шлемахъ и полномъ вооруженіи, затѣмъ юноши и мальчики, всѣ частью верхомъ, частью пѣшкомъ, въ красныхъ туникахъ съ мѣднымъ поясомъ, съ мечами и короткими копьями. Затѣмъ дви-

---

[1]) Такое объясненіе слова satura, какъ называлось народное драматическое представленіе у римлянъ, состоявшее изъ музыки, шутливой пѣсни и пляски, очень рискованно этимологически и несогласно съ наиболѣе естественнымъ объясненіемъ древнихъ грамматиковъ, по которому названіе satura (satira) взято отъ выраженія satura lanx, означавшаго блюдо изъ разныхъ злаковъ или овощей, что мы называемъ винегретомъ. Поэтому и народное драматическое представленіе въ Римѣ, въ которомъ были соединены музыка, пѣсня и пляска, называлось смѣсью (разныхъ вещей).

Примѣчаніе редактора перевода.

гались участники состязаній на колесницахъ, верхомъ и пѣшкомъ и, наконецъ, плясуны. Послѣдніе были раздѣлены на двѣ группы: одна половина, называвшаяся овцами, была одѣта въ овечьи мѣха, другая, козлы, подпрыгивала въ накидкахъ изъ козьей шкуры. Каждую группу сопровождали принадлежавшіе къ ней музыканты, трубачи и особенно флейтисты. По прибытіи на ипподромъ, народъ размѣщался вокругъ, и начинались игры. Первымъ былъ бѣгъ на колесницахъ, причемъ на каждой колесницѣ стояло по одному возницѣ и состязающемуся. Послѣднему приходилось быть очень ловкимъ и во время ѣзды соскакивать и вскакивать опять на колесницу. По окончаніи ѣзды, появлялись всадники, и притомъ каждый съ двумя лошадьми и съ навыкомъ посреди скачки съ одной пересаживаться на другую. Наконецъ мѣрили свои силы пѣшіе борцы, обнаженные до пояса и фартука, въ бѣгѣ, борьбѣ и кулачномъ бою. Простая вѣтвь, сплетенная въ вѣнокъ, служила наградой побѣдителямъ. Вѣнокъ этотъ очень почитался; его обыкновенно клали на смертный одръ умершаго борца. По раздачѣ призовъ конные мальчики пробовали свое искусство въ кадриляхъ верхомъ. Остальное время празднества заполняли плясуны хороводной пляской и шутками. Вмѣстѣ съ ними выступали и фокусники и уличные пѣвцы, которые подъ звуки флейтъ показывали передъ толпой свое искусство. Подобно тому, какъ плясуны часто раздѣлялись на два хора, такъ и пѣвцы исполняли попеременныя пѣсни, причемъ не было недостатка въ грубомъ народномъ остроуміи и безудержномъ веселіи. Такъ было особенно съ 365 г. до Р. Хр. Именно тогда изъ-за злой заразы, потребовавшей много жертвъ, на ludi Romani были разбиты подмостки, на которыхъ этрусскіе актеры подъ звуки флейтъ давали разныя представленія. Этимъ надѣялись умилостивить гнѣвъ боговъ. Мало-по-малу представленія становились изящнѣе, такъ какъ въ нихъ, какъ въ религіозныхъ отправленіяхъ, участвовали и римскіе юноши. Однако и изъ этихъ „фесценнинскихъ“ игръ не развилась настоящая драма, которая могла бы сравниться съ греческой.

Изъ Кампаніи, какъ кажется, были пересажены въ Римъ такъ называемыя Ателланы (Atellanae), родъ шуточныхъ сценъ изъ повседневной жизни. Появлявшіеся въ нихъ типы всегда были одни и тѣ же. Тутъ былъ глупый и неуклюжій Маккъ, голодный скоморохъ Букконъ, узкосердечный, мѣщанскій Паппъ, горбатый

шарлатанъ Доссенъ и дуралей Санніонъ. Изъ такихъ зачатковъ могла бы развиться драматическая поэзія; но римлянинъ не былъ годенъ къ этому. Онъ пренебрегалъ свѣтлыми дарами поэзіи, вѣнками на сценѣ, на играхъ въ циркѣ или на Альбанской горѣ, чтобы на театрѣ дѣйствительнаго міра своими подвигами срывать кровавые лавры побѣды. Поэзія, искусство вообще, а также отчасти наука казались ему, за небольшими исключеніями, какъ-бы дѣтской забавой, недостойной серьезнаго мужа, стремящагося къ гражданской почести. Поэтому онъ устранялся отъ пустого времяпрепровожденія, да и молодежь впослѣдствіи принимала лишь небольшое участіе въ этихъ играхъ. На ея мѣсто стали ремесленнически выученные борцы, игроки и пѣвцы, а ихъ въ избыткѣ поставляли тусскіе города. Поэтому изъ городского и большого латинскаго праздника не вышелъ олимпійскій, на которомъ передъ собравшимся Лаціумомъ въ тѣлесныхъ и умственныхъ состязаніяхъ боролись бы за пальму первенства, но они упали до степени зрѣлищъ, гдѣ толпа съ хохотомъ и рукоплесканіями глядѣла на оплачиваемыхъ актеровъ.

Впрочемъ, были еще другіе случаи, при которыхъ народная поэзія выступала въ своей, правда, мало художественной формѣ. Воины на тріумфальныхъ шествіяхъ распѣвали пѣсни частью шутливаго и сатирическаго содержанія. Они не щадили побѣдоноснаго полководца; его наружность, его манеры и подслушанныя у него слабости были любимыми предметами насмѣшекъ, которыя онъ терпѣливо долженъ былъ выносить.

Музыка. Весьма любимой была въ Римѣ и пользовалась извѣстнымъ почетомъ, такъ какъ она казалась необходимой при богослуженіи, музыка. Музыканты составляли даже, какъ видѣли мы, говоря о Сервіевомъ законодательствѣ, свой собственный цехъ и особую центурію. Ихъ инструментами были tibia, дудка, флейта, и tuba, имѣвшая по звуку и формѣ сходство съ трубой. Послѣдняя состояла изъ прямой металлической трубки съ небольшимъ мундштукомъ и воронкообразнымъ устьемъ. Ея громкіе звуки звали солдатъ къ нападенію и отступленію, но они раздавались и въ храмахъ, на похоронахъ и въ другихъ случаяхъ. Еще болѣе всеобщимъ было употребленіе флейты. Было нѣсколько родовъ этого инструмента. Первоначально его дѣлали изъ бедренной кости, отсюда названіе tibia (голень); позднѣе изъ дерева и трост-

ника. Его снабжали четырьмя дырками, которыя брались пальцами одной руки. Позднѣе прибавили еще нѣсколько дырокъ. Потомъ соединяли двѣ флейты, частью одинаковыя по длинѣ и звуку, частью различныя, такъ что одновременно можно было играть въ различныхъ октавахъ. Умѣлые музыканты знали даже искусство играть на двухъ отдѣльныхъ флейтахъ, что́ естественно увеличивало разнообразіе звуковъ. Кромѣ этихъ инструментовъ, пользовались также греческой лирой, съ которой познакомились у эллиновъ Нижней Италіи; впрочемъ она никогда не достигала большого почета.

Музыканты были народъ веселый. Въ свой ежегодный праздникъ они имѣли право устроить на общественный счетъ праздничный пиръ въ храмѣ Юпитера и затѣмъ навеселѣ въ маскахъ и съ шумомъ шествовать по городу. Строгая римская полиція попыталась однажды наложить запрещеніе на эту вольность (311 г. до Р. Хр.), но тотчасъ же весь почтенный цехъ рѣшилъ выселиться, по образцу народной secessio, на Священную гору. Подъ звуки флейтъ отправились они въ путь и дошли до Тибура. Но когда Римъ потребовалъ обратно своихъ музыкантовъ, тибуртинцы конечно не рѣшались прекословить, а попытались миромъ побудить ихъ къ возвращенію. Но гильдія упорствовала въ своемъ намѣреніи и оставалась. Тогда прибѣгли къ хитрости и предложили имъ въ изобиліи ѣды и питья. Артисты не отказались отъ угощенія; они такъ усердно попивали виноградное вино, что въ концѣ концовъ всѣ потеряли равновѣсіе и въ объятіяхъ сна забыли тревоги и тягости. Тибуртинцы тотчасъ же навалили ихъ на телѣги и отвезли ихъ обратно въ Римъ, гдѣ они, опущенные на Форумѣ, окончательно выспались. На утро они не мало терли себѣ глаза, узнавъ родную обстановку. Однако они съумѣли воспользоваться своею выгодой: они единодушно заявили, что желаютъ выселиться въ отдаленныя области, если будутъ сокращены ихъ старинныя привилегіи. Этой рѣшимости даже римскія власти не посмѣли оказать сопротивленіе, а разрѣшили необходимому цеху музыкантовъ право пиршества во храмѣ и шествія по городу.

РЕЛИГІЯ, ОБЫЧАЙ, ПРАВО.

РЕЛИГІЯ. Благочестіе по отношенію къ богамъ принадлежало къ основнымъ чертамъ римскаго характера и оставалось неизмѣннымъ, покуда Римъ развивался въ существенномъ

ЖЕРТВОПРИНОШЕНІЕ.

Барельефъ, хранящійся въ Луврскомъ музеѣ. Заклавіе двухъ быковъ. Десять изображенныхъ здѣсь лицъ одѣты по-римски: limus, родъ юбки, носившейся спеціально викгимаріями (закалывателями жертвен. животныхъ), обшитъ бахромой: licium, поясъ, обвитъ нѣсколько разъ вокругъ живота; служитель держитъ въ рукахъ acerra, ящикъ для благовоній; у жрецовъ на головахъ вѣнки; у одного изъ нихъ въ рукахъ факелъ для зажиганія огня на жертвенникѣ.

самостоятельно. Римлянинъ чувствовалъ себя по отношенію къ богамъ связаннымъ твердымъ договоромъ; и если это чувство связанности (religio) ближайшимъ образомъ и не вызывало того искренняго, коренящагося въ душѣ богопочитанія, которое мы находимъ у грековъ и германцевъ, все-же оно крѣпко удерживало человѣка на добромъ пути и развивало въ немъ сильное чувство долга и чуткую совѣсть. Добросовѣстность ри-

млянъ по отношенію къ богамъ и ихъ робкій страхъ передъ гнѣвомъ какого-нибудь божества побуждали ихъ также принимать къ себѣ чужихъ боговъ, съ которыми они знакомились, входя въ сношенія съ другими народами, приносить имъ жертвы и воздавать почитаніе. Такъ, въ Римъ пришли греческіе культы, позднѣе также восточные, и эти чужіе боги впервые расшатали устои старой римской государственной религіи, вызывали все новое „исканіе божества“, пока, наконецъ, не была подготовлена почва для принятія „распятаго“ Христа изъ святой земли.

Первые греческіе боги, нашедшіе доступъ въ Римъ, были діоскуры Касторъ и Поллуксъ (Pollux), которымъ былъ посвященъ храмъ еще въ 485 г. до Р. Хр. Полвѣка спустя, открытъ былъ храмъ дельфійскому Аполлону, 295 г.—Аѳродитѣ, которую приравниваютъ къ древне-римской богинѣ садовъ—Венерѣ, и 291 г.—богу врачебнаго искусства, Эскулапію. Послѣднему построили храмъ на островѣ Тибра и, въ качествѣ его символа, привезли священную змѣю изъ знаменитаго святилища Асклепія въ пелопоннесскомъ городѣ Эпидаврѣ.

Воспитаніе и обученіе. И воспитаніе дѣтей и обученіе молодежи въ вѣкъ завоеванія Италіи также въ общемъ шло еще старыми, привычными путями: естественными воспитателями и учителями ребенка считались родители, въ особенности отецъ. Отъ него мальчикъ научался бѣгу и прыганью, метанію диска и копья, борьбѣ и кулачному бою, плаванію и верховой ѣздѣ. Отъ отца онъ научался также чтенію, письму и счету и началамъ гражданскаго права изъ законодательства двѣнадцати таблицъ, которое для этой цѣли заучивалось наизусть. Съ достиженіемъ 16 лѣтъ молодой римлянинъ съ извѣстной торжественностью, которую приблизительно можно сравнивать съ современной конфирмаціей, слагалъ окаймленное пурпуромъ отроческое платье (toga praetexta) и надѣвалъ на его мѣсто обыкновенную бѣлую тогу (toga virilis, т.-е. тогу мущины). Въ 17 лѣтъ онъ поступалъ рекрутомъ въ легковооруженные; если онъ находился въ походѣ, то участвовалъ въ дѣлахъ отца и дѣда, въ качествѣ ученика, или же онъ, въ ежедневномъ обществѣ одного изъ авгуровъ или понтификовъ, въ коллегіяхъ которыхъ особенно было распространено знаніе права, изучалъ формулы процесса и трудныя опредѣленія гражданскаго и государственнаго права. Такимъ образомъ, характеръ и знаніе пред-

ковъ передавались самымъ простымъ путемъ изъ рода въ родъ. Но уже начинали нарушать этотъ естественный способъ воспитанія и обученія, данный семейнымъ порядкомъ. Многозанятые, по должности удерживаемые вдали отъ семьи, отцы стали передавать первоначальное обученіе своихъ дѣтей образованному рабу или вольноотпущеннику; да и были уже „учителя грамоты“ (litteratores), къ которымъ мальчикъ внѣ дома могъ ходить въ „школу“. Сношенія съ Нижней Италіей и подвигающееся впередъ завоеваніе „Великой Греціи“ дѣлали нужнымъ уже и усвоеніе греческаго языка. Для этого пользовались рабомъ изъ грековъ, которыхъ напр. Тарентинская война много доставила въ Римъ, или же свободнымъ или вольноотпущеннымъ преподавателемъ языковъ (grammaticus).

Римскій гражданинъ въ тогѣ.
Съ античнаго изваянія, хранящагося въ Римѣ, въ Латеранскомъ музеѣ.

Одежда. Одежда римлянина была различна, смотря по мѣсту, гдѣ онъ находился, и по работѣ, которая имѣлась въ виду. Дома простой гражданинъ носилъ только тунику, исподнее платье безъ рукавовъ или съ короткими рукавами, которое земледѣлецъ, пастухъ, охотникъ и также ремесленникъ при работѣ опоясывали подъ грудью. Уличнымъ и парадным платьемъ простолюдина и обычной одеждой знати была тога, и притомъ не только въ Римѣ, но и въ цѣлой Италіи (стр. 272). Она носилась поверхъ туники, была выткана изъ шерсти бѣлаго цвѣта.

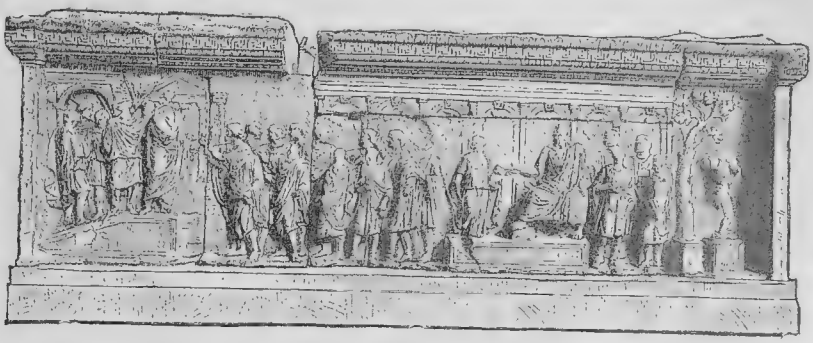
По древнѣйшему способу ношенія тоги, ее туго обтягивали вокругъ шеи и конецъ, ниспадавшій черезъ правое плечо, перебрасывали еще и черезъ лѣвое, такъ, что были закутаны руки и все тѣло, или же ее протягивали подъ правой мышкой и затѣмъ перекидывали также черезъ лѣвое плечо, черезъ что правая рука вся оставалась непокрытой. Позднѣе, а пожалуй уже и въ этотъ періодъ, тога была значительно больше; ее протягивали черезъ правое плечо, какъ при первоначальномъ способѣ. Правая рука черезъ это была обнажена, а спереди получалась небольшая выпуклость и много складокъ, которыя старались привести въ изящный порядокъ. Женщины пользовались тою же одеждой, только съ болѣе тщательно сдѣланными складками, и туника ихъ была длиннѣе, шла ниже колѣнъ и была съ короткими рукавами. Въ болѣе позднее время онѣ украшались столой: это былъ родъ широкой, ниспадающей до ногъ туники, изящно обхваченной поясомъ подъ грудью и другимъ надъ бедрами. Особый кусокъ матеріи, укрѣпленный подъ вторымъ поясомъ, доходилъ сзади, почти какъ шлейфъ, до пятокъ и увеличивалъ достоинство матроны въ ея фигурѣ и осанкѣ. Поверхъ столы знатныя римлянки носили еще паллу, прямоугольный кусокъ матеріи, который располагался въ художественныхъ складкахъ вокругъ верхней части тѣла и которымъ въ дурную погоду можно было покрыть голову.

Преторіанскій сапогъ.

Обувью служили римлянамъ сандаліи, укрѣплявшіяся ремнями надъ пядью ноги и у лодыжекъ. Подошва была изъ крѣпкой бычачьей кожи; но иногда, чтобы щадить ногу, клали еще поверхъ нея вторую подошву изъ мягкой телячьей или козьей кожи. Другого рода сандаліи, теперь еще употребляемыя въ горахъ Южной Италіи, имѣли загнутый кверху край, отъ котораго черезъ ногу шло много широкихъ ремней, часто искусно переплетавшихся. Въ то время, когда каждый крестьянинъ былъ еще своимъ собственнымъ сапожникомъ, онѣ составляли, пожалуй, самую теплую обувь, какую можно было имѣть. Впрочемъ, въ пятомъ вѣкѣ имѣлись уже особыя сапожныя лавки, гдѣ продавалась болѣе удоб-

Сандаліи для ходьбы по горамъ.

ная обувь. Сношенія съ греками Нижней Италіи и съ этрусками должны были дать побужденіе къ этому. Черезъ это въ Римѣ появилась и та обувь, которую называли crepida. Подымающимися кверху боковыми частями, она прикрывала ступню, но оставляла обнаженными пальцы ноги. Проходившій между большимъ и вторымъ пальцемъ ремень служилъ для лучшаго укрѣпленія обуви. Однако этого рода башмаки оставались преимущественно свойственными грекамъ, которые носили ихъ въ публичныхъ случаяхъ. Когда впослѣдствіи укрѣпляемыя ремнями подошвы стали считаться неприличными, появились новыхъ родовъ башмаки



Барельефъ на Forum Romanum, изображающій судью въ базиликѣ и оратора на rostra, быть можетъ, Марка Аврелія.

и сапоги со шнуровкою (calceus). Они были кожаные, покрывали всю ногу, и шнуровка шла высоко вверхъ по икрамъ. Цвѣтъ ихъ былъ различенъ. Консулы носили бѣлые, патриціи черные, сенаторы, напротивъ, красные башмаки, украшенные полумѣсяцемъ изъ слоновой кости.

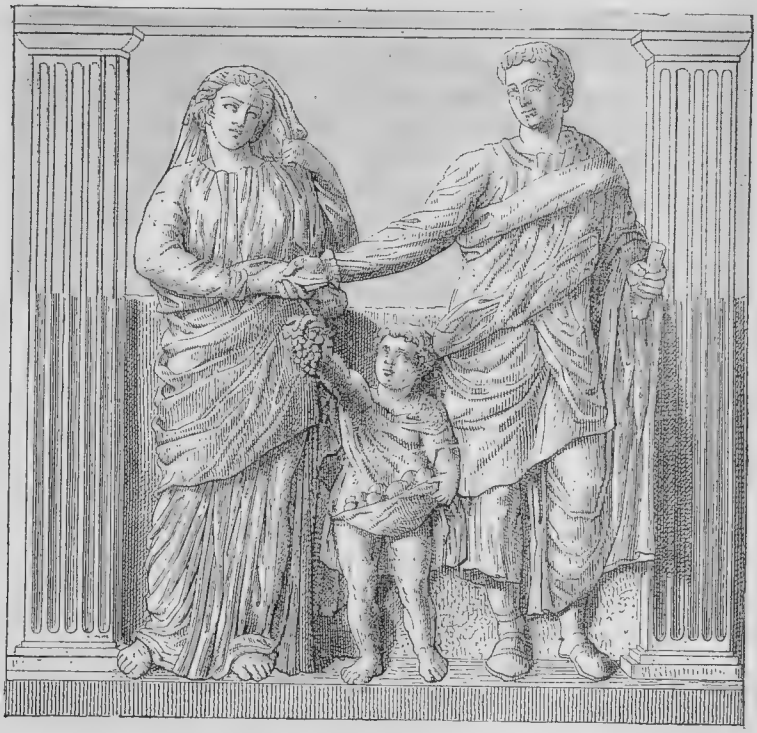
Солдаты приняли caligae, башмаки, обхватывавшіе всю ступню, обитые гвоздями и сверху укрѣплявшіеся повязками выше и ниже лодыжекъ. Они изготовлялись особыми сапожниками на колодкахъ, какъ отчетливо показываетъ сохранившійся древній надгробный памятникъ въ Миланѣ. Другой родъ обуви соединялъ сандаліи собственно съ башмакомъ. Верхняя кожа разрѣзывалась на цѣлый рядъ язычковъ, черезъ которые проходила широкая полоса кожи, изящно обхватывавшая верхнюю часть ноги.

Гражданское право; бракъ. Гражданское право въ общемъ продолжало существовать въ той формѣ, въ которую его привели за-

коны 12 таблицъ. Однако съ теченіемъ времени предприняты были нѣкоторыя смягченія древняго права; такъ напр. посредствомъ lex Poetelia 326 г. совсѣмъ было уничтожено рабство за долги; съ тѣхъ поръ у римлянъ имѣло силу положеніе, введенное у аѳинянъ уже Солономъ, что должникъ отвѣчаетъ только своимъ состояніемъ, а не личностью. Но оставалась безъ измѣненія строгая власть отца надъ сыномъ и женой; вообще римлянинъ въ своемъ домѣ былъ неограниченнымъ властелиномъ надъ всѣми домочадцами, даже надъ ихъ жизнью и смертью. На этомъ строгомъ порядкѣ покоилась вся семейная жизнь; онъ продолжалъ существовать, покуда римскій народъ оставался здоровымъ въ сущности своей природы. Поэтому и основа семейнаго порядка, бракъ, у древнихъ римлянъ считался священнымъ и заключался въ особенно торжественныхъ формахъ. Древнѣйшею и возможною только среди патриціевъ формой была confarreatio. По совершеніи авспицій, свадьба открывалась закланіемъ овцы, затѣмъ слѣдуетъ принесеніе въ жертву пирожнаго изъ полбы (far, откуда получилъ свое названіе этотъ родъ бракосочетанія); этого полбеннаго пирожнаго невѣста и женихъ должны отвѣдать совмѣстно, причемъ flamen Dialis ихъ торжественно сочетаетъ. Затѣмъ слѣдуетъ свиная жертва, совмѣстно приносимая богамъ молодыми. Послѣ этого три отрока, въ предшествіи нѣсколькихъ факельщиковъ, отводятъ невѣсту въ домъ ея супруга, гдѣ ее переносятъ черезъ порогъ. Послѣ того какъ она тамъ скажетъ мужу прекрасныя слова: „Гдѣ ты, Гай, тамъ буду и я, Гая“, ей подаютъ ключи дома. Служанки несутъ за нею веретена и шерсть; за ними слѣдуетъ также много родственниковъ и друзей, принимающихъ, согласно обычаю, участіе въ праздничномъ свадебномъ пирѣ.

Болѣе легкимъ и менѣе дорогимъ способомъ бракосочетанія было coemptio (купля). Жена приносила съ собой три асса, одинъ какъ плату за мужа, одинъ за принятіе на службу пенатовъ и третій за участіе въ домохозяйствѣ и имуществѣ. Посредствомъ такихъ и другихъ формальностей она переходила изъ-подъ отцовской власти во власть мужа. Впослѣдствіи бракъ былъ уже законнымъ, если жена съ вѣдома и согласія родителей цѣлый годъ непрерывно прожила у мужа. Такъ какъ связи, заключавшіяся такимъ образомъ, легче могли порываться, чѣмъ бракъ, освященный Фламиномъ Юпитера (flamen Dialis), то онѣ во время порчи нравовъ стали общеупотребительными.

О такомъ легкомысліи въ вѣкъ завоеванія Италіи еще не было и рѣчи; только confarreatio и coemtio были позволительными и обычными формами бракосочетанія: посредствомъ ихъ обѣихъ жена со всѣмъ тѣмъ, чѣмъ она владѣла, вступала въ полную власть мужа, чтобы имъ любимою и уважаемою, но все-же въ подчиненіи у него,



РИМСКІЙ БРАКЪ.
Съ барельефа, хранящагося въ Луврскомъ музеѣ, въ Парижѣ.
Молодая наполовину закутывается въ широкій плащъ, palla. Мужъ носитъ laena, плащъ, по которому его можно принять за фламина. Ребенокъ, подающій гроздъ винограда, несомнѣнно, эмблема добраго предзнаменованія.

въ безпрерывной дѣятельности и цѣломудренной нравственности исполнять свое высокое призваніе жены и матери.

Идеалъ римлянина. Когда позднѣе всякаго рода испорченность нравовъ стала разъѣдать силы римскаго народа, то съ тоскою оглядывались на тѣ старыя времена и въ выдающихся мужахъ той эпохи находили самые совершенные образы римлянъ вообще.

Таковымъ называетъ Цицеронъ, въ своемъ сочиненіи „О старости“, особенно Аппія Клавдія Слѣпого (Caecus). Въ молодости своей онъ сражался какъ одинъ изъ храбрѣйшихъ въ Самнитскихъ войнахъ, а затѣмъ прошелъ всю лѣстницу должностей вплоть до цензорской. Отъ предковъ онъ унаслѣдовалъ то мужество и ту твердость, которыя при извѣстныхъ обстоятельствахъ могли усиливаться до упрямства и безпощадности. Онъ гордился чисто патриційской кровью, которая текла въ его жилахъ, но все-таки былъ расположенъ и къ здоровому прогрессу. Въ качествѣ цензора онъ не только построилъ названную по его имени большую военную дорогу въ Капую и первый большой римскій водопроводъ, но также сдѣлалъ полноправными гражданами многочисленныхъ вольноотпущенниковъ города во время бѣдствій кровопролитной второй Самнитской войны,—мѣропріятіе въ то время совершенно безопасное, такъ какъ эти прежніе рабы всѣ были италиками. И новшества эти онъ провелъ съ упрямой рѣшимостью вопреки волѣ сената, такъ какъ онъ былъ твердо убѣжденъ въ правильности своего мѣропріятія. Но поколѣніемъ позже, когда посланецъ Пирра, ловкій ораторъ Кинея, почти уже склонилъ сенатъ къ заключенію безславнаго мира съ чужеземнымъ завоевателемъ, тогда уже восьмидесятилѣтній старикъ, точно видѣніе изъ другого міра, онъ предсталъ передъ товарищами по сословію и въ священномъ гнѣвѣ на ихъ слабость установилъ грандіозное положеніе, что не по-римски вообще переговариваться съ врагомъ, стоящимъ на италійской землѣ, и при этомъ въ простой, но могучей рѣчи, которая еще спустя столѣтія читалась съ удивленіемъ, засвидѣтельствовалъ готовый къ жертвамъ патріотизмъ, его одушевлявшій. Да и вообще онъ, не обладая ученымъ образованіемъ, былъ умомъ разностороннимъ и проницательнымъ: отъ него беретъ свое начало римская наука о правѣ, ибо онъ побудилъ своего писца Флавія съ пользою дополнить законодательство Двѣнадцати таблицъ тѣмъ, что тотъ опубликовалъ судебный календарь и списокъ формулъ, по которымъ слѣдовало вести процессъ; онъ изложилъ свои рѣчи на письмѣ, оставилъ мудрость своего богатаго жизненнаго опыта и философію пиѳагорейцевъ своимъ роднымъ въ стихотворныхъ изреченіяхъ и проявилъ дѣятельный интересъ даже къ грамматикѣ латинскаго языка. А вотъ какую картину набрасываетъ Цицеронъ въ томъ-же сочиненіи о немъ, какъ о домоправителѣ: „Четырьмя взрослыми сы-

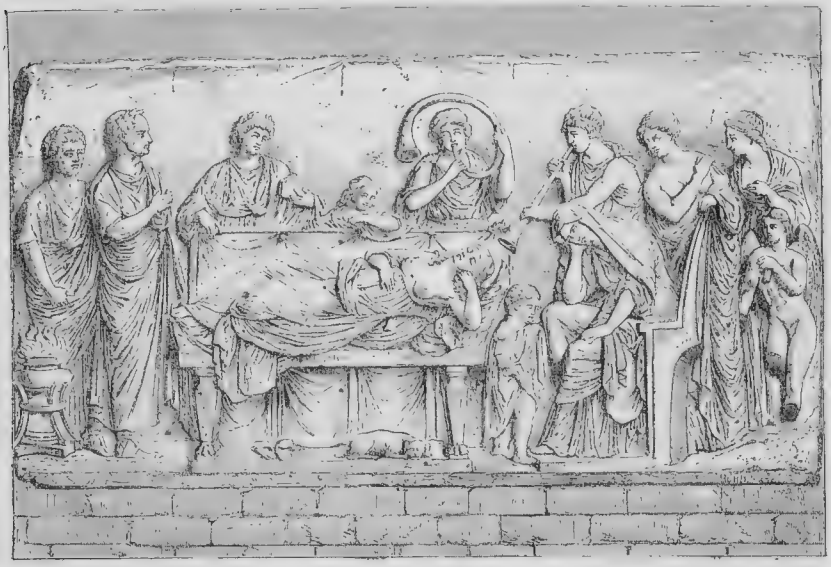
новьями, пятью дочерьми, многочисленной челядью, обширной кліентелой управлялъ онъ, будучи уже старикомъ и притомъ еще слѣпымъ. Умъ его напряженно, какъ лукъ, внималъ всему и никогда не поддавался старческому изпеможенію. Онъ не только былъ въ большомъ почетѣ у своихъ, но былъ ихъ неограниченнымъ повелителемъ; его боялись рабы, его почитали дѣти, а любили всѣ. Въ домѣ его былъ живъ древній обычай и древняя дисциплина".

Въ другомъ сочиненіи Цицеронъ называетъ честнаго Г. Фабриція, котораго нѣкогда тщетно искушалъ Пирръ, далѣе—Манія Курія Дентата, побѣдителя при Беневентѣ, и Тиберія Корунканія, друга Дентата, какъ образцы римскаго характера. Ихъ характеры являются намъ не такъ рѣзко очерченными, какъ Аппій Клавдій; но именно это и признакъ того счастливаго времени, что оно произвело мало индивидуальныхъ образовъ, рѣзко отдѣлявшихся одинъ отъ другого, но зато много такихъ, которые одинаковою дѣльностью и здоровьемъ похожи были другъ на друга, какъ одно яйцо на другое. Это было чисто по-республикански. Сенаторъ не долженъ быть ни хуже, ни лучше, вообще не быть инымъ, чѣмъ всѣ сенаторы; не надобно и не желательно, чтобы одинъ гражданинъ превосходилъ остальныхъ, какъ роскошной серебряной утварью и эллинскимъ образованіемъ, такъ чрезвычайной мудростью и дѣльностью. Первыя излишества наказываетъ цензоръ, а для послѣднихъ нѣтъ мѣста въ государственномъ устройствѣ. Римъ этого времени не принадлежитъ отдѣльному лицу; граждане всѣ должны быть подобными другъ другу, чтобы каждый подобенъ былъ царю".

Итакъ добродѣтель и дѣльность въ то время были такъ же распространены въ Римѣ, какъ позднѣе порокъ, и безъ большого ученья, примѣромъ и привычкой благородное передавалось изъ рода въ родъ, совершенно такъ-же, какъ государственная мудрость, съ которою „сенаторскіе мальчики сживались, появляясь въ сопровожденіи отцовъ своихъ въ залѣ совѣта и внимая тутъ мудрости тѣхъ мужей, на мѣстахъ которыхъ они предназначены были современемъ сидѣть".

Погребеніе мертвыхъ. Достойнымъ, простымъ и торжественнымъ было и погребеніе, которое заканчивало такую жизнь, проведенную въ работѣ и честности. Тѣло лежало въ атріѣ на носилкахъ,

покрытыхъ тонкимъ полотномъ и пурпурными и шитыми золотомъ покрывалами. Покойный былъ закутанъ въ одѣяніе, подобавшее высшей изъ занимавшихся имъ должностей. Вокругъ него были разложены взятые въ добычу доспѣхи и вѣнки, а восковая маска, которую старались снять съ его лица возможно похожею, стояла въ шкапу у стѣны зала, гдѣ обыкновенно ставились маски предковъ, съ указаніемъ ихъ почестей и должностей. При погребеніи обыкновенно мимическіе артисты, надѣвъ эти маски, фигурировали



СЦЕНА ПОХОРОНЪ.

въ качествѣ предковъ, со всѣми аттрибутами исправлявшихся ими должностей. Такъ шествовали они, точно души предковъ снова воплотились, чтобы проводить равноправнаго потомка на его послѣднемъ пути. На богато разукрашенныхъ колесницахъ, въ предшествіи ликторовъ, они примыкали къ погребальному шествію, открывавшемуся плакальщицами, флейтистами, плясунами и актерами.

Среди послѣднихъ находилось обыкновенно нѣсколько похожее на покойнаго лицо, которое представляло его толпѣ маскою, одеждою и жестикуляціею. Позади носилокъ шли родные въ серьез-

ной печали, въ черной тогѣ, сыновья съ закутанной головой, дочери съ распущенными волосами, затѣмъ друзья, родственники, вольноотпущенники и другіе близкіе. Шествіе направлялось на Форумъ, гдѣ останавливалось. Тамъ тѣло поднималось; а предки слѣзали съ колесницъ и садились на стулья изъ слоновой кости. Затѣмъ сынъ или другой членъ рода произносилъ надгробное слово, въ которомъ сообщалъ, съ надлежащими восхваленіями, подвиги предковъ и самого покойнаго. Затѣмъ приступали къ сожженію или погребенію трупа, такъ какъ и то и другое было въ обычаѣ у римлянъ. По сожженіи, пепелъ собирался въ урну и ста-

Надгробная надпись на гробницѣ Корнелія Луція Сципіона.

вился въ усыпальницу. Опускали туда одновременно и разнаго рода утварь; но зарывать въ склепъ украшенія изъ драгоцѣнныхъ металловъ было запрещено уже законами Двѣнадцати таблицъ. Наружное и внутреннее убранство могилъ также не должно было превышать извѣстныхъ границъ. Могилы умершихъ въ Римѣ въ среднемъ, по крайней мѣрѣ въ республиканское время, были гораздо проще тѣхъ, что теперь еще находятъ въ Этруріи. Часто достаточно было простого камня, снабженнаго надписью, чтобы отмѣтить мѣсто, гдѣ покоился доблестный гражданинъ или почтенная матрона. Впрочемъ уже рано были и богато изукрашенныя могилы. Древнѣйшая изъ нихъ, намъ извѣстная—открытая въ 1780 г. усыпальница Сципіоновъ на Via Appia, и древнѣйшій

саркофагъ, который содержала эта усыпальница, былъ гробъ Луція Корнелія Сципіона Барбата, сражавшагося въ 295 г. въ Самнитской войнѣ и при Сентинѣ и бывшаго консуломъ въ 298 г. Высѣченный изъ сѣрозеленаго пеперина саркофагъ въ простыхъ и благородныхъ формахъ обнаруживаетъ вліяніе греческаго искусства и содержитъ въ сатурническихъ стихахъ надпись, представляющую собой одинъ изъ древнѣйшихъ, сохранившихся до насъ на камнѣ, памятникъ латинскаго языка, который въ качествѣ неподдѣльнаго свидѣтеля духа того времени пусть заключитъ это наше изслѣдованіе:

Cornélius Lucius—Scipió Barbátus,
Gnaivód patré prognátus—fórtis vír sapiénsque,
Quoiús formá virtútei—párisumá fuit,
Consól censór aidílis—queí fuit apúd vos,
Taurásiá Cisaúna—Sámnió cépit,
Subigít omné Loucánam—opsidésque abdoúcit.

⏑ ⏓ ⏑ ⏓ ⏑ ⏓ ⏑ ‖ ⏓ ⏑ ⏓ ⏑ ⏓ ⏑

Корнелій Луцій Сципіонъ Бородатый,
Сынъ отца Гнея, храбрый мужъ и умный,
Чьей доблести соотвѣтствовала наружность,
Который былъ у васъ консуломъ, цензоромъ и эдиломъ,
Занялъ Тавразію, Цизавну—въ Самніѣ,
Покорилъ всю Луканію и увелъ заложниковъ.

ВОЗВЫШЕНІЕ РИМА ДО МІРОВОЙ ДЕРЖАВЫ.

(264—133 до Р. Хр.).

КАРѲАГЕНЪ.

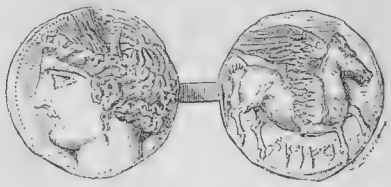
ФИНИКІЯНЕ. За много вѣковъ до основанія Рима на далекомъ востокѣ, по срединѣ далеко растянувшагося побережья Сиріи жилъ семитскій народъ—финикіяне. Сами они назывались, по древнему племенному имени своему, сидонцами и тирянами, а Сидонъ и Тиръ были ихъ древнѣйшими и важнѣйшими городами. Названіе финикіянъ они получили отъ грековъ: оно значитъ „красные люди“ и отмѣчаетъ сидонцевъ и тирянъ вѣроятно какъ торговцевъ красною пурпурною краскою, которую они изготовляли. Рано они отъ скотоводства и земледѣлія обратились къ морю и заселили большой, расположенный противъ ихъ берега, островъ Кипръ, на которомъ они занимались торговлей и горнымъ дѣломъ, особенно добычею мѣди

(Κύπρος, cyprum). Оттуда они уже около 1500 г. въ качествѣ купцовъ и мореплавателей стали проникать на западъ. Ихъ морскія открытія, для того времени столь же важныя, какъ открытія португальцевъ въ XV вѣкѣ по Р. Хр., мало-по-малу распространились на всѣ острова и побережья Средиземнаго моря вплоть до Геркулесовыхъ столбовъ. Въ мірѣ острововъ Эгейскаго и Іоническаго моря, въ Великой Греціи, Италіи, Сициліи, Сардиніи, Корсикѣ, на галльскомъ и иберійскомъ побережьи они основывали торговые склады и для этого преимущественно выискивали себѣ легко защитимые полуострова (Лилибей на о. Сициліи) или маленькіе острова вблизи побережья (каковы Θасосъ у ѳракійскаго, Киѳера у лаконскаго, Ортигія у сицилійскаго побережья), гдѣ они считали себя безопасными отъ непріятельскихъ нападеній. Вообще они нигдѣ не выступали завоевателями, но довольствовались тѣмъ, что завязывали торговыя сношенія и по возможности удерживали за собой торговую монополію. Поэтому впослѣдствіи они оказались не въ силахъ равняться съ греками, когда послѣдніе съ оружіемъ въ рукахъ стали оспаривать у нихъ не только Кипръ и Эгейское море, но мало-по-малу и западный бассейнъ Средиземнаго моря. Но они все-таки много вѣковъ удерживали почти неограниченное торговое господство отъ сирійскаго побережья вплоть до Гибралтарскаго пролива и дальше. Почти всюду, куда они приходили, они давали толчекъ къ развитію высшей культуры: ибо буквенное письмо, приготовленіе стекла, добываніе пурпурной краски изъ сока багрянника, попадающагося во многихъ мѣстахъ Средиземнаго моря, выдѣлка бронзы изъ мѣди и олова и многія другія знанія слѣдуетъ, повидимому, отнести къ этому дѣятельному народу моряковъ и торговцевъ [1]). Но для своихъ развитыхъ металлическихъ работъ они привозили не только мѣдь съ Кипра, но и золото съ Θасоса и серебро изъ Испаніи, особенно изъ страны Тартессъ (Таршишъ, позднѣе называемой Бетикой, нынѣ Андалузіей), судоходныя рѣки которой, Гвадалквивиръ и Гвадіана, открывали имъ и торговый путь

[1]) Это, очень распространенное въ нѣмецкой ученой литературѣ, мнѣніе вполнѣ опровергнуто положительными археологическими данными, по которымъ выдѣлка бронзы въ Халдеѣ, въ Египтѣ, на о. Кипрѣ возникла очень многими столѣтіями раньше появленія на сценѣ исторіи финикіянъ.
Примѣчаніе редактора перевода.

внутрь страны. Олово же они привозили изъ Португаліи и даже изъ Британіи.

Основаніе и сказаніе объ основаніи Карѳагена. Для этихъ дѣятельныхъ открывателей надолго не могъ оставаться скрытымъ замѣчательный характеръ сѣвернаго побережья Африки. Въ то время какъ остальная Африка—не считая крайняго юга—уже вслѣдствіе своего тропическаго климата не благопріятствуетъ возникновенію высшей цивилизаціи и культуры, и кромѣ того большими пустынями внутри страны и незначительнымъ расчлененіемъ береговъ препятствуетъ сношеніямъ во многихъ отношеніяхъ, на крупныхъ полосахъ сѣвернаго побережья этого необъятнаго материка являются условія, столь похожія на южноевропейскія и столь благопріятныя, что эти страны могли вступить въ живой обмѣнъ съ южной Европой и принять участіе въ развитіи ея культуры. Но наиболѣе благопріятствуемая страна сѣвернаго побережья Африки, —не считая египетской долины Нила, составляющей связь между Африкой и Азіей, — безъ сомнѣнія, нынѣшній Тунисъ. Эта область, прорѣзанная плодоносной долиной Баграда (по-финикійски Макаръ, теперь Меджерда), открывается лазурнымъ морскимъ водамъ въ глубоко врѣзавшемся Тунисскомъ заливѣ, понемногу подымающіеся берега котораго сохранили свое древнее плодородіе и до сего дня въ пестрой смѣнѣ показываютъ виноградники, оливковыя плантаціи, померанцевыя рощи и яркобѣлыя дачи. Отъ западной стороны открытаго къ сѣверу залива простирается въ восточномъ направленіи, въ формѣ молотка, мысъ, который съ востока омывается открытыми водами залива, съ юга—Тунисскимъ озеромъ, а на сѣверѣ граничитъ съ Себха-эль Руанъ, мелкой лагуной. Съ африканскимъ материкомъ связанъ этотъ мысъ на западѣ совершенно ровнымъ перешейкомъ. „Еще въ пуническое время этотъ перешеекъ былъ замѣтно уже, и у сѣверной стороны его было открытое море, а лагуна воз-



Карѳагенская монета.

Большая серебряная монета, несомнѣнно выбитая въ Сициліи, вѣроятно въ Сиракузахъ.

На лицевой сторонѣ голова нимфы Аретузы; на обратной—Пегасъ. Надпись: Баратъ обозначаетъ колодцы, но точнѣе, быть можетъ, Би Аратъ, т. е. и у Арата; Аратъ—имя сиракузскаго карѳагенянина, владѣльца знаменитаго источника Аретузы.

никла лишь позднѣе вслѣдствіе большихъ перемѣнъ, происшедшихъ въ заливѣ Утики особенно отъ наносовъ рѣки Баграда". Послѣ этого понятно, какимъ важнымъ долженъ былъ показаться финикіянамъ этотъ мысъ, расположенный посреди прелестнаго залива, для того, чтобы здѣсь основать поселеніе для торговли съ обитавшими въ этихъ мѣстностяхъ ливійцами. Открытъ былъ Тунисскій заливъ или во время каботажнаго (прибрежнаго) плаванія вдоль береговъ Африки, или изъ расположеннаго на сѣверовостокѣ Лилибея. Первымъ финикійскимъ поселеніемъ въ этой мѣстности была вѣроятно Утика на сѣверѣ западнаго берега залива, позднѣе заселили и самый край только-что описаннаго молотообразнаго мыса и возникшее тамъ мѣстечко назвали Картхадàштъ, т. е. „Новгородомъ"—можетъ быть въ противоположность къ Утикѣ—по-гречески καρχηδών, по-латыни Carthago. О времени и ближайшихъ обстоятельствахъ основанія Карѳагена мы рѣшительно ничего не знаемъ, но городъ кажется значительно болѣе древнимъ, чѣмъ Римъ.

Когда впослѣдствіи судьба Средиземнаго моря, повидимому, покоилась на исходѣ борьбы между Римомъ и Карѳагеномъ, греческіе исторіографы естественно чувствовали потребность разсказать исторію возникновенія Карѳагена. Первымъ, сдѣлавшимъ это, былъ Тимей изъ Тавроменія (на о. Сициліи), который относитъ основаніе города къ 814—813 году и о событіи этомъ разсказываетъ слѣдующую исторію, сплетенную изъ разсказовъ моряковъ и собственною его фантазіею. Въ древнемъ городѣ Тирѣ жила царевна Элисса женою своего дяди, богатаго Сихарба. Но братъ ея, царь Пигмаліонъ, велѣлъ убить Сихарба, чтобы завладѣть его сокровищами. Тогда Элисса съ этими сокровищами бѣжала и послѣ долгаго скитанія прибыла въ Ливію. Тамъ она мѣновою торговлею завязала дружественныя сношенія съ туземцами и купила отъ нихъ столько земли, сколько можно было обтянуть воловьей кожей. Но хитрая тирянка разрѣзала воловью кожу на столь тонкія полоски, что обтянула ими мѣсто для закладки Бирсы, замка Карѳагена. Вокругъ замка знатными тирянами, бѣжавшими вмѣстѣ съ Элиссой съ родины, былъ заложенъ городъ, но за пользованіе этимъ мѣстомъ для построекъ они должны были платить ливійцамъ ежегодную дань. Ливійцы назвали царицу новаго города, за долгія ея скитанія, Дидоной. Она все

еще была красавицей, поэтому къ ней присватался Ярба, вождь сосѣднихъ ливійцевъ, угрожая въ случаѣ отказа истребить замокъ, городъ и весь народъ. Онъ былъ могучимъ воиномъ, и многочисленныя дикія племена слѣдовали его призыву, но Дидона вѣрно хранила память перваго мужа, на котораго суровый вождь былъ такъ не похожъ. Она велѣла воздвигнуть костеръ, взошла на него, еще разъ взглянула на городъ и далекое море и погибла въ пылающемъ пламени. Позднѣйшая поэзія на мѣсто Ярбы поставила родоначальника римлянъ, троянскаго героя Энея, и къ тому же перемѣнила роли: Дидона загорается неугасаемой любовью къ Энею, прибывшему во время своихъ скитаній въ Карѳагенъ, и, когда послѣдній, во исполненіе приказанія боговъ, отправляется дальше, она бросается въ огонь, полная отчаянія. Прообразъ Элиссы или Дидоны впрочемъ—финикійская богиня Астарта, почитавшаяся подъ именемъ Дидоны въ Карѳагенѣ.

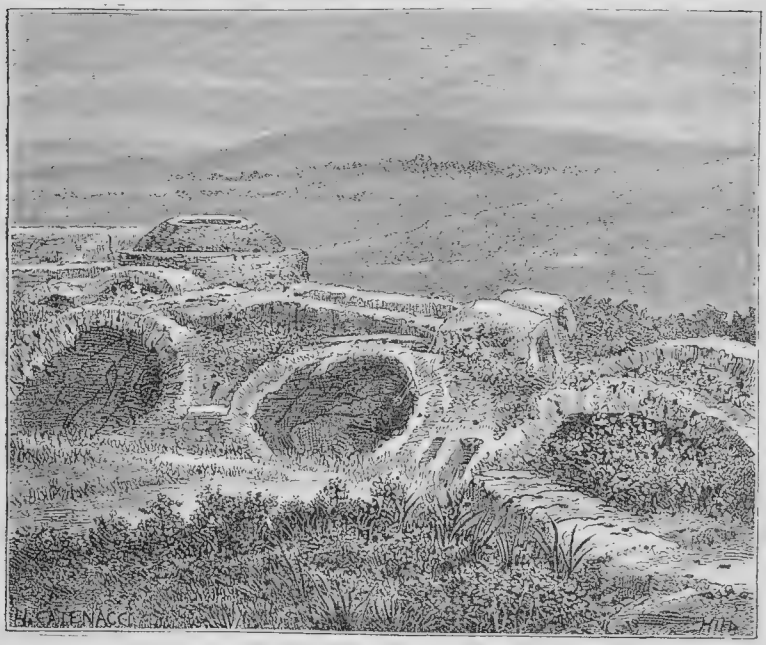
Образованіе карѳагенской державы. Не въ природѣ семитовъ-финикіянъ было воинскими доблестями охранять прежде всего свободу и независимость основанныхъ ими колоній. Выше была для нихъ безпрепятственная торговля и нажива. Поэтому Карѳагенъ долгое время продолжалъ платить ливійцамъ дань за землю. Поэтому-же финикіяне безъ борьбы отступали передъ распространявшимися приблизительно съ 1000 г. до Р. Хр. греками изъ восточнаго бассейна Средиземнаго моря въ болѣе западныя части его. Но когда греческая колонизація и здѣсь послѣдовала за ними и когда съ половины восьмого вѣка до Р. Хр. берега Нижней Италіи и Сициліи покрылись греческими колоніями, когда, далѣе, около 630 г. до Р. Хр. греческіе торговые корабли прошли Геркулесовы столбы, угрожая отнять у финикіянъ и страну Тартессъ, тогда послѣдніе пробудились отъ вялости и увидѣли поставленнымъ себѣ вопросъ, желаютъ ли они вообще удержаться еще гдѣ-либо на берегахъ Средиземного моря, или же выселиться хотя бы въ западную Африку или Британію. Въ этой бѣдѣ они ободрились и добились болѣе тѣснаго сплоченія существовавшихъ еще финикійскихъ городовъ. Тогда во главѣ ихъ сталъ Карѳагенъ,—доказательство, что онъ былъ уже самымъ могущественнымъ среди всѣхъ поселеній на западѣ, и финикійскія общины на ливійской почвѣ, въ Сициліи, Сардиніи и Испаніи

охотно подчинились передовому городу въ качествѣ союзниковъ. А изъ союза съ теченіемъ времени развилось подданство, такъ что Карѳагенъ въ концѣ-концовъ связалъ всѣ финикійскія поселенія на западномъ морѣ въ одно морское и торговое государство.

Карѳагенъ рѣшился по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ западнаго моря частью удержать торговую монополію, частью, гдѣ она была утрачена, снова вернуть ее себѣ. Важнѣйшіе опорные пункты для того, чтобы по возможности запереть эту половину Средиземнаго моря восточнымъ грекамъ представляли острова Мальта и Сицилія. Въ особенности на Сициліи въ это время были организованы Карѳагенскія силы противъ наступающаго эллинства, точно военный лагерь, фронтомъ къ сѣверо-востоку. Лѣвое крыло образовали Панормъ (Палермо) съ Солунтомъ, центръ — Галикіи, Энтелла, Эгеста и Эрикъ, города туземныхъ элимовъ, правое крыло—Мотія, большой торговый городъ на островѣ къ сѣверу отъ Лилибея (стр. 263). Такимъ образомъ карѳагенянамъ удалось удержать по крайней мѣрѣ сѣверо-западный уголъ Сициліи и оттуда одновременно господствовать надъ мореплаваніемъ на Сардинію какъ и въ самый Карѳагенъ. И испанское побережье вмѣстѣ съ Балеарскими и Питіузскими островами осталось въ ихъ власти; только грекамъ Массиліи (Марсели) разрѣшалось мореплаваніе до мыса de la Nao (Dianium) въ заливѣ Валенсіи. А для господства на Тирренскомъ морѣ карѳагеняне соединились съ этрусками, и когда позднѣе греческіе колонисты сдѣлали попытку поселиться на Корсикѣ въ Алаліи, то они были побѣждены соединенными флотами карѳагенянъ и этрусковъ (540 г. до Р. Хр.). Поколѣніемъ позже карѳагеняне пытались привязать къ себѣ договорами и новую передовую державу въ Лаціумѣ, Римъ (стр. 82).

Карѳагенскія плаванія торговыя и для открытій. Ганнонъ. Соотвѣтственно большой политической роли, которую игралъ теперь Карѳагенъ, какъ передовая держава всѣхъ жившихъ на западѣ финикіянъ, и плаванія для открытій, предпринимавшіяся карѳагенскими адмиралами, становились все болѣе грандіозными и ставили себѣ все болѣе далекія цѣли, особенно вдоль африканскаго побережья. Вѣсти о дальнѣйшихъ предпріятіяхъ этого рода для насъ утрачены; но по счастливой случайности до насъ дошло достовѣрное сообщеніе по крайней мѣрѣ объ одной такой экспе-

диціи, предпринятой смѣлымъ мореплавателемъ Ганноном ъ 480 и 450 г. до Р. Хр. Ганнонъ отплылъ изъ Карѳагена съ 60 пятидесятивесельными кораблями, на которыхъ онъ везъ съ собой, въ качествѣ колонистовъ, 30,000 мужчинъ и женщинъ. На семи подходящихъ пунктахъ онъ высадилъ колонистовъ и проникъ вдоль западно-африканскаго берега за самый Сенегалъ и Зе-



Карѳагенскія цистерны.

Эти цистерны, расположенныя къ востоку отъ крѣпости, имѣютъ 140 футовъ въ длину, 50 въ ширину и 30 въ вышину; стѣны толщиной въ 5 футовъ Въ римское время этихъ цистернъ оказалось недостаточно, и Адріанъ провелъ въ Карѳагенъ воду источниковъ на разстояніи 110 километровъ, посредствомъ акведукта.

леный мысъ, всюду стараясь завязать съ туземцами мѣновую торговлю. Вернувшись, онъ далъ отчетъ о своемъ плаваніи въ надписи храма Крона, имъ посвященнаго. Позднѣе карѳагеняне вѣроятно проникли и въ южную и восточную Африку: свидѣтельствуютъ объ этомъ карѳагенскія развалины въ тѣхъ странахъ, сохранившіяся до сего дня.

Городъ Карѳагенъ и его область. При такой дѣятельности и

самый городъ Карѳагенъ все болѣе расцвѣталъ и раскинулся далеко за первоначальные свои предѣлы. Въ концѣ концовъ онъ обнималъ стѣнами своими всю длину молота (см. выше), на протяженіи 10 km. (9 верстъ) съ юга на сѣверъ и около 4 km. ($3^1/_2$ верстъ) въ направленіи отъ востока на западъ. Правда, только южная часть города, старый городъ, была покрыта тою путаницею улицъ и высокихъ домовъ, которые наложили свою печать на античный „Лондонъ“. Приблизительно по срединѣ этой площади города возвышалась собственно Бирса, холмъ въ 196 фут. вышины. На самомъ высокомъ мѣстѣ стоялъ въ древности храмъ Асклепія, тамъ, гдѣ теперь высится построенный между 1884 и 1890 гг. соборъ вновь учрежденнаго архіепископства Карѳагенскаго. „Храмъ имѣлъ особое укрѣпленіе внутри укрѣпленнаго города, и сюда относится названіе Бирса (крѣпость). Рядомъ съ этимъ мы находимъ это названіе даннымъ и собственно городу, какъ цѣлому, очевидно въ противоположность къ первоначально не укрѣпленному предмѣстью Мегарѣ. Отъ стѣны, отдѣлявшей собственно городъ отъ Мегары, замѣтны еще отчетливые слѣды; крѣпкимъ бастіономъ она вдавалась въ море. Начиная отъ него къ юго-западу, для защиты отъ волнъ, впереди городской стѣны была проложена набережная, которую можно прослѣдить до того мѣста, гдѣ берегъ заворачиваетъ на короткое разстояніе къ западу до соединенія съ мысомъ и образуетъ небольшую бухту. Въ самой южной своей части набережная была расширена и здѣсь ею пользовались также для склада товаровъ. По срединѣ не большой бухты былъ входъ въ Коѳонъ, т.-е. въ два портовыхъ бассейна, выкопанныхъ въ юго-восточномъ углу полуострова, сейчасъ-же за восточной береговой линіей: прежде всего далеко растянувшаяся торговая гавань, затѣмъ доступная съ сѣвернаго конца ея, но въ то-же время по возможности огражденная отъ взоровъ постороннихъ лицъ, круглая военная гавань съ также круглымъ островомъ по срединѣ. Съ послѣдняго на сѣверовостокъ вела дамба на материкъ, гдѣ по близости лежалъ рынокъ. Наружный и внутренній край военной гавани былъ занятъ 220 корабельными доками; посреди острова надъ нимъ возвышалось, въ родѣ башни, зданіе для начальниковъ флота“. (По Мельцеру).

Большое сѣверное предмѣстье (по-пунически Магалія) имѣло

вѣроятно рѣдкое населеніе. Эта мѣстность имѣетъ наибольшую свою возвышенность въ Карѳагенскомъ мысѣ, лежащемъ около 130 m. (426 фут.) надъ уровнемъ моря. Тамъ теперь находится арабская деревня Сиди-бу-Саидъ; съ маяка открывается чудный видъ отъ мыса Бонъ на востокѣ до мыса Фарины (Сиди Али эль Мекки) и на море. Въ этой части города навѣрное и въ

Порты Карѳагена.

Порты Карѳагена были расположены къ югу-востоку отъ церкви St. Louis, на томъ мѣстѣ, гдѣ находится дача бея; два озера, видныхъ въ настоящее время, представляютъ изъ себя не остатки портовъ, но попытку реставраціи, сдѣланную нѣсколько лѣтъ тому назадъ сыномъ перваго министра.

древности были сады и дачи, быть можетъ и хижины многочисленныхъ свободныхъ фабричныхъ и портовыхъ рабочихъ, которые, кромѣ рабовъ, зарабатывали свой хлѣбъ въ большомъ торговомъ городѣ.

Возрастающая народная масса города и притекающія чрезъ торговлю и промышленность богатства доставили мало-по-малу и средства освободить его отъ дани ливійскимъ землевладѣльцамъ

и даже покорить этихъ послѣднихъ. Въ 5 вѣкѣ до Р. Хр. карѳагенянамъ удалось подчинить окрестныхъ берберовъ и расширить область города отъ залива до малой Сирты. Всюду, гдѣ дозволяла это почва, карѳагеняне, хотя сами не земледѣльцы, но все-же мастера въ руководствѣ къ раціональному сельскому хозяйству, теперь заводили большія плантаціи, которыя они отлично воздѣлывали при помощи крѣпостныхъ ливійскихъ рабочихъ или рабовъ. И такъ какъ имъ были подвластны и городскія области Утики, Мало-Лептиса, Гадрумета, Гиппона, Авзіи (внутри Алжиріи) и всѣ приморскіе города Мавританіи, то ихъ материковое государство въ концѣ концовъ простиралось на все побережье отъ Лептиса до Ликса на Атлантическомъ океанѣ. Конечно, господство ихъ не шло глубоко внутрь страны, прерывалось тамъ и сямъ непокорными кочевыми племенами и морскими разбойниками—особенно у мавританскаго берега—и всегда и повсюду, кромѣ Туниса, подвергалось опасности, такъ какъ карѳагеняне внѣ этой области составляли лишь господствующую касту.

Карѳагенское государственное устройство. Конституція Карѳагена, какъ почти всѣхъ торговыхъ городовъ древности, была аристократическою. По имени, во главѣ государства стояло два ежегодно мѣнявшихся должностныхъ лица, которыхъ сами карѳагеняне называли шофетимъ, римляне—консулами, а греки—царями. Однако эти два должностныхъ лица, какъ кажется, столь же мало могли постановлять рѣшенія, какъ и консулы въ Римѣ, а на нихъ было возложено только замѣщеніе государства передъ богами и исполненіе того, что постановляли совѣщательныя и законодательныя корпораціи государства. Какъ таковая, прежде всего существовалъ „Великій совѣтъ“, въ которомъ сходились самые вліятельные члены крупныхъ купеческихъ семей; сюда присоединялся „сенатъ“ въ болѣе узкомъ смыслѣ, комитетъ старѣйшинъ изъ 28 членовъ, и, наконецъ, „коллегія 104 судей“. При состояніи нашего преданія невозможно точно опредѣлить взаимное отношеніе этихъ начальствъ. Мы въ состояніи только узнать тотъ принципъ, по которому эти начальства ставились рядомъ или одно надъ другимъ: это постоянно существующее въ торговыхъ республикахъ недовѣріе и потребность контролировать одну корпорацію другою. Самымъ близкимъ является сравненіе съ устройствомъ венеціанскимъ, въ которомъ также надъ „Великимъ

совѣтомъ“ образовался „совѣтъ Десяти“, а надъ послѣднимъ опять „совѣтъ Трехъ“. Народное собраніе состояло изъ массы свободныхъ рабочихъ, управляющихъ плантацій и купеческихъ прикащиковъ и созывалось только для выборовъ должностныхъ лицъ, не выражая однако ничего иного, кромѣ того, что ему было внушено хозяевами, крупными купцами.

Но все-таки посреди этой плутократіи въ силу обстоятельствъ образовался и почти монархическій элементъ: должность полководца. Взаимная отдаленность отдѣльныхъ частей карѳагенскаго государства и случайныхъ театровъ войны со временемъ сдѣлали невозможнымъ посылать полководцевъ, командованіе которыхъ было бы ограничено напр. однимъ годомъ, какъ въ Римѣ. Къ этому присоединялась еще затруднительность сдерживать разнородныя составныя части войска (см. ниже), воспрепятствовать мятежамъ. Если среди такихъ затрудненій оправдало себя какое - нибудь дѣльное лицо, то у рѣшающихъ властей Карѳагена было желаніе оставить его надолго, пожалуй на всю жизнь, во главѣ войскъ. Только къ такому полководцу для контроля и на случай заключенія союзовъ и договоровъ съ иностранными державами обыкновенно приставлялось нѣсколько сенаторовъ. Въ остальномъ же онъ, покуда его не покидало счастье, обладалъ полной свободой дѣйствій. Только такими порядками мы можемъ себѣ объяснить появленіе среди карѳагенскаго купеческаго народа такихъ великихъ личностей, какія выступили позднѣе въ лицѣ Гамилькара Барки и Ганнибала.

Военное дѣло карѳагенянъ. Карѳагеняне, какъ всѣ финикіяне и семиты, не были особенно одарены для войны; только если крайняя бѣда приводила ихъ въ отчаяніе, они развивали то презрѣніе къ смерти и боевое бѣшенство, которое свойственно было напр. и евреямъ въ такихъ обстоятельствахъ. Въ обычномъ ходѣ вещей они охотнѣе съ величайшимъ усердіемъ преслѣдовали наживу и охотнѣе зарабатывали деньги, чтобы быть въ состояніи накопить въ изобиліи оружія и припасовъ и содержать наилучшихъ наемниковъ. Поэтому въ арсеналахъ Карѳагена хранились грандіознѣйшія метательныя и осадныя орудія, въ корабельныхъ докахъ у военной гавани—превосходнѣйшія пентеры, въ конюшняхъ у замка и въ казематахъ городской стѣны было мѣсто для 300 хорошо дрессированныхъ боевыхъ слоновъ. Въ ихъ войскѣ,

правда, только ядро состояло изъ туземныхъ ливійскихъ крестьянъ и изъ ливійскихъ всадниковъ на благородныхъ берберскихъ коняхъ, и даже у этихъ войскъ настоящіе карѳагеняне попадались лишь въ качествѣ офицеровъ. Масса войска состояла изъ чужеземцевъ-наемниковъ, которыхъ, смотря по положенію рынка, пріобрѣтали изъ Галліи, или Спарты, или изъ сабелльской Италіи. Такое войско служитъ безъ высокаго одушевленія, только ради собственныхъ выгодъ, оно не въ силахъ надолго состязаться съ гражданскимъ войскомъ, сражающимся за домъ и дворъ свой, за очагъ и родину, каковымъ было войско римлянъ.

Успѣхи карѳагенянъ на о. Сициліи. Первыя попытки карѳагенянъ на Сициліи наступать изъ своихъ укрѣпленныхъ позицій на сѣверо-западѣ острова противъ греческихъ городовъ на востокѣ оказались неудачными: полководецъ Гамилькаръ изъ дома Магона, котораго Геродотъ называетъ „царемъ карѳагенянъ“, палъ въ 480 г. въ битвѣ при Гимерѣ (стр. 110) съ Гелономъ Сиракузскимъ и Ѳерономъ Агригентскимъ, данной будто-бы въ день Саламина. Борьба между греками и карѳагенянами возобновилась послѣ неудачнаго предпріятія аѳинянъ противъ Сиракузъ 415—413 гг. до Р. Хр., когда сиракузяне, гордые своею побѣдой, предъявили притязаніе на преобладаніе надъ всѣми греческими городами острова. Дѣло въ томъ, что теперь и карѳагеняне старались обезпечить себѣ крупный кусокъ чуднаго острова: въ 405 г. Агригентъ, который величиной и могуществомъ могъ поспорить съ Сиракузами, былъ взятъ карѳагенянами приступомъ и частью разрушенъ, а послѣ побѣды полководца Магона при Кронионѣ (383 г.) пограничными рѣками были установлены на югѣ Галикъ, на сѣверѣ — Гимера. Съ тѣхъ поръ карѳагеняне старались завладѣть всѣмъ островомъ, и часто казалось, что вотъ свершится судьба греческихъ городовъ, спорящихъ другъ съ другомъ и подпадающихъ внутреннему раздору. Но постоянно опять слѣдовала перемѣна въ ихъ пользу; въ послѣдній разъ это случилось при помощи Пирра (стр. 262), который завладѣлъ почти всею Сициліею, но не могъ однако одолѣть послѣдняго и сильнѣйшаго оплота карѳагенянъ, Лилибея. Послѣ его поспѣшнаго удаленія съ острова обстоятельства снова совершенно измѣнились въ пользу карѳагенянъ: они одновременно стали наступать по сѣверному, какъ и по южному побережью, и владычествовали уже почти надъ всѣми греческими городами: лишь Сиракузы, самый большой

и могущественный городъ, и Мессана, важный опорный пунктъ для переправы на италійскій материкъ, не были еще преодолѣны. Тамъ въ большой крайности молодой офицеръ, по имени Гіеронъ, сдѣлался владыкой города и еще во-время обезопасилъ стѣны и ворота отъ пунійцевъ, здѣсь сабелльская дружина безродныхъ наемниковъ, мамертинцы (т.-е. „сыны Марса“), перерѣзавъ беззащитныхъ гражданъ, незаконно завладѣла женами и дѣтьми, домами и дворами. Гіеронъ Сиракузскій былъ съ ними въ войнѣ, и можно было ожидать, что обѣ воюющія партіи и вмѣстѣ съ ними вся Сицилія достанутся въ добычу хитрымъ пунійцамъ. Таково было положеніе дѣлъ, когда мессанскіе мамертинцы, полные тревоги о томъ, что Гіеронъ вытѣснитъ ихъ изъ захваченнаго гнѣзда, отправили какъ къ римлянамъ, такъ и къ карѳагенянамъ пословъ съ просьбою о помощи. Такъ въ началѣ 264 г. до Р. Хр. обѣ великія державы запада поднялись другъ противъ друга на исполинскую борьбу, рѣшившую не только участь Сициліи, но и будущее странъ Средиземнаго моря вообще.

ПЕРВАЯ ПУНИЧЕСКАЯ ВОЙНА
(264—241 г. до Р. Хр).

Начало войны. Настоящія причины войны между Римомъ и Карѳагеномъ имѣли болѣе старыя и глубокія основанія, чѣмъ эта просьба мамертинцевъ о помощи. Дѣло въ томъ, что карѳагеняне одновременно съ возрастаніемъ своего могущества увеличивали и свои притязанія. Между тѣмъ какъ въ древнѣйшемъ торговомъ договорѣ съ Римомъ (въ 509 г., стр. 82) они разрѣшили римлянамъ и латинянамъ въ Сардиніи и Ливіи, ограниченную, но зато въ Сициліи совершенно свободную торговлю, торговыя вольности италиковъ въ позднѣйшихъ договорахъ (348 г. и въ вѣкъ Пирра) все болѣе стѣснялись: всякая торговля въ Ливіи и Сардиніи имъ была запрещена. Если бы теперь еще и Сиракузы и Мессана попали въ руки карѳагенянъ, они заявили бы притязанія на все Тирренское море и постарались бы провести торговую монополію на всемъ западномъ морѣ. Тогда было бы поло-

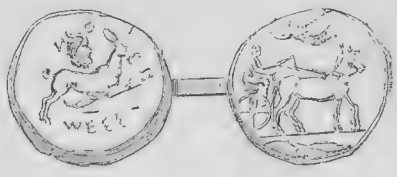
жено препятствіе всякому свободному ввозу и вывозу и для римско-италійскихъ портовъ, снабженіе Рима съѣстными припасами зависѣло бы при извѣстныхъ обстоятельствахъ отъ купеческихъ кораблей иноземной расы, и для произведеній италиковъ былъ бы загражденъ всякій самостоятельный рынокъ за границей. Поэтому уже задолго до 264 г. до Р. Хр. существовала натянутость между Римомъ и Карѳагеномъ; римляне по отношенію къ пуній-цамъ находились въ состояніи самозащиты, они должны были

МЕССИНА.
Видъ города съ моря. Фотографія съ натуры.

бороться за Мессану и Сиракузы, чтобы обезпечить Италіи необходимую свободу дѣйствій.

Такимъ образомъ, отвѣтъ, который приходилось сенату дать посламъ мамертинцевъ изъ Мессаны, не могъ быть сомнительнымъ. Но такъ какъ всякое вмѣшательство въ дѣла Сициліи, по всей вѣроятности, должно было тотчасъ же имѣть своимъ послѣдствіемъ войну съ Карѳагеномъ, то вопросъ, помочь ли мамертинцамъ, былъ предложенъ и народу. Онъ рѣшилъ, какъ и сенатъ, и консулъ Аппій Клавдій получилъ порученіе переправиться черезъ

проливъ между Италіей и Сициліей и занять Мессану. Но онъ опоздалъ: карѳагеняне, призванные другою партіею мамертинцевъ, вступили уже въ городъ и заняли замокъ. Гай Клавдій, котораго консулъ Аппій Клавдій отправилъ съ авангардомъ впередъ, услышалъ эту нежеланную вѣсть въ Регіѣ, гдѣ собирались для переправы корабли изъ Тарента, Локръ, Неаполя и другихъ греческихъ союзниковъ, но съ такимъ оборотомъ дѣлъ онъ не хотѣлъ примириться.



Мессинская монета.

Серебряная тетрадрахма.

На лицевой сторонѣ надпись ΜΕΣΣΑΝΙΩΝ (мессанцевъ) и изображеніе бѣгущаго зайца; надъ нимъ—голова Пана, а подъ нимъ — листъ. На обратной сторонѣ — какая то фигура на парѣ лошадей; надъ ней витаетъ Побѣда; внизу листъ.

Онъ мечталъ до этого о битвахъ и побѣдныхъ почестяхъ и теперь ему удовольствоваться голой благодарностью за его труды! Смѣлый до заносчивости, онъ бросился въ открытую барку и переправился въ Мессану. По его приглашенію, собралась община. Онъ повелительно спросилъ, отказываются-ли отъ римской союзной помощи противъ карѳагенскаго притѣсненія, и когда запуганные наемники молчали, онъ истолковалъ это какъ знакъ того, что требуютъ помощи Рима, и съ этимъ извѣстіемъ вернулся къ своимъ легіонамъ. Какъ только войска сѣли на суда, онъ отплылъ, не обращая вниманія на вѣтеръ и теченіе; но стихіи не дали себя запугать подобно мамертинцамъ: онѣ разсѣяли эскадру и пригнали нѣсколько судовъ къ карѳагенскому флоту, который ближайшимъ образомъ и арестовалъ ихъ, какъ хорошіе призы. Между тѣмъ еще существовалъ кажущійся миръ между обѣими республиками, и потому Ганнонъ, пунический военачальникъ, не рѣшался на свой страхъ начать войну. Онъ отослалъ захваченные корабли, но присовокупилъ просьбу, чтобы отказались отъ дальнѣйшихъ предпріятій противъ Мессаны, потому что иначе онъ будетъ вынужденъ къ болѣе серьезнымъ мѣропріятіямъ. Но Г. Клавдій, отказываясь отъ предложенной ему выдачи захваченныхъ кораблей, гордо отвергъ требованіе карѳагеняна; при первомъ случаѣ, но съ большей осторожностью, онъ снова вышелъ въ море и высадился въ Мессанѣ съ горстью воиновъ. Мамер-

тинцы опять собрались, а когда и Ганнонъ, приглашенный къ этому общиной, принялъ участіе въ совѣщаніи, его схватилъ одинъ воинъ и предалъ въ руки легата. А тотъ мало поцеремонился. Онъ бросилъ испуганнаго карѳагеняна въ темницу и подъ тяжкими угрозами заставилъ его за свое освобожденіе дать приказъ объ очисткѣ замка. Такимъ образомъ важный городъ Мессапа вслѣдствіе отважнаго внезапнаго нападенія попалъ во власть Рима и теперь могъ служить исходнымъ пунктомъ для дальнѣйшихъ предпріятій.

Первые годы войны. Среди правящихъ господъ въ Карѳагенѣ царило, по поводу этихъ происшествій, большое ожесточеніе. Несчастный Ганнонъ подвергся уголовному суду; сильный флотъ вышелъ въ море и, высадивъ на берегъ многочисленное войско, сталъ на якорѣ у мыса Пелора, насупротивъ италійскаго побережья, чтобы охранять проливъ. Войско расположилось станомъ къ сѣверу отъ Мессаны, между тѣмъ какъ Гіеронъ, принявшій сторону карѳагенянъ, обложилъ городъ съ юга. Мамертинцы со страхомъ смотрѣли на эти приготовленія, которыя должны были предать ихъ топору палача; но римскія когорты и ихъ начальникъ не робѣли, зная, что консулъ приближается на выручку. Въ самомъ дѣлѣ Аппій Клавдій вступилъ съ своими легіонами въ Регій; онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ благопріятнаго случая для переправы черезъ проливъ. Въ темную ночь, когда измѣнчивое теченіе несло къ острову, онъ предпринялъ смѣлое дѣло. Онъ благополучно высадился со всѣмъ войскомъ къ югу отъ города, напротивъ осадныхъ сооруженій сиракузянъ, и уже раннимъ утромъ стоялъ готовымъ къ приступу. Несмотря на то, что Сиракузяне были застигнуты врасплохъ, они сражались съ безстрашнымъ мужествомъ, конница ихъ отбросила римскую на обоихъ флангахъ и прикрыла отступленіе фаланги, которой пришлось, наконецъ, податься назадъ передъ легіонами къ укрѣпленному лагерю. Тщетно эллины дожидались помощи пуническихъ союзниковъ; по небрежности, или злонамѣренно послѣдніе спокойно оставались на своей благопріятной позиціи. На слѣдующій день ихъ постигло возмездіе. Послѣ упорнаго сраженія и карѳагеняне должны были очистить поле и удалиться въ укрѣпленные города. Послѣ этого римскій консулъ двинулся подъ Сиракузы; однако этотъ большой и укрѣпленный городъ безъ большого труда оказалъ сопротивленіе небольшому римскому осадному войску.

Въ слѣдующемъ году (263) четыре легіона подъ начальствомъ обоихъ консуловъ отправились въ Сицилію и распространились во всѣ стороны, не наталкиваясь на значительное сопротивленіе. Они завоевывали одинъ городъ за другимъ, большинство благодаря добровольному ихъ подчиненію. Минуя дымящуюся Этну, они достигли плодоносней равнины, въ которой лежала Катанія. Городъ отважился на сопротивленіе, но опьяненные побѣдами римляне ворвались въ него съ приступа и взяли большую добычу. Во второй разъ явились римскіе значки подъ стѣнами Сиракузъ, но теперь это было войско въ 40,000 человѣкъ, достаточно многочисленное, чтобы совершенно обложить городъ съ суши. Царь Гіеронъ не сталъ ждать осады, но вступилъ въ переговоры. Условія были жестоки: онъ долженъ былъ отказаться отъ всѣхъ расположенныхъ къ сѣверу мѣстностей, сохранить, значитъ, только южный уголъ острова, далѣе—отпустить на волю военноплѣнныхъ, заплатить сто талантовъ и, въ качествѣ союзника, обязаться къ вѣрной помощи. Царь примирился съ неизбѣжнымъ; онъ совершенно перешелъ на сторону римлянъ, заключилъ миръ и союзъ и сохранилъ вѣрность въ продолженіе своего долгаго правленія. Такимъ средствомъ онъ возстановилъ потрясенное благосостояніе и блескъ Сиракузъ. Отнынѣ онъ искалъ себѣ славы не въ буряхъ военныхъ, но въ мирныхъ работахъ о процвѣтаніи своего маленькаго государства и въ споспѣшествованіи искусствамъ и наукамъ. При дворѣ и на службѣ у него жили поэты, художники и ученые; въ особенности отмѣтимъ знаменитаго математика Архимеда.

Монета Гіерона II.
Серебряная октодрахма.
На лицевой сторонѣ — голова Гіерона II въ діадемѣ; на оборотной—надпись ΒΑΣΙΛΕΟΣ ΙΕΡΩΝΟΣ (царя Гіерона), изображеніе богини побѣды на четверкѣ лошадей и изображеніе звѣзды.

Въ 262 г. до Р. Хр. борьба существенно вращается вокругъ города Агригента на южномъ побережьи Сициліи. Ганнибалъ, сынъ Гисгона, занялъ городъ. Но римляне не долго заставили ждать себя. Съ четырьмя легіонами и эллинскими союзными войсками они двинулись къ городу. Еще цѣлы были древнія крѣпкія стѣны, 12—15 km. (11—14 верстъ) въ окружности, которыя

нѣкогда въ счастливое время заключали въ себѣ эллинское населеніе по крайней мѣрѣ въ 200,000 душъ, грандіознѣйшія постройки и самыя избранныя произведенія искусства. Но цвѣтъ города давно былъ уничтоженъ туземными тиранами и опустошительными войнами, храмы, гимнасіи и театры развалились; большую часть жителей истребили карѳагенскіе наемники при послѣднемъ завоеваніи (по уходѣ Пирра). Теперь съ сильно укрѣпленныхъ холмовъ и скалъ, подымающихся до 350 m. (1148 фут.) надъ моремъ, глядѣли пуническія дружины на римлянъ, расположившихся станомъ на небольшомъ разстояніи къ юговостоку. Было время жатвы пшеницы; осаждающіе дѣлали приготовленія собрать полевые плоды, которыхъ они не сѣяли. Большая половина легіоновъ осталась для охраны лагеря, другая частью образовала цѣпь сторожевыхъ постовъ противъ непріятеля, частью она, отдѣльными кучами, была занята жатвой и сборомъ хлѣба. При этихъ работахъ пуническій полководецъ не пожелалъ быть праздным зрителемъ. Онъ велѣлъ части своихъ войскъ итти противъ незаконныхъ жнецовъ и съ ядромъ войска отважился напасть на непріятельскій лагерь. Его наемные ратники въ самомъ дѣлѣ мужественно двинулись на валъ и взошли на него, не обращая вниманія на градъ стрѣлъ. Палисады были вырваны, въ убійственной рукопашной схваткѣ боролись воины здѣсь за побѣду и добычу, тамъ за честь и жизнь. Одновременно съ неменьшимъ ожесточеніемъ бушевалъ бой въ открытомъ полѣ. Цѣпь римскихъ постовъ была въ крайней опасности; всадники и пѣхотинцы въ разныхъ мѣстахъ пытались ее прорвать; но воины эти стояли точно скалы подъ натискомъ пѣнистыхъ волнъ. Всѣ они бились съ желѣзнымъ мужествомъ, предпочитая умереть подъ копьями и мечами африканцевъ, нежели отступить на одну пядь. Когда затѣмъ подоспѣли на помощь кучи жнецовъ, они отогнали непріятелей, свернули въ сторону и въ свою очередь напали на дружины, которыя не переставали штурмовать лагерь. Теперь бой скоро былъ рѣшенъ; Ганнибалъ съ большимъ урономъ долженъ былъ отступить въ городъ. Счастливое сраженіе увеличило смѣлость римлянъ; они разбили второй лагерь къ югозападу отъ города и соединили обѣ позиціи валомъ и рвомъ внутри и снаружи, черезъ что заключеннымъ въ городѣ подвозъ съ моря былъ отрѣзанъ.

Цѣлыхъ пять мѣсяцевъ, несмотря на ежедневно возрастающую нужду, Ганнибалъ держался внутри крѣпкихъ стѣнъ: онъ зналъ, что и осаждающіе находились въ большой крайности, такъ какъ страдали отъ недостатка въ съѣстныхъ припасахъ и въ сырую, холодную осень поражались болѣзнями. Онъ надѣялся на выручку и не напрасно. Съ высокаго замка онъ ежедневно глядѣлъ на море; наконецъ онъ увидѣлъ качающіеся на волнахъ

Древнія стѣны Агригента.
(Въ теперешнемъ видѣ)—Рисунокъ по фотографіи.

корабли, сначала по одному, затѣмъ все больше и больше. Онъ узналъ отечественные флаги и понялъ сигналы, сулившіе помощь.

Въ самомъ дѣлѣ то былъ Ганнонъ, товарищъ его по главному начальству, прибывшій съ Сардиніи для спасенія Агригента и запертаго войска карѳагенянъ. Онъ, правда, не отважился высадиться въ виду римскаго лагеря, и потому покинулъ открытый рейдъ; но онъ тотчасъ сталъ на якорѣ къ западу у

Гераклеи и расположился тамъ съ войскомъ. Въ его распоряженіи было 50,000 ратныхъ пѣхотинцевъ, 50 слоновъ и 6,000 всадниковъ. Счастье вначалѣ казалось благопріятнымъ ему; хитростью и подкупомъ онъ взялъ городъ Эрбессъ со всѣми находившимися тамъ римскими складами. Затѣмъ ему удалось выманить непріятельскую конницу далеко въ открытое поле, гдѣ на нее со всѣхъ сторонъ напали его нумидійцы, на отличныхъ коняхъ своихъ. Лишь съ большимъ уроном римляне могли достигнуть опять лагеря. Теперь Ганнонъ совсѣмъ близко подошелъ къ непріятельской позиціи и обложилъ ее. Правда, Гіеронъ, вѣрный союзникъ, употреблялъ всѣ средства для снабженія легіоновъ жизненными припасами; но его содѣйствія не хватало, такъ какъ не мало обозовъ перехватывалось нумидійцами, а многіе хлѣбные корабли—крейсеровавшими лентерами карѳагенянъ. Впрочемъ осаждающіе выносили всѣ лишенія съ римской настойчивостью, зная, что въ городѣ нужда въ хлѣбѣ еще больше.

Агригентская монета.
Серебряная тетрадрахма.
На лицевой сторонѣ: надпись AKPAGANTIN (ΩN) и изображеніе орла, раздирающаго зайца; на оборотной: изображенія рака и рыбы.

Два мѣсяца длилось это нерѣшительное состояніе; тогда ежедневно поднимавшіеся сигналы возвѣстили дожидающемуся Ганнону, что карѳагенскій гарнизонъ доведенъ до крайности. Дольше медлить было невозможно; со всѣми военными силами онъ двинулся въ открытое поле, на бой. Первую боевую линію составляли наемные ратники; за ними слѣдовали слоны съ прикрытіемъ, африканская фаланга стояла арріергардомъ въ третьей линіи. Этотъ боевой порядокъ доказываетъ, что пуническій полководецъ ничему не научился отъ эллиновъ, особенно отъ Пирра. Послѣдній въ счастливыхъ битвахъ своихъ ставилъ слоновъ на крылья, пользовался ими прежде всего противъ конницы и давалъ имъ врываться въ легіоны только съ боку. Онъ избѣгалъ подвергать ихъ при фронтовомъ натискѣ ударамъ pilum'a, еще того менѣе ставилъ онъ ихъ передъ фалангой, которой они принесли бы по-

гибель, если раненые они обращались назадъ. Послѣдствія этого ошибочнаго построенія карѳагенскаго войска не замедлили сказаться. Въ битвѣ римскіе легіоны одолѣли непріятельскую пѣхоту, слоновъ и вначалѣ побѣдоносную конницу, отстоявъ одновременно и лагерь противъ гарнизона, сдѣлавшаго вылазку.

Темная осенняя ночь слѣдовала за днемъ битвы, ни одна

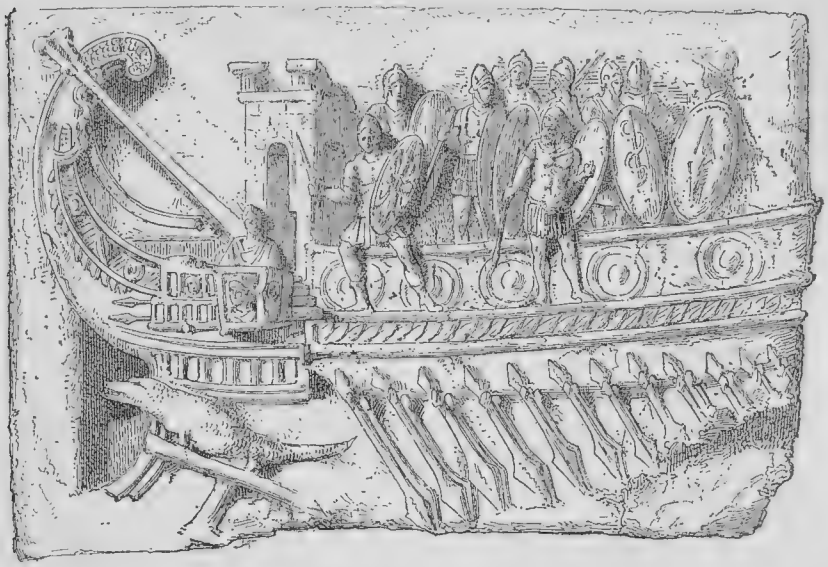
Развалины храма Кастора и Поллука въ Агригентѣ. Рисунокъ по фотографіи.

звѣзда не сіяла на облачномъ небѣ, даже усталые часовые небрежно исполняли свою обязанность. Въ Агригентѣ, напротивъ, не спалъ озабоченный полководецъ, который теперь не могъ ожидать выручки. Смерть отъ меча непріятеля, или болѣе жестокая— отъ голода или позоръ плѣна предстояла ему и его отряду, сильно порѣдѣвшему. Тогда онъ нашелъ въ себѣ рѣшимость на смѣлое, отважное предпріятіе, которой ему совершенно недоставало въ началѣ войны. Вѣрныя его дружины стояли еще, какъ

онъ велѣлъ, подъ оружіемъ; это было ядро войска, не павшее въ сраженіяхъ и лишеніяхъ. Ганнибалъ приказалъ открыть ворота города и выстроиться воинамъ. Въ тишинѣ и молчаніи ночное шествіе направилось къ непріятельскому валу. Заготовленныя фашины и туры скоро заполнили ровъ и были взгромождены до высоты бруствера. Поспѣшно, но въ возможной тишинѣ воины перешли черезъ бульверкъ, незамѣтно пробрались черезъ линію непріятелей къ наружной оградѣ, черезъ которую перешли такимъ-же образомъ. Не давая себѣ покоя, все войско прошло по покрытому трупами полю брани и къ утру достигло Гераклеи, гдѣ карѳагенскій флотъ стоялъ еще на якорѣ и былъ готовъ принять на бортъ разбитыя войска. Такъ повѣствуютъ намъ древніе писатели; только, если римляне оставались въ лагерѣ столь безпечными, развѣ нельзя было, взойдя на валъ, совершенно истребить ихъ?

Слишкомъ поздно римляне узнали, что произошло ночью; они не могли уже нагнать бѣжавшаго врага. Зато они теперь сейчасъ-же обратились на городъ, взошли на стѣны, выломали ворота и разсыпались по улицамъ, убивая и грабя гражданъ, обезсиленныхъ долгой нуждою и неспособныхъ къ сопротивленію. Кто не палъ подъ оружіемъ разъяренныхъ воиновъ, проданъ былъ въ рабство. Вслѣдствіе этого завоеванія Агригентъ совершенно опустѣлъ. Проплывавшій мимо него морякъ, быть можетъ, разсказывалъ о былomъ величіи, и историкъ Филинъ, здѣсь родившійся, вѣроятно бродилъ среди покинутыхъ развалинъ, вспоминая старыя времена, когда онъ набрасывалъ планъ своего историческаго произведенія, въ которомъ онъ старался развѣнчать варварскихъ завоевателей. Но со временемъ постоянно снова пытались вселить человѣческую жизнь въ громадный городъ развалинъ. Такимъ образомъ, Агригентъ впослѣдствіи еще разъ былъ завоеванъ карѳагенянами и еще разъ римлянами (см. ниже); въ средніе вѣка новыя поселенія на старомъ его мѣстѣ страдали отъ разбойническихъ набѣговъ готовъ, сарацинъ и норманновъ; но все-таки и нынѣ еще существуетъ итальянскій городъ Джирдженти. Правда, онъ ограничивается предѣлами древняго акрополя, и гораздо обширнѣе обитаемой площади огромное поле развалинъ, какъ бы окоченѣвшее подъ солнечнымъ зноемъ Сициліи, усѣянное храмами, колоннами и остатками стѣнъ.

Постройка римскаго флота; побѣда римлянъ при Милахъ (260 г. до Р. Хр.). Несмотря на такіе единичные успѣхи римлянъ, на Сициліи не было видно конца войнѣ. Тогда сенатъ постановилъ рѣшить борьбу на той стихіи, которую непріятель называлъ своею. Надо было выстроить флотъ, величиной и численностью кораблей достойный римскаго имени: такъ единодушно заявляли члены почтенной корпораціи, и единодушно съ ними согласилось народное собраніе. Это постановленіе не слѣдуетъ понимать такъ,



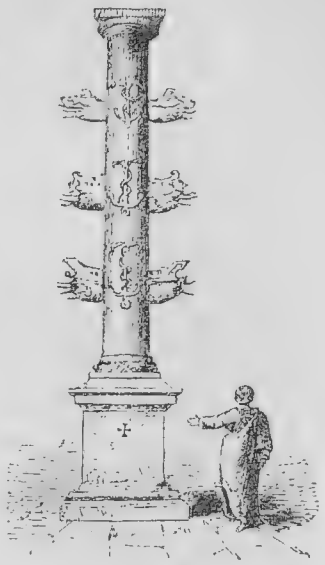
РИМСКАЯ ГАЛЕРА.
Барельефъ храма Фортуны, въ Пренесте.
(хранится въ музеѣ Saint-Germain).

какъ будто римляне теперь только начали строить корабли. Этому противорѣчатъ уже постановленія торговыхъ договоровъ съ Карѳагеномъ (стр. 82). Но римляне, мало выказывавшіе склонности къ занятію моряка, возлагали доставку кораблей по большей части на своихъ союзниковъ, слѣдовательно, въ древнее время на жителей Антія, Цирцей, Таррацины, съ Тарентинской войны на грековъ Тарента, Неаполя, Велій и т. д. Но и греки доселѣ строили для войны все только тріеры, корабли съ тремя рядами веселъ, между тѣмъ какъ карѳагеняне, въ качествѣ боевыхъ кораблей, давно уже употре-

бляли большія, высокобортныя пяти-ярусныя суда (по-гречески пентеры, по-лат. квинкверемы). Переходъ къ этому способу постройки и къ такой величинѣ военныхъ судовъ былъ не легокъ для римлянъ; они находились въ такомъ же положеніи, какъ если бы нынче флоту какого-нибудь государства внезапно и къ тому же во время войны пришлось перейти къ новому типу судовъ. Но на римскихъ и союзническихъ верфяхъ мужественно и неутомимо взялись за дѣло, принявъ за образецъ карѳагенскую пентеру, выброшенную на берегъ. Знать и простолюдины, богачи и бѣдняки жертвовали деньги и матеріалъ для того, чтобы національное дѣло быстро было выполнено. Привлечены были союзники, эллинскіе города доставили строителей, матросовъ, кормчихъ. Общее одушевленіе наполнило весь римскій союзъ. Благодаря этимъ совмѣстнымъ усиліямъ, удалось въ невѣроятно короткое время, въ два мѣсяца выстроить 100 пентеръ и 20 тріеръ. Въ то время, какъ были заняты этой постройкой, гребцы обучались на подмосткахъ, позже на самихъ корабляхъ. Дѣйствовала и изобрѣтательность. Хорошо замѣчали, какъ недостаточна подвижность судовъ и какъ мало флотъ самъ по себѣ былъ пригоденъ оказать сопротивленіе повелителямъ моря. Поэтому придумали приспособленіе, дававшее возможность лучше пользоваться боевой ловкостью и мужествомъ римскихъ воиновъ. На передней палубѣ пентеръ воздвигли мачту вышиной въ $7^1/_2$ m. (24 фута), на которой, на высотѣ $3^1/_2$ m. (11 фут.) надъ палубой, укрѣпленъ былъ подъемный мостъ въ 10 m. (почти 5 саж.) длины, вращавшійся во всѣ стороны. Послѣдній имѣлъ родъ сустава, такъ что длиннѣйшая часть его могла быть опускаема въ разныя стороны. Канатъ, укрѣпленный на концѣ его и на блокѣ на мачты, служилъ для подъема и спуска. Если канатъ отпускался, то абордажный мостъ съ большой силой падалъ на приблизившійся непріятельскій корабль и помѣщенными на немъ крючками врѣзывался въ палубу. Тотчасъ римскіе воины, по два въ рядъ, по абордажному мосту бросались на непріятельское судно, гдѣ и начиналась рѣшающая кровавая работа мечемъ и копьемъ.

Съ этимъ флотомъ еще въ 260 г. римскій консулъ Г. Дуилій появился у мыса Милъ, гдѣ крейсировалъ непріятельскій флотъ и наносилъ десантами ущербъ римскимъ союзникамъ. Когда пунические моряки увидѣли приближающіяся неповоротливыя пен-

теры, они были того мнѣнія, что будетъ только веселая охота. Споря о томъ, кто первый добудетъ призы, они на всѣхъ веслахъ полетѣли по запѣнившимся волнамъ. Тридцать лучшихъ военныхъ судовъ пытались далеко впереди другихъ прорвать римскія линіи, но со всѣми ими римляне сцѣпились посредствомъ подъемныхъ мостовъ и послѣ короткаго рукопашнаго боя побѣдили ихъ. Прочіе корабли, правда, были осторожнѣе, но вслѣдствіе разстроеннаго боевого порядка не были счастливѣе. Частью сильно поврежденные, они должны были обратиться въ бѣгство и предоставить презрѣнному врагу побѣду и значительную добычу. Этотъ исходъ во всякомъ случаѣ поразителенъ, такъ какъ сила карѳагенянъ на морѣ много восхвалялась. Но кажется, что ее сильно преувеличивали, что они или имѣли недостаточную опытность въ военныхъ движеніяхъ, или что колоссальныя пентеры менѣе были пригодны къ этому, чѣмъ греческія тріеры. Въ самомъ дѣлѣ, если сравнить морскія сраженія карѳагенянъ въ Пуническихъ войнахъ съ битвами эллиновъ въ ихъ блестящій періодъ, то результаты совсѣмъ различны. Карѳагеняне на своей стихіи почти всегда побѣждаются менѣе опытными римлянами; эллины, въ особенности аѳиняне, часто надъ самымъ рѣшительнымъ перевѣсомъ силъ одерживаютъ побѣду, окружая непріятелей и во-время врываясь съ боку, при возникновеніи безпорядка. Ихъ опытность въ греблѣ, ловкость во всѣхъ движеніяхъ, смѣлость нападенія рѣшаютъ побѣду. Они пробиваютъ бока непріятельскихъ галеръ корабельными носами; быстро проплывая мимо, они обламываютъ весла; если-бы карѳагеняне были такими-же хорошими моряками, какъ греки, и если-бы корабли ихъ обладали тою-же подвижностью, то неуклюжіе подъемные мосты римлянъ врядъ ли могли бы вызвать столь большіе успѣхи.



КОЛОННА ДУИЛІЯ.

Безмѣрное ликованіе по поводу первой побѣды вновь создан-

наго флота наполнило весь Римъ, и когда теперь вернулся увѣнчанный побѣдою Дуилій, ему присудили блестящій тріумфъ и отличіе сопровождаться вечеромъ домой факельщикомъ и флейтистомъ. Далѣе, въ честь его воздвигли украшенную корабельными носами колонну, надпись на которой передавала потомству о его славныхъ дѣяніяхъ. Въ слѣдующіе годы, однако, обстоятельства на Сициліи снова приняли неблагопріятный для римлянъ оборотъ. Карѳагенскій полководецъ по имени Гамилькаръ безъ сопротивленія завладѣлъ чудно расположеннымъ городомъ Эриной внутри страны и Камариной на побережьи. На западной сторонѣ онъ укрѣпилъ Дренану, превосходная гавань которой была очень удобна для карѳагенскихъ флотовъ, и возвысилъ ее до степени главнаго сборнаго мѣста военныхъ силъ. И если даже римляне, благодаря своей храбрости, по временамъ одерживали успѣхъ, то война все-таки тянулась цѣлыми годами, оставаясь нерѣшенной.

Регулъ въ Африкѣ. Недовольный медленнымъ ходомъ войны, сенатъ принялъ, наконецъ, рѣшеніе, бывшее не менѣе необычнымъ и смѣлымъ, чѣмъ то, которое впервые открыло римлянамъ доступъ къ морю. Задумали напасть на непріятельскую республику въ самой Африкѣ. Тамъ она была уязвима, какъ доказалъ это фантастическій походъ Агаѳокла, тамъ можно было нанести противнику смертельный ударъ, отъ котораго онъ долженъ былъ истечь кровью. Для этой цѣли въ Римѣ были предприняты громадныя вооруженія. Построено было вновь, какъ говорятъ, свыше 200 военныхъ кораблей, которые вмѣстѣ съ существующими составили силу въ 330 высокобортныхъ галеръ. Они имѣли экипажъ въ 100,000 моряковъ и везли съ собой свыше 40,000 воиновъ. Консулы Л. Манлій Вульсонъ и М. Атилій Регулъ имѣли главное начальство надъ страшными боевыми силами, которыя собрались въ устьи рѣки Гимеры у горы Экнома. Съ другой стороны, карѳагенскій флотъ, силою въ 350 пентеръ и такъ же хорошо вооруженный, какъ и римскій, стоялъ на якорѣ у устья Галика. Наконецъ, лѣтомъ 256 г., римскій флотъ подъ командой обоихъ консуловъ отплылъ отъ Экнома при хорошей погодѣ, выстроенный консулами самымъ осторожнымъ образомъ. Сами они со своими пентерами образовали остріе того клина, которымъ они хотѣли разбить непріятельскую линію; эскадры ихъ

слѣдовали съ обѣихъ сторонъ, образуя прямой уголъ. Третій отрядъ, взявшій грузовыя суда на буксиръ, замыкалъ треугольникъ. Для прикрытія слѣдовалъ еще многочисленный аррьергардъ. Чтобы встрѣтить нападеніе, пунические военачальники Гамилькаръ и Ганнонъ вытянули свою линію далеко въ открытое море. Они хотѣли раздробить римскую массу, въ то время какъ лѣвое крыло, проплывъ крюкомъ вдоль берега, должно было схватить непріятеля съ боку и отрѣзать его отъ суши. Планъ вполнѣ удался. Пунический центръ отступилъ предъ натискомъ консуловъ, которые погнались за нимъ такъ поспѣшно, что третья линія не могла послѣдовать за ними. На нее-то поворотомъ набросилось правое карѳагенское крыло, а лѣвое напало на римскій аррьергардъ. Такъ на трехъ пунктахъ запылалъ кровопролитный бой. Дикіе боевые клики раздавались надъ моремъ, волны пѣнились подъ тысячами веселъ, стрѣлы ударяли и съ той и съ другой стороны, корабли трещали при столкновеніи; тамъ и сямъ падали абордажные мосты, затѣмъ звенѣли мечи въ рукопашной схваткѣ, бряцали доспѣхи и щиты, и стоны раненыхъ воиновъ свидѣтельствовали о ярости боя. Но все стратегическое искусство, вся ловкость пуническихъ моряковъ были тщетны; мужество и храбрость римлянъ одержали побѣду. Сначала консулы совершенно обратили въ бѣгство центръ, затѣмъ пришли на по-

Карѳагенскій (?) воинъ.
Бронзовая статуэтка, найденная въ 1761 г. въ Сициліи, хранится въ Cabinet de France. Бородатый воинъ, одѣтый въ кирасу, въ правой рукѣ держалъ мечъ, отъ котораго сохранилась только рукоятка. Его считаютъ нѣкоторые карѳагенскимъ воиномъ.

мощь сильно стѣсненной правой линіи и, наконецъ, оцѣпили непріятельское крыло, бывшее до тѣхъ поръ побѣдоноснымъ, такъ что здѣсь въ ихъ власть попало свыше 50 пентеръ. Кромѣ того они потопили 30 пуническихъ судовъ, сами же, правда, также потеряли 24.

Черезъ эту битву открылся путь въ Африку, и консулы не замедлили пойти имъ. Послѣ спокойнаго плаванія показалась земля; пышныя плантаціи, сады, богатыя виллы, открытыя деревни и города, вѣрная добыча храбрецовъ, покрывали побережье. Не рискнули вплыть въ широкій заливъ, на западномъ берегу котораго, подъ защитой могучихъ стѣнъ, расположенъ былъ самый Карѳагенъ. Ибо тамъ, съ подкрѣпленными силами, стоялъ Ганнонъ, готовый къ бою. Обогнувъ мысъ Меркурія (нынѣ мысъ Бонъ) и восточный полуостровъ, высадились въ безопасной бухтѣ Клупеи. Открытый городъ былъ уже покинутъ населеніемъ. Онъ былъ занятъ и на краю вѣнчавшаго его холма разбитъ укрѣпленный лагерь.

Какъ только римляне создали себѣ безопасное сборное мѣсто, одинъ консулъ съ большей частью флота и войска и съ 20,000 плѣнныхъ отплылъ по причинѣ новыхъ выборовъ въ Италію. А Регулъ съ ядромъ войска, приблизительно въ 15,000 пѣшихъ воиновъ и 500 всадниковъ и 40 военныхъ кораблей, остался въ непріятельской области. Онъ тотчасъ-же мужественно вышелъ въ открытое поле, разбилъ враговъ, которые считали себя въ горахъ безопасными, и сталъ грабить и опустошать отлично воздѣланную страну на большомъ разстояніи. Тамъ не было крѣпкаго, огражденнаго мѣста, не было крестьянскаго ополченія, которымъ остановили бы его успѣхи. Напротивъ, ливійцы возмутились противъ Карѳагена, да и нумидійскія племена также поднялись противъ строгихъ столичныхъ господъ своихъ. Кажется, что консулъ не отказывалъ прибѣгавшимъ къ нему ливійцамъ, но принималъ ихъ въ свое войско въ качествѣ легковооруженныхъ, такъ какъ позднѣе его сила опредѣляется въ 30,000 человѣкъ. Такъ Регулъ въ теченіе зимы завоевалъ свыше 70 мѣстечекъ, а добычу и плѣнныхъ свезъ въ Тунесъ, отдаленный отъ Карѳагена лишь на нѣсколько миль, гдѣ онъ разбилъ свою главную квартиру.

Карѳагенъ былъ глубоко потрясенъ всѣми этими несчастіями; онъ выказалъ готовность заключить миръ, даже на тяжкихъ усло-

віяхъ. Но консулъ потребовалъ не только уступки италійскихъ острововъ, но и дани, кораблей и войска во время войнъ Рима, вообще обязанностей подданныхъ, какъ и отъ прочихъ союзниковъ. Въ этомъ было отказано, такъ какъ городъ еще стоялъ нетронутымъ, еще владѣлъ онъ флотами и войсками и прежде всего громадными денежными средствами, талисманомъ, привлекавшимъ военныя дружины изъ всѣхъ странъ свѣта. А капиталисты, попавшіе теперь въ бѣду не только съ своимъ имуществомъ, но и съ головой, видѣвшіе наступленіе гибели своего государства, восторженно встали за его угрожаемую самостоятельность. Отринувъ отъ себя мелочной духъ торгашей, они не испугались никакихъ жертвъ. Они вооружили на борьбу сыновей и внуковъ, они запустили руки въ полные денежные сундуки и разослали во всѣ стороны вербовщиковъ набирать воиновъ. Противъ золота ихъ не устояли нумидійцы; около 4,000 ратныхъ наѣздниковъ послѣдовали призыву. Хорошихъ ратниковъ навербовали въ Лаконіи на Тенарскомъ мысу, гдѣ собрались вольные воины, продававшіе руку и кровь тому, кто предложитъ больше всѣхъ. Среди нанятыхъ наемниковъ былъ и Ксанеиппъ, испытанный уже во многихъ войнахъ военачальникъ, вѣроятно по происхожденію спартанецъ. Послѣдній, взглянувъ на военное дѣло карѳагенянъ и слыша о предыдущихъ битвахъ, высказалъ мнѣніе, что новые хозяева его сами виноваты въ своемъ несчастіи; они уходятъ въ горы и лѣса, а вѣдь на открытой равнинѣ какъ разъ то поприще для конницы и боевыхъ слоновъ, гдѣ ихъ можно употребить съ успѣхомъ противъ врага. Пришлось согласиться съ опытнымъ мужемъ, и ему было предоставлено обученіе войска. Въ самомъ дѣлѣ, ему удалось образовать хорошую фалангу, исполнить ее самоувѣренности и черезъ это изъ разныхъ боевыхъ силъ составить одно цѣлое. Подъ его командой было приблизительно только 14,000 пѣхотинцевъ, такъ какъ республика одновременно должна была отбиваться отъ мятежныхъ ливійцевъ, но онъ много ожидалъ отъ своей фаланги, своихъ эскадроновъ и боевыхъ слоновъ.

Регулъ побитъ и взятъ въ плѣнъ. Съ этимъ войскомъ Ксанѳиппъ, подкрѣпленный всадниками и легковооруженными, весной 255 г. до Р. Хр. появился въ открытомъ полѣ и предложилъ сраженіе. Конечно, Регулъ поступилъ бы умно, если бы удалился

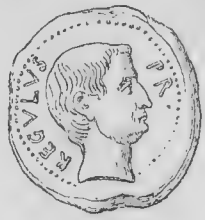
въ укрѣпленный лагерь при Клупеѣ и тамъ дожидался прибытія новыхъ консуловъ; но его военное мужество, надежда на превосходство римскаго оружія, его страстное желаніе не дѣлиться лаврами съ товарищемъ не позволили ему медлить. Онъ не былъ полководцемъ, который бы предусмотрительно и со стратегическимъ умомъ взвѣшивалъ силы свои и врага, но стремительнымъ вожделемъ, уповавшимъ на ненадежное счастье. Поэтому онъ немедля двинулся противъ презираемаго врага на равнинѣ Тунеса и выстроилъ тамъ свои боевые отряды.

Легіоны образовали главный отрядъ изъ болѣе густыхъ линій, чѣмъ обыкновенно, чтобы устоять передъ натискомъ слоновъ. Легковооруженные со своимъ дальнобойнымъ оружіемъ, метательными стрѣлами шли впередъ; турмы немногочисленной конницы, вѣроятно также подкрѣпленныя легковооруженными, прикрывали фланги. Пуническое войско стало въ позиціи, не очень отличавшейся отъ построенія при Агригентѣ. Отсюда какъ будто выходитъ, что карѳагенскіе полководцы хотя и предоставили К с а н ѳ и п п у тактическое обученіе воиновъ, но не предоставили главнаго начальства. Не былъ выставленъ сильный авангардъ, а напротивъ, слоны были поставлены въ первой линіи. За ними выстроилась фаланга, и притомъ карѳагеняне и надежные ливійцы слѣва, наемныя войска справа. Къ обоимъ флангамъ примкнула многочисленная конница. Послѣдняя при первомъ натискѣ совершенно опрокинула римскихъ всадниковъ, погналась за ними и затѣмъ съ дикой стремительностью ударила въ тылъ легіоновъ. Послѣдніе ряды тотчасъ-же повернулись и храбро отбили натискъ. Одновременно съ этимъ остальные ряды перешли въ наступленіе на непріятельскія массы, лѣвое ихъ крыло схватилось съ карѳагенскими наемниками, обратило ихъ въ бѣгство, но увидѣло себя остановленнымъ свернувшими въ сторону ливійцами. Теперь и слоны понеслись на центръ и правое крыло римлянъ. Тщетно легковооруженные посылали свои метательныя копья; огромныя животныя, хорошо направляемыя и прикрываемыя, врывались въ легіоны, темнокожіе африканцы слѣдовали за ними, нумидійцы рыскали въ тылу; тутъ все мужество, вся храбрость была потеряна, весь порядокъ разстроился; всякое сопротивленіе было сломлено.

Чего не потоптали слоны и не истребили копья фаланги, то попало въ руки безпощадныхъ наѣздниковъ пустыни, которые ле-

тали по полю брани, радуясь побѣдѣ, жаждая добычи и крови. Только консула и его блестящую свиту они привели живыми, все же остальное живое должно было умереть. Однако спаслись отъ общей гибели 2,000 бѣглецовъ, вѣроятно отъ первоначально побѣдоноснаго лѣваго крыла. Они бѣжали черезъ лѣса и горы и достигли укрѣпленнаго лагеря при Клупеѣ, гдѣ стояли на якорѣ корабли.

Часть карѳагенскихъ силъ была теперь употреблена противъ мятежныхъ ливійцевъ, другая двинулась подъ Клупею, которую слабый римскій гарнизонъ защищалъ съ мужествомъ отчаянія, пока не пришла помощь. Флотъ изъ 300 кораблей еще во-время приплылъ изъ Италіи и принялъ на бортъ заморенныхъ голодомъ защитниковъ лагеря. Несмотря на побѣду надъ карѳагенскимъ флотомъ при мысѣ Меркурія, рѣшено было быстрое возвращеніе.



Регулъ.
Съ монеты рода Лициніевъ.

Такъ какъ эта самая голова встрѣчается на многихъ монетахъ Регуловъ, то есть основаніе считать ее портретомъ знаменитаго побѣдителя карѳагенянъ.

Но время солнцеповорота миновало; а тогда въ этихъ водахъ грозили ураганы съ запада, и удушливая жара, моментальное затишье заставляли уже ждать ихъ. Правда, свѣдущіе лоцманы совѣтовали поэтому помедлить, или же плыть къ защищеннымъ бухтамъ сѣвернаго берега Сициліи. Но тамъ еще господствовали карѳагеняне; поэтому поспѣшно черезъ открытое море направились къ южному берегу. Уже видна была суша, уже показались черныя развалины Камарины, какъ разразилась страшная буря. Въ борьбѣ стихій погибла большая часть флота, и кругомъ, до самаго Пахинскаго мыса, на берегу лежали обломки кораблей и трупы.

Послѣ гибели непріятельскаго флота Карѳагенъ смѣло приподнялъ голову. Правда, Ксанѳиппъ не появляется болѣе на аренѣ продолжающейся борьбы, но полководцы республики поучились въ его школѣ и продолжали войну съ счастьемъ и искусствомъ. Съ другой стороны и Римъ, не сокрушенный потрясающими ударами, сдѣлалъ величайшія напряженія. Новый, могучій флотъ возникъ въ три мѣсяца; онъ повезъ консуловъ съ ихъ легіонами на мѣсто борьбы на Сициліи, гдѣ послѣ жестокой осады былъ взятъ важный городъ Панормъ, другіе города привле-

чены соглашеніями. Въ слѣдующемъ году всѣ морскія силы римлянъ опять поплыли къ ливійскому побережью, и тамъ, гдѣ они высаживались, запылали въ огнѣ великолѣпныя виллы и усадьбы, деревни и открытые города, тамъ въ ужасѣ бѣжало населеніе, которое, можетъ быть, могли бы привлечь къ себѣ благоразумной умѣренностью. Но возмездіе слѣдуетъ за насиліемъ по пятамъ. Въ мелкихъ водахъ Малой Сирты отягченныя добычею галеры сѣли на дно. Чтобы съ наступленіемъ прилива снова снять ихъ съ мели, пришлось предать добычу волнамъ. На обратномъ пути счастливо достигли Панорма и затѣмъ дерзко отважились, покидая безопасный берегъ, поплыть открытымъ моремъ. Но вѣтеръ, который вначалѣ благопріятствовалъ смѣлымъ морякамъ, скоро сталъ бѣшенымъ ураганомъ, противъ котораго человѣческія руки съ хрупкими веслами ничего не могли сдѣлать. На луканскомъ берегу, гдѣ вдается въ море мысъ Палинуръ, весь военный флотъ съ орудіями и войскомъ сталъ добычей пѣнистыхъ волнъ.

Война въ Сициліи (254 — 249 гг. до Р. Хр.). Силы римскаго союза теперь были истощены; повинуясь волѣ боговъ, онъ ушелъ съ моря и ограничился сухопутной войной, которую консулы лучше могли выдерживать, чѣмъ борьбу съ ненадежной стихіей. Такъ они оттѣснили враговъ на западный уголокъ Сициліи; но на равнинѣ они избѣгали боя, часто имъ предлагавшагося, такъ какъ 140 слоновъ, которыхъ водилъ съ собой пунический полководецъ Гасдрубалъ, грозили неотвратимой гибелью. Страхъ передъ воинственными чудовищами преодолѣлъ, наконецъ, бывшій консулъ Л. Цецилій Метеллъ, стоявшій лагеремъ въ области Панорма, гдѣ живописно возвышаются многовершинныя горы теперешняго Монте Пеллегрино. Метательными копьями легковооруженныхъ солдатъ, защищенныхъ рвомъ, онъ отогналъ слоновъ, послѣ чего легіоны обратили въ бѣгство и тяжеловооруженную пуническую фалангу. При вступленіи побѣдоноснаго героя въ Римъ, его тріумфъ украшали тринадцать карѳагенскихъ военачальниковъ, свыше ста слоновъ и тысячи плѣнныхъ (250 г.).

Послѣ этого пораженія павшіе духомъ карѳагеняне очистили Селинунтъ и другія укрѣпленныя мѣста и заперлись въ Дрепанѣ и Лилибеѣ, ибо эти города, благодаря своему положенію и своимъ укрѣпленіямъ, были почти неприступны. Они сдѣлали также по-

пытку начать переговоры о справедливомъ мирѣ или по крайней мѣрѣ объ обмѣнѣ плѣнныхъ. Вмѣстѣ съ посольствомъ, отошедшимъ для этой цѣли въ Римъ, былъ отправленъ плѣнный Регулъ, послѣ того какъ онъ словомъ и клятвой обѣщался вернуться въ плѣнъ, если сенатъ отклонитъ предложеніе Карѳагена. По прибытіи пословъ въ Римъ, Регулъ отказался повидаться съ женой и дѣтьми или даже явиться въ сенатѣ, потому что, по его словамъ, онъ рабъ Карѳагена. Лишь когда пунические делегаты сами пригласили его къ этому, онъ мрачно и молча вошелъ въ курію. Сенаторы на совѣщаніи высказались частью за, частью противъ предложенія. Испытали уже измѣнчивость ужасной войны, и многимъ казалось большой выгодой закончить ее съ честью и земельными пріобрѣтеніями, между тѣмъ какъ другіе твердо и неколебимо настаивали на полномъ уничтоженіи непріятельской республики.

Такъ называемый бюстъ Регула.
Хранится въ Неаполѣ въ Museo Nazionaleи нѣкоторыми считается за портретъ знаменитаго Регула.

Монета въ память побѣды Метелла.
Обратная сторона серебрянаго денарія семейства Цецилієвъ. Изображенъ Метеллъ на колесницѣ, влекомой слонами; надъ нимъ витаетъ Побѣда; надпись METELLUS.

Такъ какъ соглашеніе не состоялось, то плѣнпаго пригласили высказать свое мнѣніе. Тотчасъ-же Регулъ поднялся и въ присутствіи карѳагенянъ выяснилъ, что непріятельское государство совершенно обезсилено, побѣда его родного города близка, что настойчивостью можно достигнуть нетлѣнной славы и господства на сушѣ и на морѣ. Докладъ его встрѣтилъ одобреніе и имѣлъ своимъ послѣдствіемъ постановленіе, отклонявшее мирное предложеніе карѳагенскихъ пословъ. Теперь вокругъ неустрашимаго мужа столпились старые друзья, заклиная

его не возвращаться во власть вражеской республики; жрецы выказывали готовность разрѣшить его отъ вынужденнаго у него обѣщанія жертвоприношеніями; жена и дѣти, окруживъ его, слезно умоляли его; но онъ заявилъ, что отъ слова мужчины и отъ клятвы не могутъ разрѣшить ни люди, ни безсмертные боги, и вернулся въ плѣнъ. Что тамъ среди ужасныхъ мученій ему уготована была смерть это—разсказъ, вымышленный вѣроятно только ненавистью римлянъ къ Карѳагену.

Осада Лилибея. Сенатъ теперь постановилъ самыя обширныя вооруженія, чтобы однимъ рѣшающимъ ударомъ покончить долголѣтнюю войну. Вновь былъ выстроенъ флотъ въ 200 военныхъ судовъ; консулы съ многочисленнымъ войскомъ отплыли въ Сицилію и со всѣми силами обратились противъ Лилибея на западномъ мысу того же названія, гдѣ руководилъ обороной карѳагенянинъ Гимильконъ съ 10,000 наемниковъ. Они начали осаду многолюднаго города по всѣмъ правиламъ искусства, усвоеннымъ отъ грековъ. Гавань была загражденa затопленными въ ней предметами и сваями, сама крѣпость со стороны суши заперта валомъ и рвомъ. Затѣмъ были сооружены деревянныя башни съ навѣсами и таранами, которые были на колесахъ придвинуты къ стѣнѣ. Въ то время какъ тараны работали съ разрушительной силой, катапульты и баллисты бросали свои снаряды. Одновременно съ этимъ велись подкопы, средство нападенія, которымъ римляне съ успѣхомъ пользовались уже ранѣе. Съ помощью всѣхъ этихъ сооруженій удалось обрушить шесть стѣнныхъ башенъ и открыть широкую брешь. Правда, дѣятельный Гимильконъ позади угрожаемаго мѣста заложилъ новый валъ; но работа эта не была еще окончена; поэтому консулы, въ надеждѣ на превосходство легіоновъ въ рукопашномъ бою, стали готовиться къ приступу. Однако къ стѣсненному гарнизону еще во-время прибыла помощь. Флотъ въ 50 пунническихъ кораблей съ 10,000 наемниковъ и обильными запасами смѣло проплылъ, въ виду римскихъ пентеръ, по бурному морю и, пользуясь благопріятнымъ вѣтромъ, несмотря на преграды, на всѣхъ парусахъ вошелъ въ гавань, при ликованіи населенія.

Римляне неутомимо продолжали свои осадныя работы; они, по примѣру прежнихъ дней, ждали конечнаго успѣха отъ своей настойчивости. Но вскорѣ затѣмъ съ юга поднялся сильный ура-

ганъ. Была темная ночь; бушеваніе бури, рокотъ взбудораженнаго моря пугали воиновъ. Деревянныя башни и машины скрипѣли, стонали и колебались; солдаты каждое мгновеніе опасались быть погребенными подъ ними. Во время этого волненія стихій вдругъ раздались боевые клики и суровый звукъ африканскихъ роговъ; засверкало оружіе, вспыхнули факелы. Карѳагеняне сдѣлали вылазку; они подожгли осадныя орудія и перерѣзали всѣхъ, кто не могъ поспѣшно спастись въ укрѣпленный лагерь. Высоко запылалъ огонь и, раздуваемый бурею, поглотилъ всѣ сооруженія, воздвигнутыя съ несказаннымъ трудомъ. Консулы пали духомъ; они отказались отъ дальнѣйшихъ насильственныхъ попытокъ и только оставили крѣпость въ тѣсной блокадѣ. Но сами ихъ воины терпѣли нужду; ибо карѳагенскіе крейсеры перехватывали суда, привозившія имъ съѣстные припасы, а на сушѣ хотя и можно было достать мяса, но не было хлѣба, такъ какъ мѣстность эта была опустошена постоянной войной.

Морская битва при Дрепанѣ. Другіе консулы въ слѣдующемъ году (249) вступили на арену борьбы, но они не были счастливѣе, такъ какъ при ихъ избраніи сенатъ и народъ, повидимому, не обращали вниманія на то, годны ли были они и для морской войны. П. Клавдій Пульхеръ, одинъ изъ новыхъ полководцевъ, былъ сыномъ того Аппія Клавдія, который прославился своими постройками и рѣчью противъ Пирра. Съ 10,000 свѣжаго войска онъ изъ Мессаны двинулся сушею въ лагерь подъ Лилибеемъ.

Гордый и честолюбивый, какъ всѣ отпрыски Аппіева рода, онъ рѣшилъ заявить врагу о своемъ прибытіи грандіознымъ предпріятіемъ. Онъ хотѣлъ напасть и уничтожить пуническій флотъ въ гавани Дрепаны. Наскоро были приготовлены и снабжены экипажемъ всѣ наличные военные корабли; направились къ отстоявшей едва въ 22 km. ($20^1/_2$ верстъ) непріятельской стоянкѣ. По старинному благочестивому обычаю, во время плаванія освѣдомились о волѣ боговъ. Но священныя куры отказались клевать брошенныя имъ зерна; поэтому жрецъ посовѣтовалъ отказаться отъ покушенія. Это показалось упрямому Аппію глупымъ, послѣ того какъ онъ такъ хорошо взвѣсилъ планъ. Гнѣвно взглянулъ онъ на лѣнивыхъ куръ и приказалъ бросить птицъ въ море. „Если онѣ не хотятъ ѣсть“, насмѣшливо воскликнулъ онъ, „такъ пускай попьютъ“! Однако моряки и воины не дошли еще до

такого вольнодумства; они съ ужасомъ смотрѣли на преступленіе консула, и страхъ передъ карой боговъ отнялъ у нихъ ту увѣренность, которая обыкновенно наполняла римлянъ мужествомъ въ ихъ войнахъ на сушѣ и на морѣ.

Адгербалъ (Атарба), начальникъ пунических силъ въ Дрепанѣ, былъ дѣльный вояка, всегда готовый отвѣтить на ударъ противника. Постоянно у него наготовѣ были галеры и войско. И вотъ, понимая, что борьба на открытомъ морѣ легче для карѳагенскихъ пентеръ, чѣмъ въ тѣсныхъ водахъ гавани, онъ рѣшилъ принять бой тамъ, а не здѣсь. Поэтому онъ быстро поплылъ вдоль восточнаго берега черезъ широкое устье гавани, въ то время какъ римскій флотъ, огибая западныя возвышенности, входилъ въ нее длинно вытянувшеюся линіею.

Консулъ понялъ опасность и поэтому далъ переднимъ эскадрамъ сигналъ повернуть обратно; но изъ этого вышла ужасная путаница. Карѳагенскій морской герой смѣло и ловко воспользовался благопріятствовавшимъ ему счастіемъ. Твердымъ строемъ и со всѣми силами налетѣлъ онъ на римскія эскадры, обошелъ и прорвалъ ихъ линію, прижалъ ихъ къ скалистому берегу и потопилъ или захватилъ большую часть ихъ вмѣстѣ съ экипажемъ. Лишь съ 30 кораблями консулъ спасся изъ водъ, гдѣ 6,000 римлянъ нашли свою могилу, а 20,000—позоръ плѣна.

Адгербалъ господствовалъ теперь надъ сѣвернымъ побережьемъ острова и оттуда отправилъ на южный берегъ, со ста пентерами, не менѣе его храбраго и опытнаго Карѳалона. Послѣдній встрѣтился съ римской эскадрой, предназначенной эскортировать 800 грузовыхъ судовъ, зафрахтованныхъ въ Лилибей. Тотчасъ же онъ повелъ охоту за всѣмъ флотомъ и захватилъ 17 галеръ и много другихъ судовъ, прочія скрылись на открытомъ рейдѣ, берегъ котораго они заняли тяжеловооруженными солдатами и катапультами. На помощь къ угрожаемымъ римлянамъ поспѣшилъ консулъ Л. Юній Пуллъ, но и онъ также не отважился на бой, а искалъ защиты за скалами и отмѣлями Камарины. Гордо покачивались пуническія пентеры на глазахъ у римлянъ на волнахъ, на которыхъ онѣ господствовали. Но вотъ въ одинъ день ихъ увидѣли внезапно опустившими всѣ весла и, точно охваченныя паническимъ страхомъ, поплывшими на востокъ. Приближалась буря, предвѣстниковъ которой опытные кормчіе знали хорошо.

Вскорѣ она разразилась съ той ужасной силой, съ какой такъ часто бушевала въ этихъ водахъ; Карѳалонъ не безъ труда обогнулъ мысъ Пахинъ, гдѣ нашелъ безопасное мѣсто; а римскій флотъ во второй разъ усѣялъ своими обломками берегъ Камарины.

Такъ два могучихъ противника въ смертельной рукопашной схваткѣ боролись за побѣду на сушѣ и на морѣ. Гдѣ сильный римлянинъ могъ схватиться съ врагомъ на сушѣ, тамъ онъ почти всегда бралъ верхъ; но карѳагенянинъ, сражавшійся чужими, наемными силами, ловко избѣгалъ ударовъ, грозившихъ разгромомъ, и самъ, подобно опытному и ловкому борцу, часто наносилъ римлянину опасныя раны, которыя становились тѣмъ болѣе частыми, чѣмъ болѣе нѣкоторые пунические полководцы превосходили римскихъ стратегическимъ талантомъ и хитростью. Такимъ образомъ, римляне даже на сушѣ неоднократно терпѣли пораженія.

Несмотря на эти благопріятныя обстоятельства и на одержанные блестящіе успѣхи, Карѳагенъ былъ въ болѣе стѣсненномъ положеніи, чѣмъ Римъ. Многіе денежные источники изсякли; доходы отъ торговли, промышленности и дани отъ владѣній поглощались дорогою войной, требовавшей все новыхъ вербовокъ войска. Благосостояніе падало; часто нельзя было собрать средствъ для уплаты жалованья наемнымъ войскамъ. Тогда послѣднія выступали шайками противъ своихъ медлительныхъ господъ, чтобы продать врагу крѣпости и корабли. Крики мятежниковъ становились все громче; открытое возстаніе парализовало всѣ предпріятія.

Мелкая война въ Сициліи (248—242); Гамилькаръ Барка. Въ этомъ опасномъ положеніи нашелся человѣкъ, готовый жить и умереть за благо отечества. Этотъ человѣкъ, котораго можно сравнить съ великими и прославленными героями Греціи и Рима, былъ Гамилькаръ, по прозванію Барка (Молнія). Не имѣя еще 30 лѣтъ отъ роду, онъ вѣрнымъ взглядомъ окинулъ всѣ обстоятельства и понялъ, что карѳагенскимъ войскамъ не хватаетъ хорошо обученныхъ и вышколенныхъ пѣхотинцевъ для того, чтобы одержать верхъ надъ настойчивымъ врагомъ. Наемное войско, собранное со всѣхъ концовъ міра, не могло оказать сопротивленія римскимъ легіонамъ. Это войско не воодушевлялось отечествомъ, честью оружія; только жажда жалованья и добычи побуждали его къ военнымъ дѣламъ. Конечно, и Гамилькаръ не могъ

вдохнуть въ пасмниковъ какого-нибудь высокаго чувства по отношенію къ чуждому имъ Карѳагену; но онъ хотѣлъ выставить войско, которое, созрѣвъ въ школѣ опыта, сдерживаемое строгой дисциплиной, любовью къ полководцу и славой общаго оружія, образовало-бы какъ-бы свое государство ратныхъ гражданъ. Таковъ былъ планъ дальновиднаго мужа, для выполненія котораго онъ сдѣлалъ самыя цѣлесообразныя приготовленія. Прежде всего онъ съ немилосердной строгостью подавилъ открыто поднявшійся мятежъ. Затѣмъ доходными разбойническими набѣгами на враждебные берега онъ добылъ себѣ денегъ для уплаты жалованья солдатамъ. Склонивъ къ себѣ воиновъ обильными подарками, онъ сталъ искать мѣста и случая для выполненія своихъ плановъ. Ему было открыто только море; суша всюду находилась въ рукахъ непріятеля; даже Дрепана и Лилибей, послѣдніе опорные пункты карѳагенскихъ силъ въ Сициліи, были заперты римскими легіонами. Орлинымъ взоромъ, свойственнымъ только природному полководцу, Гамилькаръ высмотрѣлъ годное для его намѣреній мѣсто и приготовился завладѣть имъ.

„Это мѣсто, называемое Иркте (Эркте)“, говоритъ грекъ Полибій, „особенно годится для разбивки лагеря и для продолжительной обороны. Оно возвышается надъ окружающей равниной въ видѣ крутого горнаго хребта, наверху образуетъ площадь въ 100 стадій, пригодную для земледѣлія, благопріятно расположенную по отношенію къ морскимъ вѣтрамъ и свободную отъ ядовитыхъ животныхъ. Съ моря, какъ и со стороны суши, оно окружено такими крутыми обрывами, что потребны только незначительныя укрѣпленія. Внутри площади наверху возвышается еще холмъ, который, подобно замку или сторожевой башнѣ, служитъ для обзора всѣхъ окрестностей. Эта возвышенность господствуетъ въ то же время надъ гаванью, положеніе которой очень удобно для судоходства изъ Дрепаны и Лилибея въ Италію. Только три пути ведутъ на верхнюю площадку, одинъ съ моря и два съ суши; но они неудобопроходимы“. Въ этомъ описаніи древняго писателя можно узнать Монте Пеллегрино къ западу отъ Палермо (Panormus).

Туда-то и отплылъ Гамилькаръ съ ядромъ своихъ войскъ, при чемъ римляне и не подозрѣвали объ его намѣреніи. Вскорѣ полководецъ увидѣлъ горы, дико, зубцами подымающіяся изъ волнъ

морскихъ. Онъ вошелъ въ бухту, высадился съ экипажемъ, поднялся на плато и преградилъ окопами всѣ всходы. Обезпечивъ свою позицію, молодой герой призвалъ къ себѣ еще больше войска. Устроены были прочныя жилища также для женъ и дѣтей наемниковъ, которыя тоже были тутъ помѣщены, такъ что казалось, что тутъ должно было возникнуть поселеніе, новый городъ. Плоскогорье, поскольку оно не входило въ границы ла-

ПАЛЕРМО.
Гора Pellegrino, портъ и молъ. Фотографія съ натуры.

геря, было распахано, засѣяно и эксплоатировалось какъ пашня и садъ. Правда, его не хватало для прокормленія всей массы войска; но въ бухтѣ расположился разбойническій флотъ, который усердно плавалъ вдоль береговъ и, доѣзжая до Кумъ въ Кампаніи, собиралъ плоды, убойный скотъ и деньги. Самъ Гамилькаръ съ быстрыми эскадронами и легковооруженнымъ войскомъ сходилъ тогда со своей скалистой твердыни и направлялся черезъ область Панорма и далѣе вдоль берега, а также внутрь страны. Онъ по-

являлся то тутъ, то тамъ, быстро, какъ молнія, отъ которой имѣлъ прозвище, и исчезалъ столь же быстро, такъ что вначалѣ не знали, откуда приходилъ онъ и куда шелъ. Подвозы съѣстныхъ припасовъ, предназначавшіеся для римскихъ лагерей, отряды войска, шедшіе въ величайшей, казалось, безопасности, захватывались и уводились въ Эркте, какъ хорошая добыча. Эти дерзкія экспедиціи безпокоили римлянъ въ высшей степени. Консулы, увѣдомленные, наконецъ, о положеніи врага, рѣшили прекратить эти безпорядки и серьезно напасть на дѣятельнаго противника. Они двинулись къ горной высотѣ, оглядѣли скалы и пропасти, обслѣдовали дороги, ведшія вверхъ; но наверху, въ концѣ этихъ дорогъ, были сильныя укрѣпленія, а за ними торчало непріятельское оружіе, насмѣхались темнокожіе африканцы. Римляне въ концѣ концовъ не нашли иного выхода, какъ разбить лагерь какъ можно ближе къ каменной твердынѣ, чрезъ что по крайней мѣрѣ важный Панормъ защищенъ былъ отъ нападеній.

Позиціи обоихъ войскъ отстояли другъ отъ друга не многимъ болѣе, чѣмъ на полмили, и на этомъ тѣсномъ пространствѣ они почти ежедневно боролись въ стычкахъ и болѣе серьезныхъ сраженіяхъ больше трехъ лѣтъ, но ни одинъ изъ противниковъ не могъ одержать рѣшительной побѣды. Въ теченіе этого времени продолжались набѣги Гамилькара; даже если на сушѣ вылазки задерживались, то въ его распоряженіи былъ разбойническій флотъ, который приводилъ его воиновъ всюду, гдѣ можно было надѣяться на добычу. Безпрестанныя сраженія и опустошенія прибрежныхъ земель не давали отдохнуть римскимъ силамъ. Одинъ преторъ командовалъ когортами, разбросанными для прикрытія италійскихъ береговъ; блокада Дрепаны и Лилибея производилась лѣниво, такъ какъ большая часть легіоновъ стянута была вокругъ Эркте. На третьемъ году они, однако, были значительно усилены, и теперь можно было снова серьезнѣе дѣйствовать противъ Лилибея. Но море служило предпріимчивому герою на уединенной высотѣ и, совершенно незамѣтно для римлянъ, оно понесло его съ отборнымъ войскомъ въ Дрепану. Тамъ онъ соединилъ гарнизонъ съ своимъ отрядомъ, прорвалъ непріятельскія линіи, напалъ и взялъ Эркъ, находившійся на полувысотѣ горы. Вершина ея была увѣнчана храмомъ Асхеры, въ которой римляне узнавали то греческую Афродиту, то свою же собственную

древнюю богиню сада—Венеру. Здѣсь, правда, галльскіе перебѣжчики удержали за собой сильно укрѣпленный постъ, но Гамилькаръ добылъ себѣ второй лагерь, который чрезъ сообщеніе съ Дрепаной и моремъ сталъ не менѣе удобнымъ и страшнымъ для врага, чѣмъ лагерь на Эрктe. Теперь война опять пошла прежнимъ путемъ; убійственныя сраженія слѣдовали одно за другимъ почти безъ перерыва, но рѣшающихъ ударовъ не было. Гамилькаръ жилъ

РАЗВАЛИНЫ ГОРОДА ЭРИКА.
Рисунокъ по фотографіи.

лишь собственными рессурсами; онъ кормилъ войну войною, и притомъ насчетъ врага. Онъ былъ, подобно Валленштейну въ Тридцатилѣтней войнѣ, неограниченнымъ повелителемъ надъ войсками и крѣпостями. Его родной городъ не мѣшалъ ему: граждане жили тамъ точно въ самомъ спокойномъ мирѣ, предавались своимъ доходнымъ ремесламъ, открывали новые торговые пути и при случаѣ, когда былъ избытокъ въ деньгахъ, присылали ему новый отрядъ наемниковъ.

Казалось, въ Карѳагенѣ забыли о сожженіи усадебъ, деревень и городовъ, о возстаніи ливійскихъ народностей при вторженіяхъ римлянъ въ Африку, такъ какъ всюду изгладились слѣды опустошенія, плодоносная страна снова стояла въ пышномъ цвѣту. Предпочитали дать пентерамъ гнить разснащенными въ гавани, чѣмъ браться за дорого стоющія вооруженія, чтобы напасть на врага въ его же странѣ и освободить героя на его уединенныхъ твердыняхъ. Что сталось съ храбрецами Гимилькономъ, Адгербаломъ и Карѳалономъ, которые своими побѣдами снова подняли падающее отечество, о томъ нѣтъ никакого извѣстія.

Битва при Эгатскихъ островахъ 241 г. до Р. Хр. Иначе дѣло обстояло въ Римѣ. Могущественный городъ, а еще болѣе его союзники невыразимо страдали отъ медленнаго хода войны и отъ постоянныхъ грабительскихъ походовъ на побережье. Но при всѣхъ потеряхъ деньгами и благородной кровью гражданъ, при всѣхъ страданіяхъ римское мужество оставалось несломленнымъ, и даже союзниковъ мало-по-малу проникало извѣстное національное чувство, мысль, что имъ слѣдуетъ держаться вмѣстѣ противъ чуждыхъ, безпощадныхъ варваровъ, что имъ слѣдуетъ стоять или пасть вмѣстѣ съ мужественно борящейся впереди нихъ римской республикой. Сенатъ хорошо понималъ необходимость добыть новый военный флотъ, но средства государства были истощены; пришлось уже продать государственныя земли, чтобы собрать жалованье для легіоновъ, которые и лѣто и зиму, годъ за годомъ стояли подъ оружіемъ. Тогда, наконецъ, поднялись всѣ граждане за славу, господство и блескъ дорогого отечества. Къ его алтарю они принесли въ жертву свое имущество, какъ раньше проливали они свою кровь. Отдѣльные богатые землевладѣльцы, а то и нѣсколько ихъ сообща, вызвались построить на свой счетъ военные корабли, для того, чтобы вновь возникъ флотъ, который доказалъ бы врагу, что еще не сломлены мужество и могущество Рима. Болѣе бѣдные граждане шли на военную службу; не отставали съ жертвами и союзники. Уже ранѣе со стороны римлянъ неоднократно отплывали небольшія эскадры каперовъ (разбойническихъ кораблей), которыя напали на Гиппонъ на африканской побережьи и сожгли его, выдержали также бой съ разбойническими судами Гамилькара при Панормѣ; теперь были построены и вооружены 200 пентеръ и снабжены 60,000 моряковъ и воиновъ. Рим-

скій флотъ снова появился на морѣ, гдѣ не встрѣтилась съ нимъ ни одна непріятельская пентера. Вѣтеръ и волны, прежде противные римлянамъ, благопріятствовали переправѣ на озаренный солнцемъ островъ, вмѣстившій въ себя уже столько крови, испытавшій уже столько военныхъ бѣдствій. Эскадра достигла Дрепаны и безпрепятственно вошла въ гавань.

Консулъ Г. Лутацій Катулъ, имѣвшій главное начальство надъ морскими силами, тотчасъ-же приступилъ къ штурму крѣпости, на которую теперь можно было напасть съ суши и съ моря. Удивленный и пораженный, увидѣлъ Гамилькаръ входъ флота въ гавань; но онъ не потерялъ ни мужества, ни присутствія духа. Онъ самъ руководилъ обороной, и непріятелямъ съ урономъ пришлось отступить. Столь-же упорное сопротивленіе оказалъ онъ начавшейся теперь правильной осадѣ. Часто, правда, глядѣлъ онъ съ Эрика на море, высматривая карѳагенскія пентеры, которыя, какъ надѣялся онъ изо дня въ день, скоро должны были прибыть и прогнать римлянъ; но ожиданія его не сбылись.

Годъ прошелъ въ напрасныхъ ожиданіяхъ; въ Карѳагенѣ дѣйствовали очень медленно, потому что мечи римскихъ легіоновъ сверкали еще слишкомъ далеко. Но наконецъ все-таки собрался значительный флотъ.

Свѣдущій въ морскомъ дѣлѣ Ганнонъ, имѣвшій главное начальство, благополучно достигъ Эгатскихъ острововъ. Но когда карѳагенскіе корабли прибыли къ острову Эгузѣ, предъ ними выросъ лѣсъ мачтъ, а вскорѣ стали различать и римскіе значки и палубы съ военными орудіями и вооруженными. То былъ флотъ консула Лутація Катула, выстроившійся для воинственной встрѣчи врага. Тотчасъ же поднялся боевой крикъ, волны зашумѣли и запѣнились при столкновеніи кораблей. Но римляне всюду сопротивлялись; ихъ абордажные мосты падали и здѣсь, и тамъ, и гдѣ римскіе воины вступали на непріятельскія галеры, тамъ ихъ была побѣда. Исходъ битвы не долго былъ сомнителенъ; пятьдесятъ карѳагенскихъ пентеръ было потоплено, семьдесятъ взято, прочія разсѣяны во всѣ стороны. Это пораженіе рѣшило исходъ долгой войны. Побѣдители со своими трофеями поплыли въ гавань Лилибея, который теперь подвергся сильному нападенію съ суши и съ моря, особые отряды блокировали Дрепану и лагерь Эркте. Рим-

скія силы господствовали теперь и на морѣ, какъ на сушѣ онѣ владѣли почти всей Сициліей, за небольшими исключеніями. Правда, Гамилькаръ все еще удерживалъ за собой свою позицію; однако отъ вскорѣ ставшаго чувствительнымъ недостатка денегъ и съѣстныхъ припасовъ не могли охранять его ни скалы Эрика и Эркте, ни закаленныя дружины его воиновъ. Поэтому, какъ только ему даны были полномочія для заключенія мира, онъ завязалъ переговоры съ консуломъ Лутаціемъ Катуломъ.

Заключеніе мира. Многое побуждало римскаго полководца поставить сходныя условія: память о судьбѣ упрямаго Регула, непредвидимыя случайности войны, геній, вообще личность никогда не побѣжденнаго Гамилькара и, наконецъ, желаніе вступить въ Римъ не только побѣдителемъ, но и миротворцемъ. Тѣмъ не менѣе переговоры грозили крушеніемъ, ибо первое требованіе римлянъ—выдача оружія и перебѣжчиковъ—было отклонено Гамилькаромъ. Катулъ уважилъ доводы храбраго мужа и отказался отъ этого условія. За то онъ настаивалъ на выдачѣ военноплѣнныхъ и уплатѣ умѣреннаго выкупа за все карѳагенское войско. Когда на это требованіе было дано согласіе, безъ труда сговорились относительно остальныхъ. Карѳагенъ предоставилъ весь островъ римской республикѣ; далѣе онъ обязался, на ряду съ другими уступками, къ уплатѣ контрибуціи въ 2,200 эвбейскихъ талантовъ (свыше $4^1/_2$ милл. руб.) въ теченіе двадцати лѣтъ. Сенатъ послѣ повысилъ эту сумму на 1,000 талантовъ и установилъ срокъ уплаты въ десять лѣтъ, и на это также согласилась пуническая республика, такъ какъ этой жертвой она купила себѣ по крайней мѣрѣ свою независимость. Обѣ стороны были истощены, такъ такъ война длилась болѣе двадцати трехъ лѣтъ. Но взаимная ненависть обоихъ государствъ, разъ вспыхнувшая, не погасла вмѣстѣ съ заключеніемъ мира (241 г.).

Война съ наемниками; Сардинія и Корсика подъ римской властью. Побѣдоносное государство на Тибрѣ, несмотря на истощеніе своихъ силъ, славно стояло посреди своего тѣсно сплоченнаго союза, въ то время какъ его соперникъ казался приниженнымъ тяжкими пораженіями и угрожаемымъ новыми опасностями. Въ Карѳагенѣ собрались наемныя войска, вернувшіяся изъ Сициліи, и потребовали уплаты слѣдуемаго имъ жалованья. Въ виду пустоты государственной казны, ихъ старались успокоить обѣщаніями, но

они образовали скопища и съ дикимъ крикомъ требовали денегъ или крови. Ихъ, правда, подъ всякими предлогами побудили покинуть городъ, но они снова собрались большими массами; тутъ были упрямые эллины, смѣлые испанцы, балеарцы и дикіе кельты, для которыхъ всѣхъ военное дѣло было ихъ заработкомъ. Такъ возгорѣлась кровопролитная война съ наемниками, въ которой противъ Карѳагена приняли участіе и всѣ почти ливійцы. Правда, герой Эркте побѣдоносными битвами усмирилъ, наконецъ, дикія шайки, но онъ не могъ помѣшать тому, чтобы въ это время римляне вопреки договору и праву захватили островъ Сардинію, гдѣ также мятежные наемники взялись за оружіе противъ пуническаго господства. Пунійцамъ, при ихъ истощенномъ состояніи, пришлось согласиться, во второмъ мирномъ договорѣ, на уступку Сардиніи Риму и уплату, кромѣ того, еще 1,200 талантовъ неумолимому побѣдителю. Вскорѣ затѣмъ римляне заняли и важнѣйшія приморскія мѣста этрусской Корсики и этимъ завершили свое господство надъ Тирренскимъ моремъ. Гамилькаръ глубоко чувствовалъ позоръ новаго униженія и придумывалъ средства, какъ поднять опять родной свой городъ и отомстить за понесенную обиду при первомъ случаѣ надменной вражеской республикѣ.

Дальнѣйшее развитіе римскаго государственнаго устройства. Для растущаго римскаго государства недостаточно было прежняго числа высшихъ должностныхъ лицъ. Поэтому уже во время войны съ пунійцами въ 247 г. рѣшено было избраніе второго претора. Съ тѣхъ поръ различались praetor urbanus („городской преторъ“) и praetor peregrinus („преторъ чужеземцевъ“); первый творилъ судъ надъ и между римскими гражданами, послѣдній судилъ не гражданъ и руководилъ процессами между ними, а также между гражданами и не гражданами. Въ 227 г. избиралось уже четыре претора, изъ которыхъ третій предназначался для управленія провинціей Сициліей (см. ниже), четвертый для управленія Сардиніей съ Корсикой. Уже ранѣе, еще въ годъ заключенія мира съ Карѳагеномъ (241), при цензорахъ Аврелій Коттѣ и Фабіѣ Бутеонѣ, закончено было и разграниченіе территоріи гражданъ и области союзниковъ и въ то же время улучшено было древнее центуріатское устройство. Въ это время, именно въ качествѣ 30 сельской трибы устроена была tribus Velina (у монте Велино

въ землѣ сабинянъ) и въ качествѣ 31—tribus Quirina. Сюда присоединялись еще 4 городскихъ трибы, такъ что, значитъ, всего числилось 35 трибъ. Это число не превышалось и впослѣдствіи: дальнѣйшее пространственное растяженіе территоріи гражданъ по Италіи казалось невыполнимымъ, такъ какъ Римъ всегда оставался городскимъ государствомъ и примѣнять на дѣлѣ права гражданства можно было только въ самомъ Римѣ. Въ связи съ этимъ стоитъ реформа классовъ и центурій. Перевѣсъ перваго класса (98 голосовъ изъ 193) устраняется: каждый изъ пяти классовъ по имуществу получаетъ по 70 центурій, такъ что теперь всего было 350 центурій, на каждую трибу по 10, такъ что каждый изъ 5 классовъ по имуществу представленъ былъ въ каждой трибѣ 2 центуріями. Теперь, значитъ, граждане внутри каждой трибы составляли для голосованія мелкіе союзы (по 2 центуріи) смотря по имуществу; вліяніе этихъ центурій на голосованіе классовъ и въ свою очередь право голоса отдѣльныхъ классовъ было одинаково; на право открыть голосованіе въ каждомъ случаѣ бросался жребій между 5 классами по имуществу. Чрезъ эту реформу все устройство снова стало нѣсколько болѣе демократическимъ: голосъ простолюдина, если только его состоянія вообще хватало для пріема въ низшій классъ, считался во столько же, какъ и голосъ богача. Съ тѣхъ поръ между центуріатскими и трибными комиціями собственно существуютъ только формальныя различія: въ первыхъ предсѣдательствуютъ консулы, въ послѣднихъ—трибуны, въ первыхъ подаются голоса главнымъ образомъ относительно выборовъ, въ послѣднихъ главнымъ образомъ относительно законопроектовъ. Высоко надъ обоими собраніями стоялъ избиравшійся изъ знати сенатъ.

Провинціи Сицилія и Сардинія. Безъ колебаній и безъ торопливости римскій народъ настойчиво шагалъ впередъ по пути завоеваній. Сначала были крѣпко соединены съ государствомъ вновь пріобрѣтенныя заморскія владѣнія. Гіеронъ, владыка Сиракузъ, выказавшій себя во время тяжелой войны вѣрнымъ, самоотверженнымъ союзникомъ, не получилъ земельныхъ приращеній. Ему пришлось удовольствоваться своимъ ограниченнымъ царствомъ; но въ немъ онъ правилъ съ отеческой заботливостью и развивалъ мирныя искусства, такъ что народъ благословлялъ его и радовался окружавшему его тронъ царскому блеску. Мессана, Сегеста,

Панормъ и нѣкоторые другіе Сицилійскіе города сохранили свое собственное устройство. Они должны были въ военное время ставить войско и корабли, но зато были свободны отъ податей. Такимъ образомъ, они, считаясь равными италійскимъ socii, вступили въ римскій союзъ. Прочимъ общинамъ оставили, правда, также ихъ собственное управленіе, но онѣ не имѣли права носить оружіе, призывались на помощь только въ случаѣ крайней нужды, по усмотрѣнію римскихъ властей, но за то платили десятину полевыхъ плодовъ и опредѣленный налогъ (пятую часть стоимости) съ ввозившихся или вывозившихся товаровъ. Повидимому, онѣ имѣли право собираться на опредѣленные земскіе съѣзды, такъ какъ неоднократно онѣ подавали въ сенатъ совмѣстныя жалобы на притѣсненія со стороны римскихъ чиновниковъ; но онѣ не имѣли права поселяться безъ позволенія среди другихъ общинъ или пріобрѣтать тамъ земли. Такъ какъ кругъ власти консуловъ ограничивался италійскимъ материкомъ, то для заморскихъ владѣній назначены были особые чиновники съ консульской властью: это были вышеназванные преторы, одинъ для Сициліи, другой для Сардиніи съ Корсикой. Они имѣли тамъ главное начальство надъ вооруженными силами и должны были также творить судъ по дѣламъ римскихъ гражданъ между собой и по ихъ дѣламъ съ не-гражданами. Вообще они обладали неограниченной властью верховнаго полководца, верховнаго судьи и верховнаго управителя надъ всѣмъ имуществомъ и даже надъ жизнью населенія. Данное имъ сенатомъ и римскимъ народомъ „порученіе“ называлось provincia, отсюда уже развилось мѣстное значеніе слова „провинція“ („за-граница“ въ противоположность къ Италіи). Преторамъ подчинены были квесторы, которые завѣдывали государственными казначействами, вообще денежными дѣлами, значитъ, напр., сборомъ податей и дохода съ конфискованныхъ общественныхъ земель и сборомъ прочихъ налоговъ. Они отдавали ихъ на откупъ, покрывали необходимые расходы и излишекъ доставляли въ Римъ. Римское господство положило предѣлъ безконечнымъ войнамъ эллинскихъ городовъ между собой, существованію наемниковъ и разбойниковъ, хозяйничанью туземныхъ тирановъ; возстановилось спокойствіе и миръ, мирный гражданинъ могъ въ безопасности заниматься своими дѣлами. И подати вначалѣ не были такъ высоки, какъ прежде въ военныя

времена и при деспотическихъ правителяхъ; далѣе, въ городахъ гражданскіе законы и правовыя отношенія, городское управленіе, лежавшее большей частью въ рукахъ знати и богатыхъ, народныя собранія, религія и нѣкоторое время даже особая монетная система оставались по прежнему.

Но, конечно, въ неограниченности римскихъ должностныхъ лицъ—жалоба противъ нихъ могла подаваться въ Римѣ только по истеченіи срока ихъ службы и имѣла очень мало надежды на успѣхъ—лежала тяжкая опасность для будущаго. И кому было защищать провинцію, если получалъ власть насильническій или жестокій, или жадный намѣстникъ? Съ другой стороны этотъ порядокъ и найденная въ Сициліи и потомъ удержанная римлянами форма обложенія скрывала въ себѣ опасность и для самихъ римлянъ, такъ какъ здѣсь было необъятное поле для превышенія власти и жадности. Ибо очень скоро стало обычнымъ не предоставлять болѣе самимъ городамъ Сициліи права брать на откупъ доходъ отъ податей своего округа за назначенную цензорами сумму, но предоставлять откупъ отдѣльнымъ римскимъ частнымъ лицамъ (publicani), или цѣлымъ акціонернымъ обществамъ (societates publicanorum), которыя хотя и освобождали правительство отъ труда собирать подати, но за то самымъ безстыднымъ образомъ грабили провинціаловъ. Другіе римляне извлекали выгоду изъ постановленія, чтобы провинціалы пріобрѣтали земли только въ родной мѣстности, и скупали по дешевымъ цѣнамъ крупныя части прелестнаго острова, и мало-по-малу даже въ Римѣ установился взглядъ, что провинціи и существуютъ собственно только для того, чтобы подобно помѣстьямъ (praedia populi Romani) эксплоатироваться по возможности римскимъ народомъ. Мы преисполняемся ужаса, читая, что уже въ 231 г. консулъ Помпоній Маѳонъ съ помощью собакъ-ищеекъ ловилъ на Корсикѣ туземцевъ, чтобы продавать ихъ въ Римѣ на невольничьемъ рынкѣ.

ВОЙНА СЪ ИЛЛИРІЙЦАМИ И ЗАВОЕВАНІЕ ВЕРХНЕЙ ИТАЛІИ.

НЕБЕЗОПАСНОЕ положеніе на морѣ. Въ то время какъ вокругъ и внутри Италіи народы боролись другъ съ другомъ на кровавыхъ бранныхъ поляхъ за свободу и господство, оружіе не дремало и въ восточныхъ государствахъ Средиземнаго моря. Предъ глазами царей Македоніи, Сиріи и Египта носился вѣнецъ великаго Александра; они жадно протягивали за нимъ руки, но ни одинъ не былъ въ силахъ схватить его и обвить имъ чело свое. Они не были въ состояніи одолѣть даже маленькихъ союзовъ ахейцевъ и этолянъ, возникшихъ во время ихъ распрей. И дикіе иллирійцы, жившіе на верхнемъ побережьи Адріатическаго моря, также освободились отъ македонскаго владычества и снова взялись за обычное разбойничье ремесло. На своихъ быстроходныхъ либурнскихъ судахъ они крейсеровали по морю, грабили и похищали торговые корабли всѣхъ націй и увозили грузъ и экипажъ въ свои безопасныя крѣпости. Съ приморскихъ городовъ и острововъ они также брали контрибуціи, осаждали ихъ и захватывали врасплохъ; до самой Мессеніи распространяли они ужасъ опустошеній. Ихъ разбойническіе флоты принуждали присоединиться къ нимъ эпиротовъ и акарнанянъ. Разбивъ и частью захвативъ въ открытомъ морскомъ бою соединенныя силы ахейцевъ и этолянъ, они стали господами моря. Италійская торговля страдала отъ этихъ обстоятельствъ почти болѣе, чѣмъ во время Пунической войны, и римскія купеческія суда едва отваживались плыть въ восточныя моря. Несмотря на то, сенатъ долгое время терпѣлъ эти безпорядки; лишь когда жалобы стали слишкомъ громкими, онъ отправилъ посольство къ царю Агрону въ Скодру (Скутари, въ Албаніи) съ требованіемъ прекратить разбои.

Послы не застали уже въ живыхъ царя пиратовъ. На мѣсто него правила за юнаго сына своего, вдова его Тевта, дерзкая амазонка. Она отвѣтила римлянамъ, что въ Иллиріи существуетъ законъ, чтобы свободные мужчины зарабатывали себѣ хлѣбъ въ открытомъ морѣ. По иллирійскимъ законамъ морской разбой—занятіе почетное. На это римскіе послы возразили, что

въ такомъ случаѣ Римъ постарается исправить неудовлетворительное законодательство иллирійцевъ. Когда они затѣмъ покинули царскій дворъ, на нихъ на обратномъ пути напали и убили ихъ.

Война съ иллирійскими морскими разбойниками. Терпѣніе сената теперь истощилось; онъ долженъ былъ перейти къ дѣлу. Съ силою въ 200 пентеръ оба консула явились въ водахъ Адріи и у иллирійскихъ береговъ, гдѣ правила Тевта совершенно въ духѣ своего покойнаго мужа, грабила и друга и недруга и руками адмирала своего Деметрія Фаросскаго завоевала даже важный островъ Коркиру (Корфу), послѣ тяжкой осады. Теперь ихъ постигла справедливая кара. Передъ римскими галерами либурнскія парусныя суда разсѣялись во всѣ стороны, и Деметрій сталъ на сторону консуловъ, противъ прежней своей повелительницы. Аполлонія и Эпидамнъ были заняты; нѣсколько народностей покорились добровольно. Послѣ этихъ успѣховъ римскаго оружія нельзя было болѣе думать о серьезномъ сопротивленіи. Царица, угрожаемая въ своей столицѣ, согласилась прекратить морской разбой и платить дань (228 г.). Аполлонія, Эпидамнъ, Корфу и прибрежныя племена атинтановъ и парѳиновъ вступили въ римскій союзъ: ихъ повинности въ пользу Рима устанавливались и наблюдались консульскими легатами (сенаторами, которые дѣйствовали по порученію консула). И хитрый Деметрій, отпаденіе котораго отъ царицы Тевты прежде всего сломило сопротивленіе иллирійцевъ, былъ щедро награжденъ побѣдителями. Онъ получилъ въ качествѣ союзника Рима островъ Фаросъ и область Далмацію. Однако впослѣдствіи, хотя онъ въ малолѣтство юнаго иллирійскаго царя достигъ даже протектората надъ Скодрой, его постигло возмездіе за его измѣну. Дѣло въ томъ, что онъ опасался сосѣдства римлянъ и думалъ, что въ состояніи снова вытѣснить ихъ во главѣ иллирійскихъ племенъ. Тутъ быстро его поразила гибель. Послѣ пораженія его войска и по завоеваніи его городовъ, онъ могъ только спасти свою жизнь бѣгствомъ въ Македонію. Такимъ образомъ, Римъ сталъ твердой ногой и по ту сторону Адріатическаго моря въ непосредственномъ сосѣдствѣ эллинскихъ государствъ. И эллины своимъ ликованіемъ одобрили освободителей отъ ига морскихъ разбойниковъ, надавали имъ коронъ и вѣнковъ, позволили имъ участвовать въ Исѳмійскихъ играхъ, не

замѣчая, что имъ могло стать опаснымъ сосѣдство сильныхъ римлянъ (219 г.).

Галльская война. Почти въ продолженіе двухъ поколѣній со времени уничтоженія сеноновъ (285 г. до Р. Хр.; стр. 248) кельтскія племена пасли свои стада въ плодоносной равнинѣ по обѣимъ сторонамъ Пада и занимались скуднымъ земледѣліемъ. Но мало-по-малу поблекла память о понесенныхъ пораженіяхъ. Старое стремленіе къ воинственнымъ предпріятіямъ снова ожило послѣ первой Пунической войны, тѣмъ болѣе, что его раздували шайки транзальпинскихъ наемниковъ (гезатовъ), которые, по заключеніи мира, безъ дѣла возвращались на родину и наносили обиды и цизальпинскимъ племенамъ. Еще въ 238 г. римлянамъ грозила борьба съ боями и союзными съ ними дружинами гезатовъ. Но между союзниками возникли распри, такъ что вооруженные отряды перебили другъ друга. Такимъ образомъ, на этотъ разъ опасность миновала Римъ. Но уже въ 232 г. стало замѣтнымъ новое волненіе среди верхне-италійскихъ кельтовъ, когда римскій народный трибунъ Г. Фламиній, стремясь поднять крестьянскій классъ, сильно пострадавшій отъ потерь Пунической войны, внесъ законъ, по которому не розданная еще государственная земля въ Пиценѣ и въ сенонской окраинѣ, эксплуатировавшаяся знатью крупными частями, должна была быть распредѣлена между бѣднѣйшими гражданами. Галлы опасались въ то время, что, если образуются общины римскихъ гражданъ между Анконой и Ариминомъ, римскіе захваты вскорѣ достигнутъ По. Но кромѣ того, прежде всего накопился въ это время избытокъ воинственныхъ людей въ Транзальпинской и Цизальпинской Галліи, такъ какъ карѳагеняне по заключеніи мира естественно брали на службу гораздо меньше наемниковъ. Въ слѣдующіе годы опасность, грозившая Италіи съ сѣвера, составляла главную заботу сената; поэтому тогда были готовы на всякія уступки по отношенію къ карѳагенянамъ (см. ниже), чтобы только не пришлось одновременно оказать сопротивленіе и нападенію съ этой стороны и натиску галловъ. Весной 225 года разразилась война, которой такъ долго опасались. Могущественные бои на правомъ берегу рѣки По со своими сосѣдями, лингонами и анарами, инсубры, сидѣвшіе по другую сторону вокругъ Медіолана (Милана) и до самыхъ Альпъ, большія дружины гезатовъ изъ области Роны и внутреннихъ зе-

мель, а равно лигурійскіе тавриски опоясались своими длинными мечами и приготовились къ походу. Только цеpоманы между Аддуей (н. Адда) и Аѳезисомъ (н. Эчъ или Адидже), жившіе въ перемежку съ иллирійскими венетами, не присоединились къ союзу и держались на сторонѣ римлянъ. Стеклись силы въ 50,000 пѣшихъ бойцовъ и 20,000 человѣкъ, сражавшихся частью на коняхъ, частью на боевыхъ колесницахъ. Оставляя въ сторонѣ всѣ римскія крѣпости, эти силы подъ начальствомъ Анероэста и Конколитана двинулись черезъ Апеннины и разлились по благоустроеннымъ этрусскимъ землямъ, предаваясь грабежу. Походъ направлялся на Римъ, казавшійся въ данную минуту беззащитнымъ, потому что одинъ изъ консуловъ, Эмилій Папъ, съ 2 легіонами римской пѣхоты (10,400 человѣкъ) и 600 всадниковъ, вмѣстѣ съ 15,000 человѣкъ пѣхоты и 1000 всадниковъ союзниковъ, стоялъ при Аримнѣ, а другой, Атилій Регулъ, съ 27,000 человѣкъ былъ въ Сардиніи. Но времена Бренна миновали: Римъ, глава италійскаго союза, имѣлъ въ лицѣ сената хорошаго совѣтника и располагалъ огромными средствами.

Въ самомъ дѣлѣ, кромѣ этихъ войскъ 50,000 сабинянъ и этрусковъ съ 4,000 всадниковъ стояли лагеремъ въ Этруріи, далѣе земское ополченіе умбровъ и сарсинатовъ, силой въ 20,000 человѣкъ, стояло въ проходахъ Апеннинъ, а 20,000 человѣкъ цеpомановъ и венетовъ были готовы вторгнуться въ область боевъ; наконецъ, самый Римъ былъ прикрытъ резервомъ въ 20,000 человѣкъ римской пѣхоты съ 1,500 всадниковъ и 30,000 человѣкъ союзниковъ съ 2,000 всадниковъ, а въ Сициліи и Тарентѣ противъ карѳагенянъ стояли на готовѣ 8,400 человѣкъ съ 400 всадниковъ. Итакъ Римъ легко былъ въ состояніи выставить въ поле 192,200 человѣкъ пѣхоты и 11,100 всадниковъ. Но число вообще всѣхъ способныхъ носить оружіе въ его области было гораздо больше: по предпринятой въ то время и сообщенной намъ надежнымъ Полибіемъ переписи оказалось 700,000 ратныхъ пѣхотинцевъ и 70,000 всадниковъ.

Теламонъ и Кластидій. Галлы безпрепятственно дошли до мѣстности Клузія и побили тамъ римско-союзническое ополченіе. Но вотъ отъ Аримина подошелъ консулъ Эмилій Папъ, чтобъ заградить путь къ Риму. Галлы захотѣли избѣжать его и сначала унести свою добычу въ безопасное мѣсто. Поэтому они по-

шли по морскому побережью на сѣверъ. Тѣмъ временемъ, однако, прибылъ и консулъ Регулъ съ войскомъ изъ Сардиніи и высадился около Пизы. Такъ какъ онъ отсюда пошелъ на югъ, то галлы оказались между двумя консульскими войсками. Такимъ образомъ, при Теламонѣ у устья Омброне они были принуждены стать фронтомъ на сѣверъ и на югъ и выдержать бой одновременно съ обоими римскими войсками: къ сѣверу стояли Тавриски и бои, къ югу инсубры и гезаты. Послѣдніе, въ надеждѣ на свою храбрость и военный опытъ, сбросили всю одежду и, украшенные золотыми браслетами и ожерельями и длинными мечами, хвастали передъ строемъ своими голыми тѣлами. Вначалѣ на сѣверѣ бушевалъ кавалерійскій бой за обладаніе важной возвышенностью: при этомъ самъ Регулъ скакалъ въ переднихъ рядахъ и умеръ геройской смертью. Но когда затѣмъ другъ на друга надвинулись массы пѣхоты, обнаружилось превосходство римскаго вооруженія: длинный римскій щитъ прикрывалъ всего воина, галльскій же былъ слишкомъ малъ. Такимъ образомъ, гезаты уже отъ града римскихъ метательныхъ копій пришли въ большое замѣшательство, а затѣмъ и длинный галльскій мечъ былъ изъ болѣе мягкаго металла и гнулся подъ ударами легіонаріевъ въ рукопашной схваткѣ. Въ концѣ концовъ галльское войско было оцѣплено съ сѣвера и съ юга, и только отдѣльныя кучки спаслись бѣгствомъ. Передаютъ, что въ страшной рѣзнѣ погибло 40,000 галловъ; Анероэстъ самъ умертвилъ себя вмѣстѣ со свитой, Конколитанъ съ 10,000 галловъ былъ взятъ въ плѣнъ (225 г.). Страхъ передъ галлами былъ побѣжденъ навсегда; вскорѣ затѣмъ римляне перешли въ наступленіе въ области По.

Въ слѣдующіе годы были покорены бои, лингоны и анары и занята вся страна до самаго По. Когда затѣмъ консулъ Г. Фламиній (223 г.), который въ качествѣ народнаго трибуна предлагалъ раздачу земли тѣмъ тоже вызвалъ войну съ кельтами, переправился черезъ По недалеко отъ впаденія въ него Адды, ополченіе инсубровъ привело его въ сильно стѣсненное положеніе. Впрочемъ, онъ избѣжалъ угрожавшаго ему пораженія ложнымъ договоромъ, на который согласились легковѣрные варвары, и теперь онъ прошелъ въ страну дружественныхъ цеиомановъ, ополченіе которыхъ соединилось съ его войскомъ. Такимъ образомъ, подкрѣпленный, онъ подвинулся впередъ до самаго Оллія (Ольо), гдѣ стояли лагеремъ всѣ силы инсу-

бровъ. Вдали отъ родины, имѣя передъ собой превосходнаго по силамъ врага, а позади себя ненадежныхъ союзниковъ, консулъ въ самомъ стѣсненномъ положеніи стоялъ у рѣки. Но въ немъ сказался упорный духъ римлянина; оставляя союзниковъ, онъ съ легіонами перешелъ рѣку и сломалъ за собой мосты, чтобы воины поняли, что обратный путь въ отчизну ведетъ только сквозь полчища враговъ и черезъ ихъ трупы. Битва была упорна, но римскій мечъ снова одержалъ побѣду.

Охотно инсубры заключили бы сносный миръ; но полное подчиненіе, котораго отъ нихъ потребовали, они отклонили. Поэтому война продолжалась, ибо Римъ не хотѣлъ долѣе оставлять прекрасную область По въ рукахъ неукрощенныхъ варваровъ: его господство должно было простираться до снѣжныхъ вершинъ Альпъ. Оба консула слѣдующаго года тотчасъ-же вступили въ свободную еще кельтійскую область. Ополченіе инсубровъ, подкрѣпленное вспомогательными войсками гезатовъ, вначалѣ старалось избѣжать битвы; оно наносило уронъ легіонамъ частыми нападеніями въ кустарникѣ и въ лѣсу; въ то время какъ римляне осаждали Ацерры, укрѣпленное мѣсто, оно перешло на правый берегъ По, чтобы пойти приступомъ на Кластидій (къ югу отъ Павіи). На консула Марцелла, послѣдовавшаго за врагомъ, они напали здѣсь съ большими силами, но онъ собственноручно убилъ галльскаго царя Виридомара. Теперь Кластидій былъ вырученъ римлянами и Ацерры завоеваны. Всякое сопротивленіе прекратилось; вся страна покорилась (222 г.).

Г. Фламиній и римская колонизація въ долинѣ По. Что первая Пуническая война имѣла не только благодатныя послѣдствія для Рима, но и сильно возбудила эгоизмъ и жадность правящей знати, побилигета, на это мы уже намекнули выше (стр. 364). Но начинавшееся ухудшеніе въ правленіи нобилитета выразилось и въ томъ, что перестали чрезъ основаніе новыхъ колоній надѣлять землей бѣднѣйшихъ крестьянъ, младшихъ крестьянскихъ сыновей и кліентовъ. Богатые сенаторы предпочитали сами арендовать, даже за безцѣнокъ, обширныя государственныя земли въ Пиценѣ и въ странѣ сеноновъ, чѣмъ давать выгоду отъ нихъ бѣднымъ людямъ. Черезъ это большая часть римскаго крестьянства такъ обѣднѣла, что не обладала даже состояніемъ, предписаннымъ для низшаго класса войска. Среди бѣднѣйшихъ крестьянъ была такая-же нужда,

какъ до Лициніева законодательства. Противъ этого поведенія нобилитета, опаснаго для будущаго римскаго народа, выступилъ благородный Гай Фламиній (стр. 367), homo novus, который

Горный проходъ Furlo, древняя Via Flaminia, около Fosso ombrone въ сѣверной Умбріи (Фотографія съ натуры).

всю свою жизнь былъ ненавидимъ за это нобилитетомъ и еще послѣ своей смерти опозоренъ историками, близко стоявшими къ знати. Тѣмъ не менѣе ему удалось въ 232 г. провести въ триб-

ныхъ комиціяхъ тотъ аграрный законъ, которымъ государственныя земли въ области пицентовъ и сеноновъ превращены были въ земельные надѣлы для бѣдныхъ гражданъ. Затѣмъ онъ былъ первымъ римскимъ преторомъ въ Сициліи (227 г.) и пріобрѣлъ себѣ хорошее имя превосходнымъ и справедливымъ управленіемъ провинціею. Въ качествѣ консула онъ побѣдилъ инсубровъ и при этомъ познакомился съ плодородіемъ страны По, которая вслѣдствіе своей наносной почвы имѣла не только превосходные поля и луга, но и исполинскіе лиственные лѣса, желудей которыхъ хватало на кормъ для величайшихъ стадъ скота. Въ этой прекрасной странѣ, почти опустѣвшей отъ войны, Фламиній желалъ поселить тысячи бѣднѣйшихъ римлянъ и союзниковъ въ качествѣ трудолюбивыхъ и счастливыхъ крестьянъ. Поэтому онъ, особенно въ качествѣ цензора, въ 220 г., всѣми средствами старался основать многочисленныя и большія колоніи во вновь завоеванной галльской землѣ и соединилъ Римъ съ новой колоніальной областью дорогой, грандіозно устроенной и по его имени названной Via Flaminia. Но недоброжелательство и близорукость большинства членовъ нобилитета мѣшали ему и здѣсь, такъ что только въ 218 г. было положено начало этому двумя колоніями Плацентіей и Кремоной, которыя должны были состоять каждая изъ 6,000 римскихъ гражданъ. Своекорыстіе и близорукость сената очень скоро были наказаны, ибо въ возгорѣвшейся въ то время исполинской борьбѣ съ Ганнибаломъ послѣднему досталась въ легкую добычу вся кельтская страна, за исключеніемъ двухъ новыхъ римскихъ колоній, и стала его операціонной базой. Но если бы во-время были осуществлены спасительныя предложенія Фламинія, то можно было бы удержать несравненно большее число крѣпостей въ тылу Ганнибала. И на другихъ поприщахъ потрудился Фламиній на благо государства: онъ перевелъ не столь цѣнную въ нравственномъ отношеніи массу вольноотпущенниковъ изъ сельскихъ трибъ, въ которыхъ по его волѣ должно было сохраниться чистымъ и безъ примѣси римское крестьянство, въ четыре городскихъ трибы. Онъ лучше обставилъ плебейскія игры и построилъ большой циркъ (Circus Flaminius); во второе свое консульство (217 г.) онъ провелъ новый монетный законъ, по которому ассъ сталъ чеканиться лишь въ $^1/_{12}$ фунта (унціальная система) мѣди, и съ этимъ связалъ облегченіе долговъ, по примѣру аѳи-

пянина Солона. Наконецъ, онъ еще прежде, для ослабленія жадности знати, закономъ запретилъ сенаторамъ и сыновьямъ сенаторовъ участіе въ заморскихъ торговыхъ дѣлахъ. Тѣмъ болѣе достойна была сожалѣнія несчастная кончина заслуженнаго мужа при Тразименскомъ озерѣ (см. ниже).

ВТОРАЯ ПУНИЧЕСКАЯ ВОЙНА
(219—201 гг. до Р. Хр.).

КАРѲАГЕНЪ послѣ 238 г. до Р. Хр. Положеніе Карѳагена послѣ первой войны съ римлянами и войны съ наемниками было, вслѣдствіе потери важнѣйшихъ иностранныхъ владѣній, плохо, однако, вовсе не безнадежно. Волей-неволей приходилось мириться съ тяжелыми обстоятельствами, и дѣятельные торговцы стали отыскивать другіе пути для возмѣщенія убытковъ. Фабрики Карѳагена все еще поставляли произведенія, всюду находившія покупателей; торговые корабли плавали вдоль береговъ Сѣверной Африки, Египта, Азіи; особенно же Испанія представляла имъ открытые рынки для торговли и наживы, и на ея отдаленныхъ берегахъ имъ нечего было опасаться соревнованія эллиновъ и римлянъ. Многочисленные переселенцы изъ метрополіи постоянно усиливали городское населеніе Карѳагена, такъ какъ Тиръ уже палъ отъ побѣдоноснаго оружія Александра. Многія колоніи тирянъ послѣ гибели своей метрополій были въсоюзѣ съ карѳагенской республикой и чрезъ это отношеніе въ военныя времена были обязаны поставлять дань и войско столицѣ союза. Сельское населеніе, состоявшее большею частью изъ такъ называемыхъ ливо-финикіянъ, помѣси ливійскихъ туземцевъ и поселившихся финикіянъ, также платило дань карѳагенянамъ. Эти туземцы приняли болѣе высокую культуру чужеземцевъ; они не только занимались скотоводствомъ и земледѣліемъ, но и говорили на языкѣ болѣе цивилизованныхъ поселенцевъ. Но когда Карѳагенъ достигъ преобладанія, они должны были платить подати, вести войны своихъ повелителей и нести, конечно, и барщину для строгихъ господъ, что́ наполняло ихъ неудовольствіемъ и часто подстрекало къ отчаянному сопротивленію. Впрочемъ,

страна въ значительной части сѣвернаго побережья Африки была чрезвычайно плодоносна. Тамъ, гдѣ теперь простираются пустыни, по свидѣтельству древнихъ писателей, цѣлыми днями можно было гулять въ тѣни оливковыхъ, гранатовыхъ и миндальныхъ деревьевъ. Виноградъ собирался будто бы два раза въ годъ, и полевые плоды доставляли доходъ болѣе чѣмъ самъ-двѣсти. Такимъ образомъ, надежда возстановить старое благосостояніе республики казалась не лишенной основаній. Эта цѣль одна носилась предъ глазами правителей Карѳагена, суффетовъ, мужей совѣта и суда. Съ тѣхъ поръ какъ они познакомились съ страшной силой Рима, они отказались отъ мысли о войнѣ для отмщенія и вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ мысли возстановить карѳагенскую имперію въ прежнемъ объемѣ. Такимъ образомъ, они бросили заботу о войнѣ и завоеваніяхъ, чтобы обратить всю свою дѣятельность на мирную наживу. Они и не видѣли висѣвшаго надъ ихъ головами римскаго меча, отбившаго у нихъ, во время войны съ наемниками, Сардинію и рано или поздно грозившаго гибелью не вооруженному государству. Большая масса городского населенія, частью безпечная, продажная, преданная праздности толпа, естественно еще менѣе думала о будущемъ отечествѣ. Всѣ ея мысли и дѣла занимала забота о насущномъ хлѣбѣ.

Конечно, были и благоразумные граждане, которые съ тревогой и печалью представляли себѣ неутѣшительное состояніе республики и грядущія судьбы. Но они не знали, какъ помочь дѣлу; они думали, что остается лишь отчаянный выходъ—покинуть городъ предковъ, алтари родныхъ боговъ, плыть съ пенатами на корабляхъ къ счастливымъ островамъ на дальнемъ океанѣ и тамъ основать себѣ новую родину.

Гамилькаръ Барка. Посреди этого вялаго, опустившагося или отчаивающагося въ своей судьбѣ населенія несогбеннымъ и безстрашнымъ оставался Гамилькаръ Барка. Онъ уповалъ на свой геній, онъ былъ полонъ вѣры въ счастливый поворотъ въ дѣлахъ. И на него уповалъ, вмѣстѣ съ нимъ вѣрилъ, надѣялся его родъ, его приверженцы, офицеры и военачальники, которые, непобѣжденные, боролись въ лагеряхъ Сициліи съ римскими легіонами и у себя подъ бокомъ усмирили шайки наемниковъ, покорили возставшую Ливію. Всѣ эти люди громко возвышали свой голосъ въ народныхъ собраніяхъ противъ вялой политики правительства. И граждане

одобряли ихъ; они, быть-можетъ, въ первый разъ составили оппозицію противъ властителей, имѣвшихъ въ рукахъ кормило государства. Послѣдствіемъ этого былъ государственный переворотъ, о теченіи котораго, однако, до насъ не сохранилось никакихъ извѣстій. Мы знаемъ только результаты. Граждане получили рѣшающее вліяніе; голосъ ихъ при всѣхъ мѣропріятіяхъ государственнаго управленія приходилось выслушивать и принимать въ расчетъ. Въ то же время Гамилькаръ былъ облеченъ неограниченной диктаторской властью надъ военнымъ дѣломъ и всѣми военными силами республики. Онъ могъ по собственному полномочію вести войну, заключать миръ, избрать себѣ преемника, и если для контроля надъ нимъ и содѣйствія при договорахъ въ его лагерѣ находилось нѣсколько карѳагенскихъ сенаторовъ, то это было немногимъ больше пустой формальности.

Такимъ образомъ, великодушный мужъ освободился отъ узъ вялаго, близорукаго правительства и могъ безпрепятственно проявлять свою дѣятельность. Онъ снова взялся за прежніе планы противоставить воинственное государство наемниковъ воинственному союзу въ Италіи. Задача его была велика, выполненіе ея было въ высшей степени трудно: онъ не только долженъ былъ создать войско, но такъ-же, какъ прежде въ Сициліи, собрать денежныя средства, на которыя скупилось правительство, и въ тоже время скрывать свои обширные планы отъ подозрительныхъ римлянъ и отъ властителей своего родного города.

Прежде всего онъ повелъ свои воинственныя дружины противъ дѣтей пустыни, горныхъ шейковъ. На равнинѣ онъ гналъ ихъ предъ собой съ помощью слоновъ и тяжеловооруженныхъ воиновъ; въ горныхъ убѣжищахъ онъ преслѣдовалъ ихъ своими легковооруженными войсками. Много племенъ покорилъ онъ силой оружія, другія же—посредствомъ подкупающей мягкости и ловкихъ переговоровъ. Многочисленныя конныя шайки, прельщенныя жалованьемъ и надеждой на добычу, поступили въ его войско. Чрезъ это онъ пріобрѣлъ землю, деньги и увеличилъ свои боевыя силы. Противъ этого власти естественно ничего не имѣли возразить; имъ не было непріятно, что карѳагенская область въ самой Африкѣ обезопашивалась и расширялась. Да и римскій сенатъ, Аргусовымъ окомъ наблюдавшій за всѣми движеніями въ противномъ лагерѣ, не видѣлъ ничего дурного въ незначительныхъ пріі-

обрѣтеніяхъ на краю пустыни. Дальнѣйшія мѣропріятія Гамилькара тоже не возбуждали никакого безпокойства. Онъ оставилъ нѣсколько отрядовъ на границѣ, чтобы обезпечить новыя пріобрѣтенія, и съ главными силами обратился къ берегу, гдѣ расположился лагеремъ.

Гасдрубалъ. Ганнибалъ. Какія мысли волновали тутъ его душу, этого все еще не угадывали ни купцы Карѳагена, ни римскіе послы; знали о томъ только его довѣренные военачальники, особенно его любимецъ, отличавшійся благоразуміемъ и тѣлесной красотой, Гасдрубалъ, котораго онъ впослѣдствіи привязалъ къ себѣ рукою своей дочери. Съ ними онъ обсуждалъ свои планы, для выполненія которыхъ теперь настало время. Но онъ не скрывалъ отъ себя, что цѣль еще далеко впереди, что онъ, смертный человѣкъ, могъ погибнуть отъ опасностей, прежде чѣмъ все созрѣетъ. Тогда взоры его останавливались на малолѣтнемъ его сынѣ Ганнибалѣ (въ переводѣ—Милость Божія), который, будучи похожъ на него тѣломъ и духомъ, напоминалъ ему собственное дѣтство, и въ его душѣ пробуждалась надежда, что въ лицѣ мальчика подрастетъ исполнитель его дѣла, если его самого раньше скоситъ судьба. Поэтому онъ однажды взялъ его съ собой къ жертвеннику верховнаго бога. Тамъ онъ развернулъ передъ нимъ, насколько это могъ понять мальчикъ, картину послѣдствій войны, несчастія отечества, надменности римлянъ, ихъ ненасытной страсти къ грабежу, которая посреди мира похитила у отечества богатыя области. Когда онъ по пламеннымъ взорамъ рано созрѣвшаго отрока узналъ, что тотъ его понялъ, онъ заставилъ его торжественно поклясться именемъ бога предковъ, что онъ всю жизнь свою будетъ ненавидѣть римлянъ и бороться съ ними, пока они не будутъ повергнуты наземь, или самъ онъ не найдетъ гибели. Эта сцена, клятва, данная отцу, не исчезла, подобно другимъ впечатлѣніямъ юности, изъ памяти девятилѣтняго отрока: она носилась предъ его очами среди сраженій, побѣдъ и пораженій его зрѣлаго возраста, на войнѣ и въ мирѣ, и онъ еще въ глубокой старости разсказывалъ о нихъ царственному другу, оказавшему ему защиту и поддержку.

Гамилькаръ въ Испаніи. Какъ только войско отдохнуло и приготовилось къ дальнему походу, Гамилькаръ тронулся вдоль берега, въ то время какъ флотъ, подъ начальствомъ Гасдрубала,

плылъ, не отставая, съ нимъ рядомъ. Походъ направился на западъ; казалось, онъ угрожалъ только свободной еще Ливіи, расположенной къ западу. Поэтому правительство Карѳагена не мало удивилось, услышавъ вдругъ, что всѣ силы перешли у Геркулесовыхъ столбовъ черезъ проливъ и вступили въ Испаніи въ ожесточенную борьбу съ туземными племенами. Охотно отозвали бы обратно отважнаго полководца; но не было средствъ принудить его къ этому, а добровольно—это знали—нельзя было побудить къ возвращенію самовольнаго, облеченнаго неограниченнымъ начальствомъ надъ войскомъ, гражданина. Пришлось дать ему волю и радоваться, что Римъ не заявлялъ протеста или не издавалъ угрожающихъ приказовъ.

Но существуетъ еще и другой, быть-можетъ, болѣе вѣрный взглядъ на предпріятіе Гамилькара, именно, что онъ отправился въ Испанію въ согласіи съ своимъ правительствомъ и не сухимъ путемъ вдоль африканскаго побережья—что́ было бы предпріятіемъ весьма затруднительнымъ — а моремъ. Во всякомъ случаѣ Гамилькаръ высадился въ Гадесѣ и сдѣлалъ его опорнымъ пунктомъ своихъ предпріятій. Отсюда онъ предпринималъ свои походы противъ храбрыхъ, но разъединенныхъ между собой иберійскихъ племенъ. По пышнымъ полямъ нынѣшней Андалузіи и Гренады, въ долинахъ и ущельяхъ Сьерры-Морены и до восточныхъ береговъ страны разъѣзжали его нумидійскіе всадники впереди тяжеловооруженной пѣхоты и страшныхъ слоновъ.

Онъ одержалъ побѣду въ нѣсколькихъ битвахъ, оцѣпилъ ловкими передвиженіями общее ополченіе южныхъ народностей и захватилъ въ плѣнъ большую часть его вмѣстѣ съ вождемъ. Вождь долженъ былъ умереть; войско Гамилькаръ оставилъ невредимымъ. Этимъ онъ склонилъ къ себѣ много племенъ, такъ что они добровольно подчинились его мягкому владычеству. Такъ онъ основалъ обширное царство, которымъ правилъ съ мудростью; оно обнимало приблизительно Андалузію съ Гренадой, Мурсіей и самой южной частью Валенсіи. На восточномъ побережьи лежалъ основанный имъ городъ Луцептъ (теперь Аликанте). Доходовъ было достаточно для того, чтобы платить жалованье войску и отправлять крупныя суммы въ Карѳагенъ, для поддержки партіи Баркидовъ. Его казна обогащалась не только военной добычей, но и подати покоренныхъ областей, которыя

подъ справедливымъ и упорядоченнымъ управленіемъ были въ цвѣтущемъ состояніи, приносили значительный доходъ. Сюда присоединялся еще доходъ съ богатыхъ серебряныхъ рудниковъ, эксплуатація которыхъ начата была съ незапамятныхъ временъ финикіянами и усердно продолжалась ихъ наслѣдниками, карѳагенянами. Такіе доходы доставляли полководцу возможность отправить даже въ Африку отрядъ войска подъ начальствомъ Гасдрубала, когда тамъ нумидійскія племена снова попытались сбросить карѳагенское иго. Отъ римлянъ не остались скрытыми успѣхи карѳагенянъ въ Испаніи. Они получили тревожныя о томъ извѣстія отъ дружественныхъ съ ними массилійцевъ, и въ 231 г. отправили посольство къ Гамилькару за разъясненіями относительно его плановъ. Гамилькаръ предупредительно принялъ ихъ и объяснилъ имъ, что только по необходимости ведетъ войну съ иберами, чтобы добыть золото, которое его родному городу все еще приходится платить римлянамъ въ видѣ военной контрибуціи. Послѣ такого разъясненія римляне, какъ передаютъ, успокоились. Но ихъ вѣроятно еще болѣе принуждали къ уступчивости по отношенію къ Гамилькару опасности, грозившія имъ въ это время со стороны галловъ (стр. 367).

Въ военномъ лагерѣ могучій карѳагенянинъ воспитывалъ своихъ трехъ сыновей: Ганнибала, Гасдрубала и Магона, львиную породу, какъ онъ называлъ ихъ. Имъ онъ желалъ оставить въ наслѣдство свое мужество, свои военные таланты и свою ненависть къ Риму, и его старанія не были тщетными: отроки внимали наставленіямъ уважаемаго отца; они видѣли его дѣла, и души ихъ горѣли страстнымъ желаніемъ сдѣлаться похожими на него.

Протекло девять лѣтъ; столькими же походами Гамилькаръ прочно утвердилъ карѳагенское господство въ Испаніи, накопилъ богатства, создалъ закаленное, могучее войско. Тутъ судьба положила предѣлъ его неутомимымъ стремленіямъ. При наступленіи зимы 229 г. до Р. Хр. онъ отправилъ уже на квартиры въ Луцентъ большую часть своихъ войскъ и только съ небольшимъ корпусомъ осаждалъ городъ Геликонъ (позднѣе называвшійся Илици, нынѣ Эльхе), расположенный въ нѣсколькихъ часахъ пути къ югозападу отъ Аликанте. Тогда на него, съ превосходными силами, напалъ царь ориссовъ (оретановъ?). Чтобы прикрыть от-

ступленіе сыновей въ Луцентъ, онъ лично со всею силою набросился на врага, но погибъ при этомъ геройской смертью. Даже противники не могли уклониться отъ впечатлѣнія его великой личности. М. Порцій Катонъ ставилъ Гамилькара непосредственно рядомъ съ Эпаминондомъ, Перикломъ, Ѳемистокломъ и Маніемъ Куріемъ Дентатомъ.

Гасдрубалъ (229—221 гг. до Р. Хр.). По смерти Гамилькара, состоявшій изъ пуническихъ военачальниковъ военный совѣтъ войска и присоединенные къ нему карѳагенскіе сенаторы выбрали полководцемъ зятя покойнаго, Гасдрубала, бывшаго въ то время начальникомъ флота въ Испаніи, и власти Карѳагена утвердили это избраніе: доказательство, что на родинѣ все еще правила партія Баркидовъ. Гасдрубалъ прежде всего во главѣ 50,000 человѣкъ пѣхоты и 6000 всадниковъ съ 200 слоновъ наказалъ оретановъ и проникъ до средняго теченія Эбро. Свойственнымъ ему даромъ рѣчи онъ побудилъ многихъ вождей вступить съ нимъ въ союзъ. Онъ не пренебрегалъ и брачными союзами, чтобы женскою рукою еще крѣпче сомкнуть узы дружбы. Далѣе, онъ основалъ себѣ въ городѣ Новомъ-Карѳагенѣ (Картагена) резиденцію, достойную повелителя столь большого государства. Онъ воздвигъ этотъ городъ на мѣстѣ болѣе древней финикійской колоніи Мастіи у мыса de la Nao. Мѣсто это было выбрано съ большой проницательностью: оно представляло болѣе короткое и легкое морское сообщеніе съ Карѳагеномъ, нежели Гадесъ, древнѣйшая столица карѳагенской Испаніи, и обладало лучшей гаванью между Гибралтарскимъ проливомъ и Пиринеями. Кромѣ того акрополь Картагены (нынѣ Кастильо де Галерасъ) такъ омывается моремъ, что едва доступенъ нападенію съ суши. Но и со стороны моря нападеніе на Картагену затруднительно, потому что не слишкомъ широкій входъ въ гавань съ обѣихъ сторонъ прикрытъ скалистыми высотами. А ровныя окрестности военной гавани и примыкавшая къ нимъ съ запада плоскость, которая окружала торговую гавань, тѣмъ болѣе были пригодны къ устройству верфей, арсеналовъ, казармъ, товарныхъ складовъ и ровныхъ дорогъ.

Наконецъ, вблизи города Гасдрубалъ нашелъ и обильнѣйшіе серебряные рудники, которые и позднѣе еще доставляли годовой доходъ въ $3^1/_2$ милліона рублей. Черезъ все это положеніе Гасдрубала въ Испаніи стало такимъ блестящимъ и опаснымъ для ри-

мянъ, что въ годы, когда имъ угрожало нашествіе галловъ (стр. 367), они мучились заботой, какъ бы Гасдрубалъ не воспользовался осложненіями въ Италіи для нападенія на Сицилію и Сардинію. Поэтому они, чтобы предохранить себя отъ такового, въ 226 г. отправили къ Гасдрубалу посольство, которое сдѣлало ему большую, если не по формѣ, то по существу, уступку. Дѣло въ томъ, что въ это время между нимъ и римлянами былъ заключенъ договоръ, по которому онъ не долженъ былъ переходить для завоеваній за Эбро. Но разъ Эбро сталъ границей сферъ интересовъ той и другой стороны, римляне тѣмъ самымъ предоставили карѳагенянамъ семь восьмыхъ Иберійскаго полуострова и въ числѣ ихъ не тронутую еще Гасдрубаломъ полосу побережья между Мастіей—Новымъ-Карѳагеномъ (мысъ de la Nao) и устьемъ Эбро. Этимъ отмѣнялось прежнее соглашеніе (стр. 213), которое разрѣшало римлянамъ такъ-же, какъ и массилійцамъ, судоходство до Мастіи. Но когда галлы затѣмъ, сверхъ ожиданія, быстро были побѣждены при Теламонѣ, на Ольо и при Кластидіѣ, сенатъ римскій раскаялся въ своей уступчивости и старался отмѣнить уступки, сдѣланныя по договору 226 года. Изъ этого стремленія Рима произошла мало-по-малу вторая Пуническая война. Но, прежде чѣмъ дѣло дошло до разрыва между обѣими великими державами, Гасдрубалъ въ 221 г. палъ отъ руки убійцы-кельта, напавшаго не него ночью въ его квартирѣ, чтобы отомстить за понесенную обиду.

Ганнибалъ. Теперь вся надежда испанскаго войска покоилась на Ганнибалѣ, 28-лѣтнемъ сынѣ Гамилькара Барки. Вокругъ него тотчасъ-же собрались воинственныя дружины, когда стала извѣстна смерть Гасдрубала; они подняли его на свои щиты и ликуя понесли въ палатку полководца, чтобы онъ, подобіе своего отца, былъ ихъ предводителемъ и правителемъ царства.

Выросшій въ лагерѣ среди опасностей войны, молодой, отважный, полный довѣрія къ себѣ, въ то же время свѣдущій въ искусствахъ войны и мира, даже въ греческомъ языкѣ, и, благодаря сношеніямъ съ образованными греками, посвященный въ науки—съ такими качествами новый полководецъ вступилъ въ должность, на которую призвали его любовь и поклоненіе войска. Эту привязанность солдатъ онъ умѣлъ разжечь до такого одушевленія, которое дѣлало ихъ способными къ величайшимъ напряженіямъ, къ перенесенію всѣхъ трудностей и лишеній, къ храбрѣй-

шимъ подвигамъ. Шествуя по лагерю въ простомъ плащѣ всадника, онъ ободрялъ словомъ каждаго дѣльнаго воина, а лѣнивыхъ наказывалъ взглядомъ. За это и было ему слѣпо предано все его пестро составленное войско, такъ что ни во дни счастья, ни во дни несчастья никогда не подымалось противъ него ропота

ГАННИБАЛЪ.
Античное изваяніе, хранящееся въ Неаполѣ, въ Національномъ музеѣ.

и тѣмъ болѣе мятежа. Какъ всѣ геніальные люди, онъ обладалъ непреодолимой притягательной силой по отношенію къ окружающимъ. Точно такъ-же онъ насквозь видѣлъ своихъ противниковъ; онъ понималъ ихъ свойства, ихъ слабости, предугадывалъ часто ихъ стратегическія мѣропріятія и ошибался рѣдко. Имѣй онъ другое отечество, онъ, быть-можетъ, достигъ бы своей цѣли; но

узкая торгашеская политика Карѳагена оставляла единственный оплотъ падающаго государства безъ необходимой поддержки. Въ данный моментъ, когда солдаты избрали его главою, для формы потребовали утвержденія со стороны Карѳагена, котораго не долго пришлось ждать, такъ какъ, несмотря на протесты, поднятые опять таки Ганноном и его партіей, сенатъ и народъ одобрили выборъ войска.

Но прежде чѣмъ молодой герой приступилъ къ выполненію отцовскаго порученія, какъ обѣщался онъ мальчикомъ, надо было еще прочнѣе утвердить пуническое господство въ Испаніи. Поэтому онъ въ открытомъ бою покорилъ свободныхъ олькадовъ къ сѣверу отъ Новаго-Карѳагена и завоевалъ ихъ главный городъ. Въ слѣдующемъ году онъ перешелъ рѣку Тагъ (Тахо), чтобы подчинить ваккеевъ. Онъ взялъ приступомъ ихъ города Элмантику (Саламанку) и Арбокалу; но, когда онъ съ богатой добычей отправился въ обратный путь, на него съ превосходными силами напали могущественные карпетаны. Вначалѣ Ганнибалъ задерживалъ ихъ ловкими передвиженіями; затѣмъ онъ отступилъ за Тагъ и, когда они послѣдовали за нимъ черезъ мелкій бродъ, онъ такъ энергично атаковалъ ихъ конницей и слонами, что они понесли полное пораженіе. Теперь подчинились всѣ племена до области нынѣшняго Леона. Такъ какъ сѣверныя и западныя земли лежали внѣ сферы его соображеній, то Ганнибалъ теперь обратился на востокъ, къ берегу. Тутъ ему была уже покорна вся страна къ югу отъ устья Эбро за исключеніемъ города Сагунта. Но именно его-то выбрали римляне точкой сопротивленія Карѳагену, чтобы вогнать мѣшающій клинъ въ середину все болѣе укрѣплявшейся пуническо-иберійской имперіи. Поэтому они пустили въ ходъ сказку, будто Сагунтъ—греческая колонія закинѳянъ или колонія латинской Арден, тогда какъ онъ имѣлъ иберійское населеніе, и поэтому, нарушая договоръ 226 г., еще при жизни Гасдрубала они заключили оборонительный и наступательный союзъ съ Сагунтомъ. Въ надеждѣ на него сагунтяне, съ своей стороны, отклонили всѣ приглашенія Гасдрубала и впослѣдствіи Ганнибала подчиниться, но отправили въ Римъ пословъ съ настоятельной просьбой о помощи. Послы римскаго сената явились въ зиму 220—219 гг. въ квартиры Ганнибала въ Картагенѣ и потребовали между прочимъ, чтобъ онъ не нападалъ на Сагунтъ, какъ на

союзный съ Римомъ городъ. Ганнибалъ отвѣтилъ уклончиво, но 150,000 воиновъ, которыхъ римскіе послы видѣли собранными въ Картагенѣ и вокругъ нея, не оставляли никакихъ сомнѣній относительно его намѣреній. Послѣ того какъ послы молча приняли отвѣтъ, они снова сѣли на свой государственный корабль и поплыли въ Карѳагенъ, гдѣ нашли хотя и лучшій пріемъ, но остались все-таки въ неувѣренности относительно того, будетъ ли выражено неодобреніе дѣйствіямъ рѣшительнаго полководца, и остановятъ ли его.

Поэтому сенатъ въ Римѣ, по возвращеніи своихъ пословъ, понялъ, что дѣло дойдетъ до второго могучаго единоборства съ Карѳагеномъ, и даже было желаніе открыть эту войну въ Испаніи и притомъ изъ Сагунта. Но для того именно, чтобы быть въ состояніи обратить всю силу на это предпріятіе, напередъ желали привести въ порядокъ всѣ другіе нерѣшенные еще вопросы, въ особенности наказать Деметрія Фаросскаго (стр. 366), перешедшаго на сторону македонянъ. Поэтому желали отложить начало борьбы съ Ганнибаломъ и надѣялись, что и Ганнибалъ не поторопится дѣйствительно поссориться съ Сагунтомъ и чрезъ это съ Римомъ. Но они вполнѣ ошиблись въ Ганнибалѣ, который соединялъ финикійскую лисью хитрость съ отвагой нумидійскаго льва. Съ наступленіемъ весны 219 г., въ то время какъ противъ Деметрія ушло въ море римское консульское войско, онъ бросилъ всѣ свои боевыя силы на упрямый Сагунтъ.

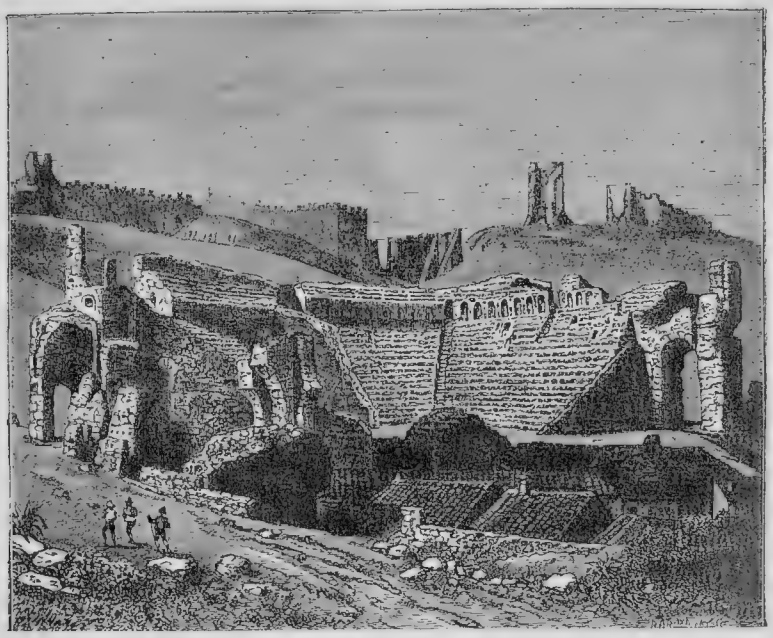
Осада и паденіе Сагунта. Сагунтъ лежалъ приблизительно по срединѣ между мысомъ de la Nao и устьемъ Эбро, на расположенной съ запада на востокъ возвышенности, выдающейся надъ уровнемъ рѣки Палансіи приблизительно на 120 m. (394 фут.) и довольно круто ниспадающей къ названной рѣкѣ. Сагунтъ не былъ особенно большимъ городомъ—пространство между сохранившимися еще стѣнами имѣетъ около 1000 m. (466 саж.) въ длину и въ среднемъ 160 m. (74 саж.) въ ширину,—но, благодаря своему положенію и своимъ стѣнамъ, городъ былъ очень укрѣпленъ, а благодаря торговлѣ — въ древности онъ лежалъ только въ 7 стадіяхъ = 1350 m. (630 саж.), теперь правда въ 6 km. (5,6 верст.) разстоянія отъ моря—онъ былъ очень богатъ. Часть Сагунта, пожалуй, простиралась подъ угломъ отъ возвышенности къ рѣкѣ, до того мѣста, гдѣ позднѣе лежалъ римскій городъ

Сагунтъ. Эта часть имѣла вѣроятно свои особыя укрѣпленія, отъ которыхъ до насъ не сохранилось остатковъ. Къ этому-то городу приближался врагъ, который съ огромнымъ превосходствомъ военныхъ силъ соединялъ всѣ вспомогательныя средства искусства и генія. Поэтому граждане Сагунта еще разъ призвали на защиту италійскихъ союзниковъ и затѣмъ, надѣясь на скорую помощь, поспѣшили на свои стѣны и башни, чтобы храбро защищать себя самихъ, своихъ женъ и дѣтей и своихъ пенатовъ. Прежде всего непріятель обратился наугольъ на равнинѣ, гдѣ городъ охранялся высокой башней и гдѣ была выставлена для защиты отборная часть гражданъ. Навѣсы пододвинуты были къ самой стѣнѣ, тараны начали подъ ихъ прикрытіемъ свою разрушительную работу. Защитники пускали свои снаряды подобно граду, затѣмъ они сдѣлали вылазку и въ кровопролитномъ бою сразились съ подавляющимъ силами непріятелемъ. Самъ Ганнибалъ бросился въ толпу бойцовъ, ободряя своихъ пламенной рѣчью и выдающимися подвигами; но копье поразило его въ бокъ; онъ палъ и съ нимъ пало мужество осаждающихъ. Они въ смущеніи отступили, и едва можно было спасти раненаго вождя и съ трудомъ построенныя сооруженія.

Сагунтская монета.

Въ то время какъ полководецъ лежалъ больной, духъ его не дремалъ. Приказы его летали по войску, расположившемуся вокругъ города. Сооружались навѣсы, стѣнобитники, баллисты, катапульты и другія метательныя машины, выравнивалась, гдѣ только было возможно, почва, чтобы открыть натискъ сразу во многихъ мѣстахъ. Какъ только Ганнибалъ выздоровѣлъ, день за днемъ пошла кровавая работа. Всюду среди криковъ бойцовъ, звона оружія, свиста снарядовъ слышенъ былъ глухой трескъ штурмовыхъ таранов, удары которыхъ раздробляли камни, пока тамъ и сямъ не обрушивались стѣны. Быстро одна за другой обрушились, наконецъ, три башни съ находившейся между ними частью стѣны; открылась широкая брешь. Карѳагеняне ликуя вор-

вались въ него большими толпами; но позади развалинъ, впереди и внутри смежныхъ съ ними домовъ сомкнутыми рядами стоятъ граждане. Они сражаются съ мужествомъ отчаянія; они мечутъ фаларику, копье съ желѣзнымъ наконечникомъ длиной въ три фута, окруженнымъ зажженной матеріей. Шипя, пылая летятъ эти снаряды по воздуху, распространяя смерть и ужасъ. Геройское мужество защитниковъ одерживаетъ побѣду надъ яростью



РАЗВАЛИНЫ ТЕАТРА ВЪ САГУНТѢ.
Рисунокъ по фотографіи.

враговъ, которые, побитые, отогнанные черезъ развалины, бѣгутъ въ лагерь.

Во время убійственной схватки полководцу доложили о новомъ посольствѣ изъ Рима. Онъ безъ церемоній отклонилъ его, велѣвъ сказать, что теперь подъ шумъ оружія не время для переговоровъ. Съ этимъ отвѣтомъ посламъ пришлось удалиться. Когда они затѣмъ, по обыкновенію, предъявили свою жалобу въ Карѳагенѣ, имъ тамъ тоже не вняли, и они вернулись въ Римъ

съ дурнымъ извѣстіемъ о стѣсненномъ положеніи союзниковъ. Ганнибалъ, напротивъ, съумѣлъ лучше воспользоваться своимъ временемъ; онъ пополнилъ убыль войска, приказалъ работать днемъ и ночью и, въ особенности, соорудилъ огромную деревянную башню съ колесами. Послѣдняя съ несказаннымъ трудомъ была пододвинута къ новой стѣнѣ, которая была возведена не менѣе его дѣятельными гражданами на мѣстѣ обрушившейся. Такъ какъ башня была выше крѣпостныхъ сооруженій, то защитники не могли устоять передъ тучей снарядовъ, посыпавшихся изъ всѣхъ этажей ея, новая стѣна рухнула подъ ударами штурмовыхъ таранов; и вотъ самъ полководецъ во главѣ храбрѣйшихъ дружинъ съ непреодолимой силой сталъ наступать къ холму, гдѣ продолжался бой противъ отчаянно сражавшихся жителей, пока темнота не заставила остановиться. Подъ личнымъ руководствомъ Ганнибала здѣсь были сооружены укрѣпленія, тогда какъ защитники съ своей стороны провели насыпи и рвы. Сраженія и шанцекопныя работы продолжались съ обѣихъ сторонъ. Возстаніе карѳагеновъ сулило осажденнымъ нѣкоторый отдыхъ; однако пуническій полководецъ, съ быстротой молніи появляясь то тутъ, то тамъ, ослилъ возмущеніе и вернулся подъ Сагунтъ, прежде чѣмъ тамъ узнали объ его отлучкѣ. Онъ нашелъ, отъ продолжавшейся работы стѣнобитниковъ, большую часть стѣнъ въ развалинахъ. Черезъ открывшіяся бреши онъ тотчасъ же повелъ на приступъ многочисленное войско, и снова закипѣлъ бой вокругъ стѣсненнаго города, такъ что граждане не знали, съ какой стороны грозитъ наибольшая опасность. Посреди всеобщаго замѣшательства самъ Ганнибалъ чрезъ сломленныя укрѣпленія проникъ къ акрополю, откуда его уже нельзя было прогнать.

До этого времени жители съ высоты акрополя нетерпѣливо высматривали на морѣ римскій флотъ, который, какъ они надѣялись, привезетъ храбрые легіоны для ихъ освобожденія. Дни, недѣли и мѣсяцы проходили, а на дальнемъ горизонтѣ не появлялись пентеры. Теперь несчастные граждане поняли, что ихъ надежда на римскую помощь тщетна, и двое изъ нихъ взялись ночью сходить въ пуническій лагерь просить пощады. Но Ганнибалъ требовалъ безусловной покорности. Когда этотъ отвѣтъ сталъ извѣстенъ въ Сагунтѣ, многіе изъ знатнѣйшихъ гражданъ снесли все свое имущество въ одну кучу, подожгли его и сами бросились въ запы-

лавшій огонь; громкіе вопли и крики страха наполнили весь городъ. Вотъ рухнула огромная, долго уже потрясавшаяся, башня и открыла передъ штурмующими новую широкую брешь. Такимъ образомъ, Сагунтъ былъ взятъ и совершенно разрушенъ. Такъ приблизительно повѣствуетъ объ этомъ событіи Ливій. Но сообщеніе его полно фантастическихъ прикрасъ. Дѣло въ томъ, что такъ какъ онъ во взятіи Сагунта видѣлъ дѣяніе карѳагенянъ, которое впослѣдствіи вполнѣ было отомщено лишь разрушеніемъ Карѳагена, то онъ много чертъ осады и штурма Карѳагена (147—146 г.) перенесъ на Сагунтъ. Болѣе надежный Полибій не зналъ подробностей паденія Сагунта; поэтому онъ говоритъ съ лаконической краткостью: „Ганнибалъ усердно занимался осадой, то самъ давая примѣръ солдатамъ и самъ участвуя въ трудностяхъ осадныхъ работъ, то въ свою очередь подбадривая войска къ бою и съ безразсудной смѣлостью подвергаясь самъ опасности. Самъ принявъ, такимъ образомъ, на себя всѣ бѣды и заботы, онъ спустя 8 мѣсяцевъ, наконецъ, взялъ городъ приступомъ и завладѣлъ множествомъ сокровищъ, людей и утвари“. У склона Сагунтскаго акрополя, по направленію къ рѣкѣ, впослѣдствіи устроился римскій городъ того же названія, тамъ, гдѣ нынѣ лежитъ испанскій городъ Мурвіедро, который своимъ названіемъ напоминаетъ гибель древняго иберскаго города: Мурвіедро—это muri veteres „старыя стѣны“, именно Сагунтскія. Впрочемъ Мурвіедро въ послѣднее время официально носитъ также снова почтенное имя Сагунтъ. Акрополь всегда оставался укрѣпленнымъ: онъ въ послѣдній разъ игралъ роль въ 1811 г., когда французы подъ начальствомъ Сюше съ большимъ уронomъ брали приступомъ древнія укрѣпленія.

Велика была добыча, найденная въ завоеванномъ городѣ. Многое расхищено было воинами; однако въ распоряженіи полководца остались еще значительныя богатства. Онъ покрылъ ими расходы по уплатѣ жалованья войску и по обширнымъ вооруженіямъ для слѣдующаго похода. Большія суммы денегъ, драгоцѣнности и дорогую утварь онъ отправилъ и въ Карѳагенъ, чтобы тамъ склонить къ своимъ планамъ гражданъ и правительство. И цѣпочки, кольца и золотыя короны не даромъ сверкали передъ глазами и въ рукахъ жаднаго торговаго народа. Ганнибалъ былъ героемъ дня, героемъ толпы; онъ не требовалъ денегъ для своихъ похо-

довъ, но щедро платилъ исключительно за то, чтобъ ему давали свободу дѣйствій.

Объявленіе войны римлянами. Когда поэтому, по взятіи Сагунта, въ Карѳагенъ прибыли римскіе послы, потребовавшіе выдачи Ганнибала, рѣчь ихъ мало нашла сочувствія. Долго обсуждали дѣло; тогда римлянинъ собралъ свою тогу, сказавъ, что въ складкахъ содержится война или миръ: пусть выбираютъ. На дерзкій отвѣтъ суффета, чтобы онъ далъ то, что̀ ему нравится, онъ воскликнулъ, распуская одежду: „Такъ берите войну!“ Но если онъ, можетъ быть, думалъ запугать этимъ собраніе совѣта, то онъ обманулся. Со всѣхъ сторонъ раздался кликъ: „Мы принимаемъ войну!“ Общій подъемъ, воинственный духъ, повидимому, овладѣлъ купцами, обыкновенно столь уступчивыми. Еслибъ только это одушевленіе было прочно и готово къ жертвамъ!

Военный планъ римлянъ и ихъ вооруженія. Римляне врядъ ли были поражены этимъ исходомъ переговоровъ; вѣдь уже нѣсколько лѣтъ война съ Карѳагеномъ была у нихъ рѣшена. Они все еще считали себя хозяевами положенія и думали, что они въ состояніи открыть войну, когда захотятъ и въ удобный для нихъ моментъ времени. Поэтому не слишкомъ спѣшили вооруженіями и не производили ихъ въ особенно грандіозномъ масштабѣ. Съ двумя легіонами и принадлежащими къ нимъ союзниками консулъ Тиберій Семпроній Лонгъ на 160 пентерахъ долженъ былъ отправиться въ Сицилію, чтобы перенести войну въ Африку. Такія же силы и 60 военныхъ кораблей другой консулъ П. Корнелій Сципіонъ долженъ былъ повести въ Испанію. Легіонъ съ многочисленными союзниками стоялъ подъ начальствомъ претора Л. Манлія у береговъ Пада, гдѣ бои, ожесточенные устройствомъ крѣпостей Плаценціи и Кремоны, возстали массами. Такимъ образомъ на римской сторонѣ было готово къ войнѣ лишь войско приблизительно въ 70,000 бойцовъ и 220 галеръ, къ войнѣ, которая требовала всѣхъ силъ государства. Громадныхъ размѣровъ предстоящей борьбы сенатъ не могъ предвидѣть, такъ какъ онъ слишкомъ низко цѣнилъ непріятельскія войска и особенно человѣка, стоявшаго во главѣ ихъ. Онъ не подозрѣвалъ, что Ганнибалъ носился съ твердымъ планомъ напасть на римлянъ сухимъ путемъ въ Италіи, ибо такой планъ, по тогдашнему характеру веденія войны, казался лежащимъ совершенно внѣ круга расчетовъ.

Военный планъ и вооруженія Ганнибала. Когда Ганнибалъ рѣшился перенести войну сухимъ путемъ въ Италію, онъ надѣялся на поддержку только-что покоренныхъ Римомъ кельтовъ Верхней Италіи; уже продолжительное время онъ имѣлъ тамъ лазутчиковъ, и въ возстаніи боевъ и инсубровъ онъ уже принималъ участіе. Но отчаянное сопротивленіе храбрыхъ сагунтянъ стоило ему цѣлаго лѣта 219 г. Въ теченіе зимы онъ отдыхалъ и вооружался въ Новомъ Карѳагенѣ. Всѣ его силы составляли 140,000 бойцовъ всѣхъ родовъ оружія. Тутъ были тяжеловооруженные ливійскіе и испанскіе всадники; легковооруженные нумидійцы, привыкшіе, подобно соколамъ, на лету, по мановенію господина, налетать на добычу; опытная въ военномъ дѣлѣ пѣхота, среди нея вооруженные африканцы, пберы съ обоюдоострыми клинками и кельты со своими длинными мечами, всѣ обученные сомкнутой фалангой смотрѣть въ лицо непріятелю; далѣе, легковооруженныя дружины, частью копьеносцы, частью балеарскіе пращники, дальнобойные свинцовыя пули которыхъ пробивали шлемъ и латы. Всѣ эти народности, различныя по языку, нравамъ и оружію, Ганнибалъ слилъ въ одинъ корпусъ и крѣпко связалъ другъ съ другомъ чувствомъ воинской чести и вѣрности знамени. Сюда присоединялись еще 58 слоновъ и 50 пентеръ. Но и при наступленіи весны 218 г. Ганнибалъ не кончилъ еще всѣхъ приготовленій. Надо было защитить Африку и Испанію отъ римскихъ вторженій и ловкимъ подборомъ гарнизоновъ предотвратить также мятежи въ войскѣ во время его отсутствія. О всѣхъ этихъ приготовленіяхъ Ганнибала мы подробнѣйшимъ образомъ освѣдомлены великимъ историкомъ Полибіемъ, который пользовался помѣщенной впослѣдствіи самимъ Ганнибаломъ во храмѣ Юноны Лацинія у Лацинскаго мыса (близъ Тарента) бронзовой таблицей, на которой Ганнибалъ точно отмѣтилъ число отведенныхъ имъ въ Италію боевыхъ силъ и силу оставленныхъ въ Африкѣ и Испаніи контингентовъ. Согласно съ этой таблицей, онъ для охраны Африки предназначилъ 13,850 человѣкъ пѣхоты, извѣстное число балеарскихъ пращниковъ и 1,200 всадниковъ. Въ Испаніи долженъ былъ оставаться его братъ Гасдрубалъ съ 11,850 человѣкъ ливійской пѣхоты, 1,550 африканскихъ всадниковъ, 500 балеарцевъ, 300 лигуровъ, 21 боевымъ слономъ и крупнымъ флотомъ. Самъ же Ганнибалъ около средины мая

съ 90,000 человѣкъ пѣхоты, 12,000 всадниковъ и 60 слонами отправился изъ Картагены на сѣверъ. Онъ перешелъ черезъ Эбро. Вѣсть о томъ къ концу іюня прибыла въ Римъ, но все еще не угадывали намѣреній Ганнибала. Думали, что онъ хочетъ покорить народности между Эбро и Пиринеями. Въ самомъ дѣлѣ, Ганнибалъ велъ тамъ кровавую войну съ илургетами, баргузами, эренозами и другими племенами и оставилъ въ этой области своего подполководца Ганнона съ 10,000 пѣхотинцевъ и 1,000 всадниковъ, а затѣмъ съ 50,000 человѣкъ пѣхоты и 9,000 всадниковъ онъ перешелъ Пиринеи черезъ Col de Panissas или Col de Carbassière и около середины августа прибылъ въ южную Галлію.

Ганнибалъ и Сципіонъ на Ронѣ. Здѣсь однако грозила задержка, ибо главари всей области собрались у Рушино (Руссильонъ) и своими воинственными дружинами заградили путь чужестранцамъ. Ганнибалъ, старавшійся избѣжать всякаго замедленія, всякаго урона, завязалъ переговоры, надавалъ жаднымъ до денегъ князькамъ богатыхъ подарковъ и пріобрѣлъ ихъ дружбу, такъ что они довѣрчиво пришли къ нему въ лагерь и открыли ему дорогу до Родана (Роны). Вѣроятно онъ завязалъ съ ними сношенія еще черезъ карѳагенскихъ торговцевъ и собралъ у нихъ свѣдѣнія объ удобопроходимыхъ дорогахъ. Не медля онъ сначала двинулся по берегу, чѣмъ избѣжалъ негостепріимныхъ горъ Lozère и Севенскихъ. Затѣмъ онъ обратился внутрь страны около la Ramière насупротивъ Аравзіона (Orange) и вскорѣ послѣ половины августа достигъ Родана. Здѣсь по обѣимъ сторонамъ жило многочисленное племя вольковъ. Послѣднее вооружилось на большомъ протяженіи для отраженія непріятельскихъ военныхъ силъ. Способные носить оружіе мужчины удалились на лѣвый берегъ рѣки, чтобы воспрепятствовать переходу врага. Но карѳагенянамъ приходилось еще опасаться другого противника, именно римскаго консула Сципіона. Послѣдній былъ задержанъ весной въ Верхней Италіи вышеупомянутымъ возстаніемъ боевъ и инсубровъ, такъ какъ предводимое преторомъ Манліемъ войско было заперто кельтами. Лишь по освобожденіи послѣдняго, и когда отъ союзниковъ прибыли подкрѣпленія на галльскій театръ войны, онъ около средины августа снялся въ Пизахъ съ якоря и послѣ пятидневнаго плаванія прибылъ къ устью восточнаго рукава Роны въ области

Массиліи. Отъ дружественныхъ жителей этого города онъ узналъ о предшествующихъ событіяхъ и о близости противника, котораго онъ хотѣлъ отыскивать на Иберѣ. Если-бы Сципіонъ при этомъ извѣстіи (около 20 августа) отправился на сѣверъ, онъ быть можетъ еще смогъ бы помѣшать переходу Ганнибала черезъ могучую рѣку. Но онъ далъ сначала нѣкоторый отдыхъ своимъ солдатамъ, всего 24,000 человѣкъ, чтобы они оправились отъ морской болѣзни, и отправилъ только отрядъ въ 300 всадниковъ на лѣвый берегъ Роны на сѣверъ, для развѣдокъ.

Переходъ Ганнибала черезъ Рону. Тѣмъ временемъ Ганнибалъ безпрестанно трудился надъ переправой своего войска черезъ рѣку. Для этого онъ выбралъ мѣсто къ сѣверу отъ впаденія Durance, такъ что, слѣдовательно, эта многоводная Альпійская рѣка доставляла прикрытіе противъ врага, который наступалъ бы съ юга. Затѣмъ онъ велѣлъ собрать большое число судовъ жившимъ по сю сторону галламъ, платя за это деньги полными руками или употребляя силу. Такъ какъ этихъ лодокъ еще не хватило, то были весьма поспѣшно построены другія, частью только въ видѣ выдолбленныхъ бревенъ. Рабочихъ было изобиліе; поэтому сейчасъ же можно было приготовить крѣпкіе плоты для переправы лошадей и слоновъ. Кельты съ другой стороны хорошо видѣли приготовленія; но они надѣялись легко отразить нападеніе съ высокаго берега. Впрочемъ они не знали, что Ганнонъ, сынъ Бомилькара, въ двухъ дняхъ пути выше, во главѣ испанскаго отряда, на мѣхахъ и плотахъ переправился въ удобныхъ мѣстахъ и возвѣстилъ полководцу о своемъ прибытіи поднявшимися столбами дыма. Съ большимъ мужествомъ и съ рѣшительнымъ успѣхомъ сражались они противъ тѣхъ, кто старался устроить высадку. Съ обѣихъ сторонъ раздавались военные клики, звучало оружіе, шумѣли стрѣлы и дротики; но вотъ позади кельтовъ поднялись смущающіе крики и шумъ, запылалъ ихъ лагерь, побѣдоносные испанцы устремились на оспаривавшееся поле брани. Схваченные съ тыла, варвары были побѣждены; кто не палъ отъ оружія враговъ, старался спастись поспѣшнымъ бѣгствомъ. Побѣда была полная, и теперь все войско безъ потери времени переправилось черезъ рѣку. Лишь 37 слоновъ, счастливо доведенныхъ до этого мѣста, стояли еще на правомъ берегу. На слѣдующій день Ганнибалъ узналъ о прибытіи римлянъ въ область Массиліи и тотчасъ же отправилъ

500 нумидійскихъ всадниковъ для рекогносцировки на лѣвомъ берегу къ югу. Затѣмъ были переправлены и слоны на крѣпкихъ, покрытыхъ дерномъ плотахъ. Нѣсколько изъ исполинскихъ животныхъ въ испугѣ прыгнули въ воду; но быстрая рѣка не могла одолѣть большихъ тѣлъ и они благополучно выбрались на берегъ. Между тѣмъ Ганнибалъ созвалъ войско на собраніе, на которомъ онъ представилъ Магила и другихъ кельтскихъ вождей, прибывшихъ къ нему изъ области По, и далъ имъ чрезъ переводчика обратиться съ рѣчью къ его солдатамъ. Они обѣщались вести войско по мѣстностямъ, гдѣ оно не будетъ терпѣть недостатка въ съѣстныхъ припасахъ, и восхваляли плодородіе Италіи и воинственность кельтовъ, которые только ждали наступленія войска, чтобы всѣмъ возстать за карѳагенянъ противъ Рима. Самъ Ганнибалъ прибавилъ нѣсколько словъ одобренія, и такъ какъ солдаты привѣтствовали его восторженнымъ ликованіемъ, то выступленіе было назначено на слѣдующій день. Но вотъ въ лагерь примчались обратно нумидійскіе всадники, сильно пострадавшіе отъ ожесточеннаго боя, который имѣли они съ римской конницей. Ганнибалу нужно было быть готовымъ къ нападенію Сципіона: поэтому онъ прикрылъ выступленіе свое всею конницей, выдвинувъ ее на югъ, но скоро стянулъ ее опять къ себѣ, когда не послѣдовало нападенія. И когда затѣмъ Сципіонъ дѣйствительно появился въ области Аравзіона, онъ узналъ, что послѣднія войска Ганнибала ушли на сѣверо-востокъ уже тремя днями ранѣе. Теперь только для римлянъ стало яснымъ, что Ганнибалъ взялъ на себя рискъ перехода черезъ Альпы, чтобы безъ препятствія со стороны римлянъ достигнуть области кельтовъ въ Верхней Италіи. Сципіонъ, слѣдовательно, прибылъ слишкомъ поздно. Поэтому онъ вернулся къ морю, снова посадилъ войска свои на корабли и съ большей частью ихъ отправилъ брата своего Гнея Сципіона въ Испанію, чтобы онъ тамъ одолѣлъ Гасдрубала; самъ же Публій Сципіонъ съ немногими кораблями вернулся въ Пизы, чтобы стянуть къ себѣ подкрѣпленія и какъ слѣдуетъ встрѣтить Ганнибала при спускѣ съ Альпъ, если его безразсудно смѣлое предпріятіе все-таки удастся ему до извѣстной степени.

Переходъ черезъ Альпы. Походъ Ганнибала шелъ все вверхъ по рѣкѣ черезъ мѣстности, представлявшія обильную пищу для людей и пастбища для лошадей и слоновъ. Перешли чрезъ Изару (Isère)

приблизительно около Chateauneuf. Здѣсь вступили въ область аллоброговъ, съ сѣвера и запада ограниченную Роданомъ, съ юга Изарой, съ востока Альпами и поэтому называвшуюся тогда островомъ аллоброговъ. Тамъ одинъ младшій братъ лишилъ старшаго престола и, вопреки праву и обычаю, сталъ главою племени. Ганнибалъ вмѣшался въ споръ и возстановилъ законнаго наслѣдника на престолѣ, чѣмъ обязалъ его къ благодарности. Вождь не только поставлялъ войску въ изобиліи съѣстные припасы, но также, что́ казалось особенно необходимымъ, обувь и теплую одежду. Далѣе онъ съ вооруженнымъ войскомъ проводилъ карѳагенскія силы до равнины Grand-Lemps, гдѣ прекращалась его область. Теперь войско Ганнибала вступило въ Передне-Альпійскія горы и должно было съ трудомъ подниматься по узкимъ и крутымъ проходамъ. Но къ этимъ затрудненіямъ присоединились еще другія. Часто самые удобные проходы заранѣе были заняты враждебными горцами. Ганнибалъ разбилъ лагерь у входа въ проходы: чрезъ кельтскихъ лазутчиковъ онъ зналъ, что горцы стерегли проходъ только днемъ, а ночью возвращались въ свои хижины и деревни, считая невозможнымъ ночной походъ по затруднительной дорогѣ. Ведомый знающими дорогу людьми, онъ самъ, съ наступленіемъ темноты, съ небольшимъ отрядомъ взобрался на высоты возлѣ дороги; главное же войско начало походъ на разсвѣтѣ.

Когда солнце взошло надъ горами, поднялись и враги, чтобы уничтожить войско чужеземцевъ на затруднительной дорогѣ, граничившей съ крутыми обрывами. Не страшась расположившихся сбоку отрядовъ, они нападали то тутъ, то тамъ, то по-одиночкѣ, то кучами, метали снаряды, скатывали камни въ проходившую толпу, такъ что люди и вьючныя животныя падали въ пропасть. Дикіе боевые крики варваровъ отражались въ горахъ и увеличивали ужасы, которые грозили одолѣть карѳагенское войско. Тогда двинулся на нихъ Ганнибалъ и, благодаря лучшему порядку и болѣе совершенному оружію своихъ воиновъ, скоро обратилъ въ бѣгство галловъ, которые теперь уже не рѣшались болѣе массами сопротивляться походу. Такимъ образомъ благополучно перейдены были горные кряжи у озера Aiguebelette и у Montmélian.

Съ высоты можно было взглянуть на широкую долину верхней Изары, гдѣ на зеленыхъ поляхъ расположены были отдѣльные

дворы и горный городокъ. Но по ту сторону рѣки тянулась необъятная цѣпь Грайскихъ Альпъ. Тамъ до самыхъ облаковъ торчатъ голыя скалы подобно рогамъ и острымъ иглам. Пирамиды, снѣгомъ вѣнчанные конусы, обвалившіеся зубцы, растянувшіеся горные хребты, въ одиночку и группами, скалы всѣхъ формъ высятся къ небу подобно исполинскому городу, и все это обложено снѣгомъ, прорѣзано ледниками, тянется вокругъ царственнаго Монблана съ короной и снѣжной мантіей. Величественъ и возвышенъ видъ этого исполинскаго города, выстроеннаго титанами первобытнаго міра. Воинственные странники взирали, правда, лишь съ ужасомъ на громадный горный валъ, отдѣлявшій ихъ отъ цѣли ихъ похода. отъ страны славы. Но предъ взорами всѣхъ былъ мужъ, который до сихъ поръ счастливо проводилъ ихъ сквозь всякую опасность; и онъ, какъ всегда, казался веселымъ и полнымъ упованій. Его довѣрчивость возвышала ихъ мужество; подъ его руководствомъ они надѣялись пробить себѣ путь сквозь всѣ ужасы Альпійскаго міра.

У Montmélian Ганнибалъ перешелъ долину рѣки Isère и пошелъ теперь вверхъ по Arc, лѣвому притоку Isère. При этомъ ему безпрестанно приходилось бороться съ аллоброгами, при Montaudry онъ долженъ былъ дать имъ формальное сраженіе. Но затѣмъ ему удалось взять слабо занятый горный городъ (Hauteville) и захватить въ добычу значительное количество убойнаго скота и вьючныхъ животныхъ. Тамъ онъ могъ дать своимъ истощеннымъ войскамъ день отдыха. Затѣмъ, безъ болѣе сильнаго препятствія опять сдѣлали четыре дневныхъ перехода далѣе вдоль Арка черезъ St. Michel. Но на верхнемъ Аркѣ грозили новыя опасности. Правда, центроны, пасшіе свои стада отсюда и до Грайскихъ Альпъ, казались мирными людьми. На своей границѣ они встрѣтили карѳагенянъ съ зелеными вѣтками мира, просили пощады, поставили убойный скотъ и другіе припасы и доставили проводниковъ черезъ запутанныя горныя дебри. Ганнибалъ однако не довѣрялъ увѣреніямъ варваровъ. Онъ съ большой осторожностью построилъ войско. Впереди шли страшные слоны, затѣмъ прочія вьючныя животныя съ багажемъ, далѣе конница и пѣхота. Самъ онъ съ отборнымъ войскомъ прикрывалъ тылъ. Два дня спустя, войско проходило по дикому ущелью, когда вдругъ со всѣхъ сторонъ на нависшихъ высотахъ появи-

лось ополченіе центроновъ; по горамъ раздавались ихъ боевые крики, сыпались ихъ стрѣлы и копья, скатывались камни, утесы, бревна. Спереди они не пробовали нападать, тамъ пугали ихъ исполинскія животныя, къ которымъ варвары не смѣли приблизиться; но съ обоихъ боковъ они устремлялись внизъ и, наконецъ, прорвали линію войска, нападая въ то же время на полководца съ тылу. Послѣдній непоколебимо стоялъ со своими приближенными въ дикой схваткѣ. Нависшій утесъ прикрывалъ

ВИДЪ АЛЬПЪ. MONT CENIS.

храбрую дружину отъ метавшихся сверху снарядовъ; впереди пробивали себѣ путь тяжеловооруженные, а наступавшимъ сзади врагамъ сопротивлялись легковооруженные. Однако въ этотъ день нельзя было уже соединиться съ главнымъ войскомъ. Но и горцы испугались понесенныхъ потерь; на слѣдующій день они отваживались только на единичныя нападенія, которыя легко были отбиты; поэтому Ганнибалъ достигъ ушедшаго впередъ войска, которое, правда, очень пострадало, и на девятый день послѣ привала въ долинѣ Арка онъ достигъ гребня горъ. Здѣсь былъ разбитъ лагерь и истощеннымъ воинамъ данъ двухдневный отдыхъ.

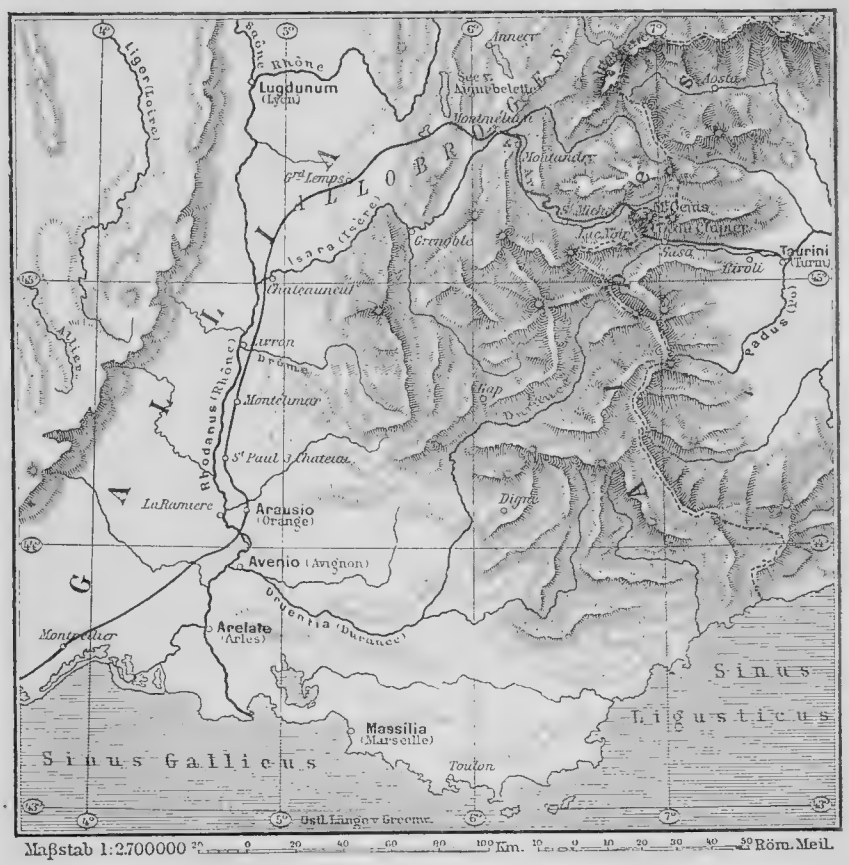
По изслѣдованіямъ французскаго піонернаго полковника Перрена, который, съ Полибіемъ въ рукахъ, лично обошелъ всѣ Альпійскіе переходы между долинами Роны и По, Ганнибалъ находился на перевалѣ Col du Clapier, на 2,500 m. (8,200 фут.) высоты, къ западу отъ Mont Cenis, между Модане и Сузой. По астрономическому календарю это было приблизительно 20 октября; высоты были покрыты уже снѣгомъ: „ибо близился заходъ плеядъ“, говоритъ Полибій; а послѣдній, по вычисленіямъ, падалъ на 26 октября.

Войско расположилось на пустынной высотѣ, гдѣ подымались еще выше негостепріимные зубчатые утесы. Нигдѣ не было слѣда человѣческихъ жилищъ, нигдѣ и слѣда жизни; развѣ что тамъ и сямъ быстро пробѣжитъ робкая серна, испугавшаяся непривычнаго шума отъ войска, или нѣсколько орловъ въ поднебесьи опишутъ свои круги, какъ бы высматривая себѣ въ добычу обреченныхъ на погибель странниковъ. Однако природа и въ этой пустынной мѣстности на высокихъ склонахъ, гдѣ еще лежалъ слой зимняго снѣга, заложила гряды Альпійскихъ розъ, украшавшія бѣдную землю своими, цвѣта ржавчины, листьями и красными цвѣтами; а вечеромъ или утромъ, когда на долинахъ лежали сумерки, вершины и ледники горѣли дивнымъ огнемъ, точно на исполинскихъ алтаряхъ, въ неосквернennомъ, святомъ уединеніи, горный духъ приноситъ Подателю всѣхъ благъ жертвы благодарности и радости.

Конечно, воины съ удивленіемъ взирали на величественное зрѣлище; но оно не возвышало, не утѣшало ихъ, ибо ряды ихъ сильно порѣдѣли. Тысячи были скошены непріятельскимъ оружіемъ, тысячи разбились въ пропастяхъ, а все еще не видно было конца трудному пути. Тѣмъ временемъ мало-по-малу стекалось много разсѣявшихся воиновъ; прибывали и сбившіеся съ пути вьючныя животныя. Затѣмъ кельтскіе посланцы заявили, что отсюда дорога идетъ внизъ и непосредственно въ область салассовъ, зависѣвшихъ отъ дружественныхъ инсубровъ. Это ободрило воиновъ, такъ что на третій день они охотно послѣдовали за вождемъ.

Дорога была узка, съ правой стороны въ пропасти шумѣли горные потоки, слѣва высились безформенныя каменныя массы. Круто вела она по снѣгу, оставшемуся отъ лавинъ, и теперь раз-

сыпавшемуся подъ ногами столькихъ людей и животныхъ, такъ что нигдѣ нельзя было стать твердой ногой. Свѣже-выпавшій снѣгъ уже началъ заваливать и дорогу въ долину, что́ часто вводило въ заблужденіе даже проводниковъ, знавшихъ мѣстность.



КАРТА ПЕРЕХОДА ГАННИБАЛА ЧЕРЕЗЪ АЛЬПЫ.

Воины и вьючныя животныя, оттѣснявшіеся массою къ краю дороги, часто, поскользнувшись на леденѣлой тропѣ, безъ всякой надежды на спасеніе, падали въ пропасть. Несмотря на трудности и потери, войско медленно, но безпрерывно подвигалось дальше, пока не пришло къ громадному обрыву, который, быть

можетъ, незадолго до этого образовался отъ горнаго обвала. Пришлось остановиться для совѣщанія, какъ преодолѣть неожиданное препятствіе. Ганнибалъ думалъ объ обходѣ. Но свѣжій снѣгъ дѣлалъ этотъ планъ невозможнымъ; ибо онъ легко притоптывался и затѣмъ люди поскользались на лежащей подъ нимъ ледяной корѣ стараго ледника, а вьючныя животныя вязли даже въ старомъ снѣгу и тогда останавливались со своей поклажей какъ вкопанныя. Поэтому Ганнибалъ съ несказанными трудностями руками своихъ солдатъ очистилъ отъ снѣгу часть горной вершины, на которой онъ находился, чтобъ приготовить ее подъ лагерь. Потомъ всѣ должны были помогать разрыть сбоку обрывъ настолько, чтобы получилась сносная дорога для коней и вьючныхъ животныхъ. На слѣдующій день эти животныя прошли опасное мѣсто и послѣ долгой голодовки по ту сторону нашли и свободное отъ снѣга пастбище, а на третій день удалось переправить и еще оставшихся въ живыхъ, весьма обезсилѣвшихъ слоновъ. Въ три дальнѣйшихъ перехода Ганнибалъ достигъ равнины По у Риволи въ долинѣ Dora Ripariа, послѣ того какъ онъ, выступивъ изъ Картагены, находился въ пути 5 мѣсяцевъ и на переходъ главнаго гребня Альпъ, считая отъ Montandry, употребилъ 15 дней. Послѣ переправы черезъ Рону онъ имѣлъ еще 38,000 человѣкъ пѣхоты и 8,000 всадниковъ, теперь онъ собралъ вокругъ себя лишь 12,000 человѣкъ отборныхъ ливійскихъ войскъ, 3,000 иберовъ и 6,000 всадниковъ: значитъ, болѣе половины его храбрецовъ погибли на пути изъ Южной Испаніи до Верхней Италіи отъ тягостей или отъ меча враговъ.

При такихъ обстоятельствахъ Ганнибалъ прибылъ въ Верхнюю Италію, правда ослабленный, почти какъ человѣкъ, потерпѣвшій кораблекрушеніе, лишившійся большей части экипажа и груза, на которомъ онъ строилъ все гордое зданіе своего счастья, но полный упованій на свой геній, господствовавшій надъ обстоятельствами. Какъ его отецъ и шуринъ, какъ самъ онъ въ Испаніи изъ небольшихъ начатковъ создалъ могучую военную силу и поддерживалъ ее, такъ надѣялся онъ выполнить подобное же и въ Италіи. Кельтскія племена были къ этому готовы и пригодны; другихъ союзниковъ Рима Ганнибалъ расчитывалъ привлечь для этой же цѣли своими побѣдами и искуснымъ обращеніемъ съ ними и соединить подъ своими славными знаменами. Что римскій

союзъ былъ уже крѣпко спаянъ, что порабощенные народы большей частью уже сдѣлались римлянами и въ побѣдѣ или пораженіи столицы видѣли свою собственную судьбу, этого онъ еще не подозрѣвалъ. Поэтому онъ, послѣ того какъ заморенные голодомъ солдаты и отощавшіе дорогіе берберскіе кони его нумидійцевъ нѣсколькими днями отдыха приведены были снова въ боеспособное состояніе, съ большими надеждами началъ наступленіе на области, на которыя римляне заявляли притязанія какъ на свою

ВИДЪ АЛЬПЪ; ГОРА VISO.

собственность. Первый ударъ его поразилъ Турипъ, главный городъ тавриновъ; въ началѣ ноября онъ былъ завоеванъ и разграбленъ, и при этомъ извѣстіи на его сторону перешли и тѣ вожди кельтовъ, которые до этого еще колебались.

Битва при Тицинѣ. Первая вѣсть о томъ, что смѣлый сынъ Гамилькара съ войскомъ спускается съ гребня Альпъ въ Верхнюю Италію, вѣроятно, вызвала въ Римѣ большой ужасъ. Но когда чрезъ лазутчиковъ узнали подробности о численности воиновъ Ганнибала и о состояніи его войска, смущеніе уступило мѣсто болѣе спокойному взгляду на положеніе вещей. Да что же могъ

сдѣлать этотъ авантюристъ со своей кучкой противъ крѣпко сплоченнаго римскаго союза, располагавшаго сотнями тысячъ воиновъ? Все-таки изъ Сициліи былъ отозванъ консулъ Тиберій Семпроній; но прежде чѣмъ послѣдній могъ прибыть на театръ войны, оборона Италіи лежала въ рукахъ консула Публія Сципіона. Выше мы сказали, что онъ появился на Ронѣ слишкомъ поздно для того, чтобы воспрепятствовать переправѣ Ганнибала, и что онъ затѣмъ съ небольшими боевыми силами отплылъ обратно въ Пизы. Отъ Пизъ онъ пошелъ внутрь Этруріи и соединился съ преторскими войсками, которыя въ то время стерегли противъ кельтовъ Апеннинскіе проходы. Затѣмъ онъ перешелъ черезъ Апеннины—въ октябрѣ 218 г.—и соединился съ римскими отрядами, воевавшими въ странѣ По съ кельтскими народностями. Такъ какъ къ нему пристали цеоманы и другіе галлы, оставшіеся вѣрными, то подъ своей командой онъ имѣлъ довольно значительныя силы. Съ ними онъ могъ бы устроить горячій пріемъ ослабленному и разстроенному врагу, если бы онъ встрѣтилъ его съ обнаженнымъ мечемъ у выхода изъ Альпъ; но онъ далъ ему время отдохнуть, подготовиться и набрать союзниковъ. Онъ двинулся только тогда, когда услышалъ о пораженіи тавриновъ.

При Плаценціи римское войско перешло черезъ Падъ и вверхъ по рѣкѣ подвинулось до Тицина (нынѣ Тичино, Тессинъ). Послѣ того какъ былъ построенъ и укрѣпленъ окопами мостъ, перешли и черезъ эту рѣку. Походъ направился по равнинѣ, прорѣзанной небольшими холмами; вскорѣ узнали, что непріятель находится въ полномъ наступленіи. Поэтому остановились и разбили лагерь. Консулъ ободрялъ воиновъ, указывая имъ на прежнія побѣды, на славу Рима и ослабленное состояніе карѳагенянъ.

И Ганнибалъ, теперь, наконецъ, стоявшій лицомъ къ лицу со страшными и ненавистными римлянами, ободрялъ свои войска, столь различныя по происхожденію, обычаямъ и языку. Онъ призвалъ обратно въ лагерь своего начальника конницы Магарбала, опустошавшаго съ 500 нумидійцевъ враждебныя области, и на слѣдующій день приказалъ своимъ дружинамъ стать подъ оружіе. Онѣ снова вернули себѣ воинскую осанку и старые, покрытые рубцами солдаты, сражавшіеся частью уже подъ командой Га-

милькара, съ довѣріемъ ждали предстоящей борьбы. Прежде всего полководецъ сталъ самъ во главѣ конницы, чтобы тщательно высмотрѣть непріятельскій лагерь. Но разъѣзжая со своими эскадронами по открытому полю, онъ встрѣтился съ самимъ консуломъ, который съ тѣмъ же намѣреніемъ выступилъ съ конницей и легко вооруженными войсками. Изъ этой встрѣчи мало-по-малу развилось сраженіе, которое впослѣдствіи было названо именемъ Тицина, протекавшаго вблизи мѣста битвы.

Римляне, болѣе слабые по числу всадниковъ, но превосходившіе массой стрѣлковъ, образовали тѣсный, глубокій строй; впереди пѣхота, смѣшанная съ кельтскими отрядами, затѣмъ въ арьергардѣ тяжелая конница. Такою же широкой линіей выстроились хорошо вооруженные ливійскіе и испанскіе эскадроны; крылья, выдававшіяся за непріятеля, составляли нумидійцы, привыкшіе безъ сѣдла и стремянъ мчаться по полю на своихъ горячихъ коняхъ. Самъ Ганнибалъ руководилъ боемъ въ центрѣ. Онъ медленно тронулся въ атаку; но приблизившись на полетъ стрѣлы, онъ во весь опоръ помчался на стрѣлковъ, такъ что тѣ почти не могли воспользоваться своимъ оружіемъ, а въ поспѣшномъ бѣгствѣ прорвались между отрядами пѣхоты и едва остановились позади нея. И кельтскіе эскадроны отступили передъ неожиданнымъ натискомъ; но римляне и союзники, помня о старой своей славѣ, устояли. Началась убійственная рѣзня. Многіе римляне, лошади которыхъ были ранены, сражались пѣшіе; другіе также соскакивали съ нихъ, видя своихъ въ опасности. Вотъ и самаго консула поразило метательное копье. Онъ палъ; его приближенные защитили его щитами и мечами, но подъ оружіемъ оцѣплявшихъ ихъ враговъ они пали одинъ за другимъ, и уже раздался дикій, смущающій бранный кликъ нумидійцевъ, ворвавшихся съ фланга и съ тыла и сбивавшихъ съ ногъ или разсѣивавшихъ пѣхоту. Въ этой опасности юный сынъ консула собралъ ядро конницы вокругъ раненаго отца, защитилъ его съ опасностью для своей жизни и тѣсно сомкнутымъ строемъ прорвалъ непріятельскія полчища. При большомъ кровопролитіи и безпрестанномъ преслѣдованіи со стороны побѣдоносныхъ карѳагенянъ былъ достигнутъ лагерь.

Здѣсь громко восхвалялась храбрость семнадцатилѣтняго юноши, спасшаго консула. Это былъ, столь знаменитый впослѣдствіи, П. Корнелій Сципіонъ.

Изнуренные битвой и ранами, римляне не надолго нашли покой. Консулъ понялъ, что на равнинѣ на лѣвомъ берегу Пада онъ не можетъ оставаться. Тамъ былъ полный просторъ для непріятельской конницы, да и окрестные галлы возстали послѣ несчастнаго сраженія, чтобы сообща со смѣлыми карѳагенянами итти противъ Рима. Поэтому онъ, не обращая вниманія на боль отъ раны, еще ночью велѣлъ сняться съ лагеря и начать отступленіе черезъ Тицинъ. По ту сторону также не данъ былъ отдыхъ, но, при помощи еще стоявшаго моста, перешли и черезъ широкій Падъ. Да и была пора: уже появилась пуническая конница, перебившая около 600 человѣкъ воиновъ, поставленныхъ для прикрытія переправы. Лишь въ укрѣпленной Плацеціи римляне нашли достаточную защиту.

Карѳагенскій полководецъ ежечасно получалъ отъ кельтскихъ племенъ увѣренія въ преданности и помощь людьми и запасами всякаго рода. Но отъ достигнутыхъ успѣховъ онъ не сталъ болѣе вялымъ. Далѣе, вверхъ по теченію, онъ перешелъ черезъ Падъ и немного дней спустя снова стоялъ въ виду римскихъ легіоновъ. Когда они не приняли предложеннаго имъ боя, онъ разбилъ лагерь и въ то же время постарался точно высмотрѣть непріятельскую позицію. Насколько уже прославилось его имя, это онъ вскорѣ узналъ; ибо въ первую же ночь, какъ занялъ онъ свою позицію, передъ воротами лагеря явилось 2,000 пѣшихъ и 200 конныхъ галловъ, потребовавшихъ впуска. То были римскіе союзники, которые перешли къ нему съ головами убитыхъ караульныхъ. Полководецъ дружески ихъ принялъ и отпустилъ съ богатыми почетными дарами, чтобы они склонили къ нему свои родныя племена.

Новая потеря и опасеніе дальнѣйшихъ отпаденій безпокоили консула. Въ слѣдующую ночь онъ выступилъ и перешелъ черезъ рѣчку Требію, которая, ниспадая съ Апеннинъ, устремляется къ Паду. На правомъ берегу ея онъ занялъ сильно укрѣпленную позиціи, гдѣ онъ холмами и кустарникомъ былъ обезопасенъ противъ страшной непріятельской конницы. Рыскавшіе нумидійцы замѣтили выступленіе; но они задержались осмотромъ римскаго лагеря и могли еще настигнуть лишь отсталыхъ. Самъ Ганнибалъ съ главнымъ войскомъ не долго заставлялъ себя ждать. Онъ держался, правда, по сю сторону Требіи, но своими

всадниками господствовалъ въ открытомъ полѣ на обоихъ берегахъ.

На лѣвомъ берегу лежала крѣпость Кластидій, гдѣ былъ складъ римскихъ запасовъ плодовъ и муки. Гарнизономъ и валами она казалась обезпеченной отъ всякихъ покушеній; но пунический полководецъ открылъ себѣ входъ въ нее посредствомъ мѣшка съ золотыми монетами, которыми онъ наполнилъ жадныя руки военачальника, брундизійца. Значительныхъ складовъ хватило для того, чтобы, не утруждая галльскихъ друзей, прокормить пуническое войско.

Зато тщетны были всѣ попытки увлечь осторожнаго консула на рискованный шагъ; мало того, онъ поднялся еще далѣе на передовыя высоты Апеннинъ, перешелъ черезъ Требію, окопался на ея лѣвомъ берегу и въ неприступной позиціи препятствовалъ дальнѣйшимъ успѣхамъ врага.

Битва при Требіи. Во время этихъ событій армія другого консула, Тиберія Семпронія, маленькими отрядами и различными дорогами прошла черезъ Италію и снова собралась въ Аримінѣ. Около половины декабря Семпроній изъ Аримина пошелъ на сѣверо-востокъ черезъ мятежныя области кельтовъ и приблизительно 23 декабря соединился съ Сципіономъ на Требіи. Послѣдній все еще болѣлъ отъ полученныхъ при Тицинѣ ранъ и совѣтовалъ своему товарищу по должности соблюдать ту же осторожность при вызовахъ со стороны Ганнибала, которую онъ съ успѣхомъ соблюдалъ въ теченіе послѣднихъ недѣль. Но Семпроній желалъ какъ можно скорѣе загладить пораженіе при Тицинѣ и думалъ при этомъ сдѣлать себѣ крупное имя. Поэтому онъ хотѣлъ дать сраженіе, какъ только войско немного оправится послѣ похода. Ганнибалъ замѣтилъ это намѣреніе и, исполненный добрыхъ надеждъ, сдѣлалъ свои приготовленія. Въ туманный вечеръ—то было 25 или 26 декабря 218 г.—онъ спряталъ 1,000 отборныхъ всадниковъ и 1,000 пѣхотинцевъ въ высохшемъ, глубокомъ руслѣ ручья, берега котораго поросли терновникомъ, подъ командой своего младшаго брата Магона. Но это русло ручья находилось на лѣвомъ берегу Требіи и шло поперекъ, лишенной лѣсной растительности, равнины, которая простиралась между римскимъ и карѳагенскимъ лагеремъ и была избрана хитрымъ пунійцемъ полемъ брани. Раннимъ утромъ слѣдующаго дня Ганнибалъ далъ своимъ воинамъ сытно позавтракать, погрѣться у огня и всячески под-

готовиться къ сраженію. Было время зимняго солнцеворота; небо покрыто было облаками, такъ что не видно было зари, предвѣстницы наступающаго утра. Медленно сѣрыя сумерки уступали мѣсто свѣту. Вотъ черезъ Требію къ римскому лагерю рысью понеслись нумидійскіе эскадроны. Смѣло показывали они свое верховое искусство и метали копья въ сторожевые посты, которые съ удивленіемъ и негодованіемъ глядѣли на эти вызовы. Увѣдомленный объ этихъ досадныхъ дѣйствіяхъ и гордый по поводу небольшого успѣха, одержаннаго наканунѣ надъ прославленной непріятельской конницей, консулъ тотчасъ же велѣлъ выступить своей конницѣ, затѣмъ 6,000 пѣхотинцевъ, стоявшихъ уже подъ оружіемъ, и затѣмъ остальнымъ легіонамъ, всего свыше 40,000 человѣкъ. Онъ думалъ, что Ганнибалъ, какъ наканунѣ, подошлетъ помощь стѣсненнымъ нумидійцамъ; онъ хотѣлъ сдѣлать то же самое, ожидая, что битва такимъ образомъ станетъ общей и непреодолимый мечъ легіоновъ рѣшитъ побѣду. Итакъ онъ не далъ своимъ воинамъ даже времени отварить свой завтракъ. Голодные пошли они на врага, который подкрѣпился обильной ѣдой, который численностью пѣхоты не многимъ былъ слабѣе его, а своими 10,000 всадниковъ, равно какъ и своими боевыми слонами, былъ вдвойнѣ страшенъ.

Передъ ударомъ римскихъ массъ вначалѣ разсыпались сыны пустыни; но они вернулись, перестрѣливаясь съ врагомъ, чтобы снова, недоступно мечу, удалиться. Дикое бѣгство ихъ направилось черезъ надувшіяся воды Требіи; легіоны немедля послѣдовали за ними въ рѣку, гдѣ ледяная вода доходила имъ до самой груди, и съ почти окоченѣлыми членами направились далѣе къ непріятельскому лагерю. Здѣсь они увидѣли построенными въ боевой порядокъ почти всѣ карѳагенскія силы. Тогда Семпроній тоже построилъ свое войско. Впереди шли легковооруженные; за ними слѣдовали легіоны римлянъ и союзниковъ, на обоихъ крыльяхъ ценоманы и другіе галлы, которые въ свою очередь прикрывались конницей. Подобнымъ же образомъ выстроилъ свои дружины Ганнибалъ. Балеарскіе пращники составляли авангардъ, за ними стояли ливійцы, испанцы и кельты, на обоихъ крыльяхъ многочисленные эскадроны конницы и слоны. Сраженіе началось; отъ метательныхъ камней и свинцовыхъ пуль балеарцевъ такъ пострадали римскіе стрѣлки, что они поспѣшно отступили за

линіи тяжеловооруженныхъ. Шлемы и щиты латниковъ оказывали лучшее сопротивленіе сыпавшимся на нихъ снарядамъ. Поэтому карѳагенскій полководецъ, всюду и словомъ и дѣломъ руководившій боемъ, двинулъ свои легковооруженныя войска сбоку на непріятельскую конницу, до тѣхъ поръ съ трудомъ удерживавшую свою позицію. Дѣйствіе было мгновенное и разрушительное. Кони и воины падали подъ градомъ снарядовъ; эскадроны разсыпались и искали спасенія въ бѣгствѣ. Тѣмъ временемъ римская пѣхота въ убійственной рукопашной схваткѣ боролась съ карѳагенской фалангой и, несмотря на усталость отъ голода и холода, оправдала свою старинную славу. Слоны ворвались въ нее съ неприкрытыхъ фланговъ; но неустрашимые воины открыли имъ путь между манипулами, а стрѣлки бросились имъ навстрѣчу съ громкимъ крикомъ и съ градомъ копій. Перепуганныя и раненыя, исполинскія животныя обратились противъ собственныхъ рядовъ; но мавры, управлявшіе ими, погнали ихъ на союзныхъ съ римлянами галловъ.

Этого ужаса не могли выдержать варвары; они тотчасъ обратились въ бѣгство, чтобы спастись отъ чудовищъ.

Легіоны все еще съ сверхчеловѣческимъ мужествомъ оказывали несокрушимое сопротивленіе. Но когда теперь балеарцы и копейщики сдѣлали поворотъ и стали пускать свои снаряды сбоку, когда конница ворвалась съ обоихъ фланговъ и, наконецъ, Магонъ, ринувшись изъ засады, насѣлъ на ихъ тылъ, то ряды ихъ разстроились, и всякій порядокъ прекратился. Однако 10,000 старыхъ, сѣдыхъ воиновъ, бившихся до этого въ авангардѣ, держались тѣсно сплоченной массой, образовали клинъ и открыли себѣ кровавую дорогу сквозь непріятельскія полчища. Позади нихъ раздавался боевой шумъ и крики, спереди снѣгъ и дождь слѣпляли имъ глаза, такъ что они не могли видѣть того, что происходило далѣе. Такъ подвигались они впередъ, не къ лагерю, гдѣ заграждали имъ путь враги и воды, но на сѣверъ, по направленію къ Плаценціи. Здѣсь только они прошли въ бродъ черезъ высоко надувшіяся воды Требіи и спаслись за валами крѣпости. Прочее войско большей частью осталось убитымъ или раненымъ на полѣ брани; многіе бѣглецы еще въ Требіи были убиты непріятельскими всадниками, другіе благополучно прибыли въ лагерь и послѣдовали за консуломъ Сципіономъ, который также, подобно тѣмъ десяти тысячамъ, отступилъ въ Плаценцію.

Зимнія квартиры Ганнибала въ Верхней Италіи. Изнуреніе, ливень и необычайный холодъ препятствовали побѣдоноснымъ африканцамъ дальше использовать пораженіе римлянъ. Ненастная погода для нихъ самихъ была такъ вредна, что многіе изъ нихъ раненыхъ умерли и погибла также большая часть слоновъ. Поэтому Ганнибалъ велѣлъ своему войску расположиться на зимнихъ квартирахъ; всадники же его рыскали по странѣ, отрѣзывали подвозъ припасовъ къ крѣпостямъ Плацепціи и Кремонѣ, такъ что онѣ могли снабжаться провіантомъ только кораблями, плывшими вверхъ по По. Тщетно Семпроній старался скрыть размѣры пораженія, сообщая въ Римъ, что только непогода отняла у него побѣду. Когда же въ Римѣ узнали, что почти вся Галлія въ рукахъ Ганнибала и что на будущую весну предстоитъ его нападеніе на Среднюю Италію, гражданами овладѣла сильная тревога. Ганнибалъ же перезимовалъ въ Верхней Италіи. И онъ не былъ свободенъ отъ опасеній, ибо въ предыдущихъ сраженіяхъ онъ узналъ, что римскій, а равно и союзническій крестьянинъ—безстрашный и храбрый солдатъ, да къ тому-же еще лучше вооруженъ, чѣмъ ливійская и иберская пѣхота. Онъ хорошо зналъ, что всѣми успѣхами онъ преимущественно обязанъ своему генію, какъ полководца, и придумывалъ средства, какъ-бы разгромить италійскій союзъ, неистощимую область римскихъ наборовъ. Это онъ постарался сдѣлать прежде всего неравнымъ обхожденіемъ съ плѣнными. Всѣхъ дѣйствительныхъ римлянъ онъ держалъ на скудной пищѣ въ тѣсномъ заключеніи, союзниковъ же онъ невреднмо отпустилъ на родину и черезъ нихъ всюду разглашалъ, что ведетъ войну не противъ Италіи, но только противъ Рима.

Битвы въ Испаніи. Борьба двухъ могущественныхъ республикъ тѣмъ временемъ распространилась и на Испанію. Гней Сципіонъ, братъ консула, отплылъ туда съ войскомъ и флотомъ изъ устья Родана. Онъ высадился въ Эмпоріяхъ, городѣ, который населенъ былъ частью греками, частью туземцами, и въ виду своего расположенія на Средиземномъ морѣ, недалеко отъ Пиринеевъ, представлялъ хорошій опорный пунктъ для дальнѣйшихъ предпріятій. Жители охотно открыли свои ворота и стали на сторону римлянъ. Ловкими переговорами Сципіонъ склонилъ къ себѣ туземныя племена, такъ что вскорѣ онъ овладѣлъ морскимъ

побережьемъ до самаго Ибера. Тогда Ганнонъ, командовавшій здѣсь, счелъ невозможнымъ для себя долѣе бездѣйствовать въ виду непріятельскихъ успѣховъ. Не дожидаясь главнаго начальника, Гасдрубала, онъ вступилъ въ сраженіе и понесъ полное пораженіе. Карѳагенскій главнокомандующій явился слишкомъ поздно съ отрядомъ въ 9,000 человѣкъ. Онъ напалъ на римскихъ моряковъ, безпечно расположившихся лагеремъ при Тарраконѣ, и съ большимъ урономъ погналъ ихъ на флотъ; но онъ не рѣшился оказать сопротивленіе наступающему Сципіону. Точно такъ же онъ на второмъ походѣ не вступалъ въ открытое сраженіе. Онъ только ободрялъ и подкрѣплялъ оставшіяся еще вѣрными племена и побудилъ могущественныхъ илергетовъ отпасть отъ союза съ Римомъ. Но по его отступленіи, Сципіонъ, несмотря на суровую зиму, покорилъ почти всѣ народы между Иберомъ и Пиринеями. Эти успѣхи римскаго оружія отразились на театрѣ войны въ Италіи, такъ какъ близорукое карѳагенское правительство употребляло силы государства прежде всего на сохраненіе доходныхъ испанскихъ провинцій, вмѣсто того, чтобы всѣми морскими и сухопутными силами вооружить героя, который старался въ Италіи, благодаря превосходству своего способа веденія войны, одолѣть враждебный союзъ разрушительными ударами.

Вооруженія римлянъ на 217 годъ. Римскихъ гражданъ тѣмъ временемъ безпокоили не только побѣды Ганнибала, но одновременно и всякаго рода дивныя явленія. Какой-то ребенокъ воскликнулъ „Тріумфъ!“; быкъ, говорили, самъ взошелъ на третій этажъ дома; на небѣ видѣли фигуры кораблей, въ другихъ мѣстахъ—нѣмые образы людей въ бѣлыхъ одѣяніяхъ. Такія и подобныя явленія и слухи тревожили народъ. Осмотрительный сенатъ принялъ ихъ во вниманіе. Онъ устроилъ процессіи, жертвоприношенія, пиры боговъ, а затѣмъ принялъ и болѣе дѣйствительныя мѣры противъ врага. Оба консула съ назначенными имъ легіонами должны были дѣйствовать противъ карѳагенскаго полководца въ Италіи. П. Сципіонъ съ достаточнымъ войскомъ въ должности проконсула былъ отправленъ на помощь къ своему брату, въ Испанію; нѣсколько легіоновъ отправились на Сардинію и въ Нижнюю Италію, для прикрытія этихъ провинцій.

Такимъ образомъ исполинское римское государство все еще стояло во всемъ своемъ величіи, не потрясенное претерпѣнными несча-

стіями; во всѣхъ его частяхъ жила сила, исходившая отъ его главы, сената, который употреблялъ всѣ наличныя средства съ часто выказывавшейся имъ мудростью. Въ консулы народъ избралъ двухъ испытанныхъ на войнѣ мужей: Гн. Сервилія Гемина и особенно любимаго народомъ, но ненавидимаго нобилитетомъ, Г. Фламинія.

Послѣдній на 15-ое марта 217 г. призвалъ свои легіоны въ Аримининъ и здѣсь стянулъ къ себѣ немногіе отряды, находившіеся еще на галльской почвѣ; затѣмъ онъ двинулся черезъ Апеннины въ Арретій, въ Этрурію. Нынѣшній Ареццо царитъ на холмѣ у сліянія Кьяны съ Арно на томъ самомъ мѣстѣ, которое нѣкогда увѣнчано было древнимъ городомъ тусковъ. Онъ господствуетъ надъ прекрасно воздѣланной долиной Кьяны, простирающейся до Кьюзи, бывшаго Клузія, и еще далѣе. Уже древніе этруски осушили болотистую низменность искусственными водопроводами и превратили ее въ цвѣтущій садъ.

Населеніе было въ страхѣ передъ непріятельскими опустошеніями; но консулъ успокоилъ его. Ни одинъ пунический разбойникъ, увѣрялъ онъ, не ступитъ на ихъ нивы; да и самъ онъ, какъ только настанетъ лучшее время года, подвинется за Арнъ для прикрытія горныхъ проходовъ. Пока же ему казалось достаточнымъ, чтобы римляне удерживали сильную оборонительную позицію поперекъ всей Италіи. Центръ образовалъ какъ разъ Фламиній у Ареццо на Via Cassia, ведшей черезъ середину Этруріи, правое крыло—Гн. Сервилій, который въ области Аримина, у конечной точки Via Flaminia, стерегъ восточный входъ въ Италію, между моремъ и Апеннинами, между тѣмъ какъ на лѣвомъ крылѣ на западѣ доступъ къ Via Aurelia, ведшей вдоль тирренскаго берега, былъ прикрытъ крутыми горными кряжами Апениновъ и сильными крѣпостями Луной и Пизами.

Римскимъ полководцамъ однако приходилось имѣть дѣло съ противникомъ, который шелъ своею собственной дорогой, движенія котораго рѣдко можно было предвидѣть. Никакое препятствіе, ставившееся природой, онъ не считалъ непреодолимымъ, и съ отважнымъ духомъ рѣшался на то, отъ чего отступили бы другіе, обыкновенные люди. Своими побѣдами онъ соединилъ вокругъ себя кельтскія племена; ихъ воинственная молодежь усилила его войско; но онъ уже убѣдился на опытѣ, что они,

непостоянные по природѣ, охотно видѣли бы свою территорію освобожденной отъ тягостей войны. На такихъ союзниковъ онъ не могъ разсчитывать въ своихъ дальнѣйшихъ военныхъ планахъ. Сабелльскіе народы, быть можетъ и сами латиняне, которыхъ онъ хотѣлъ склонить въ пользу дѣла свободы, должны были, по его расчетамъ, доставить ему легіоны, которые подъ его начальствомъ были бы въ состояніи одолѣть и побѣдить римскіе мечи.

Походъ Ганнибала черезъ Апеннины. Черезъ своихъ шпіоновъ Ганнибалъ хорошо зналъ римскія позиціи; онъ зналъ, что въ то время, когда римляне ждали его наступленія, у него мало было шансовъ вторгнуться въ Италію по одной изъ названныхъ дорогъ. Поэтому онъ выступилъ изъ Галліи въ такое время, которое, по воззрѣніямъ древнихъ, совершенно не было пригодно для походовъ и военныхъ предпріятій, именно въ концѣ марта, когда только что начиналось таяніе снѣговъ на Апеннинахъ. Приблизительно отъ Пармы онъ поднялся на высоту перевала Понтремоли и спустился въ долину Макры, затѣмъ мимо Луны и Луки въ котловину Пешіи и въ долину Арно, совершенно наводненную вслѣдствіе таянія снѣговъ. Этотъ походъ Ганнибала при данныхъ обстоятельствахъ едва ли уступаетъ смѣлому переходу черезъ Альпы. Трудности и потери были невыразимы.

Впереди шли его ливійскіе и испанскіе ветераны, затѣмъ менѣе надежные галлы и, наконецъ, конница подъ начальствомъ Магона. Самъ онъ, обзирая все войско, ѣхалъ на единственномъ слонѣ, оставшемся еще въ живыхъ. Четыре дня и три ночи шли черезъ болота, гдѣ нельзя было найти сухого мѣста ни для отдыха, ни для ночевки, гдѣ можно было пользоваться для отдыха только павшими животными. Галлы, шедшіе по изрытой уже болотной почвѣ, страдали всего болѣе; они охотно бросили бы и войско, и побѣду, и добычу, чтобы снова достигнуть домашняго очага, но слѣдовавшіе за ними пуническіе всадники убивали каждаго бѣглеца. Послѣ тяжкихъ потерь, наконецъ, достигли твердой почвы при Фезулахъ, гдѣ разбили лагерь и подкрѣпились краткимъ отдыхомъ. Самъ Ганнибалъ, страдавшій воспаленіемъ глазъ, потерялъ на этомъ походѣ одинъ глазъ, отъ болотнаго воздуха и недостатка ухода.

Какъ только войско немного оправилось, снова началось наступленіе; перешли черезъ Арно, и въ то время какъ Фламиній

ожидалъ наступленія Ганнибала въ хорошо выбранной позиціи у Ареццо, послѣдній съ смѣлой рѣшимостью обошелъ римскую позицію: онъ двинулся приблизительно изъ Битуриги на югъ въ долину Кланиса, поджегъ тамъ дворы и деревни и, повернувъ на востокъ, достигъ дороги, которая изъ Кортоны мимо сѣвернаго берега Тразименскаго озера ведетъ въ Перузію и оттуда, разными развѣтвленіями, на югъ въ Римъ. Огонь горящихъ деревень и бѣжавшіе къ нему крестьяне возвѣстили Фламинію о новомъ смѣломъ предпріятіи страшнаго пунійца, который, безпечно оставляя въ тылу у себя войска римлянъ, завладѣлъ дорогой въ Римъ. Что было дѣлать Фламинію въ его положеніи? Прежде чѣмъ подошелъ Сервилій, къ которому онъ тотчасъ по прибытіи Ганнибала въ долину Арно отправилъ гонцовъ, пунійцы могли стоять подъ Римомъ. Поэтому Фламиній рѣшилъ во всякомъ случаѣ остановить движеніе Ганнибала на югъ, сразиться съ нимъ, гдѣ и какъ бы то ни было. Подвергавшаяся вліянію нобилитета римская исторіографія естественно поставила и послѣднее дѣло ненавистнаго человѣка въ возможно неблагопріятный свѣтъ, будто онъ изъ славолюбія не дождался прибытія Сервилія и поступилъ совершенно опрометчиво. Конечно, его нельзя оправдать въ извѣстной чрезмѣрной торопливости, но поведеніе его объясняется отчаяніемъ по поводу того, что въ то время наступленіе Ганнибала угрожало самому Риму. Итакъ онъ съ величайшей поспѣшностью послѣдовалъ за войскомъ карѳагенянина и нагналъ его къ югу отъ Кортоны, вблизи Тразименскаго озера. Ѣхавшіе впереди всадники его увидѣли еще вдали непріятельскій аррьергардъ, исчезавшій за высотами, которыя тянутся на югъ отъ Кортоны и окружаютъ котловину Тразименскаго озера (нынѣ Перуджійскаго). Но наступала ночь; пришлось отложить бой со смѣлымъ африканцемъ на слѣдующій день.

Битва при Тразименскомъ озерѣ. Ганнибалъ между тѣмъ сдѣлалъ свои приготовленія. Съ войскомъ своимъ онъ отъ нынѣшняго Боргетто двинулся черезъ узкій проходъ на береговую равнину въ видѣ полукруга, окаймленную лѣсистыми горами и расположенную на сѣверномъ берегу Тразименскаго озера. Часа на три въ длину и столько же въ ширину тянутся сѣрыя воды озера. Берега низменны, поросли камышемъ и пустынны; они оживляются только немногими незначительными поселеніями. Изрѣдка

по непривлекательной водной поверхности молчаливо потянется рыбачья лодка со своимъ древнелатинскимъ парусомъ. Весной и осенью на всю низменность ложатся густыя массы тумана, подымающіяся изъ озера, такъ что не видно окрестныхъ высотъ. Но путемъ развѣдокъ Ганнибалъ нашелъ, что лунообразная береговая равнина имѣетъ и къ востоку лишь узкій, легко преграждаемый выходъ, такъ какъ при нынѣшнемъ Оливето горы подступаютъ почти къ самой водѣ. На этомъ онъ построилъ свой планъ. Еще до заката солнца онъ сталъ на позицію посреди

Планъ битвы при Тразименскомъ озерѣ
(По Стюренбургу).

равнины, имѣющей въ длину около 5 km. (4,6 версты), а выходъ у Оливето и холмы, примыкающіе къ нему съ сѣвера, приблизительно до Вернаццано, занялъ ливійцами и іберами. У Торо и Спелонки онъ спряталъ балеарцевъ и копьеносцевъ, а между Сангвинетто и Монтеккіо, на лѣвомъ Монте Каландро, онъ спряталъ свою конницу и галловъ.

На слѣдующее утро Фламиній выступилъ очень рано и поспѣшно, чтобы на всякій случай скоро достигнуть врага. Безъ особыхъ мѣръ осторожности онъ вступилъ на береговую равнину далеко вытянувшимися колоннами. Дѣло было весной, въ мрачное

апрѣльское утро. Подобно морю волновался туманъ надъ низменностью, то тутъ и тамъ подымаясь, то снова опускаясь сѣрыми, густыми массами. Глазъ едва могъ проникнуть внизъ; слышны были только шаги людей, топотъ конскихъ копытъ и раздававшаяся по временамъ команда. То было римское войско, которое съ возможной поспѣшностью шло черезъ низменность. Вдругъ передніе ряды остановились, они начали выстраиваться въ боевой порядокъ. Дѣло въ томъ, что легкое дуновеніе вѣтра разсѣяло передъ ними на мгновеніе слой тумана; они увидѣли на холмахъ сверкающее оружіе и непріятельскія знамена. Отъ внезапной остановки переднихъ когортъ въ серединѣ и въ арьергардѣ возникаетъ давка и безпорядокъ; вотъ на окрестныхъ горахъ раздаются суровые звуки военныхъ роговъ, а вскорѣ и бранные клики и шумъ оружія; свинцовыя пули, снаряды всякаго рода, посылаемые точно невидимыми руками, сыплются на шлемы и щиты, а съ холмовъ и изъ ущелій нападаютъ карѳагенскія дружины на замѣшавшіяся римскія массы, тщетно старающіяся развернуть свои ряды и возстановить свой тактическій порядокъ. Консулъ безстрашно скачетъ между не выстроившимися кучами воиновъ. „Не обѣтами и призваніемъ боговъ проложишь себѣ путь, но мужествомъ и силой и мечемъ!“ такъ восклицаетъ онъ въ страшномъ пылу битвы, уже начавшейся; но голосъ его заглушается криками бьющихся воиновъ, стономъ раненыхъ, стукомъ оружія. Каждый дерется, какъ велятъ мѣсто и обстоятельства: здѣсь во время бѣгства, тамъ наступая, то по-одиночкѣ, то кучами. Бѣгущія массы войска стараются спастись черезъ входъ; а затѣмъ ихъ убиваютъ копья и мечи конницы, которые немилосердно умерщвляютъ бѣглецовъ и сражающихся. Другіе загоняются въ озеро, воды котораго безпощадно ихъ поглощаютъ. Отдѣльныя когорты пытаются взять приступомъ высоты, но онѣ находятъ не побѣду, а раны и смерть. И надъ всей низменностью стелется туманъ; никто не видитъ собственныхъ значковъ и знаменъ, никто не знаетъ, гдѣ возможно спасеніе, и гдѣ таится вѣрная погибель.

Гдѣ схватка самая жаркая, гдѣ опасность самая большая, туда обращается консулъ, ободряя, принося помощь, но не принося спасенія, не принося побѣды. Вокругъ него собираются храбрѣйшіе воины, какъ всадники, такъ и дружина ратныхъ тріаріевъ. Вокругъ него сильнѣе всего пышетъ бой, тѣснѣе всего

толпятся враждебныя полчища. Вотъ узнаетъ его всадникъ-инсубръ. Чтобъ отмстить за нѣкогда убитыхъ на Падѣ братьевъ и за опустошеніе своей родины, онъ, пришпоривъ коня, мчится сквозь толпу сражающихся. Прежде всего онъ копьемъ своимъ пронзаетъ оруженосца, бросающагося къ нему навстрѣчу, а затѣмъ и самого консула. Тріаріи щитами своими прикрываютъ трупъ отъ посрамленія, но судьбы дня они измѣнить не въ состояніи.

Видъ Тразименскаго озера.

Три часа длилась ужасная рѣзня; все, что могутъ сдѣлать человѣческія силы, сдѣлали римляне; теперь ихъ мужество сломлено, рука ихъ ослабѣла, мечи притупились, щиты и панцыри разбиты. Ими овладѣваютъ ужасы пораженія. Гдѣ только еще кажется открытымъ выходъ, туда бѣгутъ они, гонимые страхомъ и ужасомъ. Они спѣшатъ другъ друга съ ногъ, стараются вскарабкаться на возвышенности, бросаются въ воды озера, чтобъ спастись вплавь. Однако всюду ихъ преслѣдуетъ и настигаетъ убійственный мечъ разъяреннаго врага.

Только отрядъ войска въ 6,000 римлянъ съ самаго начала сраженія съ непреодолимой силой прорвался сквозь проходъ и занялъ возвышенность, гдѣ, правда, отчетливо слышенъ былъ шумъ схватки, но изъ-за тумана ничего не было видно изъ того, что происходило въ долинѣ. Когда послѣ полудня солнце проникло сквозь туманъ, они узнали пораженіе всего войска. Они тотчасъ же выступили и пошли дальше, не зная куда. Вечеромъ они снова расположились на холмѣ, который, повидимому, представлялъ защиту противъ непріятельскихъ нападеній. Истощенные усталостью и голодомъ, они отдыхали въ теченіе ночи. Но когда настало утро, они увидѣли передъ собой непріятельскую конницу, которая пошла по ихъ слѣдамъ. При полномъ изнеможеніи одинаково невыполнимы были бой и отступленіе; поэтому они сдались карѳагенскому предводителю Магарбалу, равно какъ и хорошо вооруженный эскадронъ въ 4,000 всадниковъ, который второй консулъ Гн. Сервилій выслалъ впереди войска, съ которымъ онъ самъ отправился на помощь къ своему товарищу. Такимъ образомъ потери римлянъ все болѣе возрастали. 15,000 воиновъ, цвѣтъ италійскаго союза, лежали на полѣ брани, столько же находилось въ плѣну, и только 10,000 бѣглецовъ, частью раненыхъ и безоружныхъ, различными дорогами по кустамъ и лѣсамъ спаслись на родину.

Потеря карѳагенянъ, всюду и съ самого начала имѣвшихъ преимущество, доходила только до 1,500 убитыхъ, но число раненыхъ, частью тяжело, пожалуй еще превысило число павшихъ. Послѣ короткаго отдыха Ганнибалъ тронулся въ южномъ направленіи; его легковооруженныя дружины на широкомъ пространствѣ бродили по странѣ, которой уже не защищали болѣе отъ грабежа никакіе римскіе легіоны. Смѣлое покушеніе на сильно укрѣпленный городъ Сполетъ, правда, не удалось, но вся Умбрія была наводнена непріятелемъ, а по переходѣ черезъ цѣпь Апеннинъ, была наводнена и плодоносная область Пицена. Здѣсь побѣдоносный герой достигъ морского побережья и впервые съ того времени, какъ онъ покинулъ Испанію, онъ могъ отправить въ Карѳагенъ вѣсть о своемъ походѣ и о своихъ успѣхахъ. Онъ сдѣлалъ и рискованную попытку измѣнить вооруженіе своихъ воиновъ, что обыкновенно съ успѣхомъ можетъ быть произведено только въ мирныя времена. Одержанными доселѣ побѣдами онъ

главнымъ образомъ былъ обязанъ ловкому стратегическому пользованію мѣстностью и ошибкамъ своихъ противниковъ. Теперь онъ долженъ былъ заботиться о томъ, какъ бы смять легіоны и въ открытой равнинѣ, гдѣ не была возможна ни засада, ни оцѣпленіе. Неоднократный разрывъ его линій римскими отрядами на Требіи и при Тразименѣ научили его преимуществамъ римскаго вооруженія. Поэтому онъ рѣшилъ вооружить и своихъ ливійцевъ римскимъ оружіемъ: шлемовъ, панцырей, мечей и pila нашли при полѣ битвы въ достаточномъ количествѣ, такъ что новое вооруженіе можно было провести немедленно. Кромѣ того Ганнибалъ пользовался богатыми средствами страны пицентовъ для того, чтобы хорошимъ содержаніемъ и уходомъ поднять опять дѣеспособность своихъ, сильно пострадавшихъ, солдатъ, а также дорогихъ берберскихъ коней своихъ всадниковъ.

Дѣйствіе пораженія на Римъ. Впечатлѣніе, произведенное на гражданъ Рима пораженіемъ при Тразименскомъ озерѣ, было потрясающее. Сперва по городу распространились неопредѣленные слухи. Толпа собирается на Форумѣ, знатныя и простыя женщины блуждаютъ по улицамъ, допытываются, спрашиваютъ, что́ за несчастіе поразило государство, одно ли изъ консульскихъ войскъ разбито, и которое именно. Тѣснота вокругъ куріи растетъ; громче и громче отъ собравшихся сенаторовъ требуютъ вѣрнаго извѣстія. Около захода солнца, когда стеченіе народа становится угрожающимъ, выходитъ преторъ въ одеждѣ своего званія и объявляетъ: „Мы проиграли большую битву!“ Больше ничего не узнается; но ночью и на слѣдующій день положеніе вещей становится общеизвѣстнымъ, горе и сѣтованія наполнили улицы и жилища. Мало-по-малу прибываютъ спасшіеся бѣглецы, считавшіеся убитыми отцы, мужья и сыновья; при этомъ, говорятъ, двѣ матери, уже оплакивавшія своихъ сыновей, какъ умершихъ, умерли при свиданіи съ ними отъ радости.

Сенатъ тѣмъ временемъ засѣдалъ день за днемъ съ восхода до заката солнца и совѣщался, какія войска и какихъ полководцевъ выставить противъ побѣдителя. Но когда затѣмъ прибыла и вѣсть о гибели конницы второго войска, почти единогласно принято было рѣшеніе назначить диктатора. Граждане назначили таковымъ, по предложенію сенаторовъ, Квинта Фабія Максима, пожилого человѣка стараго закала, который

безъ бурныхъ страстей взвѣшивалъ свои шаги, не стремился къ расположенію народа, но къ славѣ исправленія диктатуры съ достоинствомъ и на благо государства. Онъ понялъ превосходство своего противника, избѣгалъ его ударовъ, грозившихъ разгромомъ, задерживалъ однако его побѣдоносное движеніе и тѣмъ содѣйствовалъ подъему упавшаго духа своего родного города: это была его заслуга, если его и не вознаградилъ за это тріумфъ.

Кв. Фабій Максимъ Кунктаторъ. Новый глава государства прежде всего считалъ своимъ важнѣйшимъ дѣломъ умилостивленіе разгнѣванныхъ боговъ жертвоприношеніями. Затѣмъ онъ съ четырьмя легіонами отправился въ Апулію, расположился при Экахъ насупротивъ карѳагенянъ и никакимъ вызовомъ не далъ себя побудить къ опасной игрѣ въ кости на бранномъ полѣ.

Утомленный долгимъ ожиданіемъ, Ганнибалъ прошелъ, наконецъ, мимо римскаго лагеря, гдѣ противъ него не поднялась ни одна рука, и двинулся въ горы Самнія. Такъ какъ горцы нигдѣ не высказались въ его пользу, а бѣжали въ Беневентъ и въ горныя ущелья, то онъ опустошилъ и разграбилъ богато воздѣланныя долины, деревни и дворы и даже неукрѣпленный городъ Телезію, гдѣ жители тщетно старались защититься. Послѣдовавшій за нимъ диктаторъ спокойно глядѣлъ на опустошеніе. Онъ держался на неприступныхъ высотахъ, гдѣ онъ съ терпѣливостью хищнаго звѣря выслѣживалъ слабое мѣсто у своего страшнаго противника, чтобы схватить его вѣрнымъ прыжкомъ и повалить на-земь. Но такого случая пока еще не оказывалось; Ганнибалъ имѣлъ достаточно времени тяжко наказать союзниковъ Рима за ихъ привязанность къ послѣднему, и притомъ на глазахъ римскаго войска, которое впрочемъ, по крайней мѣрѣ въ небольшихъ сраженіяхъ, снова научилось смотрѣть въ глаза врагу.

Затѣмъ Ганнибалъ хотѣлъ отправиться въ богатую и плодоносную Кампанію, въ надеждѣ склонить на свою сторону главный городъ этой области, Капую. Но по ошибкѣ проводниковъ онъ прибылъ къ сѣверу отъ Вольтурна въ Фалернскую область, съ двухъ сторонъ замкнутую горами. Здѣсь онъ вскорѣ узналъ, что его ожиданія не сбылись, что кампанцы, что сама Капуя пребываютъ вѣрными Риму. Но Фалернскія поля частью были покрыты римскими крестьянскими дворами; поэтому онъ велѣлъ увезти всю движимую собственность, какъ хорошую добычу. Фа-

бій, слѣдовавшій за нимъ точно его тѣнь, расположился лагеремъ на Массикѣ, чѣмъ онъ прикрывалъ дорогу въ Лаціумъ. Онъ, какъ всегда, оставался недвижно на своихъ высотахъ, хотя воины и даже его начальникъ конницы М. Минуцій съ громкимъ ропотомъ оплакивали свою бездѣятельность, когда видѣли дымъ, подымавшійся съ сожженныхъ дворовъ, и нумидійцевъ, мчавшихся мимо нихъ со своей добычей. Но когда Ганнибалъ въ

Нижняя часть Капуанскаго амфитеатра.
Этотъ амфитеатръ—одинъ изъ обширнѣйшихъ въ Италіи; онъ былъ реставрированъ при Адріанѣ, но время первой постройки не извѣстно.

позднее время года собрался покинуть опустошенныя поля, окруженныя укрѣпленными городами, Медлитель (cunctator), какъ насмѣшливо называли диктатора, подумалъ, что настало его время, что онъ можетъ преградить врагу дорогу, ведшую черезъ одно ущелье. Поэтому онъ тронулся со всѣми своими силами. Его начальникъ конницы долженъ былъ повести отрядъ въ нагорный лѣсъ, простиравшійся къ Таррацинѣ, благодаря чему Аппіева дорога по направленію къ Лаціуму была ограждена отъ не-

пріятельскихъ нападеній. Самъ онъ съ главными силами занялъ позицію на горѣ Калликулѣ, у города Казилина, и отправилъ 4,000 человѣкъ къ выходу изъ тѣснинъ, чрезъ которыя вела дорога. Правда, эта позиція была мало сконцентрирована; но такъ какъ легіоны всюду, гдѣ доступъ былъ открытъ, сильно окопались, то не видѣли опасности. Однако осторожный полководецъ выслалъ 400 всадниковъ подъ начальствомъ Манцина, чтобы высматривать непріятельскія движенія. Воинственный легатъ напалъ на бродившихъ тутъ нумидійцевъ; послѣдніе, по своему обыкновенію, то подскакивая, то убѣгая, завлекли его близко къ карѳагенскому лагерю. Тамъ его подстерегалъ пунический начальникъ конницы Карѳалонъ съ превосходными силами, погнался за нимъ во весь опоръ и изрубилъ его съ большей частью всадниковъ.

Ганнибалъ при Казилинѣ. На слѣдующій день пуническое войско стало наступать во всю ширину дороги; но римскій лагерь господствовалъ надъ тѣснинами, и Ганнибалу пришлось остановиться. Онъ велѣлъ легковооруженнымъ войскамъ напасть на высоты; началась перестрѣлка, но она осталась нерѣшительной, такъ какъ легіоны не шевелились за своими окопами. Такимъ образомъ, карѳагенскія силы казались остановленными непріятельскимъ строемъ въ разграбленной фалернской области, которая вообще производила больше садовыхъ, нежели полевыхъ плодовъ. Но о серьезной опасности нельзя было думать. Ибо открытыми оставались южная Кампанія, плодоносныя поля Капуи и Неаполя и оттуда удобопроходимыя дороги черезъ Самній. Но Ганнибалъ презиралъ всякое отступленіе; онъ обманулъ героя медлительности хитростью, доказывавшею, что онъ не высоко ставилъ стратегическія способности своего противника. Онъ велѣлъ ночью погнать по лѣсистымъ высотамъ 2,000 головъ скота съ зажженными пучками хвороста на рогахъ. Войско, занимавшее проходъ, сочло себя обойденнымъ и думало, что непріятельское войско при свѣтѣ факеловъ проходитъ черезъ горы. Когда же тамъ и сямъ замелькали огни, загорѣлись кусты и деревья, караульные стремглавъ побѣжали изъ своихъ окоповъ, стараясь спастись. На это и разсчитывалъ Ганнибалъ. Онъ безпрепятственно съ конями и воинами, съ колесницами и вьючными животными, нагруженными добычею, двинулся черезъ тѣснины. Хотя Фабій и видѣлъ подвижные огни,

хотя онъ и слышалъ шумъ отъ движенія войска по долинѣ, но онъ не находилъ ничего лучшаго, какъ, оставаясь вѣрнымъ своему принципу, удерживать свою безопасную позицію за валомъ и рвомъ. Когда настало утро, онъ замѣтилъ обманъ. Онъ тотчасъ же распорядился нападеніемъ на копьеносцевъ, которыми былъ погнанъ скотъ на горы, но отрядъ испанцевъ, привыкшихъ къ войнѣ въ горахъ, ударилъ въ тылъ римскихъ велитовъ и отогналъ ихъ съ урономъ обратно въ лагерь. Теперь Медлителю ничего болѣе не оставалось, какъ по обыкновенію слѣдовать за противникомъ бокъ-о-бокъ, отдать союзниковъ на разграбленіе и утѣшаться надеждой, что они, несмотря на притѣсненія и потери, пребудутъ въ своей вѣрности.—Послѣ этого Ганнибалъ остановился на зимнихъ квартирахъ внутри и вокругъ Геронія, въ то время какъ римскій диктаторъ сталъ укрѣпленнымъ лагеремъ на горномъ хребтѣ у Ларина, ближе къ морю.

Тучныя пастбища и пышныя плодоносныя поля доставляли здѣсь карѳагенянамъ обильные запасы для зимняго потребленія. Не заботясь о римскомъ войскѣ, пуническій полководецъ собиралъ плоды. Ежедневно на эту работу отряжались двѣ трети его войска, въ то время какъ только одна треть оставалась въ укрѣпленномъ лагерѣ. Диктатору въ это время надо было для жертвоприношеній отправиться въ Римъ, и онъ на время своего отсутствія передалъ главное начальство воинственному начальнику конницы М. Минуцію, но съ строгимъ наказомъ не пускаться въ серьезное сраженіе. Въ Римѣ Фабій былъ принятъ не очень дружелюбно. Справедливо высказывалось мнѣніе, что—не велика заслуга провести лѣто въ бездѣйствіи, держать солдатъ взаперти за лагернымъ валомъ, допустить опустошеніе полей союзниковъ и даже многихъ римскихъ гражданъ и провожать врага вдоль и поперекъ Италіи съ мечомъ въ ножнахъ. Насмѣшники называли Медлителя тѣнью Ганнибала, героемъ, который заперся при Казилинѣ въ своемъ лагерѣ передъ стадомъ скота. Старый воякa не много обращалъ вниманія на болтливую толпу; но когда прибыло извѣстіе, что начальникъ конницы далъ счастливое сраженіе и прогналъ дотолѣ непобѣжденнаго карѳагенянина съ равнины, когда Фабій по примѣру предковъ обѣщалъ нарушителю его приказаній топоръ ликтора: тогда въ общинѣ разразилась противъ него буря. Народный трибунъ М. Метилій сдѣлалъ необычай-

ное предложеніе раздѣлить главное начальство между диктаторомъ и начальникомъ его конницы. Хотя Фабій уже уѣхалъ, предложеніе это вначалѣ не встрѣтило одобренія. Тогда поднялся Г. Терренцій Варронъ, сынъ мясника, пріобрѣвшаго себѣ состояніе торгомъ въ разносъ. Онъ былъ уже квесторомъ, эдиломъ и преторомъ и стремился къ консульству. Будучи выскочкой, онъ поносилъ старинную и новую знать, сенатъ и его креатуру, диктатора. Онъ съумѣлъ, посредствомъ лести, такъ подкупить народъ въ пользу предложенія, что оно было возведено въ законъ. Такимъ образомъ снова было введено раздѣленіе главнаго начальства, что̀ именно должна была предотвратить диктатура.

Одновременно съ диктаторомъ прибыла въ лагерь и вѣсть о необычайномъ мѣропріятіи. Magister equitum (начальникъ всадниковъ), который былъ уже побѣдоносенъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, охотно чередовался бы въ начальствѣ съ Фабіемъ; но послѣдній счелъ болѣе полезнымъ раздѣлить легіоны, чтобъ ему можно было безпрепятственно оставаться вѣрнымъ своей системѣ. Когда это произошло, онъ со своимъ отрядомъ сталъ въ безопасной позиціи, которую онъ укрѣплялъ всѣми средствами искусства, въ то время какъ его товарищъ удерживалъ свою позицію, которой угрожала опасность.

Эти происшествія естественно не остались неизвѣстными для противника; онъ заботился о томъ, какъ бы воспользоваться ими для рѣшающаго удара. Мѣстность эта повсюду была безлѣсная и не имѣла высокихъ горъ; но съ горной цѣпи внутри страны спускался рядъ холмовъ, изъ которыхъ нѣкоторые частью состояли изъ голыхъ, разсѣченныхъ утесовъ. Въ нихъ полководецъ открылъ глубокія пещеры, хорошо годившіяся для засады. Онъ спряталъ въ нихъ нѣсколько тысячъ всадниковъ и нѣхотинцевъ. Затѣмъ онъ ночью занялъ самую возвышенность небольшимъ войскомъ, которое утромъ насмѣшливо показывало воинамъ Минуція обнаженное оружіе. Этого не вынесъ послѣдній, такъ же какъ и его, жаждавшіе подвиговъ, воины. Сперва выступили легковооруженные; за ними послѣдовали, когда непріятель получилъ подкрѣпленіе, всадники, а вскорѣ и легіоны въ полномъ боевомъ порядкѣ. Они ударили на карѳагенянъ, которые также наступали отрядами. Послѣ кровопролитной схватки римскій авангардъ былъ сброшенъ съ высоты, бѣглецы и напиравшіе на нихъ враги привели эска-

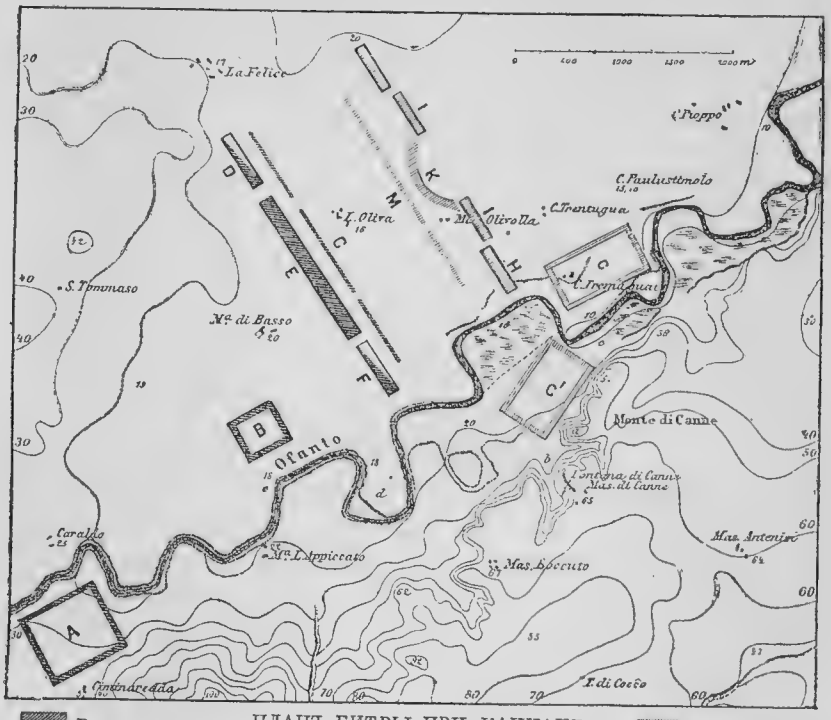
дроны въ замѣшательство; впрочемъ вооруженныя латами пѣхотныя войска безстрашно оказывали сопротивленіе, пока бывшіе въ засадѣ карѳагеняне не ворвались въ нихъ съ тыла и съ фланга и не распространили ужаса, смерти и гибели. Но Фабій наблюдалъ за ходомъ битвы посредствомъ конныхъ лазутчиковъ. Когда онъ услышалъ о бѣдствіи и грозящей гибели своихъ согражданъ, онъ, превозмогая негодованіе и страхъ передъ рискомъ, покинулъ свой безопасный лагерь и ускореннымъ маршемъ появился на полѣ брани; Ганнибалъ же, при неожиданномъ видѣ наступающихъ въ твердомъ порядкѣ массъ, стянулъ свои линіи и прервалъ сраженіе. И диктаторъ, довольный достигнутымъ успѣхомъ, началъ отступленіе, чтобы снова стать на стражѣ, на своей возвышенности. Туда еще въ тотъ же день прибылъ неосторожный начальникъ конницы со своими спасенными дружинами. Онъ подчинился теперь добровольно диктаторской власти, которая во-время такъ успѣшно вмѣшалась для его спасенія.

Походъ 216 г. до Р. Хр. Въ октябрѣ 217 г., по истеченіи обычныхъ шести мѣсяцевъ, Фабій Кунктаторъ и Минуцій сложили свою чрезвычайную власть: въ то время въ Римѣ были довольны тѣмъ, что Фабій по крайней мѣрѣ не навлекъ болѣе крупнаго пораженія; на это указываетъ стихъ, бывшій позднѣе на устахъ всѣхъ:

„Unus homo nóbis cunctándo réstituit rem“
(Одинъ человѣкъ намъ спасъ своею медлительностью государство).

Тѣмъ усерднѣе производились вооруженія въ 216 г. до Р. Хр. Въ консулы были избраны знатный Л. Эмилій Павелъ и выскочка Г. Теренцій Варронъ. Одинъ преторъ повелъ подкрѣпленія войскомъ и кораблями въ Сицилію, а другой, Постумій, противъ кельтовъ на Падѣ. Самыя обширныя вооруженія были сдѣланы противъ главнаго врага. Подъ оружіе было призвано четыре новыхъ легіона, и при этомъ каждый сильнѣе прежняго на 1,000 пѣхотинцевъ и 100 всадниковъ. Предполагалось, такимъ образомъ, восемь легіоновъ съ принадлежащими къ нимъ союзниками употребить на борьбу съ Ганнибаломъ, всего 80,000 человѣкъ пѣхоты и 7,000 всадниковъ, силу, какой Римъ еще ни разу прежде не соединялъ на одной аренѣ борьбы. Противъ нихъ Ганнибалъ могъ выставить 10,000 всадниковъ и

лишь 40,000 пѣхотинцевъ. Но то, чего не хватало ему въ массахъ, замѣняла военная опытность его воиновъ. Поэтому онъ думалъ и на этотъ разъ, несмотря на численное превосходство римлянъ, принудить ихъ къ рѣшительной битвѣ въ открытомъ полѣ. Въ маѣ онъ повелъ свое войско къ югу на большую равнину на Авфидѣ (нынѣ Офанто) и захватилъ замокъ уже прежде



ПЛАНЪ БИТВЫ ПРИ КАННАХЪ.
(По Стюренбургу).

А—большой лагерь римлянъ, В—малый римскій лагерь, С и С′ — лагери Ганнибала, D—G′—римскій строй, Н—М—построеніе войскъ Ганнибала.

разрушеннаго города Каннъ съ большими хлѣбными складами римлянъ. При этомъ извѣстіи, Павелъ и Варронъ отправились къ войску, получивъ отъ сената указаніе не избѣгать битвы, если ее можно дать при благопріятныхъ обстоятельствахъ. Но, къ сожалѣнію, оба консула не могли сговориться относительно пригодной для этого мѣстности. Павелъ желалъ мѣстности волнистой, прорѣзанной поселеніями и деревьями, на которой дѣло

должна была рѣшить не конница, а пѣхота. Варронъ, наоборотъ, считалъ именно апульскія равнины особенно удобными для того, чтобы развернуть римскія массы и задавить ими противника. Поэтому онъ, получивъ однажды снова главное начальство, чередовавшееся ежедневно, повелъ войско черезъ Авфидъ и расположился лагеремъ на его южномъ берегу, приблизительно въ $7^1/_2$ km. (7 верст.) къ юго-западу отъ Каннъ (A), въ то время какъ Ганнибалъ имѣлъ свой лагерь у подножія цидатели этого

ПОЛЕ БИТВЫ ПРИ КАННАХЪ.

города, но на сѣверномъ берегу Авфида (C). Чтобы по возможности поправить эту позицію, Павелъ, когда была его очередь командовать, отвелъ около трети войска обратно за рѣку и, приблизительно въ 2 km. ниже по теченію, на лѣвомъ берегу Авфида разбилъ лагерь поменьше (B), чтобы прикрывать фуражировки римлянъ на этомъ берегу. Послѣ этого Ганнибалъ перешелъ съ войскомъ черезъ Авфидъ и расположился на южномъ его берегу между болотистой низменностью и Каннскими возвышенностями (C^1). Здѣсь-то онъ въ одинъ изъ слѣдующихъ дней предложилъ римлянамъ битву, но Павелъ не далъ легіонамъ выступить. На слѣ-

дующій день у Варрона снова было главное начальство и, опъ назначилъ этотъ день для боя. Въ Римѣ знали, что на этихъ дняхъ должно было произойти рѣшительное сраженіе: поэтому народъ пребывалъ въ храмахъ на колѣняхъ, молясь богамъ о побѣдѣ.

Битва при Каннахъ. По государственному календарю было 2-ое августа, а въ дѣйствительности около половины іюня. Съ первымъ разсвѣтомъ легіоны, подкрѣпившись пищей и питьемъ на кровавую работу, перешли черезъ мелкую рѣку, которая здѣсь отклоняется отъ своего сѣверо-восточнаго теченія и дѣлаетъ короткій поворотъ на югъ. Они выстроились въ обычномъ порядкѣ, но по причинѣ своей многочисленности болѣе густыми рядами (E), что́ конечно при эллинской фалангѣ усиливало дѣйствіе массъ, но въ рукопашномъ бою было рѣшительно невыгодно. Римская конница на правомъ крылѣ (F), предводимая консуломъ Эмиліемъ, упиралась въ Авфидъ, а болѣе многочисленные латинскіе эскадроны подъ начальствомъ Теренція Варрона прикрывали лѣвое крыло (D), которое составляли союзники. Впереди шли легковооруженные со своими метательными снарядами (C). Тяжеловооруженные легіоны въ блестящихъ латахъ со своими знаменами и значками находились подъ командой проконсуловъ Сервилія и Атилія Регула. Передъ ними на далекое пространство разстилалась равнина; только дальній горизонтъ на западѣ мягкими, волнистыми линіями замыкали горы, облегающія источники Авфида. Вскорѣ взошло солнце прекраснаго іюньскаго утра, блистая на гладкомъ оружіи стройныхъ войскъ. Всего было свыше 70,000 пѣшихъ бойцовъ и 6,000 всадниковъ, жаждавшихъ борьбы за честь и отчизну. Остальные 10,000 человѣкъ остались для охраны большого лагеря.

Ганнибалъ чрезъ своихъ лазутчиковъ узналъ о выступленіи превосходныхъ силъ врага. Желаніе его исполнилось; сердце его билось отъ радостнаго ожиданія. Въ то время какъ воины подкрѣпляли свои силы и вооружались, онъ съ военачальниками обсуждалъ планъ битвы. Солнце уже поднялось надъ горами, когда, по его приказу, карѳагенскіе отряды перешли ниже по теченію черезъ мелкій потокъ и на томъ берегу построились въ боевой порядокъ. Впереди пошли балеарскіе пращники и легковооруженные, которые длинно вытянувшейся цѣпью стрѣлковъ (M)

закрыли карѳагенскій центръ. Затѣмъ слѣдовала галльская и испанская конница. Она выстроилась на берегу и такимъ образомъ образовала лѣвое крыло (H). Половина ливійской пѣхоты (I), немного отодвинутая назадъ, примыкала къ ней справа; за ней слѣдовали: въ серпообразной позиціи галльско-иберская пѣхота (K), затѣмъ, опять немного оттянутая назадъ, вторая половина отборныхъ ливійскихъ войскъ (I) и, наконецъ, нумидійская конница на правомъ крылѣ (L). Далеко растянувшіяся массы представляли великолѣпный видъ. На обоихъ крыльяхъ—конница, тутъ кельты и испанцы, тамъ нумидійцы, въ своихъ пестрыхъ, развѣвающихся одѣяніяхъ, со щитами изъ кожи носорога и съ кожанымп колетами, рядомъ со всадниками справа и слѣва—ливійцы, вооруженные совершенно по-римски, съ pilum, мечомъ и высокимъ щитомъ, посрединѣ—кельты, обнаженные до пояса и показывавшіе свои атлетическіе члены, и испанцы съ круглыми щитами, въ яркобѣлыхъ, съ красной каймой, полукафтанахъ, первые съ могучимъ боевымъ мечомъ въ жилистыхъ рукахъ, послѣдніе—съ обоюдоострыми, остроконечными клинками: въ такомъ видѣ войска Ганнибала, числомъ 40,000 пѣхотинцевъ и 10,000 всадниковъ, стояли противъ римлянъ. На самомъ опасномъ пунктѣ, въ центрѣ, сталъ на позиціи самъ Ганнибалъ со своимъ братомъ Магономъ, въ то время какъ его полководецъ Гасдрубалъ командовалъ лѣвымъ, а Магарбалъ правымъ крыломъ.

Раздался боевой крикъ, войска двинулись. По распоряженію Ганнибала центръ двинулся скорымъ шагомъ впередъ, и притомъ такъ, что онъ образовалъ трехугольникъ, вершиной обращенный впередъ. Ливійцы на обоихъ крыльяхъ остались на мѣстѣ; поставивъ передъ собой щиты, они наблюдали за битвой, которую начали пращники и стрѣлки и затѣмъ, въ выдвинутомъ впередъ центрѣ, съ большимъ упорствомъ продолжали меченосцы. Стрѣлы и копья градомъ сыпались на шлемъ и щитъ, камни и свинцовые шары балеарцевъ уже издалека ударяли въ сомкнутыя массы римлянъ. Одинъ метательный камень попалъ въ голову консула Эмилія Павла. У него потекла кровь; тѣмъ не менѣе онъ повелъ римскую конницу на непріятельскую, которая у рѣки напирала тѣсно сбившимися кучами. Тѣснота мѣста не позволяла всадникамъ развернуться; они бились лицомъ-къ-лицу, на мѣстѣ, подобно легіонамъ. Но кровавая борьба длилась лишь короткое время;

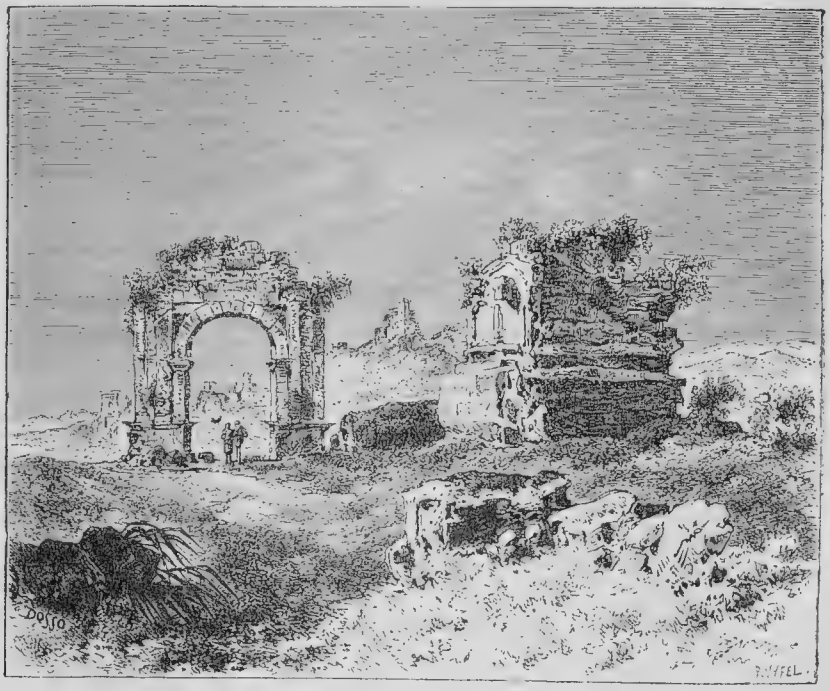
римляне здѣсь должны были уступить превосходству своихъ противниковъ. Изъ рѣзни спаслись лишь немногіе, благодаря быстротѣ своихъ лошадей. Тѣмъ временемъ и нумидійцы вступили въ рукопашную съ эскадронами союзниковъ. То налетали они, то убѣгали, чтобъ увлечь за собой врага, а затѣмъ кучами или длинными линіями возвращались обратно. Латиняне твердо удерживали свой порядокъ; но Гасдрубалъ, бросивъ преслѣдованіе бѣглецовъ праваго крыла, теперь съ тяжелой кавалеріей пришелъ на помощь нумидійцамъ. При первомъ столкновеніи онъ совершенно смялъ испуганнаго врага, обратился затѣмъ на югъ, въ то время какъ легковооруженныя полчища продолжали дикую скачку по равнинѣ, и ударилъ въ тылъ римской пѣхотѣ.

Тѣмъ временемъ легіоны выступили на рѣшающій бой. Они сперва натолкнулись въ срединѣ на балеарцевъ и стрѣлковъ, а за ними на выдвинутыхъ впередъ испанцевъ и кельтовъ и атаковали ихъ, полные довѣрія къ своей боевой опытности и превосходству силъ, но встрѣтили упорное сопротивленіе. Засверкали мечи въ ужасной рукопашной схваткѣ, но вскорѣ они потускнѣли отъ потоковъ крови. Ганнибалъ скакалъ то сюда, то туда, ободряя свои дружины, далеко растянувшіяся линіи которыхъ съ трудомъ выдерживали напоръ непріятельскихъ массъ.

Наконецъ, онѣ должны были отступить, но это происходило медленно, шагъ за шагомъ. Чрезъ это они мало-по-малу поравнялись съ африканцами, а потомъ, продолжая отступленіе, они образовали уголъ, открытый на юго-западъ.

Римскій строй, наступая, болѣе и болѣе принималъ форму клинообразную. Онъ вытѣснилъ непріятельскій центръ, у котораго не было ужъ болѣе опоры, изъ линіи, до крайности растянувъ ее. Уже бѣжали отдѣльные воины, уже колебались цѣлые отряды. Только присутствіе полководца и соревнованіе кельтскихъ и испанскихъ синтагмъ, построенныхъ попеременно, сдерживали еще массы. Ганнибалъ рѣшился, какъ всегда, на смѣлую игру. Еще одно, послѣднее усиліе римлянъ должно было разгромить центръ; тогда войско разбилось бы на двѣ части, и, при негустотѣ строя, легко развернулось бы, было бы перебито съ обѣихъ сторонъ и совершенно разсѣяно. Въ эту опасную минуту, которую пуническій герой вѣрно замѣтилъ и разсчиталъ, онъ далъ приказъ къ наступленію ливійскихъ эска-

дроповъ на обоихъ крыльяхъ. Команда военачальниковъ раздалась по рядамъ; африканцы скорымъ шагомъ справа и слѣва свернули къ серединѣ и еще болѣе растянули свою линію, такъ что они охватили сжатые легіоны частью даже съ тыла. Правда, римляне стали фронтомъ на обѣ стороны и пытались пробить себѣ дорогу мечомъ; правда, проконсулы и словомъ и примѣромъ ободряли ихъ на крайнее напряженіе: все тѣснѣе становилось



РАЗВАЛИНЫ КАННЪ.

желѣзное кольцо, которое, подобно исполинскому удаву, обвилось вокругъ своей жертвы. Копья съ трескомъ пробиваютъ щитъ и латы, всюду сверкаютъ мечи, здѣсь и тамъ, со всѣхъ сторонъ подобно призыву смерти раздаются бранные клики ливійцевъ, которые рѣжутъ, давятъ, сметаютъ враговъ и, увѣренные въ побѣдѣ, обрызганные кровью, жаждая крови, наступаютъ все дальше. Легіоны еще оказываютъ сопротивленіе въ обычномъ порядкѣ, хотя они изъ-за тѣсноты мѣста не могутъ, какъ слѣ-

дуетъ, пользоваться своимъ оружіемъ. Но когда пали тысячи изъ нихъ, когда легли они цѣлыми рядами, когда куча нумидійцевъ, передъ тѣмъ для вида перешедшая на сторону римлянъ, напала на нихъ съ тыла, когда, наконецъ, въ тылу у нихъ появляется и Гасдрубалъ со своими всадниками, тогда пало ихъ мужество, тогда сломилась ихъ сила. Ряды разстроились, порядокъ прекратился, отдѣльные воины и кучи, смыкаясь въ кольцо, стараются отразить отъ себя гибель и высматриваютъ себѣ помощь, спасеніе, выходъ изъ желѣзнаго кольца, которое ихъ окружаетъ. Но всюду они видятъ только дикихъ, жадныхъ до убійства кельтовъ и испанцевъ и темнокожія лица безпощадныхъ африканцевъ. Нѣтъ другого спасенія, какъ чрезъ врата смерти, которой обречено могущественное войско, цвѣтъ Рима и его союза.

Цѣлые ручьи крови обагрили Авфидъ: 50,000 римлянъ и союзниковъ въ видѣ труповъ или въ видѣ тяжелораненыхъ лежали на полѣ брани, среди нихъ консулъ Эмилій Павелъ, бывшій консулъ Сервилій, 30 сенаторовъ и почти всѣ штабъ-офицеры. 20,000 человѣкъ попало въ плѣнъ, и только немного тысячъ воиновъ изъ лагерей и нѣсколько отрядовъ, пробившихъ себѣ дорогу, собрались къ вечеру въ Канузіѣ; консулъ же Варронъ, которому приписывали главную вину въ этомъ страшномъ несчастіи, съ 70 всадниками спасся въ Венузію. Почти одновременно и войско Постумія было завлечено боями въ засаду и уничтожено.

Дѣйствіе пораженія на Римъ. Когда въ Римъ пришли первыя, еще совершенно неопредѣленныя извѣстія объ ужасномъ несчастіи при Каннахъ, народомъ сначала овладѣло тупое остолбенѣніе, которое мало-по-малу, чѣмъ болѣе стало извѣстно подробностей, перешло въ душу раздирающіе вопли. Граждане, матроны, дѣвицы и дѣти съ плачемъ и сѣтованіями блуждали по улицамъ, наполняли Форумъ, обступали курію. Не было дома, не было семьи, гдѣ не раздавалась бы жалоба о смерти дорогихъ родственниковъ. Пало также большое число магистратовъ и жрецовъ, такъ что суды и общественное управленіе пріостановились. Опасались нападенія Ганнибала на городъ, и особенно возбужденнымъ умамъ уже мерещились бѣлые плащи его африканцевъ передъ воротами. Но посреди всеобщаго смятенія и безпомощности, сенатъ, какъ ни порѣдѣлъ онъ оттого, что множество его

членовъ пало отъ карѳагенскихъ мечей, согласно своей великой традиціи, сохранялъ спокойствіе и достоинство.

Ужасъ въ Римѣ царилъ немного дней, а затѣмъ спокойствіе и хладнокровіе сената распространились мало-по-малу на всѣхъ гражданъ, тѣмъ болѣе, что тотчасъ же были пущены въ ходъ всѣ законныя средства для устраненія смятенія. Чрезъ такъ называемое decretum tumultus въ Римѣ было провозглашено осадное положеніе, вслѣдствіе чего магистраты съ пріостановкой права провокаціи гражданъ получили власть надъ жизнью и смертью каждаго отдѣльнаго лица и въ то же время право имѣть войска и носить оружіе и въ городѣ, какъ если бы онъ былъ военнымъ лагеремъ. Всякое скопище народа, всякая громкая жалоба, даже траурная одежда были запрещены. И серьезный народъ на Тибрѣ терпѣливо подчинился желѣзной необходимости. Но прежде всего надо было создать новое войско. Предполагалось выставить четыре легіона съ необходимой для нихъ конницей и обычными союзническими войсками, всего, значитъ, около 40,000 человѣкъ. Но недостатокъ въ годныхъ воинахъ былъ такъ великъ, что при вербовкѣ пришлось набирать молодыхъ людей, носившихъ еще тогу отроковъ, съ пурпурною каймой. Къ смотру новобранцевъ диктаторъ привлекъ и отрядъ изъ 8,000 выкупленныхъ рабовъ и другой отрядъ изъ 6,000 человѣкъ, выпущенныхъ изъ тюремъ. Съ другой стороны сенатъ отклонилъ предложеніе уплатить выкупъ за римлянъ, взятыхъ въ плѣнъ при Каннахъ, и приказалъ ливійцу Карѳалону, прибывшему съ десятью делегатами отъ плѣнныхъ, немедля очистить территорію города.

А два слабыхъ легіона, которые мало-по-малу составились въ Канузіѣ изъ числа воиновъ, бѣжавшихъ и разсѣянныхъ при Каннахъ, въ наказаніе за то, что они обратились въ бѣгство, вмѣсто того, чтобы побѣдить, не смѣли болѣе сражаться на священной почвѣ отчизны, какъ ни нуждалась послѣдняя и въ ихъ рукахъ, но были уведены въ Сицилію. Въ то же время сталъ замѣчаться нравственный подъемъ нобилитета и всего войска, приблизительно какъ въ Пруссіи послѣ несчастія при Іенѣ и Ауэрштедтѣ. Вкоренившееся корыстолюбіе и себялюбіе, повидимому, исчезли: передъ очами всѣхъ—одна только отчизна, и нобилитетъ въ это время отбросилъ даже свою дворянскую гордость и искренно помирился съ народомъ. Это обнаруживалось особенно

въ поведеніи сената по отношенію къ несчастному консулу Теренцію Варрону. Мы знаемъ, что этотъ выскочка противъ воли сената былъ возведенъ народомъ въ консулы, и что ему, по крайней мѣрѣ въ аристократическихъ кругахъ, приписывали всю вину въ ужасной каннской катастрофѣ. Теперь онъ, согбенный несчастіемъ, вернулся изъ Венузіи, куда онъ спасся во время бѣгства съ 70 всадниками. Тѣмъ не менѣе сенатъ постановилъ выйти къ нему навстрѣчу и поблагодарить его за то, что онъ не отчаялся въ будущности государства. Такимъ образомъ, римскій народъ въ совокупности, быть можетъ, ни въ одинъ моментъ своей исторіи не былъ болѣе великимъ, какъ послѣ страшнаго каннскаго удара.

Ганнибалъ послѣ Каннъ. Многимъ кажется крупной ошибкой Ганнибала то, что онъ не отправился тотчасъ же съ поля битвы на самый Римъ. Позднѣйшіе риторы выразили эту мысль въ одномъ анекдотѣ, влагаемомъ въ уста Магарбала. Послѣдній будто бы сказалъ на побѣдномъ пиру: „Если ты отпустишь меня съ конницей и быстро послѣдуешь за мной, то черезъ пять дней ты будешь обѣдать на Капитоліѣ“. И, когда Ганнибалъ сдѣлалъ возраженія противъ этого плана, онъ будто бы прибавилъ: „Теперь я понимаю, что боги не даруютъ всего одному человѣку. Побѣждать ты умѣешь, но пользоваться побѣдой не умѣешь“. На самомъ дѣлѣ, и послѣ Каннъ Ганнибалъ не могъ напасть на самый Римъ, не разбивъ напередъ италійскихъ союзниковъ Рима. На это направилъ онъ теперь главную свою дѣятельность. Генерала своего Ганнона онъ послалъ въ Луканію и привлекъ на свою сторону большинство луканскихъ племенъ; точно также въ это время братъ его Магонъ привлекъ къ себѣ бруттіевъ, хотя города Консентію и Петелію лишь послѣ упорнаго сопротивленія. Самъ же Ганнибалъ принялъ въ Апуліи сдачу городовъ Аркъ, Салапіи, Гердоніи и Узента; затѣмъ онъ пошелъ въ Кампанію и привлекъ къ себѣ—прекраснѣйшій его успѣхъ безъ примѣненія оружія—богатую Капую, городъ, могшій въ то время выставить въ поле 34,000 вооруженныхъ, вмѣстѣ съ сосѣдними общинами Ателлой и Калатіей.

М. Марцеллъ. Противъ этихъ успѣховъ римляне отправили на югъ М. Марцелла. Онъ пошелъ съ назначеннымъ ему легіономъ въ Апулію. Стянувъ къ себѣ здѣсь нѣкоторое число

римскихъ гарнизоновъ, онъ осторожно, избѣгая отпавшихъ областей, повелъ свои дружины горами въ Кампанію, чтобъ сохранить и спасти то, что было возможно. Онъ былъ человѣкъ уже пожилой, почти шестидесяти лѣтъ, но полонъ пылкой жажды брани, какъ въ то время, когда онъ при Кластидіѣ собственноручно сшибъ съ ногъ кельтскаго военачальника и снялъ съ него оружіе. Но передъ страшнымъ врагомъ онъ съумѣлъ сдержать свой боевой порывъ. Онъ укрѣпился въ Казилинѣ на Вольтурнской линіи, такъ какъ не могъ спасти Капую. Услышавъ, что граждане важнаго города Нолы бурно требуютъ соединенія съ Ганнибаломъ, онъ по восточной цѣпи горъ, обходя пуническій лагерь, черезъ Сатикулу двинулся къ угрожаемому городу. Онъ пришелъ вовремя, ибо уже приближались карѳагеняне, чтобы овладѣть имъ. Ганнибалъ тогда снова обратился на Неаполь и, нашедши тамъ гражданъ враждебно настроенными и готовыми къ сопротивленію, расположился лагеремъ подъ Нукеріей. Охотно преторъ пришелъ бы на помощь къ храбрымъ защитникамъ этой крѣпости, но онъ не могъ отважиться стать въ открытомъ полѣ поперекъ дороги каннскому побѣдителю. Поэтому жестоко стѣсненный городъ долженъ былъ сдаться. Такъ какъ граждане разсѣялись, то онъ былъ отданъ пуническимъ воинамъ на разграбленіе. Послѣ этого Ганнибалъ подвинулся къ Нолѣ. Но онъ тщетно предлагалъ битву гарнизону, а когда онъ приступилъ къ штурму, Марцеллъ неожиданно совершилъ вылазку со всѣми своими силами и отбилъ осаждающихъ съ значительнымъ для нихъ урономъ. Ганнибалъ тогда пошелъ въ Ацерры, чтобы принудить осторожнаго противника къ битвѣ. Онъ началъ окружать это мѣсто валомъ и рвомъ; но прежде чѣмъ осадныя сооруженія были окончены, граждане бѣжали ночью съ женами и дѣтьми, предоставивъ карѳагенянамъ свои дома и свое имущество.

Годъ кончался; но вотъ явился и диктаторъ М. Юній Пера со своими легіонами. Чтобъ не пустить его къ Капуѣ, пуническій полководецъ обратился на Казилинъ, имѣвшій гарнизонъ изъ двухъ когортъ союзниковъ. Онъ окружилъ это важное мѣсто осадными сооруженіями; но занятіе его, по причинѣ храброй обороны, дотянулось до слѣдующаго года. Поэтому Ганнибалъ, снабдивъ укрѣпленный лагерь достаточнымъ войскомъ, отправился на зимнія квартиры въ Капую.

Сообщаютъ, что пышный образъ жизни въ главномъ городѣ Кампаніи и господствовавшія тамъ излишества содѣйствовали ослабленію дисциплины въ карѳагенскомъ войскѣ и его воинственнаго духа. Въ этомъ врядъ ли есть доля правды. Парализующимъ образомъ дѣйствовало на военныя предпріятія Ганнибала скорѣе то обстоятельство, что ряды его старыхъ, закаленныхъ воиновъ порѣдѣли, и что онъ получалъ изъ отечества лишь недостаточныя подкрѣпленія, въ то время какъ римскія силы мало-по-малу оправлялись отъ разрушительныхъ ударовъ.

Полководецъ уже неоднократно посылалъ въ Карѳагенъ вѣсти о своихъ побѣдахъ. Теперь, разгромивъ всю военную силу Рима, онъ отправилъ туда своего брата Магона. Чтобы показать величину непріятельскаго пораженія, послѣдній высыпалъ передъ собравшимся сенатомъ цѣлый четверикъ золотыхъ перстней, снятыхъ на полѣ Каннской битвы съ павшихъ и взятыхъ въ плѣнъ римскихъ всадниковъ. Когда онъ затѣмъ изложилъ необычайные успѣхи, то, несмотря на протестъ партіи мира, было принято рѣшеніе поставить въ распоряженіе побѣдоноснаго героя въ Италіи 24,000 человѣкъ пѣхоты, 4,000 нумидійцевъ и обильныя денежныя средства. Воодушевленіе, вызвавшее это рѣшеніе, длилось однако не долго. При выполненіи его дѣйствовали крайне лѣниво, и когда, наконецъ, прибыли извѣстія, что римляне въ Испаніи всюду побѣдоносны, но что въ Сардиніи населеніе думаетъ отпасть отъ Рима, весь планъ былъ измѣненъ. Магонъ получилъ приказъ отправиться съ флотомъ и войскомъ въ Испанію; другой военачальникъ, Гасдрубалъ, прозванный Кальвомъ, долженъ былъ съ подобными же силами плыть въ Сардинію. Конечно, при удачѣ, онъ могъ притти на помощь полководцу въ Италіи; но почти всюду, гдѣ предпріятіями руководилъ не геній Ганнибала, они не удавались и влекли за собой все болѣе крупныя потери. Лишь въ слѣдующемъ году карѳагенскій военачальникъ Бомилькаръ привелъ къ нему подкрѣпленія изъ 4,000 нумидійцевъ и 40 слоновъ. Такимъ образомъ, несмотря на отдѣльные успѣхи Ганнибала, въ войнѣ произошла извѣстная остановка, потому что онъ недостаточно поддерживался близорукими властями его родного города, но еще болѣе потому, что онъ, несмотря на отпаденіе отъ Рима капуанцевъ, лукановъ и бруттіевъ, все-таки не былъ въ состояніи привлечь къ себѣ древ-

нѣйшую и наиболѣе важную часть римскихъ союзниковъ: латинянъ, эквовъ, марсовъ, самнитовъ, френтановъ, маруциновъ, пицентовъ, ни даже главной части осковъ, какъ и грековъ Италіи. Эти народности или уже настолько стали togati, что онѣ чувствовали себя съ господствующей общиной, Римомъ, единымъ цѣлымъ передъ иностранцемъ, или онѣ, подобно грекамъ Неаполя и Кумъ, опасались торговой конкуренціи карѳагенянъ, дан, пожалуй, всѣ онѣ питали глубокое нерасположеніе къ характеру семитической расы, представителемъ которой представлялся имъ Ганнибалъ. Можно бы было сказать, что Римъ въ это критическое время былъ спасенъ прежде всего собственными силами и цѣлесообразнымъ руководствомъ сената, а затѣмъ и вѣрностью его италійскихъ союзниковъ.

Нолапская урна.
Хранится въ Cabinet de France.
Это прекрасная ваза съ тремя ручками, Нолапскаго произвоства; на черномъ фонѣ писанныя красной краской изображенія Юпитера и Эгины.

Отраженіе Ганнибала подъ Нолой. При такихъ обстоятельствахъ храброму Марцеллу было возможно уже въ 215 г. одержать небольшой надъ Ганнибаломъ военный успѣхъ, который, хотя самъ по себѣ и незначительный, все-таки снова укрѣпилъ въ пользу Рима настроеніе такихъ общинъ, вѣрность которыхъ ему еще колебалась. Дѣло въ томъ, что изъ Нолы Марцеллъ опустошилъ въ страшныхъ набѣгахъ область гирпиновъ и кавдиновъ, стоявшихъ на сторонѣ Карѳагена. Ихъ крикъ о помощи побудилъ пуническаго главнокомандующаго снова напасть на Нолу, сборный пунктъ римскаго претора. Часть своихъ силъ онъ оставилъ для охраны лагеря на горѣ Тифатѣ, а прочихъ повелъ на штурмъ крѣпости. Марцеллъ держалъ свои дружины на готовѣ, и увидѣвъ, что непріятель у самыхъ стѣнъ занятъ приготовленіями къ приступу, внезапно сдѣлалъ изъ воротъ вылазку. Бой

былъ жаркій и остался нерѣшеннымъ; гроза и проливной дождь разъединили бойцовъ. Лишь на третій день онъ могъ быть возобновленъ и оконченъ въ пользу римлянъ, которые даже захватили въ добычу нѣсколько слоновъ. Однако, повидимому, уронъ карѳагенянъ вовсе не былъ очень значителенъ, такъ какъ Ганнибалъ отослалъ вновь прибывшія подкрѣпленія обратно въ Бруттій, а самъ пошелъ на зимнія квартиры въ Арпы, въ Апулію. Тамъ безпрестанно происходили перестрѣлки и стычки съ легковооруженными войсками консула Гракха, который послѣдовалъ за нимъ и стоялъ въ Лукеріи. Вслѣдствіе неблагопріятнаго оборота войны Ганнибалъ увидѣлъ себя, наконецъ, вынужденнымъ поискать иноземныхъ союзниковъ.

Царь Филиппъ V Македонскій. Фаланга Македоніи нѣкогда покорила Азію; это государство, казалось, могло оказать ему наиболѣе сильную помощь. Тамъ правилъ жаждавшій земли и славы царь Филиппъ V (223—179), охотно внимавшій представленіямъ объ опасности римскаго преобладанія. Ганнибалъ отправилъ надежныхъ посланцевъ къ юному царю, и предложенія его встрѣтили хорошій пріемъ. Македонскіе послы передали ему весьма желанныя предложенія. Филиппъ хотѣлъ содѣйствовать ему всѣми силами въ покореніи Италіи; Ганнибалъ же затѣмъ долженъ былъ оказать ему ту же услугу противъ эллинскихъ государствъ и государствъ востока. Но македонскіе государственные послы были перехвачены римскимъ флотомъ, и это несчастіе отсрочило заключеніе союза до 215 г. до Р. Хр.

Сиракузы. Болѣе близкіе виды на сильную поддержку открылись въ Сициліи. Тамъ умеръ царь Сиракузскій Гіеронъ. Мудрость его не перешла на его внука Гіеронима, державшаго сторону Карѳагена. Делегаты римскаго претора Аппія Клавдія увѣщевали неблагоразумнаго юношу довольствоваться мирной жизнью въ своемъ свѣтломъ царскомъ замкѣ. Но тотъ на это возразилъ незваннымъ совѣтникамъ, что римляне сами нуждаются въ добрыхъ совѣтахъ, такъ какъ понесли столь чувствительное и заслуженное пораженіе, и отпустилъ ихъ крайне немилостиво. Послѣ этого онъ отправилъ въ Карѳагенъ пословъ, которые заключили обязательный договоръ. Въ немъ царь давалъ обѣщаніе, за предоставленіе ему Сициліи, оказывать помощь на сушѣ и на морѣ противъ общаго врага, но, прежде чѣмъ онъ еще

былъ въ состояніи предпринять что-либо противъ Рима, онъ былъ убитъ. Послѣ разныхъ перемѣнъ, во главѣ сиракузскаго государства оказалось два лица, Гиппократъ и Эпикидъ, проведшіе свою юность въ Карѳагенѣ. Они возобновили оборонительный и наступательный союзъ съ пунійцами, но чрезъ это навлекли на свой родной городъ всѣ ужасы войны.

Велико было смущеніе въ Римѣ, когда увидѣли опасность, грозившую теперь и со стороны Сиракузъ, и со стороны Македоніи. Пока, можно было увеличить только флотъ до 150 кораблей, чтобы воспрепятствовать высадкѣ въ Италіи, да и на это вооруженіе, для котораго не хватило истощенной государственной казны, расходы должны были покрыть состоятельные граждане. Раньше еще прибыло донесеніе Сципіоновъ изъ Испаніи, сообщавшее объ ихъ крупныхъ успѣхахъ, но и указавшее на необходимость собрать денегъ, одеждъ и хлѣба для храбраго войска, если не желаютъ снова сдѣлать спорными всѣ успѣхи. Сенатъ призналъ безотлагательность этого требованія; но никто не зналъ, какъ, при истощеніи государства, собрать нужныя для этого суммы денегъ. И вотъ прибѣгли къ средству, которое нынѣ во всѣхъ государствахъ въ большомъ ходу: рѣшили сдѣлать государственные долги и съ этой цѣлью изготовить бумажныя деньги. Откупщики государственныхъ доходовъ были приглашены ради государства, которое ихъ обогатило, принять на себя поставки для испанскаго войска. Взамѣнъ они должны были получить ассигновки на имя общественной казны, и имъ было обѣщано, что эти ассигновки немедленно будутъ обмѣнены на звонкую монету, какъ только будутъ деньги. Любовь къ отечеству и упованіе на конечную побѣду республики были такъ велики, что три общества, по 19 лицъ въ каждомъ, вызвались принять на себя поставки для войска и флота. Они поставили только то условіе, чтобы за эти траты они были освобождены отъ полевой службы и чтобы перевозка собранныхъ припасовъ происходила на страхъ государства. Когда затѣмъ нельзя было покрыть расходовъ на игры и праздники боговъ, другіе предприниматели заявили, что они также устроятъ все за ассигновки. Точно также на все время войны хозяева рабовъ, навербованныхъ для полевой службы, отказались отъ платы. Мало того, довѣріе къ будущему государства было столь велико, что даже въ это тяжелое время въ государственную казну были

внесены значительныя суммы вдовьихъ и сиротскихъ денегъ. Этотъ великодушный подъемъ, это непоколебимое довѣріе царило и въ римскомъ войскѣ. Ни одинъ всадникъ, ни одинъ центуріонъ не бралъ платы, а кто это дѣлалъ, тотъ назывался наемникомъ. И дѣйствительно, государство, въ которомъ господствуетъ такое настроеніе, не можетъ погибнуть; оно выдерживаетъ самые потрясающіе удары благодаря силѣ одушевленія, наполняющаго его гражданъ.

Война въ Испаніи. Тѣмъ временемъ ни изъ Карѳагена, ни со стороны Македоніи не сдѣлано было ничего крупнаго для поддержки Ганнибала. Такимъ образомъ, ему оставалась, наконецъ, только надежда, что брату его Гасдрубалу удастся привести къ нему большое войско изъ Испаніи, по вновь открытому сухому пути черезъ Альпы. Поэтому событія въ Испаніи имѣли величайшее значеніе для продолженія всей войны. Мы знаемъ, что въ самомъ началѣ въ Испанію отплылъ Гней Сципіонъ. Онъ побѣдилъ Ганнона, оставленнаго Ганнибаломъ между Пиринеями и Эбро, и проникъ до Тарракона. Въ 217 г. онъ разбилъ карѳагенскій флотъ при устьѣ Эбро и получилъ 8,000 человѣкъ подкрѣпленія, которыхъ привелъ къ нему братъ его Публій Сципіонъ, побѣжденный въ 218 г. Ганнибаломъ при Тицинѣ. Съ этими боевыми силами обоимъ Сципіонамъ удалось въ 216 г. отразить при городѣ Иберѣ (?) брата Ганнибала, Гасдрубала, наступавшаго противъ нихъ, чтобъ завладѣть Пиринейскими проходами для похода въ Италію. Это пораженіе Гасдрубала было поводомъ къ тому, что приготовленныя въ Африкѣ послѣ битвы при Каннахъ войска для Ганнибала были направлены не въ Италію, а въ Испанію (стр. 332). Тѣмъ не менѣе и въ слѣдующіе годы (215—213) римляне удержали за собой перевѣсъ въ Испаніи. Сципіоны проникли до Бэтиса (Гвадалквивира), одержали тамъ побѣды при Иллитургахъ и Интибиляхъ, отстроили вновь Сагунтъ и чрезъ пословъ завязали даже сношенія съ мавританскимъ царемъ, по имени Сифакомъ, который въ то время вооружалъ и обучалъ свое войско посредствомъ римскихъ офицеровъ на римскій ладъ и отдавалъ свои боевыя силы въ распоряженіе римлянъ. Эти успѣхи римлянъ вынудили Гасдрубала въ 213 г. до Р. Хр. самого перейти съ большой частью своей арміи черезъ морской проливъ и снова подчинить себѣ сѣверное побережье Африки. Тамъ онъ

нашелъ себѣ союзника въ лицѣ юнаго, пылкаго Масиниссы, сына царя Западной Нумидіи, и послѣдній, по порученію карѳагенянъ, побилъ Сифака. Кромѣ того, Гасдрубалъ на родномъ материкѣ снарядилъ тогда сильное ливійское войско, такъ что, вернувшись въ 212 г. въ Испанію, онъ уже имѣлъ перевѣсъ надъ Сципіонами. Подкрѣпленный своимъ братомъ Магономъ и полководцемъ Гасдрубаломъ, сыномъ Гисгона, онъ началъ наступленіе противъ Сципіоновъ. Напрасно послѣдніе наняли теперь 20,000 кельтиберовъ; они были разъединены, завлечены въ засады и послѣ храбраго сопротивленія погибли вмѣстѣ со своими войсками. Всѣ прежніе успѣхи римлянъ въ Испаніи снова были уничтожены этой гибелью Сципіоновъ. Отправленный въ 211 г. въ Испанію преторъ Клавдій Неронъ съ трудомъ отстаивалъ область между Эбро и Пиринеями, чтобы воспрепятствовать по крайней мѣрѣ проходу Гасдрубала въ Италію. Перемѣна въ пользу римлянъ наступила лишь тогда, когда новый, какъ казалось, отмѣченный самими богами, молодой герой явился въ 210 г. на испанскомъ театрѣ войны (см. ниже).

Статуя консула М. Клавдія Марцелла. Мраморная статуя въ Капитолійскомъ музеѣ въ Римѣ.

Война въ Сициліи; Сиракузы. Въ Сиракузахъ, по убіеніи Гіеронима, стояли другъ противъ друга двѣ партіи: римская и пуническая. Состоятельные граждане и стратеги по бо́льшей части были настроены въ пользу римлянъ, а чернь и войско, состоявшее въ значительной степени изъ римскихъ перебѣжчиковъ,—въ пользу пунійцевъ. Выше мы видѣли, какъ пуническая партія подъ начальствомъ Эпикида и Гиппократа одержала верхъ: настроенная въ римскомъ духѣ знать и военачальники были или убиты или

народныхъ возстаніяхъ, или изгнаны. Изъ Сиракузъ пунническое движеніе распространилось дальше: леонтинцы подъ предводительствомъ Гиппократа перерѣзали отрядъ римскихъ солдатъ, и въ другихъ мѣстахъ также обнаруживалась глубоко вкоренившаяся ненависть къ римскому господству. Чтобы прекратить эти дѣянія, въ 214 г. былъ отправленъ въ Сицилію съ войскомъ самый способный воякa римлянъ, Клавдій Марцеллъ. Загорѣвшаяся теперь здѣсь война велась съ обѣихъ сторонъ, особенно же со стороны римлянъ, съ большой жестокостью, такъ что продолжающаяся понынѣ запустѣлость большихъ пространствъ Сициліи ведетъ свое начало именно съ той поры.

Сперва Марцеллъ покорилъ Леонтины. Городъ былъ взятъ приступомъ, и двѣ тысячи перебѣжчиковъ, взятыхъ при этомъ въ плѣнъ, были казнены, что послужило предметомъ ужаса для римскихъ перебѣжчиковъ въ Сиракузахъ. Затѣмъ Марцеллъ началъ нападенія на самыя Сиракузы, съ суши и съ моря.

Далеко растянувшійся, многолюдный городъ этотъ лежалъ на скалистой возвышенности, подходящей на востокѣ къ самому морю. Древнѣйшая часть города, основанная финикіянами, лежала на островѣ Ортигіи, который тянется съ сѣвера на югъ и образуетъ восточную границу большой гавани, въ которую впадаетъ Анапъ. Другая гавань, поменьше, находится между сѣверной стороной Ортигіи и сицилійскимъ материкомъ. Съ Ортигіи вскорѣ послѣ того, какъ греки въ 734 г. завладѣли этимъ важнымъ мѣстомъ, городъ разросся и на материкъ и былъ соединенъ съ нимъ дамбой.

Старый городъ на материкѣ назывался Ахрадиной, представляя эллиптической формы площадь, длиной въ 5 km. (9,6 вер.), шириной въ $1^1/_2$ km.(1,4 вер.), лежащую около 60 m. (197 фут.) надъ уровнемъ моря и окруженную со всѣхъ сторонъ особой стѣной. Сюда съ запада примыкали городскія части Тихе и Неаполь и еще далѣе на западъ Эпиполы, до того мѣста, гдѣ плоскогорье становится слишкомъ узкимъ для городского поселенія; тамъ въ видѣ заключительнаго звена исполинскихъ укрѣпленій лежалъ холмъ Эвріалъ въ 150 m. (492 фут.) высоты, окруженный сильными стѣнами. Въ этихъ размѣрахъ Сиракузы были величайшимъ городомъ древности вообще; ибо Аѳины внутри своихъ стѣнъ занимали площадь въ $8^3/_4$ qkm. (7,7 кв. верстъ), Але-

ксандрія—8 (7 кв. вер.), императорскій Римъ—14 (12 кв. вер.), Сиракузы же—18 (15,7 кв. вер.), а окружность городской стѣны составляла $23^1/_3$ km. (22 версты). Внѣ стѣнъ сиракузцы построили въ болотистой низменности на Анапѣ Олимпіей, дорійскій храмъ въ честь Зевса, а въ окрестности его—предмѣстье Полихне. Къ юго-востоку отсюда, съуживая вмѣстѣ съ противолежащей Ортигіей входъ въ большую гавань, лежитъ богатый видами мысъ Племирій.

АХРАДИНСКІЙ БЕРЕГЪ У СИРАКУЗЪ.

Марцеллъ и Архимедъ. Боевыхъ силъ Марцелла конечно не хватало для оцѣпленія исполинскаго города; поэтому онъ направилъ свои нападенія главнымъ образомъ на Ахрадину и Тихе, поступая при этомъ съ обычной своей осмотрительностью и храбростью. Въ его распоряженіи было 100 кораблей, обильно снабженныхъ снарядами и осадными орудіями. Съ восемью связанными попарно пентерами онъ подплылъ къ самой стѣнѣ. Навѣсы закрывали воиновъ, на каждомъ двойномъ кораблѣ были помѣщены подъемные мосты, которые съ помощью машинъ можно было подни-

мать до высоты стѣны. Палубы прочихъ кораблей были заняты стрѣлками изъ лука, пращниками и велитами, которые градомъ снарядовъ поражали или прогоняли защитниковъ на стѣнахъ.

Приготовленія осажденныхъ противъ угрожавшей имъ гибели были однако не менѣе сильны и остроумны. Ими руководилъ человѣкъ, имя котораго на всѣ вѣка сіяетъ въ яркомъ свѣтѣ, который славно и счастливо защищалъ свой родной городъ во всеоружіи науки, пока послѣдній вслѣдствіе трусости и измѣны не попалъ въ руки враговъ. Человѣкъ этотъ былъ Архимедъ. По его указаніямъ, стѣна снизу и до-верху была снабжена бойницами, черезъ которыя защитники, находясь подъ прикрытіемъ, пускали свои снаряды. Онъ велѣлъ сдѣлать совершенно новыя метательныя орудія, которыя бросали на корабли большіе камни и свинцовые шары. На зубцахъ стѣны были поставлены громадные рычаги, которые спереди были вооружены желѣзными крючьями и подхватывали суда съ носа, подымали ихъ вверхъ и опрокидывали. Этими и подобными орудіями разбиты были галеры, подъемные мосты и осадныя сооруженія и потоплены вмѣстѣ съ воинами, такъ что консулу, наконецъ, пришлось съ большимъ урономъ отказаться отъ штурма. Не лучше дѣло обстояло на сторонѣ суши. Многіе изъ воиновъ, шедшихъ на приступъ, крючьями и желѣзными зацѣпами были подхвачены на стѣну, многихъ разбили снаряды или закругленные камни, которые, скатываясь со стѣны и по склонамъ, сильно разрѣжали ихъ ряды. Нападеніе всюду было отбито.

Марцеллъ, не легко отказывавшійся отъ разъ предпринятаго, пытался одолѣть строптивый городъ новыми приготовленіями и машинами; но геній Архимеда превосходилъ его; всѣ попытки вели только къ болѣе крупнымъ потерямъ. Наконецъ, онъ долженъ былъ рѣшиться обратить осаду въ блокаду, чтобы добиться голодомъ того, чего нельзя было достичь силою. Однако силы его не были достаточно значительны для того, чтобы отрѣзать обширный городъ отъ всѣхъ сообщеній. Кажется, онъ своимъ осаднымъ валомъ оцѣпилъ только Тихе и части Эпиполъ, и, слѣдовательно, карѳагенянская помощь могла притти и сушей, и моремъ. Зато ему удалось на быстро совершенномъ походѣ взять приступомъ нѣсколько другихъ сицилійскихъ городовъ, перешедшихъ къ непріятелю. Со своимъ отрядомъ онъ отважился даже пройти къ южному побе-

режью, гдѣ съ большими силами высадился карѳагенянинъ Гимилькономъ и съ перваго натиска захватилъ Гераклею и Агригентъ. Впрочемъ онъ вскорѣ убѣдился въ превосходствѣ врага и началъ отступленіе. Но дорогѣ онъ натолкнулся на Гиппократа, выступившаго съ 10,000 человѣкъ изъ Сиракузъ, для соединенія съ карѳагенянами. Быстро рѣшившись, онъ напалъ на застигнутыя врасплохъ дружины и пробился сквозь нихъ съ большимъ

КАМЕНОЛОМНИ ОКОЛО СИРАКУЗЪ
(по фотографіи).

кровопролитіемъ. Соединившіеся враги послѣдовали за нимъ по пятамъ и расположились на рѣкѣ Анапѣ. Однако они не рѣшались напасть на римскіе оконы. Напротивъ, они даже покинули свою позицію, расчитывая въ другомъ мѣстѣ на бо́льшій успѣхъ. Ибо многіе города объявили себѣ противъ Рима, и когда трибунъ Г. Инарій, расположившійся съ гарнизономъ въ прелестной Энпѣ, велѣлъ, изъ недовѣрія, перерѣзать гражданъ этого города, весь островъ пришелъ въ броженіе и сталъ на сторону Карѳагена. Въ

этомъ опасномъ положеніи, когда Сицилія была большей частью потеряна и даже осадное войско подъ Сиракузами было, казалось, не въ безопасности, въ Панормѣ высадился новый римскій легіонъ съ многочисленными союзниками и, избѣгая опасной дороги черезъ внутренность страны, прошелъ вдоль берега въ Сиракузы, для усиленія осаднаго войска. Марцеллъ могъ теперь устроиться на зиму подъ осажденнымъ городомъ и дождаться успѣха блокады.

Война съ царемъ Филиппомъ Македонскимъ, послѣ продолжительнаго промедленія, стала, наконецъ, также вестись серьезнѣе. Чтобъ имѣть свободными руки на западѣ, Филиппъ заключилъ въ 217 г. до Р. Хр. съ этолянами миръ въ Навпактѣ, а затѣмъ, какъ мы видѣли выше, въ 215 году онъ заключилъ союзъ съ Ганнибаломъ. Весной 214 г. онъ проникъ въ Иллирію и построилъ флотъ и 200 легкихъ либурнскихъ судовъ, для переправы въ Италію. Но замѣтивъ нѣсколько римскихъ пентеръ, онъ упалъ духомъ. Поэтому онъ ограничился предпріятіями въ Иллиріи, завоевалъ Орикъ и осадилъ Аполлонію. Но вскорѣ явился со своими галерами преторъ Г. Валерій Левинъ. Отнявъ опять, съ перваго же набѣга, Орикъ, онъ ввелъ въ Аполлонію, не совсѣмъ еще запертую, отрядъ въ 2,000 человѣкъ, которые при ночной вылазкѣ обратили осаждающихъ въ бѣгство. Это несчастіе и приближеніе римскаго флота совершенно смутили царя. Онъ сжегъ свои корабли и со своимъ войскомъ, сильно пострадавшимъ, началъ отступать черезъ горы въ свои наслѣдственныя земли. Но и позднѣе, когда Тарентъ былъ завоеванъ Ганнибаломъ и представлялъ для него удобное мѣсто высадки, онъ безъ пользы пропустилъ лучшее время для высадки въ Италіи; война велась довольно вяло, по большей части на греческой почвѣ, гдѣ этоляне и ихъ союзники стали на сторону Рима. Сенатъ заключилъ съ ними оборонительный и наступательный союзъ, причемъ онъ, отказываясь отъ всякихъ земельныхъ пріобрѣтеній, обѣщалъ своимъ союзникамъ Акарнанію и другія владѣнія, послѣ того какъ они будутъ завоеваны. Съ другой стороны, царь привлекъ къ себѣ Ахейскій союзъ и многихъ патріотически настроенныхъ людей, понимавшихъ превосходство силы Рима. Но роскошной жизнью и многими предательскими поступками онъ сталъ имъ ненавистенъ, и хотя развивалъ необычайную дѣятельность, все-таки онъ не

пріобрѣлъ военной славы и не достигъ приращенія своего могущества. Взоры его направлены были только на мелочную близкую наживу; подать руку за море пуническому полководцу, для дѣятельнаго, совмѣстнаго наступленія,—на это онъ не могъ рѣшиться.

Война въ Италіи въ 214—211 гг. Между тѣмъ положеніе Ганнибала въ Италіи не стало лучшимъ. Римляне уже въ 214 г. до Р. Хр. выставили снова въ поле 200,000 человѣкъ. Три легіона стояли въ Верхней Италіи насупротивъ кельтовъ, четыре подъ начальствомъ Тиберія Гракха дѣйствовали противъ самого Ганнибала въ Апуліи, четыре другихъ имѣли задачей отвоевать обратно К а п у ю, важнѣйшій военный пунктъ Ганнибала, сильные гарнизоны охраняли Римъ, Брундизій и Тарентъ, два большихъ флота крейсировали въ водахъ, окружающихъ Италію. Напротивъ, подвозовъ и новыхъ наборовъ, которыми подкрѣплялись силы Ганнибала, едва хватало для пополненія его порѣдѣвшихъ рядовъ; онъ долженъ былъ быть довольнымъ, когда армія его сохраняла въ общемъ численность въ 40,000 человѣкъ. Тѣмъ не менѣе искусство Ганнибала, какъ полководца, было такъ велико, что онъ не уступалъ римлянамъ въ продолженіе этихъ лѣтъ. Грозившую однажды уже въ 214 г. осаду Капуи римлянами Ганнибалъ съумѣлъ отвратить ловкими маневрами, и когда въ 213 г. Арпы въ Апуліи отпялъ у него Квинтъ Фабій, сынъ Медлителя, онъ загладилъ этотъ позоръ въ 212 г., завоевавъ Т а р е н т ъ. Въ этомъ содѣйствовали ему особыя обстоятельства. Дѣло въ томъ, что заложники Тарента и Ѳурій, молодые люди изъ знатнѣйшихъ родовъ, пользовавшіеся въ Римѣ довольно большой свободой, попытались бѣжать. Но они были настигнуты римлянами и немилосердно публично высѣчены и обезглавлены. Эта варварская строгость вызвала среди грековъ всеобщее негодованіе. Нѣсколько предпріимчивыхъ людей, извѣстныхъ въ качествѣ хорошихъ охотниковъ, съумѣли обмануть римскаго военачальника въ Тарентѣ, такъ что онъ впускалъ ихъ съ добычею черезъ ворота во всякое время дни и ночи. Они вступили въ сношенія съ карѳагенскимъ полководцемъ и незамѣтно подвели его дружины подъ самыя стѣны города. Филоменъ, одинъ изъ охотниковъ, далъ у воротъ знакъ; когда же сторожъ открылъ ворота и сталъ осматривать принесеннаго крупнаго кабана, тотъ вонзилъ ему въ

животъ охотничье копье; другіе заговорщики съ многочисленными товарищами умертвили одновременно сторожей восточныхъ воротъ, и вотъ съ обѣихъ сторонъ посыпали въ городъ карѳагеняне, перебили римлянъ и разграбили ихъ жилища, пощадивъ однако гражданъ. Римскій военачальникъ съ частью гарнизона благополучно спасся въ замокъ. Послѣдній лежалъ на выступѣ скалы, господствовавшемъ надъ гаванью; со стороны города онъ былъ укрѣпленъ стѣной и рвомъ. Ганнибалъ поэтому велѣлъ возвести противъ него валъ, и, когда гарнизонъ предпринялъ вылазку, карѳагеняне убили бо́льшую часть его изъ засады. Такъ какъ, однако, моремъ прибыло свѣжее войско, то защитники въ замкѣ могли удержаться. Вскорѣ затѣмъ карѳагенянами были заняты и Метапонтъ, и Ѳуріи, такъ что теперь въ ихъ власти была вся юго-восточная оконечность Италіи.

Осада Капуи. Около этого времени изъ Кампаніи раздался крикъ о помощи, котораго Ганнибалъ не могъ не услышать. Именно на 212 годъ римляне рѣшились, во всякомъ случаѣ, завоевать и наказать Капую, во что бы то ни стало. Поэтому консулы Кв. Фульвій Флаккъ и Аппій Клавдій соединили свои войска, чтобы сообща осадить городъ. Ихъ наступленіе удалось; они взяли съ приступа лагерь Ганнона, который долженъ былъ охранять безопасность Капуи, и начали окружать городъ крѣпкимъ кольцомъ. Вокругъ стѣнъ Капуи уже поднялись оконы и другія осадныя сооруженія римлянъ; оба консула прикрывали работы своими легіонами, въ то время какъ преторъ Клавдій Неронъ занималъ высоты Суессулы. Тогда-то прибылъ пуническій полководецъ и вступилъ въ борьбу съ осаднымъ войскомъ за угрожаемый городъ. Послѣдствіемъ было то, что оба консула отступили и пригомъ въ разномъ направленіи. Ганнибалъ преслѣдовалъ Аппія Клавдія, не настигая его. Зато онъ натолкнулся на другой римскій отрядъ, который велъ нѣкій Центроній. Этотъ человѣкъ, одинъ изъ храбрѣйшихъ центуріоновъ, атлетическаго тѣлосложенія, непобѣдимый въ рукопашной схваткѣ и въ линіи, похвалился, что положилъ бы на мѣстѣ все пуническое войско, если-бы ему передали отрядъ хорошихъ воиновъ. Сенатъ снизошелъ къ этому желанію, и къ нему стеклось много авантюристовъ, знавшихъ его крѣпкій кулакъ. Послѣ того какъ вся масса, свыше 16,000 человѣкъ, достаточно была обучена римской тактикѣ, центуріонъ

повелъ ее на врага. Правда, воины напали съ большой увѣренностью и бились безстрашно, но, неопытные въ стратегическихъ движеніяхъ, всѣ они, съ самимъ центуріономъ, сражавшимся въ самыхъ первыхъ рядахъ, сложили здѣсь свои головы. Съ поля брани карѳагенскій герой устремился въ Апулію, гдѣ стоялъ лагеремъ преторъ Гн. Фульвій съ 18,000 человѣкъ. Римскіе воины, вопреки волѣ своего осторожнаго вождя, смѣло пустились въ бой, но при Г е р д о н е ѣ потерпѣли такое пораженіе, что только немногіе изъ нихъ спаслись. Вскорѣ затѣмъ проконсулъ Тиб. Гракхъ со всей своей свитой въ Луканіи попалъ въ засаду, послѣ чего разсѣялось его войско, состоявшее изъ рабовъ и союзниковъ. Солнце счастія, казалось, еще разъ улыбнулось пуническому герою; но то была только обманчивая вечерняя заря, за которою послѣдовала ночь долгой, тщетной борьбы.

Щитъ для штурма непріятельскаго лагеря (testudo). Рельефное изображеніе на колоннѣ Траяна въ Римѣ.

Римляне поняли, что геній Ганнибала все тотъ же, что онъ высматриваетъ каждую оплошность и пользуется ею. Поэтому они противоставили ему свою обычную энергію, и еще бо́ль-

шую осторожность, чѣмъ прежде. Прежде всего оба консульскихъ войска снова соединились вокругъ Капуи и втянули въ кольцо, которымъ они оцѣпили городъ, и претора Клавдія Нерона. Когда здѣсь въ слѣдующемъ году нужда возросла, явился Ганнибалъ, твердо рѣшившись попытаться всякой цѣной выручить городъ. Онъ расположился лагеремъ въ долинѣ Тифатскихъ горъ и посредствомъ хитрыхъ переговорщиковъ сговорился съ гражданами и пуническимъ гарнизономъ о совмѣстномъ нападеніи на римскій лагерь. Консулы, однако, были на-сторожѣ; въ сраженіи, которое съ перемѣннымъ счастіемъ продолжалось весь день, они удержали свою позицію, хотя Аппій Клавдій, пораженный копьемъ, долженъ былъ удалиться изъ боя. Но все еще карѳагенскій герой не терялъ надежды смѣлымъ предпріятіемъ спасти Капую отъ гибели.

Ганнибалъ подъ Римомъ. Онъ рѣшилъ теперь итти походомъ на Римъ; ибо, угрожая самой столицѣ непріятеля, онъ надѣялся отвлечь римское осадное войско отъ Капуи. И потянулись на сѣверъ со своими знаменами всадники, пѣхота и слоны, черезъ Вольтурнъ по наскоро устроенному плашкотному мосту, черезъ населенныя мѣстности, много лѣтъ уже не видавшія непріятеля. Впереди мчались наѣздники африканской пустыни, по равнинамъ Лаціума, по долинамъ Альбанскихъ горъ. Дворы, деревни и села опустошались и сожигались; бѣжавшее населеніе падало подъ копьями и мечами враговъ или же угонялось въ лагерь вмѣстѣ со стадами скота, какъ добрая добыча. Вотъ карѳагеняне уже стояли на Аніо, вскорѣ затѣмъ они приблизились къ городу на разстояніе 3,000 шаговъ. Ганнибалъ со своими летучими эскадронами подскакалъ подъ самыя стѣны города. Въ Римѣ царило такое же смятеніе и замѣшательство, какъ послѣ битвы при Каннахъ. Но проконсулъ Флаккъ съ 16,000 отъ кампанскаго войска во-время вступилъ въ городъ чрезъ Капенскія ворота; Капитолій и стѣны были заняты сильной охраной, и конница двинулась за городъ, чтобы прогнать непріятельскіе эскадроны. Въ то же время сенатъ съ непоколебимой разсудительностью принялъ цѣлесообразныя мѣры, и мало-по-малу спокойствіе и порядокъ были возстановлены. Всѣ граждане поняли, что отечество еще не погибло, хотя страшный африканецъ уже и стучался въ ворота Рима.

На слѣдующій день Ганнибалъ со всѣми своими силами перешелъ чрезъ Аніо. Для прикрытія городской территоріи Флаккъ и консулы заняли благопріятную позицію внѣ стѣнъ; карѳагеняне поэтому тотчасъ же стали наступать на врага. Разсказываютъ, что сильная буря съ громомъ, молніей и ливнемъ два раза помѣшала рѣшительному бою. Поэтому Ганнибалъ началъ отступленіе, вѣроятно опасаясь непріязненныхъ дѣйствій въ тылу; по римскимъ извѣстіямъ, онъ сдѣлалъ это потому, что узналъ, будто, несмотря на его угрожающую городу близость, римляне отправили войско въ Испанію и съ публичнаго аукціона по высокимъ цѣнамъ продали поля, на которыхъ онъ стоялъ лагеремъ. Но все-таки онъ не могъ себѣ отказать въ желаніи хоть разъ увидать страшнаго противника вблизи. Съ нѣсколькими сотнями своихъ нумидійцевъ онъ подъѣхалъ къ святилищу Геркулеса передъ Коллинскими воротами и долго въ раздумьи смотрѣлъ на могучія стѣны. Впослѣдствіи даже разсказывали, будто онъ въ гнѣвѣ бросилъ копье черезъ стѣну. Близость страшнаго африканца произвела на римлянъ неизгладимое впечатлѣніе; еще спустя вѣка, римскія матери стращали и угомонивали своихъ непослушныхъ малютокъ словами: „Hannibal ante portas!“ (Ганнибалъ у воротъ). Римское наблюдательное войско слѣдовало за карѳагенянами по пятамъ, чтобы не дать имъ ускользнуть безнаказанными; но Ганнибалъ внезапно повернулъ назадъ, ночнымъ нападеніемъ обратилъ римлянъ въ бѣгство и захватилъ ихъ лагерь. Затѣмъ онъ безпрепятственно прошелъ въ Кампанію; но тамъ онъ засталъ римское наблюдательное войско все еще въ неприступной позиціи за крѣпкими валами. Онъ, правда, сдѣлалъ попытку прорваться съ приступа черезъ окопы. Убѣдившись, однако, вскорѣ въ невозможности этого, онъ, хотя и неохотно, разстался съ городомъ, который онъ считалъ средоточіемъ своихъ завоеваній, и ускоренными переходами двинулся на югъ, гдѣ онъ надѣялся покореніемъ Регія или Тарентскаго акрополя вознаградить себя за потерю Капуи, которую пришлось предоставить ея жестокой участи.

Паденіе Капуи. Дотолѣ граждане осажденнаго города стойко выносили всѣ тягости и ужасы долгой осады и неоднократно въ конныхъ сраженіяхъ счастливо мѣрились силами со своими притѣснителями; но теперь, когда городъ былъ покинутъ его защитникомъ, когда его положеніе становилось все болѣе стѣснен-

нымъ, мнп овладѣло полное уныніе. Тщетно нѣсколько рѣшительныхъ людей увѣщевали ихъ не терять стойкости, сдѣлать общее нападеніе на непріятеля: малодушіе взяло верхъ; сдача совершилась. Передъ этимъ двадцать сенаторовъ собрались за роскошнымъ пиромъ и въ концѣ его выпили отраву, чтобы не попасть живыми въ руки римлянъ. На слѣдующій день Фульвій Флаккъ во главѣ отряда своего войска черезъ отворенныя ворота Юпитера вступилъ во взятую столицу Кампаніи. Улицы и до сихъ поръ шумный форумъ запустѣли, нѣмой ужасъ сковалъ населеніе, предчувствовавшее свою страшную судьбу. Пришлось выдать оружіе; сенаторы, всадники, вожди народа и военачальники были отведены плѣнными въ Теанъ и Калы, и тогда начался кровавый судъ. Консулъ Кв. Фульвій Флаккъ возсѣлъ на судейскомъ сѣдалищѣ на площади въ Калахъ; здѣсь и въ Теанѣ тотчасъ же 53 капуанскихъ офицера и должностныхъ лица публично были высѣчены и обезглавлены. Точно также поступили римляне въ отложившихся городахъ Ателлѣ и Калатіи. 300 другихъ лицъ изъ кампанской знати умерли въ Римѣ въ темницѣ, голодною смертью. Всѣ прочіе жители названныхъ городовъ безпощадно были проданы въ рабство, а поля ихъ, равно какъ вся городская территорія Капуи, Ателлы и Калатіи были объявлены римской общественной землей (ager populi Romani). Этотъ страшный судъ долженъ былъ напугать прочихъ союзниковъ Ганнибала и дѣйствительно напугалъ ихъ. Съ этого времени отъ него стали отпадать и апульскія, и луканскія общины: послѣ паденія Капуи будущее Ганнибала погрузилось во мракъ, котораго не могла разсѣять даже радость по поводу большихъ побѣдъ Гасдрубала въ Испаніи, тѣмъ болѣе, что этимъ временемъ и въ Сициліи дѣла измѣнились въ пользу римлянъ.

Взятіе Сиракузъ въ 212 г. до Р. Хр. Между тѣмъ Марцеллу удалось высмотрѣть слабое мѣсто въ городскихъ стѣнахъ Сиракузъ и, въ то время какъ граждане въ сознаніи своей безопасности безпечно справляли праздникъ Артемиды, онъ взялъ приступомъ Эпиполы, за исключеніемъ форта Эвріала, и кромѣ того Тихе и Неаполь. Только Ахрадина и Ортигія (Насосъ), восточная половина города, замкнутая особою стѣною, были защищаемы храбрымъ Эпикидомъ, собравшимъ вокругъ себя многочисленныхъ наемниковъ и отчаянныхъ перебѣжчиковъ.

На этомъ успѣхѣ не остановился неутомимый Марцеллъ. Онъ тотчасъ-же началъ работы противъ Ахрадины, но всѣ его сооруженія были совершенно парализованы противодѣйствіями Архимеда, который вновь для защиты родного города пустилъ въ ходъ всѣ вспомогательныя средства науки. Вскорѣ его положеніе стало еще болѣе затруднительнымъ, такъ какъ карѳагенскій военачальникъ Бомилькаръ, который стоялъ съ флотомъ на якорѣ въ большой гавани, обманувъ римскія морскія силы, съѣздилъ въ Африку и вскорѣ вернулся обратно со 100 пентерами и обильными съѣстными запасами. Въ то же время подъ самыя стѣны взятыхъ уже частей города подошли Гимильконъ съ пуническимъ сухопутнымъ войскомъ и Гиппократъ съ сицилійскимъ. Для боя въ открытомъ полѣ у проконсула не доставало силъ; но за своими укрѣпленіями онъ отбивалъ всѣ нападенія. Тогда непріятели попытались одолѣть его голодомъ и расположились лагеремъ въ низменностяхъ Анапа. Въ этой позиціи они пробыли до поздней осени; они надѣялись зимою принудить запертые легіоны къ сдачѣ. Но ихъ настигъ другой врагъ, болѣе могущественный—болотная лихорадка, похищавшая пуническихъ воиновъ цѣлыми тысячами. Меньше пострадали римляне, которые могли спасаться отъ смертоносной болѣзни въ болѣе возвышенныхъ частяхъ города.

Такимъ образомъ, карѳагеняне и сицилійцы, беззащитно подвергаясь ядовитымъ испареніямъ въ рѣчной низменности, умирали безславной смертью отъ болотной лихорадки; среди нихъ погибли и самъ Гимильконъ и Гиппократъ. Тѣ, кого пощадила смерть, въ ужасѣ бѣжали и разсѣялись, возвращаясь на свою родину. Пунический флотъ тоже покинулъ позицію. Спустя немного дней, онъ, правда, опять появился на горизонтѣ и угрожающимъ образомъ направился къ гавани, гдѣ къ нему, съ нѣсколькими судами, присоединился Эпикидъ, чтобы принять участіе въ ожидаемомъ бою; но когда римскія пентеры стали надвигаться въ боевомъ порядкѣ, Бомилькаръ потерялъ мужество и трусливо уплылъ, на всѣхъ парусахъ, въ Африку.

Марцеллъ теперь завязалъ переговоры съ осажденными гражданами въ Ахрадинѣ и Насосѣ. Ему дали обѣщанія открыть ворота, если онъ пощадитъ городъ. Надѣясь на видимое малодушіе населенія и привлекши къ себѣ также часть наемныхъ войскъ, Марцеллъ поэтому предпринялъ общій приступъ съ суши

и съ моря. Сперва онъ захватилъ Насосъ, гдѣ въ его руки попали царскія сокровища, а затѣмъ и Ахрадину. Приказъ полководца, поддерживавшаго топоромъ и розгами строжайшую дисциплину, еще сдерживалъ жадность воиновъ. Но послѣ того, какъ онъ спряталъ общественныя деньги для истощенной римской казны и дивные предметы искусства для украшенія своего родного города, онъ далъ знакъ къ общему грабежу.

Смерть Архимеда. Точно спущенные съ цѣпей дикіе звѣри, жадные до добычи солдаты шайками врывались и въ дворцы богачей, и въ жилища бѣднаго люда. По всему городу пошли грабежи и убійства, звѣрства и ужасы. Не щадили ни возраста, ни пола. Одинъ солдатъ съ окровавленнымъ оружіемъ бросился въ уединенный домъ. Онъ увидѣлъ человѣка, который линейкой и циркулемъ описывалъ на полу всякія фигуры. Когда солдатъ насильственно открылъ дверь, человѣкъ этотъ поднялся и, отмахиваясь руками, сказалъ: „Милѣйшій, не испорти мнѣ моихъ круговъ!“ Отвѣтомъ на это былъ ударъ меча, отъ котораго старикъ палъ бездыханнымъ. Варваръ разрушилъ драгоцѣнную жизнь: убитый былъ не кто иной, какъ знаменитый Архимедъ. Міръ утратилъ въ немъ человѣка, научныя открытія котораго имѣютъ значеніе во всѣ времена. Даже суровый Марцеллъ съ сожалѣніемъ узналъ о его смерти, и позаботился о почетномъ его погребеніи и объ обезпеченіи его родныхъ, такъ какъ онъ научился цѣнить значеніе науки для войны.

Граждане Сиракузъ, которые лишь наемниками были принуждены къ войнѣ съ римлянами, впослѣдствіи подали жалобу на завоевателя. Только сенатъ не обратилъ на нее вниманія, но опредѣлилъ, чтобы городъ былъ лишенъ своей самостоятельности и причисленъ къ общинамъ, платившимъ дань.

Мутинъ. Послѣ этого блестящаго успѣха Марцеллъ прошелъ по всему острову, карая отпавшихъ огнемъ и мечомъ, и воздавая хвалу и награду тѣмъ немногимъ, кто остался ему вѣрнымъ. Державшіяся еще въ полѣ пунические и сицилійскія войска не рѣшались на нападеніе, но заперлись въ Агригентѣ. Ганнибалъ понялъ, что по покореніи Сициліи легіоны подкрѣпили бы сражавшіяся противъ него войска, и потому онъ старался оживить упавшій духъ гарнизона въ Агригентѣ. Онъ отправилъ на островъ храбраго начальника конницы, ливійца Мутина, который былъ

воспитанъ въ его школѣ и далъ уже много доказательствъ своей способности. Храбрый воинъ тотчасъ же принялъ главное начальство надъ конницей и открылъ смѣлые разъѣзды по всѣмъ направленіямъ. Онъ нападалъ на римскія дружины, гдѣ онѣ показывались въ одиночку. Онъ то отрѣзывалъ подвозъ провіанта, то окружалъ когорты на походѣ по ровной мѣстности и перебивалъ ихъ, то застигалъ ихъ въ лагерѣ, то съ быстротой урагана вылеталъ изъ ущелій и долинъ на крупные непріятельскіе отряды, высмотрѣнные имъ въ добычу.

Всѣ сообщенія прерывались; ни днемъ, ни ночью не было никакой безопасности отъ неутомимаго героя, которому дружины его были преданы, какъ если бы онъ былъ ихъ царемъ. Надѣясь на него, пуническіе полководцы покинули Агригентъ и расположились лагеремъ на рѣкѣ Гимерѣ.

Теперь, думалось Марцеллу, настало для него время прекратить эти безпорядки. Онъ также двинулся къ рѣкѣ съ легіонами. Но прежде, нежели онъ успѣлъ окончить лагерный валъ, Мутинъ уже налетѣлъ на него, перебилъ передовые посты, смялъ всѣ отряды, выдвинутые для прикрытія, и отогналъ ихъ съ большимъ урономъ къ главнымъ силамъ, которыя оказались запертыми въ своей позиціи. Ганнонъ съ мелочной завистью глядѣлъ на храбраго героя, имя котораго достигло широкой славы. Въ его отсутствіе онъ выступилъ въ бой, но былъ совершенно разбитъ, такъ что едва могъ спастись, съ остатками войска, въ Агригентъ. Марцеллъ послѣ этой своей побѣды, послѣдней, вернулся въ Римъ, гдѣ выступилъ кандидатомъ въ консулы. Преемники его осадили Агригентъ; но Мутинъ продолжалъ свою смѣлую игру, по прежнему разъѣзжалъ по острову, безпокоилъ осадное войско и ввозилъ запасы и побѣдную добычу въ городъ, который по причинѣ своихъ громадныхъ размѣровъ не могъ быть совершенно запертъ. Такъ тянулась война, къ большой невыгодѣ римлянъ, все лѣто 210 года; но пуническому полководцу Ганнону это не нравилось. Сознавая собственную неспособность, онъ продолжалъ съ недоброжелательствомъ слѣдить за молодцомъ Мутиномъ, ставилъ на его пути помѣхи и задерживалъ его предпріятія. Такъ какъ эти мелочныя средства не вели къ цѣли, то онъ взялъ да и отнялъ у него главное начальство и передалъ послѣднее своему сыну. За это ливійцы, преданные превосход-

ному Мутину, открыли ворота города легіонамъ. Пуническіе военачальники едва успѣли спастись отъ рѣзни, которую произвели побѣдители. Такимъ образомъ палъ послѣдній оплотъ карѳагенскаго могущества въ Сициліи; а римскій полководецъ огнемъ и мечомъ, столь испытанными уже средствами, съумѣлъ преодолѣть всякое дальнѣйшее сопротивленіе. Обезоруженнымъ островитянамъ пришлось опять взяться за плугъ и заступъ, чтобы изъ неистощимой почвы извлекать богатства для своихъ властителей.

Легче, чѣмъ въ Сициліи, велась война противъ Филиппа Македонскаго. Тщетно возвышали свой голосъ единичные патріоты въ Греціи, указывая на исполинскую державу запада и увѣщевая къ согласію, къ общей борьбѣ противъ грозящаго порабощенія; Филиппъ былъ не такой человѣкъ, который съумѣлъ бы вызвать воодушевленіе идеей эллинской свободы или воспользоваться имъ: Римскій флотъ безпокоилъ то тутъ, то тамъ его собственныя владѣнія, а этоляне отъ имени Рима и въ союзѣ съ нимъ грабили своихъ же собратьевъ—другія эллинскія племена. Такъ продолжалась война, съ перемѣннымъ счастіемъ и съ мелкими успѣхами, до 205 г. до Р. Хр., когда заключили миръ, не дававшій выгодъ ни той, ни другой сторонѣ. Римъ покамѣстъ еще не искалъ здѣсь пріобрѣтеній; всѣ его силы нужны были ему для борьбы съ африканскимъ соперникомъ. Лишь покончивши съ нимъ, онъ предполагалъ мечами своихъ легіоновъ ниспровергнуть македонскую фалангу и положить предѣлъ опасности, угрожавшей съ востока.

Испанскій театръ войны. П. Корнелій Сципіонъ. Въ гораздо большей опасности, чѣмъ на востокѣ, долгое время находились римскія дѣла на западѣ, на испанскомъ театрѣ войны. Мы покинули послѣдній въ то время, когда Клавдій Неронъ, послѣ гибели обоихъ Сципіоновъ, тщетно старался возстановить прежнее значеніе римскаго владычества среди племенъ Иберіи. Правда, онъ удерживалъ за собой страну между Пиринеями и рѣкой Эбро, и отваживался на отдѣльныя движенія на югъ. Но жестокій, суровый Неронъ не былъ способенъ привлечь къ себѣ расположеніе испанскихъ племенъ, которыя тѣмъ охотнѣе внимали обольщеніямъ Карѳагена. Такимъ образомъ, испанскія дѣла оставались для Рима постоянной опасностью. Если-бы Гасдрубалу удалось прорваться чрезъ римскія позиціи передъ Пиринейскими проходами

и начать походъ въ Италію, то могли бы повториться всѣ ужасы 218—216 годовъ, а хватило-ли бы еще у Рима силы сопротивленія для подобной исполинской борьбы, это было совершенно неизвѣстно. Поэтому рѣшено было передать военное начальство въ Испаніи полководцу съ проконсульской властью, котораго, вопреки, обычному до этого времени, способу назначенія полководцевъ, должно было выбрать народное собраніе. Но вначалѣ никто, повидимому, не жаждалъ этой опасной чести, такъ какъ не выступало ни одного кандидата.

СЦИПІОНЪ АФРИКАНСКІЙ.
Античное изваяніе; хранится въ Капитолійскомъ музеѣ въ Римѣ.

Уныло и съ тревогою собрались граждане центуріями. Но вотъ, неожиданно для всѣхъ, на трибунѣ въ качествѣ единственнаго кандидата появился Публій Корнелій Сципіонъ, сынъ павшаго Публія, молодой, рослый, въ блескѣ мужественной красоты. Выдаваясь надъ толпой, полный надеждъ и воинской рѣшимости, онъ походилъ на божеское видѣніе. Припоминалось темное сказаніе о его божественномъ происхожденіи; извѣстно было, что онъ каждое утро въ раздумьи проводилъ время въ святи-

лищѣ у Капитолія; вспоминали о его доблестныхъ подвигахъ на Тицинѣ, гдѣ онъ, семнадцатилѣтній юноша, щитомъ и мечомъ отражалъ отъ раненаго отца напирающихъ враговъ, о томъ непоколебимомъ мужествѣ, которое онъ выказалъ послѣ несчастной битвы при Каннахъ. Такимъ образомъ, при избраніи полководца голоса сосредоточились на имени П. Корнелія Сципіона. Когда результатъ сталъ извѣстенъ, нѣкоторые выставили важныя соображенія противъ него; говорили, что слишкомъ поспѣшили выборомъ, что юноша—ему было только 24 года—не въ состояніи справиться съ задачей, что имя Сципіона не сулитъ счастья. Но самъ Сципіонъ вѣрилъ въ свое великое призваніе, въ свою блестящую звѣзду, которая-де ведетъ его по пути неувядаемой славы. Въ душѣ своей онъ чуялъ божественный голосъ, который говорилъ ему: „Бейся, борись, сражайся мужественно, и я приведу тебя къ цѣли, гдѣ ты получишь неувядаемый вѣнокъ, который тебѣ предназначенъ!“ Вотъ въ чемъ была его вѣра, а конечно не въ томъ пустомъ призракѣ божественнаго происхожденія, которое онъ поддерживалъ только для того, чтобы приковать къ себѣ довѣріе толпы. Образованіемъ онъ далеко превосходилъ большинство своихъ современниковъ-римлянъ. Онъ обладалъ римской дѣловитостью, но съ этимъ соединялъ знаніе и любовь къ греческой поэзіи и наукѣ. Мужественный и храбрый въ бою, настойчивый и дѣятельный въ своихъ предпріятіяхъ, онъ былъ ласковъ въ обращеніи и воспріимчивъ къ духовнымъ наслажденіямъ жизни.

Еще осенью 210 г. Сципіонъ отплылъ въ Испанію съ 30 военными кораблями, 10,000 человѣкъ пѣхоты и 1,000 всадниковъ. Рядомъ съ нимъ находился легатъ М. Юній Силанъ, опытный воинъ, который долженъ былъ помогать ему словомъ и дѣломъ, и Г. Лелій, сердечный другъ его, начальникъ флота. Юный герой собиралъ военныя силы въ Тарраконѣ, укрѣпленномъ сборномъ пунктѣ, гдѣ онъ ласковостью, увѣренностью и ободряющими рѣчами возбуждалъ воинскій духъ какъ легіоновъ, такъ и союзниковъ. Въ теченіе зимы онъ посѣтилъ дружественныхъ вождей и обезпечилъ за собой ихъ преданность. Съ наступленіемъ весны онъ стянулъ свои войска, въ то время какъ три непріятельскихъ военачальника, Гасдрубалъ Барка, Гасдрубалъ, сынъ Гисгона, и Магонъ, разъединенные враждой, стояли лаге-

ремъ въ отдаленныхъ мѣстностяхъ. У истоковъ Ибера онъ сообщилъ Г. Лелію, ему одному, свой планъ: не бороться съ непріятельскимъ войскомъ въ открытомъ полѣ, а прежде всего взять смѣлымъ натискомъ Новый-Карѳагенъ, средоточіе пуническихъ силъ, городъ, считавшійся неприступнымъ. И единомышленникъ-другъ одобрилъ это рискованное предпріятіе, которое, въ случаѣ удачи, должно было направить взоры народовъ на героя, съумѣвшаго совершить столь неожиданное дѣло.

Взятіе Новаго-Карѳагена. Новый-Карѳагенъ, гордое созданіе Гасдрубала, лежалъ у просторной бухты Средиземнаго моря, на скалистой возвышенности. Съ трехъ сторонъ стѣны его омывались моремъ; кромѣ того его защищало болото, которое во время прилива совершенно покрывалось водой. Нападеніе могло быть произведено только съ сѣвера; но здѣсь передъ врагомъ возвышались могучія, искусно возведенныя стѣны. Поэтому городъ и начальникъ его Магонъ были погружены въ полную безпечность. Торговыя сношенія и дѣла, несмотря на войну, продолжались безпрепятственно; корабли приходили и уходили изъ порта; граждане и многочисленный гарнизонъ наслаждались избыткомъ, доставляемымъ имъ торговлею. Вдругъ прибыло извѣстіе о приближеніи непріятельскихъ дружинъ. Полагая, что это шайка смѣлыхъ разбойниковъ, занимающаяся здѣсь грабежами, Магонъ тотчасъ же выступилъ съ частью гарнизона, чтобы наказать ихъ за дерзость. Вначалѣ онъ наткнулся только на легковооруженныхъ солдатъ, которыхъ безъ труда погналъ предъ собой; однако вскорѣ онъ натолкнулся на крупные отряды тяжеловооруженныхъ. Полетѣли копья, засверкали мечи; римскія когорты пошли въ наступленіе и стремительно отбросили пунійцевъ въ городъ, гдѣ распространились ужасъ и смятеніе. Прежде чѣмъ населеніе успѣло оправиться отъ замѣшательства, къ стѣнамъ уже стали подвигаться, для приступа, съ сѣвера легіоны, а съ востока и юга—пентеры. И здѣсь, и тамъ раздались крики и шумъ сраженія, въ то время какъ на стѣны посыпался градъ стрѣлъ и копій и на нихъ полѣзли смѣлые римскіе воины. Однако лишь немного лѣстницъ достигали до-верху, да и онѣ частью ломались подъ напоромъ массы бойцовъ, такъ что послѣдніе падали внизъ. Тѣмъ временемъ Магонъ принялъ свои мѣры; граждане и солдаты заняли стѣны, приготовлены были машины, и осаждающіе были

осыпаны стрѣлами, копьями и камнями. Самъ римскій полководецъ, руководившій всѣми дѣйствіями, проходилъ по рядамъ, ободряя ихъ. Три сильныхъ воина, несшихъ предъ нимъ тяжелые мѣдные щиты, охраняли его отъ града снарядовъ, непрерывно сыпавшихся на бойцовъ. Послѣ долгой кровопролитной работы римляне, истощенные боемъ и ранами, должны были отступить.

Осажденные стали ликовать по поводу отраженія приступа; но подошли другія когорты съ болѣе крѣпкими лѣстницами. Онѣ съ крайней силой устремились къ зубцамъ крѣпости, да и центеры всюду возобновляли бой, гдѣ это позволяло мѣсто. Въ то время какъ здѣсь сраженіе продолжалось съ одинаковымъ ожесточеніемъ, но при большихъ потеряхъ со стороны нападающихъ, Сципіонъ производилъ смотръ отборному отряду въ 500 воиновъ. Онъ показалъ имъ болото, которое съ наступленіемъ отлива точно поднялось изъ моря, и воскликнулъ, что Нептунъ совершилъ чудо и отдалъ городъ въ ихъ руки; пусть они смѣло пройдутъ здѣсь, богъ-де взялъ ихъ подъ свое покровительство. Самъ онъ при этомъ полагался на слова тарраконскихъ рыбаковъ, которые уже не разъ проходили по этому болоту, а воины были люди вѣрующіе; они взяли штурмовыя лѣстницы на плеча и благополучно прошли чрезъ тину и топь къ самымъ стѣнамъ, которыя здѣсь совершенно были лишены защитниковъ и вслѣдствіе естественной защиты были ниже, чѣмъ на сѣверной сторонѣ, доступной съ суши. Перебравшись черезъ нихъ безъ труда, они осторожно пошли по извилистымъ улицамъ. Ихъ замѣтили только тогда, когда копья ихъ уже полетѣли въ тылъ защитникамъ, а топорами своими они стали разбивать ворота. Римскіе легіоны ворвались густыми массами; граждане разбѣжались по домамъ, куда за ними слѣдовали жаждавшіе крови и добычи побѣдители; войско отступало частью на холмъ, частью, подъ начальствомъ Магона, въ крѣпость. Но оно нигдѣ не находило безопасности; холмъ былъ взятъ съ перваго приступа; крѣпость, послѣ короткаго штурма, была сдана трусливымъ командиромъ. Римлянамъ досталась несмѣтная добыча. Кромѣ того, что́ награбилъ и унесъ каждый отдѣльный воинъ, найдено было множество золотыхъ и серебряныхъ чашъ, вся военная казна въ размѣрѣ 600 талантовъ (почти полтора милліона нынѣшнихъ рублей), 360 грузовыхъ судовъ, запасы хлѣба и пр.

Участью свободныхъ гражданъ города побѣдитель распорядился съ великой мягкостью и умомъ. Кто спасся отъ меча, безпрепятственно могъ вернуться въ свое жилище. Съ испанскими заложниками, которыхъ здѣсь было въ заключеніи 300 человѣкъ, Сципіонъ обошелся крайне мягко и затѣмъ освободилъ ихъ; между прочимъ, къ нему привели красавицу-дѣвушку знатнаго происхожденія, но онъ отдалъ ее безъ выкупа ея жениху, кельтиберскому князю, и прибавилъ еще, въ видѣ приданаго, поднесенные ему подарки. Такой умѣренностью и такимъ самоотверженіемъ юный герой пріобрѣлъ любовь туземцевъ.

Отправивъ своего друга Лелія съ пятнадцатью плѣнными карѳагенскими героптами (членами герусіи) и военачальникомъ Магономъ, вмѣстѣ съ другими трофеями, въ Римъ, самъ онъ въ теченіе лѣта безпрепятственно оставался во взятомъ городѣ, стараясь привлечь сосѣднія племена къ союзу съ Римомъ; осенью же онъ съ легіонами вернулся въ Тарраконъ.

Гасдрубалъ отправляется въ Италію въ 208 г. до Р. Хр. Въ продолженіе этого времени карѳагенскіе военачальники съ виду оставались въ бездѣйствіи, такъ какъ не дѣлали попытки взять обратно Картагену. Въ дѣйствительности же они, пока Сципіонъ стоялъ на восточномъ побережьи и пренебрегалъ охраной переходовъ черезъ Эбро и пиринейскихъ проходовъ, готовили гораздо болѣе крупное предпріятіе: давно предполагавшійся походъ въ Италію. По этой причинѣ для нихъ было весьма желаннымъ фактомъ, что Сципіонъ и въ 208 г. направлялъ свои операціи преимущественно на югъ, къ Андалузіи. Тѣмъ временемъ карѳагеняне втихомолку двинули свои войска, военныя орудія и слоновъ на сѣверъ, къ Эбро. Такимъ образомъ, Сципіонъ узналъ, что Гасдрубалъ находится около Бэкулы, между Бэтисомъ и Кастильскимъ лѣсомъ.

Туда теперь двинулся и проконсулъ, къ которому по дорогѣ примкнуло много ратныхъ дружинъ иберскихъ племенъ. Осмотрѣвъ непріятельскую позицію, онъ тотчасъ же рѣшилъ произвести нападеніе, несмотря на трудныя условія почвы. Послѣ жаркой перестрѣлки была занята первая терраса. Вторая спереди была прикрыта крутымъ скатомъ; однако пока здѣсь шелъ нерѣшительный бой, Лелій справа, самъ Сципіонъ слѣва обошли непріятельскую позицію и ворвались съ неприкрытыхъ фланговъ.

Несмотря на эти невыгодныя обстоятельства, карѳагенянину все-таки удалось отступить по пересѣченной мѣстности. Подъ прикрытіемъ горъ и лѣсовъ онъ ушелъ отъ преслѣдованій; затѣмъ онъ безостановочно продолжалъ путь на сѣверъ, куда уже выслалъ впередъ слоновъ, конницу и обозъ. Отсюда повидимому слѣдуетъ, что онъ занялъ и защищалъ позицію при Бэкулѣ лишь для того, чтобы отвлечь противника отъ Ибера и открыть себѣ путь къ Пиринеямъ. Туда и дальше, въ Италію, звалъ его приказъ карѳагенской герусіи, туда звалъ его голосъ брата, который все еще, хотя и съ падающими силами, угрожалъ сердцу врага; если гдѣ-либо, то тамъ еще было спасеніе отечества. Что все было хорошо взвѣшено, это показываетъ встрѣча трехъ пуническихъ военачальниковъ, которые теперь, когда надо было принимать важное рѣшеніе, бросили свой раздоръ. Испанію, это они понимали, нельзя было дальше держать въ подчиненіи, но ея обширные предѣлы дѣлали тѣмъ не менѣе возможнымъ продолженіе борьбы. Поэтому Гасдрубалъ, сынъ Гисгона, долженъ былъ отступить въ Лузитанію (Португалію) къ берегамъ западнаго моря, Масинисса, съ его превосходными берберскими наѣздниками, долженъ былъ безпокоить римлянъ и задерживать ихъ, Магонъ—вербовать войско на Балеарскихъ островахъ, а другой Баркидъ, съ главными силами, отправиться въ Италію.

Сципіонъ стоялъ еще на Бэтисѣ, пожиная плоды своей сомнительной побѣды; онъ взялъ нѣсколько городовъ и надѣялся совершенно покорить карѳагенскую провинцію. Но вотъ онъ узнаетъ, что Гасдрубалъ идетъ вдоль сѣвернаго побережья и, вербуя новыя дружины наемниковъ, приближается къ западнымъ пиринейскимъ проходамъ. Теперь онъ понялъ намѣреніе противника; но было уже поздно помѣшать его переходу; однако онъ, повидимому, опасаясь за сѣверныя владѣнія, вернулся въ Тарраконъ. Здѣсь онъ нашелъ вдоволь работы, такъ какъ мелкая война съ испанскими народностями продолжалась безъ перерыва; поэтому Сципіонъ не могъ сдѣлать ничего для ослабленія опасеній сената передъ грозящимъ вторженіемъ Гасдрубала. Послѣдній безпрепятственно прошелъ по кельтскимъ областямъ къ берегамъ Средиземнаго моря и далѣе, по дорогѣ, проложенной Ганнибаломъ, къ Родану, гдѣ кельты ему оказывали даже содѣйствіе, зная, что дѣло идетъ не о ихъ покореніи, а что походъ направленъ про-

тивъ враговъ ихъ соплеменниковъ въ Италіи. Имя Ганнибала было имъ хорошо извѣстно; они слышали объ его удивительныхъ подвигахъ; о нихъ они разсказывали и пѣли въ своихъ лѣсахъ дѣтямъ и внукамъ: поэтому они охотно поддерживали брата славнаго героя, и не мало воинственныхъ юношей опоясывали свои мечи, чтобы отправиться съ нимъ на великую войну, бушевавшую на югѣ.

Война въ Италіи 211—207 г. до Р. Хр. Между тѣмъ средства двухъ воевавшихъ въ Италіи сторонъ становились все ограниченнѣе. Ганнибалъ почти не получалъ подкрѣпленій изъ Карѳагена, но и для римлянъ изъ года въ годъ становилось труднѣе выставлять необходимые легіоны для различныхъ театровъ войны. Когда напр., по взятіи Капуи, надо было пополнить экипажи римскихъ флотовъ и по недостатку истощенной государственной казны граждане должны были собрать наемную плату и съѣстные припасы, народъ зароптalъ, твердя, что теперь, по ограбленіи союзниковъ, желаютъ разграбить и римскій народъ. Тогда сенаторы снесли все свое золото, серебро и мѣдь въ государственную казну, оставивъ на каждое семейство только по фунту серебра и 5,000 мѣдныхъ ассовъ, и этимъ поступкомъ побудили гражданъ къ такой же готовности къ жертвамъ.

Битвы 211—207 годовъ изобиловали тяжкими для римлянъ потерями, но не рѣшили войны. Въ 210 г. Ганнибалъ разбилъ пропретора Гнея Фульвія Центумала при Гердонеѣ, а Марцелла при Нумистронѣ, хотя римскіе историки сообщаютъ тутъ не о пораженіи, а о нерѣшительномъ сраженіи.

Въ слѣдующемъ году эта борьба двухъ полководцевъ продолжалась съ перемѣннымъ успѣхомъ. Ганнибалъ отправился въ Бруттій, гдѣ римляне осаждали важный для него городъ Кавлонію, и быстрымъ натискомъ уничтожилъ римскій отрядъ, но одновременно съ этимъ потерпѣлъ тяжкую потерю съ другой стороны. Дѣло въ томъ, что Фабій Кунктаторъ, который въ это время еще разъ, въ качествѣ консула, принялъ въ свои престарѣлыя руки жезлъ полководца, двинулся подъ Тарентъ, въ то время какъ въ гавань вошелъ превосходный по силамъ римскій флотъ. Онъ воздвигъ осадныя сооруженія, досталъ машинъ и произвелъ нѣсколько штурмовъ, хотя и безплодныхъ. Осада могла бы протянуться много лѣтъ, не помоги тутъ случай. Одинъ

бруттіецъ, изъ числа начальниковъ гарнизона, былъ привлеченъ на сторону римлянъ и во время общаго приступа далъ римскимъ когортамъ взобраться на стѣну. Такимъ образомъ, этотъ важный городъ былъ отвоеванъ обратно римлянами и потерпѣлъ ужасную участь. Перебиты были не только карѳагенскій гарнизонъ вмѣстѣ съ бруттійцами, впустившими римлянъ, но и много беззащитныхъ гражданъ. А оставшееся въ живыхъ населеніе, приблизительно 30,000 человѣкъ, было продано въ рабство; отъ этой преступной продажи выручили 3,000 талантовъ (болѣе 5 милліоновъ руб.), которыми на короткое время опять наполнили истощенную римскую казну. Но кромѣ того тогда была увезена въ Римъ несмѣтная добыча въ видѣ золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ, мраморныхъ и бронзовыхъ предметовъ искусства, картинъ и пр., даже исполинская, отлитая Лисиппомъ, статуя Геркулеса; въ разграбленномъ городѣ осталась только бронзовая статуя Юпитера, которая была такого громаднаго вѣса, что перевозка ея показалась невозможной.

Смерть Марцелла. Въ 208 г. силъ у Ганнибала хватало какъ разъ только для прикрытія Бруттія, западнаго изъ двухъ полуострововъ, которыми заканчивается южная Италія. Но онъ безпрестанно высматривалъ, не видно ли гдѣ-нибудь у врага слабаго мѣста. Противъ него стоялъ престарѣлый Марцеллъ, бывшій въ то время пятый разъ консуломъ, и товарищъ его Квинктій Криспинъ. Одинъ отрядъ войска они отправили противъ бруттійскаго портоваго города Локръ, а съ другимъ Марцеллъ желалъ загладить въ открытомъ бою прежнія пораженія. Изъ южной Луканіи онъ съ большой осторожностью проникъ въ богатую лѣсами страну бруттійцевъ. Лѣсистыя возвышенности отдѣляли консуловъ отъ непріятельскаго лагеря; они отправились туда съ нѣсколькими эскадронами, чтобы подробно разсмотрѣть мѣстность, прежде чѣмъ наступать съ легіонами. Въ то время, какъ они проѣзжали по лѣсной лощинѣ, на нихъ внезапно съ разныхъ сторонъ и съ дикимъ крикомъ напали нумидійскіе всадники. Тутъ къ Марцеллу какъ-бы вернулась его прежняя сила, и онъ, громкимъ боевымъ кликомъ собирая своихъ, помчался въ неравный бой. Глаза его сверкали, какъ во дни цвѣтущей юности, мечъ его блисталъ въ рукопашной схваткѣ. Но вотъ въ бедро его вонзилось копье; онъ свалился съ коня, умирая. Неумолимая

судьба отказала ему въ тѣхъ лаврахъ, которыми онъ думалъ увѣнчать свое чело. И Криспинъ тоже былъ смертельно раненъ при этомъ нападеніи и умеръ, недолго спустя.

Ганнибалъ же, пользуясь смятеніемъ римлянъ, тотчасъ подвинулся къ лѣснымъ возвышенностямъ, гдѣ онъ съ честью похоронилъ павшаго героя Марцелла; пепелъ отослалъ его сыну. Но онъ не могъ преслѣдовать поспѣшно отступавшихъ враговъ, такъ какъ Локры, жестоко осажденныя съ суши и съ моря, требовали помощи. Туда онъ и устремился ускоренными переходами. Онъ прибылъ такъ неожиданно, что разсѣялъ осаждающихъ съ большимъ урономъ и прогналъ ихъ на корабли.

Такимъ образомъ, геніальный карѳагенскій полководецъ все еще съ неколебимымъ мужествомъ, хотя и съ перемѣннымъ успѣхомъ, боролся съ огромнымъ могуществомъ Рима; быстрыми передвиженіями и стратегическимъ искусствомъ онъ умѣлъ пополнять слабость своихъ средствъ. Нѣкоторыя подкрѣпленія онъ, правда, по временамъ, получалъ изъ родного города, особенно слонами и нумидійскими всадниками; но все остальное—войско, деньги и припасы—онъ долженъ былъ доставать въ самой странѣ. Тѣмъ не менѣе онъ надѣялся упорствомъ истощить силы Рима, и его надежда казалась не лишенной основанія. Вѣдь у римлянъ казна была пуста, поля частью заброшены, частью же воздѣлывались только стариками, женщинами и дѣтьми. Граждане уже начинали громко роптать на невыносимыя тягости; двѣнадцать латинскихъ городовъ уже заявили, что не могутъ болѣе доставлять требуемаго отъ нихъ войска и денегъ, а въ Этруріи, особенно въ Арретіѣ, оказано было открытое сопротивленіе распоряженіямъ сената. Планъ, который съ упорнымъ постоянствомъ преслѣдовалъ карѳагенскій полководецъ, а именно разложеніе римскаго союза, грозилъ исполниться. Среди этихъ многообразныхъ осложненій и затруднительныхъ обстоятельствъ пришла устрашающая вѣсть, что Гасдрубалъ съ 60,000 человѣкъ перешелъ черезъ Альпы, и, подкрѣпленный лигурами и галлами, собирается подать руку помощи брату своему Ганнибалу.

Кризисъ; М. Ливій Салинаторъ и Г. Клавдій Неронъ. Подошло время, когда окончательно должна была рѣшиться судьба Италіи. Это чувствовалъ не одинъ только сенатъ римскій, но и простой народъ, а также союзники, остававшіеся еще вѣрными Риму.

Поэтому приказы сената о производствѣ воинскихъ наборовъ и о новыхъ налогахъ на этотъ разъ всюду встрѣчали полную готовность. И такимъ образомъ, съ напряженіемъ послѣднихъ силъ было выставлено войско въ 23 легіона, которое, конечно, было распредѣлено на различные театры военныхъ дѣйствій. Консулами были М. Ливій Салинаторъ и Г. Клавдій Неронъ, два человѣка, которые собственно были разъединены частной враждой, но помирились въ это время, въ виду бѣдственнаго положенія отечества. Сошлись на слѣдующемъ планѣ войны: Клавдій Неронъ долженъ былъ наблюдать за Ганнибаломъ въ Бруттіѣ и мѣшать всякой его попыткѣ двинуться на сѣверъ, а Ливій Салинаторъ долженъ былъ прикрывать Альпійскіе проходы и отрѣзать Гасдрубалу путь наступленія на Среднюю Италію. Гасдрубалъ подкрѣпился за зиму лигурійскими и галльскими вспомогательными войсками, двинулся къ Аримину и собирался теперь по Фламиніевой дорогѣ (нынѣшнему проходу Фурло) пройти черезъ Апъ на югъ, черезъ Умбрію, и въ Нарніи соединиться съ своимъ братомъ. Для этой цѣли Ганнибалъ во что бы то ни стало долженъ былъ пробиться на сѣверъ, и теперь дѣло шло прежде всего о томъ, чтобы онъ получилъ отъ Гасдрубала необходимыя для этого указанія. Послѣдній, поэтому, отправилъ на югъ, съ важнымъ письмомъ, небольшой отрядъ всадниковъ. Этотъ отрядъ, въ самомъ дѣлѣ, по глухимъ тропамъ, по ущельямъ и лѣсамъ безпрепятственно добрался до Метапонта на Тарентскомъ заливѣ, но здѣсь былъ захваченъ бывшими на фуражировкѣ римскими всадниками. Такимъ образомъ, письмо Гасдрубала попало не къ Ганнибалу, а къ Клавдію Нерону. Ганнибалъ не стоялъ болѣе въ то время въ Бруттіѣ, но уже двинулся со своими 40,000 человѣкъ черезъ Грументъ (въ Луканіи) въ Апулію и изъ Канузія господствовалъ надъ дорогой въ горы Самнія. Получи онъ рѣшительное извѣстіе, онъ могъ бы двинуться далѣе на сѣверъ. Но безъ этого извѣстія онъ не рѣшился удалиться на такое разстояніе отъ своихъ укрѣпленныхъ мѣстъ и складовъ. Пока Ганнибалъ ждалъ извѣстія, Клавдій Неронъ рѣшилъ дѣйствовать вмѣсто него: во время долгой борьбы римляне усвоили военныя хитрости страшнаго Пунійца. Онъ извѣстилъ сенатъ, чтобы городское ополченіе было на готовѣ на случай наступленія непріятеля; а самъ онъ, незамѣтно для противника, съ отборнымъ от-

рядомъ войска отправился на помощь къ товарищу. Не дожидаясь отвѣта, онъ сдѣлалъ то, на что не рѣшался еще ни одинъ римскій полководецъ: онъ покинулъ ввѣренное ему войско, отведенный ему округъ, чтобы на далекомъ отъ него разстояніи произвести рѣшающій ударъ.

Битва при Метаврѣ. Съ 6,000 пѣхотинцевъ и 1,000 всадниковъ, ядромъ войска, онъ двинулся по направленію къ Луканіи. Никто, даже легаты и трибуны, составлявшіе военный совѣтъ, не знали о его планѣ. Лишь спустя нѣсколько дней, поворачивая опять на сѣверъ къ апулійскимъ равнинамъ, онъ сообщилъ воинамъ о своемъ рѣшеніи и воодушевилъ ихъ рѣчью, такъ что они усиленными переходами, днемъ и ночью, неутомимо спѣшили впередъ. Высланные впередъ всадники предупреждали о ихъ приближеніи, чтобъ всюду все было приготовлено для подкрѣпленія силъ усталыхъ воиновъ. Къ нимъ присоединились отдѣльные отряды и добровольцы; въ городахъ и деревняхъ населеніе привѣтствовало консула, какъ носителя побѣды. Въ то время какъ въ Римѣ съ боязливымъ напряженіемъ ждали исхода и бранили консула, переступившаго свои полномочія, отважный полководецъ достигъ области сеноновъ. Не далеко отъ Сены стояли въ двухъ лагеряхъ, противъ военныхъ силъ Гасдрубала, соединенные легіоны претора Порція и консула Ливія. Клавдій Неронъ вступилъ туда ночью, незамѣтно отъ непріятеля; затѣмъ онъ тотчасъ же сталъ настаивать на битвѣ, говоря, что при данныхъ обстоятельствахъ всякое замедленіе угрожаетъ гибелью. Его пылкая рѣчь увлекла колебавшійся военный совѣтъ. Къ утру легіоны выступили въ обычномъ порядкѣ. Карѳагеняне также покинули, въ стройномъ порядкѣ, свои линіи; Гасдрубалъ проѣзжалъ по фронту, бросая пытливые взгляды на непріятельскіе ряды. Тамъ многое ему показалось перемѣнившимся, въ особенности увеличилось, повидимому, протяженіе фронта. Подъѣхавъ съ нѣсколькими всадниками, какъ бы для перестрѣлки, онъ опытнымъ глазомъ полководца отличилъ другіе щиты, полевые значки и лошадей. Тотчасъ же онъ далъ приказъ войску поспѣшно отступить за безопасный лагерный валъ. Высланные лазутчики донесли ему, что въ лагерѣ претора одинъ разъ, а въ консульскомъ два раза раздавались звуки трубы. Отсюда онъ заключилъ, что тутъ находятся оба консула, и душа его наполнилась тревогой

о братѣ и собственномъ своемъ войскѣ. Онъ рѣшилъ отступить за рѣку Метавръ и далѣе въ область дружественныхъ кельтовъ, гдѣ онъ надѣялся проволачивать войну, покамѣстъ не получитъ подкрѣпленій или вѣрнаго извѣстія отъ Ганнибала. Выступленіе началось около полуночи, но изъ-за множества разнородныхъ элементовъ оно не обошлось безъ замѣшательства. Этимъ случаемъ воспользовались галльскіе проводники для того, чтобы убѣжать; вслѣдствіе этого войско не смогло переправиться въ бродъ черезъ широкую и глубокую рѣку.

Гасдрубалъ двинулся на югозападъ. Онъ надѣялся, что выше по теченію, ближе къ источникамъ рѣки, можно будетъ переправиться чрезъ нее; но чѣмъ дальше, тѣмъ почва становилась труднѣе, а берега круче. Ночной переходъ истощилъ силы воиновъ, такъ что многіе, особенно галлы, отказывались итти далѣе. Съ наступленіемъ дня положеніе не поправилось; мѣстность становилась все болѣе неудобной для движенія. Среди такихъ затруднительныхъ обстоятельствъ Клавдій Неронъ съ конницей своей нагналъ медленно подвигавшееся войско. Онъ тотчасъ же открылъ свое нападеніе и вскорѣ былъ подкрѣпленъ преторомъ, приведшимъ легковооруженныхъ. О продолженіи похода пуническое войско не могло уже и думать. Поэтому Гасдрубалъ двинулъ противъ непріятеля немного войска, разбивая въ то же время свой лагерь на безопасной возвышенности. Но прежде чѣмъ успѣли это сдѣлать, подошли, въ полномъ вооруженіи и готовые къ бою, легіоны. Теперь оставался только одинъ исходъ—открытое сраженіе.

Пунический полководецъ построилъ свои усталыя войска съ большой осмотрительностью. На правомъ флангѣ сталъ онъ самъ среди своихъ опытныхъ въ бою испанцевъ, центръ составили лигуры, впереди которыхъ выстроились слоны; кельты стояли на труднодоступной возвышенности, гдѣ они, несмотря на усталость и неохоту, легко могли оказать сопротивленіе.

Смерть Гасдрубала Барки. Бой загорѣлся сначала на правомъ флангѣ, но вскорѣ сталъ всеобщимъ. Гасдрубалъ съ крайнимъ напряженіемъ силъ старался прорваться сквозь легіоны, составлявшіе, подъ начальствомъ Ливія, лѣвое крыло римлянъ. Въ случаѣ удачи, онъ надѣялся смять потомъ и центръ, а тамъ онъ не сомнѣвался, что кельты, стремительно слетѣвъ со своихъ

холмовъ, довершили бы побѣду. Онъ находился всюду, гдѣ опасность была самая большая. Онъ одушевлялъ воиновъ, показывая имъ, что бѣгство невозможно; онъ возвращалъ отступавшихъ, неоднократно врывался въ римскія дружины. Его испанцы бились съ неодолимымъ мужествомъ. Держались и лигуры, хотя слоны, испуганные шумомъ битвы, криками, стрѣлами и копьями, метались во всѣ стороны, такъ что нѣкоторыхъ изъ нихъ пришлось убить. Въ это время Клавдій Неронъ шелъ приступомъ на холмъ; но склоны его были круты, ряды разстраивались, а наверху, навстрѣчу наступающимъ, сверкали длинные кельтскіе мечи. Поэтому онъ медленно отступилъ на равнину, гдѣ снова занялъ свою прежнюю позицію. Однако, было не въ его духѣ оставаться празднымъ зрителемъ. Такъ какъ галлы не послѣдовали за нимъ, то онъ вывелъ изъ строя свои собственныя когорты, прошелъ въ тылу войска вдоль всего строя, повернулъ затѣмъ вправо и ударилъ въ незащищенный флангъ испанцевъ. Этотъ ударъ мгновенно рѣшилъ битву. Гасдрубалъ не могъ возстановить прерваннаго порядка. Отчаявшись въ успѣхѣ, но помня о своемъ великомъ имени, онъ бросился въ средину римскихъ когортъ и нашелъ, чего искалъ: славную смерть на полѣ брани. Схваченные сбоку, и лигуры и галлы обратились тоже въ бѣгство, въ которомъ спаслись, однако, лишь немногіе.

Битва на Метаврѣ рѣшила исходъ войны. Послѣ едва двухнедѣльнаго отсутствія консулъ Клавдій вернулся въ римскій лагерь въ Апулію, все еще стоявшій напротивъ пуническаго. У него хватило неблагородства, чтобы бросить голову павшаго Гасдрубала передовымъ постамъ карѳагенянъ; въ то же время онъ черезъ плѣнныхъ африканцевъ сообщилъ въ непріятельскомъ лагерѣ объ уничтоженіи пуническаго вспомогательнаго войска. Увидѣвъ голову возлюбленнаго брата, Ганнибалъ, обманутый въ послѣдней своей надеждѣ, закрылъ лицо и произнесъ: „Я узнаю судьбу Карѳагена“ („agnosco fata Carthaginis“); онъ покинулъ всѣ занятые посты и города въ Тарентской и Луканской областяхъ и удалился въ Бруттій. Что онъ здѣсь могъ еще продержаться почти четыре года, оставаясь непобѣжденнымъ, это свидѣтельствуетъ какъ о его высокихъ способностяхъ, такъ и объ истощеніи римскаго союза послѣ счастливо избѣгнутой опасности. Союзъ римскій сократилъ свои военныя силы до 16 легіоновъ и

наказалъ 12 городовъ союза, отказавшихъ ему въ годину бѣдствія въ войскѣ; наконецъ, онъ нашелъ еще много дѣла въ Этруріи и въ строптивыхъ галльскихъ и лигурійскихъ земляхъ.

Консулы Ливій и Клавдій справили въ Римѣ блистательный тріумфъ; но они, какъ представители гордой аристократіи, не такъ были любимы и славимы народомъ, какъ П. Сципіонъ, объ успѣхахъ котораго все время свидѣтельствовали извѣстія и трофеи. Онъ, любимецъ боговъ, говорили, окончитъ войну; одинъ только онъ ниспровергнетъ въ конецъ пуническаго притѣснителя.

Сципіонъ покоряетъ Испанію. Тѣмъ временемъ Сципіонъ въ Испаніи, среди борьбы и трудовъ, слѣдовалъ за своей блестящей звѣздой. Онъ разбилъ въ 206 г. до Р. Хр., при Бэкулѣ, карѳагенскихъ полководцевъ, которые тѣмъ временемъ успѣли собрать опять 70,000 ливійскихъ и испанскихъ наемниковъ. Разбитое войско, тѣснимое безпрестаннымъ преслѣдованіемъ, почти совсѣмъ разсѣялось. Магонъ бѣжалъ въ Гадесъ, послѣднюю точку опоры пуническихъ силъ. Гасдрубалъ бѣжалъ къ морю, гдѣ онъ засталъ корабли, которые отвезли его въ Африку.

Покончивъ совершенно съ разными силами Карѳагена въ Испаніи, римскій полководецъ бросилъ свой взоръ на Ливію; только тамъ, по его мнѣнію, можно было окончить войну. Онъ уже привлекъ къ себѣ, предупредительнымъ и ласковымъ обращеніемъ, воинственнаго Масиниссу, когда узналъ, что и могущественный Сифакъ, царь массесиліянъ, не прочь вступить теперь въ сношенія съ нимъ, какъ прежде съ его отцомъ и дядей. Въ надеждѣ на свое счастье, онъ даже отважился на двухъ пентерахъ поплыть къ африканскому берегу. Его увѣренность не обманула его; благодаря попутному вѣтру, онъ счастливо ускользнулъ отъ семи тріеръ, съ которыми тамъ стоялъ на якорѣ Гасдрубалъ. Въ царскомъ лагерѣ онъ встрѣтился съ прежнимъ своимъ противникомъ. Его мужественная красота, его воинская осанка, а еще болѣе его ловкая рѣчь не только расположили къ нему царя и его совѣтниковъ, но и Гасдрубалъ не могъ отказать ему въ своемъ удивленіи. Былъ заключенъ союзъ для взаимной помощи, и полководецъ въ бодромъ настроеніи сѣлъ на свою галеру, которая, несмотря на бурю и непогоду, благополучно отвезла его обратно въ Новый-Карѳагенъ.

Гасдрубалъ, сынъ Гисгона, и съ нимъ весь Карѳагенъ видѣли,

что вокругъ собираются черныя тучи, грозящія гибелью государству. Но онъ былъ уменъ и любилъ свое отечество; поэтому онъ придумывалъ средства, какъ бы отвратить приближающуюся гибель, и такое средство представила ему его великодушная дочь Софонизба. Гасдрубалъ изстари былъ связанъ съ царемъ Сифакомъ узами гостепріимства, и тотъ при одной изъ встрѣчъ увидалъ благородную дѣвушку. Ея дивная красота и высокое умственное развитіе увлекли могущественнаго царя; онъ попросилъ ее себѣ въ жены. Она была, правда, помолвлена съ Масиниссой и любила юнаго героя; но больше его любила она падающую отчизну. Она отдала руку свою царю и съумѣла его совершенно привязать къ интересамъ Карѳагена. Масинисса съ вооруженной силой сталъ бороться за свое право; но прежде, чѣмъ высадился Сципіонъ, его союзникъ, онъ потерпѣлъ пораженіе и долженъ былъ искать себѣ убѣжища въ горахъ и пустыняхъ. Такимъ образомъ Гасдрубалъ пріобрѣлъ себѣ могущественнаго союзника, готоваго за столицу Ливіи двинуть всѣ силы своего царства.

Во время этихъ событій Сципіонъ въ Испаніи завоевалъ, наконецъ, и Гадесъ, откуда Магонъ отплылъ въ Италію. Вмѣстѣ съ этимъ навсегда рушилось владычество карѳагенянъ въ Испаніи. Испанія съ тѣхъ поръ считалась римскимъ владѣніемъ, и Сципіонъ, съ громадной добычей и трофеями, могъ отплыть въ Италію и вступить въ Римъ, встрѣчаемый удивленіемъ и почитаемый, подобно сыну бога.

Сципіонъ въ Африкѣ. Въ награду за подвиги славному побѣдителю по почти единогласному выбору досталось консульство на 205 г. до Р. Хр. Зато онъ встрѣтилъ рѣшительные протесты въ сенатѣ, когда потребовалъ себѣ, въ кругъ своихъ дѣйствій по должности, Африки. Старикъ Фабій громко поднялъ свой голосъ противъ незаконнаго требованія, но когда консулъ заявилъ, что предложитъ это дѣло на рѣшеніе гражданъ, сенаторы, опасаясь, соблюденіемъ стараго порядка, вызвать внутренній раздоръ въ такое опасное время, выбрали средній путь. Полководцу была отведена провинція Сицилія съ правомъ перейти и въ Африку, какъ только онъ сочтетъ это полезнымъ. Новыхъ наборовъ не назначали; вообще, кажется, изъ зависти сокращали приготовленія для новаго похода, и къ этому, быть можетъ, присоединялась

и тревога передъ своеволіемъ счастливаго воина, опиравшагося на народъ. Но Сципіонъ производилъ свои приготовленія, не заботясь о недоброжелательствѣ и узкосердечныхъ опасеніяхъ. Союзники, въ особенности этруски, прежде бывшіе расположенными къ отпаденію, дали—отчасти добровольно, отчасти по принужденію—денегъ и матеріаловъ. Стекались добровольцы къ войску, ядро котораго составляли остатки разбитыхъ при Каннахъ дружинъ. По спискамъ оно состояло только изъ двухъ легіоновъ, на самомъ же дѣлѣ было гораздо сильнѣе. Не менѣе усердно строились новые корабли и приводились въ годное состояніе существующіе.

Такъ какъ собранныя силы, которыя должны были повергнуть въ прахъ Карѳагенъ, вовсе не были очень значительны, то полководецъ старался воинскими упражненіями поднять ихъ боевую способность и одушевить ихъ своимъ мужествомъ и своей самоувѣренностью. Среди такихъ приготовленій прошелъ 205 годъ и часть слѣдующаго. По истеченіи своего консульства, Сципіонъ былъ утвержденъ въ качествѣ проконсула въ главномъ военномъ начальствѣ. Чтобы, наконецъ, обезпечить за собой и согласіе боговъ на предстоящее предпріятіе, было отправлено торжественное посольство для перевезенія Идейской матери боговъ изъ Фригіи въ Римъ. Священный камень въ Пессинунтѣ, который подъ этимъ названіемъ почитался вѣрующими душами, съ готовностью былъ выданъ дружественнымъ царемъ Атталомъ Пергамскимъ и, какъ это требовалось изреченіемъ Сивиллиныхъ книгъ, положенъ въ Римѣ на освященномъ мѣстѣ.

Теперь, наконецъ, можно было дать приказъ къ выступленію въ Африку. Еще раньше Г. Лелій отважился на экспедицію въ Ливію, гдѣ онъ своими опустошеніями всюду распространялъ ужасъ. Карѳагенская герусія, угрожаемая близкой опасностью, навербовала наемниковъ въ Ливіи и Испаніи, пригласила царя Филиппа возобновить войну и въ то же время отправила Магону денегъ, войска и кораблей для того, чтобы разжечь войну въ Лигуріи и Галліи. Но римскій союзъ вооружился со всѣхъ сторонъ. Два сильныхъ отряда двинулись противъ Баркида и послѣ многихъ нерѣшительныхъ стычекъ принудили его въ странѣ инсубровъ къ кровопролитному сраженію. Тяжело раненый, онъ долженъ былъ отступить и съ трудомъ достигъ лигурійскаго берега, гдѣ стоялъ на якорѣ флотъ его.

Не обращая вниманія на эти событія, Сципіонъ созвалъ войско и корабли въ Лилибей. Пятьдесятъ двѣ пентеры и четыреста грузовыхъ судовъ должны были служить для переправы войска, въ которомъ было около 35,000 бойцовъ. Зрѣлище было грандіозное. Оставшіеся въ Сициліи легіоны, граждане города и тысячи народа изъ окрестностей усѣяли берега, когда отплывало величественное ополченіе. Восходившее солнце озарило землю и море; полководецъ стоялъ на своей пентерѣ, совершалъ жертвоприношеніе и молитвенно поднималъ руки къ небу. Послѣ того какъ онъ еще разъ обратился съ рѣчью къ войску, снялись съ якоря. Свѣжій вѣтеръ надулъ паруса и вскорѣ флотъ вышелъ въ открытое море. Послѣ полудня появился туманъ и наступило затишье; ночь была такъ темна, что кораблямъ грозила опасность столкнуться другъ съ другомъ. Утренній вѣтерокъ разсѣялъ туманъ; показался мысъ Меркурія; но вскорѣ опять наступилъ мракъ, и лишь во второе утро показалось ливійскіе побережье съ его деревнями, дачами и цвѣтущими полями. У Красиваго мыса (Promontorium pulchrum), на западной сторонѣ Карѳагенскаго залива, благополучно совершена была высадка и тотчасъ же былъ разбитъ хорошо укрѣпленный лагерь.

Бѣжавшее сельское населеніе распространило въ Карѳагенѣ общій ужасъ. Тамъ, совершено непонятнымъ образомъ, вовсе не были приготовлены къ серьезной борьбѣ; противъ непріятеля можно было выставить лишь слабые отряды конницы, которые всюду терпѣли пораженія и должны были предоставить открытую страну непріятельскимъ опустошеніямъ. Убѣжавшій Масинисса съ кучкой храбрыхъ товарищей присталъ къ римскому полководцу, который тотчасъ двинулся подъ Утику. Такъ какъ съѣстныхъ припасовъ и осадныхъ орудій было въ изобиліи, то на городъ немедленно было сдѣлано нападеніе. Сципіонъ въ теченіе 40 дней истощалъ все свое искусство, стараясь завоевать этотъ важный пунктъ, но тщетно. Стѣны были высоки и крѣпки, а граждане рѣшились на крайнюю оборону города.

За это время Гасдрубалъ, сынъ Гисгона, собралъ силу въ 26,000 наемниковъ, а Сифакъ уже подходилъ во главѣ 10,000 нумидійскихъ всадниковъ и 50,000 человѣкъ пѣхоты, для защиты родного города своей благородной супруги. Они соединили свои войска и двинули ихъ на общаго врага, который передъ

ними отступилъ и для прикрытія легіоновъ и флота воздвигъ сильныя укрѣпленія на холмѣ у моря. Наступило зимнее время, ливни и бури положили предѣлъ дальнѣйшимъ предпріятіямъ, успѣхи же, одержанные прославленнымъ римскимъ героемъ, были ничтожны въ сравненіи съ питавшимися ожиданіями. Онъ былъ оттѣсненъ въ уголокъ у моря, гдѣ ливійскіе и нумидійскіе отряды угрожали ему изъ двухъ лагерей; онъ вовсе не выказывалъ мужества стратегическаго искусства Ганнибала, который при своемъ вторженіи въ Италію не колеблясь выступилъ противъ превосходныхъ силъ римскихъ легіоновъ и поразилъ ихъ неоднократными ударами. Повидимому, онъ даже отказывался отъ дѣятельнаго преслѣдованія своихъ широкихъ плановъ, такъ какъ онъ вступилъ въ переговоры, обѣщавшіе миръ на сходныхъ условіяхъ, и неоднократно отправлялъ пословъ къ Гасдрубалу и къ Сифаку.

Нападеніе на карѳагенянъ. Но среди римскихъ пословъ были свѣдущіе въ военномъ дѣлѣ военачальники, которые пользовались случаемъ для того, чтобы развѣдать о расположеніи непріятеля. Когда они донесли, что нумидійцы расположены въ безпорядкѣ въ шалашахъ изъ ситника и камыша, безъ тщательной стражи, а карѳагеняне въ деревянныхъ баракахъ, Сципіонъ рѣшилъ произвести нападеніе врасплохъ. Онъ прервалъ переговоры, приказалъ сильному отряду занять для штурма на Утику неприступный холмъ, чтобы отвлечь туда вниманіе врага, и въ темную полночь двинулся на непріятельскіе лагери. Лелій и Масинисса напали на сонныхъ нумидійцевъ; въ шалаши полетѣли горящія головни, запылало пламя; подобно огненному морю, оно распространилось по всей мѣстности, обреченной на гибель. Карѳагеняне, предполагая случайный пожаръ, поспѣшили на помощь съ орудіями для тушенія; но они натолкнулись на легіоны Сципіона, были ими перебиты, а лагерь сдѣлался жертвой огня. Наступающее утро озарило ужасную картину: оба пуническихъ войска уничтожены огнемъ и мечомъ.

Изъ убійственной схватки спаслись на быстрыхъ коняхъ Гасдрубалъ и Сифакъ, съ немногими провожатыми; первый бѣжалъ въ Карѳагенъ, второй въ Цирту, свою столицу. Здѣсь царя встрѣтила его супруга Софонизба, трогая его мольбами и слезами, ободряя его пылкими рѣчами. Онъ тотчасъ же вызвалъ новыя дружины ратныхъ людей изъ обширныхъ областей своего царства

и, когда къ нему присоединился и Гасдрубалъ съ 5,000 навербованныхъ наемниковъ изъ Испаніи и другимъ войскомъ, онъ рѣшилъ еще разъ попытать счастье въ бою. Скоро онъ столкнулся съ Сципіономъ, который во второй разъ снялъ осаду съ Утики. Бой былъ кровопролитенъ и рѣшителенъ; кельтиберскіе наемники не подавались назадъ и не колебались; они легли храбрецами на томъ мѣстѣ, которое занимали; но остальное пуническое войско разбѣжалось по всѣмъ направленіямъ, а съ нимъ бѣжали и оба полководца. Лелій и Масинисса, во главѣ конныхъ экскадроновъ и легковооруженныхъ, преслѣдовали бѣгущихъ, а П. Сципіонъ возобновилъ осаду Утики и занялъ въ то же время Тунесъ, лежавшій только въ нѣсколько миляхъ разстоянія отъ Карѳагена. Подчинилась вся Массесилія; но на границахъ своего наслѣдственнаго царства навстрѣчу побѣдителямъ выступилъ Сифакъ съ новымъ ополченіемъ. Завязалось конное сраженіе, въ которое мало-по-малу вмѣшались главныя силы обѣихъ сторонъ. Царь съ отчаянной отвагой бросился на непріятельскихъ всадниковъ и отогналъ ихъ, пока не наткнулся на римскіе полевые значки. Здѣсь и люди и кони испугалась брошенныхъ копій и сверкающихъ мечей. Царь увидѣлъ замѣшательство, бѣгство своихъ; онъ бросился имъ навстрѣчу и повелъ ихъ обратно въ бой; но лошадь его, пораженная копьемъ, встала на дыбы и опрокинулась; онъ былъ взятъ въ плѣнъ (203 г.).

Софонизба. Масинисса безостановочно преслѣдовалъ бѣгущія дружины. Онъ добрался до Цирты, нынѣ Константины, которая при общемъ смятеніи безъ сопротивленія открыла передъ нимъ ворота. Въ царскомъ дворцѣ предъ нимъ явилась Софонизба, прекрасная, въ цвѣтѣ молодости, подобная образу богини. Она склонила предъ побѣдителемъ колѣни, умоляя его, который былъ одного съ ней племени, не предавать ея живою въ руки чужестранцевъ. Тронутый ея прелестью и ея мольбой, онъ обѣщалъ исполнить ея желаніе. Но не было иного средства защитить благородной женщины отъ насилія со стороны римлянъ, какъ то, чтобы она согласилась сдѣлаться его женой. Она дала согласіе, быть можетъ въ надеждѣ склонить и юнаго героя, какъ и перваго своего супруга, къ защитѣ стѣсненнаго родного города. Но могущества ея прелестей и ея высокаго ума боялся и римскій полководецъ. Поэтому, когда Масинисса, покоривъ Массесилію,

явился предъ Сципіономъ, послѣдній—не въ качествѣ гордого повелителя, но какъ его отеческій другъ—сталъ укорять его необдуманнымъ поступкомъ и потребовалъ отъ него выдачи царицы. Юный герой былъ во власти человѣка, которому онъ былъ обязанъ побѣдой, почестями и властью. Для исполненія даннаго своей супругѣ обѣщанія оставался одинъ только выходъ: онъ отправилъ ей черезъ вѣрныхъ слугъ смертельный ядъ. Она приняла его какъ послѣдній, высшій брачный подарокъ, безъ колебанія выпила отраву и умерла въ царскомъ нарядѣ, достойная своего племени, свободная отъ цѣпей римскаго рабства.

Пуническіе послы въ Римѣ. Тяжелыя бѣдствія, поразившія государство, приписывались въ Карѳагенѣ несчастному Гасдрубалу; его заочно приговорили къ смерти. Послѣ этого попытались завязать мирные переговоры. Къ римскому полководцу отправились послы, бросились передъ гордымъ побѣдителемъ на-земь, по восточному обычаю, и смиренно выслушали его условія. Онъ потребовалъ очищенія Италіи, уступки уже потерянныхъ испанскихъ владѣній и всѣхъ острововъ Средиземнаго моря, а также поставки запасовъ хлѣба и военнаго вознагражденія въ 4,000 талантовъ (около $9^1/_5$ милліоновъ рублей). На этихъ условіяхъ было заключено предварительное перемиріе и отправлено карѳагенское посольство въ Римъ испросить утвержденіе сената.

Тамъ, въ побѣдоносномъ городѣ на Тибрѣ, царила великая радость. Привезены были плѣнный Сифакъ, знатные карѳагеняне, знамена и трофеи; въ честь боговъ совершались благодарственныя жертвоприношенія. Но вмѣстѣ съ чувствомъ безопасности становились замѣтными и партійныя страсти.

Еще въ прошедшемъ году цензоры Клавдій Неронъ и М. Ливій, побѣдители при Метаврѣ, во время народной переписи исключили другъ друга изъ всаднической сословія. Теперь, когда карѳагенскіе послы просили мира, у славнаго полководца оспаривалось право предписывать мирныя условія; притомъ оба консула потребовали себѣ Ливію въ кругъ своей дѣятельности. Однако, большинство сената оказалось выше такихъ мелочныхъ отношеній; онъ утвердилъ за любимцемъ народа его провинцію и право заключить договоръ.

Тѣмъ временемъ положеніе дѣлъ въ Африкѣ опять перемѣнилось. Флотъ изъ 200 римскихъ грузовыхъ судовъ, съ запасами

для войска, былъ отнесенъ бурею къ карѳагенскому берегу, захваченъ карѳагенянами въ добычу и отведенъ въ непріятельскую гавань. Послы Сципіона, которые должны были потребовать отчета, подверглись преслѣдованію, такъ что они, потерявъ свое судно, едва спасли жизнь. Въ то же время распространился слухъ, что Ганнибалъ со своимъ храбрымъ войскомъ, несмотря на бурю и непріятельскія пентеры, пересѣкъ море и приближается уже къ ливійскому берегу. Новая надежда наполнила сердца гражданъ Карѳагена: приговоръ противъ Гасдрубала былъ отмѣненъ; по улицамъ раздались боевые клики; кто чувствовалъ въ себѣ мужество и силу, брался за мечъ, чтобы примкнуть къ каннскому герою.

Возвращеніе Ганнибала. Между тѣмъ Ганнибалъ, въ 205 г., потерялъ и Локры. Съ тѣхъ поръ онъ долженъ былъ ограничиваться Кротономъ и сосѣдними горами. Здѣсь-то онъ, находя поддержку въ самой природѣ страны, держался съ мужествомъ отчаянія, вмѣстѣ съ нѣсколькими тысячами своихъ ливійскихъ и иберійскихъ ветерановъ и тѣми италійскими вспомогательными войсками, которымъ нечего было ждать милости отъ римлянъ. И вотъ онъ и младшій его братъ Магонъ, лежавшій еще въ Генуѣ больнымъ отъ полученныхъ ранъ, получили приказъ карѳагенскаго сената очистить Италію, согласно условіямъ заключеннаго съ римлянами перемирія, и вернуться домой. Но Ганнибалъ сперва приказалъ вырѣзать на бронзовыхъ доскахъ подробное сообщеніе о своемъ походѣ въ Италію, своихъ подвигахъ и боевыхъ силахъ и поставилъ ихъ въ храмѣ Юноны у Лацинійскаго мыса. Здѣсь ихъ читалъ еще Полибій. Затѣмъ слѣдовала достопамятная морская переправа Ганнибала и его ветерановъ. Со сколькими надеждами, съ какимъ гордымъ сознаніемъ своей силы отправлялся онъ 15 лѣтъ тому назадъ, на порогѣ зрѣлаго возраста, и какимъ жалкимъ, согбеннымъ несчастіями человѣкомъ плылъ онъ теперь навстрѣчу трагическому концу своего несравненнаго геройскаго поприща! Великій планъ его разбился о крѣпкую сплоченность латинскихъ италиковъ и объ инстинктивное отвращеніе италійскихъ племенъ къ пунической жизни и къ пуническому владычеству; но, несмотря на свою неудачу, Ганнибалъ съ чисто человѣческой точки зрѣнія заслуживаетъ нашего полнаго участія, какъ образецъ самоотверженной любви къ отечеству и

неустрашимаго геройства. Согласно опредѣленіямъ договора, онъ долженъ былъ высадиться далеко къ югу отъ Карѳагена въ Лептисѣ и послѣ этого сталъ лагеремъ у Адрумета. Тамъ съ нимъ соединились остатки арміи Магона, хотя и безъ послѣдняго: онъ умеръ во время переправы отъ ранъ.

За зиму у Ганнибала было достаточно времени для того, чтобы обучить свои войска и по возможности слить ихъ въ одно цѣлое. Онъ привлекъ къ себѣ также нѣсколько нумидійскихъ вождей, которые усилили его конницу.

Повидимому, Сципіонъ оставлялъ его въ покоѣ довольно значительное время потому, что онъ ждалъ паденія Утики, а можетъ статься, и самого Карѳагена. Но когда весной 202 г. прибыли гревожныя извѣстія объ усиленіи непріятеля, римскій полководецъ отправился на борьбу съ великимъ своимъ противникомъ. Опустошая плодоносныя поля, онъ прошелъ вверхъ по Баграду, а затѣмъ на югъ, въ область Замы, гдѣ на равнинѣ онъ разбилъ лагерь.

Рѣшительная битва при Замѣ. Надѣясь на свои подавляющія, привыкшія къ побѣдамъ силы, Сципіонъ настолько не тревожился относительно исхода предстоящей борьбы, что безпрепятственно позволялъ гулять по лагерю захваченнымъ карѳагенскимъ лазутчикамъ. Ганнибалъ выступилъ изъ Адрумета на западъ, навстрѣчу ему, къ Замѣ; онъ потребовалъ отъ Сципіона личнаго свиданія, которое и состоялось. Оба героя впервые увидѣли здѣсь другъ друга съ глазу на глазъ, и если и не достигнуто было мирного соглашенія, то они все-таки познакомились и оцѣнили другъ друга. Немного дней спустя они выступили другъ противъ друга въ открытомъ бою.

Происходившее во время битвы солнечное затменіе допускаетъ надежное вычисленіе ея даты. Согласно этому, было 19 октября 202 г., когда войска выстроились на рѣшительный бой; на обоихъ флангахъ стояла конница, причемъ значительно превосходившая карѳагенскую силами конница римлянъ находилась противъ этой послѣдней, а нумидійскіе вожди противъ Масиниссы. Пуническая пѣхота была выстроена въ три линіи: спереди, прикрытые 80 слонами, стояли вновь навербованные наемники, затѣмъ въ порядочномъ отдаленіи карѳагенское юношество и македонскія синтагмы, а напослѣдокъ ветераны изъ Италіи. Ганнибалъ очевидно думалъ трижды

повтореннымъ со свѣжими силами ударомъ утомить страшный строй непріятеля и, наконецъ, одолѣть его. Римляне стояли въ обычномъ порядкѣ, сперва гастаты, затѣмъ принципы и, наконецъ, тріаріи, съ тою только разницей, что манипулы второго ряда не закрывали открытыхъ промежутковъ первой линіи, а всѣ манипулы стояли одинъ за другимъ. Сначала столкнулись эскадроны всадниковъ; вскорѣ и слоны ворвались въ средину велитовъ, гдѣ они произвели большое замѣшательство. Но, проникнувъ къ гастатамъ, они испугались боевого крика, копій и ранъ и были отогнаны обратно къ своимъ же. Наемники, приготовленные къ этому, отогнали ихъ; но вотъ взбѣшенныя исполинскія животныя, вмѣсто того, чтобы двинуться впередъ, на врага, бросились въ сторону къ двумъ флангамъ, въ средину пуническихъ и нумидійскихъ эскадроновъ. Замѣшательство, произведенное здѣсь чудовищами, вскорѣ превратилось въ безпорядочное бѣгство. Лелій и Масинисса съ легкой кавалеріей помчались за бѣгущими, чтобы совершенно уничтожить ихъ.

Тѣмъ временемъ наемники и гастаты начали бой копьемъ и мечомъ. Послѣ кровавой рукопашной схватки первые отступили ко второй линіи и тѣснимые противниками искали себѣ пути къ бѣгству. Но, не находя прохода черезъ тѣсно сомкнутый строй, они частью обратили оружіе на своихъ же соратниковъ, въ то время какъ среди нихъ производили рѣзню римляне. Самъ Ганнибалъ поспѣшилъ въ ряды, привелъ ихъ въ порядокъ и повелъ свою вторую линію на римскихъ гастатовъ, которые теперь въ свою очередь отступили въ замѣшательствѣ. Тотчасъ же Сципіонъ велѣлъ своимъ принципамъ и тріаріямъ наступать по обѣ стороны сильно пострадавшихъ гастатовъ. Противъ рѣшительнаго превосходства силъ карѳагенскому полководцу пришлось выставить послѣднюю свою опору, старыхъ соратниковъ. Среди страшной сѣчи, шумныхъ боевыхъ кликовъ, свиста стрѣлъ и копій, бряцанья мечей, стука щитовъ, герой скакалъ по рядамъ, возвращая подавшихся назадъ, ободряя наступающихъ. Съ крайнимъ напряженіемъ силъ старался онъ прорваться черезъ непріятельскія линіи, но его не ранили мечи, не настигали копья и стрѣлы; ему суждено было испить чашу страданій до дна.

Съ другой стороны Сципіонъ понималъ, съ какимъ противникомъ онъ имѣлъ дѣло. Онъ не видѣлъ конца убійственному сра-

женію; у него не было средствъ одолѣть упорнаго врага, и онъ тревожно глядѣлъ вдаль, откуда должны были вернуться Лелій и Масинисса, послѣ преслѣдованія нумидійской конницы. Вотъ вдали поднялись облака пыли, боевой крикъ и шумъ схватки; непріятельскіе ряды дрогнули, разстроились и разсыпались во всѣ стороны; конные эскадроны ударили въ тылъ карѳагенянъ; они произвели безпощадную рѣзню среди истощенныхъ воиновъ, тщетно искавшихъ выхода къ бѣгству. Битва была рѣшена; 20,000 враговъ легло на полѣ брани, и столько же попало въ плѣнъ.

Съ небольшой горстью вѣрныхъ соратниковъ умчался Ганнибалъ съ поля битвы, мимо Замы, по пустыннымъ степямъ, по горамъ и долинамъ въ Адрумето, а оттуда, послѣ краткаго отдыха, дальше въ Карѳагенъ, съ вѣстью о пораженіи послѣдняго войска. Смятеніе, крики и сумятица распространились по улицамъ города; но не было времени долго обсуждать событія. Главныя силы римлянъ двинулись къ Тунесу, разбили и уничтожили Вермину, сына Сифака, который съ наскоро собранной конницей пытался произвести отчаянное нападеніе, и приготовились къ осадѣ.

Заключеніе мира. Подкрѣпленный новымъ флотомъ, прибывшимъ изъ Италіи, Сципіонъ сталъ хозяиномъ моря. Съ 150 галерами онъ крейсировалъ передъ карѳагенскими гаванями. Вотъ въ римскій лагерь являются послы отъ карѳагенянъ; они просятъ, они молятъ о мирѣ, и побѣдитель не отказываетъ въ немъ. Но къ прежнимъ условіямъ онъ прибавляетъ еще другія, которыя навсегда уничтожаютъ могущество Карѳагена. Отъ побѣжденной республики требовалось: выдать своихъ слоновъ, всѣ военныя суда, за исключеніемъ десяти, далѣе—въ продолженіе пятидесяти лѣтъ уплачивать ежегодную контрибуцію въ 200 талантовъ (около 475,000 руб.), не только признать Масиниссу царемъ Нумидіи, но и уступить ему всю территорію, когда либо принадлежавшую къ Массесиліи, и, наконецъ, не вести войны безъ предварительнаго разрѣшенія Рима.

Когда послы сообщили въ Карѳагенѣ о предложеніяхъ римскаго полководца, герусія и всѣ граждане поняли, что принять эти условія значило унизить республику до подданства Риму, значило подчинить волѣ римлянъ даже ея дальнѣйшее существо-

ваніе. Молча выслушала толпа смертный приговоръ, произнесшійся надъ нѣкогда столь могущественнымъ государствомъ. Но затѣмъ поднялся ропотъ негодованія. Гисгонъ, уважаемый гражданинъ, выразилъ это негодованіе словами. Онъ говорилъ о былой величіи, объ остававшихся еще средствахъ для войны и приглашалъ мужественно выдерживать борьбу. Тогда поднялся Ганнибалъ. Онъ совлекъ оратора съ трибуны и заявилъ затѣмъ, что при данныхъ обстоятельствахъ необходимо подчиниться всякому условію. Рѣчь его была столь убѣдительна, что никто не былъ въ состояніи ему возразить. Ганнибалъ же въ эту минуту одерживалъ, пожалуй, самую тяжелую изъ своихъ побѣдъ: побѣду надъ самимъ собой, ибо онъ для сохраненія родного города жертвовалъ всѣми великими идеями и планами, за которые онъ дотолѣ бился.

Сожженіе карѳагенскаго флота. Послѣ того какъ проконсулу донесли о согласіи гражданъ Карѳагена, онъ далъ перемиріе за обѣщаніе платить жалованье и содержать все его войско. Послѣ этого въ Римъ отправлены были послы, и, хотя въ сенатѣ нѣкоторые ораторы настаивали на разрушеніи непріятельской республики, весь народъ настолько былъ настроенъ въ пользу мира, что утвердилъ за полководцемъ право его заключенія и даже отпустилъ безъ выкупа 200 знатныхъ карѳагенянъ, бывшихъ здѣсь въ плѣну. Когда посольство вернулось съ этимъ благопріятнымъ отвѣтомъ, плѣнные римляне были отпущены и были выданы непріятелю перебѣжчики и, наконецъ, карѳагенскія военныя суда: ихъ было, по сообщеніямъ, до 500. Весь народъ стекся на стѣну и на портовыя дамбы; онъ слѣдилъ за лодками и галерами, которыя выводились изъ гавани. Когда же Сципіонъ велѣлъ собрать весь флотъ и зажечь его со всѣхъ сторонъ, когда показалось пламя и поднялись столбы дыма, тогда стали плакать и громко сѣтовать мужчины, женщины и дѣти, какъ если-бы пламя уже пожирало ихъ родной городъ.

Переговоры, введеніе Масиниссы во владѣніе царствомъ, предварительное исправленіе границъ протянулись до слѣдующаго года; Верминѣ, сыну Сифака, по его просьбѣ была оставлена небольшая часть Нумидіи.

Наконецъ-то произнесено было слово миръ, слово ужаса для Карѳагена и торжества для Рима. Ибо ливійская республика утратила не только свое политическое значеніе, но и свою само-

столѣльность; она стала безоружной и попала въ зависимость отъ произвола новаго своего господина. А послѣдній, полный гордаго самосознанія, глядѣлъ съ своей высоты на народы и царства земли. Каждый римлянинъ носилъ въ себѣ это чувство, хотя государство, какъ и каждаго отдѣльнаго гражданина, поразили самыя тяжкія потери. Высчитываютъ, что во время пуническихъ войнъ число собственно римскихъ гражданъ, значитъ—безъ союзниковъ, сократилось почти на четвертую часть, что въ бояхъ пало до 300,000 свободныхъ гражданъ. Списокъ римскихъ гражданъ съ 220 г. до Р. Хр. до 204 г. до Р. Хр. сократился съ 270,213 до 214,006, значитъ—почти болѣе чѣмъ на 20%, а потери союзниковъ были вѣроятно еще гораздо крупнѣе. Въ той же мѣрѣ пострадало благосостояніе какъ общественное, такъ и частное. Но время изгладило всѣ страданія и всѣ потери, и возвышенное сознаніе одержанной, наконецъ, побѣды и ея послѣдствій для послѣдующихъ поколѣній подняло тѣхъ, кто раньше терпѣлъ и страдалъ, выше всѣхъ бѣдствій.

Послѣ того какъ все было окончено, римскій флотъ съ храбрымъ войскомъ и счастливымъ полководцемъ отплылъ, и морскія волны понесли его къ Лилибею, гдѣ сошли на берегъ Сципіонъ съ Леліемъ и блестящей свитой, чтобы сухимъ путемъ отправиться въ столицу, тогда какъ легіоны продолжали свой путь моремъ. Всѣ города, въ которые вступалъ славный герой, встрѣчали его съ царскими почестями. На всѣхъ улицахъ толпа привѣтствовала его ликующими кликами, превозносила его подвиги, громко славила одержанную побѣду и миръ. Подъ Римомъ навстрѣчу ему вышелъ сенатъ, затѣмъ онъ въ блестящемъ тріумфальномъ шествіи вступилъ въ городъ. Впереди несли захваченныя въ добычу сокровища золотомъ, серебромъ и бронзой, а также много знаменъ и другихъ трофеевъ; затѣмъ слѣдовали знатные плѣнные, закованные въ золотыя цѣпи, хотя среди нихъ и не было Сифака: смерть избавила его тѣмъ временемъ отъ этого позора. Непосредственно за ними шли ликторы, со своими fasces, обвитыми лавровыми вѣтвями, затѣмъ самъ полководецъ, въ пурпурномъ одѣяніи, въ лавровомъ вѣнкѣ, стоя на вызолоченной и выложенной слоновой костью колесницѣ. Все войско, богато разодѣвшееся, заключало шествіе. Съ обѣихъ сторонъ шли музыканты, плясуны и пѣвцы, а тамъ и сямъ храмовые служители, съ ку-

реніями и жертвенной утварью. Такъ поднялся прославленный герой на Капитолій, гдѣ онъ совершилъ праздничное жертвоприношеніе тому богу, который возвысилъ его надъ всѣми людьми. Онъ былъ первымъ человѣкомъ въ государствѣ, и толпа смотрѣла на него съ гордостью, а болѣе осмотрительные сенаторы съ тревогою; ибо, если государство и сохраняло еще свои старыя формы, все-таки были потрясены тѣ основы, которыя создали эти порядки.

ВОЙНА ПРОТИВЪ ФИЛИППА МАКЕДОНСКАГО.

Италія послѣ войны съ Ганнибаломъ. Римъ и латинскій союзъ, благодаря одержанной съ трудомъ побѣдѣ, покрылись въ глазахъ народовъ славой и возбуждали въ нихъ страхъ. Всѣ западныя страны, омываемыя Средиземнымъ моремъ, были подчинены Риму; полководцы доставили въ государственную казну несмѣтныя богатства, а дань, которую приносили покоренныя государства, постоянно увеличивала доходы. Въ самой Италіи постановленія союза исполнялись безпрекословно; всѣ, отпавшіе отъ союза, или кто лишь медлилъ исполненіемъ своихъ обязанностей, подверглись тяжкимъ наказаніямъ. Этруски поплатились за свое непостоянство, Самній по большей части похожъ сталъ на пустыню, блестящая Капуя опустѣла и напоминала деревню; Тарентъ и Сиракузы опустились до степени незначительныхъ мѣстечекъ; бруттійцы окончательно были покорены и навсегда лишены права носить оружіе. Съ другой стороны усилились и размножились латинскія колоніи во всѣхъ частяхъ Италіи, а право и языкъ Лаціума были введены всюду и съ такимъ успѣхомъ, что мало-по-малу исчезли другія національности, даже кельтская. Прежде всего, правда, пришлось завоевать вновь цизальпинскую Галлію, Верхнюю Италію, которая до послѣдняго времени ждала отъ Ганнибала освобожденія изъ-подъ римскаго ига. А затѣмъ въ 198 г. была основана Плацентія, бои, послѣ ихъ пораженія при Мутинѣ (193 г.), были почти истреблены, а въ 190 г. Кремона и Плацентія были усилены Г. Леліемъ, каждая на 6,000 колонистовъ. Къ этому присоединялись латинскія колоніи Бононія (н. Болонья) и Аквилея, крѣпости,

предназначенныя для охраны Верхней Италіи отъ вторженій изъ Иллиріи, и колоніи римскихъ гражданъ Мутина и Парма. А на западѣ, противъ лигуровъ, охраняла границу сильная крѣпость Луна. Въ то же время устройствомъ новыхъ дорогъ и удлиненіемъ старыхъ позаботились о соединеніи этихъ колоній между собой и съ родиной. Отъ конечной точки Фламиніевой дороги въ Аримінѣ провели вѣтвь параллельно Апеннинамъ, въ сѣверо-западномъ направленіи—Via Aemilia, которая вела поперекъ равнины въ Плацентію и по которой мѣстность эта нынѣ еще называется Эмиліей. Путь изъ Бононіи черезъ Апеннины въ Арретій также былъ превращенъ въ военную дорогу и вмѣстѣ съ южнымъ продолженіемъ своимъ, Via Cassia, ведшей изъ Арретія въ Римъ, былъ поставленъ подъ надзоръ государства. Наконецъ, шедшая вдоль тирренскаго побережья Via Aurelia была продолжена на Геную.

Вся Италія, до подножія Альпъ, повиновалась римлянамъ. И если къ сѣверу отъ По, несмотря на нѣсколько римскихъ поселеній, еще держалась въ продолженіе нѣсколькихъ поколѣній кельтская жизнь, то все-же уже тогда страна къ югу отъ По—Gallia Cispadana—срослась съ областью римско-италійскаго союза въ одно органическое цѣлое. И все-таки уже тогда состояніе господствующей общины, Рима, и Италіи не было уже совсѣмъ здоровымъ. Италія послѣ войны съ Ганнибаломъ была въ подобномъ же положеніи, какъ Германія послѣ Тридцатилѣтней войны. Даже въ Лаціумѣ, Этруріи, Умбріи, которыя лишь короткое время страдали непосредственно отъ войны, были заброшенные дворы и селенія, хозяева которыхъ либо пали на войнѣ, либо такъ обѣднѣли, что не могли дольше управлять ими. Совершенно иначе дѣло обстояло въ Нижней Италіи, которая въ теченіе 15 лѣтъ грабилась и опустошалась поочереди пунійцами и карѳагенянами. Мраморныя громады прежде цвѣтущихъ греческихъ городовъ, которыя еще теперь даютъ путешественнику понятіе о прежней жизни, лежатъ съ того времени нѣмыми, мертвыми; крупныя, обширныя пространства вдоль берега Тарентскаго залива и вдоль бруттійскаго полуострова остаются въ опустѣніи со времени войны съ Ганнибаломъ и до настоящаго времени. Римскому сенату слѣдовало-бы послѣ войны обратить вниманіе на оживленіе южныхъ областей, на поднятіе и пополненіе обѣднѣв-

шаго крестьянства. Но, напротивъ, не безъ удовольствія видѣли, что подростающее крестьянское юношество и обѣднѣвшіе крестьяне Средней и Нижней Италіи отправлялись колонистами въ область рѣки По, гдѣ, правда, ихъ труда ждала почти непочатая почва. Вѣдь черезъ это земля въ Средней и Нижней Италіи дешевѣла и освобождалась. Богатая знать скупала дешевые земельные участки, захватывала при этомъ, бывало, и государственныя земли и соединяла такимъ образомъ часто крупныя земельныя пространства, походившія на цѣлыя княжества (латифундіи—lati fundi). Тамъ паслись ихъ стада, работали плугомъ и заступомъ цѣлыя арміи рабовъ; тамъ красовались ихъ сады, ихъ виллы и барскіе дома. Таково было состояніе Италіи послѣ пораженія Карѳагена, съ виду блестящее, вызывавшее удивленіе и славившееся даже въ далекой Азіи; но народы ея были порабощены, и даже ядро римскихъ гражданъ, которое своей славой и своимъ благосостояніемъ столько же было обязано земледѣльческому труду, сколько и воинскому духу, уменьшалось все болѣе и болѣе, пока, наконецъ, все государство не стало служить честолюбію незначительной кучки людей.

Филиппъ V Македонскій. Когда римскіе граждане одолѣли карѳагенскую республику, война имъ надоѣла; они желали теперь наслаждаться въ мирѣ плодами своихъ усилій. И сенаторы тоже пока не думали о дальнѣйшихъ завоеваніяхъ, но они должны были позаботиться объ обезпеченіи пріобрѣтеннаго, объ обезпеченіи господства Рима надъ прибрежными странами Западнаго моря, а этой цѣли нельзя было достичь безъ вмѣшательства въ дѣла востока. Римскіе государственные дѣятели должны были желать, чтобы на востокѣ не возникло великой державы наподобіе царства Александра Великаго, но чтобы три важнѣйшихъ державы — Македонія, Сирія и Египетъ — взаимнымъ соперничествомъ охраняли общее равновѣсіе. А это равновѣсіе нарушено было честолюбивымъ Филиппомъ Македонскимъ. Именно, когда въ Египтѣ въ 204 г. власть по имени перешла къ Птолемею V Эпифану (204—181), а въ дѣйствительности къ его совѣтникамъ и опекунамъ, боровшимся между собою, Филиппъ воспользовался этой слабостью Египта для того, чтобы заключить съ Антіохомъ Сирійскимъ союзъ для раздѣла Птолемеева царства между Македоніей и Сиріей. Вслѣдствіе этого Антіохъ до 196 года завоевалъ

Кѣлесиріи, Финикію и Палестину, а Филиппъ завоевалъ египетскія владѣнія на востокъ отъ Эгейскаго моря, тѣсня при этомъ и такія самостоятельныя греческія государства, какъ республика Родосъ и царство Аттала Пергамскаго. Угрожаемыя державы—Египетъ, Родосъ, Пергамъ, а также Аѳины заключили съ своей стороны союзъ съ Римомъ, и когда Филиппъ въ 200 году только-что успѣлъ занять Абидъ (Абидосъ) на Геллеспонтѣ, къ нему явились римскіе послы и, когда соглашенія не состоялось, объявили ему войну. И граждане Рима мало-по-малу были склонены сенатомъ въ пользу этой войны, такъ какъ была опасность, что Карѳагенъ возобновитъ войну съ помощью усилившейся Македоніи.

Первые годы войны (200—198). Подвластная Филиппу территорія не ограничивалась собственно Македоніей. Онъ господствовалъ также и надъ Ѳессаліей и Эпиромъ и, какъ нѣкогда уже Филиппъ, отецъ Александра Великаго, заявлялъ притязанія на покровительство надъ свободными эллинами и на званіе главнаго ихъ полководца. Для этой цѣли онъ овладѣлъ тремя укрѣпленными пунктами въ Греціи: Деметріадой на Пагасейскомъ заливѣ, Акрокоринѳомъ и Халкидой на Эвбеѣ. Въ этихъ трехъ крѣпостяхъ онъ содержалъ сильные гарнизоны. Деметріада обезпечивала Ѳессалію, Халкида охраняла его вліяніе на Эвбею и Аттику, а Акрокоринѳъ—на Пелопоннесъ. Но кромѣ этого съ нимъ были въ союзѣ акарнанцы и не мало другихъ меньшихъ племенъ. Противъ него въ Греціи былъ Ахейскій союзъ подъ руководствомъ способнаго Филопёмена, одного изъ послѣднихъ героевъ Греціи, а позднѣе и Этолійскій союзъ. Такимъ образомъ, Римъ могъ вести войну двоякимъ образомъ: во-первыхъ, вступая въ прямую борьбу съ Филиппомъ, а во-вторыхъ, поддерживая его противниковъ. Первое было поручено консулу Сульпицію Гальбѣ, высадившемуся осенью 200 г. въ Аполлоніи на Иллирійскомъ побережьи, а послѣднее—адмиралу Г. Клавдію, который съ 20 кораблями и 1,000 отборныхъ воиновъ отплылъ на востокъ и впослѣдствіи напалъ на македонскую крѣпость Халкиду и взялъ ее приступомъ. Впрочемъ, борьба съ Филиппомъ имѣла небольшой успѣхъ. Гальба тщетно пытался проникнуть въ 190 г. въ Македонію черезъ скалистыя ущелья Иллиріи, равно какъ и преемникъ его Виллій, прибывшій только осенью 199 г. на театръ военныхъ

дѣйствій. Рѣшительной битвы избѣгали обѣ стороны. Однако, Филиппу удалось занять почти неприступную съ фронта позицію въ Эпирѣ, въ тѣсномъ скалистомъ ущельи на верхнемъ Аоѣ (нын. Віоза), противъ римскаго войска. Больше энергіи проявилось въ римскихъ предпріятіяхъ послѣ новой перемѣны въ командованіи, когда лѣтомъ 198 г. въ качествѣ командующаго прибылъ къ арміи въ Эпиръ Титъ Квинктій Фламининъ.

Титъ Квинктій Фламининъ. Фламининъ принадлежалъ къ старинной римской фамиліи, обладавшей прямо-таки царскими богатствами и большимъ вліяніемъ. Ему шелъ тридцатый годъ и онъ успѣлъ только побывать въ квесторахъ, на низшей ступени государственныхъ должностей, когда выступилъ кандидатомъ въ консулы. Поэтому народные трибуны заявили свой протестъ; они потребовали, чтобы онъ сначала, согласно существующему порядку, сдѣлался эдиломъ и преторомъ. Но сенатъ, въ собраніи котораго засѣдала обширная родня молодого человѣка, рѣшилъ, что нельзя такими соображеніями стѣснять народъ въ свободѣ его выбора. И вотъ, когда предъ собраніемъ гражданъ явился кандидатъ, со статной наружностью, краснорѣчивый, знатный и въ то-же время снисходительный, ласковый ко всякому, когда всюду агитировавшіе въ его пользу друзья и кліенты указывали на него, превознося до небесъ его умъ, знаніе военнаго дѣла, личную храбрость, то почтенные граждане не усомнились въ томъ, что онъ какъ разъ надлежащій человѣкъ, который могъ бы справиться съ хитрымъ македонянином. Такимъ образомъ сталъ онъ консуломъ и лѣтомъ отправился съ достаточными подкрѣпленіями на назначенный ему постъ. Ему можно было радоваться своей счастливой судьбѣ, приведшей его не въ область варваровъ-кельтовъ, а въ богатую искусствами Грецію, такъ какъ онъ всецѣло принадлежалъ къ новому направленію, съ ранней юности обученъ былъ языку, искусству, нравамъ и обычаямъ

Титъ Квинктій Фламининъ.
Изображенная здѣсь голова приписывается Т. Кв. Фламинину.

эллиновъ и не прочь былъ прибѣгать къ ихъ тонкимъ наслажденіямъ.

Прибывъ въ лагерь легіоновъ въ Аполлонію, Фламининъ скоро замѣтилъ, что предшественникъ его Виллій былъ отнюдь не Ганнибаломъ. Впрочемъ, онъ и самъ на первыхъ порахъ не придумалъ ничего лучшаго, какъ двинуться вверхъ по Аою и затѣмъ остановиться передъ лагеремъ Филиппа, расположеннымъ на неприступной скалѣ. При одной бесѣдѣ съ царственнымъ противникомъ онъ потребовалъ, какъ основного условія для заключенія мира, очистки всѣхъ внѣшнихъ владѣній, даже Ѳессаліи. Царь настолько былъ раздраженъ этимъ, что чуть не вонзилъ ему въ бокъ копья. Переговоры были прерваны; ежедневно происходила перестрѣлка между легковооруженными войсками; но какъ ни мужественно пробивались римляне до отвѣсной скалы, имъ приходилось только уходить сильно пострадавшими. Консулъ провелъ такимъ образомъ сорокъ дней, но ему все еще не представлялось шансовъ на успѣхъ; тогда-то къ нему явился пастухъ и вызвался провести отрядъ войска, по глухимъ дорогамъ, въ тылъ непріятельской позиціи. Предложеніе это было принято и привело къ цѣли. Въ то время какъ главное войско съ самоотверженнымъ мужествомъ производило нападеніе за нападеніемъ, часть воиновъ ударила изъ засады на македонянъ и распространила среди нихъ большой ужасъ. Царю удалось, однако, устроить отступленіе, хотя и съ потерей 2,000 человѣкъ. Онъ безпрепятственно достигъ быстрыми переходами лѣсистыхъ Лакмонскихъ горъ, гдѣ онъ остановился на нѣсколько дней, приводя въ порядокъ и пополняя свое войско. Потомъ онъ стремительно прошелъ по сѣвернымъ областямъ Ѳессаліи. Онъ опустошилъ страну, чтобы защититься отъ непріятеля пустынями, и занялъ, наконецъ, укрѣпленную позицію въ Темпейской долинѣ. Шумъ войны прогналъ отсюда соловьевъ, пѣніе которыхъ раздавалось въ тѣни платановъ, у ясныхъ водъ Пенея, а бряцаніе латъ заглушило шелестъ миртовыхъ и розовыхъ кустовъ. Да у царя и не было ни охоты, ни времени мечтать при видѣ волшебныхъ прелестей этой долины; суровая дѣйствительность призывала его къ дѣлу. Вѣдь въ Ѳессалію уже ворвались этоляне и аѳаманцы, а вскорѣ явился и консулъ, который успѣлъ какъ силой оружія, такъ и подкупающей мягкостью побудить весь Эпиръ къ отпаденію отъ Македоніи.

Было взято нѣсколько городовъ, въ числѣ ихъ Гомфы и Фалорія; но находившійся на крутой возвышенности Эгиній оказался неприступнымъ, а когда двинулись подъ Атракъ, на берегу Пенея, и была сломана тараномъ часть стѣны, то бѣшено наступавшіе римляне были встрѣчены сариссами македонской фаланги. Римскіе pila отскакивали отъ стѣны щитовъ, а короткіе мечи не могли себѣ пробить дороги сквозь лѣсъ копій. Такъ какъ обойти непріятеля было невозможно, то римлянамъ здѣсь пришлось уступить превосходству македонскаго оружія, а фаланги, ликуя, прогоняли ихъ обратно черезъ развалины стѣны. Консулъ велѣлъ тогда придвинуть осадную башню и спустить оттуда подъемные мосты на ту часть стѣны, которая не была еще потрясена тараномъ. Но нѣсколько колесъ этой башни завязли въ мягкой землѣ, такъ что все сооруженіе грозило рухнуть.

Титъ Квинктій Фламининъ.

Голова Фламинина, со статера, выбитаго въ Македоніи.

Въ досадѣ на неудачу, Фламинину пришлось рѣшиться снять осаду. Онъ охотно пошелъ бы на самого царя, который съ такимъ рыцарствомъ защищался отъ всѣхъ своихъ враговъ; но тотъ незыблемо стоялъ въ своихъ горахъ и посылалъ подкрѣпленія въ укрѣпленныя мѣста и легковооруженныя дружины, которыя всюду подкарауливали римское войско. Такъ какъ близилась зима, то консулъ повернулъ въ Элладу, занялъ Фокиду и Локриду и заставилъ эти области присоединиться къ союзу противъ Македоніи. Искусными переговорами онъ привлекъ и ахейскій союзъ. Съ его помощью и при содѣйствіи соединеннаго флота подъ начальствомъ брата своего Луція Квинктія Фламинина, онъ предпринялъ затѣмъ осаду Коринѳа, которая, однако, оказалась тщетной, такъ какъ къ гражданамъ прибылъ на помощь весьма свѣдущій въ военномъ дѣлѣ македонскій военачальникъ Филоклесъ.

Зима прошла среди тщетныхъ переговоровъ. Царь Филиппъ собралъ всѣ свои боевыя силы; но пока онъ пополнялъ и обучалъ войско, Фламининъ вступилъ въ Беотію и привлекъ на свою сторону и эту область. Точно также побудилъ онъ Набида, жестокаго тиранна Спартанскаго, завоевавшаго и разграбившаго Аргосъ и другіе города, заключить союзъ съ Римомъ и поддержать его отрядомъ наемниковъ. Обезпечивъ себѣ такимъ образомъ тылъ, онъ снова двинулся на ѳессалійскія поля.

Пораженіе македонянъ при Киноскефалахъ. Теперь царь понялъ, что онъ не можетъ долѣе избѣгать сраженія, если не желаетъ въ бездѣйствіи дать лишить себя всѣхъ своихъ вспомогательныхъ средствъ. Поэтому онъ покинулъ свою позицію и расположился лагеремъ около Феръ, противъ непріятеля. Послѣ нерѣшительной конной стычки оба полководца покинули эту мѣстность, которая изъ-за садовъ и рвовъ не годилась для битвы, и двинулись на сѣверъ къ Скотуссѣ, одинъ съ правой, другой съ лѣвой стороны цѣпи холмовъ, называвшихся Киноскефалами (собачьими головами). На третій день выпали сильные проливные дожди, а затѣмъ поднялся туманъ, почти обратившій день въ ночь. Македонское войско продолжало свой путь и перешло черезъ горы, оставивъ на вершинѣ ихъ сильный сторожевой постъ. Римскіе легіоны двинулись позже, когда стало немного свѣтлѣе. Такъ какъ они не знали, гдѣ находится непріятель, то были отправлены на холмы всадники и легковооруженные. Они наткнулись на македонскій постъ и вскорѣ должны были уступить численному превосходству силъ. Достаточное подкрѣпленіе поставило ихъ въ возможность привести своихъ противниковъ въ стѣсненное положеніе. Узнавъ объ этомъ, царь Филиппъ пожелалъ прекратить бой; но теперь туманъ опустился, и онъ увидѣлъ, что на крайнемъ холмѣ македонскія знамена совершенно окружены непріятелемъ. Если онъ не хотѣлъ предать своихъ погибели, ему слѣдовало оказать имъ помощь. По его приказу, конные и пѣшіе наемники отправились къ оспаривавшимся горамъ и отбросили римлянъ въ низменность, гдѣ только превосходная конница этолянъ предотвратила полное ихъ пораженіе.

Въ македонскомъ лагерѣ получалось одно извѣстіе за другимъ о счастіи царскаго оружія; и такъ какъ знатнѣйшіе военачальники приглашали его завершить побѣду, то царь, хоть и неохотно, рѣшился выступить со всѣми своими силами. Онъ сейчасъ-же повелъ на поле битвы правое крыло, бывшее уже готовымъ къ бою, тогда какъ лѣвое должно было еще собраться, прежде чѣмъ могло послѣдовать за нимъ. Но когда онъ достигъ холмовъ, онъ увидѣлъ свои войска уже въ полномъ отступленіи, такъ какъ приближался римскій полководецъ съ легіонами и союзниками. По горамъ, подобно раскатамъ грома, раздались боевые клики, дружины столкнулись между собой; но легіоны не могли устоять

передъ ударомъ фаланги, напиравшей сверху; они шагъ за шагомъ отступали къ низменности. Вотъ на возвышенности появилось и лѣвое крыло македонскаго войска, но не сомкнутымъ строемъ: дружины прибывали одна за другою, по мѣрѣ того какъ онѣ выстраивались. На нихъ-то римскій полководецъ произвелъ рѣшительное нападеніе, оставляя лѣвое крыло не прикрытымъ. Онъ двинулъ впередъ слоновъ, которыхъ водилъ съ собой, ворвался въ ряды непріятеля, разсѣялъ и преслѣдовалъ безпорядочныя толпы съ неодолимой стремительностью. Въ то же время одинъ изъ трибуновъ, видѣвшій стѣсненное положеніе другого римскаго отряда, свернулъ съ частью войска влѣво и ударилъ въ тылъ побѣдоноснаго въ этомъ мѣстѣ непріятеля. Это движеніе было рѣшающимъ; ибо фаланга, которая въ сомкнутомъ строѣ и на ровной мѣстности была неодолима, не могла сдѣлать поворота; она пришла въ безпорядокъ и совершенно разстроилась. Царь съ холма увидѣлъ бѣгство своихъ войскъ, а на окрестныхъ горахъ—сверкающія знамена и оружіе враговъ.

Заключеніе мира. Тогда онъ, насколько могъ, собралъ остатки войска и поспѣшилъ въ Темпейскую долину. При истощенномъ состояніи своего государства разбитый царь не могъ думать о продолженіи войны; поэтому онъ отправилъ посла въ Ларнссу, куда обратился побѣдитель, и попросилъ перемирія. Полководецъ согласился на эту просьбу; онъ велѣлъ даже сообщить униженному врагу, чтобы онъ сохранялъ бодрость духа, такъ какъ-де Римъ не потребуетъ ничего несправедливаго. Тщетно требовали этоляне преслѣдованія царя до его полнаго уничтоженія. Именно ихъ упрямство и гордость, съ которыми они приписывали побѣду своей конницѣ, отчуждали отъ нихъ римскаго полководца, который съ неудовольствіемъ видѣлъ, какъ это дерзкое племя осмѣливалось подымать свою свободную голову даже противъ Рима.

Миръ наконецъ состоялся; царь Филиппъ вывелъ свои гарнизоны изъ всѣхъ городовъ внѣ Македоніи, уплатилъ крупное военное вознагражденіе и согласился значительно сократить свои сухопутныя и морскія силы. Впрочемъ собственно Македонія осталась за нимъ не уменьшенною. Такимъ образомъ, онъ сталъ неопаснымъ для Рима. Впрочемъ Фламининъ обращался съ нимъ съ подобающимъ его сану уваженіемъ, такъ какъ видѣлъ въ немъ достойнаго противника и человѣка съ эллинскимъ образо-

ваніемъ; а затѣмъ и потому также, что какъ разъ въ это время Антіохъ, царь Сиріи, велъ свои полчища моремъ и сухимъ путемъ въ Малую Азію, что́ заставляло ждать трудной войны.

Теперь полководецъ устроилъ дѣла своихъ союзниковъ: Плеврату, царю Иллирійскому, и Аминандру, царю аѳаманцевъ, равно какъ и Эвмену Пергамскому, сыну умершаго тѣмъ временемъ Аттала, увеличены были ихъ территоріи, родосцы получили прежнюю свою долю на материкѣ, а аѳиняне — нѣсколько острововъ. Ахейскій и Этолійскій союзы были возстановлены въ прежнихъ предѣлахъ; однако послѣдній былъ недоволенъ, потому что ожидалъ бо́льшаго, а именно надѣялся получить плодоносную Ѳессалію. Но Римъ не желалъ усиливать еще больше храбраго и гордаго этолійскаго крестьянства, которое уже и безъ того было рѣшающей силой въ сѣверной Греціи, и раздѣлилъ поэтому Ѳессалію на четыре небольшихъ самостоятельныхъ союза. Такимъ путемъ лучше всего предотвращалась возможность образованія великой державы на Балканскомъ полуостровѣ и, напротивъ, подготавливалась та раздробленность силъ, которая была въ интересахъ Рима. А то, что римляне себѣ лично не взяли ничего, служитъ доказательствомъ, что они тогда еще не вели политики завоеваній.

Фламининъ, „освободитель“ Греціи. Та же политика примѣнялась и по отношенію къ прочимъ греческимъ племенамъ и городамъ, съ той только разницей, что Фламининъ умѣлъ придавать ей оттѣнокъ филэллинизма. Именно въ 196 г. онъ отправился на Коринѳскій перешеекъ, гдѣ совершались Исѳмійскія игры. Здѣсь, отчасти ради торговыхъ сношеній, отчасти ради празднества, собралось большое множество народа со всѣхъ концовъ Греціи и изъ другихъ странъ. Взоры всѣхъ обращены были на римскаго героя. Съ нимъ искали встрѣчи всюду въ публичныхъ мѣстахъ; добивались доступа въ блестящіе покои его жилища; даже знатныя женщины представлялись ему для того только, чтобы увидать его и удостоиться отъ него слова. Когда насталъ день празднества, народъ столпился вокругъ арены, гдѣ были на-готовѣ участники состязаній; глашатай трубными звуками далъ сигналъ къ тишинѣ; ждали традиціонной формулы, которою объявлялось объ открытіи игръ. Но римскій побѣдитель воскликнулъ далеко раздавшимся голосомъ: „Да будутъ свободными коринѳяне, фокидцы, локряне, эвбейцы, магнеты, ѳессалійцы, перрэбы и ахеяне во Фтіи“ —

всѣ эти общины и племена подвластны были прежде Македонскому царю. Глашатай долженъ былъ повторить эти слова, и тогда поднялось общее ликованіе. Люди обнимались другъ съ другомъ, рукоплёскали и, забывая объ играхъ, толпились около полководца, который едва могъ отстранять отъ себя ликующую толпу. Всѣхъ охватило чувство радостнаго упоенія, которое въ короткое время распространилось по всѣмъ эллинскимъ городамъ. Никому не приходило въ голову, что эта свобода—даръ весьма обманчивый, что выродившіяся эллинскія народности могли теперь этой прославленной свободой лишь прикрывать свой эгоизмъ, свои мелочныя распри и интриги. Иначе думалъ римскій полководецъ; онъ, знавшій и почитавшій былое величіе грековъ, быть можетъ, вѣрилъ, что время это можетъ вернуться. И онъ дѣйствительно постарался оказать этому свое содѣйствіе. Съ десятью комисарами онъ упорядочилъ дѣла городовъ, ихъ формы правленія, ихъ законы и права. Строптиваго тиранна Набида онъ усмирилъ силой оружія и въ наказаніе отнялъ у него Аргосъ и Мессену; впрочемъ онъ оставилъ его у власти, къ досадѣ другихъ государствъ, не желая, какъ говорилъ онъ, разрушать древней славной Спарты завоеваніемъ.

Эти тягостныя занятія и переговоры длились свыше двухъ лѣтъ; затѣмъ проконсулъ, которому каждый годъ продолжали срокъ главнаго командованія, созвалъ въ Коринѳѣ общее собраніе эллиновъ. Прославленный мужъ стоялъ тамъ на возвышенной трибунѣ; при видѣ народовъ, которые стеклись сюда изъ ближнихъ и дальнихъ странъ, при видѣ разстилавшейся передъ нимъ земли и моря, въ его душѣ зарождалась мечта о наступленіи великаго, золотого вѣка для любимой богами Эллады; онъ надѣялся, онъ вѣрилъ, что всѣ племена соединятся во взаимномъ согласіи, въ пользованіи здраво понятой свободой и создадутъ новую эпоху благороднѣйшей культуры. Послѣ того какъ данъ былъ знакъ къ молчанію, онъ произнесъ рѣчь, въ которой съ отеческой заботливостью предостерегалъ грековъ отъ распущенности и отъ раздора и призывалъ ихъ держаться законной свободы. Кто будетъ твердо держаться ея, прибавилъ онъ, тому нечего бояться тирановъ, и тотъ докажетъ, что римскій народъ оказалъ свое покровительство людямъ его достойнымъ. Затѣмъ онъ говорилъ о безкорыстіи римскаго сената, который ничего не требуетъ за военные труды, и приказалъ вывести всѣ гарнизоны изъ

крѣпостей и городовъ, чтобы народы Греціи могли жить на свободѣ, по своимъ собственнымъ законамъ. Когда Фламининъ это сказалъ и поднялись бурные крики одобренія, въ тотъ моментъ увидѣли наверху выступающимъ изъ Акрокоринѳа, высоко расположенной крѣпости, римскій гарнизонъ со знаменами и значками и блистающимъ своимъ оружіемъ. Гарнизонъ прошелъ, при звукахъ военной музыки, мимо собранія; къ нему присоединился полководецъ со своей многочисленной свитой, а народная толпа провожала его при кликахъ: „Спаситель, освободитель эллиновъ!“ Но свободы дарить нельзя, она покоится на нравственныхъ благахъ и на стремленіи къ единству. Ибо лишь единый народъ достаточно силенъ для того, чтобы быть свободнымъ. А греки того времени настолько были разъединены раздоромъ отдѣльныхъ племенъ и городовъ и партійной враждой внутри городовъ, что оказались неспособными осуществить даръ великодушнаго Фламинина. И потому за пустымъ восторгомъ, вызваннымъ мыслью о свободѣ, вскорѣ послѣдовало охлажденіе и недовольство. Особенно были недовольны этоляне своимъ незначительнымъ вознагражденіемъ и замышляли уже отложиться. Но и въ другихъ мѣстахъ вскорѣ опять образовалась въ городахъ македонская партія: она преслѣдовала римскихъ солдатъ, остававшихся еще тамъ и сямъ въ странѣ, и въ одной только Беотіи въ 196 г. она совершила до 500 убійствъ надъ римлянами. Къ этому присоединились еще многочисленные изгнанники, которые надѣялись вернуться въ родной городъ при помощи политическихъ переворотовъ. Всѣ эти недовольные элементы возлагали свою надежду на царя Антіоха Сирійскаго, съ которымъ они были въ тайныхъ сношеніяхъ. Такимъ образомъ, когда Фламининъ въ 194 г. возвращался тріумфально въ Римъ, уже готовилась новая большая война на востокѣ.

ВОЙНА СЪ АНТІОХОМЪ ВЪ АЗІИ.

Антіохъ III Сирійскій. Лѣтъ за сто до этого, Селевкъ, самый счастливый изъ полководцевъ и преемникъ Александра, основалъ царство, простиравшееся отъ Инда до Пропонтиды, отъ Средиземнаго моря до Средней Азіи и названное имъ Сиріей. Но преемники его не были похожи

на него. Среди интригъ придворной жизни въ городахъ Селевкіи и Антіохіи, среди безмѣрной роскоши, царившей въ загородныхъ дворцахъ и душистыхъ рощахъ на Оронтѣ, они расточали свои силы и средства государства. Многія провинціи отпали и образовали особыя царства; воинственные парѳяне вторглись изъ азіатскихъ степей и ограничили государство на востокѣ; на его счетъ возникли и увеличились Пергамское государство, Виѳинія и Каппадокія. Наконецъ, вступилъ на престолъ Антіохъ III, котораго называли Великимъ, и обнаружилъ не мало охоты возстановить могущество своего предка. И онъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ азіатскимъ деспотомъ, выросшимъ среди женщинъ и придворныхъ, въ восточной роскоши: но все-таки у него было еще достаточно мужества и силы для большихъ предпріятій. Въ борьбѣ съ Египтомъ онъ сначала не имѣлъ успѣха; но поздпѣе пріобрѣлъ себѣ Кѣлеспрію, Палестину и Финикію, страны, дотолѣ бывшія подвластными Птолемеямъ. На большомъ походѣ во-внутрь Азіи ему удалось оттѣснить парѳянъ, одолѣть Бактрійское царство и проникнуть къ самому Инду. Онъ вернулся прославленнымъ побѣдителемъ и заключилъ тогда союзъ съ царемъ Филиппомъ, не поддержпвая его однако противъ римлянъ. Во время Македонской войны онъ расширилъ свои владѣнія въ Малой Азіи, гдѣ онъ именно подчинилъ себѣ приморскіе города.

Римляне пока еще не заявляли серьезныхъ протестовъ; но когда заключенъ былъ миръ съ Македоніей, они заговорили съ гордостью побѣдителей. Удивленный ихъ угрожающимъ поведеніемъ, Антіохъ возразилъ, что онъ не мѣшаетъ имъ въ Италіи, а слѣдовательно и римлянамъ нечего заботиться объ Азіи. Онъ-де дѣйствуетъ здѣсь по тому праву, которое пріобрѣлъ его побѣдоносный предокъ Селевкъ; другого же права онъ не признаетъ.

Перчатка была брошена, но ни одна изъ двухъ сторонъ тогда ее не подняла; у римлянъ руки еще не были развязаны, а жаждавшаго земельныхъ пріобрѣтеній царя отозвалъ на югъ слухъ о смерти египетскаго правителя. Когда же эта вѣсть оказалась ложной, онъ отправился въ Эфесъ, увеличилъ свои военныя силы и заключилъ союзы съ Египтомъ и Каппадокіей. Онъ безпрестанно велъ переговоры съ Римомъ, не прекращая однако изъ-за этого своихъ вооруженій, хотя онъ и не дѣлалъ рѣшительныхъ шаговъ. Но вотъ ко двору его явился человѣкъ, который—если бы

Антіохъ внялъ его предложеніямъ—способенъ былъ поддержать его тронъ, а быть можетъ, и рѣшить въ его пользу предстоящую борьбу. Человѣка этого зналъ весь міръ. Это былъ герой съ вѣнкомъ неувядаемой славы на челѣ, съ неизгладимой ненавистью къ римлянамъ въ сердцѣ: это былъ Ганнибалъ, который искалъ себѣ убѣжища у Великаго царя Сирійскаго, предлагая взамѣнъ этого богатства своего ума.

Карѳагенъ по заключеніи мира. Послѣ заключенія мира, такъ глубоко унизившаго Карѳагенъ, Ганнибалъ былъ призванъ голосомъ народа во главу государства. На этомъ посту онъ оказался такимъ-же талантливымъ государственнымъ человѣкомъ, какимъ былъ прежде полководцемъ. Онъ видѣлъ недостатки, которыми страдала республика. Воспитывать и воодушевлять народъ на дѣла войны—этого онъ не смѣлъ дѣлать изъ-за римлянъ; но смягчить гнетъ, тяготѣвшій надъ гражданами, остановить произволъ богатыхъ родовъ, чтобы народу было въ радость его существованіе,—вотъ что поставилъ себѣ задачей этотъ патріотическій мужъ; и, быть можетъ, онъ питалъ при этомъ втайнѣ надежду при случаѣ воспользоваться денежными средствами государства противъ Рима, въ виду продолжающейся борьбы народовъ. Большую силу имѣло въ то время судейское сословіе, которое распоряжалось имуществомъ и жизнью гражданъ. Судьи были сенатомъ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, составляли замкнутую корпорацію и исправляли свою должность пожизненно. Такъ какъ богатство въ этомъ государствѣ торгашей вообще было высшей цѣлью всѣхъ стремленій, то и судьи продавали право за деньги и были доступны всякимъ подкупамъ. Противъ этой-то испорченности безстрашно выступилъ Ганнибалъ со всей властью своей должности; онъ побудилъ гражданъ ограничить народнымъ постановленіемъ срокъ службы судей двумя годами и сдѣлать эту должность отвѣтственною. Далѣе, онъ взялся за упорядоченіе финансовъ. Доходы съ государственныхъ земель и подати, которыя вносились подвластными областями, пошлины, доставляемыя обширной торговлей, сухопутной и морской, все еще были весьма значительны, но простому народу они не были въ радость: онъ стоналъ подъ тяжестью налоговъ. А всемогущіе члены двухъ сенатовъ не только умѣли уклоняться отъ повинностей, но и опускали въ собственный карманъ значительную долю государственныхъ доходовъ.

Ганнибалъ заботился о точной отчетности и строгомъ надзорѣ, и вскорѣ-же можно было, не отягчая гражданъ, покрывать необходимые государственные расходы и выплачивать военную контрибуцію Риму.

Естественнымъ послѣдствіемъ этихъ нововведеній было то, что люди, для которыхъ свой карманъ былъ дороже государства, очернили въ Римѣ непреклоннаго, неподкупнаго надзирателя. Они говорили, что онъ собираетъ деньги въ государственную казну для будущей войны, что онъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ царемъ Филиппомъ, съ Антіохомъ. Эти и подобные слухи были донесены римскому сенату. Правда, Публій Сципіонъ Африканскій возвысилъ свой голосъ въ защиту Ганнибала. Онъ говорилъ, что недостойно римскаго народа давать вѣру низкимъ наговорамъ и преслѣдовать великаго человѣка, смиреннаго рукой судьбы. Но его не слушали; страхъ передъ героемъ, передъ возможностью вторженія въ Италію заглушилъ всѣ благородныя чувства. Въ Карѳагенъ отправилось посольство (196 г. до Р. Хр.), будто-бы для улаженія споровъ между Ливійской республикой и Масиниссой, въ дѣйствительности же для того, чтобы потребовать выдачи смертельнаго врага. Послѣдній при первомъ-же появленіи римскихъ пословъ угадалъ, въ чемъ дѣло. Однако днемъ онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ отправлять свои служебныя дѣла; но въ слѣдующую ночь онъ бѣжалъ въ свое помѣстье на берегу моря, сѣлъ на гребное судно и отплылъ въ Тиръ, гдѣ радостно приняли славнаго героя; затѣмъ онъ поспѣшилъ въ Антіохію и далѣе въ Эфесъ къ Великому царю, который находился тамъ со всѣмъ дворомъ своимъ.

Ганнибалъ въ Эфесѣ. Обширный греческій городъ, украшенный храмами и памятниками, напоминалъ бѣглецу его родину. Тутъ стоялъ на якорѣ царскій флотъ, развѣвались пестрые флаги приходившихъ и уходившихъ торговыхъ кораблей, которые привозили богатства чужихъ странъ, обмѣнивая на нихъ собственный излишекъ, произведенія эллинской промышленности. Вѣдь черезъ Эфесъ въ тѣ времена шла торговля съ внутренней Азіей, до самаго Евфрата, и суда его соперничали съ кораблями торговыхъ государствъ Родосскаго и Византійскаго. Но Ганнибалъ не далъ себя обмануть ослѣпляющей внѣшностью. Онъ наблюдалъ царя и его окружающихъ: услужливыхъ придворныхъ, воиновъ въ мягкихъ

волочащихся одеждахъ, женщинъ, строившихъ козни и интриги, роскошныя пиршества, продолжавшіяся дни и ночи, такъ что почти не оставалось времени для серьезныхъ занятій; таковъ былъ дворъ царя, который взялся за рукоятку меча, чтобы обнажить его противъ Рима.

Какъ только Ганнибалъ нашелся въ запутанной суетѣ придворной жизни и военнаго дѣла, онъ, отстраняя придворныхъ льстецовъ, безъ стѣсненія и откровенно высказался царю. Онъ указалъ ему на недостаточность его приготовленій, на необходимость не откладывать неизбѣжной войны, вовлечь въ союзъ царя Филиппа и недовольныхъ Римомъ этолянъ и немедленно открыть походъ. Подавъ ему надежду на то, что Карѳагенъ присоединится къ союзу народовъ противъ Рима, онъ обратилъ его вниманіе на выгоды высадки въ Италіи, гдѣ будто-бы галлы и лигуры стоятъ еще подъ оружіемъ, бруттійцы скрежещутъ въ цѣпяхъ рабства, и греческіе города съ негодованіемъ несутъ иго римлянъ. Съ достаточными сухопутными и морскими силами Ганнибалъ вызывался прижать общаго врага въ его же странѣ, чтобы развязать царю руки въ Азіи и Европѣ. Грандіозный планъ вначалѣ понравился царю; но когда его стали обсуждать съ совѣтниками и придворными, то эти мелкіе умы не могли войти въ него. Дѣло казалось имъ рискованнымъ, а самъ авторъ этихъ плановъ опаснымъ. Окончательное рѣшеніе откладывалось, и время тратилось за увеселеніями.

Это неопредѣленное состояніе приняло другой оборотъ сперва въ Греціи. Этоляне, гордые своими подвигами въ Македонской войнѣ, пытались завладѣть городами, на которые они имѣли притязанія. Они набирали себѣ союзниковъ, не скрывая своихъ намѣреній. Великому Фламинину, который находился въ Греціи въ качествѣ римскаго посла и третейскаго судьи (192 г. до Р. Хр.), они возразили на соотвѣтствующій запросъ съ его стороны, что дадутъ отвѣтъ на Тибрѣ, съ оружіемъ въ рукахъ. Фламининъ выслушалъ эту угрозу съ тѣмъ хладнокровіемъ, которое дается чувствомъ вѣрнаго превосходства. Но вотъ поднялся Набидъ, Спартанскій тираннъ, который попытался теперь неожиданнымъ набѣгомъ захватить города лаконскаго побережья, освободившіеся отъ спартанскаго владычества. По его призыву, къ нему явился на помощь полководецъ Этолійскаго союза, но при первомъ-же

случаѣ этотъ человѣкъ убилъ безбожнаго тиранна и предалъ городъ Спарту своимъ воинамъ на разграбленіе. Народъ Спартанскій возсталъ противъ такихъ злодѣйствъ, освободился отъ своихъ притѣснителей и открыто присталъ къ Ахейскому союзу. Съ другой стороны, этолянамъ удалось набрать себѣ другихъ товарищей. Они назначили царя Антіоха полководцемъ союза и поручили ему освобожденіе Греціи отъ ига римлянъ.

Передъ заманчивымъ призывомъ уже не устоялъ гордый монархъ, особенно послѣ того, какъ онъ узналъ, что римскій флотъ уже крейсируетъ у эллинскихъ береговъ и грозитъ лишить его всѣхъ выгодъ предложеннаго ему союза. Съ отрядомъ войска въ 11,000 человѣкъ высадился онъ около развалинъ древняго Іолка. Городъ Деметріада, прежде бывшій македонскимъ арсеналомъ, тотчасъ же открылъ передъ нимъ ворота, равно какъ и Феры, Скотусса, Фарсалъ и другіе города. Безъ труда завладѣли и Халкидой на Эвбеѣ, а затѣмъ и всѣмъ островомъ. Потомъ Антіохъ привлекъ къ своему союзу магнетовъ съ ихъ царемъ, воинственнымъ Аминандромъ, беотійцевъ и мессенцевъ. Хотя Ганнибалъ давалъ ему умные совѣты и старался склонить его къ союзу съ царемъ Филиппомъ, который втайнѣ питалъ вражду къ Риму; но гордый монархъ охотнѣе слушался своихъ льстецовъ. Онъ весьма оскорбительнымъ образомъ задѣлъ македонскаго государя, велѣвъ предать погребенью трупы македонскихъ фалангитовъ, тлѣвшіе на полѣ битвы при Киноскефалахъ, и вмѣсто того, чтобы двинуться на Эпиръ и Иллирію, онъ остался въ Халкидѣ на зимнихъ квартирахъ и справлялъ свадьбу свою съ прекрасной халкидкой, въ то время какъ въ Θессаліи безпрепятственно распространялось римское войско.

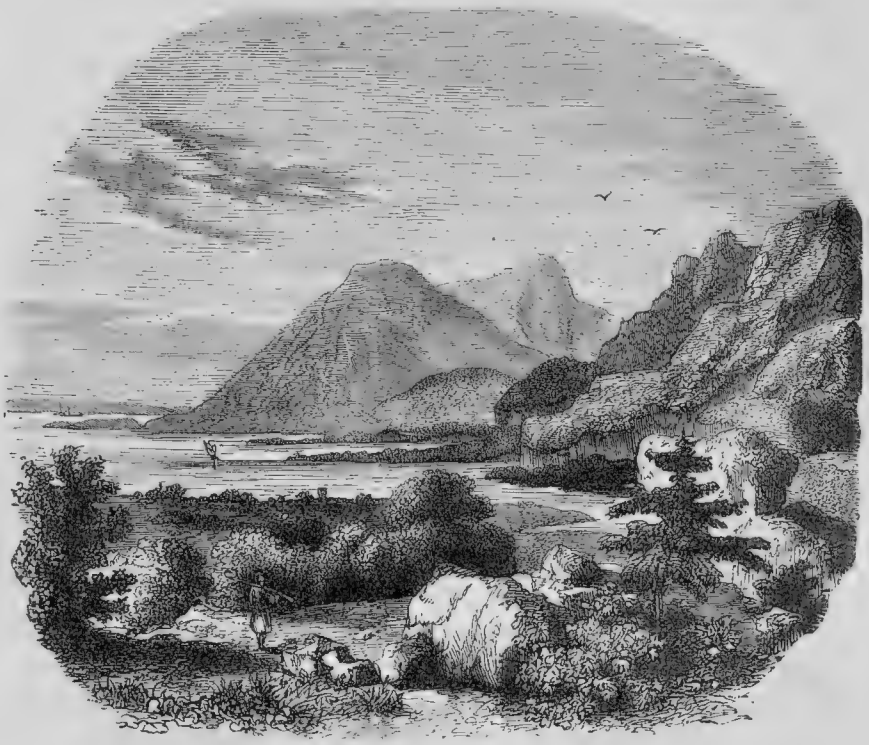
Зима прошла среди безпрерывныхъ празднествъ въ лагерѣ царя; но съ наступленіемъ весны война приняла серьезный оборотъ. На арену борьбы явился консулъ Ацилій Глабріонъ со своими легіонами, нумидійскими всадниками и ливійскими слонами. Онъ былъ незнатнаго происхожденія, но человѣкъ дѣла, рѣшительный, страшный и другу и недругу. Бывшіе консулы Валерій Флаккъ и М. Порцій Катонъ, подавившій испанское возстаніе (см. ниже), не побрезговали поступить подъ его начальство въ качествѣ легатовъ. Глабріонъ открылъ свои дѣйствія въ Θессаліи. Подкрѣпленный отрядомъ войска, который

привелъ самъ царь Филиппъ, онъ въ короткое время взялъ всѣ тѣ города, которые открыли свои ворота сирійцамъ. Сдѣлавъ затѣмъ смотръ своему войску при Ларисѣ, онъ двинулся въ равнину между горами Этой и Оѳрисомъ, орошаемую рѣкой Сперхеемъ.

Пораженіе Антіоха. Антіохъ, призывавшій въ Этоліи народъ къ оружію, теперь немедленно поспѣшилъ сюда, чтобы остановить дальнѣйшее наступленіе опаснаго непріятеля. По непонятнымъ причинамъ царь не счелъ даже нужнымъ призвать къ себѣ изъ Азіи болѣе крупныя массы войска; только съ 11,000 человѣкъ занялъ онъ Оѳермопильское ущелье, которое нѣкогда защищалъ Леонидъ со своими героями. Но какъ измѣнились теперь обстоятельства! Великій царь Сирійскій со своими наемниками стоялъ за окопами въ ущельи между горами и моремъ; римскіе легіоны, наступая съ сѣвера, какъ въ былое время персидскія полчища Ксеркса, собирались брать его укрѣпленія приступомъ. Обѣ стороны объявляли себя спасителями Греціи, носителями свободы, а сами эллины оставались праздными зрителями кроваваго спора. Одни только этоляне, въ числѣ 4,000 человѣкъ, отправились на помощь своему покровителю; одной половиной своего отряда они заняли городъ Гераклею, другой—лѣсистую гору Каллидромъ, господствовавшую надъ ущельемъ, и холмы, тянувшіеся отъ нея на западъ.

Еще до разсвѣта выступили легаты Флаккъ и Катонъ, для приступа на цѣпи горъ, тогда какъ консулъ Глабріонъ повелъ главныя свои силы въ ущелье. Онъ засталъ непріятеля выстроеннымъ по всѣмъ правиламъ военнаго искусства: по срединѣ вооруженная сариссами пѣхота, по склонамъ возвышенности—легковооруженные съ метательными снарядами, а по направленію къ морю, для прикрытія болотистыхъ низменностей, слоны. Первый натискъ былъ отраженъ сариссами, затѣмъ сирійцы отступили за валъ, на который легіоны тщетно шли приступомъ, терпя большія потери. Но вотъ раздался боевой крикъ на вершинѣ Каллидрома и тамъ и сямъ между деревьевъ показались толпы вооруженныхъ. Сирійцы думали, что это къ нимъ идутъ на помощь этолійскія дружины, но вмѣсто нихъ на опушкѣ лѣса появились римскіе знамена и щиты; несшіе ихъ люди, подъ предводительствомъ Катона, шли ускореннымъ шагомъ къ ущелью, о которомъ

шелъ споръ. Они настигли медлительныхъ этолянъ на горной тропѣ, во время сна, разогнали ихъ и теперь ударили въ бокъ спрійскаго строя. Бѣгство вскорѣ стало всеобщимъ; но вначалѣ слоны аріергарда мѣшали энергичному преслѣдованію. Когда же вышли изъ ущелья, то все спрійское войско разсѣялось, такъ



ѲЕРМОПИЛЬСКОЕ УЩЕЛЬЕ.
(Рисунокъ по фотографіи)

какъ римская конница, а особенно нумидійцы неотвязно гнались за бѣжавшими.

Царь Антіохъ, которому брошеннымъ камнемъ выбило передніе зубы, спасся съ 500 всадниковъ въ Халкиду, гдѣ онъ такъ пріятно проводилъ зиму. Теперь онъ со своими людьми сѣлъ на стоявшіе тамъ корабли и отплылъ обратно въ свое наслѣдственное царство. Царь Филиппъ окончилъ завоеваніе ѳессалійскихъ городовъ, занялъ почти безъ боя и Ѳоаманію и сохранилъ за

собой свои пріобрѣтенія, въ благодарность за оказанную римлянамъ помощь. Консулъ тѣмъ временемъ тѣснилъ упрямыхъ этолянъ; однако, чрезъ посредство Фламинина, который находился въ Греціи въ качествѣ посла, вскорѣ состоялось перемиріе.

Луцій Корнелій Сципіонъ Азіатскій. Въ теченіе зимы этоляне вели переговоры о мирѣ. Сенатъ требовалъ уплаты 1,000 талантовъ и поставки вспомогательнаго войска. Бѣдные горцы не могли собрать такой крупной суммы; поэтому имъ приходилось продолжать оборону по мѣрѣ силъ своихъ.

Между тѣмъ въ Римѣ состоялись выборы въ консулы. Однимъ изъ нихъ былъ Луцій Корнелій Сципіонъ, человѣкъ новаго времени и воспитанный на греческой литературѣ, но безъ выдающихся способностей. Своимъ высокимъ положеніемъ онъ былъ обязанъ только вліянію своей фамиліи; въ качествѣ провинціи ему отвели Грецію и Азію; братъ его, великій Публій, вызвался проводить его туда легатомъ. Когда это стало извѣстно, то на смотръ подкрѣпленіямъ, которыя онъ долженъ былъ вести съ собой къ войску, явились тысячи добровольцевъ, сѣдые уже воины, сражавшіеся при Замѣ, а отчасти еще при Каннахъ. Отвыкнувъ, благодаря долгой военной службѣ, отъ полевой работы, они въ большинствѣ случаевъ потеряли свои дома и поля вслѣдствіе дурного веденія хозяйства и надѣялись теперь на новую военную добычу подъ начальствомъ стараго побѣдоноснаго полководца.

Царь Антіохъ тѣмъ временемъ осаждалъ Пергамъ, но такъ небрежно, что опытный въ военномъ дѣлѣ царь Эвменъ могъ ввести ахейское подкрѣпленіе въ осажденный городъ, вылазки котораго парализовали все искусство осаждающихъ. Къ этому присоединились вѣсти о несчастіяхъ на морѣ, о движеніи легіоновъ подъ начальствомъ Сципіона, отчего царь совершенно палъ духомъ. Онъ ушелъ въ Сарды, раздраженный и на боговъ, и на людей, какъ это всегда бываетъ съ людьми слабохарактерными. Но вотъ во мракѣ его горя блеснулъ свѣтлый лучъ солнца. Сынъ великаго Сципіона, попавшій во время одной экспедиціи въ руки сирійскихъ всадниковъ, былъ захваченъ въ плѣнъ. Антіохъ тотчасъ же отправилъ въ римскій лагерь посольство, предлагая взамѣнъ мира передачу греческихъ городовъ въ Малой Азіи, уплату половины военныхъ расходовъ и освобожденіе юнаго Сци-

піона. Римляне же требовали полнаго вознагражденія за всѣ военныя издержки и уступки всѣхъ земель и городовъ по сю сторону Таврскихъ горъ. За освобожденіе плѣннаго юноши отецъ его обѣщалъ Антіоху только свою милостивую благодарность и вдобавокъ давалъ ему совѣтъ немедленно заключить миръ на всякихъ условіяхъ. Но царь Антіохъ, находясь во главѣ войска въ 80,000 человѣкъ, не счелъ еще своего положенія столь крайнимъ; онъ рѣшился поэтому попытать еще счастья въ бою.

Между тѣмъ Публій Сципіонъ заболѣлъ и для поправленія здоровья долженъ былъ на продолжительное время остановиться въ Элеѣ на лидійскомъ побережьи. Но нетерпѣніе воиновъ, жаждавшихъ скорѣе сразиться, заставило его брата двинуться съ войскомъ впередъ. Прошедши мимо Пергама, достигли рѣки Герма, которая, значительно увеличиваясь при сліяніи съ золотоноснымъ Пактоломъ, катитъ свои воды вдоль подошвы Сипила. Здѣсь надъ холмистой равниной вокругъ города Магнезіи поднималась гора, на которой нѣкогда стоялъ замокъ Тантала; здѣсь-то римляне увидѣли непріятельскій лагерь, далеко растянувшійся и укрѣпленный валомъ и стѣной. Радостно привѣтствовали воинственные люди блестящую рѣку и, по ту сторону ея, открытое поле, гдѣ ихъ ждалъ бой и побѣды, а дальше непріятельскіе штандарты, богато изукрашенныя палатки и высокую гору, которая должна была быть свидѣтельницей ихъ подвиговъ. Они разбили лагерь, но, спустя нѣсколько дней, перешли черезъ рѣку, предлагая непріятелю сразиться, отъ чего тотъ, однако, уклонился. Такъ среди незначительныхъ конныхъ стычекъ прошло еще нѣсколько дней. Дольше уже нельзя было сдерживать нетерпѣнія легіоновъ; они требовали приступа на непріятельскіе валы. Консулъ, который вѣроятно не такъ ужь былъ увѣренъ въ побѣдѣ, охотно бы помедлилъ; но онъ долженъ былъ уступить требованію воиновъ. Опытному легату Домицію онъ передалъ главное руководство предстоящею рѣшительною битвой при Магнезіи.

Побѣда при Магнезіи. Антіохъ, тоже вынужденный къ выступленію нетерпѣніемъ своихъ бойцовъ—на его бѣду Ганнибалъ въ это время былъ далеко—выстроилъ свои массы къ нападенію. Центръ заняла фаланга, силой въ 16,000 человѣкъ, выстроенная, изъ-за тѣсноты мѣста, 32 рядами и подкрѣпленная 20 слонами, съ башнями на спинахъ. Къ ней справа примыкала галльская

конница, подъ начальствомъ самого царя, затѣмъ 3,000 тяжеловооруженныхъ конныхъ мидянъ, царскіе аргираспиды (среброщитники) въ блестящихъ доспѣхахъ, конные и пѣшіе стрѣлки изъ лука и на крайнемъ концѣ пращники; всѣ эти отряды были прикрыты 16 слонами въ аріергардѣ. Лѣвое крыло, примыкавшее къ фалангѣ, подобно правому было составлено изъ тяжело и легковооруженныхъ всадниковъ, стрѣлковъ и слоновъ; впереди его были серпоносныя колесницы и арабскіе всадники на верблюдахъ съ мечами въ два съ половиной метра въ длину.

У римлянъ въ центрѣ стояли, въ обычномъ тройномъ построеніи, два римскихъ легіона, а на обоихъ флангахъ столько же латинскихъ; справа примыкали къ нимъ, расположенныя въ линію, ахейскія и пергамскія войска подъ начальствомъ царя Эвмена, затѣмъ конница, критскіе стрѣлки изъ лука и ѳракійскіе копьеносцы. Лѣвый флангъ упирался въ рѣку и потому былъ прикрытъ только тремя турмами конницы.

Вначалѣ рѣка, поле и войско были окутаны густымъ туманомъ; когда же онъ поднялся и разрѣшился мелкимъ дождемъ, то опытный въ военномъ дѣлѣ Эвменъ перешелъ въ наступленіе. Сперва онъ приказалъ своимъ коннымъ и пѣшимъ стрѣлкамъ напасть со стрѣлами и копьями съ бѣшенымъ крикомъ на вооруженныя серпами колесницы или, вѣрнѣе, на бывшихъ при нихъ лошадей и воиновъ; вскорѣ израненные и испуганные кони стали метаться во всѣ стороны, среди своихъ-же воиновъ. Вмѣстѣ съ ними побѣжали верблюды, увеличивая замѣшательство, такъ что конница и стрѣлки, когда римскіе эскадроны произвели на нихъ рѣшительное нападеніе, при первомъ-же ударѣ обратились въ бѣгство. Тогда побѣдители ударили слѣва во флангъ фаланги и осыпали ее градомъ метательныхъ снарядовъ.

Правда, способные къ оборонѣ воины обратились фронтомъ и къ легіонамъ спереди и къ нападавшимъ сбоку, но они недолго устояли передъ градомъ стрѣлъ и копій, а частью были смяты собственными-же слонами. Счастливѣе бился царь Антіохъ на правомъ крылѣ. Онъ безъ труда опрокинулъ немногіе эскадроны, выставленные для прикрытія лѣваго фланга непріятеля, и затѣмъ, перешедши черезъ рѣку, обошелъ римскую линію и такъ сильно стѣснилъ ее, что цѣлыя когорты бѣжали къ лагерю. Но вмѣсто того, чтобы со своими тяжеловооруженными всадниками

итти на помощь фалангѣ, онъ сталъ штурмовать лагерный валъ, пока Атталъ, братъ Эвмена, съ отрядомъ войскъ не ударилъ ему во флангъ. Теперь бѣгство и полное пораженіе сирійскаго войска были рѣшены.

Разбитый царь, съ немногими, наскоро собранными, всадниками, помчался по берегу рѣки. Затѣмъ онъ свернулъ направо, гдѣ вдоль Пактола шла дорога въ Сарды, и прибылъ въ этотъ городъ къ полуночи. Раннимъ утромъ онъ поспѣшилъ далѣе въ Апамею, гдѣ онъ уже засталъ сына, также убѣжавшаго съ поля битвы. Римляне разграбили захваченный лагерь и приняли пословъ окрестныхъ и болѣе отдаленныхъ городовъ, прибывшихъ съ заявленіями покорности. Вскорѣ-же явились и послы Великаго царя съ просьбой о перемиріи и мирѣ. П. Сципіонъ, который, по своемъ выздоровленіи, снова игралъ въ римскомъ лагерѣ рѣшающую роль, не наложилъ на монарха болѣе тяжкихъ условій, чѣмъ прежде на Геллеспонтѣ; онъ потребовалъ, именно, военнаго вознагражденія и уступки Малой Азіи, конечно, оговорившись согласіемъ сената, которому принадлежало право окончательнаго рѣшенія вопроса.

Заключеніе мира. Въ Римѣ засѣдали члены высшаго учрежденія, сената, и произносили судъ надъ народами и царями. Сперва предъ ними явились послы отъ этолянъ. Но такъ какъ они указывали на свои заслуги въ Македонской войнѣ, то ихъ отпустили съ немилостивымъ отвѣтомъ. Въ виду того, что прибыли ложныя извѣстія о взятіи въ плѣнъ Сципіоновъ, одному изъ консуловъ, М. Фульвію, поручили главное начальство въ Этоліи, а другому, Гн. Манлію, начальство въ Азіи. Вскорѣ, однако, прибыли правдоподобныя извѣстія, а вслѣдъ за ними явились посланцы изъ Сиріи, Родоса и самъ царь Эвменъ, которые всѣ покорно ждали приговора сената. Послѣдній постановилъ слѣдующее: границу Сирійскаго царства образуетъ цѣпь Таврскихъ горъ и рѣка Галисъ. Царь Антіохъ выплачиваетъ 15,000 эвбейскихъ талантовъ (около 32 мил. руб.) въ теченіе двѣнадцати лѣтъ и выдастъ бо́льшую часть своихъ военныхъ кораблей и слоновъ. Всѣ греческіе города, перешедшіе къ римлянамъ до битвы при Магнезіи, получатъ полную свободу, именно Дарданъ, Иліонъ — съ этимъ городомъ тогда уже связывалось сказаніе о происхожденіи римлянъ—Хіосъ, Милетъ, Смирна и др. Вѣрному Эвмену, который

въ качествѣ союзника оказывалъ римлянамъ помощь и теперь ловко умѣлъ блюсти свою выгоду, достались, какъ его доля въ добычѣ. Ѳракійскій Херсонесъ въ Европѣ, а въ Азіи: провинціи Фригія на Геллеспонтѣ, Лидія съ Эфесомъ и Сардами, Большая Фригія, Ликаонія и еще нѣсколько другихъ областей. Эти и другія рѣшенія были потомъ приведены въ исполненіе особою комиссіей на мѣстѣ. Этолянамъ, тѣснимымъ Фульвіемъ, также пришлось подчиниться жестокой необходимости уплатить военное вознагражденіе и обѣщать свою покорность, чѣмъ они навсегда и сыграли свою политическую роль.

Теперь римской республикѣ уже нечего было опасаться никакого государства; ея протекторатъ простирался въ глубину Азіи и Африки; громко славились ея умѣренность и безкорыстіе, такъ какъ она послѣ блестящихъ успѣховъ своего оружія не потребовала себѣ ни провинцій, ни городовъ. Правда, этотъ образъ дѣйствій соотвѣтствовалъ старому испытанному принципу римской государственной мудрости: подвигаться впередъ медленно, но вѣрно. Народы и цари, охваченные близорукимъ эгоизмомъ, не постигали грандіозныхъ плановъ сената; они спорили между собой, они торговались за мелочныя выгоды, они боязливо выслушивали мнѣнія въ Римѣ и низко льстили ісполинскому орлу, державшему ихъ въ своихъ когтяхъ. Только царь Филиппъ видѣлъ грозовую тучу, собиравшуюся надъ головами всѣхъ. А Римъ былъ настолько неловокъ или безпеченъ, что всякими униженіями возбудилъ въ этомъ страстномъ человѣкѣ къ себѣ самую пылкую ненависть.

Консулъ Манлій замѣтилъ враждебное настроеніе царя на своемъ обратномъ пути изъ Азіи, и замѣтилъ въ ущербъ себѣ. Въ жаждѣ добычи и тріумфа, онъ, правда, тщетно пытался раздуть опять войну противъ Антіоха, но зато возобновилъ войну съ восточными народами, особенно съ разбойническими галлами. Онъ вторгся со своими легіонами въ страну этихъ дикихъ племенъ, которыя во времена большого передвиженія кельтовъ поселились внутри Малой Азіи у горы Олимпа и дальше, и одолѣлъ ихъ въ двухъ кровопролитныхъ сраженіяхъ. Но послѣ переправы черезъ Геллеспонтъ, онъ подвергся неоднократнымъ нападеніямъ въ лѣсистыхъ горахъ Ѳракіи. Лишь съ потерей доброй части захваченной добычи и многихъ людей ему удалось пробиться въ

Македонію, царь которой не выручилъ его изъ бѣды. Консулъ за эту неуслужливость охотно бы пошелъ на царя Филиппа; но онъ не посмѣлъ этого сдѣлать, такъ какъ въ Римѣ его ждали обвиненія въ самовольномъ веденіи войны, отъ которыхъ онъ защитился лишь съ трудомъ.

Не такъ властно было поведеніе римлянъ въ Греціи; ибо тамъ въ качествѣ покровителя и третейскаго судьи все еще подвизался Т. Квинктій Фламининъ, другъ эллиновъ. Онъ пользовался почти царскими почестями и принималъ въ своихъ покояхъ первыхъ людей государствъ.

Обвиненіе противъ обоихъ Сципіоновъ. Больше, чѣмъ эти незначительныя войны вдали, производили въ Римѣ волненій и безпокойствъ жалобы на нѣкоторыхъ выдающихся лицъ. Эти публичныя обвиненія по большей части были весьма основательны, такъ какъ полномочія полководцевъ были мало ограничены, а ихъ алчность почти ненасытна. Такъ, напр., делегаты города Амбракіи жаловались на то, что консулъ Фульвій вражески поступилъ съ ихъ городомъ и послѣ сдачи лишилъ его всѣхъ предметовъ искусства. Ихъ не только выслушали, но и возвратили ихъ сокровища, и алчный полководецъ едва избѣжалъ заслуженной кары.

Еще серьезнѣе была жалоба на консула Манлія, о которой мы уже упомянули. Когда онъ въ храмѣ Беллоны передъ собраніемъ сената потребовалъ себѣ тріумфа за свои подвиги, противъ него выступило десять лицъ, бывшихъ уполномоченными въ Азіи. Они доказали, что онъ хотѣлъ помѣшать миру съ Антіохомъ, что онъ грабилъ мирные народы, безъ приказа воевалъ съ галлами и понесъ чувствительное пораженіе во Ѳракіи. Только благодаря многочисленнымъ друзьямъ и родственникамъ, ему удалось, послѣ долгихъ споровъ, добиться благопріятнаго приговора сенаторовъ.

Послѣ этого отважились напасть и на болѣе крупныхъ людей, на Сципіона Африканскаго и его брата. Высоко стоялъ надъ толпой герой Замы, любимецъ боговъ и людей. Какъ нѣкогда во время бѣдствій, на полѣ брани, такъ и дома, въ Римѣ, онъ занималъ повелительное положеніе. Онъ не льстилъ ни толпѣ, ни сенаторамъ, а шелъ свой собственной, гордой дорогой, услаждая себѣ власть и богатство греческимъ искусствомъ и изяществомъ. Но чѣмъ болѣе выдавался онъ надъ обычнымъ уровнемъ

республики, тѣмъ больше вызывало недоброжелательства его преимущественное положеніе, и притомъ въ числѣ его завистливыхъ противниковъ были и дѣльные поборники добрыхъ старыхъ правовъ, какъ М. Порцій Катонъ, и истые республиканцы, какъ Тиб. Семпроній Гракхъ. Впрочемъ извѣстія объ этомъ дѣлѣ ненадежны.

Сперва противъ Сципіона Азіатскаго было возбуждено обвиненіе въ утайкѣ государственныхъ денегъ. Сенатъ долженъ былъ принять жалобу, но лишилъ ее успѣха, поставивъ во главѣ слѣдственной комиссіи человѣка, который, благодаря миру съ Карѳагеномъ, освободился отъ рабства. Вслѣдъ за этимъ другой трибунъ возбудилъ это дѣло передъ трибами, и тѣ приговорили подсудимаго къ большому денежному штрафу. Поэтому онъ долженъ былъ представить поручителей, но отказался, послѣ чего трибунъ приказалъ своему служителю захватить его, чтобы отвести въ темницу. Во время этихъ преній прибылъ его братъ, поспѣшно вызванный изъ Этруріи. Онъ, хотя и противно существующему праву, насильно оттолкнулъ служителя и его господина. Это вызвало шумъ и стеченіе народа; толпа собралась съ той и съ другой стороны. Но трибунъ Гракхъ, вообще противникъ Сципіоновъ, заявилъ, что воспротивится арестованію человѣка, захватившаго въ плѣнъ непріятельскихъ царей и полководцевъ. А когда затѣмъ преторъ, ссылаясь на произнесенный приговоръ, объявилъ арестъ неизбѣжнымъ, то всѣ трибуны заявили, что онъ не долженъ состояться, но что квестору слѣдуетъ наложить запрещеніе на имѣнія и все состояніе подсудимаго. Это было сдѣлано; однако не найдено было полной штрафной суммы и никакого слѣда тѣхъ денегъ, изъ-за утайки которыхъ состоялся приговоръ.

Послѣ того какъ это нападеніе удалось, обратились противъ старшаго Сципіона. Въ сенатѣ потребовали, чтобы онъ далъ отчетъ въ употребленіи добычи и взысканныхъ во время своихъ походовъ податей. Герой стоялъ среди собравшихся сенаторовъ съ обычной самоувѣренностью. Онъ послалъ за своими счетными книгами, какъ бы желая отыскать въ нихъ доказательства своей отчетности. Но затѣмъ онъ сталъ рвать ихъ одну за другой, кратко замѣтивъ, что не стоитъ труда заглянуть въ пожелтѣвшіе листы ради нѣсколькихъ жалкихъ милліоновъ, тогда какъ онъ доставилъ въ казну не одну сотню милліоновъ. Сенаторы пере-

глянулись въ изумленіи, занесли это въ протоколъ и на томъ его и покончили.

Прошло нѣсколько лѣтъ, и вновь одинъ трибунъ передъ собраніемъ трибъ возбудилъ то-же обвиненіе и предложеніе о денежномъ штрафѣ. На вызовъ въ судъ явился подсудимый, въ сопровожденіи длинной вереницы родственниковъ, друзей и кліентовъ. Онъ произнесъ съ ораторской трибуны рѣчь, въ которой указалъ на то, что наступила какъ разъ годовщина великой его побѣды въ Африкѣ, и что не подобаетъ проводить этотъ день въ раздорѣ и спорахъ. Напротивъ, прибавилъ онъ, онъ пойдетъ привѣтствовать безсмертныхъ боговъ и принесетъ имъ свою благодарность за ихъ могущественную помощь, какъ на Капитоліѣ, такъ и въ другихъ храмахъ. Кто съ нимъ одного образа мыслей, тотъ пусть сопровождаетъ его. Съ этими словами онъ сошелъ съ трибуны и поднялся на Капитолій, и вся толпа народа сопровождала его, такъ что это было какъ-бы тріумфальнымъ шествіемъ великаго полководца. За нимъ побѣжали даже писцы и судебные служители, и на площади остались только обвинители-трибуны, ихъ рабы и глашатай, который охрипъ, постоянно повторяя приглашеніе къ суду. Однако тѣмъ дѣло не кончилось. Сципіонъ получалъ новые вызовы въ судъ, но не явился болѣе къ отвѣту.

Смерть Сципіона Африканскаго. Онъ не могъ выносить того, что съ нимъ обращались какъ съ обыкновеннымъ гражданиномъ; онъ охотнѣе претерпѣлъ бы все, но только не желалъ оправдываться передъ злорадными обвинителями. Поэтому онъ покинулъ неблагодарный городъ, чтобы заключить свою жизнь въ своемъ помѣстьи близъ Литерна, къ сѣверу отъ Кумъ. Тамъ на пустынномъ ровномъ берегу, въ виду волнующагося моря, онъ жилъ съ нѣсколькими близкими друзьями. Домъ его былъ украшенъ не съ пышной роскошью, а предметами самаго благороднаго искусства, и передъ нимъ открывались сокровища греческой мудрости. Но сердце его точилъ червь недовольства неблагодарностью согражданъ; спустя немного лѣтъ, онъ умеръ. Въ этой мѣстности у небольшого озера еще нынѣ существуютъ стѣны, которыя выдаются за остатки его виллы.

Болѣе блестящею была участь Фламинина, который величіемъ души и славой подвиговъ далеко уступалъ, конечно, Сципіону, но превосходилъ его дипломатической тонкостью и ловкостью.

Благодаря этому, ему удавалось избѣгать нападокъ завистниковъ и, что̀ льстило его самолюбію, въ качествѣ посла и третейскаго судьи играть первую роль то въ Греціи, то въ Азіи. Въ этой роли онъ выступилъ въ особенности для улаженія войны, которую съ большимъ ожесточеніемъ вели на морѣ и на сушѣ два азіатскихъ царя. Одинъ изъ нихъ былъ часто упоминавшійся союзникъ римскаго народа, Эвменъ Пергамскій, а другой, трусъ, Прусія, царь Виѳинскій.

Смерть Ганнибала. Къ Прусіи Виѳинскому во время войны его съ Эвменомъ прибылъ старинный смертельный врагъ римлянъ, Ганнибалъ. Со времени побѣды римлянъ надъ Спріей, онъ долгіе годы находился въ безпокойныхъ странствованіяхъ; теперь Прусія предлагалъ ему убѣжище, чтобы воспользоваться его талантомъ, какъ полководца, въ войнѣ съ Пергамомъ. Въ самомъ дѣлѣ, Ганнибалъ одержалъ нѣсколько успѣховъ надъ Эвменомъ; быть можетъ, онъ питалъ надежду возбудить впослѣдствіи на борьбу съ римлянами царя Филиппа Македонскаго, сосѣда Прусіи. Но вотъ къ Прусіи явился, во главѣ посольства, Фламининъ, который обѣщалъ ему милость римскаго сената, если онъ выдастъ престарѣлаго карѳагенянина.

Прусія весьма былъ радъ такимъ легкимъ средствомъ расположить къ себѣ могущественную республику и нисколько не чувствовалъ себя связаннымъ узами гостепріимства, священными даже для варваровъ. Онъ велѣлъ оцѣпить жилище своего гостя. Замѣтивъ продажныхъ наемниковъ, Ганнибалъ пытался спастись тайными выходами. Но онъ нашелъ уже всѣ двери занятыми и поэтому удалился во внутренній покой. Теперь онъ стоялъ у конца своей жизни, не согбенный судьбой, какъ и прежде въ военныхъ буряхъ на высотѣ счастья и въ пропасти неудачи. Побѣды его подобно звѣздамъ освѣщали яркимъ свѣтомъ окружавшій его мракъ; они озаряли могилу, которая открывалась передъ нимъ, собираясь освободить его отъ житейскихъ бурь и отъ власти римлянъ. Съ такимъ чувствомъ, призывая боговъ, покровителей гостепріимства, къ мщенію за нарушенную вѣрность, онъ осушилъ чашу со смертельной отравой, которую самъ себѣ приготовилъ. Онъ умеръ около 67 лѣтъ отъ роду, не долго спустя послѣ своего противника Сципіона, въ 183 г. до Р. Хр.

Смерть Филопёмена. Однимъ только годомъ раньше въ

Греціи наступилъ конецъ подвигамъ другого славнаго мужа, часто упоминавшагося Филопёмена. Съ храбрымъ духомъ собралъ онъ всѣ народы Пелопоннеса подъ знаменемъ Ахейскаго союза. Пускай называютъ мелочнымъ это стремленіе маленькаго государства усилиться противъ римлянъ, все-таки упрекъ не можетъ коснуться того человѣка, который всю свою долгую жизнь безукоризненно и геройски стремился соединить всѣ племена греческой національности, чтобы снова поставить прославленную Элладу въ рядъ независимыхъ государствъ. Эта цѣль носилась передъ Филопёменомъ; потому-то воспылалъ онъ гнѣвомъ, когда отъ союза отпала Мессенія. Съ наскоро собраннымъ отрядомъ войска онъ вначалѣ не безъ успѣха боролся съ превосходными силами непріятеля; но во время одного изъ своихъ разъѣздовъ, когда онъ съ нѣсколькими всадниками удалился слишкомъ далеко, онъ подвергся нападенію въ ущельи и былъ взятъ въ плѣнъ. Непріятели заперли семидесятилѣтняго героя въ подземелье и подали ему чашу съ отравой, такъ какъ думали, что только смерть его можетъ доставить имъ безопасность и побѣду. Онъ осушилъ смертоносный кубокъ съ тѣмъ же спокойствіемъ, какъ и Сократъ, и умеръ послѣ короткой агоніи „послѣднимъ эллиномъ“, какъ называло его потомство. Ахейскій союзъ собралъ всѣ свои силы, чтобы отомстить за смерть своего благороднаго стратега. Ликорта, другъ убитаго героя и товарищъ его по войнѣ, во главѣ собраннаго войска напалъ на Мессенію, проникъ къ самой столицѣ и взялъ ее послѣ долгой осады. Главари возстанія пали частью отъ своей-же руки, частью отъ топора палача, послѣ чего страна опять вступила въ союзъ. Въ честь Филопёмена устроено было грандіозное погребальное торжество. Его пепелъ, собранный въ урну, привезенъ былъ изъ Мессены въ Мегалополь, а память его народъ почтилъ статуями и пѣснями, которыя распѣвались въ его честь въ торжественныхъ случаяхъ.

Планы Филиппа Македонскаго. Единственнымъ изъ царей Востока, который могъ сдѣлаться дѣйствительно опаснымъ для римлянъ, былъ царь Филиппъ Македонскій, несмотря на понесенное при Киноскефалахъ пораженіе. Въ юности онъ былъ человѣкъ, избалованный счастьемъ, былъ страстнымъ, непостояннымъ, не настойчивымъ въ своихъ предпріятіяхъ; въ школѣ нужды онъ сдѣлался мужемъ, полководцемъ, правителемъ; тогда развились

его дарованія, его внутреннія способности. Поэтому онъ съ неудовольствіемъ выносилъ зависимость отъ римлянъ и старался освободиться отъ нея тѣмъ, что дѣлалъ свое государство готовымъ къ войнѣ. Законодательнымъ путемъ онъ позаботился о спокойствіи, безопасности и пріумноженіи населенія, обезсиленнаго долгими войнами. Въ государствѣ были поселены, отчасти насильно, ѳракійцы и ѳессалійцы, поднято было земледѣліе и торговля, возобновлена разработка покинутыхъ золотыхъ и серебряныхъ рудниковъ. Благодаря увеличившимся доходамъ, царь Филиппъ былъ въ состояніи усилить свои вооруженія, снабдить гарнизонами вновь пріобрѣтенные ѳессалійскіе города и частью покорить силой оружія, частью привлечь денежными подарками ѳракійскія племена.

Римскій сенатъ недоброжелательнымъ окомъ слѣдилъ за энергичной дѣятельностью царя. Онъ охотно остановилъ бы его вооруженной рукой; но войны въ Лигуріи, Галліи и Испаніи продолжались безъ перерыва, и полководцы нерѣдко вмѣсто побѣдныхъ почестей получали кровавыя пораженія (см. ниже). А граждане мало выказывали расположенія потомъ и кровью своей добывать для сильныхъ міра новые тріумфы, деньги и предметы искусства для украшенія ихъ дворцовъ. Поэтому медлили объявить Филиппу войну; зато охотно принимались жалобы на него. И вотъ, каждый годъ являлись жалобщики изъ Эллады, ѳессаліи и Эпира, явился даже, съ цѣлымъ спискомъ обвиненій въ рукахъ, самъ царь Эвменъ. Онъ особенно жаловался на то, что Филиппъ занялъ ѳракійскіе приморскіе города, которые онъ, Эвменъ, охотно присоединилъ бы къ своему Херсонесу, хотя это и противорѣчило условіямъ мирнаго договора. Между Македоніей и Римомъ пошелъ живой обмѣнъ пословъ; македонскіе послы оправдывали своего царственнаго господина, римскіе изслѣдовали дѣло на мѣстѣ. Предъ однимъ изъ такихъ посольствъ, засѣдавшимъ въ Темпейской долинѣ, долженъ былъ явиться самъ царь Филиппъ, такъ какъ упрямые третейскіе судьи требовали его личнаго присутствія. Онъ подчинился необходимости и повиновался даже приговору, отнимавшему у него занятые города въ ѳессаліи; но онъ заключилъ свою рѣчь словами, вырвавшимися у него отъ сдержанной злобы, стихомъ ѳеокрита: „Солнце пока еще не закатилось навѣки“. Вмѣстѣ съ этимъ онъ обратился спиной

къ римлянамъ, вернулся въ свое царство и продолжалъ приготовляться къ тому, что̀ казалось неизбѣжнымъ.

Персей и Деметрій, сыновья Филиппа. Но его ловко задуманный планъ потерпѣлъ крушеніе изъ-за трагической участи, которую онъ навлекъ на себя отчасти по собственной винѣ. У него было два сына. Старшій, Персей, отличался тѣлесной красотой, а еще болѣе того ловкостью во владѣніи оружіемъ и многими военными подвигами, и предназначался отцомъ въ наслѣдники престола, хотя мать его и не была царской крови, и онъ, слѣдовательно, не былъ равнаго съ братомъ происхожденія. Съ отцомъ своимъ онъ раздѣлялъ ненависть къ римлянамъ, хотя и не имѣлъ его грандіозныхъ замысловъ, его царственнаго духа, чтобъ или побѣдоносно отстоять свою корону, или погибнуть съ честью, если того требовала судьба. Душа его преисполнена была мелкихъ страстей: жажды власти, а еще болѣе того жажды богатствъ, которыя онъ только и накоплялъ, не употребляя ихъ на возвышенныя цѣли. При этомъ онъ былъ недовѣрчивъ, подозрителенъ, особенно къ младшему своему брату Деметрію, сыну законной супруги царя, и изъ-за мрачнаго нрава мало имѣлъ приверженцевъ въ народѣ.

Инымъ былъ веселый, доступный и ласковый ко всякому Деметрій. Онъ былъ любимцемъ націи и пользовался расположеніемъ даже у римлянъ; по смерти царя онъ могъ бы оспаривать власть у брата. Поэтому Персей рѣшилъ устранить своднаго брата и притомъ не открытымъ насиліемъ, а хитростью, чтобы не навлечь на себя дурной славы. Онъ доставилъ отцу съ разныхъ сторонъ извѣстія, которыя почти не оставляли сомнѣній въ томъ, что Деметрій находится въ соглашеніи съ римлянами; наконецъ, онъ съ притворной печалью на лицѣ показалъ ему подложное письмо, какъ будто писанное самимъ Деметріемъ и выражавшее намѣреніе съ помощью римлянъ свергнуть отца съ престола. Царь воспылалъ гнѣвомъ и велѣлъ казнить измѣнника. Деметрій былъ во-время увѣдомленъ объ угрожавшей ему гибели. Онъ поспѣшно бѣжалъ, и притомъ въ Римъ, гдѣ онъ только и могъ найти безопасность. За нимъ были тотчасъ же отправлены въ погоню наемные убійцы. Они нагнали его и пристали къ нему подъ маской друзей, готовыхъ защищать его; но за ѣдой они подали несчастному отравленный кубокъ вина.

Когда онъ почувствовалъ дѣйствіе напитка и отъ боли сталъ издавать громкіе вопли, убійцы бросили его на ложе и заглушили послѣдніе его стоны подушками.

Царь недолго спустя послѣ кончины сына получилъ неопровержимыя доказательства его невиновности; онъ узналъ также, какими кознями онъ былъ окруженъ и побужденъ къ злосчастному, слишкомъ поспѣшному поступку. Тутъ силы его, духовныя и тѣлесныя, надломились. Душу его точила тоска и раскаяніе, онъ сталъ чахнуть и смерть вскорѣ положила предѣлъ его замысламъ и душевнымъ страданіямъ (179 г.).

ВОЙНА СЪ ПЕРСЕЕМЪ МАКЕДОНСКИМЪ.

ПЕРСЕЙ НА МАКЕДОНСКОМЪ ПРЕСТОЛѢ. Персей вступилъ, не возбуждая противъ себя протеста, на царскій престолъ и, такъ какъ онъ утвердилъ миръ 197 г., то и былъ признанъ римлянами. Но вскорѣ римляне почувствовали къ нему недовѣріе, и не безъ основаній. Персей втайнѣ привлекъ на свою сторону всяческими обѣщаніями бастарновъ, германское племя, обитавшее въ то время у низовьевъ Дуная, и побудилъ ихъ напасть на союзныхъ съ римлянами иллирійскихъ дарданцевъ. Но бастарны были побиты и при отступленіи за Дунай по большей части погибли. Царь Македонскій заводилъ подозрительныя сношенія и съ сосѣдними государями, такъ, напр., посредствомъ браковъ, онъ сблизился съ царями Сирійскимъ и Виѳинскимъ. А римляне извѣщались обо всемъ этомъ шпіонами и доносчиками; самымъ вліятельнымъ изъ послѣднихъ былъ царь Эвменъ Пергамскій, который обвинялъ Персея даже въ покушеніи на его особу. Поэтому, наконецъ, въ 172 г. къ македонскому двору явились послы, которые гордо и повелительно, какъ обыкновенно вели себя римляне, поставили прямолинейный вопросъ, желаетъ ли онъ ограничиваться своими предѣлами, согласно прежнимъ договорамъ. Персей гнѣвно отвѣтилъ, что онъ привыкъ дѣйствовать, какъ самостоятельный государь, и выслалъ римскихъ пословъ изъ государства. Тѣмъ не менѣе онъ не терялъ надежды на сохраненіе мира, и римляне

какъ будто шли навстрѣчу этому желанію, тогда какъ они на дѣлѣ уже рѣшили войну. Однако Персей не оставался въ полномъ бездѣйствіи. У него были ночныя свиданія съ посланцами чужихъ государствъ; онъ съ успѣхомъ добивался расположенія въ помощи греческихъ народовъ, такъ какъ эллины предпочитали держаться стороны родственныхъ имъ по языку и нравамъ македонянъ, нежели властныхъ иноземцевъ съ Запада. Даже родосцы казались дружески расположенными къ царю: они привезли къ нему на своихъ корабляхъ, съ большой пышностью, его сирійскую невѣсту. Если-бы онъ рѣшительно двинулся въ наступленіе со всѣми своими силами, то эллины приняли бы его съ распростертыми объятіями. Подобнымъ-же образомъ обстояло дѣло въ Эпирѣ и Иллиріи, гдѣ царь Гентій Скодрскій ждалъ только македонскихъ денегъ, чтобы тотчасъ-же открыть походъ. Но у царя Персея не хватало мужества для рѣшительныхъ дѣйствій, а богатства его были ему дороже помощи сосѣда. Точно также воинственной дружинѣ германцевъ въ 20,000 человѣкъ онъ далъ уйти съ пустыми руками потому, что требуемое ими жалованье казалось ему слишкомъ великимъ. Онъ торговался изъза грошей, тогда какъ рисковалъ царствомъ и короной. Вѣрнымъ союзникомъ царя оказался храбрый и справедливо славившійся царь ѳракійскихъ одрисовъ Котисъ, который распространилъ свою власть на племена Родопскихъ горъ и на Гебрѣ (Марицѣ) до самыхъ береговъ Чернаго моря.

Война 171—169 г. до Р. Хр. Наконецъ, оскорбительнымъ отвѣтомъ, даннымъ одному македонскому посольству, съ римской стороны была объявлена война. Персей со всѣми своими силами въ 43,000 бойцовъ и множествомъ военной утвари выступилъ изъ своей царской резиденціи Пеллы, перешелъ черезъ рѣку Галіакмонъ и Камбунскія горы и вступилъ въ Ѳессалію, гдѣ онъ занялъ нѣсколько городовъ, а затѣмъ въ благопріятной позиціи у подошвы Оссы сталъ спокойно дожидаться, пока не подошелъ изъ Эпира, черезъ дикія Аѳаманскія горы, консулъ Лициній Крассъ. У Гомфъ истощенное римское войско подкрѣпилось краткимъ отдыхомъ; но когда оно затѣмъ двинулось на Ларисссу и далѣе черезъ Пеней, гдѣ къ нему пристали пергамскія, ѳессалійскія и греческія вспомогательныя войска, битва казалась неизбѣжной. Однако римляне пока держались за лагернымъ валомъ и спо-

койно давали царскимъ всадникамъ опустошать оссалійскія поля, ибо ни легіоны, ни полководецъ ихъ не походили на тѣхъ страшныхъ римлянъ, которые своимъ мечомъ одолѣли могущественнѣйшіе народы. Благодаря походамъ въ Азію, среди нихъ распространилась восточная роскошь. Пышная и роскошная жизнь подобно чумѣ заразила и столицу, и деревню, и даже лагери. Полководецъ былъ человѣкъ вялый, военная дисциплина почти совсѣмъ распустилась; всѣ предпріятія останавливались.

При такихъ обстоятельствахъ Персей позволялъ себѣ все болѣе смѣлыя дѣйствія. Наконецъ, со всей конницей и легковооруженными онъ подошелъ къ самому лагерю римлянъ. Этой дерзости не вынесъ консулъ; онъ встрѣтилъ врага въ открытомъ полѣ, съ оружіемъ въ рукахъ. Бой загорѣлся тотчасъ-же; храбрый Котисъ на лѣвомъ крылѣ, во главѣ своихъ бѣшено налетавшихъ ѳракійцевъ, побѣдоносно ворвался въ ряды италійской конницы, разогналъ и преслѣдовалъ ее. Съ такимъ-же успѣхомъ царь повелъ противъ врага аѳематъ (конную лейбъ-гвардію) центра и македонскую конницу праваго крыла. Римляне и греки не могли устоять передъ этимъ натискомъ и искали спасенія въ бѣгствѣ; только тяжеловооруженная ѳессалійская конница, да царь Эвменъ, отступая въ полномъ порядкѣ, прикрывали бѣгущихъ. Вотъ на полѣ битвы появилась и македонская ратная фаланга, ударъ которой долженъ былъ довершить пораженіе римлянъ. Но царь испугался крайности; онъ вернулся въ свой лагерь съ плѣнными и добычей. Онъ потерялъ только 60 человѣкъ, тогда какъ у непріятеля легло на полѣ брани 2,200 человѣкъ, а въ плѣнъ попало 600. Тѣмъ не менѣе царь позволилъ консулу безпрепятственно отступить за Пеней и сдѣлалъ мирныя предложенія, которыя римляне, конечно, гордо отвергли.

Во всѣхъ городахъ Эллады отпраздновали побѣду при Ларіссѣ и приготовились отпасть отъ Рима; но Персей въ непонятномъ ослѣпленіи продолжалъ бездѣйствовать. Лициній, у котораго теперь руки были развязаны, захватилъ нѣсколько незначительныхъ мѣстъ въ Ѳессаліи и двинулся подъ хорошо защищенный Гоннъ. Разглядѣвъ крѣпостныя укрѣпленія, онъ расположился на зимнихъ квартирахъ, такъ какъ опасность и трудность осады казались ему слишкомъ большими. Въ слѣду-

ющемъ году онъ искалъ себѣ менѣе опаснаго занятія въ Греціи, гдѣ онъ набивалъ себѣ карманъ контрибуціями.

Почти еще хуже главныхъ начальниковъ поступали римскіе преторы и начальники флота. Галіартъ въ Беотіи былъ разрушенъ, Халкида на Эвбеѣ разграблена, Абдера тоже, Аѳины, Ѳивы и другіе города должны были уплатить непосильную военную контрибуцію. Остались пощаженными только тѣ города, которые запирали ворота передъ римлянами и защищали свои стѣны, такъ какъ легче было справляться съ друзьями и союзниками.

ЛАРИССА (въ современномъ видѣ).
(Рисунокъ по фотографіи)

Сенатъ приказалъ вернуть похищенное и выкупить проданныхъ въ неволю гражданъ; онъ велѣлъ объявить во всѣхъ эллинскихъ государствахъ, что ни одному римскому должностному лицу, безъ особаго порученія отъ него, сената, не надо платить никакой дани; но отъ этого не стало лучше. Слѣдующій же консулъ Гостилій (170 г. до Р. Хр.) пошелъ по стопамъ своего предшественника. Въ дорогѣ чуть было не захватили его македонскіе всадники. Ободренный этими событіями, Персей дѣлалъ успѣхи въ Ѳессаліи, съ наступленіемъ зимы онъ пропикъ бездорожными горами въ Этолію, гдѣ нашелъ себѣ приверженцевъ, а

оттуда по снѣгамъ и льдамъ прошелъ въ Иллирію. Тамъ онъ взялъ городъ Ускану, несмотря на многочисленный римскій гарнизонъ, и большинство укрѣпленныхъ мѣстъ; онъ привлекъ къ себѣ даже эпиротовъ, которые дотолѣ были ему враждебны. О римскомъ войскѣ онъ такъ мало заботился, что напалъ на дарданцевъ, исконныхъ враговъ македонскаго царства и частью уничтожилъ ихъ въ кровопролитныхъ битвахъ. Какъ только въ слѣдующемъ году (169) тронулись римскія силы подъ начальствомъ консула Кв. Марція Филиппа, приведшаго новые легіоны, Персей поспѣшилъ на границу защищать Камбунскія и Олимпійскія горы. Новый римскій полководецъ, тяжелый и дородный тѣломъ, до этого времени болѣе отличался въ качествѣ дипломата, нежели какъ полководецъ. Впрочемъ, у него отнюдь не было недостатка въ личномъ мужествѣ. Онъ рѣшилъ во что бы то ни стало проложить себѣ путь въ Македонію. Такимъ образомъ, онъ, въ виду того, что Темпейскій проходъ былъ занятъ и укрѣпленъ, повелъ свое войско на счастье въ малодоступныя, крутыя горы Олимпа, и притомъ конницу и пѣхоту, обозъ и даже слоновъ. Среди невыразимыхъ трудностей, по ущельямъ, гдѣ горсть людей съ легкостью могла бы перебить отдѣльные отряды войска, въ одиночку карабкавшіеся на горы, воины наконецъ взобрались на вершину. Отсюда они увидѣли открытую страну, царскій лагерь, города Дій и Гераклей и море, но въ то же время вблизи себя въ ущельи, чрезъ которое надо было пройти, 10,000 хорошо вооруженныхъ македонянъ. Здѣсь въ теченіе двухъ дней кипѣлъ жаркій, но нерѣшительный бой. Пришлось свернуть въ сторону, обойти непріятеля, и такимъ образомъ достигли подошвы горъ.

Персей изъ своего лагеря видѣлъ римлянъ и слышалъ стукъ оружія, но не дѣлалъ никакого движенія. Когда же онъ узналъ, что врагу удалось его смѣлое предпріятіе, онъ окончательно потерялъ голову, сталъ метаться во всѣ стороны, дѣлалъ упреки своимъ военачальникамъ, давалъ приказы жечь корабли, бросать сокровища въ море, потомъ отмѣнялъ ихъ и въ концѣ концовъ отступилъ въ Пидну, очистивъ неприступныя твердыни Темпейской долины въ тылу непріятеля и даже городъ Дій. Не растеряйся царь, римское войско, спертое между Темпейскими тѣснинами и Діемъ, погибло бы отъ голода или же было бы уничтожено при отступленіи черезъ горы. Даже теперь при наступленіи

въ непріятельскую страну, все еще было трудно содержать войско, а дородный консулъ такъ-же, какъ и воины его, не переносилъ скудной пищи. Поэтому онъ отступилъ опять къ Гераклею, гдѣ въ его распоряженіи были склады Темпейской долины. Персей, который, наконецъ, опомнился, послѣдовалъ за нимъ и занялъ на крутыхъ берегахъ Эпипея такую укрѣпленную позицію, что непріятелю не оставалось ничего другого, какъ спокойно засѣсть въ лагерѣ.

Еще хуже, чѣмъ войску консула, досталось римскому флоту, которымъ командовалъ преторъ. Воины пытались по-очереди брать приступомъ города Ѳессалонику, Кассандрею, Торону, наконецъ—Деметріаду, но всюду терпѣли пораженіе и уронъ.

Л. Эмилій Павелъ. Въ Римѣ взоры всѣхъ съ тревогой были обращены на Македонію, и въ виду весьма опаснаго положенія дѣйствовавшаго тамъ консульскаго войска стали искать человѣка, которому можно-бы было довѣрить веденіе войны. Самымъ пригоднымъ для этого казался Л. Эмилій Павелъ. Онъ былъ сынъ того Эмилія Павла, который не пожелалъ пережить Каннскаго пораженія, происходилъ изъ стариннаго рода, но обладалъ небольшимъ состояніемъ. Его почти единогласно избрали въ консулы. Хотя онъ уже неоднократно отличился храбрыми подвигами въ Испаніи и Лигуріи, все-таки ему теперь только, на шестидесятомъ году жизни, удалось быть вторично избраннымъ въ консулы, такъ какъ на этотъ разъ приняли въ расчетъ дѣйствительныя способности, а не, какъ обыкновенно, богатство и пышный образъ жизни кандидата. Онъ былъ человѣкъ практическаго склада и храбрый воякa, простъ въ привычкахъ и обращеніи, былъ знакомъ съ греческимъ языкомъ и литературой. Онъ стоялъ близко къ Сципіонамъ: сынъ Сципіона Африканскаго усыновилъ одного изъ его сыновей, столь знаменитаго впослѣдствіи Сципіона Эмиліана.

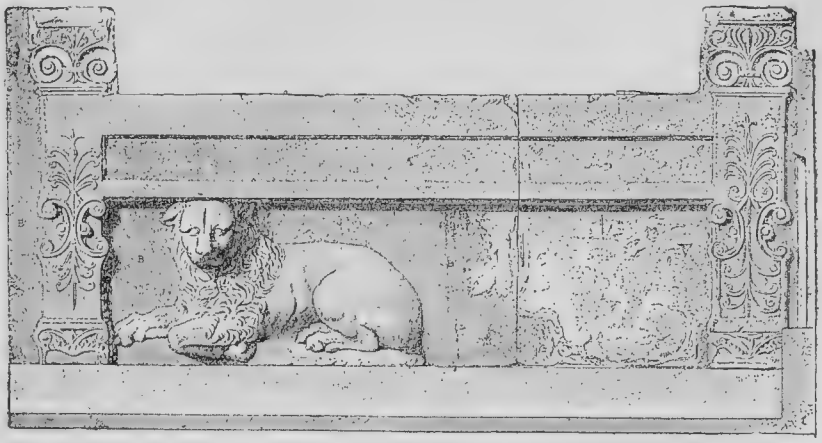
Новый консулъ настолько пользовался общимъ довѣріемъ, что легіоны были набраны совершенно по его указаніямъ, а именно два для Македоніи, столько же, подъ начальствомъ претора Аниція, для Иллиріи и достаточное количество войска для флота претора Октавія. Эти три военачальника отправились на свои посты, и вмѣстѣ съ ними въ римскихъ лагеряхъ появился другой духъ. Первымъ испыталъ это Гентій, царь Скодры въ Иллиріи. Въ теченіе четырехъ недѣль онъ былъ разбитъ въ открытомъ

полѣ, осажденъ въ своей столицѣ и взятъ въ плѣнъ съ женой и дѣтьми. Октавій привелъ снова въ надлежащее состояніе флотъ, который совсѣмъ почти былъ лишенъ воиновъ, и, не задаваясь захватомъ македонскихъ судовъ, отплылъ къ непріятельскому побережью.

Наиболѣе трудною была задача самого консула, но онъ, точно силой волшебства, произвелъ полную перемѣну. Войско страдало отъ недостатка питьевой воды: онъ велѣлъ рыть колодцы, заключая вполнѣ правильно, что изъ близкихъ горъ должны итти къ морю подземныя водяныя артеріи. Войско, которое прежде убивало время за праздной болтовней о полководцѣ, о сенатѣ и гражданахъ, должно было ежедневно заниматься военными упражненіями. Самъ консулъ присутствовалъ при этомъ, руководилъ солдатами, ободрялъ, поощрялъ ихъ и пробуждалъ древній римскій духъ, такъ что воины, наконецъ, опять стали считать себя первыми въ мірѣ, а мечъ и pilum ставить выше всякаго оружія. Онъ осмотрѣлъ по ту сторону Эпинея непріятельскій лагерь, который царь Персей при помощи стѣнъ и башенъ сдѣлалъ неприступнымъ, и приказалъ легковооруженнымъ воинамъ войти въ мелкую рѣку, гдѣ съ ними встрѣтились непріятельскіе отряды того же рода оружія. Но въ этой борьбѣ, которая велась стрѣлами, метательными копьями и метательными камнями, римляне уступали противникамъ. Многіе изъ нихъ были сражены снарядами; да и дальнобойныя катапульты и баллисты, которыя чрезвычайно были усовершенствованы македонянами, наносили имъ большой уронъ. Однако консулъ, несмотря на потери, продолжалъ эту борьбу нѣсколько дней. Легіоны со скрежетомъ зубовъ смотрѣли на эту кровавую игру; только высокія стѣны непріятельскаго лагеря удерживали ихъ отъ приступа. Когда же они однажды утромъ снова взглянули на нихъ и легковооруженныя войска приготовились къ бою, непріятельская позиція оказалось покинутой. Узнали, что полководецъ втихомолку и тайкомъ отправилъ отрядъ войска черезъ Камбунскія горы, приказалъ напасть ночью на непріятельскіе посты на возвышенности и этимъ обходомъ вынудилъ царя къ отступленію.

Пораженіе Персея при Пиднѣ. Какъ только добыты были необходимыя свѣдѣнія и окончены приготовленія, войско двинулось впередъ на Пидну, гдѣ Персей занялъ новую позицію. Увидѣвъ

передъ собой македонянъ готовыми къ бою, легіоны бурно стали требовать сраженія; но полководецъ, замѣтивъ усталость своихъ дружинъ, велѣлъ сначала разбить лагерь. И здѣсь обоихъ противниковъ, жаждавшихъ борьбы, раздѣляла мелкая рѣка. На слѣдующій день споръ на водопоѣ вызвалъ сраженіе: дикіе ѳракійцы помчались впередъ; римляне поспѣшили на помощь къ своимъ; битвы нельзя было дольше откладывать. Было это 22 іюня 168 г. до Р. Хр. По равнинѣ развернулись македонскія массы: среброщитные въ золотыхъ украшеніяхъ и пурпуровыхъ полукафтанахъ, мѣднощитные въ не менѣе сверкавшемъ вооруженіи, обѣ фаланги,



Мраморное смертное ложе, найденное въ гробницѣ въ Пидиѣ.

ядро войска, затѣмъ на обѣихъ флангахъ легковооруженные воины съ круглыми щитами и пылкіе ѳракійцы. Все поле сверкало щитами и оружіемъ; пронзительно звучали флейты, гремѣли трубы, боевые клики тысячнаго войска отдавались въ горахъ, и лѣсъ сариссъ съ сверкающими смертоносными остріями потянулся къ римскому лагерю, откуда вышли легіоны, развертывая свои ряды въ полномъ порядкѣ. Храбрые пелигны первые въ бѣшеномъ натискѣ столкнулись съ круглощитными. Они пытались пробить себѣ дорогу, разбивали своими мечами копья враговъ, и отстраняли ихъ горбами щитовъ, трибунъ бросилъ знамя въ ряды непріятелей: но все было напрасно. Лѣсъ копій неудержимо подвигался впередъ; сариссы, направляемыя обѣими руками для смертоноснаго

удара, пронзали щиты, латы и воиновъ. Первый строй велигновъ былъ опрокинутъ, затѣмъ и второй; фаланги двинулись по всей линіи, неудержимо распространяя раны и смерть, не поколебленныя натискомъ легіоновъ. Видъ этихъ мѣдныхъ массъ, наступавшихъ по равнинѣ на высоты, былъ ужасенъ; даже у привыкшаго къ битвамъ полководца тревожно забилось сердце.

Обозрѣвая опытнымъ взоромъ сражающіяся войска, Эмилій замѣтилъ, что въ непріятельскомъ строю, при наступленіи, тамъ и сямъ образовывались промежутки. Онъ проскакалъ по рядамъ своего войска, приказывая военачальникамъ врываться клиномъ въ эти промежутки. Самъ же онъ съ однимъ легіономъ бросился между далеко ушедшихъ впередъ круглощитныхъ и мѣднощитныхъ. На правомъ крылѣ передъ римскими слонами попятились легковооруженные иѳракійцы. Латиняне поспѣшили имъ вслѣдъ и ударили во флангъ фаланги. Мало по малу все больше когортъ врѣзывалось въ мѣдныя массы непріятеля. Общій бой разбился на нѣсколько отдѣльныхъ, мѣстныхъ; римскій мечъ съ губительной силой свирѣпствовалъ среди враговъ. Битва продлилась всего о д и н ъ часъ; теперь она была рѣшена. Царь видѣлъ пораженіе своихъ храбрыхъ бойцовъ; но вмѣсто того, чтобы во главѣ конницы, которая еще не успѣла принять никакого участія въ дѣлѣ, оказать помощь фалангѣ, онъ ускакалъ съ нею въ Піерійскій лѣсъ и затѣмъ далѣе, въ свою столицу Пеллу, куда прибылъ около полуночи.

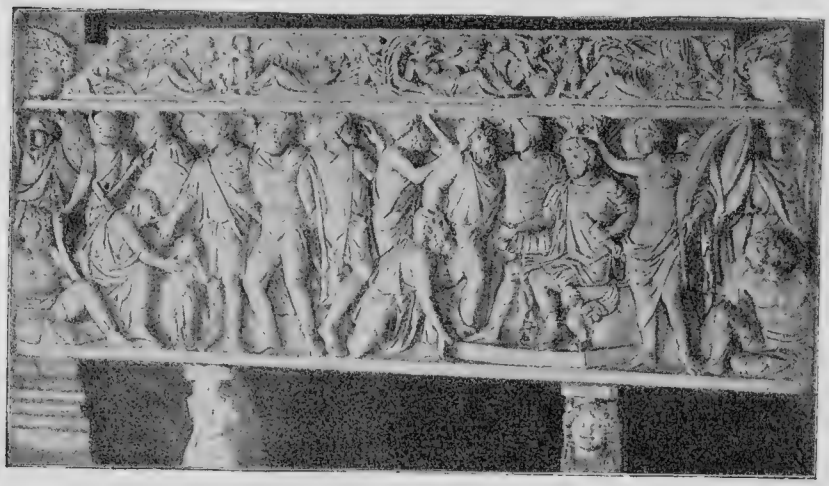
Страхъ лишилъ его присутствія духа и энергіи; онъ не дѣлалъ ничего для спасенія своего государства, своей чести или даже только своей свиты. Поэтому войска, спасшіяся отъ пораженія, разсѣялись и только критяне и оракійцы, жаждавшіе его золота, послѣдовали за нимъ въ Амфиполь и сѣли на суда, которыя повезли его оттуда на островъ Самоѳракію, считавшійся священнымъ. Туда-же поплылъ и преторъ Октавій, страстно желавшій захватить самого македонскаго государя. Послѣдній довѣрился одному критянину, тайкомъ велѣлъ снести на его корабль часть своихъ денегъ и около полуночи прокрался къ берегу, чтобы сѣсть на спасительное судно. Но корабельщикъ тѣмъ временемъ отплылъ съ драгоцѣннымъ грузомъ. Жалкій царь, который въ счастьи предпочиталъ свое золото военной славѣ и власти, теперь въ минуту бѣды оказался во всей своей слабости и безпомощности. Онъ сдался со своимъ старшимъ сыномъ Филиппомъ римскому претору.

Раздѣлъ Македоніи на четыре республики. На полѣ битвы при Пидиѣ стоялъ лагеремъ Эмилій Павелъ; но, несмотря на блестящій успѣхъ, чело его было омрачено тревогой: цвѣтущій семнадцатилѣтній сынъ его Публій Сципіонъ Эмиліанъ не вернулся еще съ преслѣдованія непріятеля. Лишь когда юноша прибылъ поздно вечеромъ съ большой добычей, когда гонецъ за гонцомъ стали приносить счастливыя вѣсти, когда въ слѣдующіе дни города выразили свою покорность, онъ сталъ восхвалять свою судьбу и боговъ, ниспославшихъ столько милостей ему, сѣдому старику. Послѣ этого онъ завладѣлъ крѣпостями и городами, захватилъ много предметовъ искусства и оружія, въ особенности царскій корабль въ шестнадцать рядовъ веселъ и все лѣто былъ занятъ приведеніемъ въ порядокъ дѣлъ въ завоеванномъ государствѣ. Въ слѣдующемъ году онъ объѣхалъ Грецію. По возвращеніи же своемъ, онъ съ десятью уполномоченными отъ сената обсуждалъ вопросъ о будущемъ устройствѣ Македоніи и пригласилъ затѣмъ въ Амфиполь депутатовъ отъ всѣхъ городовъ, равно какъ и изъ эллинскихъ государствъ. Здѣсь сначала даны были великолѣпныя игры, состязанія и пиры; затѣмъ консулъ, сидя на курульномъ креслѣ и окруженный блестящей свитой, объявилъ волю сената. Согласно его объявленію, Македонія должна была быть свободною, но раздѣленною на четыре республиканскихъ государства. Эти республики, управляясь по образцу римскаго государства, должны были не имѣть другъ съ другомъ ни союза, ни сношеній, не должны были эксплуатировать золотыхъ и серебряныхъ рудниковъ, а также не торговать солью и корабельнымъ лѣсомъ; онѣ должны были уплачивать только половину прежнихъ податей, но уже Риму. Такъ повелѣвалъ побѣдитель, и побѣжденному народу приходилось повиноваться. Драгоцѣнные золотые и серебряные рудники стали впослѣдствіи собственностью римскаго государства. Царство Гентія въ Иллиріи тоже было уничтожено и раздроблено на три республики.

Тріумфъ Эмилія Павла. Послѣ этихъ распоряженій, блестящій тріумфъ въ Римѣ заключилъ военный подвигъ Эмилія Павла и вмѣстѣ съ тѣмъ первую эпоху восточной политики, эпоху, богатую блестящими побѣдами, но прежде всего отличавшуюся отъ послѣдующей умѣреннымъ отношеніемъ римлянъ даже къ побѣжденнымъ противникамъ. Мы воспользуемся этимъ случаемъ, чтобы прибавить

нѣсколько словъ о возникновеніи и сущности римскаго тріумфа и набросать затѣмъ краткое описаніе достопамятнаго побѣднаго торжества Эмилія Павла.

Римскій тріумфъ обязанъ своимъ происхожденіемъ религіозной потребности, а, какъ военное зрѣлище, имѣетъ лишь второстепенное значеніе. При наступленіи войны полководецъ отправлялся въ лагерь прямо съ Капитолія, изъ храма Юпитера (Jupiter Optimus Maximus), помолившись этому высшему богу о дарованіи побѣды



Приведеніе плѣнныхъ варваровъ къ побѣдоносному полководцу.

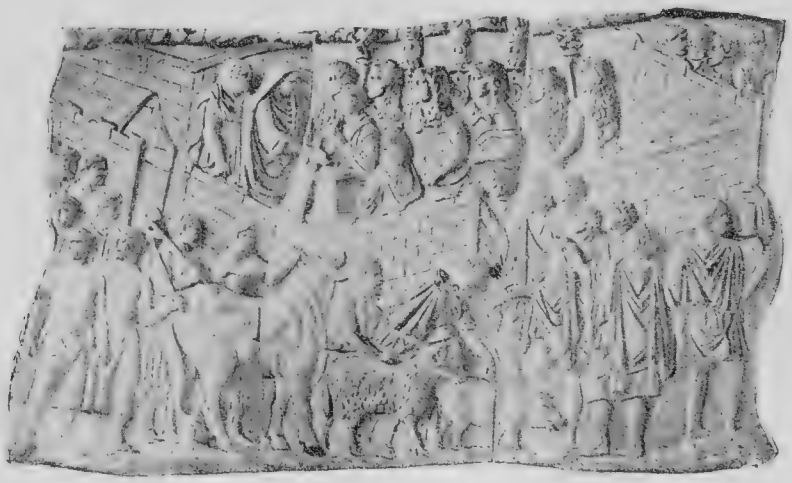
Съ рельефа на саркофагѣ въ Ватиканскомъ музеѣ въ Римѣ.

Полководецъ сидитъ на своемъ сѣдалищѣ, рядомъ съ нимъ стоитъ богиня побѣды, собирающаяся возложить ему на голову вѣнокъ.

ему и его войску. Поэтому священной его обязанностью было, по счастливомъ окончаніи похода, въ торжественномъ шествіи вернуться къ богу, возблагодарить его за побѣду и посвятить ему часть добычи. Это шествіе полководца съ войскомъ и добычею черезъ городъ на Капитолій называется тріумфомъ (triumphus); слово это вѣроятно производное, отъ глагола triumpo, которымъ обозначалось „прыганье“ въ процессіи арвальскихъ братьевъ (стр. 96). Честь справленія такого тріумфа даровалась сенатомъ, въ лучшее время республики, такимъ полководцамъ, которые, состоя самостоятельными главнокомандующими (suis auspiciis), настолько

побѣдоносно окончили какую-нибудь войну, что черезъ это расширили предѣлы римскаго господства. Позднѣе при рѣшеніи этого вопроса главную роль играли нерѣдко ненависть или милость къ данному лицу и эта высшая почесть присуждалась даже такимъ полководцамъ, которые не исполнили этихъ условій.

Тріумфальное шествіе Эмилія Павла заняло цѣлыхъ три дня. Поэтому на площади, въ циркѣ и на другихъ мѣстахъ были сооружены трибуны и раскинуты палатки; народъ былъ въ праздничныхъ одѣяніяхъ; при этомъ всѣ храмы были отворены, украшены цвѣ-



SUOVETAURILIA.

Съ рельефа Траяновой колонны въ Римѣ.

Изображеніе торжественнаго государственнаго жертвоприношенія, при которомъ, какъ показываетъ слово suovetaurilia, закалывались быкъ, овца и свинья.

тами и наполнены запахомъ благовонныхъ куреній. Въ первый день по улицамъ провезли на 250 колесницахъ захваченныя въ добычу статуи, картины и другіе предметы искусства. Еще больше впечатлѣнія произвелъ второй день, когда воинственнымъ римлянамъ показали македонскую военную добычу, съ блестяще отполированными металлическими частями, въ эффектной группировкѣ. На тянувшихся безчисленными рядами колесницахъ виднѣлись шлемы рядомъ со щитами, панцыри и поножи, критскіе круглые щиты, плетеные щиты ѳракійцевъ, колчаны и стрѣлы, великолѣпныя лошадиныя сбруи. Среди этихъ вещей выдавались бле-

стящіе мечи и страшныя копья македонскихъ фалангитовъ—пятиметровыя сариссы. Далѣе слѣдовали 3,000 человѣкъ, пѣшихъ, группами въ четыре человѣка, 750 сосудовъ съ серебряной монетой, въ каждомъ изъ которыхъ лежало по три таланта серебра, т. е. 108 kg. ($6^1/_2$ пуд.), всего на сумму свыше 4 милліоновъ рублей. Другіе несли серебряные сосуды для разбавленія вина, питейные рога, чаши и кубки, всѣ съ прекрасными украшеніями и поразительно хорошей работы. Третій день былъ главной частью торжества. Въ этотъ день шествіе открывали всѣ музыканты войска, исполняя боевую музыку. Затѣмъ шли 120 откормленныхъ быковъ съ позолоченными рогами, въ повязкахъ и вѣнкахъ, ведомые юношами, которые были въ пурпуровыхъ фартукахъ и вообще для священнодѣйствія разодѣты по праздничному; тутъ-же шли мальчики съ жертвенными сосудами. Позади нихъ шествовали мужчины, несшіе чеканную золотую монету въ 77 сосудахъ, въ каждомъ по три таланта. Далѣе храмовые служители несли обѣтный сосудъ, предназначенный Эмиліемъ Павломъ для Юпитера, какъ его доля добычи, и изготовленный изъ 10 талантовъ золота и драгоцѣнныхъ каменьевъ; другіе несли великолѣпные предметы изъ царской сокровищницы Антигонидовъ и Селевкидовъ и золотую столовую посуду Персея. Затѣмъ шла колесница Персея съ его собственнымъ оружіемъ; сверху лежалъ его царскій вѣнецъ. Въ небольшихъ промежуткахъ другъ за другомъ вели царскихъ дѣтей, окруженныхъ своими дядьками, воспитателями и учителями, которые съ мольбою простирали руки къ римскимъ гражданамъ, побуждая къ тому-же и дѣтей. Всего было два царевича и одна царевна. Позади нихъ шелъ самъ Персей, дерзнувшій поднять руку на Римъ и наказанный за это богами, въ черномъ плащѣ и македонскихъ башмакахъ, шелъ, шатаясь, безъ всякаго достоинства въ осанкѣ, жалкій, совершенно пораженный внезапной перемѣной счастья. За нимъ слѣдовали его ближніе и довѣренные, далѣе 400 золотыхъ вѣнковъ, дарованныхъ греческими городами для побѣднаго торжества, и наконецъ самъ тріумфаторъ, достойный старикъ съ величественной осанкой, одѣтый въ пурпуровую тогу, на позолоченной колесницѣ. везомой четырьмя бѣлыми конями. Онъ стоялъ, выпрямившись во весь ростъ, съ лавровой вѣткой въ рукахъ; лицо его выражало кротость и величіе, хотя за нѣсколько дней до

тріумфа у него умеръ цвѣтущій отрокъ-сынъ, а какъ разъ во время тріумфа другой сынъ боролся со смертью. За нимъ верхомъ на конѣ слѣдовало два статныхъ сына, затѣмъ турмы всадниковъ и наконецъ все войско, въ полномъ походномъ порядкѣ. Безъ тяжелаго багажа, вооруженные только щитомъ и легкимъ копьемъ, съ мечомъ на боку, загорѣлые, закаленные воины бодро и легко идутъ своей дорогой; даже у центуріона сегодня нѣтъ страшной виноградной лозы, но зато на груди его блестятъ военныя отличія (phalerae), полученныя имъ за долгое время службы. На шлемѣ развѣвается протканный серебромъ султанъ. Всякій разъ, какъ граждане, тѣснящіеся на крышахъ, карнизахъ, перилахъ, въ окнахъ и дверяхъ, замѣтятъ знакомаго или особо прославленнаго „знамененосца“ (signifer, aquilifer), по узкимъ улицамъ и переулкамъ раздается оглушительное: io triumphe! Такъ шествіе двигалось отъ Porta Carmentalis черезъ „бычачій рынокъ“ (forum Boarium) къ главному цирку (Circus Maximus), гдѣ тѣснилась самая густая толпа зрителей и гдѣ имѣли свои почетныя мѣста сенаторы и должностныя лица. Отсюда шествіе повернуло между Палатинскимъ и Целійскимъ холмомъ на сѣверъ, на Священную улицу (via sacra), проходящую по склону Палатина и по сѣверной сторонѣ Форума, а затѣмъ повертывало на Капитолійскій подъемъ (clivus Capitolinus). По нему оно поднялось на южную вершину горы, увѣнчанную храмомъ Юпитера. Врядъ ли все войско помѣстилось на площадкѣ, окружавшей храмъ; вѣроятно сюда поднялись только избранные отряды. Наверху тріумфаторъ сошелъ съ колесницы и одинъ, въ благоговѣйномъ молчаніи, приблизился къ статуѣ Юпитера внутри храма, воздалъ въ молитвѣ благодарность богу, поставилъ обѣтные дары и затѣмъ покинулъ храмъ, чтобы внѣ его въ жреческомъ одѣяніи совершить великое жертвоприношеніе (suovetaurilia). Жертвенныя животныя трижды обводятся вокругъ отрядовъ войска. „Затѣмъ одинъ изъ прислуживающихъ мальчиковъ подаетъ ящикъ съ ладаномъ, игрокъ на флейтѣ (tibicen) начинаетъ жертвенную мелодію, съ которой сливаются грозные военные мотивы и ликующія фанфары трубъ и роговъ; жрецъ сыплетъ на головы животныхъ священную муку, смѣшанную съ солью, и ладанъ, отрѣзаетъ лучекъ волосъ между роговъ, предаетъ ихъ пламени, и посвящаетъ животное, проводя ножомъ по его спинѣ, послѣ чего его убиваетъ

ударомъ топора жертвенный служитель (victimarius), а затѣмъ cultrarius прорѣзаетъ жертвеннымъ ножомъ шею животнаго, кровь котораго собирается въ золотой чашѣ и проливается на жертвенникъ или вокругъ него: этимъ обрядомъ войско очищено отъ грѣховъ и проступковъ, которыми оно во время похода, быть можетъ, навлекло на себя нерасположеніе какого-нибудь божества; оно очищено и можетъ вновь приняться за мирныя занятія". За этимъ жертвоприношеніемъ слѣдовало обыкновенно праздничное пиршество на Капитоліѣ и въ пригодныхъ для этого мѣстахъ въ городѣ для народа. Впослѣдствіи войску и народу жаловались большія суммы денегъ, но въ болѣе древнее время въ этомъ отношеніи были скромнѣе: Павелъ пожаловалъ солдатамъ по 100 денаріевъ (25 руб. золот.), каждому центуріону 200, всаднику 300 денаріевъ.

РАЗРУШЕНІЕ ВАССАЛЬНЫХЪ ГОСУДАРСТВЪ. КАРѲАГЕНЪ.

Перемѣна во внѣшней политикѣ Рима. Такія зрѣлища, какъ вышеописанный тріумфъ Эмилія Павла, должны были оказывать на народъ чрезвычайно сильное дѣйствіе. Необычный видъ золотыхъ и серебряныхъ сокровищъ востока и благороднѣйшихъ произведеній греческаго искусства возбуждалъ алчность даже простолюдина, подстрекалъ предпріимчивость купечества, развивалъ начинающуюся роскошь правящихъ сферъ: представители послѣднихъ вскорѣ почувствовали потребность украсить простой, унаслѣдованный отъ предковъ домъ, такими-же прелестными сосудами и предметами искусства, какіе привозились изъ Греціи и Македоніи. А весь народъ съ гордостью сознавалъ, что какой-нибудь страшный дотолѣ царь востока проходилъ по пыльной дорогѣ мимо бѣднѣйшаго плебея, какъ рабъ римскаго народа, въ распоряженіи котораго теперь находилась его жизнь. Вытекавшее отсюда презрѣніе къ „царямъ" усиливалось еще отъ раболѣпства большинства этихъ „вѣнценосныхъ государей" передъ римскимъ сенатомъ. Прусія Виѳинскій привѣтствовалъ однажды явившихся къ нему римскихъ пословъ въ одеждѣ вольноотпущенника, а когда онъ, въ 166 году,

лично приносилъ римскому сенату свои поздравленія по случаю побѣды надъ Персеемъ, то онъ на пріемѣ передъ собраніемъ сенаторовъ опустился на колѣни. Поэтому не диво, что въ то время всѣхъ римлянъ, отъ перваго до послѣдняго, стала наполнять неслыханная дотолѣ гордость, сознаніе, что они выше всѣхъ государей міра, что имъ позволено дѣлать все. Но кромѣ того сенатъ утратилъ и довѣріе къ „царямъ“. Опасались ихъ вѣроломства, по примѣру республиканца по убѣжденію Катона, заявившаго однажды въ сенатѣ, что каждый царь—животное, по природѣ мясоѣдное, и рѣшено было всѣхъ ихъ мало по малу уничтожить, чтобы на востокѣ никогда больше не могла образоваться коалиція, направленная противъ Рима. Такимъ образомъ, непосредственно за войной съ Персеемъ началась новая эпоха во внѣшней политикѣ римлянъ. Если Римъ до сихъ поръ желалъ только играть роль третейскаго судьи для восточныхъ государствъ и предотвращать развитіе среди нихъ опасной для него великой державы, то теперь онъ поставилъ себѣ новую цѣль, болѣе дальновидную: постепенное разрушеніе вассальныхъ государствъ, превращеніе ихъ въ подвластныя Риму провинціи.

Дѣйствія Рима противъ Пергама, Сиріи и Египта. Болѣе суровое отношеніе римлянъ прежде всего пришлось испытать государямъ Сиріи и Египта. Во время второй Македонской войны дѣла этихъ двухъ странъ были упущены изъ виду. Но вотъ изъ Египта явились послы съ отпущенными, въ знакъ печали, длинными бородами. Они просили помощи противъ сирійскаго царя Антіоха Эпифана (175—164 г. до Р. Хр.), сына разбитаго при Магнезіи Великаго царя, такъ какъ-де тотъ завоевалъ почти все ихъ государство. Изъ Рима тотчасъ-же было отправлено посольство, подъ начальствомъ Попилія Лената, чтобы мирнымъ путемъ остановить завоевателя. По дорогѣ послы узнали о побѣдѣ при Пиднѣ. Тотчасъ-же они выступили съ рѣзкими угрозами сначала въ Родосѣ, передъ трепещущей народной толпой, а затѣмъ въ Египтѣ—передъ Антіохомъ, собиравшимся взятіемъ Александріи закончить свои завоеванія. Попилій познакомилъ царя съ требованіемъ сената прекратить войну и очистить занятую, какъ вражескую, страну. Царь попросилъ нѣсколько дней сроку, но римскій посолъ своимъ жезломъ очертилъ вокругъ него кругъ и рѣзко азпретилъ ему переступать его

раньше, чѣмъ дастъ отвѣтъ, послѣдуетъ ли онъ приглашенію, или нѣтъ. Бѣдный царь былъ въ мучительномъ положеніи; ему приходилось отказаться отъ всѣхъ своихъ завоеваній, такъ какъ этого потребовалъ суровый человѣкъ въ тогѣ; но онъ зналъ городъ на Тибрѣ и повиновался.

Послѣ его смерти римляне возвели на сирійскій престолъ несовершеннолѣтняго Антіоха V Эвпатора, тогда какъ законный наслѣдникъ Деметрій долженъ былъ жить въ Римѣ заложникомъ. Поставленный царю опекуномъ сенаторъ Октавій считалъ себя настоящимъ повелителемъ въ странѣ и тайкомъ уничтожилъ сирійскія военныя силы, повелѣвъ сжечь корабли и перерѣзать у боевыхъ слоновъ стопныя мышцы. Даже прежніе союзники Рима испытали перемѣну правительственныхъ началъ: Эвменъ Пергамскій, за свою помощь въ македонскую войну, не былъ вознагражденъ, но, наоборотъ, римляне дѣлали ему разныя затрудненія въ его семейной средѣ и, чтобы ослабить его, создали у его границъ два самостоятельныхъ государства: государство галатовъ и государство морскихъ разбойниковъ памфилянъ.

Дѣйствія Рима противъ Родоса и Греціи. Если въ дѣйствіяхъ республиканскаго Рима противъ царей еще можно видѣть политическія причины, то все-же послѣднихъ недостаточно для объясненія враждебнаго отношенія римскаго правительства къ союзнымъ республикамъ, въ особенности къ Родосу, который въ первую Македонскую войну оказалъ римлянамъ столь цѣнныя услуги и соотвѣтственно этому былъ награжденъ земельными владѣніями въ Азіи. Правда, во время борьбы съ Персеемъ, родосскіе купцы одно время обнаружили какъ-будто желаніе проводить нейтральную политику между обѣими враждующими державами, но, вскорѣ покинувъ это положеніе, они вѣрно исполняли обязанности союза съ Римомъ. Тѣмъ не менѣе послѣ войны одинъ римскій преторъ выступилъ передъ народомъ съ требованіемъ объявить родосцамъ войну. Побудительныя причины для этого не могли заключаться въ опасеніи передъ силой этого маленькаго, но цвѣтущаго торговаго государства; ихъ составляли исключительно зависть и конкурренція римскаго купечества, которое желало забрать въ свои руки также и прибыль отъ восточной торговли и такимъ образомъ изъ алчности было готово уничтожить прежняго союзника. Доблестный подвигъ совершилъ М. Порцій

Катонъ Цензоръ, предохранивъ Родосъ отъ гибели произнесенною имъ въ сенатѣ блестящей рѣчью, въ которой онъ рѣзко высказался противъ „новомодной политики“ вѣроломства и надменности. Но онъ не смогъ помѣшать утратѣ Родосомъ всѣхъ его владѣній на азіатскомъ материкѣ и уничтоженію его торговой монополіи устройствомъ открытаго порта въ Делосѣ и другими распоряженіями. Въ теченіе немногихъ лѣтъ доходъ родосскихъ портовыхъ таможенъ съ милліона драхмъ (около 325,000 р.) уменьшился до 120,000 драхмъ. Еще болѣе жестоко, чѣмъ Родосъ, были поражены измѣнившеюся политикой римлянъ много свободныхъ государствъ материковой Греціи. По тайному приказу сената, свыше 70 мѣстечекъ въ Эпирѣ, бывшихъ въ союзѣ съ Персеемъ, были разграблены и разорены, причемъ 150,000 грековъ были проданы въ неволю. Но и во всѣхъ другихъ греческихъ городахъ подъ топорами ликторовъ гибла масса гражданъ, которыхъ считали тайными друзьями македонянъ; тутъ не было правильнаго судопроизводства: доноса какого-нибудь завистника римскимъ властямъ было достаточно для того, чтобы устранить виднаго гражданина. Имѣнія казненныхъ и изгнанныхъ конфисковались въ пользу римской государственной казны. Кромѣ того, въ качествѣ поруки за вѣрность страны изъ одного Пелопоннеса было уведено въ Римъ заложниками 1,000 ахейцевъ, образованнѣйшихъ и знатнѣйшихъ мужей страны, среди нихъ и историкъ Полибій (Поливій).

Событія, предшествовавшія третьей Пунической войнѣ. Было бы странно, если бы овладѣвшее Римомъ враждебное настроеніе относительно вассальныхъ государствъ не обнаружилось и по отношенію къ ненавистному прежнему его сопернику—Карѳагену. О поводѣ къ этому позаботился Масинисса, царь Нумидійскій, которому въ извѣстномъ смыслѣ былъ порученъ надзоръ за карѳагенянами. Хитрый африканецъ отлично понималъ роль, указанную ему римлянами: уже въ 193 г. онъ произвелъ вторженіе въ богатую область, Эмпоріи, у Малой Сирты, разграбилъ тамошнія мѣстечки и занялъ разныя части страны. По мирному договору 201 г. карѳагенянамъ запрещалось прибѣгать къ вооруженной самопомощи, и они отправили пословъ въ Римъ съ жалобой. Но сенатъ нарочно откладывалъ рѣшеніе изъ года въ годъ. Тѣмъ временемъ Масинисса мало-по-малу обхватилъ всю область Карѳагена нумп-

дійскимъ царствомъ, которое простиралось отъ границъ Мавританіи до границъ Кирены и было не лишено извѣстной культуры. Своихъ бродячихъ пастуховъ онъ превратилъ въ осѣдлыхъ земледѣльцевъ, изъ своихъ дикихъ наѣздниковъ онъ создалъ хорошо вооруженную, правильно сражающуюся кавалерію, его столица Цирта (нынѣ Костантина) стала средоточіемъ твердаго правительства и полу-финикійской, полу-римской образованности. И когда наконецъ, послѣ 30-ти-лѣтняго спора въ 161 г. римская комиссія постановила третейскій приговоръ относительно Эмпорій, эта важная область была присуждена Нумидіи, а на карѳагенянъ, за противозаконное владѣніе, былъ положенъ штрафъ въ 500 талантовъ (болѣе милліона руб.). Подобное пріобрѣтеніе усиливало стремленіе Масиниссы къ дальнѣйшему расширенію своихъ владѣній: онъ отнялъ у карѳагенянъ, безъ всякой законной причины, „Большія поля“ въ верхней долинѣ Баграда съ городомъ Вагой, занялъ затѣмъ Большой Лептисъ, все яснѣе обнаруживая свое намѣреніе завоевать самый Карѳагенъ съ окрестной областью и сдѣлать его средоточіемъ большого нумидійско-финикійскаго государства. Вновь, приблизительно въ 158 г. до Р. Хр., терпѣливые карѳагеняне обратились къ римскому сенату съ просьбой о помощи противъ своего притѣснителя, и снова римская комиссія оттягивала дѣло изъ года въ годъ, пока, наконецъ, не произошла перемѣна въ самомъ обижаемомъ городѣ. Въ 154 г., подъ предводительствомъ Гасдрубала и Карѳалона стала у кормила правленія партія патріотовъ, которая, не желая войны съ Римомъ, желала войны съ Масиниссой. Сорокъ приверженцевъ Масиниссы были изгнаны изъ города, и изъ свободныхъ нумидійцевъ и другихъ наемниковъ было составлено сильное войско. Но Масинисса былъ могучій противникъ. Несмотря на свои 88 лѣтъ, онъ крѣпко сидѣлъ верхомъ на неосѣдланномъ конѣ, былъ еще въ состояніи мощной рукою бросить копье, воспламенить своимъ примѣромъ соратниковъ, а прежде всего былъ мастеръ на всякія военныя хитрости и коварство. Карѳагенянинъ Гасдрубалъ не въ силахъ былъ съ нимъ бороться; въ 151 г. онъ потерпѣлъ страшное пораженіе, затѣмъ его войско, оцѣпленное нумидійцами, совсѣмъ растаяло отъ голода и моровой язвы, а послѣдніе остатки его были, вопреки договору, перебиты всадниками Гулуссы, сына Масиниссы. Гасдрубалъ возвратился въ Карѳагенъ безоружнымъ.

Сенатъ рѣшаетъ разрушить Карѳагенъ. До этого момента римляне предоставляли Масиниссѣ свободу дѣйствій по отношенію къ Карѳагену, не вмѣшиваясь фактически. Но когда казалось предстоящимъ завоеваніе Карѳагена Масиниссой, ими должна была овладѣть тревога, какъ бы теперь черезчуръ уже большое могущество этого послѣдняго не стало для нихъ опаснымъ. Они не желали допустить его до этого послѣдняго и величайшаго пріобрѣтенія, которое разомъ создало бы вновь сѣверо-африкан-

ВИДЪ НА ST. LOUIS ОТЪ LA GOLETTA.

La Goletta называется гавань, отъ которой ведетъ каналъ черезъ лагуну Эль-Багиру въ городъ Тунисъ. Соборъ St. Louis на мѣстѣ древней Карѳагенской Бирсы находится приблизительно въ 5 километрахъ къ сѣверу отъ Голетты.

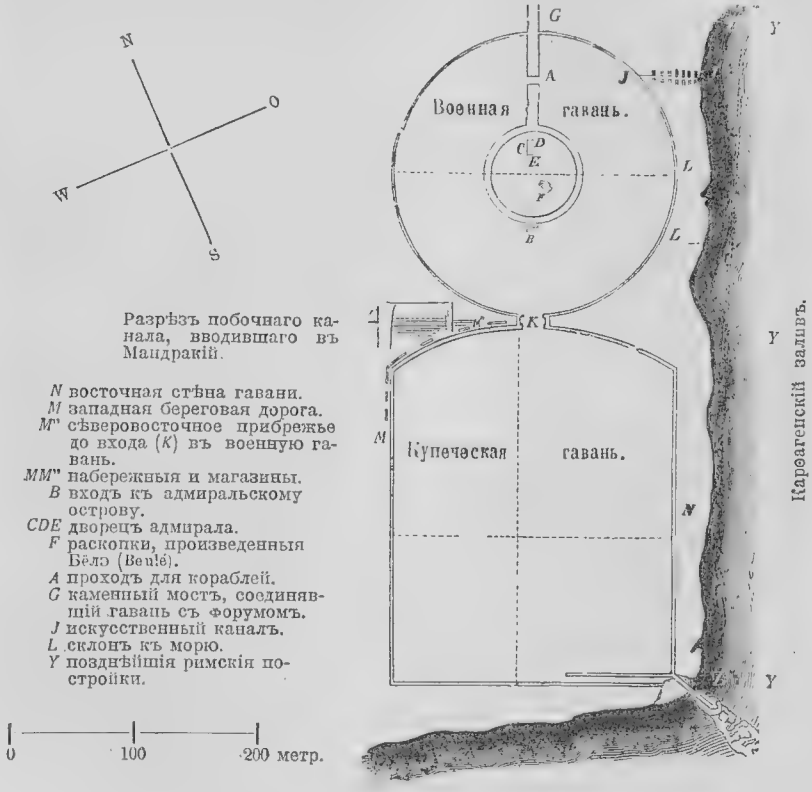
скую великую державу, но съ другой стороны и конкурренція римскаго купечества не допускала, чтобъ Карѳагенъ былъ занятъ римлянами и продолжалъ существовать въ качествѣ зависимаго отъ римлянъ провинціальнаго города. И такимъ образомъ, втихомолку въ сенатѣ рѣшено было уничтоженіе ненавистнаго соперника. Но зная, на что способны пунійцы въ отчаяньи, остерегались до поры до времени раскрывать этотъ страшный планъ. Сначала надо было, скрывая окончательныя намѣренія Рима, обезоружить Карѳагенъ, а затѣмъ уже стереть его съ лица земли. Ничто не обнаруживаетъ съ такой ужасной отчетливостью извращенія внѣшней политики

Рима и жестокости правящаго общества, какъ именно тотъ неслыханно коварный образъ дѣйствій, посредствомъ котораго Римъ, подобно хищному звѣрю, завладѣлъ желанной добычей. Правда, въ сенатѣ были и такіе люди, которые осуждали или по крайней мѣрѣ оплакивали безстыдный образъ дѣйствій по отношенію къ Карѳагену; но въ виду того, что здѣсь, повидимому, сливались интересы жадной до добычи знати и стремившихся къ торговой монополіи купцовъ, они ничего не могли достигнуть. Все-же позднѣйшіе римскіе исторіографы чувствовали потребность прикрыть это неслыханное злодѣйство личностью, чистота которой казалась внѣ всякаго сомнѣнія; такимъ образомъ возникла басня, будто разрушенія Карѳагена прежде всего добивался М. Порцій Катонъ Цензоръ (см. ниже), ежегодно прибавляя къ каждому голосованію въ сенатѣ свое заключеніе: „Ceterum censeo Carthaginem esse delendam“ („А впрочемъ, я того мнѣнія, что Карѳагенъ надо разрушить“).

Карѳагенъ передъ гибелью. Несмотря на уменьшеніе своей территоріи и на безпрестанныя враждебныя отношенія Масиниссы, Карѳагенъ, благодаря трудолюбію своего населенія и предпріимчивости своихъ крупныхъ торговыхъ домовъ, удержался на значительной ступени благосостоянія, а его протяженіе и количество населенія, крѣпость стѣнъ и оборонительныхъ сооруженій города со временъ Ганнибаловой войны еще увеличились. Итакъ, еще разъ взглянемъ на этотъ городъ, пока его еще не настигъ рокъ, руководствуясь картиной, набросанной греческимъ историкомъ Аппіаномъ (около 150 г. по Р. Хр.) и приложеннымъ планомъ гаваней. О положеніи города и его главныхъ частяхъ все необходимое сказано уже раньше.

Къ гаванямъ, представлявшимъ собою колоссальное дѣло рукъ человѣческихъ, доступъ былъ съ южной стороны. Нужно было обогнуть выступъ искусственной дамбы, и уже потомъ, если цѣпь при входѣ была опущена, можно было по каналу вплыть въ Мандракій, торговую гавань. Она представляла обширный бассейнъ, окруженный двойною стѣной и имѣвшій видъ продолговатаго четырехугольника, задняя сторона котораго была выгнута дугообразно. По уложенной плитами стѣнѣ шла дорога для матросовъ, перетягивавшихъ суда на лямкѣ. Позади виднѣлись великолѣпныя набережныя (MM"), гдѣ находились склады съ това-

ромъ всякаго рода. Очень узкій каналъ (K) велъ въ военную гавань, называвшуюся Κωθων, заложенную въ формѣ правильнаго круга и запертую высокими бульверками, чтобы предательское око шпіона не могло высмотрѣть производящихся вооруженій. Эта гавань должна была представляться чѣмъ-то въ родѣ волшебной



Разрѣзъ побочнаго канала, вводившаго въ Мандракій.

N восточная стѣна гавани.
M западная береговая дорога.
M' сѣверовосточное прибрежье до входа (*K*) въ военную гавань.
MM" набережныя и магазины.
B входъ къ адмиральскому острову.
CDE дворецъ адмирала.
F раскопки, произведенныя Бёлэ (Beulé).
A проходъ для кораблей.
G каменный мостъ, соединявшій гавань съ форумомъ.
J искусственный каналъ.
L склонъ къ морю.
Y позднѣйшія римскія постройки.

Обѣ гавани древняго Карѳагена, по Белэ.

залы съ поломъ изъ жидкаго хрусталя, съ непрерывной мраморной колоннадой вокругъ и сапфировой синевой небеснаго свода вмѣсто кровли. Кругомъ были расположены 220 изящныхъ крытыхъ галлерей, изъ которыхъ каждая могла вмѣстить одну галеру и украшена была двумя колоннами съ карнизомъ наверху. Посреди бассейна лежалъ островокъ, окруженный подобными-же галлереями; онъ подымался террасами, на самой верхней изъ которыхъ стоялъ

дворецъ адмирала, окрашенный въ красные и желтые цвѣта и возвышавшійся надъ всѣми сооруженіями (CD). Въ былые годы военачальникъ карѳагенскій разсылалъ свои приказы въ отдаленнѣйшія воды, теперь же онъ смиренно долженъ былъ показывать римскимъ посламъ устройство различныхъ портовыхъ сооруженій. Онъ проводилъ ихъ по каменному мосту (G) въ городъ, на форумъ, гдѣ оба городскихъ суффета почтительно привѣтствовали незванныхъ гостей-иноземцевъ.

Мѣсто народныхъ собраній въ Карѳагенѣ было не посреди города, а вблизи гавани. Тутъ съ утра до ночи колыхалась толпа дѣлового люда. Сенаторы, купцы, художники, ремесленники, корабельщики и носильщики тѣснились на открытомъ пространствѣ посреди мраморныхъ портиковъ, дворцовъ, складовъ товара, статуй и святилищъ, надъ которыми высился храмъ Ваала, бога солнца и неба. Здѣсь или въ подобномъ-же храмѣ въ цитадели, во времена величайшихъ общественныхъ бѣдствій, карѳагеняне приносили человѣческія жертвы богу, олицетворявшему разрушительный и въ то же время живительный солнечный жаръ. Узкія, обстроенныя шести-этажными домами улицы вели далѣе къ Бирсѣ, карѳагенской цитадели, гдѣ сосредоточивалась вся роскошь и великолѣпіе города. Скалистая почва подымалась здѣсь сразу круто и стѣнообразно кверху; поэтому тутъ была устроена широкая лѣстница въ двадцать метровъ (65 фут.), которая, однако, въ случаѣ опасности, могла быть снята при помощи искусственныхъ приспособленій. Прямо противъ лѣстницы находился храмъ Эсмуна, покровителя республики. Великолѣпный храмъ этотъ сіялъ въ лучахъ восходящаго солнца ослѣпительною бѣлизною мрамора, такъ какъ фронтонъ его, съ коринѳскими колоннами, обращенъ былъ къ востоку и съ портиками, жилищами для жрецовъ, статуями и другими предметами искусства занималъ восточную часть холма. Эсмунъ считался потомкомъ Ваала, подобно также чтившемуся тирскому Мелькарту, богомъ земного изобилія, торговли и здоровья. Римляне отожествляли съ нимъ своего бога Эскулапа, культъ котораго они перенесли въ Римъ изъ Эпидавра, въ 293 г. до Р. Хр. Къ храму Эсмуна примыкалъ храмъ Дидоны, миѳической основательницы и покровительницы Карѳагена, древнее, простое жилище которой было окружено святилищемъ.

Съ вершины храма открывался широкій видъ на городъ, страну

и море. Съ одной стороны виднѣлись кипѣвшія движеніемъ улицы, защищенные скалами и стѣнами берега и открытое море, омывающее отъ мыса Аполлона до мыса Гермеса береговую полосу въ 24 мили; на югѣ взоръ обнималъ форумъ, обѣ гавани и мысъ Тенію, за которымъ начинаются Тунисскія воды, а на западѣ—побережье, отъ Туниса постепенно повышающееся, вплоть до замыкающихъ далекій горизонтъ живописныхъ горъ. Художественно устроенный водопроводъ снабжалъ городъ водою изъ богатыхъ ключами горъ; впрочемъ, пользовались также дождевой водой, собиравшейся въ цистернахъ. Къ западу разстилался перешеекъ, покрытый плодовыми полями, фиговыми и масличными плантаціями, деревьями и виллами, между которыми возвышались пиніи, кедры и отдѣльныя пальмы. На сосѣднихъ озерахъ Тунисскомъ и Себха-эль-Руанъ, въ то время бывшихъ морскими заливами, колыхались рыбачьи и торговыя баржи, а на песчаныхъ отмеляхъ кругомъ расхаживали красные гуси или же на-лету расправляли свои огненно-красныя крылья.

На сѣверѣ виднѣлись большія сводчатыя цистерны, числомъ до двадцати, а далѣе—вторая часть города, великолѣпная Магалія или Мегара. Къ этой части города примыкалъ холмъ, на противоположномъ склонѣ котораго было жилище мертвыхъ, карѳагенскій некрополь.

Весь городъ, заключавшій въ себѣ населеніе въ 700,000 человѣкъ, занималъ на полуостровѣ площадь окружностью въ четыре мили и былъ защищенъ колоссальными стѣнами. Съ морской стороны, гдѣ нападенію препятствовали и прибрежные утесы, стѣны были одиночныя, со стороны же суши—тройныя. Возведенныя изъ могучихъ отесанныхъ каменныхъ глыбъ, эти стѣны имѣли въ толщину 10 метровъ (33 фут.), а въ вышину—15 (48 фут.). Наружная ихъ сторона изящно была раздѣлена на поля, изображавшія непрерывные ряды крестовъ съ розетками въ центрѣ. Цитадель, южная сторона которой соединена была съ оборонительными сооруженіями города, имѣла подобную-же стѣну. Навстрѣчу нападающему врагу цитадель выставляла каменную массу въ 2 метра ($6^1/_2$ фут.) толщины; затѣмъ шелъ узкій ходъ, а потомъ снова каменная стѣна въ $1^1/_5$ метра (4 фут.), позади которой тянулись, въ видѣ подковы, помѣщенія для защитниковъ въ 4 метра (13 фут.) глубины и 3 метра (10 фут.) ширины. Крѣпкія промежуточныя

стѣны, своды отдѣльныхъ этажей, взаимная связь помѣщеній придавали всему сооруженію такую крѣпость и силу сопротивленія, что оно могло противостоять всѣмъ осаднымъ орудіямъ того времени.

Начало войны. Побѣжденные Масиниссой карѳагеняне поняли, что теперь ихъ судьба въ рукахъ Рима. Вопреки договору они самовольно прибѣгли къ войнѣ и потому теперь должны были ждать отъ римлянъ объявленія войны. Но они хотѣли во что бы то ни стало избѣжать этой войны. Поэтому они приговорили къ смертной казни Гасдрубала и Карѳалона, виновниковъ войны съ Масиниссой, и чрезъ посольство просили у римлянъ прощенія. Сенатъ отпустилъ пословъ, не давъ имъ яснаго отвѣта; ничего не добилось и другое посольство карѳагенянъ. Но зато теперь уже стали ненадежны прочіе пуническіе города карѳагенской области: Утика вступила въ римскій союзъ. Вскорѣ затѣмъ въ Карѳагенѣ было получено извѣстіе объ объявленіи войны римлянами и войско въ 80,000 пѣхотинцевъ и 8,000 всадниковъ приготовилось въ Сициліи, подъ начальствомъ консуловъ Манилія и Цензорія, переправиться изъ Лилибея въ Африку. Перепуганные карѳагеняне отправили въ Римъ еще одно посольство съ заявленіемъ безусловной покорности. Сенатъ послѣ этого выразилъ готовность оставить имъ ихъ территорію, ихъ государственное и частное имущество, если они въ теченіе 30 дней выдадутъ консуламъ въ Лилибеѣ 300 заложниковъ изъ знатнѣйшихъ семействъ. Исполнено было и это. Тѣмъ не менѣе консулы высадились съ войскомъ въ Африкѣ и расположились главной квартирой въ Утикѣ. Сюда явился весь карѳагенскій сенатъ за дальнѣйшими приказаніями римлянъ. Консулы прежде всего потребовали выдачи всего оружія, всѣхъ военныхъ орудій и всѣхъ военныхъ кораблей. Карѳагеняне считали исполненіе этого требованія послѣднимъ изъ униженій, наложенныхъ на нихъ Римомъ, и потому, какъ это для нихъ ни было больно, они отвезли въ римскій лагерь на безчисленномъ множествѣ повозокъ весь боевой матеріалъ, между прочимъ 3,000 орудій и 200,000 доспѣховъ. Но теперь только имъ объявленъ былъ послѣдній и самый страшный приказъ консуловъ: стереть съ лица земли свой родной городъ и поселиться гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ своей территоріи, но по крайней мѣрѣ на разстояніи 10,000 шаговъ (15 km=14 верстъ) отъ моря.

Перемѣна настроенія въ Карѳагенѣ. Объ ужасѣ, который этотъ

приказъ долженъ былъ вызвать у несчастныхъ пунійцевъ, мы, нынѣшніе люди, едва можемъ сдѣлать себѣ представленіе. При всей любви къ отечеству мы не такъ сростаемся съ данной мѣстностью, какъ античный человѣкъ, для котораго городъ и государство было одно и то-же и для котораго то мѣсто, гдѣ онъ жилъ, было важно еще въ совершенно иномъ отношеніи, чѣмъ для насъ. Съ данной мѣстностью были связаны не только воспоминанія семьи, но и почитаніе боговъ, культъ предковъ, ларовъ и пенатовъ; поэтому въ древности изгнаніе почти равнялось смерти. Вотъ почему, когда приказъ римскихъ консуловъ мало-по-малу сталъ извѣстнымъ, то всѣмъ обширнымъ, исполинскимъ городомъ овладѣло такое волненіе, какого не могло бы вызвать никакое другое приказаніе римлянъ, даже самыя строгія казни. И этотъ прежде до трусости и безчестія терпѣливый народъ разомъ превратился въ дико бушующій неудержимый океанъ ярости и бѣшенства. Подобно менадамъ, находящимся въ вакхическомъ восторгѣ, мужчины и женщины убивали пословъ, отважившихся вернуться съ этой вѣстью, убивали италиковъ, которыхъ могли поймать. Другіе бѣжали въ арсеналы и плакали, находя ихъ пустыми. Въ особенности же матери заложниковъ подобно фуріямъ возбуждали страсти, жалуясь съ душу раздирающими воплями каждому встрѣчному на свое горе и проклиная себя за то, что безполезно отдали самое для нихъ дорогое. Тѣ немногіе, что сохранили присутствіе духа, заперли ворота и стали носить на стѣны камни, на мѣсто метательныхъ машинъ.

Отъ римлянъ въ Утикѣ не осталась скрытой перемѣна, столь внезапно наступившая въ Карѳагенѣ. Но они думали, что черезъ немного дней взрывъ ярости населенія пройдетъ, и что оно тогда все-таки подчинится ихъ приказу. Въ самомъ дѣлѣ, бѣшенство вскорѣ улеглось, вернулось хладнокровіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ установилось и ясное спокойное рѣшеніе правящихъ лицъ скорѣе погибнуть, нежели покинуть городъ. Видя передъ собой смерть, они предпочли претерпѣть ее, чѣмъ позорно предать врагу священную родину и могилы предковъ. И такимъ образомъ, эти пунійцы, разсуждавшіе прежде часто такъ неблагородно, такъ здраво и сухо, но купечески, на нашихъ глазахъ превращаются въ народъ героевъ; въ минуту послѣдняго бѣдствія среди нихъ ожилъ духъ Баркидовъ, покрывая ихъ гибель благородной славой.

Первые годы войны. Совѣтъ карѳагенскій тоже рѣшилъ войну, и всѣмъ рабамъ, желавшимъ вступить въ ряды защитниковъ, пожаловалъ свободу. Приговоренный прежде къ смертной казни Гасдрубалъ, который бѣжалъ изъ города вмѣстѣ съ кучкой единомышленниковъ и собралъ войско въ 20,000 бойцовъ, былъ назначенъ полководцемъ, а другой Гасдрубалъ, внукъ Масиниссы, принялъ на себя руководство обороной города. Всѣ храмы и общественныя мѣста превращены были въ мастерскія, чтобы замѣнить выданный римлянамъ военный матеріалъ новымъ. Мужчины и женщины работали днемъ и ночью надъ изготовленіемъ доспѣховъ, щитовъ, мечей и копій. И когда оказался недостатокъ въ тетивахъ для крупныхъ орудій, карѳагенянки охотно пожертвовали свои волосы. Тщетно консулы дожидались момента, когда это демоническое воодушевленіе должно было смѣниться малодушіемъ; наконецъ, потерявъ много дорогого времени, они перешли въ наступленіе. Но штурмъ на крѣпкія стѣны, произведенный съ лѣстницами и легковооруженными войсками, не удался и пришлось начать правильную осаду. Манилій расположился лагеремъ на перешейкѣ, къ западу отъ старой части Карѳагена, Цензорій же съ флотомъ с т а л ъ на Туниссомъ озерѣ и на мысу Тенін. Съ другой стороны, у Гасдрубала былъ лагерь на другомъ берегу озера, у Неферпса, откуда онъ дѣятельно причинялъ ущербъ римлянамъ. Послѣдніе, правда, тамъ и сямъ пробивали въ стѣнѣ брешь, но карѳагеняне ночью разрушали ихъ осадныя сооруженія и благополучно исправляли бреши. Такимъ образомъ успѣхъ осады останавливался, тѣмъ болѣе что царь Масинисса умеръ еще въ 149 году. Еще хуже стало положеніе римлянъ въ 148 году, когда команда перешла къ Л. Манцину и Л. Пизону: противъ самого Карѳагена они ничего не могли сдѣлать, да и въ борьбѣ съ сосѣдними мелкими пуническими городами они потерпѣли не мало неудачъ. Такимъ образомъ, въ Римѣ, гдѣ съ нетерпѣніемъ наблюдали за этими дѣйствіями, мало-по-малу установилось убѣжденіе, что только особенно способный и энергичный человѣкъ могъ бы побѣдоносно окончить борьбу, ставшую для Рима уже безславною. Такой полководецъ былъ найденъ въ лицѣ человѣка знатнаго происхожденія, которому, несмотря на его подчиненное положеніе въ войскѣ, почти одному только удалось пріобрѣсти военную славу подъ Карѳагеномъ. Это былъ П. К о р н е л і й С ц и п і о н ъ Э м и л і а н ъ.

П. Корнелій Сципіонъ Эмиліанъ. Онъ родился въ 185 г. до Р. Хр. и былъ вторымъ сыномъ Эмилія Павла, побѣдителя при Пиднѣ. Но уже рано онъ былъ предназначенъ продолжить родъ великаго побѣдителя при Замѣ, старшаго П. Корнелія Сципіона Африканскаго. Дѣло въ томъ, что бездѣтный сынъ послѣдняго, того же имени, человѣкъ большой учености, но столь слабаго здоровья, что не могъ выступить ни на военномъ, ни на политическомъ поприщѣ, усыновилъ юнаго Эмилія. Въ 17-лѣтнемъ возрастѣ онъ уже пожалъ первые лавры при Пиднѣ, подъ главнымъ начальствомъ своего роднаго отца. Затѣмъ онъ много лѣтъ изучалъ науки въ Римѣ, въ тѣсномъ обществѣ философа Полибія, воспринимая весь образъ мыслей своихъ учителей и ихъ взгляды на жизнь. Такимъ образомъ, и у него, какъ у Старшаго Сципіона Африканскаго, развилась чуждая древнеримскому характеру кротость и человѣчность, наклонность къ философскому размышленію, но вмѣстѣ съ тѣмъ и дальновидность въ политическихъ дѣлахъ, снискавшая ему большое уваженіе среди его сверстниковъ, а впослѣдствіи и болѣе пожилыхъ римлянъ. Вѣдь и старикъ Катонъ, который вообще не былъ вовсе расположенъ къ греческой культурѣ, поскольку она, какъ предметъ моды, вызывала только внѣшнее подражаніе, любилъ относить къ Сципіону Эмиліану стихъ Гомера:

„Онъ одинъ только мужъ, всѣ другіе—скользящія тѣни".

Къ тому-же, научныя занятія не удержали его отъ дальнѣйшей военной и политической карьеры, на которую его наталкивали высокое происхожденіе и способности. Напротивъ, онъ однимъ изъ первыхъ среди римлянъ сдѣлалъ попытку приложить ученія греческой философіи на войнѣ и въ политической жизни и такимъ образомъ приступить къ важнымъ дѣламъ, предназначеннымъ ему Провидѣніемъ, съ надлежащимъ настроеніемъ и образомъ мыслей. Такъ, въ 151 году мы его застаемъ въ качествѣ военнаго трибуна подъ командой Лукулла въ Испаніи, гдѣ онъ пріобрѣлъ себѣ репутацію не только дѣльнаго офицера, но и честнаго человѣка; ибо при заключеніи договора съ непріятелями его слово имѣло больше цѣны, нежели слово полководца. Изъ Испаніи онъ былъ отправленъ въ Африку къ Масиниссѣ за боевыми слонами. При этомъ случаѣ онъ присутствовалъ въ каче-

ствѣ зрителя при битвѣ между Масиниссой и карѳагенянином Гасдрубаломъ, въ которой карѳагеняне были разбиты. Карѳагеняне тогда-же просили у него посредничества для заключенія мира съ нумидійскимъ царемъ, но попытка его не имѣла успѣха. Онъ участвовалъ также и въ войнѣ римлянъ съ Карѳагеномъ, опять въ качествѣ военнаго трибуна. Его хладнокровіе и умныя мѣропріятія неоднократно спасали римлянъ отъ чувствительныхъ потерь, угрожавшихъ имъ вслѣдствіе слабаго военнаго искусства ихъ главнокомандующаго. Грознаго начальника карѳагенской конницы, Гимилькона Фамею, онъ побудилъ перейти къ римлянамъ, съ 2,200 всадниковъ. Когда-же умеръ Масинисса 90-лѣтнимъ старикомъ, Сципіонъ, согласно его завѣщанію, привелъ въ порядокъ дѣла нумидійскаго государства, раздѣливъ его между тремя его сыновьями Миципсой, Гулуссой и Мастанабаломъ и побудилъ въ то же время Гулуссу оказать помощь римлянамъ необходимою для нихъ легкой конницей. Послѣ этихъ дѣлъ Сципіонъ въ 148 году вернулся въ Римъ, чтобы, соотвѣтственно своему 37-лѣтнему возрасту, выступить кандидатомъ на должность эдила. Народъ же, давно уже возлагавшій на него свою надежду, избралъ его консуломъ, хотя сенатъ и руководившій выборами консулъ сначала дѣлали затрудненія изъ-за нарушенія закона (lex Villia annalis), и особымъ народнымъ рѣшеніемъ, принятымъ по предложенію одного трибуна, ему было поручено веденіе африканской войны.

Завоеваніе Карѳагена. Когда новый главнокомандующій весной 147 года явился подъ Карѳагеномъ, то первой его задачей было возстановить упавшую воинскую дисциплину, что онъ и исполнилъ съ безпощадной строгостью. Скопища безполезныхъ торговцевъ и маркитантовъ были удалены изъ лагеря. Затѣмъ онъ ловкими дѣйствіями старался занять твердое положеніе. Неожиданнымъ нападеніемъ онъ вторгся въ предмѣстье Магалію, но снова покинулъ его, боясь подвигаться далѣе впередъ по мѣстности, прорѣзанной рвами и кустарникомъ. Зато онъ завладѣлъ внѣшними укрѣпленіями на мысу Тенін, укрѣпился на перешейкѣ, соединяющемъ карѳагенскій полуостровъ съ материкомъ, и среди упорныхъ сраженій замкнулъ его стѣнами. Чрезъ это Карѳагенъ со стороны суши былъ отрѣзанъ отъ всѣхъ сношеній, значитъ и отъ подвоза провіанта. Гасдрубалъ тѣмъ временемъ въ тревогѣ ввелъ 7,000 человѣкъ въ городъ, и совѣтъ поручилъ ему главное

начальство надъ гарнизономъ, въ которомъ числилось всего 20,000 человѣкъ. Когда заговорили о сдачѣ, онъ велѣлъ сбросить съ крѣпостныхъ стѣнъ римскихъ плѣнныхъ, чтобы сдѣлать невозможными всякіе переговоры.

ОСТАТКИ КАРѲАГЕНСКАГО ВОДОПРОВОДА (Рисунокъ по фотографіи).

У осажденныхъ оставались открытыми только сношенія моремъ: римскія пентеры не были въ состояніи мѣшать входу и выходу быстрыхъ карѳагенскихъ лодокъ и легкихъ торговыхъ кораблей, и на обширномъ рейдѣ постоянно стояли на якорѣ, несмотря на утесы и отмели, смѣлые капитаны, которые, привлекаемые выгодой, привозили съѣстные припасы и прочіе пред-

меты необходимости. Правда, подвозъ былъ недостаточенъ для густого населенія; но Гасдрубалъ позаботился о томъ, чтобы по крайней мѣрѣ у вооруженнаго люда не было недостатка въ необходимыхъ предметахъ, а прочіе жители стойко выносили лишенія и тягости. Убѣдившись въ недостаточности прежнихъ работъ, Сципіонъ приказалъ соорудить дамбу отъ мыса къ молу гавани, черезъ что было заперто устье гавани. День и ночь работали надъ этимъ сооруженіемъ, таскали каменныя глыбы, возили ихъ въ море; эта насыпь въ своемъ основаніи, на днѣ морскомъ, имѣла ширину въ 30 m. (98 фут.) и заканчивалась сверху больверкомъ въ $7^1/_2$ m. ($24^1/_2$ фут.) ширины. Навѣсы и брустверы предохраняли защитниковъ дамбы отъ метательныхъ снарядовъ и вылазокъ. Въ то время какъ возводилось это исполинское сооруженіе, въ карѳагенской военной гавани Коѳонѣ шли не менѣе шумныя работы. Цѣлый день и въ особенности въ тишинѣ ночи раздавался стукъ молотовъ и топоровъ, трескъ дерева и вообще безпрерывный гулъ, котораго не знали, какъ объяснить себѣ. Сципіонъ былъ на-сторожѣ; онъ предполагалъ, что изготовляется какая-нибудь машина для разрушенія дамбы. Прошло около двухъ мѣсяцевъ, какъ гулъ этотъ однажды вечеромъ замолкъ, и послышался необычайный шумъ морскихъ волнъ, точно во время наводненія. На слѣдующее утро римляне увидѣли пуническій флотъ въ 120 крупныхъ и мелкихъ военныхъ судовъ, которыя качались на пурпуровыхъ волнахъ залива, подплывали къ римскому строю и затѣмъ, какъ бы въ гордомъ сознаніи своего господства въ этихъ водахъ, снова плыли обратно. Теперь консулу стало ясно, чѣмъ такъ таинственно былъ занятъ непріятель. Былъ построенъ флотъ, а изъ Коѳона къ открытому заливу прорытъ каналъ. Если бы карѳагенскіе капитаны знали, въ какомъ состояніи находились застигнутыя врасплохъ морскія силы римлянъ, то они предприняли бы нападеніе и уничтожили бы всю эскадру, ибо римскія пентеры, частью безъ экипажа, стояли разснащенными на якорѣ. Лишь на слѣдующій день загорѣлся бой, но, въ виду того, что римляне тѣмъ временемъ успѣли подготовиться къ нему, онъ продолжался до поздняго вечера, оставаясь нерѣшеннымъ; при возвращеніи карѳагенянъ домой, ихъ мелкія суда скучились у входа въ узкій каналъ, заградили фарватеръ и такимъ образомъ помѣшали входу крупныхъ военныхъ судовъ.

Поэтому римляне на слѣдующее утро возобновили сраженіе и оттѣснили непріятеля обратно въ гавань, которую сейчасъ же стали блокировать.

Сципіонъ воспользовался своимъ преимуществомъ; съ искусственной дамбы онъ сталъ наступать на молъ и портовыя укрѣпленія, гдѣ поставилъ штурмовые тараны и другія орудія разрушенія. Съ своей стороны, осажденные предприняли ночную вылазку. Они въ бродъ перебрались черезъ мелкую воду и вышли на берегъ позади укрѣпленій. Зажегши здѣсь взятые съ собой факелы, они перешли въ наступленіе. Зажигательные факелы полетѣли въ машины; при свѣтѣ запылавшаго огня бились ожесточенные воины. Римская тактика и боеспособность не устояли передъ отчаяннымъ мужествомъ, передъ напоромъ людей, бившихся за отчизну, за родной очагъ, за женъ и дѣтей. Когорты были опрокинуты, разсѣяны, перебиты. Онѣ бѣжали къ концу дамбы, гдѣ преслѣдователей были готовы встрѣтить новые мечи и копья. Сципіонъ привелъ свѣжее войско и остановилъ дальнѣйшее наступленіе непріятеля. Побѣдоносные карѳагеняне вернулись въ городъ съ плѣнными и захваченными въ добычу боевыми значками.

Послѣ этихъ и другихъ неудачныхъ сраженій консулъ не отваживался болѣе, до поры до времени, на рѣшительное нападеніе. Такъ какъ наступила зима или, вѣрнѣе, время бурь и дождей, то онъ ограничился тѣсной блокадой города съ моря и съ суши. Тѣмъ временемъ Гасдрубалъ чрезъ посредство нумидійскаго царя Гулуссы, сына Масниссы, завязалъ новые переговоры. Онъ предлагалъ, за сохраненіе Карѳагена въ цѣлости, уступку всей внутренней области и полную покорность. Римскій главнокомандующій обѣщалъ, если Гасдрубалъ сдастъ городъ, предоставить свободу и безопасность ему, его роднымъ и десяти дружественнымъ съ нимъ семействамъ, вмѣстѣ съ состояніемъ до десяти талантовъ. На это послѣдній пунический полководецъ отвѣтилъ, что онъ будетъ жить и умретъ вмѣстѣ съ своими согражданами, и если судьбѣ будетъ такъ угодно, то онъ будетъ погребенъ подъ развалинами Карѳагена. Греческій историкъ Полибій, другъ Сципіона, находившійся въ его лагерѣ, описалъ эти переговоры. Онъ характеризуетъ Гасдрубала, какъ человѣка неуклюжаго тѣлосложенія, съ обрюзглымъ

отъ вина лицомъ и съ почти дѣтской манерой держаться и жестикуляціей. Но приведенныя слова, пожертвованіе собственною безопасностью, желаніе оставаться въ несчастномъ родномъ городѣ—это признаки мужественной рѣшимости патріота. Если онъ въ послѣднюю минуту, подъ впечатлѣніемъ неслыханныхъ ужасовъ, отрекся отъ своихъ принциповъ, то онъ согрѣшилъ какъ человѣкъ, а вовсе не какъ измѣнникъ.

Сципіонъ не отдыхалъ и зимою. Онъ замѣтилъ, что съ противоположнаго берега, гдѣ, около Нефериса, все еще стояло непріятельское войско, въ городъ прибывали легкія торговыя суда съ значительнымъ грузомъ, что предводитель Діогенъ, вербуя солдатъ въ Ливіи, Нумидіи и даже въ отдаленной Мавританіи, угрожающимъ образомъ увеличивалъ свои силы.

Поэтому онъ двинулся съ большей частью легіоновъ и союзниковъ, которые теперь составляли свыше 100,000 бойцовъ, намѣреваясь разрушить послѣднюю надежду Карѳагена. Онъ явился совершенно неожиданно и двойнымъ нападеніемъ взялъ непріятельскій лагерь. Затѣмъ онъ послѣ жестокой осады занялъ городъ Неферисъ, послѣ чего прочіе города пунической области, на которые онъ обратилъ свое оружіе, покорились добровольно. Теперь онъ пріобрѣлъ себѣ союзниковъ, отъ которыхъ нельзя было защититься ни бронею, ни стѣнами, ни величайшимъ мужествомъ: то были голодъ и его спутники, опустошительныя болѣзни. Поэтому, когда онъ весной 146 г. до Р. Хр. возобновилъ военныя дѣйствія противъ города, то онъ встрѣтилъ не столь упорное сопротивленіе, какъ въ предыдущемъ году. Шагъ за шагомъ завоевалъ онъ передовыя укрѣпленія, заложенныя для защиты торговой гавани, такъ какъ только военная гавань была окружена обводной стѣной. Послѣ этого Гасдрубалъ велѣлъ поджечь склады и погреба съ запасами. Но римляне, упоенные побѣдой, со всѣхъ сторонъ устремились на городъ, сквозь огонь и справа и слѣва отъ гавани, причемъ консулъ приводилъ все время свѣжія войска. Вотъ взята была стѣна Коѳона. Воздухъ огласился криками ужаса и отчаянія съ одной стороны и кликами торжества съ другой; отступили истощенные, упавшіе духомъ защитники, совершивъ все, что́ было въ ихъ силахъ. Такимъ образомъ, была взята приступомъ военная гавань вмѣстѣ съ укрѣпленнымъ островомъ, а затѣмъ форумъ и храмъ Ваала. Однако

теперь передъ побѣдителями вздымались похожіе на крѣпости дома трехъ главныхъ улицъ, ведшихъ къ Бирсѣ; всѣ они были полны оружія и людей. Полководецъ велѣлъ остановиться.

Взятіе Бирсы. Оружіе отдыхало, но не отдыхалъ тотъ, кто руководилъ дѣломъ разрушенія. Онъ велѣлъ установить машины, призвалъ не участвовавшій еще въ битвѣ легіонъ и принялъ самыя цѣлесообразныя мѣры. Раннимъ утромъ начался штурмъ. Каждый домъ приходилось брать приступомъ; огонь и оружіе свирѣпствовали, почти безъ перерыва, шесть дней и ночей; на седьмой день по трупамъ, развалинамъ и пожарищамъ добрались до акрополя, съ вершины котораго глядѣли мраморныя колонны храма Эсмуна. Полководецъ, истощенный безсонницей и переутомленіемъ, упалъ на-земь; но и у защитниковъ исчезли мужество и силы, они попросили оставить имъ жизнь, на что и было дано согласіе; послѣ этого съ акрополя спустились 30,000 мужчинъ и 25,000 женщинъ и дѣтей, для которыхъ уже были готовы цѣпи рабства. Одинъ только Гасдрубалъ съ 900 перебѣжчиковъ и отчаянныхъ патріотовъ занималъ еще храмъ. Но, видя вокругъ себя пожары, груды труповъ и страшные легіоны, и онъ упалъ духомъ; онъ явился предъ Сципіономъ и обнялъ его колѣни, моля о пощадѣ, которая и была ему дана. Жена же Гасдрубала съ дѣтьми своими, въ праздничной одеждѣ, показалась на кровлѣ храма, насупротивъ мѣста, гдѣ стоялъ Сципіонъ, и громкимъ голосомъ воскликнула: „Тебя, римлянинъ, не поразитъ месть боговъ, ибо ты велъ войну противъ вражьей страны. Но этого Гасдрубала, предавшаго свое отечество, свои святыни, меня и своихъ дѣтей, пусть покараютъ боги Карѳагена и ты, какъ ихъ орудіе“. Затѣмъ она обратилась къ Гасдрубалу, стоявшему передъ Сципіономъ на колѣняхъ, и воскликнула: „Постыднѣйшій, невѣрнѣйшій и трусливѣйшій изъ мужей! Меня и дѣтей моихъ погребетъ этотъ огонь, но какой тріумфъ украсишь ты, полководецъ великаго Карѳагена, отъ какого наказанія избавитъ тебя тотъ, у ногъ котораго ты позорно стоишь на колѣняхъ?“ Послѣ этого проклятья она заколола своихъ дѣтей на глазахъ у непріятельскаго полководца и своего мужа, бросила тѣла ихъ въ огонь и сама ринулась туда же, какъ это сдѣлала нѣкогда ея родоначальница Дидона. Сципіонъ глубоко былъ тронутъ такимъ геройствомъ и необъятнымъ огненнымъ моремъ, пожиравшимъ

великолѣпный городъ; онъ вспомнилъ о томъ, что городъ этотъ процвѣталъ цѣлыхъ семь вѣковъ и господствовалъ надъ столькими землями, островами и морями, а теперь послѣ трехгодичной отчаянной борьбы обращается въ груды пепла и развалинъ. Онъ будто бы прослезился и, размышляя о будущей судьбѣ и родного своего города Рима, произнесъ стихи Гомера:

„Будетъ нѣкогда день и погибнетъ священная Троя;
Древній погибнетъ Пріамъ и народъ копьеносца Пріама!“

Послѣ этихъ подвиговъ консулъ рѣшилъ вопросъ о добычѣ. Общественныя сокровища—золото и серебро—были отложены для римской государственной казны, прочую добычу раздѣлили между собой легіоны. Статуи и другіе предметы искусства были частью возвращены греческимъ городамъ въ Сициліи, у которыхъ ихъ отняли когда-то карѳагеняне, частью отосланы въ Римъ. Мѣстности, которыя оставались вѣрными столицѣ въ годину бѣдствія, были разорены; вся область Карѳагена стала римской провинціей, подъ управленіемъ претора; но Утика, Ѳапсъ и еще нѣсколько другихъ городовъ сохранили самоуправленіе. Подати остались въ томъ же размѣрѣ, какъ и при прежнемъ правительствѣ, но отправлялись теперь въ Римъ. Еще большую выгоду извлекли римскіе торговцы и ростовщики, которые массами распространились по новой провинціи Африкѣ и съумѣли расширить сферу своихъ оборотовъ вплоть до Нумидіи.

Разрушеніе Карѳагена. Карѳагенъ горѣлъ 17 дней, затѣмъ побѣдитель велѣлъ срыть остатки стѣнъ и распахать самое мѣсто развалинъ. Произнесши страшное проклятіе на тѣхъ, кто когда-либо попытался бы возстановить городъ, онъ пригласилъ боговъ—покровителей разореннаго государства—переселиться въ Римъ, куда затѣмъ и отправился на блестящій тріумфъ, оставляя позади себя полную ужасовъ пустыню. Въ Римѣ онъ получилъ почетное имя Africanus minor (Африканскаго младшаго). Суетливая дѣятельность, шумная торговля, столько вѣковъ царившія въ Карѳагенѣ, духовныя и тѣлесныя силы, творившія и созидавшія на этой почвѣ, оживленное движеніе мірового города — все умерло, затихло, какъ въ могилѣ, и городъ обратился въ необъятное, страшное кладбище, надъ которымъ бурные вѣтры, въ союзѣ съ прибоемъ, завываютъ безконечно повторяющимися аккордами дикую

пѣсню о рожденіи и смерти. Только единичные бѣглецы, спасшіеся отъ гибели, вернулись изъ своихъ убѣжищъ и выстроили себѣ на родномъ пепелищѣ бѣдныя лачуги, гдѣ влачили жалкое существованіе. Впослѣдствіи, приблизительно 24 года спустя послѣ разрушенія Карѳагена, Гракхъ основалъ на полуостровѣ колонію римскихъ поселенцевъ, къ которымъ примкнуло немало остатковъ пуническаго народа. Однако колонія эта не процвѣтала, пока Юлій Кесарь не пожаловалъ здѣсь землею части своихъ ветерановъ и не распорядился о возстановленіи города. Позднѣйшіе императоры содѣйствовали этому съ такою щедростью, и положеніе города было столь выгодно, что этотъ римскій Карѳагенъ почти достигъ былого блеска. Отъ этого времени остались развалины, которыя и понынѣ съ интересомъ разсматриваются путешественниками. Римляне оставались въ неоспоримомъ владѣніи городомъ, пока въ бурныя времена переселенія народовъ вандалы не устроили здѣсь своей резиденціи. Царство вандаловъ смѣнилось господствомъ восточно-римской имперіи, а послѣднее—арабскимъ. Почитатели Магомета разрушили этотъ городъ во второй разъ, и ужъ больше онъ не возстанавливался. На мѣстѣ развалинъ находится теперь нѣсколько бѣдныхъ арабскихъ деревушекъ, а на Бирсѣ стоитъ построенная въ 1841 г. часовня Людовика Благочестиваго, короля французскаго (St. Louis), миссіонерское учрежденіе „бѣлыхъ отцовъ“ и выстроенный въ 1884—90 гг. соборъ вновь учрежденнаго архіепископства Карѳагенскаго; теперь еще пользуются нѣсколькими отличными цистернами, а въ прежнемъ предмѣстьи Магаліи цвѣтутъ прекрасные, хорошо содержимые сады туниссскаго бея и его высшихъ должностныхъ лицъ.

МАКЕДОНІЯ И ГРЕЦІЯ.

МАКЕДОНІЯ становится римской провинціей. Во время осложненій въ Африкѣ непрочными оказались и отношенія, созданныя римлянами въ Македоніи и Греціи. Раздѣленіе царства Антигонидовъ на четыре части, произведенное въ 167 году, правда, повлекло за собой желанную слабость прежде столь воинственнаго народа, но въ то-же время

вызвало продолжительное ожесточеніе между четырьмя новыми республиками и внутренній раздоръ въ нихъ самихъ. Убійства и насилія стали обыденными явленіями. Въ одномъ изъ новыхъ государствъ все республиканское правительство было перебито шайкой нѣкоего Дамазиппа. При такихъ обстоятельствахъ одному обманщику-авантюристу удалось нѣкоторое время играть выдающуюся роль, благодаря тому, что онъ посулилъ македонянамъ возстановленіе древняго объединеннаго царства. То былъ нѣкій Андрискъ, сынъ валяльщика изъ Адрамиттія въ Малой Азіи, который, пользуясь случайнымъ сходствомъ, выдавалъ себя за сына царя Персея и сиріянки Лаодики. Подъ именемъ Филиппа Македонскаго онъ скоро пріобрѣлъ себѣ приверженцевъ, а надъ преторомъ Ювентіемъ Талной, высланнымъ наконецъ противъ него съ войскомъ, онъ одержалъ въ 149 г. до Р. Хр. столь рѣшительную побѣду, что въ его руки попала даже Ѳессалія. Теперь только сенатъ отправилъ въ Македонію, которую, къ тому же, поддерживалъ на морѣ царь Эвменъ Пергамскій, болѣе сильное войско подъ начальствомъ способнаго Кв. Цецилія Метелла. Такимъ образомъ въ 148 году удалось побѣдить Лже-Филиппа и добиться отъ одного оракійскаго царька его выдачи. Послѣ этого для Македоніи исчезла всякая даже тѣнь независимости: вмѣстѣ съ Іоническими островами и приморскими городами Аполлоніей и Диррахіемъ она была превращена въ римскую провинцію и подчинена управленію претора, установившаго свою резиденцію въ древней столицѣ страны, Пеллѣ. Въ лицѣ этого претора, по волѣ сената, и греки, обитавшіе къ югу отъ Македоніи, должны были видѣть третейскаго судью въ своихъ внутреннихъ спорахъ и своего патрона.

Война съ ахеянами. Но прежде чѣмъ наступило это желанное состояніе спокойствія и порядка, римлянамъ въ Греціи пришлось еще разъ взяться за мечъ для усмиренія враждовавшихъ между собою мелкихъ государствъ страны. Въ Греціи царили почти нестерпимые безпорядки. Мелочныя распри городовъ и государствъ разоряли страну и обезсиливали населеніе; аѳиняне, напр., не постѣснились разграбить городъ Оропъ для пополненія своей казны; бродяги и авантюристы расхаживали по всѣмъ мѣстностямъ и останавливались на мѣстахъ вербовокъ, гдѣ ихъ могъ нанимать всякій, у кого въ карманѣ были деньги. Ахейскій

союзъ, который при своихъ ничтожныхъ средствахъ все еще хотѣлъ играть роль великой державы, никогда не ладилъ съ другими городами, особенно со Спартой. Онъ продолжалъ дуться на могучій Римъ, но все-таки смиренно склонялся передъ властными приговорами сената. Это пустое упрямство усиливали еще заложники, которые послѣ долгаго плѣна были отпущены на свободу и вернулись въ свое отечество. Только немногіе изъ нихъ выказали столько безкорыстнаго патріотизма и благоразумія, какъ Полибій, видѣвшій въ политическомъ подчиненіи Греціи римскому сенату неотвратимую волю Провидѣнія; большинство изъ нихъ дышало ненавистью противъ Рима и жаждой мщенія и, совершенно необдуманно подстрекая народъ, надѣялось отомстить за понесенныя обиды. Когда спартанскіе и ахейскіе послы, жаловавшіеся другъ на друга, получили отъ сената неопредѣленный отвѣтъ и были отосланы, за рѣшеніемъ спора, къ римской комиссіи, то обѣ стороны истолковали приговоръ въ свою пользу и взялись за оружіе. Ахейскій стратегъ разбилъ спартанцевъ въ жаркой схваткѣ; но вмѣсто того, чтобы занять главный городъ непріятеля, онъ удовольствовался незначительными завоеваніями, грабежами и опустошеніемъ страны. Онъ былъ смѣщенъ, и на его мѣсто назначенъ одинъ изъ бывшихъ заложниковъ, Діэй, который сталъ продолжать войну. Тщетно Метеллъ изъ Македоніи внушалъ грекамъ благоразуміе и умѣренность. Вотъ, наконецъ, на собраніи союза въ Коринѳѣ явилась ожидаемая римская комиссія, которая произнесла, правду сказать, нежеланный приговоръ: Спарта, Коринѳъ, Аргосъ и другіе города должны отдѣлиться отъ союза. Противъ этого возстали собравшіеся представители городовъ; чернь стала на ихъ сторону и рѣшено было враждебно выступить противъ Спарты, какъ противъ виновницы такого рѣшенія, и арестовать всѣхъ лакедемонянъ. Это рѣшеніе приводилось въ исполненіе жестокимъ образомъ. Спартанцевъ вырывали даже изъ ихъ жилищъ и отъ римскихъ пословъ.

Сенатъ на Тибрѣ все время выказывалъ значительное долготерпѣніе, такъ какъ въ Африкѣ еще не палъ Карѳагенъ, а въ Испаніи римское оружіе терпѣло неудачи. Когда же ливійскую столицу одолѣли, явилось посольство, потребовавшее безусловнаго повиновенія приказаніямъ Рима. На это стратегъ Критолай возразилъ, что союзъ желаетъ имѣть римлянъ друзьями, но не

господами, и слово это всюду встрѣтило сочувствіе: требованіе римлянъ было отвергнуто; чернь образовала скопище и подвергла пословъ насмѣшкамъ и оскорбленіямъ. Теперь республика не могла и не хотѣла болѣе оказывать снисхожденія; она рѣшила войну. Послѣдняя длилась недолго. Преторъ Метеллъ ускоренными переходами подошелъ изъ Македоніи и разогналъ ахейское войско. Хвастливый Критолай, послѣ битвы при Скарфеѣ, пропалъ безслѣдно. Затѣмъ явился консулъ Муммій, принявшій главное начальство. На Коринѳскомъ перешейкѣ на него дерзнулъ напасть бездарный хвастунъ Діэй; но его полное пораженіе при Левкопетрѣ принудило столь могущественную нѣкогда Элладу къ полному подчиненію.

Консулъ, которому предоставленъ былъ карательный судъ надъ греками и упорядоченіе дѣлъ въ завоеванной области, былъ человѣкъ стараго римскаго закала, простъ и невзыскателенъ въ обычаяхъ, строгъ и непреклоненъ, но справедливъ, благороденъ, недоступенъ соблазну денегъ. Такіе люди въ то время представляли рѣдкость въ Римѣ; но что ихъ все-таки умѣли цѣнить, это доказываетъ его возведеніе въ курульную должность. Правда, грекамъ суровый воинъ съ рѣзкими манерами долженъ былъ показаться неотесаннымъ варваромъ. Они тайкомъ улыбались, когда онъ впослѣдствіи, при отправленіи въ Италію взятыхъ въ добычу предметовъ искусства, серьезно внушалъ корабельщикамъ, что всѣ поврежденія имъ придется исправить на свой счетъ. Они спрашивали другъ друга, не смогъ ли бы строгій воякa воскресить своимъ волшебнымъ жезломъ Фидію, Поликлета или Лисиппа. Открыто, конечно, они не осмѣливались дѣлать такія замѣчанія; ибо этотъ человѣкъ, не имѣвшій, правда, никакого понятія объ искусствѣ, стоялъ во главѣ побѣдоносныхъ легіоновъ и имѣлъ порученіе отъ всемогущаго сената, строгіе приказы котораго онъ приводилъ въ исполненіе.

Разрушеніе Коринѳа. Послѣ усмиренія Ахейскаго союза весь гнѣвъ римлянъ обратился на Коринѳъ, бывшій нѣкоторое время средоточіемъ враждебнаго къ римлянамъ движенія въ Греціи. Муммій съ войскомъ явился подъ городомъ и занялъ его, не встрѣтивъ сопротивленія. Безмолвно, угрюмо вступаютъ римскіе солдаты въ богатый торговый городъ; раздается только стукъ щитовъ и доспѣховъ. Съ угрожающимъ видомъ они собираются на агорѣ

(площади); консулъ верхомъ на конѣ, окруженный своей свитой, объѣзжаетъ ряды войска. Онъ отдаетъ приказъ, который повторяютъ вслѣдъ за нимъ трибуны и центуріоны, и безмолвная тишина смѣняется боевымъ шумомъ, за которымъ слѣдуютъ вскорѣ вопли, стоны, крики ужаса несчастнаго населенія. Воины врываются въ храмы, въ дома, лавки и магазины; ни домашніе пенаты, ни святыни, ни статуи боговъ — ничто не спасаетъ отъ бѣшеныхъ грабителей. Кто не погибаетъ отъ меча, тотъ, связанный, угоняется, чтобы потомъ быть проданнымъ въ неволю. Что за страшная участь для этихъ высокообразованныхъ гражданъ, для ихъ избалованныхъ женъ и дѣтей! Но мѣра ужасовъ еще не была полна. Городъ разграбленъ; предметы искусства, золото и серебро, предназначены для тріумфа и для украшенія Рима и поставлены подъ стражу, остальная добыча отдана войску; но вотъ городъ со всѣхъ сторонъ зажигается и вздымающіеся столбы огня возвѣщаютъ месть Рима. Спустя нѣсколько недѣль охладѣвшія развалины сравниваются съ землей, по нимъ проходятъ съ плугомъ и запрещается строиться на мѣстѣ развалинъ. Часть коринѳской городской территоріи получаетъ сосѣдній Сикіонъ, бо́льшая же часть объявляется римской общественной землей. Такъ окончилъ свое существованіе самый въ то время многолюдный и важный городъ Греціи, „око Эллады“, по именному приказу сената. Оскорбленія римскихъ пословъ, случившіяся въ Коринѳѣ, вовсе не объясняютъ и не оправдываютъ этого неслыханнаго образа дѣйствій. Скорѣе они также послужили только предлогомъ для удовлетворенія зависти и ненависти римскихъ купцовъ и противъ восточнаго соперника. Послѣдніе и здѣсь, какъ въ несчастномъ Карѳагенѣ, достигли своей цѣли.

Упорядоченіе греческихъ дѣлъ. Упорядоченіе дѣлъ Греціи поручено было Муммію вмѣстѣ съ комиссіей изъ десяти сенаторовъ; если не считать совершеннаго надъ Коринѳомъ злодѣянія, они поступали умѣренно и мягко. Правда, Ѳивы и Халкида на Эвбеѣ за враждебное отношеніе къ римлянамъ должны были срыть свои стѣны и часть городской территоріи уступить Риму, а Ахейскій союзъ былъ уничтоженъ; но въ остальномъ каждая община сохранила свою свободу и самоуправленіе и платила только умѣренную сумму въ римскую казну. Поэтому не можетъ быть и рѣчи о томъ, будто Греція тогда уже была превращена въ про-

винцію „Ахайю“. Но съ другой стороны каждому намѣстнику Македоніи, въ качествѣ „патрона“ грековъ, принадлежало столь большое вліяніе на внутреннія дѣла страны, что Полибій справедливо могъ сказать, что и Греція съ того времени была подвержена „римскимъ розгамъ и топорамъ“.

Итакъ, самостоятельность Греціи безславно погибла; но вмѣстѣ съ государствомъ не было утрачено умственное значеніе народа. Все, что́ было создано имъ въ области духа, находило у римлянъ дальнѣйшее свое развитіе. На дивномъ деревѣ духовной жизни грековъ выросла зеленая вѣтвь римской литературы, которая если и не производила цвѣтовъ вполнѣ собственной силы, всеже приносила цѣнные плоды. Римскіе мыслители, историки, поэты и художники учились по греческимъ образцамъ; въ особенности ученія эпикурейцевъ и стоиковъ получили широкое вліяніе. Школа эпикурейцевъ, видѣвшая благо въ гармоническомъ благополучіи духа и тѣла, должна была скоро получить доступъ къ жаждавшимъ наслажденій римлянамъ. Ей поклонялись благородныя натуры, которыя, согласно пониманію основателя, считали свободу отъ страха и вожделѣній единственнымъ источникомъ благополучія, но поклонялись также и обыкновенные кутилы, искавшіе удовлетворенія лишь за лакомымъ столомъ и въ чувственныхъ наслажденіяхъ. А къ стоической философіи, по которой добродѣтель слѣдуетъ считать высшимъ благомъ и стремиться къ ней ради ея самой, причисляли себя наиболѣе вызвышенные умы націи.

ИСПАНСКАЯ ВОЙНА.

Испанія со времени войны съ Ганнибаломъ. Въ то время какъ военныя бури на югѣ и на востокѣ истребляли города и народы, и на Пиринейскомъ полуостровѣ оружіе отдыхало лишь на короткіе промежутки времени. Римляне владѣли тамъ двумя провинціями, Испаніей по сю сторону Эбро, обнимавшей восточныя области (Каталонію, Валенсію, Мурсію), и Испаніей по ту сторону Эбро, называвшейся также Бетикой и заключавшейся въ нынѣшней Андалузіи и въ сосѣднихъ областяхъ. Однако римское господство нигдѣ не простиралось

вглубь страны. Самая внутренняя область полуострова (Кастилія) называлась въ то время Кельтиберіей, по обитавшей въ ней народности. Завоевать этотъ край съ прилегающими областями ваккеевъ, карпентановъ, веттоновъ и оретановъ было главнѣйшей цѣлью римской политики; по отношенію къ обитавшимъ въ нынѣшней Португаліи лузитанамъ довольствовались посильной охраной границъ южныхъ областей отъ вторженій. Для достиженія этой цѣли обѣ испанскія провинціи въ 197 г. были формально организованы, разграничены и поставлены каждая подъ начальство претора, который вскорѣ послѣ этого по причинѣ трудности своего поста получилъ двухгодичный срокъ службы, вмѣсто годичнаго. Но какъ разъ въ 197 году въ Испаніи вспыхнуло страшное возстаніе противъ римскаго владычества. Поэтому въ 195 году туда былъ посланъ консулъ М. Порцій Катонъ, побѣдившій мятежниковъ въ большой битвѣ. Потомъ онъ принудилъ всѣ города, занятые туземцами, въ одинъ и тотъ же день срыть свои строптивыя стѣны. Впрочемъ онъ старался возстановить спокойствіе также благоразуміемъ и справедливостью. Преемники его рѣдко шли по его стопамъ; поэтому они вызывали неоднократныя возстанія и войны, къ которымъ всѣ эти воинственныя народности весьма были расположены, хотя они замѣтно разнились по происхожденію, составу и степени образованности. Были тутъ области, населеніе которыхъ занималось только скотоводствомъ, охотой и, при случаѣ, разбоями; были и другія, гдѣ процвѣтало земледѣліе, гдѣ населеніе жило въ городахъ, защищенныхъ стѣнами, на холмахъ, увѣнчанныхъ великолѣпными царскими дворцами, гдѣ за лакомымъ пиромъ изъ золотыхъ и серебряныхъ кружекъ пили сладкое вино, приготовленное изъ ячменя. Турдетаны (около Севильи) имѣли старинныя пѣсни и писанные законы. Но у всѣхъ этихъ племенъ военныя почести считались самыми высшими. Вооружая сына, мать разсказывала ему о дѣлахъ предковъ; благороднѣйшая, прекраснѣйшая дѣва охотно выходила замужъ за храбрѣйшаго юношу. Часто случалось, что на какомъ-нибудь радостномъ празднествѣ или погребальномъ торжествѣ мужественные воины въ кровавомъ поединкѣ боролись за славу побѣды, и туземные, какъ и иностранные, вербовщики всегда находили за деньги много воиновъ, готовыхъ къ ихъ услугамъ.

Поэтому почти ежегодно дѣло доходило до кровопролитныхъ

столкновеній, и не всегда одерживали побѣду римскіе легіоны. Ближайшимъ способнымъ намѣстникомъ и полководцемъ, послѣ Катона, былъ преторъ Тиберій Гракхъ (179—178 до Р. Хр.), отецъ обоихъ знаменитыхъ народныхъ трибуновъ (см. ниже). Какъ говорятъ, онъ завоевалъ до 300 укрѣпленныхъ мѣстъ, городовъ и деревень. Но гораздо большаго достигъ онъ своимъ благоразуміемъ. Не унижая гордой націи, онъ пытался склонить ее къ себѣ добромъ, отводя земли бѣдному люду, привлекая знать къ военной службѣ, заключая договоры на сходныхъ условіяхъ и честно соблюдая ихъ. Такимъ образомъ, наступилъ продолжительный миръ. Сенатъ соблюдалъ законныя постановленія, требовалъ отъ покоренныхъ городовъ и племенъ незначительной дани и ограничивалъ произволъ должностныхъ лицъ. Лишь спустя 25 лѣтъ (154 г.) лузитаны, соскучившись бездѣйствіемъ подъ начальствомъ воинственнаго вождя, снова произвели грабительское вторженіе въ Бетику. Все ихъ юношество было подъ оружіемъ, и они на-голову разбили римскія силы. Успѣхъ ихъ привлекъ къ нимъ союзниковъ; грабя и опустошая страну, они прошли до самого Средиземнаго моря. Въ слѣдующемъ году они съ большимъ войскомъ поднялись вверхъ по Тагу (Тахо), пока на правомъ берегу рѣки съ ними не встрѣтились римскіе легіоны. Послѣ кровопролитной схватки они должны были отступить, но, когда римляне въ безпорядкѣ погнались за ними, они собрались опять, обратили римлянъ въ бѣгство и захватили ихъ лагерь. Теперь война охватила всю страну; возстали кельтиберы и при Нумантіи разбили консула Нобиліора (153 г.). Лишь побѣда претора Муммія на Тагѣ и прибытіе консула Марка Клавдія Марцелла (152 г.), который столько-же съумѣлъ устрашить населеніе своимъ счастливымъ оружіемъ, сколько заслужить ихъ любовь справедливостью и кротостью, побудили ихъ просить мира. Консулъ далъ свое согласіе, подъ условіемъ небольшой военной контрибуціи.

Преемникъ его, Л. Лукуллъ, весьма былъ недоволенъ договоромъ; онъ разсчитывалъ на военную добычу и на испанское серебро, собираясь украсить свой домъ въ Римѣ и свои виллы. Поэтому онъ напалъ на кельтиберское племя ваккеевъ, которые до этого вели себя совершенно спокойно. Онъ занялъ ихъ городъ Кавку, неподалеку отъ Сеговіи, на основаніи заключеннаго съ

ними договора, но, вопреки данному слову, разграбилъ его и допустилъ умерщвленіе около 20,000 беззащитныхъ людей. Тогда населеніе деревень съ имуществомъ своимъ укрылось въ горы и лѣса, а города заперли свои ворота и отчаяннымъ сопротивленіемъ принудили вѣроломнаго полководца къ отступленію (151 г.).

Преторъ Сульпицій Гальба чувствовалъ не меньшую жажду денегъ, чѣмъ консулъ. Посуливъ одному лузитанскому племени плодоносныхъ земель для поселеній, онъ послѣ этого велѣлъ около 6,000 изъ нихъ, довѣрившихся его обѣщанію, частью перебить, частью продать въ неволю. Правда, два народныхъ трибуна, при поддержкѣ 84-лѣтняго Катона, подняли въ Римѣ жалобу на вѣроломнаго полководца; но, благодаря слезамъ свой родни и своему серебру, онъ былъ оправданъ (150 г.).

Въ слѣдующемъ году лузитаны вновь произвели вторженіе въ южную провинцію; ихъ безпорядочныя полчища однако вскорѣ подверглись величайшей опасности быть совершенно истребленными. Упавшіе духомъ воины уже стали думать о сдачѣ, когда изъ толпы выступилъ совершенно простой человѣкъ, бывшій прежде разбойникомъ и пастухомъ, Вирiатъ, который напомнилъ имъ о вѣроломствѣ римлянъ и обѣщалъ спасеніе, если ему оказано будетъ повиновеніе. Съ 1,000 всадниковъ онъ смѣло сопротивлялся всѣмъ непріятельскимъ силамъ, въ то время какъ пѣхота разсѣялась и по знакомымъ горнымъ тропинкамъ скрылась отъ преслѣдованія. Затѣмъ отступилъ и онъ со своими всадниками и, достигнувъ благопріятной мѣстности, ускакалъ во весь опоръ. Частью въ-одиночку, частью небольшими отрядами, спѣшили бѣглецы по негостепріимнымъ горамъ, пока не добрались до Триболы, гдѣ былъ сборный пунктъ. Какъ только сюда прибылъ Вирiатъ со своими всадниками, онъ сталъ торопить къ выступленію. Небольшое войско приблизительно въ 10,000 человѣкъ охотно слѣдовало за свѣдущимъ вождемъ и расположилось въ засадѣ у самой дороги, по которой шли преслѣдовавшіе легіоны. Предположенное нападеніе удалось какъ нельзя лучше; въ кровопролитномъ сраженіи пала половина римскаго войска или была взята въ плѣнъ вмѣстѣ съ самимъ полководцемъ, преторомъ Ветиліемъ. Послѣ этого лузитанскій герой напалъ на другой римскій отрядъ и уничтожилъ его во время похода, чѣмъ повсюду навелъ страхъ на непріятеля (149 г.).

Послѣ этихъ подвиговъ всѣ лузитанскія племена признали его своимъ полководцемъ и царемъ. Но онъ не украшалъ себя ни пурпуромъ, ни діадемой; въ латахъ и простой воинской одеждѣ вращался онъ среди соратниковъ, съ которыми обходился какъ съ близкими товарищами. Только въ день битвы, въ минуту опасности, его могучій кликъ громомъ перекатывался по рядамъ, и когда разгорался бой, его высокая геройская фигура была впереди всѣхъ; ему предшествовали ужасы смерти, по стопамъ его слѣдовала побѣда. Поэтому, по обычаю страны, ему отдала руку благородная княжна. Приготовленъ былъ свадебный пиръ; яства уже были поданы въ золотой и серебряной посудѣ. Но онъ, презирая пышный пиръ, поднялъ молодую супругу на коня и ускакалъ съ нею въ лагерь. Недолго воинственный царь могъ предаваться мирной домашней жизни. Преторъ Плавтій уже стоялъ на Тагѣ, собираясь наступать внутрь страны лузитановъ. Виріатъ напалъ на непріятеля, уничтожилъ его авангардъ, и затѣмъ разбилъ самого претора, когда тотъ перешелъ черезъ рѣку. Противъ него были отправлены новые легіоны; но онъ какъ претора Клавдія, такъ и преемника его Нигидія заставилъ отступить съ урономъ. Горныя высоты украсились всюду побѣдными памятниками въ видѣ взятаго въ добычу римскаго оружія и полевыхъ значковъ, далеко возвѣщая народамъ подвиги своего родного героя. Храбрый вождь одержалъ еще много побѣдъ и принудилъ наконецъ римлянъ къ невыгодному договору, который былъ утвержденъ сенатомъ, утомленнымъ войною (141 г.).

Кончина Виріата. Слѣдующій консулъ Кв. Сервилій Цепіонъ (140) нарушилъ торжественно подтвержденный договоръ, и притомъ съ разрѣшенія сената. Изъ южной провинціи онъ съ далеко превосходившими противника силами проникъ черезъ Анасъ, далѣе черезъ Тагъ въ область веттоновъ (Эстремадура). Въ слѣдующемъ году онъ повторилъ вторженіе, при чемъ въ то же время наступало второе войско изъ другой провинціи. Виріатъ собралъ вокругъ себя горцевъ, но число ихъ было незначительно, такъ какъ непріятель стоялъ въ центрѣ страны и каждый старался защитить свой собственный очагъ. Тѣмъ не менѣе въ открытомъ полѣ римляне не могли его одолѣть. Тогда они прибѣгли къ коварному предательству. Они подкупили трехъ изъ товарищей Виріата по палаткѣ, обѣщавъ имъ безнаказанность и награды, и

они однажды ночью закололи спящаго героя. Но долго еще имя храбраго Виріата славилось среди лузитановъ; они подъ начальствомъ новаго вождя, Тавтама, пытались продолжать войну. Но послѣднему при Бэтисѣ нанесено было большее пораженіе, и послѣ этого Лузитанія покорилась римскому господству (139 г.).

Нумантія. Оставались однако еще кельтиберскіе народы, готовые мечомъ отстаивать свою свободу. Они соглашались на протекторатъ, который получилъ Метеллъ по умѣренному договору (142), но не желали терпѣть позора порабощенія, налагаемаго на нихъ его преемниками. Ареваки, ваккеи и другія племена на верхнемъ Дуріѣ (Дуэро) свезли лучшее свое добро въ укрѣпленную Нумантію, расположенную на неприступной скалѣ, поручили охрану своего имущества городскимъ солдатамъ и другимъ присоединившимся къ нимъ храбрецамъ, а сами въ горахъ и долинахъ продолжали борьбу противъ притѣснителей. Но вотъ по зеленымъ пастбищамъ и черезъ гребни горъ Кельтиберіи прибылъ консулъ Кв. Помпей со своими легіонами, путь которыхъ обозначали сожженныя села и деревни. Будучи преторомъ, онъ испыталъ силу кулака храбраго Виріата; теперь, во главѣ консульскихъ войскъ, онъ надѣялся на добычу и побѣдныя почести. Громадное войско дошло безпрепятственно до высоты, увѣнчанной Нумантіей. Но когда римскій полководецъ увидѣлъ на вершинѣ скалы блестящіе мечи и копья гарнизона, то ни онъ, ни его легаты не знали, что́ дѣлать. Онъ разбилъ лагерь и старался, разставивъ сторожевые посты, отрѣзать этотъ горный городъ, имѣвшій приблизительно 4 km. въ окружности, отъ всякаго подвоза провіанта. Постоянно происходили у него стычки то съ гарнизономъ, то съ врагами, подстерегавшими его внѣ города. Отдѣльные посты, даже цѣлыя когорты подвергались нападеніямъ и избіенію. Смущенный консулъ заключилъ съ непріятелемъ соглашеніе, на сходныхъ условіяхъ, но нахально отрекся отъ даннаго слова, когда прибылъ его преемникъ. Еще большій позоръ навлекъ на себя консулъ Г. Гостилій Манцинъ, начавшій въ 137 году борьбу съ нумантійцами. Уже давно въ римскомъ войскѣ, состоявшемъ изъ гражданъ, распространились малодушіе и распущенность; игра въ кости, попойки и излишества всякаго рода стали обыденнымъ явленіемъ въ римскомъ лагерѣ, на переулкахъ котораго подвизались всякаго рода торговцы, маркитанты, скоморохи и танцов-

щицы. Съ такимъ войскомъ не съумѣлъ бы одержать побѣды даже дѣльный полководецъ, а тѣмъ болѣе слабый и неспособный Манцинъ. Случилось поэтому такъ, что послѣ всякаго рода необдуманныхъ маневровъ онъ въ концѣ-концовъ со всѣмъ своимъ войскомъ былъ запертъ нумантійцами. Гибель арміи казалась неизбѣжной. Но нумантійцы были настолько благородны, что разрѣшили Манцину и его войску свободно удалиться, взамѣнъ выгоднаго для нихъ договора, который клятвенно подтвердили консулъ и всѣ штабъ-офицеры, среди нихъ и квесторъ Тиберій Гракхъ (стр. 552). Сенатъ же счелъ себя еще меньше связаннымъ этимъ договоромъ, чѣмъ нѣкогда Кавдійскимъ миромъ, и желалъ возобновить войну, позорно нарушая договоръ. А чтобы по крайней мѣрѣ внѣшнимъ образомъ соблюсти международное право, онъ рѣшилъ выдать нумантійцамъ виновника заключенія договора, консула. Феціалы римскіе согласились отвести несчастнаго, со связанными на спинѣ руками и одѣтаго въ бѣлый саванъ, къ воротамъ Нумантіи и формально предать его врагамъ, какъ жертву. Цѣлый день простоялъ онъ на этомъ мѣстѣ, но нумантійцы и не думали принять этой жертвы. Наконецъ, послѣ совершенія авспицій, его сочли очищеннымъ отъ преступленія и снова приняли въ римскій лагерь.

Сципіонъ Эмиліанъ въ Испаніи. Послѣ этого осада Нумантіи продолжалась столь-же безславнымъ образомъ. Въ концѣ-концовъ сенатъ уже не зналъ другого средства, какъ послать въ опасное мѣсто побѣдителя Карѳагена, Сципіона Эмиліана. Сенаторы до тѣхъ поръ боялись еще больше увеличить почетъ и славу этого высокопоставленнаго мужа; но они видѣли, что во всей республикѣ не находилось человѣка, который смогъ бы одолѣть эту каменную твердыню, а съ нею и окружающіе народы. Поэтому Сципіонъ Эмиліанъ былъ избранъ въ консулы и отправился въ Испанію. Но, какъ бы желая ограничить его иными способами, ему не дали ни нужныхъ денегъ, ни свѣжихъ легіоновъ; однако къ нему примкнули друзья и кліенты, частью прославившіеся военными подвигами люди, и цѣлыя дружины добровольцевъ. Войско онъ засталъ въ самомъ жалкомъ состояніи, не дисциплинированнымъ, не обученнымъ, окруженнымъ цѣлой ватагой распутныхъ людей, гадальщиковъ и другимъ сбродомъ. Онъ тотчасъ-же очистилъ лагерь отъ этого народа, запретилъ попойки и сталъ вводить строгую дисциплину при помощи виноградной лозы центуріоновъ

и ликторскаго топора, возбуждая этимъ всеобщій ропотъ. Но онъ не испугался этого недовольства, ибо изъ добровольцевъ, по большей части всадническаго сословія, онъ составилъ себѣ когорту, окружавшую его персону и подавлявшую всякое противоборство. Она и на будущее время осталась тѣлохранительной стражей полководца и называлась преторіанской. Чтобы сдѣлать успѣшною осаду горнаго города, консулъ обезпечилъ дорогами и укрѣпленными постами подвозъ провіанта для осаднаго войска и посредствомъ экспедицій, предпринятыхъ съ многочисленнымъ войскомъ, покорилъ сосѣдніе народы, въ особенности ваккеевъ. Эти предпріятія были для него возможны, вслѣдствіе значительности его военныхъ силъ, въ которыхъ числилось до 60,000 человѣкъ. Затѣмъ въ его распоряженіи были слоны и нумидійскіе наѣздники подъ начальствомъ Югурты, внука Масиниссы, отличившагося уже воинской ловкостью и дѣльностью. По совершеніи всѣхъ приготовленій, полководецъ со своими легіонами расположился подъ скалами Нумантіи.

Онъ запретилъ отдѣльныя схватки, но за то окружилъ свою позицію сильными укрѣпленіями, которыя мало-по-малу расширялъ. Воинамъ приходилось день и ночь работать заступомъ и мотыкою, тогда какъ другіе отряды отражали непріятеля, который, гдѣ-только было возможно, нападалъ на римлянъ. Ибо хотя городской гарнизонъ состоялъ только изъ 8,000 человѣкъ, но это были самые рѣшительные и самые боеспособные воины, смѣло защищавшіе послѣднюю твердыню свободы, довѣренное имъ имущество, равно какъ женщинъ и дѣтей.

Они часто дѣлали вылазки, чтобы добыть себѣ съѣстныхъ припасовъ; послѣдніе имъ доставлялись также ихъ единоплеменниками, прокрадывавшимися къ нимъ по потайнымъ тропинкамъ. Особенно часто, ночью, по Дурію, въ этомъ мѣстѣ еще незначительному, вверхъ и внизъ шныряли лодки съ обильнымъ грузомъ и останавливались у ската скалы, гдѣ запасы принимались осажденными.

Паденіе Нумантіи. Наступила зима, снѣгомъ завалило вершины и долины; работы заступомъ должны были прекратиться; но Сципіонъ не покидалъ своей позиціи, хотя онъ и не могъ ни остановить подвоза припасовъ въ городъ, ни отомстить за кровь своихъ солдатъ, которою во время частыхъ стычекъ обагрялась по-

крытая льдомъ почва. Но съ наступленіемъ весны принялись за осадныя сооруженія, которыя съ невѣроятными усиліями велись до тѣхъ поръ, пока весь городъ не былъ запертъ. Линія окоповъ тянулась на протяженіи почти $7^1/_2$ km. и была двойная, внутренняя и внѣшняя, для обезпеченія противъ всякаго нападенія; она была укрѣплена не только земляянымъ валомъ, но и стѣнами, башнями и рвами. Чтобы помѣшать подвозу припасовъ рѣкою, въ послѣднюю были погружены сваи и поперечныя балки, въ которыхъ были укрѣплены мечи и копья. Послѣдніе пробивали спускавшіяся ночью по рѣкѣ лодки и ранили водолазовъ и ловцовъ. По окончаніи этихъ работъ Сципіонъ спокойно могъ предоставить дальнѣйшее своимъ страшнымъ союзникамъ—голоду и болѣзнямъ. Но все-таки одинъ смѣльчакъ, Ретогенъ, съ нѣсколькими спутниками ночью перелѣзъ черезъ валъ и прибылъ въ городъ ареваковъ, Лутію; но, прежде чѣмъ оттуда успѣли выступить граждане, на нихъ напалъ быстро подоспѣвшій консулъ и побѣдилъ ихъ. Съ крайней стойкостью выносили нумантійцы всѣ лишенія; лишь когда исчезла всякая надежда на помощь, они воззвали къ милосердію побѣдителя, въ которомъ, какъ они думали, храбрый не можетъ отказать храброму. Но такіе доводы не принимались въ расчетъ римскимъ полководцемъ; онъ требовалъ безусловной покорности. Что значило это требованіе, это осажденные знали изъ прежнихъ событій; поэтому они, при страшныхъ бѣдствіяхъ, продолжали держаться далѣе, надѣясь на перемѣну, на счастливое событіе, на помощь боговъ. Ни одна изъ этихъ надеждъ не исполнилась; напротивъ, голодъ и болѣзни продолжали губить послѣднія силы несчастныхъ гражданъ. Вотъ наконецъ ворота города раскрылись согласно волѣ римскаго полководца, а оттуда, шатаясь, вышли исхудалыя, истощенныя фигуры, навстрѣчу побѣдителямъ, жадно дожидавшимся приказа къ грабежу. Но прежде чѣмъ данъ былъ такой приказъ, надъ городомъ поднялись столбы огня, и на зубцахъ зданій появились люди, которые обнаженными мечами закалывали своихъ женъ, дѣтей и самихъ себя или же бросались въ огненную могилу.

Изъ оставшихся въ живыхъ нумантійцевъ Сципіонъ выбралъ для своего тріумфа пятьдесятъ самыхъ знатныхъ, остальные были проданы въ рабство. Затѣмъ онъ въ согласіи съ назначенною сенатомъ комиссіей привелъ въ порядокъ дѣла провинціи, притомъ

умѣреннымъ образомъ, что́ нѣсколько успокоило народы, не рѣшавшіеся болѣе на сопротивленіе. И лузитаны, города которыхъ покорилъ консулъ Дец. Юній Брутъ, преклонили гордую голову подъ римское иго, такъ что вся Испанія, за исключеніемъ сѣвернаго побережья, стала подвластна римлянамъ. Hispania citerior обнимаетъ съ тѣхъ поръ страну отъ Пиринеевъ къ югу до Carthago Nova (Картагены), къ западу до средняго теченія Анаса (Гвадіаны) и Тага (Тахо), области Каталонію, Арагонію, Валенсію, Мурсію и внутреннюю Кастилію. Hispania ulterior обнимала весь югъ и западъ Иберійскаго полуострова, значитъ и нынѣшнюю Португалію и Галесію. Только Астурія и Кантабрія и сѣверныя провинціи, населенныя басками, оставались свободными отъ римскаго владычества. Внутри римскихъ провинцій Эмпоріи, Сагунтъ, Гемероскопій, Малака, Гады и Эпора были свободными, союзными съ Римомъ общинами.

Римляне въ Малой Азіи. Легче стало для римской политики достиженіе ея цѣлей въ Азіи. Тамъ самымъ обширнымъ государствомъ было Пергамское. На Пергамскомъ престолѣ, среди затруднительныхъ войнъ съ Виѳиніей и дикими кельтами въ Галатіи, удерживались Эвменъ и послѣ него братъ его Атталъ II, несмотря на подозрительность римлянъ. Они покровительствовали греческой наукѣ и развивали благосостояніе страны. Атталъ III, напротивъ, по примѣру восточныхъ деспотовъ, устранялъ неудобныхъ ему людей ядомъ или открытымъ насиліемъ, проводилъ время въ пирахъ и писалъ сочиненія о садоводствѣ, пока смерть не отозвала его со сцены его дѣяній и злодѣяній. Онъ былъ послѣднимъ отпрыскомъ своего рода и оставилъ послѣ себя завѣщаніе, которымъ Римъ назначался наслѣдникомъ его сокровищъ и его земель. Римскіе чиновники распечатали эту грамоту, и сенатъ, не пускаясь въ изслѣдованіе достовѣрности завѣщанія, распорядился о вступленіи въ новое владѣніе. Не было никого, кто бы посмѣлъ протестовать противъ этого, кромѣ побочнаго сына царя Эвмена, Аристоника. Разбитый сначала эфесцами, онъ однако вскорѣ появился снова съ ѳракійскими наемниками и вооруженными рабами. Онъ распространилъ свое владычество и на сосѣднія страны. Когда затѣмъ высадился, со значительными силами, консулъ П. Лициній Крассъ, величайшій римскій ораторъ своего времени, то подвергся нападенію войскъ Аристо-

ника, былъ разбитъ и умерщвленъ неузнаннымъ. Зато въ борьбѣ со слѣдующимъ консуломъ, М. Перперной, претендентъ погибъ, послѣ чего восточныя части его царства были предоставлены союзнымъ съ побѣдителями сосѣдямъ, а западныя объединены въ одну римскую провинцію, названную Азіей. Виѳинія, Понтъ, Каппадокія и Арменія, гдѣ господствовала греческая культура, также находились въ большей или меньшей зависимости отъ Рима.

ВНУТРЕННЕЕ СОСТОЯНІЕ РИМА ВО ВРЕМЯ ВОЗВЫШЕНІЯ ДО МІРОВОГО ВЛАДЫЧЕСТВА.

(264—133 до Р. Хр.).

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО, НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО, НРАВОТВЕННОСТЬ.

Развитіе господства нобилитета. Пока Римъ чрезъ завоеваніе прибрежныхъ странъ Средиземного моря приближался къ міровому владычеству, измѣнилась кореннымъ образомъ хотя и не форма, но духъ государственной жизни. Разсмотрѣнныя нами раньше (стр. 361) измѣненія государственнаго устройства въ концѣ первой Пунической войны были благопріятны усиленію народнаго вліянія: сильно поднятое побѣдой надъ Карѳагеномъ самосознаніе гражданъ и крестьянъ римскихъ нашло свое выраженіе въ реформѣ классоваго и центуріатскаго распорядка, по которой въ центуріатскихъ и трибныхъ комиціяхъ рѣшающимъ были уже не одни только богачи и могущественные люди, но и вся средняя масса народа. Это отношеніе оставалось и во время второй Пунической войны, и хотя сенатъ, органъ нобилитета, уже и рѣшалъ много дѣлъ одинъ, все-таки онъ въ затруднительныя времена, именно по важнѣйшимъ дѣламъ (напр. при избраніи въ консулы П. Корнелія Сципіона въ 210 г.), обращался къ народу, который проявлялъ свою власть, къ тому-же, и при выборахъ должностныхъ лицъ. Это равновѣсіе между знатью и народомъ однако измѣнилось въ пользу первой, какъ только Римъ былъ Македонской войной (200—197 г. до Р. Хр.) втянутъ въ восточную политику. По отношенію къ дѣламъ

далекаго востока съ его совершенно иною культурой у римскаго крестьянина и мѣщанина не было ни пониманія, ни интереса. Какое ему было дѣло до того, воюетъ ли Сирія съ Египтомъ, или владѣетъ ли царь Пергамскій или республика Родосская тѣмъ или другимъ городомъ, названія котораго онъ никогда ранѣе не слышалъ! Онъ конечно преисполнялся гордости, когда мимо него въ тріумфѣ вели такого царя востока, когда показы-

ГРОБНИЦА ЦЕЦИЛІИ МЕТЕЛЛЫ НА VIA APPIA
Фотографія съ натуры

валась несмѣтная добыча, и въ Римъ привозилось въ такомъ множествѣ золото и серебро, что отмѣнялись государственные налоги; но какимъ образомъ достигались такіе успѣхи, какіе для этого были нужны тонкіе шахматные ходы политики, это его не интересовало, если только ему лично не слишкомъ часто приходилось итти на войну, покидая свой домъ и дворъ, пашню и стадо. Вотъ почему внѣшняя политика и вмѣстѣ съ тѣмъ вопросы войны и мира единственно и исключительно рѣшались въ сенатѣ, гдѣ засѣдали люди съ греческимъ образованіемъ, знав-

шіе Элладу и востокъ по собственному наблюденію и гораздо лучше соблюдавшіе выгоду римлянъ, нежели могло это дѣлать народное собраніе. За комиціями оставались только выборы и голосованіе новыхъ законовъ, но и здѣсь народъ все болѣе и болѣе отвыкалъ отъ самостоятельнаго мнѣнія. Онъ выбиралъ тѣхъ, кого называло ему первыми лицо, руководившее выборами, и кого рекомендовало ихъ высокое происхожденіе отъ одной изъ правящихъ фамилій, и обыкновенно онъ утверждалъ лишь законы, предложенные или по крайней мѣрѣ заранѣе одобренные сенатомъ. Послѣдствіемъ этого было то, что хотя введенныя въ 241 г. демократическія формы государственнаго устройства и продолжали существовать, но онѣ примѣнялись въ совершенно аристократическомъ духѣ, и именно такимъ образомъ, что нобилитетъ и его органъ, сенатъ, почти одинъ только руководилъ судьбами государства.

Замкнутость нобилитета отъ народа. Усиленіе могущества сената, которое особенно стало замѣтнымъ съ 200 года до Р. Хр., оттѣсненіе народа отъ общественныхъ дѣлъ, побѣды надъ царями востока, къ тому-же и покорность даже не побѣжденныхъ еще царей, сознаніе, что Римъ рѣшаетъ всѣ споры міра, все это естественно возвышало гордость римской знати. Какъ проявлялась эта гордость по отношенію къ иностраннымъ царямъ, достаточно показано нами выше (стр. 524); но она обнаруживалась и по отношенію къ низшимъ слоямъ римскаго народа. Знать, т.-е., слѣдовательно, соединеніе патриційскихъ и тѣхъ плебейскихъ фамилій, изъ которыхъ обыкновенно выбирались должностныя лица и которыя занимали мѣста сенаторовъ, самымъ ревнивымъ образомъ оберегала свое высокое положеніе и свои привилегіи. Прежде всего эти фамиліи смотрѣли за тѣмъ, чтобы какой-нибудь молодой человѣкъ изъ не принадлежащей къ нобилитету семьи, такъ называемый homo novus, не достигъ высшихъ государственныхъ должностей, какъ-бы ни былъ онъ дѣленъ. По этой причинѣ онѣ и стремились воздвигнуть между собой и народомъ непреодолимыя преграды. Право помѣщать восковыя маски предковъ въ „крыльяхъ“ (alae) атрія (стр. 269) имѣли только семьи служебной знати. Но кромѣ того Сципіонъ Африканскій Старшій, будучи консуломъ, въ 194 г. установилъ, чтобы сенаторскія фамиліи въ театрѣ и въ циркѣ имѣли особыя мѣста. А въ 180 г. трибунъ

Виллій установилъ порядокъ прохожденія служебной карьеры „закономъ о годахъ“ (lex Villia annalis). По этому закону нормальнымъ годомъ для квестуры былъ назначенъ 30-ый. Эдильства искали обыкновенно на 37-омъ году жизни, претуры на 40-омъ, консульства на 43-мъ. Служебная лѣстница знати завершалась цензурой, не связанной съ опредѣленнымъ возрастомъ. Вскорѣ вошло въ обычай отдавать 1,800 всадническихъ мѣстъ въ войскѣ почти только сыновьямъ нобилитета; они же оставались „всадниками съ казенной лошадью“ (equites equo publico), пока того желали, тѣмъ болѣе, что римская конница послѣ Пуническихъ войнъ почти ужъ не отправлялась на войну, а замѣнялась союзнической и болѣе и болѣе превращалась въ аристократическую корпорацію знати. На пальцахъ сенаторы носили широкій золотой перстень, на ногахъ особые башмаки съ пряжкой изъ слоновой кости въ видѣ полумѣсяца (lunula), въ знакъ своего званія; отличіе ихъ сыновей составлялъ золотой медальонъ (bulla) на шеѣ.

Хозяйственный и нравственный упадокъ римскаго народа. Римскіе граждане и крестьяне во вторую половину разсмотрѣннаго періода не только утратили значительную часть своего значенія въ государствѣ, но также понизились ихъ благосостояніе и нравственность. Здравіе и благополучіе крестьянскаго сословія не въ малой степени покоплись на безостановочной раздачѣ земельныхъ участковъ младшимъ, безземельнымъ сыновьямъ, т.-е. на устройствѣ гражданскихъ колоній. Такія колоніи, изъ которыхъ каждая надѣляла 2,000—6,000 бѣднѣйшихъ гражданъ или латинянъ приблизительно 50 югерами пахатной земли, еще въ первыя 30 лѣтъ послѣ войны съ Ганнибаломъ основывались въ большомъ количествѣ (напр. Копія въ области Ѳурій и Вибонъ Валентія 193 г., Бононія [Болонья] 189 г., Пизавръ въ Умбріи 184 г., Мутина [Модена] и Парма 183 г., Аквилея 183—181 гг., Луна 177 г.). Но послѣ битвы при Пидиѣ, которая и въ этомъ дѣлѣ повлекла за собой поворотъ къ худшему, учрежденіе новыхъ колоній прекратилось, не потому, чтобы въ распоряженіи сената не было болѣе общественной земли, но потому, что въ немъ развился взглядъ, что собственно римскій народъ составляетъ знать и что значитъ ей принадлежитъ право владѣнія и эксплуатаціи крупныхъ государственныхъ имуществъ. Послѣдствіемъ

такой слѣпой алчности было скученіе громадныхъ земельныхъ пространствъ (lati fundi—латифундіи) въ рукахъ знати и начинавшееся обѣднѣніе крестьянъ. Но еще болѣе содѣйствовала этому обѣднѣнію мелкихъ землевладѣльцевъ измѣнившаяся система хозяйства. Крупный землевладѣлецъ и крупный капиталистъ были въ состояніи покупать громадныя толпы рабовъ и при помощи этихъ несчастныхъ, кромѣ скудной пищи не получавшихъ никакого вознагражденія, заниматься хлѣбопашествомъ въ большихъ размѣрахъ, на такъ называемыхъ плантаціяхъ съ идущими на цѣлыя мили полями, засѣянными пшеницей. Такимъ образомъ ему пшеница обходилась дешевле, нежели мелкому крестьянину, который съ своими сыновьями воздѣлывалъ свою пашню и притомъ хотѣлъ и долженъ былъ вести образъ жизни, достойный свободнаго человѣка. Но окончательно разорилось крестьянство тогда, когда изъ плодоносныхъ странъ, какъ Сицилія, Африка, Египетъ, стали ввозить въ Италію дешевый хлѣбъ цѣлыми кораблями и продавать его на римскомъ рынкѣ по такой низкой цѣнѣ, что уже невозможно было покрыть стоимость воздѣлыванія его въ Италіи. Крупные землевладѣльцы, правда, также страдали отъ пониженія цѣнъ на хлѣбъ, но не въ той мѣрѣ, какъ мелкое крестьянство. Первые безъ большихъ потерь могли совершенно прекратить на своихъ латифундіяхъ хлѣбопашество и вмѣсто него заняться весьма доходнымъ рыбоводствомъ и свиноводствомъ, или же держать, подъ присмотромъ несвободныхъ пастуховъ, большія стада рогатаго скота, который требовался на римскомъ рынкѣ для жертвоприношеній и убоя: имѣнія мелкаго крестьянина для этого не хватало, онъ попадалъ въ долги, банкрутился и въ концѣ-концовъ ему оставалось только отправиться въ Римъ и взяться въ столицѣ за какое-нибудь мелкое ремесло или погибнуть. А имѣньице его покупалъ знатный сосѣдъ за небольшую цѣну и присоединялъ его къ своимъ владѣніямъ. Такимъ-то образомъ сословіе свободныхъ крестьянъ, на которомъ зиждилась ратная сила и благополучіе государства, съ половины второго вѣка до Рождества Христова рѣдѣло въ ужасающей степени, а взамѣнъ его до необъятныхъ предѣловъ разрасталась масса неимущаго люда въ столицѣ; въ древнемъ Римѣ, значитъ, происходило такое-же явленіе, какое мы наблюдаемъ теперь въ Берлинѣ, который разрастается наподобіе лавины, тогда какъ на громадныхъ

пространствахъ страны количество сельскаго населенія сокращается. Связанный съ сокращеніемъ земледѣлія упадокъ благосостоянія тысячъ народа обнаруживался и въ цензорскихъ спискахъ: въ то время какъ количество римскихъ гражданъ, а въ особенности населеніе самаго Рима быстро росло, падало число тѣхъ гражданъ, состояніе которыхъ дѣлало для нихъ возможнымъ зачисленіе въ классы и доставляло имъ вмѣстѣ съ тѣмъ право ношенія оружія и право голоса. Число попавшихъ въ цензъ гражданъ въ 164 г. составляло еще 337,002, но къ 159 г. оно, вмѣсто того чтобы увеличиться, упало до 328,316, а къ 136 г. даже до 317,923. Итакъ, въ то время какъ возрастало могущество и богатство аристократіи, а неимущій пролетаріатъ увеличивался цѣлыми тысячами, среднее сословіе римскихъ гражданъ непрерывно сокращалось.

Вслѣдствіе этого плохого хозяйственнаго положенія, естественно ухудшались и нравы римскаго народа, особенно въ столицѣ. Этому, конечно, содѣйствовалъ также массовый ввозъ въ Римъ греческихъ и восточныхъ рабовъ, которые, въ качествѣ домашней прислуги, но главнымъ образомъ по отпущеніи на волю, составляли частью весьма опасные элементы римскаго населенія. Уже въ 186 г. до Р. Хр. въ Римѣ былъ открытъ тайный культъ бога Вакха, при которомъ подъ покровомъ ночи совершались всяческія преступленія: развратъ, грабежи, убійства и поддѣлка завѣщаній. Семь тысячъ мужчинъ и женщинъ были замѣшаны въ слѣдствіи и сенатъ счелъ себя вынужденнымъ выступить противъ этихъ преступленій съ особымъ закономъ (senatus consultum de bacchanalibus). Доблестный М. Порцій Катонъ, въ должности цензора, велъ въ 184 году ожесточенную борьбу противъ бравшей верхъ роскоши и усиливавшейся безнравственности. Онъ наложилъ на всѣ одежды, коляски, предметы украшенія, домашнюю утварь, если отдѣльная вещь была стоимостью выше 1,500 драхмъ (около 540 рублей), ежегодно уплачиваемый налогъ въ три процента и посредствомъ цензорскаго выговора исключилъ изъ сената 7 видныхъ членовъ, среди нихъ Л. Квинктія Фламинина, за то, что онъ, будучи консуломъ, собственноручно обезглавилъ въ Галліи вооруженнаго кельта, для развлеченія своей пьяной компаніи. Строгая нравственность Катона вошла у римлянъ въ поговорку и доставила ему почетное прозвище Censorius.

Союзническія области. Возрастающее могущество римской знати было неблагопріятно и развитію положенія римскихъ союзниковъ. Ибо чѣмъ болѣе расширялась пропасть между правящими семьями и простыми гражданами, тѣмъ болѣе эти послѣдніе, въ свою очередь, старались возвыситься надъ тѣми италиками, которые не обладали полнымъ правомъ римскаго гражданства, а должны были довольствоваться латинскимъ правомъ или „правомъ гражданства безъ права голоса“ или положеніемъ союзныхъ, т.-е. подвластныхъ общинъ. Заносчивость гражданъ по отношенію къ латинянамъ и негражданамъ питалась и самимъ нобилитетомъ, для того чтобы нѣкоторымъ образомъ вознаградить римскихъ мѣщанъ за недостаточное ихъ вліяніе на дѣла государства. Правда, однажды—послѣ битвы при Каннахъ—одинъ бывшій римскій консулъ предложилъ сдѣлать римскими сенаторами двухъ гражданъ изъ каждаго города съ латинскимъ правомъ и тѣмъ еще крѣпче прежняго привязать эти общины къ Риму. Но, несмотря на бѣдствія государства, предложеніе это тогда было отвергнуто, и послѣ войны съ Ганнибаломъ положеніе латинскихъ союзниковъ замѣтно ухудшилось. Къ нимъ недолго питали благодарность за то, что собственно только ихъ вѣрность и спасла государство, но все болѣе увеличивали ихъ военныя повинности. Такъ, напр., они почти одни только должны были ставить дорого стоющую конницу. Тѣмъ не менѣе, напр., въ 177 г., союзническимъ солдатамъ при тріумфѣ дана была только половина той части добычи, которая была присуждена римскимъ воинамъ, да и право свободнаго переѣзда для нихъ все болѣе ограничивалось, а когда Порціевыми законами всякій римскій гражданинъ даже внѣ города былъ обезпеченъ отъ бичеванія и казни, это благодѣяніе не было распространено на союзниковъ: они остались подверженными розгамъ и топорамъ римскихъ магистратовъ. Вслѣдствіе всего этого добрыя отношенія, царившія между руководящей общиной и союзниками еще во время войны съ Ганнибаломъ, все болѣе и болѣе исчезали, уступая мѣсто ненависти, страшно разразившейся нѣсколько поколѣній спустя въ Марсійской войнѣ.

Провинціалы, quaestio perpetua repetundarum. Семь большихъ и важныхъ провинцій пріобрѣли римляне за промежутокъ времени отъ начала войны съ Карѳагеномъ (264 г.) до присоединенія Пер-

гамскаго царства (133 г.): Сицилію, Сардинію съ Корсикой, Испанію ближнюю и дальнюю, Африку, Македонію и Азію. Въ каждой изъ этихъ провинцій отъ имени римскаго народа дѣйствовалъ преторъ, который сочеталъ въ своемъ лицѣ власти военную и судебную и стоялъ также во главѣ управленія. Онъ имѣлъ помощникомъ квестора, спеціально для управленія финансами. Оба должностныхъ лица мѣнялись обыкновенно ежегодно. Устраивая провинціи такимъ образомъ, сенатъ ближайшимъ образомъ рѣшительно имѣлъ въ виду ихъ благо: хотѣли какъ можно меньше коснуться самостоятельности отдѣльныхъ городскихъ общинъ, изъ которыхъ состояла каждая провинція, и владычество Рима сдѣлать чувствительнымъ только въ верховномъ руководительствѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ, особенно послѣ битвы при Пиднѣ, измѣнилось настроеніе сената по отношенію къ вассальнымъ государствамъ (стр. 524 слд.), и на провинціи съ тѣхъ поръ стали смотрѣть въ Римѣ совершенно иными глазами. Уже Катонъ будто бы училъ, что провинціи слѣдуетъ разсматривать, какъ „помѣстья“ (praedia) римскаго государства, изъ которыхъ должно какъ можно больше извлекать пользы. Этотъ взглядъ, впрочемъ, требовалъ бы и разумнаго обращенія съ провинціями, для того, чтобы онѣ, подобно хорошо управляемымъ помѣстьямъ, не теряли своей доходности. Но неспособные или алчные намѣстники творили въ провинціяхъ, особенно въ послѣднія десятилѣтія разсмотрѣннаго промежутка времени, больше дурного, чѣмъ хорошаго. Въ особенности могутъ служить для этого примѣромъ позорныя событія испанскихъ войнъ (стр. 552): международное право часто попиралось ногами, и вѣроломствомъ и жестокостью уничтожалось уваженіе подданныхъ къ римскому владычеству. Но и дружественнымъ провинціямъ часто сильно приходилось страдать отъ римскихъ намѣстниковъ. Конечно, среди нихъ даже и послѣ битвѣ при Пиднѣ были почтенные люди, которые совершенно безкорыстно, какъ напримѣръ Сципіонъ Эмиліанъ, имѣли въ виду только благо римскаго государства и провинціи, но большинство изъ нихъ были люди безцеремонные, жестокіе и алчные. За управленіе провинціями они не должны были получать никакихъ особыхъ доходовъ, а только обильныя поставки хлѣба и съѣстныхъ припасовъ для нихъ самихъ и для ихъ свиты и такъ называемыя „столовыя деньги“. Но въ дѣйствительности они требовали, чтобы городскія общины,

вассальные государи, вожди или другіе выдающіеся своимъ богатствомъ граждане дѣлали имъ самые дорогіе подарки въ видѣ золота, серебра и всякаго рода произведеній искусства, или же они, творя правосудіе, брали такія крупныя взятки, что возвращались изъ провинцій домой съ громадными богатствами. Да и вообще совершались своевольства и насилія всякаго рода: консулъ Крассъ, вообще человѣкъ весьма благомыслящій, велѣлъ своимъ ликторамъ выпороть милазскаго городского голову въ Каріи, за то, что тотъ не прислалъ ему, для постройки штурмового тарана, именно такого бревна, какое ему обозначилъ консулъ. Далѣе, на судейскій приговоръ претора не было аппелляціи и онъ, значитъ, былъ въ провинціи неограниченнымъ владыкой.

Только если его вымогательства превышали всякую мѣру, измученные провинціалы могли имѣть слабый лучъ надежды, что, подавъ жалобу въ Римъ, они будутъ признаны правыми, хотя никогда не получатъ вознагражденія. Ибо они могли чрезъ посредство своего патрона обращаться въ Римъ къ сенату, и послѣдній тогда назначалъ чрезвычайную слѣдственную комиссію (quaestio extraordinaria de repetundis), или же какой-нибудь народный трибунъ обвинялъ злодѣя передъ трибнымъ собраніемъ. Но и то и другое случалось очень рѣдко, и къ тому-же вѣдь члены слѣдственной комиссіи были одного званія съ подсудимымъ и по большей части сами поступали не лучше. При такихъ обстоятельствахъ было большой заслугой передъ государствомъ то, что достопочтенный и строгонравственный Л. Кальпурній Фруги, будучи трибуномъ, добился въ 149 г. до Р. Хр. назначенія постояннаго суда (quaestio perpetua de repetundis), который долженъ былъ приговаривать невѣрныхъ и алчныхъ намѣстниковъ къ возмѣщенію убытковъ и къ изгнанію. Но и эта мѣра имѣла недостатокъ въ томъ, что судъ этотъ состоялъ только изъ сенаторовъ. Такимъ образомъ, римскія провинціи были въ очень угнетенномъ положеніи и во многихъ отношеніяхъ беззащитно предоставлены произволу и вожделѣніямъ намѣстниковъ. Но кромѣ того въ провинціяхъ обогащались тысячи римскихъ купцовъ, спекулянтовъ на имѣнія, банкировъ и откупщиковъ податей, дѣла которыхъ пользовались всяческимъ содѣйствіемъ подкупленныхъ римскихъ намѣстниковъ насчетъ провинціальнаго населенія. Не

диво поэтому, если провинціи отъ этой системы управленія все болѣе и болѣе бѣднѣли.

ЛИТЕРАТУРА.

ВѢКЪ, приведшій Римъ къ міровому владычеству, далъ ему, наконецъ, и литературу. Выше (стр. 299 слд.) мы изложили, какіе зачатки литературы существовали уже прежде и какія черты римскаго народнаго характера мѣшали тому, чтобы эти зачатки собственными силами развились до художественной высоты. По завоеваніи Тарента, продолжительное соприкосновеніе римлянъ съ греками Южной Италіи, а вскорѣ и знакомство съ высокообразованными жителями самой Эллады и съ чудными произведеніями ихъ поэзіи пробудили въ Римѣ стремленіе къ подражанію такимъ твореніямъ человѣческаго духа. Такимъ образомъ римская литература стала дочерью греческой, и даже позднѣйшіе римскіе поэты сохранили память о такомъ происхожденіи ихъ искусства; еще Горацій превозносилъ Грецію за то, что она, побѣжденная греческимъ оружіемъ, плѣнила суроваго побѣдителя музами. Но римская литература со временемъ стала значительной и во многихъ отношеніяхъ равной своей матери, греческой. Тѣмъ скромнѣе и незначительнѣе были ея зачатки.

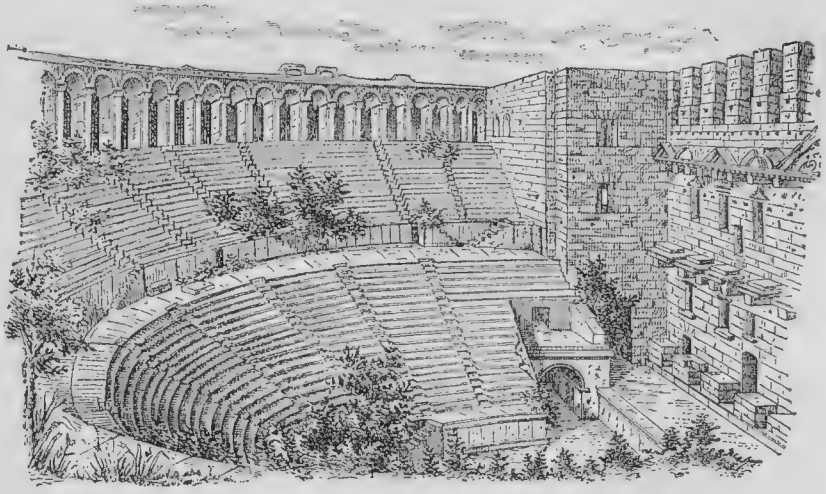
Родъ поэзіи, къ которому римляне издавна имѣли природныя дарованія, былъ драматическій (стр. 301). Характеру италиковъ до сего дня свойственна наклонность къ язвительному діалогу, а также къ патетической (торжественной) декламаціи. Эта наклонность въ древнѣйшее время удовлетворялась небольшими драматическими шутками, такъ называемыми „фесценнинскими играми“ и перешедшими въ Римъ изъ Кампаніи „ателланами“. Но въ основѣ этихъ, сравнительно грубыхъ, произведеній навѣрное не лежалъ письменный текстъ, а только условленный заранѣе планъ; слово предоставлялось минутѣ. Все-же такія сценки, ежегодно повторявшіяся при играхъ, пробудили вкусъ къ драматическимъ представленіямъ. Художественную утонченность внесъ въ нихъ только конецъ первой Пунической войны. Впрочемъ, прежде чѣмъ сообщить дальнѣйшее

объ этомъ предметѣ, разсмотримъ вкратцѣ устройство римскихъ театровъ, какъ оно развилось съ теченіемъ времени.

Театры и сцены. Кто знаетъ могучія развалины греческихъ театровъ, нынѣ еще поражающія своей красотой, размѣрами и прочностью, тотъ удивится тому, какъ долго римляне пользовались для своихъ драматическихъ представленій простымъ деревяннымъ строеніемъ. Такое строеніе оставалось въ Римѣ почти цѣлыхъ два вѣка непостояннымъ пріютомъ драматическихъ представленій: смотря по надобности, оно возводилось и снова разбиралось. Правда, уже въ 154 г. до Р. Хр. начали было строить каменный театръ, но Сципіонъ Назика настоялъ на запрещеніи этой постройки сенатскимъ постановленіемъ, какъ ненавистной богамъ роскоши. Въ старомъ деревянномъ театрѣ мѣсто для зрителей образовывало полукруглую, возвышающуюся къ задней сторонѣ плоскость (cavea), огороженную досками, но не имѣвшую мѣстъ для сидѣнья; только магистратамъ, жрецамъ и сенаторамъ съ 194 г. до Р. Хр. (стр. 562) разрѣшалось ставить свои должностныя кресла въ маленькомъ полукругѣ около сцены, отдѣленномъ отъ мѣстъ для зрителей; это было то пространство, которое греки называли орхестрой и гдѣ у нихъ появлялся хоръ; тамъ было также и возвышенное сидѣнье устроителя праздника. Вообще стояніе во время представленія считалось болѣе приличнымъ для мужчины; этимъ хотѣли также удерживать женщинъ отъ посѣщенія театра. Возвышенная, прямоугольная сцена (proscaenium) была глубже, чѣмъ въ греческомъ театрѣ, потому что хоръ, который, правда, у римлянъ появлялся гораздо рѣже, чѣмъ у грековъ, долженъ былъ также дѣйствовать на сценѣ, вслѣдствіе другого назначенія орхестры. Фонъ сцены составляла досчатая стѣна (scaena). На играхъ по случаю тріумфа надъ Македоніей въ 145 году Муммій впервые велѣлъ устроить для всей публики ряды деревянныхъ сидѣній, подымавшіеся полукругомъ кверху; съ 133 г. до Р. Хр. сцена до начала представленія завѣшивалась занавѣсомъ (aulaeum), который при началѣ пьесы не поднимался кверху, какъ у насъ, а спускался внизъ. Помпей первый выстроилъ въ 55 г. до Р. Хр. для народа каменный театръ, вмѣщавшій будто-бы 40,000 человѣкъ. Въ этомъ театрѣ scaena была украшена колоннами, а позади нея находилась большая галлерея, расположенная вокругъ площади, украшенной фонтанами и статуями; эта

галлерея въ дурную погоду должна была давать убѣжище зрителямъ.

Ливій Андроникъ. До такой роскоши было еще далеко, когда въ 240 г. до Р. Хр. эдилы въ память счастливаго окончанія борьбы съ Карѳагеномъ показали народу на „римскихъ играхъ“ переводную съ греческаго драму. Этотъ праздникъ былъ днемъ рожденія художественной комедіи у римлянъ. При этомъ переводчикомъ, директоромъ и артистомъ въ одномъ лицѣ былъ Ливій Андроникъ, грекъ изъ Тарента, котораго Ливій Салина-



ТЕАТРЪ ВЪ АСПЕНДѢ, ВЪ ПАМФИЛІИ.

торъ привезъ съ собой домой, въ 272 г., еще юнымъ рабомъ и котораго онъ воспиталъ въ своемъ домѣ. Впослѣдствіи ему довѣрено было обученіе дѣтей своего хозяина, и въ награду ему, въ заключеніе, была дарована свобода. Но онъ остался вѣрнымъ дѣлу обученія и содержалъ въ Римѣ школу. И такъ какъ ему, повидимому, не доставало подходящаго матеріала для чтенія его учениковъ, то онъ, еще до выступленія своего въ качествѣ драматурга, перевелъ на латинскій языкъ книгу, которой онъ самъ былъ обязанъ своимъ образованіемъ, именно Одиссею Гомера. Андроникъ пользовался для своей Одиссеи сатурническимъ размѣромъ (стр. 316); она начиналась словами:

„Virúm mihí, Camćna, ínsece versútum".
(„Пой, Камена, мнѣ о хитроумномъ мужѣ").

Само собой разумѣется, этотъ переводъ былъ тяжеловѣсенъ и неуклюжъ; вѣдь онъ былъ только первой попыткой сложить въ эпосъ грубыя еще формы языка Лаціума. И все-таки это произведеніе было грандіознымъ подвигомъ и долгое время пользовалось большимъ уваженіемъ; еще Горацій жаловался на то, что его „драчливый учитель Орбилій" вбивалъ въ него палкой неуклюжіе стихи Ливія Андроника. Позже онъ пробовалъ свои силы въ переработкѣ греческихъ комедій и трагедій, а въ преклонномъ возрастѣ даже на лирическомъ поприщѣ. Именно въ 207 г., когда хотѣли отвратить молитвами къ богамъ опасность, угрожавшую отъ Гасдрубала, онъ сочинилъ пѣснь для процессій римскихъ дѣвушекъ. Онъ умеръ въ весьма преклонныхъ лѣтахъ въ 204 году, доживъ еще до того момента, когда новому цеху „писцовъ и актеровъ" отведено было особое помѣщеніе въ храмѣ Минервы на Авентинѣ.

Виды римскихъ театральныхъ пьесъ. Дѣло эдиловъ 240 г. пробудило подражаніе, и, послѣ того какъ Ливій Андроникъ положилъ только начало болѣе художественной драмы, на сцену явились и другіе поэты, поставлявшіе, по большей части по греческимъ образцамъ, театральныя пьесы для обыкновенныхъ игръ и для чрезвычайныхъ случаевъ. Среди нихъ различался цѣлый рядъ видовъ, смотря по происхожденію темы и по костюму дѣйствующихъ лицъ.

Большая часть трагедій имѣла темою греческіе миѳы о богахъ и герояхъ и большей частью примыкала къ Эврипиду. При костюмировкѣ героевъ длинное влачащееся царское одѣяніе замѣнялось двойной тогой, какую носили фламины (стр. 91) при жертвоприношеніяхъ, а вмѣсто высокаго греческаго котурна, долженствовавшаго увеличивать естественный ростъ актеровъ, употреблялся деревянный башмакъ на толстой подошвѣ и высокихъ каблукахъ изъ дерева или кожи, называвшійся crepida; отсюда трагедія, развивавшая греческую героическую тему, носила названіе fabula crepidata („пьеса въ греческомъ котурнѣ"). Если же, напротивъ, изображался предметъ національный римскій, то цари и полководцы носили тогу съ пурпуровой каймой, toga praetexta; отсюда такая пьеса называлась fabula praetextata

(„пьеса въ пурпуровой тогѣ“). Главнымъ костюмомъ въ комедіи, если она трактовала греческую тему, былъ pallium, поэтому такія пьесы назывались fabula palliata („комедія въ греческомъ костюмѣ“). Этотъ палліи у стариковъ былъ бѣлаго цвѣта, у юношей—пестраго, а молодыя женщины носили короткую накидку шафранового цвѣта (ricinum). Если предметъ былъ заимствованъ изъ римской или италійской жизни, то дѣйствующія лица появлялись также въ италійскомъ національномъ костюмѣ, тогѣ; отсюда этотъ видъ комедіи назывался fabula togata или же, такъ какъ онъ обыкновенно происходилъ въ мѣщанской обстановкѣ, назывался также fabula tabernaria („лавочная комедія“).

Впрочемъ обстановка сцены и костюмировка дѣйствующихъ лицъ долгое время оставались очень простыми. Такъ какъ и женскія роли исполнялись актерами, то лицо ихъ расписывалось соотвѣтствующимъ образомъ, а руки выбѣливались гипсомъ. Возрастъ и характеръ обозначались черными, красными и бѣлыми париками; кромѣ того животъ, напр. у невоздержныхъ людей и прихлебателей, соотвѣтственнымъ образомъ подбивался. Лишь около 130 г. до Р. Хр. вошло въ обычай увеличивать силу голоса актера маской (persona), надѣвавшейся на лицо. Этою маской впослѣдствіи указывалась грубымъ образомъ и важнѣйшая черта характера у даннаго лица. Вмѣстѣ съ общимъ утонченіемъ жизни мало-по-малу появились также вращающіяся кулисы и подвижные фоны, провалы, летательные снаряды и приспособленія, благодаря которымъ актеры могли висѣть на воздухѣ.

Невій (ум. 207 г. до Р. Хр.). Первымъ свободнорожденнымъ италикомъ, о которомъ намъ извѣстно, что онъ обратился къ новой латинской поэзіи, былъ Гней Невій изъ Кампаніи, который во всякомъ отношеніи, даже въ смыслѣ личности, былъ значительнѣе Андроника. Онъ сражался, служа въ римскомъ войскѣ, во время первой Пунической войны и по заключеніи мира поселился въ Римѣ, гдѣ онъ на грубомъ, но сильномъ и ясномъ языкѣ эпически воспѣлъ эту войну (Bellum Poenicum) и сочинялъ также трагедіи и комедіи. Если онъ говорилъ о себѣ (переводъ взятъ у Модестова):

„Всегда цѣнилъ свободу
И ставилъ я ее гораздо выше денегъ“,

то онъ дѣйствительно оправдывалъ такой образъ мыслей на дѣлѣ. Онъ бралъ на себя смѣлость, какъ нѣкогда Аристофанъ въ Аѳинахъ, бичевать порокъ и глупость, гдѣ только находилъ ихъ, и нападать даже на правящихъ господъ въ Римѣ, на Сципіона, Метелла и другихъ. До насъ еще сохранился его насмѣшливый стихъ на неспособныхъ Метелловъ:

„Fató Metélli Rómae—cónsulés fíunt“
(„Злой рокъ даетъ для Рима—консуловъ Метелловъ“)

и отвѣтъ оскорбленныхъ:

„Malúm dabúnt Metélli—Naévió poétae“
(„Высѣкутъ Метеллы—Невія поэта“).

Но такая смѣлость тотчасъ же вызвала вмѣшательство римской полиціи. Она безъ дальнихъ словъ посадила дерзкаго поэта въ тюрьму, изъ которой его выпустили только тогда, когда онъ нѣсколькими комедіями, сочиненными въ заключеніи, добился общаго одобренія. Несмотря на этотъ опытъ, онъ и впослѣдствіи не могъ придержать своего языка; но новыхъ мѣръ ограниченія онъ избѣгъ добровольнымъ удаленіемъ въ Утику, гдѣ онъ и закончилъ свою жизнь.

Благодаря Невію, драматическая поэзія у римлянъ стала многостороннѣе. Въ трагедіи онъ не только разрабатывалъ fabula crepidata („пьесы на греческомъ котурнѣ“), но и сталъ изобрѣтателемъ fabula praetextata („пьесы въ тогѣ“), въ которой изображались національные римскіе предметы и которая ставилась особенно при похоронныхъ и тріумфальныхъ играхъ. Въ его „Ромулѣ“ трактовалось сказаніе объ основаніи города Рима, въ его драмѣ „Кластидій“ — изображалась рѣшительная борьба между римлянами и галлами, въ которой Марцеллъ собственноручно уложилъ надменнаго вождя Виридомара. Особенно же дарованія Невія указывали ему на комедію. Онъ перерабатывалъ всего болѣе комедіи грека Менандра для римской сцены, но не оставался въ рабской зависимости отъ своего оригинала, а давалъ волю собственному генію, вставляя цѣлыя сцены, въ которыхъ изображалась римская жизнь и появлялись лица изъ Пренесте и Ланувія, какъ представители мелкихъ италійскихъ городовъ.

Кв. Энній (239—168). Еще болѣе плодовитымъ, чѣмъ Невій, былъ третій родоначальникъ римской литературы: Кв. Эннiй. Онъ

родился въ 239 г. до Р. Хр. въ Рудіяхъ, въ Калабріи, въ области, гдѣ говорили на трехъ языкахъ: осскомъ, греческомъ и латинскомъ; поэтому онъ похвалялся въ шутку, что у него въ груди три души. Онъ служилъ солдатомъ во время войны съ Ганнибаломъ; въ 204 г. былъ центуріономъ въ Сардиніи и познакомился тамъ съ квесторомъ М. Порціемъ Катономъ, который взялъ его съ собой въ Римъ. Здѣсь онъ въ качествѣ учителя и поэта вступилъ въ близкія сношенія съ семьями Сципіоновъ, Квинктіевъ и Фульвіевъ; въ особенности пользовался онъ покровительствомъ стар-

СЦЕНА ИЗЪ КОМЕДІИ.
Мозаика въ Національномъ музеѣ въ Неаполѣ.

шаго Сципіона и Фульвія Нобиліора. Послѣдній, будучи консуломъ, взялъ его въ 189 г. съ собой въ Этолію, въ ряды своей преторіанской когорты: такое отличіе поэта въ тѣ времена не могло не броситься въ глаза и навлекло на Фульвія упрекъ строгаго Катона. А когда въ 184 г. сынъ этого Фульвія основалъ въ Ипценѣ колоніи Пизавръ и Потентію, то и Энній получилъ право гражданства и участокъ земли. Но онъ остался въ Римѣ, предаваясь утѣхамъ своей музы и не отказывая себѣ въ веселомъ наслажденіи жизнью за хорошимъ столомъ и искристымъ виномъ; умеръ онъ въ 168 г. до Р. Хр. отъ подагры.

Величайшая заслуга Эннія заключается не только въ его поэтическихъ произведеніяхъ, но столько-же въ его заботахъ о латинскомъ языкѣ. Подобно тому, какъ впослѣдствіи Цицеронъ упорядоченіемъ строенія предложеній и періодовъ и соблюденіемъ ритмическаго движенія даже въ прозѣ довелъ этотъ языкъ до его грандіозной красоты и величія, такъ Энній сдѣлался мастеромъ, отсѣкавшимъ безобразное, создававшимъ и распространявшимъ благородное и красивое въ словообразованіи. Для своихъ произведеній онъ болѣе уже не пользовался древнимъ безпорядочнымъ сатурническимъ размѣромъ, допускавшимъ всевозможный произволъ въ долготѣ и краткости слоговъ, а ввелъ для этого, съ геніальнымъ пониманіемъ нуждъ тогдашней латыни, дактилическій гекзаметръ

и чрезъ это установилъ измѣреніе слоговъ по количеству, какъ нерушимый законъ римскаго стихосложенія. „Господство двусложныхъ словъ и формъ прекратилось подъ вліяніемъ дактилическаго ритма, допускавшаго болѣе богатое разнообразіе многосложныхъ стопъ; строгое требованіе краткости или долготы прогнало безпорядочный сбродъ слоговъ средней долготы“. Но кромѣ того онъ старался возстановить древнія полнозвучныя флексіи, которыя въ будничномъ обиходѣ латинскаго языка грозили совершенно исчезнуть, ввелъ въ письмо двойныя согласныя, точнѣе опредѣлилъ гласныя: словомъ, онъ сдѣлалъ для латинскихъ языка и метрики такое-же важное дѣло, какое сдѣлали для нѣмецкихъ Лютеръ и Клопштокъ.

Его большое поэтическое дарованіе ко всему торжественному и патетическому, равно какъ къ проницательному пониманію и изображенію великихъ моментовъ толкало пылкаго калабрійца особенно къ трагедіи и къ эпосу. Его греческимъ образцомъ въ трагедіи былъ Эврипидъ; его „Андромаха въ плѣну“, напр., была подражаніемъ „Троянкамъ“, его „Медея въ изгнаніи“ и „Медея въ Аѳинахъ“ были подражаніями „Медеѣ въ Коринѳѣ“, „Эгею“ Эврипида. Національно-римскія темы разрабатывалъ онъ въ „Похищеніи сабинянокъ“ и во „Взятіи Амбракіи“, которое вѣроятно было поставлено въ 186 г. на тріумфальныхъ играхъ его покровителя, Фульвія Нобиліора.

Въ формѣ эпоса онъ трактовалъ подвиги Старшаго Сципіона въ войнѣ съ Ганнибаломъ, но прежде всего всю исторію своего народа вплоть до его времени въ исполинскомъ произведеніи „Анналы“ („Лѣтопись“), состоявшемъ изъ 18 книгъ и изъ 30,000 гекзаметровъ, отъ которыхъ, правда, сохранились лишь отдѣльные отрывки, въ общемъ приблизительно до 600 стиховъ.

Произведеніе это начиналось съ видѣнія, которое явилось поэту на Парнасѣ, древнемъ сѣдалищѣ Аполлона и музъ. Тѣнь Гомера, поднявшаяся изъ глубины преисподней, является ему и возвѣщаетъ ему его призваніе показать народамъ Италіи вѣчнозеленѣющій вѣнокъ поэзіи. Послѣ этого онъ проситъ у музъ содѣйствія, хотя вполнѣ сознаетъ и свое собственное искусство, пріобрѣтенное стараніемъ. Затѣмъ уже настоящее повѣствованіе связываетъ—какъ до него поступилъ Невій — разрушеніе Трои съ основаніемъ Рима Ромуломъ и Ремомъ, внуками Энея и сыновьями Марса. Значитъ, альбанская династія (Амулій и Нумиторъ) поэту еще неизвѣстна. Затѣмъ слѣдовала исторія царскаго періода и республики въ неравномѣрной обработкѣ, такъ что особенно интересныя положенія и захватывающія сцены, какъ, напр., бой Горацієвъ и Куріацієвъ, борьба съ Пирромъ были изложены подробнѣе. Болѣе половины этого труда было посвящено исполинской борьбѣ съ Карѳагеномъ и войнамъ съ востокомъ. Вся поэма дышала гордымъ римскимъ духомъ; въ концѣ ея онъ самъ справедливо хвалится: „Мы теперь римляне стали, а прежде мы были рудійцы“. Поэтому „Лѣтопись“ Эннія считалась священной книгой римлянъ, прежде чѣмъ ее смѣнила въ этой роли „Энеида“ Виргилія. Отдѣльныя части изъ нея декламировались, подъ аккомпанементъ арфы, странствующими рапсодами. А самъ поэтъ въ болѣе преклонныхъ лѣтахъ упивался сознаніемъ, что взялъ надлежащій тонъ для воодушевленія своихъ единоплеменниковъ; онъ поетъ:

Хвала тебѣ, о Энній поэтъ, за то, что ты
Сердца людей жегъ огненнымъ своимъ стихомъ.

Замѣчательна также эпитафія, которую впослѣдствіи сочинилъ въ честь его ученый Варронъ (переводъ взятъ у Модестова):

„Граждане, о посмотрите на стараго Эннія образъ!
Славные онъ воспѣвалъ подвиги вашихъ отцовъ.
Не почитайте меня ни слезами, ни похоронным ъ
Вопленъ. Зачѣмъ? Я живой буду порхать по устамъ“.

Плавтъ (250—184 гг. до Р. Хр.). Въ то время какъ Эннiй пробуждалъ интересъ образованныхъ круговъ своего народа къ національной исторіи и къ грандіознымъ греческимъ трагедіямъ, тема которыхъ заимствовалась изъ сказаній о богахъ и геройхъ, другой поэтъ услаждалъ и стараго, и малаго, знать и простой народъ своимъ талантомъ приноравливать ко вкусамъ римской публики греческія комедіи, такъ называемую fabula palliata („комедію въ греческомъ костюмѣ“). Это былъ Т. Макцій Плавтъ, родившійся около 250 г. до Р. Хр. въ Сарсинѣ, въ Умбріи, человѣкъ низкаго происхожденія и изъ бѣдной семьи. Такъ какъ онъ потерпѣлъ неудачу въ различныхъ торговыхъ спекуляціяхъ, то онъ поселился въ Римѣ, гдѣ сталъ писать комедіи, большей частью по оригиналамъ Менандра, Филемона и Дифила, и продавать ихъ эдиламъ. Пріобрѣтенное такимъ путемъ состояніе онъ потерялъ опять въ неудачныхъ торговыхъ предпріятіяхъ, такъ что нѣкоторое время ему приходилось даже влачить жизнь батрака на мельницѣ. Умеръ онъ около 185 или 184 года, не задолго до великаго Сципіона. Вотъ какъ мало знаемъ мы о жизни человѣка, поэтическія произведенія котораго не только производили громадное дѣйствіе на его современниковъ, но оказывали значительное вліяніе и далѣе, вплоть до нашего времени. Сохранилось двадцать комедій Плавта, а отъ 21-ой большіе отрывки. Такую неразрушимую жизнеспособность проявили эти произведенія легкокрылой музы особенно, вѣроятно, благодаря смѣлости и свѣжести, съ которой они набросаны, и благодаря неистощимому юмору, развертывающемуся въ обрисовкѣ характеровъ и въ комическихъ положеніяхъ всякаго рода. Предъ нами раскрывается цѣлый особый міръ, когда мы снова оживляемъ эти пьесы предъ нашимъ духовнымъ взоромъ тѣлесными образами. На сценѣ является передъ нами отецъ либо достойнымъ любви, очень приличнымъ старикомъ, который спокойно наслаждается пріобрѣтеннымъ богатствомъ и самыми благородными средствами стремится къ благу сына, либо ворчливымъ скрягой, который самъ въ молодости велъ распутную жизнь, а сыну во всемъ отказываетъ. Мы находимъ здѣсь добродушнаго въ глубинѣ сердца, но легкомысленнаго сына, угрожающаго расточить деньги отца любовными исторіями, но въ концѣ-концовъ излѣчиваемаго разумнымъ бракомъ; мы видимъ прихлеба-

теля (паразита), карикатуру на кліентовъ древняго времени, то въ образѣ эгоистическаго, вѣчно голоднаго, безчестнаго льстеца хозяина дома, то въ образѣ безсовѣстнаго товарища легкомысленнаго сына, наконецъ—оборваннаго, буквально „травимаго всѣми собаками“ раба, которой тайно помогаетъ молодому барину въ его любовныхъ исторіяхъ, нахально лжетъ и обманываетъ хозяина, неоднократно уже приговаривался къ смертной казни чрезъ бичеваніе или распятіе на крестѣ, и все-таки постоянно выходитъ цѣлымъ изъ бѣды, подобно сорной травѣ, никогда не гибнущей. Мы видимъ старую служанку, расплачивающуюся за всѣ капризы хозяина, и, наконецъ, легкомысленную кокетку, притворяющуюся любящей, но только и думающую, какъ бы нахватать больше денегъ и украшеній. Осложненія, наступающія во взаимныхъ отношеніяхъ этихъ лицъ, часто распутываются рядомъ простыхъ случайностей. Часто проводится искусная интрига; порою цѣлью пьесы является возбужденіе въ зрителяхъ благородныхъ чувствъ и умиленія, какъ, напримѣръ, въ „Военноплѣнныхъ“ („Captivi“), которыхъ Лессингъ объявилъ самой совершенной комедіей, какая когда-либо сочинялась. Другія комедіи Плавта изображаютъ типы. Разсмотримъ, чтобы сдѣлать себѣ представленіе о поэзіи Плавта, самую знаменитую пьесу этого рода, „Кубышку“ (Aulularia), грандіозную характеристику „скупого“, которой, какъ извѣстно, подражалъ французъ Мольеръ

1 2

Терракоттовыя статуэтки, изображающія типы изъ Palliata.
1. Рабъ. 2. Надменный франтъ-банкиръ.

въ своемъ „L'avare". Прологъ произноситъ гнѣвающійся духъ—покровитель дома. Изъ него мы узнаемъ, что старикъ Эвкліонъ зарылъ свое золото въ горшкѣ въ домѣ, и что вся его жизнь посвящена единственно заботамъ о дорогомъ богатствѣ. Затѣмъ появляется самъ Эвкліонъ и въ первой сценѣ выгоняетъ палкою старую служанку Стафилу изъ дому, чтобъ она ему не мѣшала при созерцаніи клада. Однако послушаемъ его самого (въ переводѣ М. П—скаго):

Эвкліонъ: Пошла!—сказалъ тебѣ—пошла отсюда!
Клянусь, сейчасъ пойдешь ты у меня,
Лазутчица глазастая, отсюда. (*Бьетъ служанку*).
Стафила: За что же бьешь несчастную меня?
Эвкліонъ: Чтобъ ты была дѣйствительно несчастной.
Стафила: Но изъ дому зачѣмъ же выгоняешь?
Эвкліонъ: Вотъ такъ сейчасъ и дамъ тебѣ отчетъ,
Избойна! Подальше отъ дверей-то!..
А вотъ возьму я палку или бичъ,
Такъ и пойдешь не черепашьимъ шагомъ.
Стафила (*тихо*): Да лучше мнѣ сейчасъ же удавиться,
Чѣмъ у тебя служить!
Эвкліонъ: Еще бормочетъ,
Негодная, ворчитъ себѣ сквозь зубы!
Я выколю глаза тебѣ, клянусь я,
Чтобъ не могла подсматривать за мной.
Иди же!.. ну!.. еще... еще немного...
Довольно! стой! И тронься только съ мѣста
На перстъ одинъ, на поготокъ—не больше—
Да оглянись, пока я не дозволю,
Клянусь, тебѣ на висѣлицѣ быть!..
— Мнѣ кажется я съ роду не видалъ
Еще такой разбойницы старухи!
Боюсь ея: она меня обманетъ,
И съ-дуру я въ ловушку попадусь;
Подстережетъ она, пожалуй, ловко—
Гдѣ золото хранится у меня.
У ней глаза вѣдь есть и на затылкѣ.
(*Входитъ въ домъ взглянуть на золото и затѣмъ возвращается*)
Теперь войди и наблюдай за всѣмъ.
Ступай домой, замкни покрѣпче двери,
А я сейчасъ приду сюда. Смотри же,
Ко мнѣ чужого не впусти!
Стафила: А за огнемъ придутъ ко мнѣ сосѣди?!
Эвкліонъ: Такъ потуши, и повода не будетъ
Искать огня... и ежели огонь
Замѣчу я, такъ ты сама потухнешь
Въ мгновеніе; а кто воды попроситъ—
Скажи, что нѣтъ, что вышла. Зачастую
Приходятъ къ намъ за ступкой, за пестомъ
И за ножемъ, и за сѣкирой,—словомъ
Скажи, что нѣтъ, что воры утащили...
Хоть завернетъ благая къ намъ Фортуна,
Ты и благой Фортуны не пускай.

Смотри, запрись покрѣпче на задвижки,
А я сейчасъ опять вернусь домой.
(*Стафила уходитъ*).
Мнѣ изъ дому ходить одно мученье!
Да и теперь иду я поневолѣ;
Сегодня намъ курульнымъ магистратомъ,
Какъ онъ сказалъ, раздача денегъ будетъ:
И не пойди, не попроси я только—
Сейчасъ же всѣ и заподозрятъ разомъ,
Что золото есть въ домѣ у меня...
Хоть я отъ всѣхъ рачительно скрываюсь,
Чтобы никто не могъ смекнуть о кладѣ,
Но, кажется, ужъ всѣ узнали тайну:
Ужъ всѣ меня привѣтствуютъ нѣжнѣе,
Чѣмъ нѣкогда, подходятъ, говорятъ
И руки жмутъ; разспрашиваютъ всѣ,
Здоровъ ли я, что́ дѣлаю, чѣмъ занятъ.

Затѣмъ онъ обручаетъ свою дочь, вопреки ея желанію, съ Мегадоромъ, богатымъ холостякомъ изъ сосѣдей. Послѣ этого онъ хочетъ закупить все нужное для свадебнаго пира, но возвращается домой только съ небольшимъ количествомъ ладана и нѣсколькими дешевыми вѣнками, все прочее показалось ему слишкомъ дорогимъ. И съ поварами, готовящими праздничный обѣдъ, онъ начинаетъ ссору и выгоняетъ ихъ изъ дома, какъ воровъ. Даже въ приглашеніи жениха его дочери выпить вина, онъ чуетъ злое намѣреніе напоить его и въ пьяномъ видѣ выманить у него тайну, гдѣ зарыта кубышка. Но наконецъ онъ самъ себя выдаетъ. Въ то время, какъ онъ собирается перенести свой кладъ изъ дома въ рощу при храмѣ, его подслушиваетъ рабъ Ликонида, возлюбленнаго его дочери; онъ-то затѣмъ и похищаетъ кладъ. Отчаяніе скряги отъ этого удара описано прямотаки захватывающимъ образомъ. Но мало-по-малу запутанный узелъ комедіи развязывается. Черезъ Ликонида онъ получаетъ кладъ свой обратно и въ благодарность за это отдаетъ ему дочь, которую тотъ давно уже желалъ себѣ въ жены. Но черезъ потрясеніе, связанное съ потерей и вторичнымъ пріобрѣтеніемъ клада, Эвкліонъ, наконецъ, познаетъ самого себя; онъ убѣждается, что золото не стóитъ выстраданныхъ изъ-за него страховъ, и становится другимъ человѣкомъ.

Почти столь-же знаменито, какъ характеристика скупого, и описаніе хвастливаго солдата въ „Miles gloriosus“, который на словахъ нагромождаетъ передъ собою цѣлыя горы убитыхъ враговъ, въ состояніи голой рукой насквозь пробить слона, а на

дѣлѣ есть не что иное, какъ жалкій трусъ, влюбляющійся во всякую женщину.

Разсматривая характеры, столь наглядно описываемые въ комедіяхъ Плавта, мы должны себя спросить, дѣйствительно ли существовали такіе люди въ Римѣ временъ Плавта въ такомъ большомъ числѣ, чтобы ихъ можно было считать типами тогдашняго римскаго народа. Это навѣрное не такъ. Ибо римскій центуріонъ войска изъ гражданъ во время войны съ Ганнибаломъ ничего не имѣетъ общаго съ тѣмъ полугреческимъ, полуазіатскимъ офицеромъ-вербовщикомъ, который составляетъ оригиналъ „хвастливаго солдата“, и ужъ во всякомъ случаѣ въ римскомъ домѣ не господствовалъ ни легкомысленный сынъ, ни нахальный рабъ, а хозяинъ дома, въ силу своей отеческой власти. Значитъ, римляне смѣялись надъ выведенными Плавтомъ положеніями и характерами съ гордымъ сознаніемъ, что у нихъ въ городѣ и въ домѣ дѣло обстоитъ лучше. Но, конечно, долговременное изображеніе такой греческой безнравственности на сценѣ пробудило, наконецъ, и подражаніе ей въ жизни и содѣйствовало расшатыванію и разрушенію древней дисциплины и нравовъ.

Теренцій (185—159 гг. до Р. Хр.). Послѣ Плавта, Теренцій Афръ (Африканецъ) пріобрѣлъ себѣ одобреніе знатнаго, тонко образованнаго свѣта, хотя и не пользовался успѣхомъ у народа, которому художественность плана, изящество діалога и тщательное развитіе характеровъ менѣе приходились по вкусу, чѣмъ мощный комизмъ его предшественника. Когда исполнялась какая-нибудь пьеса Теренція, зрители часто убѣгали изъ театра посмотрѣть на акробатовъ или атлетовъ. Разсказывали, будто собственно пишетъ эти пьесы Г. Лелій, а Теренцій и П. Сципіонъ Африканскій являются при этомъ только его помощниками, противъ чего Теренцій очень тонко протестуетъ въ своемъ прологѣ къ „Братьямъ“ (Adelphi). Онъ былъ карѳагенскаго происхожденія, родился около 200 г. до Р. Хр., вскорѣ послѣ второй Пунической войны былъ уведенъ морскими разбойниками изъ своего отечества, проданъ въ неволю, но отпущенъ своимъ господиномъ за свои тѣлесныя и духовныя преимущества.

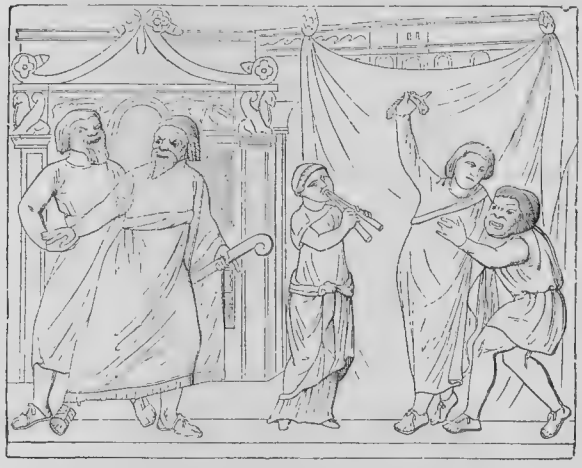
Онъ считался уже первымъ писателемъ-комикомъ своего времени, когда онъ въ 26-ти лѣтнемъ возрастѣ, въ 159 году, предпринялъ путешествіе въ Грецію, чтобы лично присутствовать въ

Аѳинахъ на комедіяхъ и черезъ это получить вдохновеніе для новыхъ произведеній. Но на обратномъ пути корабль его потерпѣлъ крушеніе у мыса Малеи, самъ онъ, правда, былъ спасенъ, но умеръ недолго спустя въ Стимфалѣ, въ Аркадіи. Отъ него сохранилось шесть пьесъ. Первою была поставлена въ 166 г. до Р. Хр. „Andria“, „семейная пьеса приличнаго и благороднаго характера, въ которой добродушный юноша Памфилъ, противъ воли отца, получаетъ возможность жениться на своей любовницѣ Глике-ріи, такъ какъ она оказывается долгое время пропадавшей безъ вѣсти сестрою предназначенной ему отцомъ въ невѣсты Филумены“. Затѣмъ слѣдовали „Несуга“, „Hauton timorumenos“ („Самомучитель“), „E u n u c h u s“, „Phormio“ и наконецъ „Adelphi“ („Братья“), впервые поставленные въ 160 г. на играхъ при погребеніи Эмилія Павла.

ТЕРЕНЦІЙ.
Мраморный бюстъ.

Трагедія. Пакувій и Акцій. Между тѣмъ и римская трагедія

достигла своего высшаго расцвѣта. Прежде всего продолжателемъ Эннія былъ его племянникъ, по сестрѣ, М. Пакувій, родившійся около 200 г. въ колоніи Брундизіѣ и умершій около 132 г. въ Тарентѣ. Изъ его произведеній извѣстны одиннадцать заглавій fabula crepidata, а также одна praetextata, „Павелъ“, трактовавшая побѣду Эмилія Павла надъ Персеемъ Македонскимъ (168 г.).



СЦЕНА ИЗЪ «АНДРОССКІ».

Болѣе величественными и полнозвучными были поэтическія произведенія Луція Акція, которыя еще въ вѣкъ Цицерона считались образцовыми. Онъ родился въ 170 г. въ Пизаврѣ и умеръ въ преклонныхъ лѣтахъ въ Римѣ, такъ что его еще видѣлъ живымъ Цицеронъ, родившійся въ 106 году. Большая часть его трагедій изображала греческія темы изъ троянскаго, ѳивскаго и микенскаго цикла сказаній. Но онъ превосходилъ всѣхъ своихъ предшественниковъ и преемниковъ огнемъ своего темперамента, глубокимъ, почти страстнымъ чувствомъ и цвѣтистыми описаніями. Кромѣ того, черезъ его пьесы проходитъ республиканскій духъ, который особенно въ вѣкъ борьбы между республикой и монархіей въ Римѣ дѣлалъ ихъ пріятными и дорогими для приверженцевъ республики. По этой причинѣ слѣдуетъ подчеркнуть въ осо-

Теренцій.
Медаль-unicum въ Готскомъ музеѣ.

бенности двѣ національныя пьесы,—его „Брута“, гдѣ описываются дѣянія и судьбы основателя римской республики, и его „Энеадовъ“, въ которыхъ прославляется самопожертвованіе младшаго П. Деція Мура при Сентинѣ (295 г.).

Сатиры Луцилія. Впрочемъ не одна только греческая драма, но и греческая философія привилась у римлянъ въ вѣкъ Пуническихъ войнъ и сочеталась съ ученіями и предписаніями древнѣйшей простой римской житейской мудрости, какъ ее излагалъ напр. Аппій Клавдій. Вскорѣ почувствовали потребность высказываться и о философскихъ предметахъ всякаго рода, въ особенности объ этическихъ вопросахъ, въ возможно непринужденной, занимательной формѣ. Такъ возникла новая форма поэзіи, сатира, впервые появляющаяся у римлянъ. Названіе это (satura) обозначаетъ блюдо, наполненное всякими плодами, или паштетъ, состряпанный изъ массы составныхъ частей. Въ сатирѣ чередуются проза и поэзія, діалогъ и монологъ, и къ тому-же она отличается самымъ пестрымъ разнообразіемъ выраженія и стихотворнаго размѣра. Первымъ сочинялъ сатиры Энній, чтобы возможно-непринужденно преподносить своимъ согражданамъ всякіе разсказы и басни, описанія типовъ, напр. паразита, но также и „Борьбу между жизнью и смертью“. Усовершенствованъ былъ этотъ родъ поэзіи особенно Гаемъ Луциліемъ, римскимъ всадникомъ изъ Суэссы въ области аврунковъ, который родился въ 180 г. до Р. Хр., впослѣдствіи принадлежалъ къ кругу друзей Сципіона Эмиліана, Полибія, Панетія и другихъ (стр. 537) и умеръ въ 103 г. въ Неаполѣ. Онъ оставилъ послѣ себя 30 книгъ сатиръ; но хотя отъ нихъ сохранилось только до 1,200 отдѣльныхъ стиховъ, все-таки мы уже при помощи этихъ небольшихъ отрывковъ

ЮНОША ПОДЛѢ SCRINIUM.
Съ рельефа на саркофагѣ.

можемъ бросить взглядъ на обиліе предметовъ, трактовавшихся имъ съ сильнымъ остроуміемъ и тонкой наблюдательностью. Тутъ выводятся и караются крѣпкимъ бичемъ насмѣшки высокомѣрные и вмѣстѣ съ тѣмъ ограниченные аристократы, невоздержные кутилы, алчные намѣстники, ненасытные откупщики податей, лѣнивые кліенты, низкіе льстецы. Но у поэта не видно и слѣда горечи или уныніе: онъ смѣется надъ начинающимся вырожденіемъ своего времени и надѣется, что Юпитеръ все-таки сохранитъ его народъ великимъ, сильнымъ и здоровымъ. Послѣдователемъ Луцилія впослѣдствіи признавалъ себя Горацій.

Римская исторіографія и спеціальная литература. Позднѣе и гораздо медленнѣе поэзіи развилась прозаическая литература. Извѣстные зародыши исторіографіи были даны въ записяхъ, которыя, приблизительно со второй Самнитской войны, ежегодно обнародывалъ верховный жрецъ. Хотя въ этихъ таблицахъ вначалѣ имѣли перевѣсъ сообщенія сакральнаго характера, напр., о наблюдавшихся чудесныхъ знаменіяхъ, о большой дороговизнѣ съѣстныхъ припасовъ, о наводненіяхъ, но все-таки навѣрное въ нихъ упоминалось и каждое объявленіе войны, и каждый тріумфъ, и многія другія политически важныя событія. Эти „жреческія таблицы“ впослѣдствіи—около 120 г. до Р. Хр.—собралъ Pontifex maximus Кв. Муцій Сцевола въ 80 книгъ. Это такъ называемая „большая лѣтопись“ (annales maximi), представлявшая изъ себя расположенную по годамъ, хотя и очень скудную хронику города; о прежнихъ вѣкахъ (до Самнитскихъ войнъ и въ особенности до галльскаго вторженія), отъ которыхъ сохранилось лишь немного записей на камнѣ и бронзѣ, напр. первый торговый договоръ съ Карѳагеномъ (стр. 82), эта городская хроника, естественно, содержала только произвольныя предположенія и вычисленія. Но уже до этой редакціи „таблицъ понтифика“ Сцеволою, другіе римляне начали набрасывать анналы (лѣтописи) римской исторіи, и притомъ вначалѣ на греческомъ языкѣ, пользуясь для нихъ древними семейными мемуарами и изображеніями предковъ (стр. 269). Древнѣйшими изъ этихъ лѣтописцевъ или анналистовъ были: Кв. Фабій Пиктор̀ъ (родился около 254 г. до Р. Хр.) и Л. Цинцій Алиментъ.

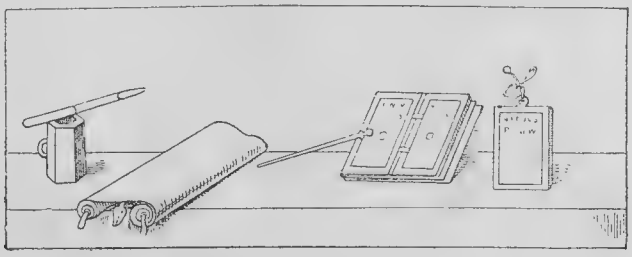
М. Порцій Катонъ. Гораздо важнѣе ихъ былъ первый историкъ, писавшій по-римски и зоркимъ глазомъ вникавшій въ

КАТОНЪ.
Античное изваяніе въ Латеранскомъ музеѣ въ Римѣ.

прошлое и настоящее, М. Порцій Катонъ, столь часто уже упоминавшійся, безъ сомнѣнія наиболѣе значительный римскій прозаикъ второго вѣка до Р. Хр. Онъ написалъ во вторую половину своей долгой жизни свои „Начала“ (Origines), которыя столько-же отличаются отъ однообразныхъ таблицъ понтификовъ, сколько и отъ греческихъ писаній старшихъ анналистовъ. Онъ не довольствовался записываніемъ того, „какъ часто дорожала пшеница и происходили солнечныя и лунныя затменія“, но разсматривалъ происхожденіе Рима и прочихъ италійскихъ общинъ, ихъ древнѣйшую исторію, показывалъ затѣмъ, какъ отъ сростанія этихъ общинъ образовалось римско-италійское союзное государство, и довелъ его исторію до лузитанской войны претора Гальбы (149 г.); заканчивался этотъ трудъ рѣчью, произнесенной имъ за нѣсколько недѣль до его смерти и направленной противъ этого безстыднаго грабителя, который, нарушая договоръ, велѣлъ перебить или превратить въ рабовъ 6,000 испанцевъ. Сколько незамѣнимыхъ извѣстій о древнѣйшей исторіи Рима погибло для насъ вмѣстѣ съ этимъ именно трудомъ, это видимъ мы изъ его скудныхъ остатковъ.

Обстоятельство, что именно трудъ Катона такъ выгодно отличался отъ прочей исторіографіи его времени, обусловливалось личностью этого достопочтеннаго мужа. Если мы раньше (стр. 312.) видѣли въ Аппіѣ Клавдіѣ Слѣпомъ идеальную фигуру цвѣтущаго древне-римскаго времени, то Катонъ является героемъ умирающаго старо-римства въ борьбѣ съ наступающимъ на всѣхъ поприщахъ эллинизмомъ. Это не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, будто Катонъ не имѣлъ никакого понятія о великихъ и благородныхъ сторонахъ греческой жизни, о греческомъ языкѣ и литературѣ,— вѣдь онъ еще на старости лѣтъ учился греческому языку, читалъ Гомера и Ѳукидида и имѣлъ сношенія съ историкомъ Полибіемъ,— но онъ не хотѣлъ жертвовать хорошими чертами римской самобытности: простотой образа жизни, строгой властью отца въ семьѣ, республиканской самоотверженностью, уваженіемъ къ предкамъ, традиціей и закономъ, жертвовать ими въ пользу односторонняго удивленія и подражанія всему греческому. Явно враждебно—и по праву—относился онъ къ греческой изнѣженности и преувеличенной утонченности жизни, прежде всего къ ордѣ греческихъ философовъ, риторовъ, художниковъ, врачей,

секретарей, лакеевъ, торговцевъ и падувателей всякого рода, прямо-таки наводнившихъ Римъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ средоточіемъ міра, совершенно такъ, какъ многіе нѣмецкіе дворы XVIII столѣтія наводнены были французами и итальянцами. Отсюда его противоборство „царскимъ замашкамъ“ Сципіоновъ, (стр. 504), его вражда къ греческимъ царямъ (стр. 524), но также и его борьба противъ безнравственности и вѣроломства, гдѣ только они брали верхъ въ общественной жизни (стр. 527). Его дѣятельность, направленная къ сохраненію римской самобытности и національныхъ италійскихъ добродѣтелей, проявилась естественно и въ его сочиненіяхъ. Катонъ подвинулъ впередъ практическую философію и житейскую мудрость своими „Наставленіями

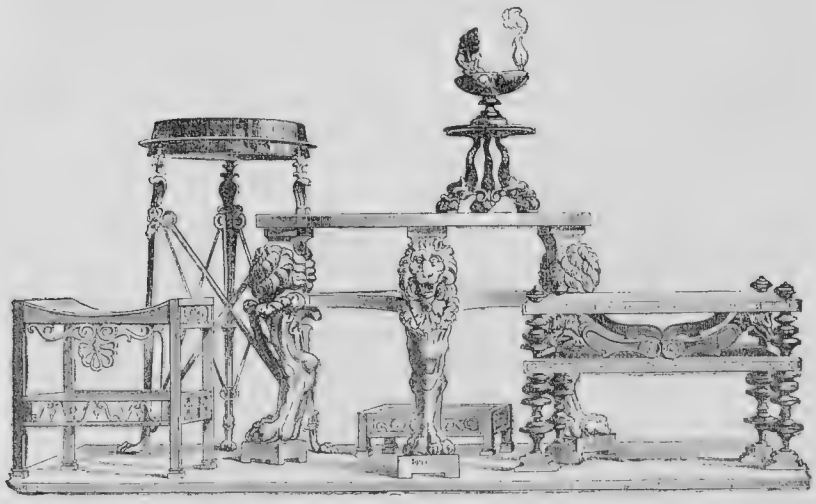


Чернильница, свитокъ и т. д.

для сына“ (praecepta ad filium), сельское хозяйство—книгой „о сельскомъ хозяйствѣ“ (de re rustica) и наконецъ искусство краснорѣчія—записью произнесенныхъ имъ въ сенатѣ рѣчей.

Письменныя принадлежности и книги. Матеріалъ, на которомъ и которымъ писались произведенія литературы, съ теченіемъ времени испыталъ много перемѣнъ. Въ древнѣйшее время писали на холстѣ или лыкѣ. Затѣмъ вошли въ обычай деревянныя, покрытыя воскомъ дощечки, на которыхъ писали грифелемъ (stilus), только съ внутренней стороны; затѣмъ онѣ складывались по-двѣ вмѣстѣ и связывались, чтобъ письмо не стиралось. Такими двойными письменными дощечками (диптихами), которыя послѣ употребленія можно было выгладить утолщеннымъ концомъ грифеля и снова пустить въ ходъ, пользовались для письменныхъ упражненій въ школѣ, но на нихъ писались въ особенности

письма и договоры. Вскорѣ въ торговлѣ появилось и свернутое и выглаженное лыко папируса, растущаго въ Египтѣ, а также и въ низменностяхъ около Сиракузъ. Небольшія полоски его, изящно сложенныя, служили бумагой для писемъ, на болѣе крупныхъ свиткахъ писались болѣе объемистыя произведенія, напр. театральныя пьесы. Сохранившіяся до насъ пьесы Плавта наполняли по крайней мѣрѣ 21 такой свитокъ. Для чтенія надо было свитокъ развернуть, что́ дѣлалось посредствомъ полыхъ палочекъ (cornua, umbilici), укрѣпленныхъ на концахъ и часто



Мебель: столы и столовыя украшенія, сидѣнья и скамейки.

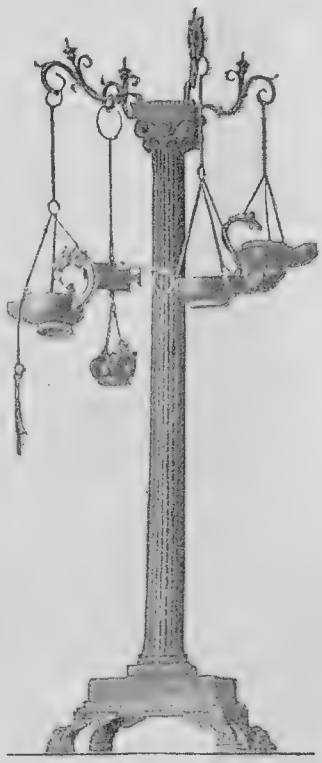
весьма изукрашенныхъ. Наконецъ, къ срединѣ свитка прикленвалась выступающая полоска (sittybum) съ обозначеніемъ заглавія.

Важное для книжнаго дѣла изобрѣтеніе было сдѣлано въ Пергамѣ около 180 г. до Р. Хр.: приготовленіе изъ кожи животныхъ писчаго матеріала, такъ называемаго пергамента. Онъ былъ дороже папируса, но и прочнѣе. Пергаментъ могъ исписываться съ обѣихъ сторонъ и поэтому складывался въ четвертую долю листа, листы сшивались и страницы нумеровались. Черезъ соединеніе многихъ пергаментныхъ листовъ получался томъ (codex), теперь еще обычная форма книги. На бумагѣ, какъ и на перга-

ментѣ писали черными чернилами (atramentum) посредствомъ пера, вырѣзаннаго изъ тростника (calamus). Для надписей и заглавій большей частью употреблялись красныя чернила.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ, ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО И АРХИТЕКТУРА.

ВЪ общемъ житейскія обстоятельства римлянъ не благопріятствовали высшему развитію ремесленной дѣятельности, не говоря уже объ изобразительномъ искусствѣ. Еще въ вѣкъ Пуническихъ войнъ царила именно у зажиточныхъ семей система замкнутаго хозяйства, высшій принципъ котораго—производить по возможности все нужное въ самомъ имѣніи и покупать только самое необходимое, потому что, по воззрѣніямъ старика Катона, все то, безъ чего можно обойтись, „всегда на грошъ слишкомъ дорого“. Правда, позднѣе, въ вѣкъ войны съ Персеемъ, вмѣстѣ съ богатствами, стекавшимися въ Италію, росло денежное хозяйство, взамѣнъ натуральнаго, и въ это-то время значительно возросла и ремесленная и художественная дѣятельность въ Римѣ; одновременно съ тѣмъ и произведенія греческаго искусства и греческаго ремесла, увезенныя изъ Пеллы (168 г.), Карѳагена и Коринѳа (146 г.), служили для римлянъ образцами, подстрекавшими ихъ къ подражанію. Кромѣ того, въ Италію переселились, либо рабами, либо свободными людьми, тысячи грековъ, которые своими знаніями и способностями оплодотворили италійскую промышленность и искусство въ еще



Бронзовый кандѣлябръ.

степени, нежели это было до тѣхъ поръ. Такимъ уже во II вѣкѣ до Р. Хр. мы находимъ въ Римѣ, какъ и въ другихъ мѣстностяхъ Италіи, множество скульптурныхъ издѣлій изъ дерева, бронзы, серебра и золота, глины и камня. На болѣе крупныя работы, напр. статуи, которыхъ уже во времена Катона было много на Капитоліѣ и на общественныхъ мѣстахъ, часто было заказчикомъ государство, чрезъ посредство цензоровъ или эдиловъ, но гораздо многочисленнѣе были произведенія художественной промышленности, которыя уже тогда считались необходимымъ украшеніемъ жилищъ знати.

Бронзовые канделябры и лампочки для масла.

Мебель и домашняя утварь. Мебель: кресла безъ спинокъ и стулья съ ручками, столы, софы для чтенія и ѣды, кровати представляли красивое соединеніе драгоцѣннаго дерева тонкой обработки и тщательно отлитой и вычеканенной затѣмъ бронзы. Въ особенности ножки скамеекъ и столовъ представляли богатыя металлическія работы, а столовыя доски въ знатнѣйшихъ домахъ были изъ цитроваго дерева, изъ благовоннаго дерева, растущаго у Атласскихъ горъ. Особенно тонкой работы были и парадные столы (abaci), на которыхъ устанавливались домашнія драгоцѣнности. Далѣе были: шкапы (armaria) для храненія изо-

браженій предковъ, украшенные рельефами, цилиндрической формы ящички для украшеній (cistae), подобные вышеупомянутой Фикороновой цистѣ изъ Пренесте (стр. 290), бронзовыя коробки для книгъ (scrinia), а прежде всего освѣтительные предметы въ крайне разнообразномъ исполненіи, начиная отъ простой масляной лампочки изъ бурой или красной глины до драгоцѣннаго бронзоваго канделябра со многими ручками, и переноснаго фонаря, который, за отсутствіемъ стеколъ, защищался отъ дуновенія вѣтра роговыми окошками или кусочками холстины, пропитанной масломъ. Имѣлись также жаровни и передвижныя печки изъ бронзы. Между войной съ Ганнибалломъ и третьей Пунической глиняная столовая посуда въ знатныхъ домахъ почти всюду была вытѣснена серебряной посудой для ѣды и питья, которая раньше попадалась только въ видѣ исключеній. Сюда входили не только серебряныя тарелки и серебряные приборы, но прежде всего большія тяжелыя серебряныя блюда, вѣсомъ до 100 фунтовъ, для подаванія кушаній; далѣе сосуды для питья въ видѣ чашъ (patera), кубковъ (scyphus, cantharus) и роговъ для питья, затѣмъ сосуды для разбавленія вина (crateres), сосуды для черпанія (cyathus) и, наконецъ, даже умывальная утварь, относившаяся за столомъ (см. ниже).

Для собственно хозяйственныхъ сосудовъ, какъ то: горшковъ для варки пищи, сосудовъ для храненія вина, масла или зерна, обычнымъ матеріаломъ оставалась глина. Изготовлялись глиняныя бочки (dolium) такой величины, что въ нихъ свободно помѣщался одинъ человѣкъ. Меньшихъ размѣровъ была амфора, глиняный сосудъ съ двумя ручками, книзу остроконечный, такъ что могъ зарываться въ песчаный полъ погреба. Такіе глиняные хозяйственные и запасные сосуды изготовлялись издревле въ гончарняхъ города Рима; но болѣе тонкій товаръ и въ особенности сосуды, на греческій ладъ расписанные или украшенные рельефами, получались по большей части изъ Этруріи, въ особенности изъ Арретія.

Обломки этихъ сосудовъ, найденные во время раскопокъ въ самомъ Ареццо, имѣютъ коралловый цвѣтъ и рельефы. Въ бассейнѣ рѣки По были знамениты гончарни Мутины, производившей также черныя чаши и кубки. Наряду съ этимъ въ большомъ ходу была самосская посуда (vasa Samia), отличавшаяся

тонкими стѣнками и хорошей глазурью; она изготовлялась не только въ Самосѣ, но и въ Италіи, по самосскимъ образцамъ, а впослѣдствіи почти во всѣхъ провинціяхъ и заступала мѣсто нашего фарфора.

Матеріи для одежды и туалетныя принадлежности. Матеріи для одежды вплоть до времени Гракховъ производились по большей части въ Италіи; въ большихъ домашнихъ хозяйствахъ рабыни ткали и пряли шерсть, добытую отъ овецъ имѣнія; равнымъ образомъ дома производилось валяніе и крашеніе. Но все-таки больше и больше входило въ обычай покупать болѣе тонкія матеріи. Въ древнѣйшее время лучшими считались тарентскія ткани, выдѣланныя изъ апулійской шерсти и окрашенныя пурпуровой краской, добываемой въ самомъ Тарентѣ. Но во 2 вѣкѣ по Р. Хр. верхне-италійское овцеводство и связанная съ нимъ ткацкая промышленность превзошли тарентинскія. Въ Пармѣ, Мутинѣ и Падуѣ изготовлялись тончайшія шерстяныя матеріи для бѣлыхъ тогъ и туникъ. Холщевая же мануфактура процвѣтала особенно въ этрусскихъ городахъ—Таркviніяхъ и Фалеріяхъ.

По производству туалетныхъ принадлежностей главное мѣсто принадлежало Нижней Италіи. Правда, самыя блестящія, съ прекраснѣйшей гравировкой, металлическія зеркала все еще получались изъ Этруріи; но розы и другіе цвѣты, росшіе около Кумъ, Капуи, Неаполя и Неста, доставляли эѳирныя масла для мазей и благовоній, которыя массами потреблялись любителями бань римлянами. Помпеи составили себѣ репутацію соленіемъ тонкой рыбы (garum).

Такимъ образомъ, на территоріи римскихъ гражданъ и союзниковъ мы видимъ повсюду оживленную дѣятельность промышленности и художественныхъ ремеслъ, но эти занятія, по крайней мѣрѣ на первое время, не были въ состояніи создать зажиточный и видный классъ гражданъ, который могъ бы быть сравниваемъ съ горожанами итальянскихъ и нѣмецкихъ городовъ въ концѣ Среднихъ вѣковъ. Это происходило отъ того, что ремесла и промыслы издавна считались въ Римѣ мало приличными. Вѣдь, по традиціи, всякій, кто занимался какимъ-нибудь промысломъ, лишенъ былъ права исканія должности. Это было связано съ тѣмъ, что ремесленники-рабочіе всѣ почти были рабами, а мастера преимущественно были изъ вольноотпущенниковъ. Еще го-

раздо позже такой разсудительный человѣкъ, какъ Цицеронъ, могъ выставить положеніе, что какая-нибудь мастерская не можетъ быть очагомъ благороднаго образа мыслей, и что земледѣліе—единственный промыселъ, приличествующій римскому гражданину.

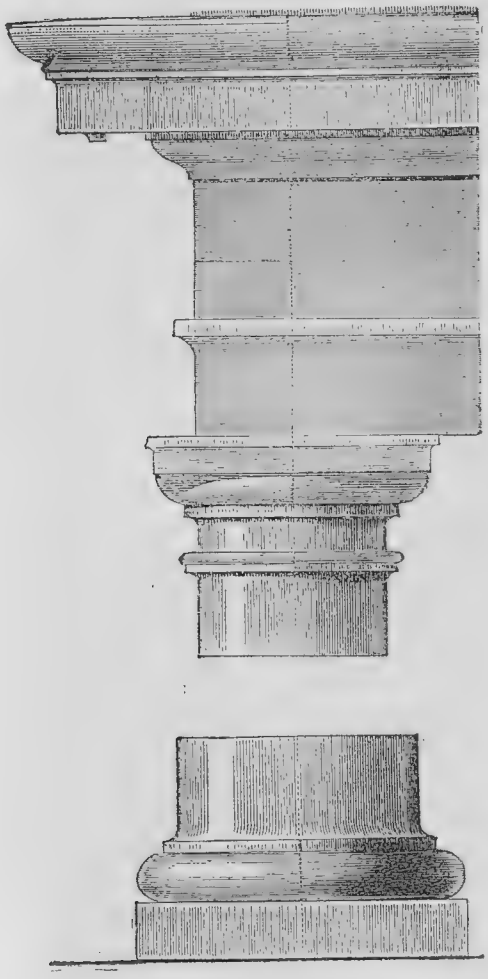
Живопись и ваяніе. Немного выше, хотя далеко не до той степени, какъ у насъ, цѣнилось настоящее изобразительное искусство, при занятіи которымъ мысль о денежной наживѣ отступала на задній планъ. Мы слышимъ о томъ, что отдѣльные римляне высокаго происхожденія занимались живописью; на это указываетъ напр. прозвище анналиста Кв. Фабія—Pictor, т.-е. Живописецъ.

«Засѣвши въ храмѣ и закрывшись покрывалами,
Онъ Ларовъ хороводъ писалъ бычачьимъ хвостомъ».

Такъ поэтъ Невій въ насмѣшку воспѣвалъ живописца Ѳеодота, украсившаго своими изображеніями нѣсколько храмовъ. Въ качествѣ живописцевъ упоминаются также М. Пакувій и Плавтій Ликонъ. Какую цѣну имѣли ихъ картины, объ этомъ нельзя судить, по недостатку точныхъ о нихъ извѣстій; но врядъ ли онѣ имѣли большое значеніе. Вообще римляне не достигли большихъ успѣховъ въ этомъ искусствѣ, равно какъ и въ ваяніи. Извѣстныя намъ имена ваятелей по большей части греческія, а среди немногихъ римскихъ нѣтъ ни одного, которое указывало бы на человѣка знатнаго состоянія.

Архитектура. За то въ произведеніяхъ архитектуры развертывалась могучая сила того духа, который доставилъ римлянамъ господство надъ сушей и моремъ. Постройка дома принадлежала къ самымъ почтеннымъ занятіямъ отца семейства (pater familias), а отдача съ торговъ и руководство общественными постройками считались одной изъ главныхъ обязанностей цензоровъ. Эти сооруженія были велики и удивительны, хотя и не такъ совершенны по своей формѣ, какъ греческія; изъ нихъ мы уже указывали на капитолійское святилище, клоаки, военныя дороги, водопроводы и др. Римляне не только выработали при этомъ технику, равную греческой, но и развили самостоятельно новыя художественныя формы, представляющіяся намъ въ грандіозныхъ остаткахъ ихъ сводчатыхъ построекъ, круглыхъ храмовъ, базиликъ, башенъ, амфитеатровъ и цирковъ.

Тосканскій архитектурный стиль. Въ началѣ обсуждаемаго здѣсь періода обыкновенно примѣнялся этрусскій или тосканскій архитектурный стиль, который однако мало-по-малу получилъ своеобразное развитіе. Для храмовъ сохранялась форма немного продолговатаго прямоугольника, но за то старались приводить пропорціи и расчлененія все въ болѣе и болѣе изящное равновѣсіе. Колонны въ ихъ базѣ, стержнѣ и капители становились красивѣе, высокій пьедесталъ украшался богаче, безобразные выступы и высота кровли, равно какъ несимметрическій подъемъ фронтона немного уменьшались, а концы балокъ надъ архитравомъ замѣнены фризомъ. Правда, древнія зданія, какъ храмъ капитолійскихъ божествъ (Юпитера, Юноны, Минервы) съ его тремя cellae и портиками, образованными изъ трехъ рядовъ колоннъ, сохраняли свою древнюю форму. Менѣе крупныя зданія этого стиля, а также многія съ преимущественно греческими формами, были простыми простилями, т.-е. имѣли съ лицевой стороны одинъ только рядъ колоннъ. Другого стиля, совершенно своеобразнаго, былъ храмъ



Этрусская колонна

Согласія, построенный Камилломъ (стр. 200) у сѣвернаго края Форума, гдѣ подымается Капитолійскій холмъ. Посредствомъ мощнаго фундамента была получена квадратная площадь, сѣверная половина которой была занята поперечной cella въ формѣ прямоугольной залы, тогда какъ на южной половинѣ находился гораздо болѣе узкій портикъ съ шестью колоннами съ лицевой стороны. Съ Форума вела лѣстница въ это великолѣпное святилище, въ которомъ часто собирался сенатъ. Непосредственно за нимъ возвышались величественныя стѣны, поддерживавшія вторую террасу. На послѣдней стоялъ и еще нынѣ стоитъ рядъ аркадъ; онѣ составляли фасадъ табуларія, въ обширныхъ помѣщеніяхъ котораго находился государственный архивъ.

Дорійская колонна римлянъ.

Дорійскій архитектурный стиль. Часто уже въ этомъ періодѣ примѣнялся греческій стиль, и притомъ прежде всего дорійскій, во многихъ отношеніяхъ совпадающій съ тосканскимъ. Но римляне произвели въ немъ немало измѣненій, отвергавшихся греческимъ чувствомъ прекраснаго. У аѳинскаго Парѳенона дорійская колонна воздымалась кверху просто и величаво, обозначая собой энергическую силу; римляне прибавили къ ней расчлененную базу; они повысили стержень колонны, равно какъ и фризъ, тогда какъ вышина архитрава была сокращена. Такія пропорціи

имѣлъ между прочимъ храмъ Квирина, который былъ выстроенъ, правда, гораздо позднѣе, лишь при Августѣ, и вѣнчалъ Квиринальскій холмъ. Онъ былъ дипте́ръ, т.-е. окруженная двумя рядами колоннъ постройка; двойные портики его имѣли 76 колоннъ, и онъ состоялъ въ числѣ великолѣпнѣйшихъ зданій Рима.

Іонійская колонна у римлянъ.

Іонійскій архитектурный стиль; базилика. Нѣсколько храмовъ въ Римѣ и его окрестностяхъ показывали, далѣе, примѣненіе іонійскаго стиля. Сюда принадлежитъ небольшое святилище въ Тиволи, развалины котораго сохранились понынѣ. Это былъ псевдопериптеръ, т.-е. храмъ, сѣни котораго покоились на одномъ рядѣ колоннъ, а продольныя стороны были декорированы не цѣльными, открыто стоящими колоннами, но плотно сложенными полуколоннами. Двойной рядъ колоннъ въ сѣняхъ имѣлъ храмъ такъ называемой Fortuna Virilis и храмъ Сатурна на Форумѣ, въ которомъ находилась государственная казна (aerariun) и служебное помѣщеніе квесторовъ. Впрочемъ изъ сохранившихся еще

остатковъ явствуетъ, что римскіе мастера отступали отъ чисто іонійскаго стиля. Въ особенности менѣе тщательно исполнялись спиральныя линіи волютъ, укороченный архитравъ трижды раздѣлялся горизонтальными линіями и допускалось еще много отступленій, ничуть не содѣйствовавшихъ украшенію. Часто примѣнялся іонійскій стиль внутри построекъ. Тутъ іонійская колоннада обыкновенно служила базой для коринѳской, помѣщавшейся надъ первой. Черезъ это надъ первой возникала галлерея, къ которой вели лѣстницы. Такое устройство имѣли порою и базилики. Первоначально подъ этимъ выраженіемъ понимались простыя залы въ уровень съ землей. Вначалѣ онѣ служили мѣстами собраній для народа, особенно для дѣловыхъ и торговыхъ людей, а затѣмъ туда перенесли также трибуналы преторовъ и другихъ магистратовъ, и именно въ дугообразныя или полукруглыя ниши, расположенныя противъ входа. Впослѣдствіи эти зданія стали

Коринѳская колонна изъ храма Юпитера-Статора въ Римѣ.

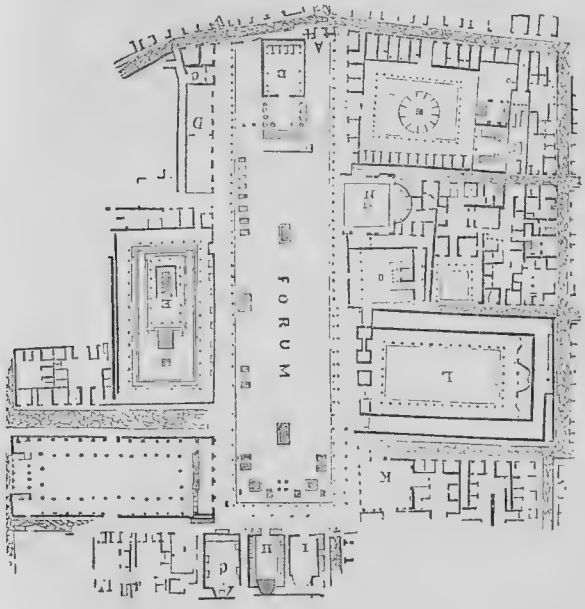
крупнѣе и грандіознѣе, но они сохранили свою прямоугольную форму и составляли или только одну залу, поддерживаемую могучими столбами, или же внутреннее пространство дѣлилось колоннами по длинѣ на три или, при болѣе крупныхъ постройкахъ, на пять „кораблей“. Возвышенный трибуналъ иногда возводился и въ формѣ полукруга, прерывавшаго одну изъ узкихъ сторонъ.

Храмъ Фортуны въ Пренесте; римско-коринѳская колонна. Далѣе употреблялись разнаго стиля колонны въ такихъ храмахъ, которые строились уступами на какой-нибудь возвышенности. Такого рода былъ описанный храмъ Согласія, надъ которымъ высились аркады табуларія. Но этотъ храмъ превзойденъ былъ постройками въ Пренесте, остатки которыхъ еще понынѣ возбуждаютъ удивленіе. Громадныя террасы возвышались одна надъ другой, до полувысоты горы. Средняя изъ нихъ покоилась на такъ называемыхъ циклопическихъ стѣнахъ, принадлежа такимъ образомъ къ древнѣйшему времени. Эти постройки впослѣдствіи были расширены какъ книзу, такъ и кверху. Стоитъ себѣ представить видъ, которымъ наслаждался путникъ, проходившій по военной дорогѣ у подошвы горы. Здѣсь храмовая постройка начиналась съ величественной аркады, поддерживаемой пилястрами. Надъ нею поднимались стѣны, поддерживавшія террасу, которая была украшена нѣсколькими бассейнами, группами деревьевъ и строеніями. Широкая лѣстница вела, далѣе, на вторую площадку, середину которой занимали два зданія, соединенныхъ крытой колоннадой. Подобныхъ террасъ, украшенныхъ архитектурными произведеніями, было пять; наконецъ на самомъ верху, полукруглая лѣстница вела въ храмъ Фортуны, блестящія колонны котораго высились надъ всей постройкой.

Хотя отъ самаго храма и ничего не осталось, можно однако заключить, что онъ былъ снабженъ богатѣйшимъ архитектурнымъ украшеніемъ,—коринѳскими колоннами, которыми римляне почти всегда пользовались для своихъ роскошныхъ построекъ. Въ самомъ дѣлѣ, коринѳскій стиль особенно былъ пригоденъ для архитектуры, стремившейся произвести эффектъ грандіозностью массы и формъ; римскіе мастера съумѣли дать этому стилю развитіе, соотвѣтствовавшее намѣченной цѣли. Капители они давали форму стройной чаши, изъ которой выдавались два или три ряда листьевъ съ изящно вырѣзанными, надвисшими кончиками. Сюда

ВНУТРЕННІЙ ВИДЪ ХРАМА ЮПИТЕРА-СТАТОРА.

прибавляли они цвѣты и небольшіе завитки (волюты, улитки), которые окружали и, подобно мягкимъ подушкамъ, поддерживали вырѣзанный дугою абакъ (верхнюю плитку). Фризъ снабжался богатой рѣзьбой, карнизъ—зубцами и изящно обработанными модильонами. Въ позднѣйшее время съ листьями капители соединялись разработанныя іонійскія волюты, что, правда, являлось уже излишнимъ украшеніемъ.

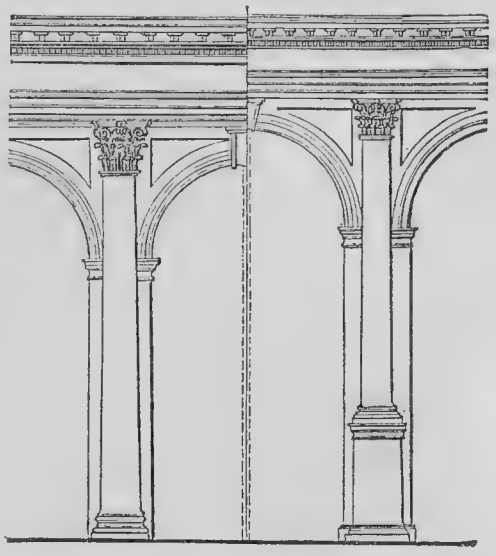


Помпейскій Форумъ въ позднѣйшую эпоху.

Куріи и рынки. Не менѣе художественными постройками были куріи, въ которыхъ собирался сенатъ. Такихъ курій въ Римѣ не сохранилось; но по всему вѣроятію онѣ похожи были на храмъ Согласія, выше нами описанный. Curia Hostilia лежала у Римскаго Форума; вошло вообще въ обычай помѣщать такіе дворцы для собраній у общественныхъ площадей. Кромѣ большого Форума, средоточія политической жизни, въ Римѣ, въ виду роста населенія, сочли нужнымъ устраивать другіе форумы. Эти позднѣйшія рыночныя площади устраивались согласно архитектурнымъ правиламъ. Скупали дома, занимавшіе предназначенное для рынка пространство, сносили ихъ, площадь выравнивалась въ формѣ продолговатаго прямоугольника и окружалась портиками, храмами и другими величественными, роскошными постройками. Рынки масляный, скотный и овощной, конечно, не были такъ богато украшены.

Вмѣстѣ съ расширеніемъ римскаго господства и съ повсе-

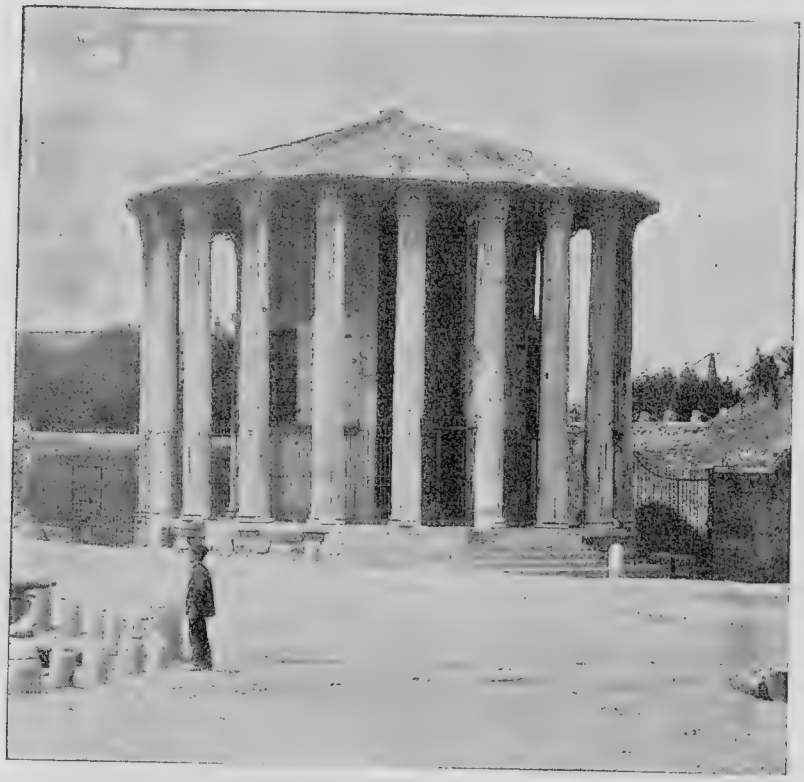
мѣстнымъ распространеніемъ римской культуры, закладывались форумы и въ другихъ городахъ, особенно въ греческихъ городахъ южной Италіи. Они составляли средоточіе городского движенія; по образцу римскихъ, они окружались портиками и общественными зданіями; украшались статуями, колоннадами, храмами и другими роскошными постройками; здѣсь были мѣста засѣданій городскихъ магистратовъ, полицейскихъ и судебныхъ властей; здѣсь происходили общественныя игры, торжественныя процессіи, общія собранія и совѣщанія о городскихъ дѣлахъ. Въ раскопанномъ городѣ Помпеяхъ для насъ сохранился такой форумъ, планъ котораго мы здѣсь прилагаемъ. На немъ A обознаетъ главный входъ, B—храмъ Юпитера, C—тюрьму (?), D—магазины (?), E—храмъ Аполлона, F — большую базилику, G H I—три куріи для декуріоновъ (городского совѣта), дуумвировъ (судей) и эдиловъ (полиціи), K—школу (?), L—торговую галлерею для шерстяныхъ товаровъ, M—храмъ Меркурія, N—курію, O—большую галлерею для торговли лѣсомъ и рыбой.



Два вида аркадъ (римскаго устройства).

Сводчатыя и арочныя постройки. Особенность римской архитектуры, заимствованная ими не у грековъ, а у этрусковъ, заключается въ сводахъ. Первоначально они пользовались ими при устройствѣ воротъ, мостовъ и водопроводовъ; но позднѣе они весьма охотно примѣняли своды и арки также при монументальныхъ постройкахъ. У храмовъ съ прямоугольнымъ планомъ кровля въ видѣ коробового свода простиралась надъ портикомъ и cella, внутренность обыкновенно съ передней стороны была украшена колоннами, а съ продольныхъ—полуколоннами. Но начали стро-

ить также круглые храмы, которые преимущественно были посвящены Вестѣ и Діанѣ, равно какъ Геркулесу и Меркурію. Такіе храмы имѣлись двухъ родовъ. Зданія перваго рода покоились на кругломъ фундаментѣ, нѣсколькими ступенями подымав-



РИМЪ.

Площадь Bocca della Verità съ мнимымъ храмомъ Весты.

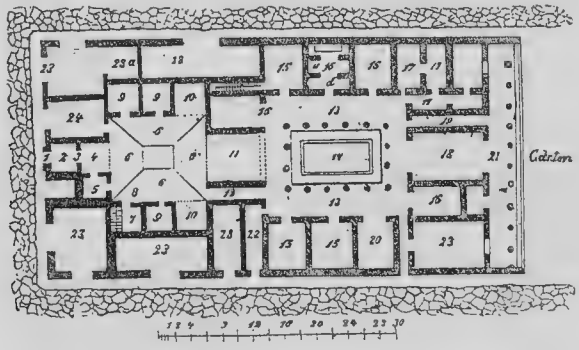
шемся надъ землей. На этой базѣ устанавливались, въ видѣ круга, колонны, поддерживавшія кровельныя балки. Непосредственно надъ ними возвышалась куполообразная крыша, средину которой украшалъ цвѣтокъ или другой какой-нибудь орнаментъ. Такое святилище, называвшееся моноптеръ, внутри раздѣлялось

только рѣшетками, а не стѣнами; поэтому статуя почитаемой богини, установленная по срединѣ строенія, видна была со всѣхъ сторонъ.

ПОМПЕЙ.
Видъ города съ Везувіемъ.

Зданія второго рода круглыхъ храмовъ, къ которому, между прочимъ, принадлежало святилище Весты близъ Форума, имѣли болѣе крупные размѣры. Они также покоились на кругломъ фун-

даментѣ, и колонны располагались подобнымъ-же образомъ. Но колоннадой было окружено не открытое пространство, а круглая стѣна целлы, уже декорированная красиво дверью и двумя окнами. Кровля надъ карнизомъ мягкими линіями переходила въ куполъ, вѣнчавшій целлу и все строеніе. Такой круглый храмъ назывался периптеръ. Въ Тиволи, на рѣкѣ Аніо, древнемъ Тибурѣ, сохранился образецъ такого архитектурнаго стиля. Тамъ довольно хорошо уцѣлѣло десять колоннъ отъ святилища Весты, куда нѣкогда стекались на богомолье вѣрующіе римляне. Этотъ, мастерски исполненный, круглый храмъ стоялъ на высокомъ фундаментѣ, украшенномъ карнизомъ. Двадцать коринѳскихъ колоннъ окружало

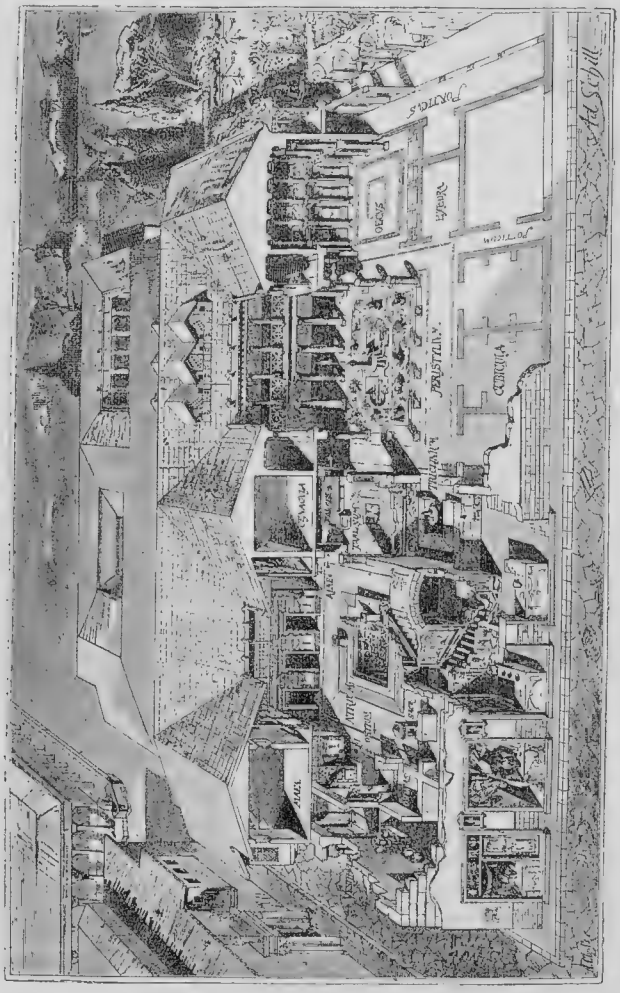


Планъ римскаго нормальнаго дома (средняго состоянія).

овершенно круглую стѣну, которою было замкнуто внутреннее помѣщеніе храма и которая выдавалась надъ примыкающей къ нему крышей портика. Отъ карниза, которымъ она заканчивалась, легко вздымался кверху куполъ съ тщательно разработанными украшеніями.

Римскій домъ. Возрастающая утонченность жизни въ связи съ прогрессирующимъ развитіемъ архитектуры становилась замѣтной и въ устройствѣ и украшеніи жилищъ зажиточныхъ и богатыхъ семействъ; во II вѣкѣ по Р. Хр. возникъ, чрезъ расширеніе болѣе древняго простого жилища (стр. 295), тотъ какъ красиво, такъ и уютно устроенный домъ римскаго гражданина, который точнѣе всего извѣстенъ намъ по многочисленнымъ помпейскимъ образцамъ. Мы прилагаемъ здѣсь планъ такого дома. Черезъ дверь (ostium 1) входили въ сѣни (vestibulum 2), затѣмъ

черезъ переднюю (4), къ которой справа примыкала комната привратника (ostiarius 3), попадали въ атрій (6), снабженный бассейномъ (impluvium) посрединѣ и окруженный съ боковъ го-



РАЗРѢЗЪ ПОМПЕЯНСКАГО ДОМА.

стиными (7) и другими боковыми комнатами (alae 5). Изъ угла атрія вела лѣстница въ верхній этажъ. Тамъ находились комнаты для прислуги. За занавѣсомъ (8), который весьма часто, ради красивой перспективы раскрывался, былъ tablinum (11), рабочій кабинетъ

хозяина дома; но чтобы имѣть сообщеніе съ задними частями дома, не пользуясь tablinum, туда проводились одинъ, а иногда и два корридора (fauces 9). Этотъ корридоръ велъ во внутренній дворъ, окруженный колоннами (peristylium 12). Перистиль есть галлерея бо́льшихъ размѣровъ, чѣмъ атрій, которому онъ впрочемъ соотвѣтствовалъ по формѣ. Тогда какъ атрій служилъ пріемной залой и въ своихъ alae заключалъ гордость дома, изображенія предковъ (imagines), перистиль преимущественно предназначался для надобностей семьи. Открытый по срединѣ потолокъ былъ поддерживаемъ кругомъ колоннами, окружавшими водоемъ съ фонтаномъ (piscina). Вокругъ этого двора находились частные покои семьи (14, 15, 16), среди нихъ одинъ состоялъ изъ уборной и спальни съ алковомъ для хозяина дома. Справа у перистиля, по направленію къ саду, находилась столовая (triclinia 14), въ которой съ трехъ сторонъ были расположены каменныя обѣденныя софы (lecti). Къ ней примыкала большая гостиная зала (oecus 17), изъ которой, равно какъ изъ прохода (18), попадали въ узкій садъ при домѣ, украшенный колоннами.

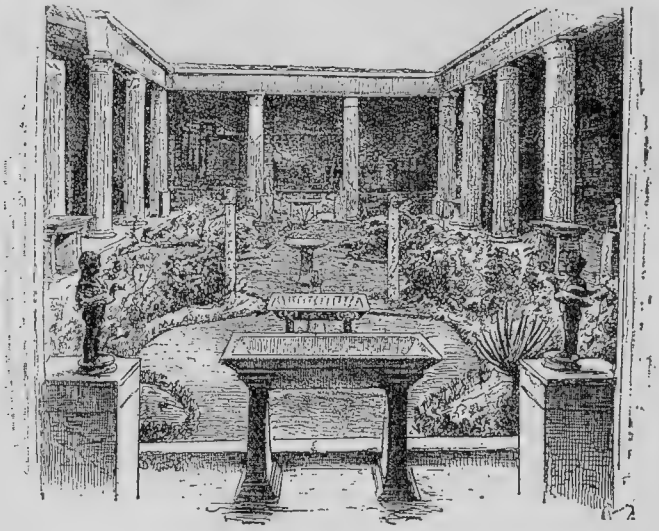
Задняя часть дома по направленію къ саду замыкалась портикомъ. Изображенный нами римскій домъ фасадомъ и боками выходитъ на улицы, на которыя, кромѣ главныхъ дверей (ostium), ведетъ еще другой выходъ, поменьше (posticum 13). Помѣщенія 20 сдавались подъ лавки; передняя изъ нихъ соединялась съ внутренностью дома и могла служить домохозяину для производства его промысла.

Домъ Пансы. Описанныя формы дома оставались въ древнемъ Римѣ постоянной нормой и только, смотря по богатству и положенію владѣльцевъ, домъ расширялся, снабжался смежными постройками и богаче декорировался. Поэтому мы прибавимъ здѣсь краткое описаніе помпейскаго дома, который, какъ гласитъ надпись на главныхъ воротахъ, принадлежалъ эдилу Пансѣ.

Четыре стороны дома Пансы (см. рисунокъ), который сохранился до насъ, замыкаются улицами. Домъ, расположенный такимъ образомъ, назывался обыкновенно островомъ. Входъ ведетъ въ vestibulum, преддверіе, въ мозаичномъ полу котораго цвѣтными камнями выложено слово Salve (Добро пожаловать!). Черезъ дверь входятъ въ переднюю и потомъ въ атрій; послѣдній—тосканскаго стиля, т.-е. крыша, въ которой находится отверстіе,

compluvium, поддерживается перекладинами (а не колоннами, какъ въ другихъ домахъ). За impluvium находится жертвенникъ, гдѣ приносились жертвы пенатамъ. Tablinum, съ мозаичнымъ поломъ, ведетъ въ перистиль, гдѣ принимались интимные друзья. Четыре ряда колоннъ, подпирающихъ открытую крышу, окружаютъ piscina (бассейнъ для рыбы). Возлѣ tablinum была комната, гдѣ принимались знатные друзья; быть можетъ, она предназначалась и для пинакотеки (картинной галлереи). На заднемъ концѣ перистиля, справа, была столовая съ триклиніемъ. Послѣдній образовывалъ четырехугольникъ; передняя сторона его была открыта для того, чтобы рабы могли подавать блюда съ кушаньями и

Cave canem.
Мозаика въ Неаполитанскомъ музеѣ.



CASA DEI VETTI въ Помпеяхъ

напитками. Другія стороны окружены были массивными ложами, которыя покрывались циновками и мягкими одѣялами для обѣдающихъ.

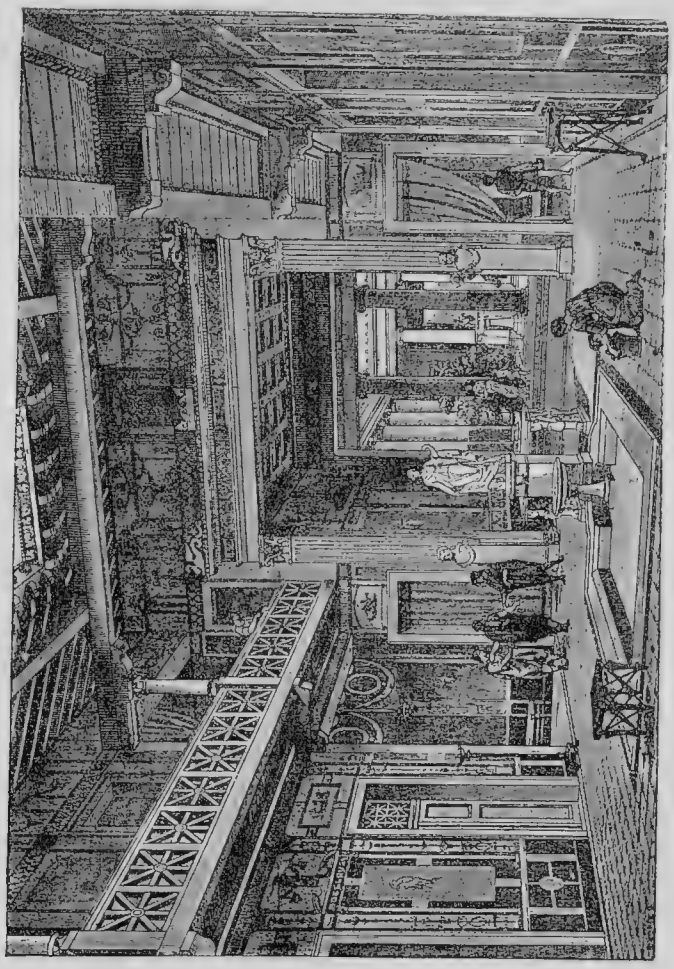
Изъ перистиля попадаешь въ oecus. Послѣдній въ одномъ направленіи съ piscina занимаетъ середину стѣны, поднятъ на двѣ ступени и снабженъ широкимъ окномъ съ видомъ на замыкающую домъ крытую галлерею и садъ. На лѣвой сторонѣ oecus находится проходъ, какъ и на правой сторонѣ атрія, а рядомъ съ нимъ кухня, въ двухъ половинахъ, съ преддверіемъ. Помѣщенныя въ ней низкія каменныя возвышенія служили подставками для готовыхъ блюдъ и кухонной утвари. Въ саду, имѣвшемъ форму правильнаго четырехугольника, въ самомъ крайнемъ углу справа находилась цистерна, а рядомъ съ ней водоемъ.

ПОМПЕИ.
Домъ Трагическаго Поэта.

На трехъ сторонахъ дома, выходящихъ на улицы, находятся, какъ и у описаннаго нами нормальнаго дома, лавки и магазины, которые частью отдавались въ наемъ. Они открыты только снаружи и не связаны съ внутренностью дома; лишь одно изъ этихъ помѣщеній имѣетъ, кромѣ передняго входа, еще дверь въ самый домъ. Здѣсь обиталъ приказчикъ владѣльца, продававшій произведенія хозяйскихъ имѣній: фрукты, вино, масло, полевые плоды, а пожалуй и работы его рабовъ. Помѣщенія на обоихъ углахъ зданія, выходившія на двѣ улицы, сданы были подъ пекарни.

Это видно по помѣщеннымъ здѣсь хлѣбнымъ печамъ, колодцамъ и другимъ принадлежностямъ пекарни. Еще теперь на

продольной сторонѣ зданія, слѣва, видны двѣ, а справа три лавки или наемныя квартиры, не связанныя съ внутренностью дома. Домъ Пансы оставляетъ въ наблюдателѣ впечатлѣніе уютности и обитаемости. Передъ вошедшимъ черезъ главныя двери

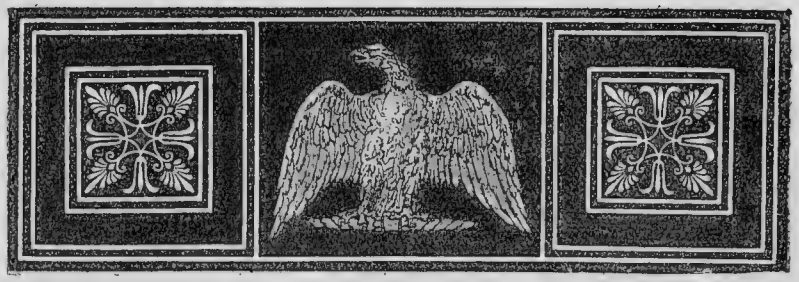


ПЕРЕДНІЙ ДВОРЪ (ATRIUM) ПОМПЕЙСКАГО ДОМА.

въ vestibulum открывалась свѣтлая перспектива на atrium, tablinum и далѣе на колоннаду перистиля и oecus, за которымъ зелень сада составляла отрадно дѣйствующій фонъ. А какъ пріятно было пребываніе въ атріѣ, особенно если потолокъ покоился

на колоннахъ, и прогулка по перистилю, подъ колоннадами, вокругъ бассейна, фонтанъ котораго радовалъ взоръ и освѣжалъ воздухъ! Какъ крѣпителенъ долженъ былъ быть отдыхъ въ смежныхъ, спереди открытыхъ комнатахъ, гдѣ спящаго окружалъ пріятный сумракъ, когда входъ былъ закрытъ занавѣсами! Все было разсчитано на уютность; ни одинъ излишній предметъ не мѣшалъ гуляющему; сидѣнья, софы, триклиніи были почти единственной мебелью; а мозаичный полъ, рѣзьба и веселая стѣнная живопись, вазы, урны, зеркала, а въ спальняхъ изящные этрусскіе ящички для драгоцѣнностей—все это дѣлало пребываніе здѣсь пріятнымъ, какъ для владѣльца, такъ и для посѣтителя.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.



ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА.

ДРЕВНЯЯ ИТАЛІЯ.

стр.

Страна 1

Пространство и положеніе Италіи (1).—Море и береговыя области (2).—Внутренность страны (8).

Народы Италіи и ихъ древнѣйшая исторія 11

Лигуры и этруски (11).—Иммиграція индо-европейскихъ племенъ; древнѣйшая италійская культура (14).—Развитіе этрусской культуры; города и государственное устройство этрусковъ (18).—Изобразительное искусство и торговля этрусковъ (20).—Религія, обычаи и умственная жизнь у этрусковъ (21).—Племенное расчлененіе италиковъ (23).—Латиняне и ихъ культура; древне-латинскія сказанія (26).—Япиги и греки въ Нижней Италіи (29).

РИМЪ ВЪ ЦАРСКІЙ ПЕРІОДЪ.

Основаніе Рима 31

Сказаніе объ основаніи Рима 33

Латинъ и Эней (33).—Потомки Энея (34).—Рея Сильвія, Ромулъ и Ремъ (37).

Нума Помпилій 44

Гротъ Эгеріи (44).—Саліи, феціалы и понтифики (47).—Храмъ Яна; искупленіе молніи (48).

Туллъ Гостилій 50

Куріаціи и Гораціи (50).—Разрушеніе Альбы; кончина Тулла Гостилія (53).

Анкъ Марцій 54

Луцій Тарквиній Прискъ 56

Луцій Тарквиній Приск (56).—Постройки Тарквинія Приска (57).

Сервій Туллій 59

Происхожденіе и возвышеніе Сервія Туллія (59).—Укрѣпленіе власти Сервія Туллія (62).—Государственное устройство Сервія Туллія (64).—Луцій и Арунтъ Тарквиніи; кончина Сервія Туллія (65).

Луцій Тарквиній Гордый (Superbus) 57

Войны съ сабинянами и вольсками (68). — Габіи (69). — Постройки; Капитолійскій храмъ (70). — Сивиллины книги; Л. Юній Брутъ (72).—Лукреція (74).

Культура царскаго періода Рима 77

Городъ Римъ и его область (78).—Расчлененіе римскаго народа: трибы и куріи; знать, плебеи, кліенты (78).—Земледѣліе и скотоводство (81).—Торговля (81).—Ремесло и искусство; греческое вліяніе (84). Военное дѣло (85).—Право и обычай (86). Религія (88).—Божества свѣта и неба: Юпитеръ и Юнона; Янъ и Діана (88).—Марсъ; Квиринъ (89). — Юпитеръ Optimus Maximus; феціалы (91).—Веста и весталки (93).—Богослуженіе (96).—Лары, маны, пенаты (98).

РИМЪ, КАКЪ РЕСПУБЛИКА.

(510—31 г. до Р. Хр.).

Вѣкъ патриційской республики и сословной борьбы (510—366 г. до Р. Хр. 102

Войны по изгнаніи Тарквиніевъ 103

Юній Брутъ (103).—Валерій Попликола, Горацій Пульвиллъ (105).—Порсена (106).—Горацій Коклитъ (107).—Муцій Сцевола (108).—Миръ съ Порсеной; Клѣлія (109).—Апогей этрусскаго могущества и упадокъ его; битвы при Алаліи, Гимерѣ и Кумахъ (109).—Латинская война; битва при Региллькомъ озерѣ (111).

Древнѣйшее республиканское устройство 114

Должностныя лица республики: консулы и квесторы (114).—Сенатъ и патриціи (115). — Народъ и народное собраніе (116).—Диктатура (117).—Сущность римскаго республиканскаго устройства (117).

Борьба плебеевъ за правовую защиту.—Возникновеніе народнаго трибуната. 119

Бѣдственное положеніе плебеевъ; долговое право (118).—Начало сословной борьбы; переселеніе плебса на Священную гору (119).—

Учрежденіе народныхъ трибуновъ (494 г.) (122).—Союзъ съ латинянами и герниками (493 г.) (123).

Гай Марцій Коріоланъ 126

Походъ Коріолана на Римъ (128).—Римскія женщины передъ Коріоланомъ (130).

Аграрный законъ Спурія Кассія 131

Государственная земля (ager publicus) (131).—Аграрный законъ Спурія Кассія (486 г.) (132).

Фабіи 133

Внѣшняя и внутренняя борьба при Кезонѣ и Маркѣ Фабіяхъ (133).—Гибель Фабіевъ (136).

Эквы и сабиняне; Квинктій Цинциннатъ 136

Поселенія и образъ жизни сабинянъ и экковъ; Гердоній (136).—Луцій Квинктій Цинциннатъ — диктаторъ (138). — Побѣда надъ эквами (138).

Децемвиратъ 140

Развитіе государственнаго устройства до децемвирата (140).—Учрежденіе децемвировъ (451) (141).—Аппій Клавдій; десять таблицъ (143).—Децемвиры 450 года (144). — Тиранія Аппія Клавдія; война съ сабинянами и эквами (146).—Луцій Сикцій Дентатъ (147).—Процессъ Виргиніи (149).—Смерть Виргиніи (150).—Второй выходъ на Священную гору (153).—Осужденіе Аппія Клавдія (154).—Законы Валерія и Горація (449 г.) (155)—Центуріатскія и трибныя комиціи (157).

Борьба плебеевъ за равенство въ правахъ (449—366 до Р. Хр.).

Законы Канулея 158

Бѣдные и богатые, знатные и простые плебеи (158).—Законы Канулея (159).—Цензоры (161).—Спурій Мелій (163).

Войны съ эквами, вольсками и этрусками 165

Эквы и вольски въ апогеѣ своего могущества (165).—Успѣхи Рима противъ экковъ и вольсковъ (166).—Упадокъ этрусскаго могущества (167).

Борьба съ веями (406—396 до Р. Хр.). Фурій Камиллъ 170

Веи (170).—Пораженіе римлянъ (171).—Голоса боговъ (172).—Завоеваніе Вей (174).—Камиллъ на вершинѣ славы (176).—Споръ изъ-за земли вейцевъ (177).—Изгнаніе Камилла (178).

Галльское нашествіе 179

Родина и передвиженіе галловъ (179).—Сказанія о галльскихъ странствованіяхъ (181).—Вторженіе галловъ въ Этрурію (183).—Походъ Бренна на Римъ; пораженіе на Алліи (387 г.).—Бренпъ въ Римѣ (186).—Смерть бывшаго консула Марка Папирія (187).—Борьба за Капитолій (188). — Диктатура Камилла (190).— Уходъ галловъ (191)—

М. Манлій Капитолинъ 192

Римъ по уходѣ галловъ (192).—Маркъ Манлій Капитолинъ (103).—Смерть Манлія (384) (195)

Законы Лициніи и Секстія 197

Положеніе въ Римѣ послѣ смерти Манлія (197).—Г. Лициній Столонъ и Л. Секстій (197).—Борьба за законы Лициція и Секстія (198).—Содержаніе leges Liciniae Sextiae (200). — Претура и курульное эдильство (203).

Римскія государственныя должности и прекращеніе патриційско-плебейской сословной борьбы. 204

Римскія государственныя должности послѣ leges Liciniae Sextiae (204).—Прекращеніе патриційско-плебейской сословной борьбы (207).

ВѢКЪ ГОСПОДСТВА ПАТРИЦІЙСКО-ПЛЕБЕЙСКОЙ ЗНАТИ
(366—133 до Р. Хр.)

Покореніе Италіи (366—166 до Р. Хр.). Дѣйствія римлянъ противъ латинянъ и герниковъ; войны съ галлами 210

Патриційско-плебейская знать; Титъ Манлій (210). — Смерть Марка Курція (211).—Римляне противъ латинянъ и герниковъ (212).—Новое вторженіе галловъ (213). — Войны съ этрусками (214). — Побѣда надъ кельтами младшаго Камилла; М. Валерій (215).

Первая самнитская и большая латинская война. 216

Мѣста осѣдлости и характеръ сабелльскихъ племенъ (216).—Первая самнитская война (218).—Мятежи въ римскомъ войскѣ: такъ называемое третье удаленіе плебеевъ (342 г.) (220).—Начало латинской войны (340—338 гг.) (221).—Т. Манлій Торкватъ Имперіозъ (223).—Самопожертвованіе Публія Деція Мура (224).—Покореніе мятежниковъ и присоединеніе ихъ области къ римскому государству (226).

Вторая самнитская война 228

Разрывъ между Римомъ и Самніемъ; римскій военный планъ (228).—Л. Папирій Курсоръ и Кв. Фабій Максимъ Рулліанъ (230).—Тщетные переговоры о мирѣ (232).—Оцѣпленіе римлянъ при Кавдіѣ (233).—Сдача (234). — Нарушеніе кавдинскаго договора (235). — Событія 319—312 гг. (236).—Возстаніе этрусковъ (311—308 гг.) (236).—Рѣшеніе и заключеніе мира (241).—Усиленіе римскаго могущества во время мира (241).

Третья самнитская война 242

Новая вспышка враждебныхъ дѣйствій (242).—Соединеніе враговъ Рима въ Умбріи (243).—Битва при Сентинѣ (244).—Послѣдняя борьба самнитовъ за ихъ свободу (246).—Галльская война (248).

Война съ Тарентомъ и Пирромъ, царемъ Эпирскимъ 249

Тарентъ (249).—Поводъ къ войнѣ (252).—Царь Пирръ (254).—Прибытіе эллинскихъ войскъ въ Тарентъ (256). — Битва при Гераклеѣ (257). — Кинея въ Римѣ (258).—Фабрицій (260).—Битва при Аскулѣ (261).—Пирръ въ Сициліи (262).—Побѣда римлянъ при Бенс-

вентѣ (264). — Смерть Пирра (265).—Сдача Тарента (266).—Полное подчиненіе Италіи (267).

Римская государственная и культурная жизнь въ вѣкъ покоренія Италіи. (343—266 до Р. Хр.). Государственная жизнь и государственное право. 268

Возникновеніе нобилитета (268). — Jus imaginum (269).—Leges Publiliae Philonis и Hortensiae (270).—Среднее сословіе (271).—Пролетаріи (272).—Вольноотпущенники и рабы (272).—Римско-италійское союзное государство (273).

Военное дѣло. 276

Лагерь (277).—Римскій боевой порядокъ (279).—Офицеры и унтеръ-офицеры (281).—Войска союзниковъ (282).—Осадныя машины и полевыя орудія (283).—Военная дисциплина и военная служба (284).—Военныя отличія (287).

Гражданскія занятія. Торговля и монетное дѣло 288

Сельское хозяйство (288).—Ремесла и художества (290).—Торговля и монетное дѣло (292).

Строительное искусство 293

Ростъ города (295).—Водопроводы (296).—Постройка дорогъ (297).

Зачатки поэзіи и музыки 299

Зачатки эпической и дидактической поэзіи (300).—Зачатки драматической поэзіи (301).—Музыка (303).

Религія, обычай, право 305

Религія (305).—Воспитаніе и обученіе (306).— Одежда (307).—Обувь (308). — Гражданское право; бракъ (309). — Идеалъ римлянина (311).—Погребеніе мертвыхъ (313).

ВОЗВЫШЕНІЕ РИМА ДО МІРОВОЙ ДЕРЖАВЫ.
(264—133 до Р. Хр.).

Карѳагенъ 317

Финикіяне (317). — Основаніе и сказаніе объ основаніи Карѳагена (319). — Образованіе карѳагенской державы (321).—Карѳагенскія плаванія торговыя и для открытій. Ганнонъ (322). — Городъ Карѳагенъ и его область (323).—Карѳагенское государственное устройство (326).—Военное дѣло карѳагенянъ (327).—Успѣхи карѳагенянъ на о. Сициліи (328).

Первая пуническая война (264—241 гг. до Р. Хр.). 329

Начало войны (329).—Первые годы войны (332).—Постройка римскаго флота; побѣда римлянъ при Милахъ (339). — Регулъ въ Африкѣ (342).—Регулъ побитъ и взятъ въ плѣнъ (345).—Война въ Сициліи (254—249 гг. до Р. Хр.) (348).—Осада Лилибея (350).—Морская битва при Дрепанѣ (351).—Мелкая война въ Сициліи (248—242); Гамилькаръ Барка (353).—Битва при Эгатскихъ островахъ 241 г.

до Р. Хр. (358). — Заключеніе мира (360). — Война съ наемниками; Сардинія и Корсика подъ римской властью (360).—Дальнѣйшее развитіе римскаго государственнаго устройства (361).—Провинціи Сицилія и Сардинія (362).

Война съ иллирійцами и завоеваніе Верхней Италіи 365

Небезопасное положеніе на морѣ (365).—Война съ иллирійскими морскими разбойниками (366).—Галльская война (367).—Теламонъ и Кластидій (368).— Г. Фламиній и римская колонизація въ долинѣ По (370).

Вторая пуническая война. (219—201 до Р. Хр.). 373

Карѳагенъ послѣ 238 г. до Р. Хр. (373).—Гамилькаръ Барка (374).—Гасдрубалъ. Ганнибалъ (376).—Гамилькаръ въ Испаніи (376).—Гасдрубалъ (229—221 гг. до Р. Хр.) (379).—Ганнибалъ (380).—Осада и паденіе Сагунта (383).—Объявленіе войны римлянами (388).—Военный планъ римлянъ и ихъ вооруженія (388).—Военный планъ и вооруженія Ганнибала (389).—Ганнибалъ и Сципіонъ на Ронѣ (390).—Переходъ Ганнибала черезъ Рону (391).—Переходъ черезъ Альпы (392).—Битва при Тицинѣ (399).—Битва при Требіи (403).—Зимнія квартиры Ганнибала въ Верхней Италіи (406). — Битвы въ Испаніи (406). — Вооруженія римлянъ на 217 годъ (407). — Походъ Ганнибала черезъ Апеннины (409).—Битва при Тразименскомъ озерѣ (410). — Дѣйствіе пораженія на Римъ (415).— Кв. Фабій Максимъ Кунктаторъ (416). — Ганнибалъ при Казилинѣ (418). — Походъ 216 г. до Р. Хр. (421).—Битва при Каннахъ (424).—Дѣйствіе пораженія на Римъ (428).—Ганнибалъ послѣ Каннъ (430). — М. Марцеллъ (430).—Отраженіе Ганнибала подъ Нолой (433).—Царь Филиппъ V Македонскій (434). — Сиракузы (434). — Война въ Испаніи (436).—Война въ Сициліи; Сиракузы (437).—Марцеллъ и Архимедъ (439).—Война съ царемъ Филиппомъ Македонскимъ (442).—Война въ Италіи въ 214—211—гг. (443).— Осада Капуи (444).—Ганнибалъ подъ Римомъ (446).—Паденіе Капуи (447).—Взятіе Сиракузъ въ 212 г. до Р. Хр. (448). — Смерть Архимеда (450). — Мутинъ (450).—Испанскій театръ войны. П. Корнелій Сципіонъ (452).—Взятіе Новаго-Карѳагена (455).—Гасдрубалъ отправляется въ Италію въ 208 г. до Р. Хр. (457). — Война въ Италіи 211—207 г. до Р. Хр. (459).—Смерть Марцелла (460).—Кризисъ; М. Ливій Салинаторъ и Г. Клавдій Неронъ (461). — Битва при Метаврѣ (463). — Смерть Гасдрубала Барки (464).—Сципіонъ покоряетъ Испанію (466).—Сципіонъ въ Африкѣ (467).—Нападеніе на карѳагенянъ (470).—Софонизба (471). | Пунические послы въ Римѣ (473).—Возвращеніе Ганнибала (473).—Рѣшительная битва при Замѣ (474).—Заключеніе мира (476). —Сожженіе карѳагенскаго флота (477).

Война съ Филиппомъ Македонскимъ 479

Италія послѣ войны съ Ганнибаломъ (479).—Филиппъ V Македонскій (481).—Первые годы войны (200—198) (482).—Титъ Квинктій

Фламининъ (483).—Пораженіе македонянъ при Киноскефалахъ (486).—Заключеніе мира (487).—Фламининъ, „освободитель“ Греціи (488).

Война съ Антіохомъ въ Азіи 490

Антіохъ III Сирійскій (490).—Карѳагенъ по заключеніи мира (492).—Ганнибалъ въ Эфесѣ (493).—Пораженіе Антіоха (496).—Луцій Корнелій Сципіонъ Азіатскій (498).—Побѣда при Магнезіи (499).—Заключеніе мира (501).—Обвиненіе противъ обоихъ Сципіоновъ (503).—Смерть Сципіона Африканскаго (505).—Смерть Ганнибала (506).—Смерть Филопёмена (506).—Планы Филиппа Македонскаго (507).—Персей и Деметрій, сыновья Филиппа (509).

Война съ Персеемъ Македонскимъ 510

Персей на Македонскомъ престолѣ (510).—Война 171—169 гг. до Р. Хр. (511).—Л. Эмилій Павелъ (515).—Пораженіе Персея при Пидиѣ (516).—Раздѣлъ Македоніи на четыре республики (519).—Тріумфъ Эмилія Павла (519).

Разрушеніе вассальныхъ государствъ. Карѳагенъ 524

Перемѣна во внѣшней политикѣ Рима (524).—Дѣйствія Рима противъ Пергама, Сиріи и Египта (525).—Дѣйствія Рима противъ Родоса и Греціи (526).—Событія, предшествовавшія третьей Пунической войнѣ (527).—Сенатъ рѣшаетъ разрушить Карѳагенъ (529).—Карѳагенъ передъ гибелью (530).—Начало войны (534).—Перемѣна настроенія въ Карѳагенѣ (534).—Первые годы войны (536).—П. Корнелій Сципіонъ Эмиліанъ (537).—Завоеваніе Карѳагена (538).—Взятіе Бирсы (543).—Разрушеніе Карѳагена (544).

Македонія и Греція 545

Македонія становится римской провинціей (545).—Война съ ахеянами (546).—Разрушеніе Коринѳа (548).—Упорядоченіе греческихъ дѣлъ (549)

Испанская война 550

Испанія со времени войны съ Ганнибаломъ (550).—Кончина Виріата (554).—Нумантія (555).—Сципіонъ Эмиліанъ въ Испаніи (556).—Паденіе Нумантіи (557).—Римляне въ Малой Азіи (559).

Внутреннее состояніе Рима во время возвышенія до мірового владычества (264—133 до Р. Хр.). Государственное устройство, народное хозяйство, нравственность 560

Развитіе господства нобилитета (560).—Замкнутость нобилитета отъ народа (562).—Хозяйственный и нравственный упадокъ римскаго народа (563).—Союзническія области (566).—Провинціалы, quaestio perpetua repetundarum (566).

Литература 569

Театры и сцены (570).—Ливій Андроникъ (571).—Виды римскихъ театральныхъ пьесъ (572).—Невій (ум. 207 г. до Р. Хр.) (573).—Кв. Энній (239—168).—Плавтъ (250—184 гг. до Р. Хр. (578).—Теренцій (185—159 гг. до Р. Хр.) (582).—Трагедія. Пакувій и

Акцій (583).—Сатиры Луцилія (585).—Римская исторіографія и спеціальная литература (586).—М. Порцій Катонъ (586).—Письменныя принадлежности и книги (589).

Промышленность, изобразительное искусство и архитектура. . 591

Мебель и домашняя утварь (592).—Матеріи для одежды и туалетныя принадлежности (594).—Живопись и ваяніе (595). — Архитектура (595).—Тосканскій архитектурный стиль (596).—Дорійскій архитектурный стиль (597). — Іонійскій архитектурный стиль; базилика (598). — Храмъ Фортуны въ Пренесте; римско-коринѳская колонна (600).—Куріи и рынки (602).—Сводчатыя и арочныя постройки (603).—Римскій домъ (606).—Домъ Пансы (608).

ИТАЛІЯ

къ началу
второй пунической войны
218 до Р. Х.
составлена
Карломъ Вольфомъ.
Масштабъ 1 : 4 800 000

- Непосредственно римская область (Ager Romanus)
- Латинскія колоніи
- Область союзниковъ
- Свободныя государства въ Сициліи
- ..... Греческія колоніи